
ДЖЕК ВЭНС
ЗВЁЗДНЫЙ КОРОЛЬ
ДЖЕК ВЭНС
ЗВЁЗДНЫЙ КОРОЛЬ
24

ДЖЕК ВЭНС

ЗВЁЗДНЫЙ КОРОЛЬ

фантастические романы

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

ББК 84.7 (США)
В87

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 24

Художник А.В. Вальдман

Вэнс Джек

В87 Звездный король: Фантастические романы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 24. — М.: Центрполиграф, 1993.— 624 с.

Сколь невероятны ни были бы миры, созданные воображением одного из величайших мастеров американской фантастики Джека Вэнса, в них нельзя не поверить. Все эти романы писались с единственной целью — захватить внимание читателя, пленить его каскадом удивительных приключений. И автору это удалось в полной мере.

Классика фантастики, шедевры занимательности.

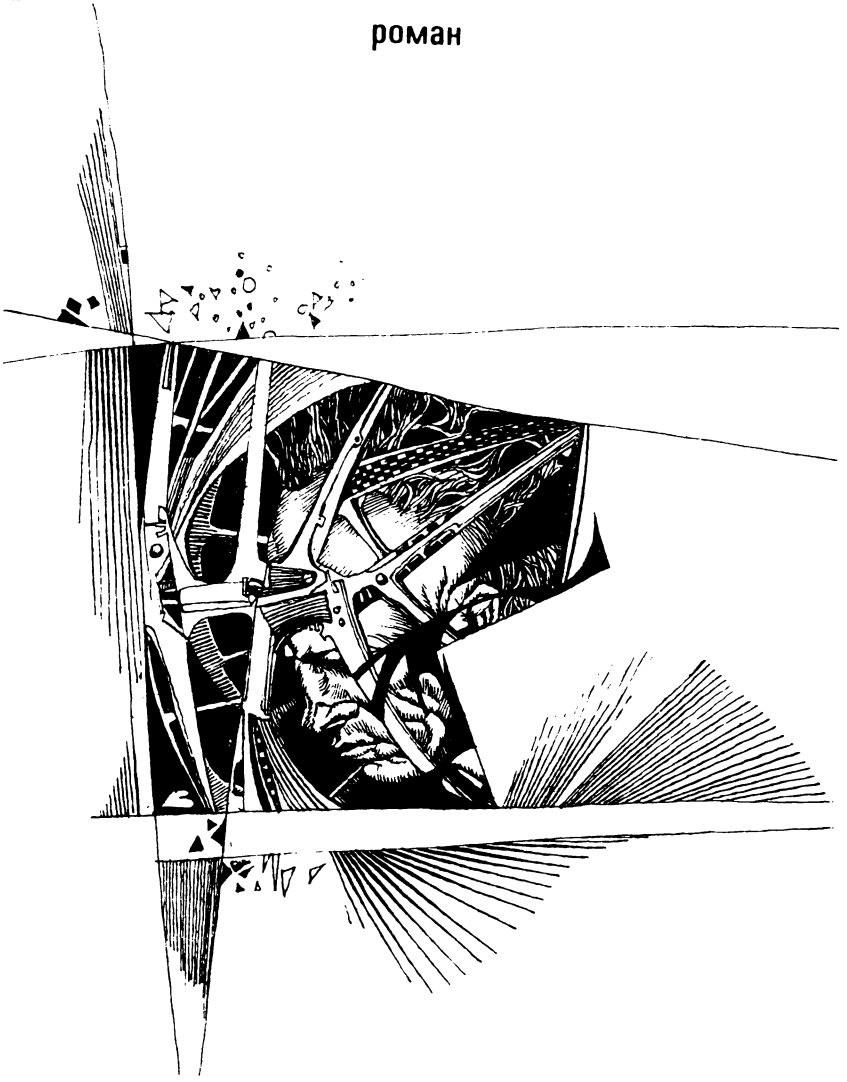
ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0057-6

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1993 г.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

роман

I

1

Кларжес, последний город планеты, растянулся на 30 миль вдоль северного берега реки Шант, неподалеку от места ее впадения в Океан.

Кларжес — древний город. Памятники, дома, таверны возрастом от двух до трех тысяч лет встречались на каждом шагу. Жители города обожали эти связи с прошлым, создававшие у них мистическое ощущение бесконечности жизни. В то же время существование в обществе свободного предпринимательства заставляло их постоянно вводить новшества. В результате Кларжес стал причудливой смесью древности и модерна.

Еще никогда не существовало города, который мог бы сравниться с Кларжесом по величественности и мрачному великолепию. В районе Мерсер горделивые башни возносили стройные шпили к самым облакам, а вокруг них теснились роскошные магазины, театры, великолепные дома. Дальше начинались предместья, производственные районы, которые уходили далеко за горизонт. Красивейшие районы — Балиас, Эрдистон, Вандун, Подоблачный Замок — находились на северных склонах холмов, с юга их омывала река. Все тут кипело жизнью, движением. Миллионы окон отражали солнечный свет, по бульвару мчались машины, в воздухе то и дело проносились аэрокары, авиетки. Мужчины и женщины проходили по улицам с деловым видом, не теряя времени понапрасну.

За рекой лежала Глэйд Каунти — обширная территория, непригодная для жизни. Там не росло ничего, кроме приземистых ив и колючих кустов. Глэйд Каунти не имела никакого права на существование. Однако в нее входили 600 акров, которые занимал Карневаль.

Карневаль! Это поистине драгоценность, пышный цветок на сером, безжизненном фоне Глэйд Каунти. Все 600 акров его территории искрятся жизнью, переливаются яркими красками. В Карневале можно найти всевозможные средства развлечения и увеселения.

Жизнь в Кларжесе определялась деловой активностью людей. Карневаль жил своей собственной жизнью. По утрам там царила тишина. К полудню начинали работать машины по уборке улиц, появлялись редкие прохожие. А вечером Карневаль оживал, трепеща разноцветными

крыльями, как только что появившаяся на свет бабочка. К заходу солнца весь Карневаль был полон жизни, веселья, эмоций.

Вокруг Карневаля проносились кометы-автомобили: Сангрил, Рублон, Голд Глориана, Мистик Эмеральд, Мелантон Ультра-Лазурь, распуская на ходу радужно переливающиеся хвосты яркого света.

В зеркальных окнах павильонов Карневаля вспыхивали мириады разноцветных огней. На улицах, аллеях, бульварах появлялись праздничные толпы веселых людей. Звуки музыки, песен, рулеток, шипенье проносившихся автомобилей-комет, крики зазывал сливались в неумолчный веселый гул.

Ночь шла, и общее опьянение усиливалось. Люди в карнавальных костюмах, масках и полумасках пели, плясали, играли, веселились, забыв обо всем. Празднество близилось к своему пику. Все моральные заслоны и запреты переставали существовать. Веселый смех переходил в истерический хохот, беззаботное пение — в дикий вой. Ночь шла, и люди уставали, костюмы теряли праздничное великолепие, маски открывали потные лица с воспаленными глазами. Мужчины и женщины, сонные, измученные, отправлялись по домам. Обитатели фешенебельных районов и рабочих окраин смешивались в вагонах подземки без всякой зависти друг к другу. Ведь все они приезжали в Карневаль, чтобы забыть о тяготах и заботах обыденной жизни, они приходили сюда тратить деньги, и больше, чем деньги, — они тратили здесь свою жизнь.

2

Человек в медной маске стоял возле Дома Жизни и созывал посетителей. Вокруг его головы светился ореол из символов бесконечности, а на фасаде здания сияло изображение человеческой ладони. Блестящая линия жизни проходила по ней правильной параболой.

Человек в маске кричал:

— Друзья, выслушайте меня! Неужели вам жалко флорина за свою жизнь? Заходите в Дом Жизни! Вы встретитесь с дидактором Монкуром и познакомитесь с его замечательными методами!

Он дотронулся до кнопки, и низкий рокочущий звук заполнил воздух. Его высота и громкость постепенно нарастали.

— Слоп! Слоп! Приходите в Дом Жизни! Предоставьте возможность дидактору Монкуру проанализировать ваше будущее! Ознакомьтесь с его методами! Только один флорин за вход в Дом Жизни!

Высота звука все увеличивалась, переходя в вой, пронзительный свист, и, наконец, звук перешел предел слышимости, оставив после себя ощущение неуверенности, нестабильности. Зато голос человека в медной маске вселял уверенность и спокойствие.

— У каждого человека есть мозг, у всех людей он устроен одинаково. Почему же мы делимся на Брудов, Веджей, Сердов, Вержей и Амарантов?

Он наклонился вперед и заговорил тихо, доверительно:

— Секрет жизни — техника. Дидактор Монкур обучает технике жизни. Разве бесконечность не стоит флорина?

Некоторые прохожие отдавали свои флорины и заходили в Дом. Наконец он наполнился посетителями.

Человек в медной маске сошел с возвышения. Кто-то схватил его за руку. Человек резко повернулся, и схвативший испуганно отскочил.

— Вэйлок! Ты испугал меня. Это я, Бэзил.

— Вижу, — коротко ответил Гэвин Вэйлок.

Бэзил Тинкоп, коротенький, толстый, разодет, как сказочная птица: ярко-желтый пиджак отделан зелеными металлическими полосами, красно-серые платины закрывают ноги, черные перья колышутся вокруг лица, как лепестки. Если Бэзил и заметил недружелюбие Вэйлока, то он начисто игнорирует его.

— Я ждал от тебя известий, — сказал Бэзил. — Я был уверен, что наша последняя беседа...

Вэйлок покачал головой.

— Я не хочу быть замешанным в такое дело.

— Но твое будущее! — запротестовал Бэзил. — Это же парадокс, что ты уговариваешь других позаботиться о своем будущем, а сам остаешься Гларком.

Вэйлок пожал плечами.

— Всему свое время.

— Всему свое время! Проходят драгоценные годы, а твой слоп остается плоским.

— У меня свои планы. Я пока готовлюсь.

— А другие уходят вперед! Плохая политика.

— Хочешь, я открою тебе свою тайну? Ты никому не скажешь ни слова?

Бэзил обиделся.

— Разве я когда-нибудь давал повод сомневаться? За семь лет...

— Один месяц короче семи лет... Через месяц я буду регистрироваться в Бруды.

— Я рад слышать это. Идем, выпьем по стакану вина за твое решение.

— Я не могу сейчас уйти.

Бэзил покачал головой и слегка пошатнулся. Стало ясно, что он выпил.

— Ты удивляешь меня, Гэвин. Семь лет... и вот...

— Почти семь лет.

Бэзил удивленно моргнул.

— Семью годами больше или меньше... Ты все равно удивляешь меня.

— Каждый человек — загадка. Я стараюсь быть проще.

Бэзил пропустил это мимо ушей.

— Приходи к нам, в Балиасский Паллиаторий. — Он наклонился к Вэйлоку, скользнул перьями по его маске. — Я пытаюсь разработать новый метод лечения, — сказал он доверительно. — Если все будет хорошо, то крутой слоп мне обеспечен. Мне хочется расплатиться с тобой, хотя бы частично.

Вэйлок рассмеялся. Маска отозвалась глухим эхом:

— Самый маленький из долгов, Бэзил.

— Ничего подобного! — вскричал Бэзил. — Если бы не ты, где бы я был сейчас? На борту «Ампродекса».

Вэйлок пренебрежительно махнул рукой.

Семь лет назад они с Бэзилом служили на корабле «Ампродекс». Капитан Хеснер Уэлси, огромный мужчина с большими черными усами и скверным нравом, безуспешно пытался перейти из Веджей в Серды в течение целых десяти лет. Эта ситуация сводила его с ума, и он постоянно находился в состоянии раздражения и недовольства. Когда корабль вошел в устье реки Шант и перед матросами возникла громада башен Мерсера, Хеснер Уэлси впал в помешательство. Он схватил топор и зарубил вахтенного офицера, разгромил кают-компанию и стал пробиваться к реактору, намереваясь уничтожить блок защиты реакции и взорвать корабль. Никто не мог остановить его. Перепуганная команда попряталась кто куда. Вэйлок, преодолев страх, попытался подкрасться к капитану сзади, но вид сверкающего топора вселил в него ужас. Он увидел, как из каюты вышел Бэзил, осмотрелся и подошел к капитану, который занес топор. Бэзил увернулся от первого удара и стал говорить с капитаном тихо, доверительно. Уэлси выронил топор, тупо уставился на Бэзила, и тут его помешательство перешло из буйной фазы в коллапс. Капитан упал на палубу в глубоком обмороке. Вэйлок вышел из укрытия и оглядел распростертое на палубе тело.

— Не знаю, как это тебе удалось, но это чудо. — Он улыбнулся. — Ты сможешь быстро возвыситься, работая с психическими больными.

Бэзил с сомнением посмотрел на него.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Бэзил вздохнул и покачал головой.

— Вряд ли.

— Тебе нужны только пронырливость, нахальство и маленькая толика везения, — ответил Вэйлок.

— Я попытаюсь.

Он попытался и через пять лет стал Веджем. Его благодарность Вэйлоку, подавшему ему эту идею, оказалась поистине безграничной. И сейчас, стоя перед Домом Жизни, Бэзил похлопал Вэйлока по спине.

— Приходи в Паллиаторий посмотреть на меня. Ведь я ассистент психиатра. Мы поможем тебе начать свой слоп. Сначала, конечно,

ничего особенного ожидать не приходится, но через пару лет можно добиться значительного успеха.

Вэйлок сардонически рассмеялся.

— Служить помешанным? Это не для меня, Бэзил. — Он снова поднялся на возвышение, и символы бесконечности закружились вокруг его головы. Его голос зазвенел медью: — Повышайте свой слоп! Дидактор Монкур держит ключи жизни! Читайте его трактаты, пейте его тоники, делайте то, что советует он! Слоп! Слоп! Слоп!

3

Слово «слоп», в буквальном переводе означающее «наклон», имело в те времена особый смысл. Слоп служил мерой положения человека в обществе. В этом слове отражалось прошлое человека, предугадывалось его будущее. Короче говоря, слоп — это угол линии жизни человека, производная его положения в обществе в зависимости от возраста.

Начало этой системы положил Феэ-Плей-Акт, принятый 300 лет назад во времена Мальтузианского Хаоса. ФПА был продиктован ходом человеческой истории. Когда число болезней и смертей значительно сократилось в результате повышения эффективности методов лечения, население Земли стало удваиваться ежегодно. При такой скорости через три столетия люди покрыли бы Землю слоем в пятьдесят футов толщиной.

Теоретически проблема казалась вполне разрешимой: контроль за рождаемостью, синтетическая пища, стерилизация определенной части населения, освоение пустынь... Но в мире, где жили люди, обуреваемые тысячами национальных и религиозных предрассудков, теория бессильна. Когда объединенный Институт разработал систему, впоследствии завоевавшую признание всего мира, начались первые выступления недовольных. Начался век Мальтузианского Хаоса, приближался Большой Голод.

Вся земля была охвачена хаосом. Разгорались небольшие, но жестокие войны. Города подвергались грабежам и поджогам, миллионы людей слепо бросались из стороны в сторону в поисках пищи, слабые не выживали, и, в конце концов, количество трупов превзошло количество оставшихся в живых.

Так разгоревшийся пожар погасил сам себя. Население земли сократилось на три четверти. Расы и национальности смешались, политические различия стерлись, государства исчезли, чтобы возродиться в виде экономических районов.

Одним из таких районов и стал город Кларжес с окрестностями. Он пострадал сравнительно мало и остался цитаделью цивилизации. В наиболее тяжелое время Кларжес предусмотрительно закрыл свои границы электрическим барьером, и сотни тысяч обгорелых трупов валялись вдоль границ.

Это породило легенду о кровожадности жителей Кларжеса. Ни один ребенок из кочевых народов не стал взрослым, не услышав баллады, возбуждающей ненависть к Кларжесу.

В Кларжесе находился объединенный Институт, где велись исследования жизни человека. Ходили слухи, что в Институте открыли тайну долгожительства. Слухи были недалеки от истины, ибо ученые Института решили проблему бессмертия. Отныне каждому человеку могла быть дарована вечная жизнь.

Вначале жителей Кларжеса охватил гнев. Неужели забыт Большой Голод? Разрабатывались сотни планов, призванных избавить мир от новой угрозы перенаселенности. Постепенно был выработан ФПА, который и завоевал всеобщее одобрение. По этому плану право на повышенную продолжительность жизни имел только тот, кто проявил себя на службе обществу. Были учреждены пять филов, или уровней, общественной значимости: основной, второй, третий, четвертый и пятый. Основной уровень составляли Бруды, 2-й — Веджи, 3-й — Серды и 4-й — Вержи. Пятая группа образовала Общество Амарантов. ФПА тщательно разработал условия перехода из фила в фил. Ребенок рождался вне фила. В любое время после 16 лет он мог зарегистрироваться как Бруд и, таким образом, обязывал себя подчиняться правилам ФПА.

Если он не хотел регистрироваться, то жил обычной жизнью до среднего возраста в 82 года. Такие люди составляли группу Гларков, имевших минимальный социальный статус.

ФПА устанавливал такую же продолжительность жизни Брудов, как у Гларков, — 82 года. Достигшие ступени Веджей имели право на медицинскую обработку, предупреждающую старение, и получали лишних 10 лет жизни. Серды — 26 лет, Вержи — 46 лет. Те же, кто достигал ступени Амарантов, становились бессмертными.

К моменту принятия ФПА население Кларжеса достигало 20 миллионов человек при установленном максимуме в 50 миллионов. Очень скоро этот максимум будет достигнут. И тогда возникает новая проблема — что делать с человеком, достигшим установленного срока жизни? Эмиграция? Это не решение проблемы. Кларжес ненавидели во всем мире. Любой, выехавший за его пределы, рискует жизнью. Тем не менее офицеры эмиграции были приглашены обсудить эту проблему.

Офицеры сделали свое заявление на сессии Пританеона.

В мире сейчас существует пять районов, где поддерживается более или менее сносная цивилизация: Кипр, Су-Вентр, Империя Гондвана, Сингали и Новый Рим. Но ни один из этих районов не разрешает эмиграцию, разве что в приграничные области. Кларжес мог бы расширить свои границы силой оружия, но при условии бессмертия людей, даже завоевав весь мир, Кларжес не решил бы своей проблемы.

Пританеон угрюмо выслушал все аргументы, а затем потребовал изложения плана ФПА. По окончании длительного обсуждения службе

эмиграции было вменено в обязанность насильственно лишать жизни тех, кто достиг разрешенного законом возраста...

Конечно, такое решение не прошло гладко. Противники говорили об аморальности такого решения, но им указывали на опасность перенаселенности. Главным достоинством ФПА оказалась свобода выбора для каждого человека, возможность либо не утруждать себя и прожить обычную жизнь, либо упорно трудиться и, в конце концов, получить высшую награду — бессмертие.

ФПА стал законом. Почти все люди зарегистрировались в Бруды. Достигнуть фила Ведж было нетрудно, особенно на первых порах. Достаточно было заниматься обычной общественно-полезной деятельностью. Подняться выше было сложно, но все же вполне реально для тех, кто обладал способностями выше среднего. Новая система послужила стимулом, и таких людей стало больше. Появились предпосылки для вступления Кларжеса в Золотой век. Бурно развивались науки, искусство...

Проходили годы, и ФПА модифицировался. Теперь уровень общественной значимости, необходимый для перехода человека в следующий фил, варьировался в зависимости от деятельности человека за каждый год, количество людей, имеющих этот фил, количества Гларков и множества других факторов.

Для подсчета всех параметров для каждого члена фила по этой сложной системе был сконструирован компьютер — Актуриан. Кроме расчетов, он печатал по требованию человека карту, где изображался слоп его жизни. По наклону слопа можно было судить, приближается ли человек к горизонтальной границе следующего фила, или же он быстрее достигнет вертикальной линии — терминатора, означающего конец жизни.

Если слоп пересекает терминатор, то офицер Эмиграции и его люди выполняют мрачную обязанность, возложенную на них ФПА. Это безжалостно, но необходимо.

Система, конечно, имела определенные недостатки. Все мыслящие люди стремились работать только в тех областях, где легче всего получались ощутимые результаты. Заниматься новыми, малоизученными предметами считалось нецелесообразным. В искусстве почти все шли проторенными путями, стараясь побыстрее сделать карьеру. Так что всем неизвестным, необычным занимались только Гларки, не думающие о повышении фила.

Непрерывная борьба за восхождение по общественной лестнице изнуряла нервную систему людей, и психиатрические лечебницы переполнялись несчастными, чей мозг не выдерживал напряжения.

Непрерывная борьба за повышение слопа доминировала в Кларжесе. Каждая минута человека посвящалась работе или изучению техники достижения цели. Хобби и спорт оказались заброшенными, общественно-полезная деятельность отошла на второй план. Без выхлопного

клапана ни один человек не выдержал бы изнурительной борьбы и сошел бы с ума. Таким клапаном и стал Карневаль. Сюда каждый приезжал один или два раза в месяц. Здесь затуманенный работой мозг мог найти отдохновение. Здесь человек давал волю эмоциям. Здесь он мог не думать об основной цели своей жизни.

В Карневаль изредка приезжали и Амаранты, одетые в роскошные костюмы. Неузнаваемые под своими масками, они могли не беспокоиться о зависти, вспыхивавшей в сердцах всех остальных при виде этих счастливчиков...

4

В Карневаль приехала и Джакинт Мартин, три года назад ставшая Амарантом и прошедшая обновление три недели назад.

Джакинт Мартин трижды поднималась из Брудов: сначала как специалист по средневековым инструментам, затем как концертирующая флейтистка и, наконец, как музыкальный критик. Трижды линия ее жизни круто устремлялась вверх, и трижды она возвращалась обратно к горизонтали.

В возрасте 48 лет она мужественно расширила сферу своей деятельности и стала заниматься историей музыкальной культуры. Это помогло ей в возрасте 54 лет стать Веджем. За оригинальные исследования в области музыкальной символики она перешла в Серды в возрасте 67 лет. Ее назначили ассистентом в Картербургский университет, но через четыре года она сама стала сочинять музыку. «Древний Грааль» — насыщенная страстью оркестровая сюита, полностью отражающая особенности ее незаурядной натуры, подняла ее в Вержи в возрасте 92 года.

Затем на 30 лет она отошла от активной деятельности, разыскивая новые пути, которые дали бы ей возможность перейти в Амаранты.

Она всегда интересовалась загадочной культурой королевства Сингали, и, несмотря на почти неустранимые препятствия и грозные опасности, она решила провести один год в Сингали.

Она тщательно готовилась к этому, изучила язык, обычаи, ритуалы, подготовила одежду, выкрасила кожу. Правительство выделило ей воздушный шар, и она вылетела за пределы Кларжеса в варварскую страну, где жизнь ее подвергалась постоянно опасности.

В Канасте она объявила себя колдуньей и, пользуясь последними научными достижениями, заработала себе прочную репутацию. Знатные лорды Гондваны предложили ей посетить их пиратскую империю, и она с благодарностью приняла приглашение. Намеченные планы она быстро выполнила, но, очарованная гондванскими художниками, их своеобразным видением мира, провела там четыре года. Многие аспекты жизни в Гондване показались ей неприемлемыми, особенно равнодушие к людским страданиям. Воспитанная в традициях бережного отношения

к человеческой жизни, Джакинт обладала утонченной, чувствительной и эмоциональной натурой, и обычаи людей, проживающих за границами Кларжеса, часто приводили ее в состояние крайнего отвращения. В Торренге она случайно присутствовала на церемонии Большая Ступа. Увиденное там внушило ей такой ужас, что она бежала из Гондваны и вернулась в Кларжес в состоянии коллапса.

Шесть месяцев спокойной жизни вернули ей душевное равновесие, и следующие шесть лет были для нее весьма продуктивными. Она опубликовала книгу «Гондванское искусство», ряд эссе о гондванской музыке, подводных королевских садах, ритуальных танцах на склоне горы Валакунем.

И в возрасте 104 лет она стала Амарантом.

После обновления она превратилась в очаровательную 19-летнюю девушку, более или менее похожую на нее саму в возрасте 19 лет.

Новая Джакинт действительно чувствовала себя девятнадцатилетней, но при этом обладала опытом и знаниями, накопленными за 104 года. В новой Джакинт Мартин нельзя было найти ни одной черты характера, не присущей старой Джакинт. Да, она действительно осталась сама собой в новом обличье.

Джакинт получила прекрасное, стройное тело. Пепельно-серые волосы блестящим каскадом спадали на точеные плечи. Несмотря на наивность, открытость взгляда, можно было угадать глубину и зрелость ее натуры. Если сравнивать красоту женщины с цветком, то можно было сказать, что она находится в самой поре расцвета.

Во время борьбы за достижение высшего фила ее сексуальные инстинкты были придавлены. Она еще никогда не выходила замуж, и теперь ей предстояло открыть для себя новые ощущения.

В этот вечер она надела серебряное платье, обтягивающее ее стройную фигуру, и поехала в Карневаль без какой-то определенной цели, не особенно задумываясь, что она будет делать там.

Она припарковала свой кар, проехала на пассажирском диске через прозрачный туннель и очутилась в самом сердце Карневаля.

Разноцветные костюмы, веселый смех и возгласы, музыка, звучащая всюду, разнообразные запахи, сверкающие глаза в прорезях масок, ярко расцвеченные рты, руки и ноги, изгибающиеся, словно в гротескном танце, шелест одежды, сверкание красочных реклам — Карневаль! Он очаровал Джакинт. Ей оставалось только раствориться в нем, подчиниться его ритму, бездумно плыть по течению...

Она пересекла Конкур, прошла через Фоли Инкредибль в Малый Овал, опустилась по улице Аркади, с интересом осматривая все вокруг.

Переливы цветов вокруг вливались в сознание Джакинт звоном колоколов. Она слышала гармонию цвета, его обертоны, мягкие и взрывные, бьющие по нервам, возбуждающие в душе отклик. Она сама не ожидала такого эффекта. Одна за другой мелькали мимо достопримечательности Карневаля — Замок Истины, Голубой Грот,

Лабиринт, Колледж Эроса, где перед публикой демонстрировались технические приемы любви.

Всюду призывно горели огни, и ярче всех светилась реклама Дома Жизни. Человек в медной маске мощным голосом созывал публику. В ее мозгу вдруг вспыхнули тревожащие душу воспоминания о церемонии Большая Ступа: главный жрец, демонически красивый, таким же громовым голосом руководил стонущей в религиозном экстазе толпой верующих...

Джакинт остановилась послушать.

— Друзья, каков ваш слоп? — кричал Вэйлок. — Заходите в Дом Жизни! Дидактор Монкур поможет вам! Бруд перейдет в Веджи, Ведж — в Серды, Серд — в Вержи, Верж — в Амаранты. Зачем жалеть час, если Монкур даст вам годы? Всего флорин, один флорин! Разве это много за вечность? — Голос его гудел, как медный колокол. — Увеличивайте свой слоп! Смотрите в будущее с надеждой! Всего флорин за вход в Дом Жизни!

Вокруг него собралась толпа. Вэйлок обратился к мужчине:

— Вот ты, я вижу, Серд. Когда ты станешь Вержем?

— Я Бруд.

— Но ты должен быть Сердом! Зайди в Дом Жизни, и через десять минут ты сможешь показать нос своим убийцам. А ты... — Это была женщина средних лет. — У тебя есть шанс пережить своих детей. Не менее 42 Амарантов обязаны своим возвышением дидактору Монкуру.

Вэйлок заметил прекрасную девушку в серебряном платье.

— О, восхитительная леди! Ты хочешь стать Амарантом?

Джакинт рассмеялась.

— Меня это не интересует.

Вэйлок картинно развел руками.

— Нет? А почему?

— Может, потому, что я Гларк.

— Сегодняшний день может оказаться поворотным пунктом в твоей жизни. Заплати флорин, и ты станешь Амарантом. И тогда ты возблагодаришь дидактора Монкура и его чудесный метод!

Облако голубого дыма вылетело из Дома Жизни и повисло над его головой.

— Заходи, если хочешь увидеть дидактора Монкура. Войти — это всего лишь минута и всего лишь флорин. Один флорин за продление твоей жизни.

Вэйлок спрыгнул с возвышения. На сегодня он свободен. Те, что не вошли в Дом Жизни, уже не войдут туда. Он поискал глазами в толпе. Вот оно: серебряное платье. Он протолкался через толпу, пристроился к Джакинт.

Серебряная маска скрыла удивление на лице Джакинт.

— Неужели дидактор Монкур не пользуется популярностью и тебе приходится выискивать клиентов в толпе? — Тон ее был легким, игривым.

— В настоящий момент я принадлежу себе. И так будет до завтрашнего вечера.

— Но ты столько говорил о Вержах, Амарантах... Откуда такой интерес к девушке-Гларку?

— Самый простой. Ты очень красива. Разве этого мало?

— Что можно увидеть под маской?

— Ты одна в Карневале?

Она кивнула и бросила на него взгляд искоса, от души надеясь, что он не заметил его.

— Я буду сопровождать тебя, если позволишь.

— О, я могу втянуть тебя в неприятности.

— Я не боюсь риска.

Они прошли по улице Аркади и вышли на площадь Беллармин.

— Сейчас мы на перепутье, — сказал Вэйлок. — Колохан выведет нас на эспланаду. Малый Конкур вернет на Конкур, Рьяченда приведет в Район Тысячи Воров. Куда хочешь?

— Мне все равно. Я приехала посмотреть.

— В таком случае, выберу я. Я живу и работаю здесь, но знаю о Карневале немногим больше тебя.

Джакинт заинтересовалась.

— Ты здесь живешь?

— У меня квартира в районе Тысячи Воров. Многие из работающих в Карневале живут там.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Значит, ты Бербер?

— О, нет. Берберы — деклассированные элементы. А я обычный человек, Гларк, как и ты.

— И тебе никогда не надоедает это? — Она показала на оживленные толпы.

— Иногда — до смерти.

— Тогда почему же ты не живешь в Кларжесе? Это всего несколько минут лета.

Вэйлок посмотрел вдаль.

— Я редко выбираюсь в Кларжес. Раз или два в неделю. Вот там большая Пиротека. Мы сможем увидеть сразу весь Карневаль.

Они прошли под аркой, рассыпающей разноцветные искры. Затем эскалатор привез их на посадочную площадку, куда опустился один из кометных автомобилей — Ультра-Лазурь. Из него вышли 30 пассажиров и столько же вошли. Двери захлопнулись, и Ультра-Лазурь стремительно взмыл вверх, рассыпая за собой голубые искры.

Они летели низко, огибая башни и высокие здания. Затем взлетели так высоко, что Карневаль показался им не более снежинки. Стремительный спуск — и вот они уже снова на посадочной площадке.

Джакинт радовалась и щебетала, как ребенок, настолько ее восхитило и изумило воздушное путешествие.

— Ну, а сейчас, — сказал Гэвин Вэйлок, — сверху вниз, из воздуха под воду.

Он провел ее по веренице лестниц в темный холл. Там они встали на низкий пьедестал, и прозрачный колпак накрыл их. Площадка дрогнула под ногами, и они поплыли через темный канал. Вскоре они оказались в водном царстве, царстве голубого и зеленого цвета, между коралловых башен, стоящих в садах из водорослей. Рыбы подплывали взглянуть на них, осьминоги вытягивали разноцветные щупальца. Вскоре они оказались над морской впадиной, и Джакинт с щемящим чувством заглянула в темную бездну.

Купол всплыл на поверхность, и они снова оказались в царстве людей, в царстве света, красок, звуков — в Карневале.

— Вот это Дом Снов, — сказал Вэйлок. — Опускаешься на диван и видишь много чудесного.

— Боюсь, что мне не понравится видеть сны.

— Тогда Дом Далеких Миров. Там ты можешь почувствовать себя на Марсе, Венере, дотронуться до Юпитера, Сатурна, пройтись по далеким мирам... А вот Холл Откровения. Там всегда очень интересно.

Они вошли в холл и очутились в большом зале с большим количеством трибун. За некоторыми из них стояли люди: строгие, возбужденные, злые, истеричные... Каждый из них говорил, обращаясь к кучке своих слушателей. Слушатели тоже были разные. Одни слушали с любопытством, другие — с благоговейным трепетом, третьи — равнодушно... Среди ораторов встречались проповедники самых различных доктрин и религиозных культов. Один из них объявил себя не более и не менее как Маниту, второй говорил о тайнах Диониса, третий требовал вернуться к поклонению силам природы, четвертый доказывал, что он Мессия, и требовал всеобщего признания.

Вэйлок и Джакинт вышли на улицу.

— Они смешны и трагичны, — заметила девушка. — Хорошо, что есть место, где они могут высказаться перед слушателями, излить то, что на них давит изнутри.

— Весь Карневаль для этого и создан. Видишь тех людей?

Из одного из домов выходили люди. Мужчины и женщины, по двое, по трое, покрасневшие и возбужденные. Кто-то хихикал, некоторые были бледны, как смерть.

— Они выходят из Дома Ощущений. Жутких ощущений. Это угроза... — Он помолчал, подыскивая подходящее слово для замены слова «смерть», не принятого в Карневале. — ... Угроза перехода. Посетители этого дома платят за страх. Они с криком ужаса падают с высоты 200 — 300 футов, но на мягкие подушки. В узком коридоре на них опрокидывается ковш расплавленного металла. Он падает так близко, что искры прожигают одежду. Человек в черном — имитация

убийцы — заводит их в черную комнату, где ждет гильотина. И смертоносное лезвие останавливается в миллиметре от шеи. Люди выходят оттуда бледные от страха. Может, это и хорошо для нас — поиграть в неизбежность. Я не знаю.

— Этот Дом не для меня, — заявила Джакинт, передернув плечами. — У меня нет страха перед неизбежностью.

— Нет? — Он взглянул на нее сквозь прорези маски. — Ты так молода?

Она рассмеялась.

— У меня достаточно других страхов.

— В Карневале много Домов, способных принести забвение от любого страха. Ты боишься бедности?

— Я не хочу жить, как живут варвары.

— Может, ты хочешь стать богатой?

— Заманчивая идея.

— Тогда идем.

Заплатив по десять флоринов, они вошли в Дом. Здесь на них надели специальную одежду с прикрепленными к ней десятью бронзовыми кольцами.

— Каждое кольцо стоит флорин, — сказал служитель. — Как только вы войдете в коридор, начинайте воровать кольца друг у друга. Когда пройдет установленное время, включается свет, и вы идете получать деньги за украденные вами кольца. Можно выиграть, но можно и проиграть. Счастливого воровства.

Они вошли в полутемный коридор с зеркальными стенами, зашторенными нишами, альковами. Здесь царила атмосфера недоверия. Откуда-то из-за угла вдруг показывалась голова и исчезала, из-за шторы протягивалась рука и хватала кольцо. Свет начинал мигать и гаснуть. Тогда слышались мягкие шаги, шорохи, вскрики, шелест одежды... Наконец зазвенел звонок, и Вэйлок вышел к кассе. Здесь уже его ждала Джакинт. Вэйлок получил 12 флоринов за 12 колец.

— Мне повезло меньше, — сказала Джакинт. — У меня всего три кольца.

Вэйлок ухмыльнулся.

— Я украл два кольца для тебя.

Они вышли на улицу, зашли в маленькое бистро и выпили по бокалу фиолетового шампанского.

— Ночь началась! — воскликнул Вэйлок и широким жестом показал на город. — Карневаль!

Они пошли по набережной. На противоположном берегу реки высились башни Мерсера и другие здания Кларжеса. На фоне строгого величия города особенно поражали безумное веселье и бушующие страсти Карневаля.

Повернув на Гранадиллу, они прошли мимо храма Астарты с его двадцатью сверкающими куполами, построенного в виде гигантского мужского полового органа, хвастливо упирающегося в небо...

Сотни людей в масках и красочных костюмах шли по улицам, наполненным запахами цветов, где по сторонам стояли скульптурные изображения демонов, ведьм и разной нечисти. Вскоре они снова очутились на Конкуре.

Сознание Джакинт раздвоилось. Одна — меньшая часть ее — воспринимала все окружающее с холодной беспристрастностью, другая — большая — была захвачена ритмом жизни в Карневале. Она вся сконцентрировалась на ощущениях: сияющие глаза широко раскрыты, нос жадно вдыхает чудесные ароматы. Она с готовностью смеялась любой шутке и охотно шла за Вэйлоком.

Они посетили дюжину Домов, попробовали множество напитков. Воспоминания Джакинт стали путаться, блекнуть, как краски на старой картине.

На одной из площадок игроки кидали копья в живых лягушек. Зрители бурно приветствовали каждый успех и осмеивали неудачников.

— Это противно, — сказала Джакинт.

— Зачем же ты смотришь?

— Не могу оторваться. В игре есть какая-то мрачная притягательность.

— Игра? Это не игра. Они делают вид, что играют. Им просто нравится убивать.

Джакинт отвернулась.

— Должно быть, это Вейрды.

— Может быть, каждый из нас немного Вейрд.

— Нет. — Она энергично замотала головой. — Только не я.

Они прошли до самой границы района Тысячи Воров, затем повернули назад и зашли в кафе Памфилия.

Механическая кукла принесла им покрытые инеем стаканы с Санг де Диос.

— Это освежит тебя, и ты забудешь усталость.

— Но я не устала.

Он вздохнул.

— Я устал.

Джакинт наклонилась к нему.

— Но ты же сам говорил, что ночь только началась.

— Я выпью пару стаканов. — Он приподнял маску и залпом выпил.

Джакинт с любопытством смотрела на него.

— Ты не назвал мне своего имени.

— В Карневале это не принято.

— О, скажи свое имя.

— Меня зовут Гэвин.

— А я Джакинт.

— Красивое имя.

— Гэвин, сними маску, — резко сказала девушка. — Дай мне увидеть твое лицо.

— В Карневале принято скрывать лицо под масками.

— Но моя серебряная маска совсем не скрывает меня.

— Только очень красивая девушка рискнет надеть такую маску. Для большинства вся прелесть в том, что нужно носить маску. В маске я в твоем воображении могу сойти за принца. Но если ее снять, я превращусь в обыкновенного человека.

— Мое воображение отказывается принимать тебя за принца. Сними маску.

— Потом.

— Ты хочешь, чтобы я подумала, что ты безобразен?

— Нет. Конечно нет.

Джакинт рассмеялась.

— Ты разжигаешь мое любопытство.

— Нет. Считай меня жертвой обстоятельств.

— Как древних туарегов?

Вэйлок удивленно посмотрел на нее.

— Не ожидал такой эрудиции от девушки-Гларка.

— Мы оба — весьма любопытная парочка, — сказала Джакинт. — А каков твой фил?

— Я Гларк, как и ты.

— А, — она кивнула. — Кое-что сказанное тобой заставило меня удивиться.

— Я что-то сказал? Что именно? — насторожился Вэйлок.

— Всему свое время, Гэвин. — Она поднялась. — А теперь, если ты выпил достаточно, чтобы прогнать усталость, идем отсюда.

— Идем, куда пожелаешь.

— Куда пожелаю?

— Да.

— Хорошо. Идем. — Она повела его по улице.

Где-то вдали колокол пробил полночь. Воздух стал гуще, цвета ярче, движения людей наполнились тайным смыслом, как будто они на ходу исполняли ритуальный танец страсти.

Вэйлок притянул к себе Джакинт. Рука его легла на гибкую талию.

— Ты чудо, — хрипло прошептал он. — Ты сказочный цветок.

— Ах, Гэвин, — сказала она. — Какой ты лжец!

— Я говорю правду.

— Правду? А что такое правда?

— Этого никто не знает.

Она резко остановилась.

— Мы можем узнать правду. Ведь здесь есть Замок Истины.

Вэйлок отшатнулся.

— Там нет истины. Только злобные идиоты, которые всех пачкают грязью.

Она взяла его за руку.

— Идем, Гэвин. Нам плевать на их мнение.

— Идем лучше в...

— Гэвин, ты сказал, что пойдешь туда, куда я пожелаю.

Вэйлок неохотно вошел с ней в широкие ворота. Их встретил служитель.

— Обнаженную правду или приукрашенную?

— Обнаженную, — быстро сказала Джакинт.

Вэйлок попытался протестовать, но Джакинт искоса посмотрела на него, и он сказал:

— Пусть так. Мне стыдиться нечего.

— Идем, Гэвин. Подумай только — ты узнаешь мое мнение о себе.

— Но ты увидишь меня без маски.

— Разумеется. Но разве ты не планировал это с самого начала? Не думал же ты целовать меня, не снимая маски?

Служитель провел их в альковы.

— Здесь вы можете раздеться. Повесьте бирки с номерами на шею. Возьмите микрофоны и говорите в них все, что думаете о людях, попадающихся вам навстречу. Они, в свою очередь, будут говорить свое мнение о вас. На выходе получите печатный листок со всеми отзывами.

Через пять минут Джакинт вышла в центральный холл. На шее ее висела бирка с номером 202, в руках небольшой микрофон.

На полу в холле лежал толстый пушистый ковер, в котором приятно утопали ноги. Пятьдесят голых мужчин и женщин всех возрастов прогуливались по холлу, разглядывая друг друга.

Появился Гэвин Вэйлок с номером 98. Необычайно красивое, выразительное лицо, серо-стальные властные глаза. Высокая, стройная, атлетическая фигура.

Он подошел к Джакинт, смело встретив ее взгляд.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил он.

Она отвернулась и посмотрела на людей в холле.

— Теперь нам нужно прохаживаться и демонстрировать себя.

— Люди всегда чертовски злы, — сказал Вэйлок. Он осмотрел Джакинт с головы до ног. — Но ты вне всякой критики.

Поднеся микрофон ко рту, он сказал несколько слов.

— Теперь мое впечатление о тебе на пленке.

Почти пятнадцать минут они прохаживались по холлу, перекидываясь короткими репликами. Затем они вернулись в свои альковы и оделись. На выходе они получили сложенные листки с надписью: «Обнаженная правда», с отзывами о них тех людей, с которыми они встречались.

Джакинт стала читать. Сначала она нахмурилась, затем хихикнула, затем густо покраснела и скомкала листок.

Вэйлок пренебрежительно взглянул в свой листок и тут же впился в него глазами:

«Это лицо знакомо мне. Но откуда я знаю его? Внутренний голос называет мне имя: Грэйвен Варлок! Но этот ужасный монстр осужден и передан убийцам. Кто же тогда этот человек?»

Вэйлок поднял глаза. Джакинт смотрела на него.

Глаза их встретились, и Джакинт не выдержала — отвернулась.

Вэйлок аккуратно сложил листок, спрятал его в карман.

— Ты готова?

— Да.

— Тогда идем.

II

1

Гэйвин Вэйлок ругал себя последними словами. Из-за этого красивого личика он потерял бдительность, о которой не забывал все семь долгих лет.

Джакинт могла только предполагать, что происходит в голове Вэйлока. Маска скрывала его лицо, но руки судорожно сжимали листок во время чтения и складывал его он дрожащими пальцами.

— Твое самолюбие ранено? — спросила Джакинт.

Глаза Вэйлока сверкнули из прорезей маски. Но когда он заговорил, голос его был спокойным.

— Легко. Давай посидим немного в Памфилии.

Они перешли улицу и вошли в кафе, прячущееся в зарослях жасмина. Ощущение легкости у обоих исчезло. Каждый был погружен в свои мысли. Они уселись возле балюстрады в полуметре от прохожих. Служитель принес им бокалы с вином, и некоторое время оба сидели молча.

Джакинт тайком поглядывала на медную маску, живо представляя умное сардоническое лицо под ней. И в ее мозгу всплывал другой образ — образ жреца в Торенге. Он приходил к ней из прошлого прежней Джакинт и внушал ужас.

Джакинт содрогнулась. Вэйлок быстро посмотрел на нее.

— Замок Истины подействовал на тебя угнетающе? — спросила Джакинт.

— Я немного озадачен. — Вэйлок достал листок. — Послушай. — Он прочел запись, которая вызвала такую реакцию в его душе.

Джакинт выслушала без особого интереса.

— Ну и что?

Вэйлок откинулся на спинку кресла.

— Странно, что твоя память возвращает тебя в те времена, когда ты была маленьким ребенком.

— Я? — воскликнула девушка.

— Ты одна в Замке знала мой номер. Я незаметно от тебя перевернул бирку другой стороной.

Джакинт ответила звенящим голосом:

— Хорошо. Это написала я.

— Тогда ты обманула меня, — сказал Вэйлок. — Ты не можешь быть Гларком, ведь тогда ты не могла бы помнить меня. И ты не Бруд. Но девушка твоего возраста, достигшая фила Ведж, уникальное явление. Значит, ты Амарант. Твоя исключительная красота подтверждает мою мысль. Такое совершенство не может быть создано природой, значит, твои гены подверглись модификации. Как тебя зовут?

— Джакинт Мартин.

— Я был прав в моих предположениях. Ты частично права в своих. У меня действительно лицо Варлока. Я его реликт.

2

После того как человек вступает в Общество Амарантов, он подлежит перевоплощению, ему даруется вечная молодость. Из его тела экстрагируется пять клеток. После необходимой перестройки генной структуры клетки помещают в раствор нутреинов, гормонов и специальных стимуляторов, благодаря чему клетки быстро проходят цикл развития: эмбрион, новорожденный, ребенок, молодой человек. В результате получают пять идеализированных копий прототипа. А когда в них вкладывают память прототипа, они становятся полными копиями.

Пока проходит цикл развития суррогатов, Амаранты уязвимы, как обычные люди, и они тщательно оберегают себя, не желая погибнуть по глупой случайности. Но после перевоплощения Амарант полностью независим от превратностей жизни. Даже если Амарант гибнет в катастрофе, в жизнь вступает его следующая копия.

Однако бывали случаи, когда Амаранты гибли до полного развития суррогата. Такие суррогаты, внешне копии Амарантов, но без вложенной в них памяти, назывались реликтами. Они выходили в мир и жили обычной жизнью, отличаясь от остальных только своим бессмертием. Если суррогат хотел, то мог регистрироваться, как Бруд, и бороться за повышение фила, так как, несмотря на бессмертие, срок их жизни был ограничен рамками закона. Если они оставались Гларками, то могли жить бесконечно, но постоянно опасаясь, что их обнаружат и тогда они автоматически станут Брудами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гэвин Вэйлок оказался именно таким человеком — реликтом без памяти о прошлом и без опыта жизни своего прототипа. Джакинт Мартин, напротив, была суррогатом, получившим все от своего прототипа.

3

— Реликт... — задумчиво произнесла Джакинт. — Реликт Грэйвена... Семь лет назад... Для реликта с семилетним стажем ты хорошо развит.

— Я очень способный, — отпарировал Вэйлок.

Джакинт отхлебнула из бокала.

— Грэйвен Варлок высоко поднялся в свое время. Чем он занимался?

— Журналистика. Он основал газету «Кларжес Дирекшен».

— Припоминаю. Его соперником был Абель Мандевиль со своим «Кларионом».

— И его врагом. Они однажды встретились на Порфировой башне. Слова, оскорбления. Абель ударил Грэйвена. Тот ответил, и Абель упал с высоты тысячи футов на Картерхауз-сквер. — Горькие нотки появились в голосе Вэйлока. — Его объявили монстром, присудили к всеобщему презрению и выдали убийцам, когда его суррогаты еще только развивались. — Глаза его сверкнули. — Среди Амарантов такого не бывает. Смерть для них исключена. Если она и случится, то ненадолго. Через несколько недель новый суррогат продолжит его жизнь. И вот с Грэйвеном случилось такое... Его отдали убийцам, хотя он только что стал Амарантом.

— Ему бы следовало быть осторожнее до перевоплощения, — сухо заметила Джакинт.

— Но он был нетерпелив, импульсивен, он не мог долго находиться в изоляции. И он не учел мстительности и вероломства своих врагов.

Джакинт заговорила строгим тоном:

— Существуют законы государства. То, что они иногда беспомощны, не умаляет их значения. Каждый, кто совершает чудовищный акт убийства, подлежит забвению.

Вэйлок ответил не сразу. Он поудобнее устроился в кресле, поиграл бокалом и пытливо на нее взглянул.

— Что ты теперь собираешься делать?

Джакинт допила вино.

— Мне не хотелось бы узнать то, что я узнала. А теперь я не могу скрывать монстра...

Вэйлок перебил ее.

— Монстра нет! Грэйвен уже семь лет как предан забвению!

Джакинт кивнула:

— Да, конечно!

Круглое лицо в обрамлении черных перьев появилось над балюстрадой.

— О, это же Гэвин! Старый, добрый Гэвин!

Бэзил Тинкоп ввалился на террасу и осторожно опустился в кресло возле их столика. Его птичий костюм был в полном беспорядке. Черные перья печально свешивались на лицо.

Вэйлок встал.

— Прости нас, Бэзил. Мы как раз собирались уходить.

— Не так скоро! Неужели я обречен видеть тебя только перед входом в Дом Жизни? — Бэзил заказал еще выпивку. — Гэвин, — обратился он к Джакинт, — мой старый друг.

— Да? Сколько же лет ты знаешь его?

Вэйлок медленно опустился в кресло.

— Семь лет назад мы выловили Гэвина из воды. Это был корабль «Ампродекс» с капитаном Хеснером Уэлси. Он потом чокнулся. Ты помнишь, Гэвин?

— Прекрасно помню, — напряженно ответил Гэвин. Он повернулся к Джакинт: — Идем...

Она взяла его за руку.

— Твой друг Бэзил заинтересовал меня. Значит, вы вытащили Гэвина Вэйлока из воды?

— Он уснул в воздушном шаре, и тот занес его в море.

— И это случилось семь лет назад? — Джакинт искоса посмотрела на Вэйлока.

— Что-то вроде этого. Гэвин может сказать точно. У него прекрасная память.

— Гэвин мало говорит о себе.

Бэзил важно кивнул.

— Посмотри на него: сидит, как статуя, под своей маской.

Они оба посмотрели на Вэйлока. В глазах Гэвина стоял туман, как после анестезии. Усилием воли он заставил себя допить бокал. Алкоголь прояснил его мозги.

Бэзил тяжело поднялся.

— Простите меня. Небольшое дело. Умоляю, не уходите. — Он, пошатываясь, побрел по террасе.

Вэйлок и Джакинт смотрели друг на друга через стол.

Джакинт мягко заговорила:

— Семь лет назад Грэйвин Варлок был передан убийцам. Семь лет назад Гэвина Вэйлока выловили из воды... Но дело не в этом. Ведь монстр уничтожен...

Вэйлок промолчал.

Вернулся Бэзил и плюхнулся в кресло:

— Я уговариваю Гэвина бросить свое дурацкое занятие. У меня есть некоторое влияние. Я мог бы дать ему неплохой старт.

— Простите, — сказал Вэйлок. Он поднялся и направился в туалет.

Но по дороге он зашел в телефонную будку, дрожащими пальцами нажал кнопки набора. Вспыхнул экран. На нем появился черный круг.

— Кто вызывает? — спросил низкий голос.

Вэйлок показал лицо.

— А, Гэвин Вэйлок!

— Мне нужно говорить с Карлеоном.

— Он занят в музее.

— Соедините меня с Карлеоном!

Щелчок.

На экране появилось круглое лицо. Черные, как агаты, глаза смотрели на Вэйлока с любопытством. Вэйлок изложил свою просьбу. Карлеон задумался.

— Я сейчас занят выставкой...

— Это подождет, — резко сказал Вэйлок.

Лицо на экране не изменило выражения.

— Хорошо. Две тысячи флоринов.

— Хватит и тысячи.

— Ты же богатый человек, Вэйлок.

— Хорошо. Две тысячи. Но побыстрее.

— Задержки не будет.

4

Вэйлок вернулся к столу. Бэзил что-то горячо говорил Джакинт:

— Ты не понимаешь! Каждая индивидуальность — это круг. Как к нему может прикоснуться другой разум? Только к одной точке! К одной точке на окружности. Хотя на ней много точек, число их определяется количеством способностей человека, то есть оно равно числу точек, из которых разум способен воздействовать на внешний мир.

— О, — проговорила Джакинт, искоса поглядывая на Бэзила. — По моему, ты все упрощаешь.

— Ха, ха! Ты не хочешь понять всю глубину моего метода. У каждого есть любимые точки приложения сил, в которых он действует успешнее всего. Я пытаюсь найти эти точки и заставить пациента направить свои силы именно на них. Однако сейчас я пошел дальше. У меня возникла новая идея. Если она сработает, то я смогу воздействовать на сам источник, который не позволяет человеку использовать свои силы на максимуме возможностей. Это будет громадный шаг вперед и выдающееся достижение. — Он замолчал, а потом добавил: — Прости, но весь этот разговор здесь не к месту.

— Напротив, — ответила Джакинт. Она повернулась к Вэйлоку: — А ты как считаешь, Гэвин?

— Мы уходим?

Она улыбнулась, покачала головой, и Гэвин понял, что так и должно быть.

— Я остаюсь тут, Гэвин. Но ты устал и хочешь спать. Иди отдыхай. — Ее улыбка перешла в смех. — Бэзил Тинкоп позаботится обо мне. Иди...

Она всмотрелась в проходящую толпу:

— Альберт! Денис!

Двое мужчин в роскошных костюмах остановились, посмотрели на балюстраду.

— Джакинт! Приятный сюрприз!

Они поднялись на террасу. Вэйлок нахмурился, сжал пальцы.

Джакинт представила вновь пришедших:

— Альберт Пондиферри, Денис Лестранж, Бэзил Тинкоп, а это... Гэвин Вэйлок.

Светловолосый стройный Денис Лестранж поражал своей элегантностью. Его спутник Альберт Пондиферри был смуглый, крепкий, со сверкающими черными глазами. Он ответил на приветствие со сдержанной корректностью.

Бросив хитрый взгляд на Гэвина, Джакинт сказала:

— Друзья, только в Карневале можно встретить поистине интересных людей.

— Да? — Они посмотрели с любопытством на Бэзила и Гэвина.

— Бэзил работает психиатром в Балиасском Паллиатории.

— Вероятно, у нас найдется много общих знакомых, — заметил Денис.

— А Гэвин Вэйлок... вам никогда не догадаться.

Вэйлок стиснул зубы.

— Я не буду и пытаться, — сказал Альберт.

— О, я попытаюсь, — Денис с любопытством рассматривал Вэйлока. — По телосложению — профессиональный акробат.

— Нет, — сказала Джакинт. — Давай дальше.

— Ну помоги, сделай хоть намек. Какой у него фил?

— Если я это скажу, то не будет и тайны, — ответила Джакинт.

Вэйлок едва сдерживал себя. Эта женщина была невыносима.

— Бессмысленное развлечение, — заметил Альберт. — Сомневаюсь, что Вэйлоку нравится эта игра.

— Я уверена, что совсем не нравится. Но игра имеет смысл. Однако, если вы...

В воздухе что-то прошелестело. Прошелестело так тихо, что услышал это только Гэвин. Джакинт вздрогнула, поднесла руку к плечу. Но укол был настолько мгновенен, что она ничего не поняла. Это могло быть локальное раздражение нерва.

Бэзил Тинкоп положил руки на стол, обвел всех взглядом.

— Должен сказать, что у меня разыгрался чудовищный аппетит. Кто разделит со мной омара?

Все отказались. Немного подумав, Бэзил поднялся.

— Я пройдусь по набережной и где-нибудь поем. А вообще-то пора идти домой. Это вы, счастливые Амаранты, можете не думать о завтрашнем дне.

Альберт и Денис церемонно пожелали ему спокойной ночи. Джакинт покачнулась в кресле. Она изумленно моргала, раскрыв рот, как будто ей не хватало воздуха.

Вэйлок встал.

— Я с тобой, Бэзил. Пора и мне домой.

Джакинт наклонила голову и с трудом дышала. Альберт и Денис удивленно смотрели на нее.

— Что-нибудь случилось? — спросил Вэйлок.

Джакинт не ответила.

— Она слишком перевозбудилась, — заметил Альберт.

— Ничего страшного, — лениво ответил Денис. — Пусть расслабится.

Джакинт медленно опустила голову на руки. Ее пепельные волосы рассыпались по столу.

— Вы уверены, что ничего страшного? — спросил Вэйлок.

— Мы позаботимся о ней, можешь не беспокоиться, — ответил Альберт.

Вэйлок пожал плечами.

— Идем, Бэзил.

Выйдя из кафе, он обернулся. Джакинт не двигалась. Она лежала неподвижно. Альберт и Денис смотрели на нее, ничего не понимая.

Вэйлок глубоко вздохнул.

— Идем, Бэзил. Это не наше дело.

III

1

Вэйлок чувствовал себя очень утомленным. Он расстался с Бэзилом возле ресторана.

— Я не голоден. Я просто устал.

Бэзил хлопнул его по плечу:

— Не забывай о моем предложении. Я всегда смогу подыскать тебе место в Паллиатории.

Вэйлок медленно пошел по набережной. Уже занимался рассвет, и красочные огни Карневаля стали меркнуть. Редкие прохожие шли неуверенной походкой, с усталыми глазами и утомленными лицами.

Горькие мысли теснились в мозгу Вэйлока. Семь лет назад его ярость преодолела благоразумие. Абель Мандевиль упал с башни. Сегодня, чтобы заставить замолчать женщину, вознамерившуюся погубить его, он совершит второе убийство. Теперь он дважды монстр.

Монстр. Одно это слово — приговор для человека. Ведь тот, кто приносил смерть, считался кошмарным чудовищем, исчадием ада, монстром. Даже само слово «смерть» в Кларжесе не употреблялось.

Однако Вэйлок никого не лишил жизни. Абель Мандевиль возобновил свое существование, когда не прошло и недели после его гибели. Новая Джакинт тоже скоро появится. А он сам должен был исчезнуть

навсегда семь лет назад. Ведь к тому времени его суррогаты еще не прошли полный цикл развития. И тогда он не упустил своего шанса. Он захватил воздушный шар и сбежал за границу Кларжеса. Убийцы не стали его преследовать. Ведь житель Кларжеса, попавший в руки варваров, погибал мучительной смертью.

Однако Вэйлок не погиб. Он обогнул Кларжес с юга, пересек пустыню, озеро Хук и очутился над Южным Морем. Там он обнаружил «Ампродекс», имитировал крушение, был подобран и зачислен в команду, чтобы оплатить свой проезд. Гэвин Вэйлок начал свое существование.

Вэйлок тщательно скрывался все эти годы. Только раз в неделю он покидал Карневаль, и то в маске, своем «альтер эго».

Жил он в районе Тысячи Воров, но даже в таком притоне никто и никогда не видел его без маски.

Самое ужасное заключалось в том, что оставался всего месяц до того момента, когда по законам города Грэйвен Варлок будет оправдан за давностью преступления. И тогда Гэвин Вэйлок смог бы начать новую карьеру под новым именем, не боясь никаких разоблачений.

Но еще не все потеряно. Он надеялся выпутаться из этой истории. Ведь новая Джакинт появится только через неделю или две.

Вэйлок прошел по темным пустым улицам, вошел в квартиру и лег спать.

2

Через шесть часов неспокойного сна Вэйлок проснулся, принял ванну и сел завтракать. Он вспомнил события прошлой ночи, поморщился и выкинул их из головы — только будущее стоит того, чтобы о нем думать.

Цель его совершенно ясна. Он должен проложить себе путь наверх, снова пробиться в общество Амарантов.

Но как?

Грэйвен Варлок продвинулся на поприще журналистики. Он основал «Кларжес Дирекшен» и сделал его самым читаемым журналом. Но Абель Мандевиль сразу узнает своего старого врага. Нет, журналистику, как поле деятельности, следует исключить.

Наиболее часто повышают свои филы люди искусства: художники, музыканты, писатели, артисты. Но из-за этого в области искусства работает много людей, и пробиться там сложно.

Космолетчики тоже быстро получают высокие филы, но в их среде очень высокая смертность, и в количественном отношении число Амарантов-космолетчиков не выше, чем людей других профессий.

В течение первых пяти лет Вэйлок разрабатывал теорию, способы достижения успеха. Он понимал, что главное — это правильно выбрать точку приложения сил, поле деятельности. Но теперь он стал сомневаться, что этого будет достаточно. Можно всю жизнь стремиться к

цели, много работать — и погибнуть в самом конце пути. Нет, чтобы быстрее добраться до заветного фила, гарантирующего бессмертие, нужно полностью освободиться от моральных ограничений, стать холодным и безжалостным по отношению к конкурентам. Общество не проявило милосердия к Грэйвену Варлоку, принесло его в жертву общественному мнению. Следовательно, Гэвин Вэйлок ничем не обязан обществу и может воспользоваться им для достижения своих целей. В соответствии с новым ходом мыслей Вэйлок за последний год переработал свою теорию, перевел ее в план практических действий. Но пока еще не окончательный.

Он открыл записную книжку, стал читать. Знакомые мысли, вынашенные годами...

Он захлопнул книжку.

Через месяц — в Актуриан. Гэвин Вэйлок, Гларк, мог бы жить вечно, если бы смог избежать опознания. Но Грэйвен Варлок сумел стать Амарантом. Гэвин Вэйлок тоже должен это сделать.

Чем скорее он станет Брудом, тем скорее начнет путь в Общество Амарантов.

IV

1

Месяц прошел без происшествий. Вэйлок работал, как всегда, в Доме Жизни, совершая еженедельные визиты в Кларжес, по адресам, которых никто, кроме него, не знал.

Прошел месяц и с ним — семь лет с тех пор, как Грэйвен Варлок покинул пределы Кларжеса. Теперь он по всем законам мертв.

Теперь Гэвин Вэйлок может свободно ходить по улицам без медной маски, не опасаясь разоблачения. Грэйвен Варлок мертв. Зато Гэвин Вэйлок полон жизни и решимости бороться.

Он бросил работу в Доме Жизни, выехал из района Тысячи Воров и поселился в роскошной квартире на улице Фариот в Октагоне, в нескольких сотнях метров к югу от Мерсера, поблизости от Эстергази Бульвара и Актуриана.

Утром он прошел по Авеню Алеманд, вышел на улицу Олифант, прошел несколько кварталов и очутился на бульваре Эстергази. Пройдя по тенистым дорожкам сквера мимо кафе Далмация, он оказался на площади перед Актурианом. Вэйлок зашел в кафе выпить чашку чаю. На площади перед Актурианом всегда толпился народ. Это место было средоточием всех надежд. Люди жаждали знать, насколько они преуспели на жизненном пути, каков их слоп.

Вэйлок почувствовал волнение. Все семь лет он жил относительно спокойно, но регистрация в Актуриане изменит все. Он познает те

же волнение и беспокойство, которые обуревают всех жителей Кларжеса.

Сидя в теплом уютном кафе, он подумал, не бросить ли все это. Но, допив чай, он поднялся, решительно пересек площадь и вошел в Актуриан.

2

Он подошел к стойке с надписью «Информатор». Служитель, бледный юноша с горящими глазами и тонкими бескровными губами, спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я хочу зарегистрироваться в Бруды.

— Заполните, пожалуйста, карту.

Вэйлок взял карту, вставил в щель кодирующего устройства и стал нажимать необходимые клавиши. Застрекотала машинка, отпечатывая вводимые данные, закрутилась магнитная лента.

К стойке подошла женщина средних лет. Лицо ее было полно тревоги, и она боялась поднять глаза и встретить взгляд служителя.

— Чем могу быть полезен?

Женщина стала говорить, но речь ее прервалась. Наконец она справилась с собой:

— Я относительно своего мужа. Его имя Эган Фортам. Я уезжала на три дня, а когда вернулась домой, мужа там не было. — Голос ее дрожал. — Может, вы поможете мне отыскать его?

Голос клерка наполнился участием. Он сам заполнил карту.

— Ваше имя, мадам?

— Голд Фортам.

— Фил?

— Я Ведж, школьный учитель.

— Имя вашего мужа?

— Эган Фортам.

— Его фил?

— Бруд.

— Его код?

— ИХД-995-ААС.

— Адрес?

— 2244, Клеобюри Курт, Уиблсайд.

— Минуточку.

Он опустил карту в щель машины, а сам занялся юношей лет восемнадцати, который, видимо, только что закончил колледж и пришел регистрироваться в Бруды.

Защелкала машина. Клерк прочел ленту и повернулся к женщине.

— Миссис Фортам, вашему мужу Эгану Фортаму нанес визит убийца в 8.39 в прошлый понедельник.

— Благодарю, — прошептала Голд Фортам и понуро пошла к выходу.

Клерк печально склонил голову, затем снова поднял ее, приняв прежний лучезарный вид. Он взял карту Вэйлока.

— Прекрасно, сэр. Теперь положите сюда палец правой руки.

Клерк взял отпечаток пальца, бросил в щель.

— Необходимая проверка, сэр. Некоторые умники снова приходят регистрироваться, когда их слоп приближается к терминальному.

Вэйлок задумчиво потер подбородок. Сейчас он достанет его старую карту семилетней давности... Он ждал. Медленно тянулись секунды. Клерк рассматривал свои ногти.

Короткий звонок. Клерк с изумлением посмотрел на экран, затем повернулся к Вэйлоку:

— Дубликат!

Вэйлок стиснул пальцами стойку. Клерк прочел:

— Идентично отпечатку Грэйвена Варлока, переданного убийцам. — Он посмотрел на Вэйлока, прочел дату. — Семь лет назад.

— Я его реликт, — сказал Вэйлок. — Я ждал семь лет, чтобы иметь возможность зарегистрироваться.

— О, да, — сказал клерк. — Да, да, — Он надул щеки. — Тогда все в порядке. Ваш отпечаток не принадлежит ни одному живому человеку, а мертвые нас не интересуют. Мы редко встречаемся с реликтами.

— Нас мало.

— Да. — Клерк подал Вэйлоку металлическую пластину. — Ваш кодовый номер КАО-3321-ЖСР. Если пожелаете узнать свою линию жизни, наберите кодовый номер на ЭВМ и прижмите палец к сенсору.

Вэйлок кивнул.

— Я понял.

— А сейчас пройдите в комнату С, там запишут ваш Альфа для телевекции.

В комнате С девушка завела Вэйлока в кабину, усадила в металлическое кресло. Сотрудник в белой маске надел на голову Вэйлока металлический шлем с полусотней электродов.

Девушка подкатила тележку с черным ящиком, установила небольшие контакты на висках Вэйлока.

— Мы делаем анестезию, — сказала она, — Тогда излучение вашего мозга будет четким и ясным. — Она положила руку на тумблер. — Это не больно, но ваш мозг на секунду онемеет.

Щелкнул тумблер, и сознание Вэйлока погасло. Он пришел в себя, не представляя, сколько же прошло времени.

Девушка сняла шлем, ласково улыбнулась.

— Благодарю, сэр. Первая дверь направо.

— Это все?

— Все. Теперь вы Бруд.

Вэйлок вышел из Актуриана, пересек площадь, снова занял место в кафе и заказал чай.

Возле Актуриана стояла железная клетка, официально называемая Пещерой стыда. В ней скорчилась какая-то старуха. Старуху, видимо, бросили туда, пока Вэйлок был в Актуриане. Она нарушила правила Актуриана и теперь, по древнему обычаю, несла наказание.

За соседним столиком сидели двое мужчин — толстый и тонкий. Они обсуждали происходящее.

— Эта старая ворона, — сказал толстяк, — хотела обдурить Актуриан.

— Теперь это не редкость, — ответил его собеседник. — Раньше эти клетки использовались не чаще раза в год. — Он покачал головой. — Мир изменился...

Вэйлок перестал слушать их, когда заметил прелестную девушку, идущую с деловым видом по площади. Серый плащ оттенял красоту ее фигуры, пепельные волосы развевались по ветру.

Это была Джакинт Мартин.

Она прошла совсем близко от кафе. Вэйлок привстал, но тут же одернул себя. Что он ей скажет?

Джакинт взглянула на него, как будто припоминая что-то, но ее мозг был занят другим. Взмахнув плащом, она свернула за угол и исчезла, как прекрасное видение.

Вэйлок постепенно пришел в себя. Странное ощущение! Ведь для новой Джакинт он был незнакомец. Она же для него — всего лишь красивая женщина.

Вэйлок приказал себе не думать о ней. Главная забота сейчас для него — будущее.

Он подумал о предложении Бэзила работать в Паллиатории.

Взгляд его привлекла кипа газет. Как и во все времена, пресса Кларжеса обсуждала самые горячие темы жизни. Газеты могли помочь ему сделать выбор.

Вэйлок подошел к столу, посмотрел заголовки. При виде «Клариона» он горько усмехнулся.

Вернувшись к столу, он стал просматривать новости.

Несмотря на технические достижения, в Кларжесе было еще много недостатков с социологической точки зрения. Люди не успевали за развивающейся техникой. Социологи с тревогой отмечали нарастающую волну самоиндуцированных переходов, а попросту говоря, самоубийств. Вэйлок читал:

«Веджи вносят наибольший вклад в число таких исчезновений. За ними идут Серды и затем Бруды. Вержи и Гларки наименее всего подвержены этому бичу нашего времени. Амаранты, естественно, не могут уйти из жизни, даже если и захотят».

Вэйлок задумался. Может, заняться методом выявления и наказания потенциальных самоубийц? Это может быть повышение фила...

Он стал читать дальше. Два Амаранта — Блэйд Дюкерман и Фиделия Бусби — были закиданы гнилым виноградом в одной деревушке. Это случилось во время праздника. Толпа гнала их через всю деревню с криками и хохотом. Вмешались местные власти, но наказания не последовало. Все было объяснено обильными возлияниями. Власти извинились, и извинения были приняты.

Интервью с дидактором Тальбертом Фальконе Вержем, выдающимся психологом.

Дидактор Фальконе был...

... крайне обеспокоен нарастающим количеством умственных расстройств. 92 процента больных в стране — это психические больные. Один человек из шести находится на учете в психдиспансерах. Серьезнейшая проблема нашего времени, но ею никто не занимается, так как не видно путей ее решения, — а значит, возможности повышения фила.

Вэйлок перечитал параграф. Это же его собственные слова! Он стал читать дальше с интересом.

«Причина всех психических расстройств очевидна. Интеллигентный человек, много работающий, вдруг обнаруживает, что, несмотря на все его усилия, его слоп неотвратимо приближается к терминатору. Человек впадает в транс. Временами, при определенных обстоятельствах, он становится буйным и опасным для окружающих.

Это самая характерная особенность нашего времени. И количество таких больных увеличивается в связи с тем, что повышение фила становится все более и более трудным. Разве это не трагедия? Мы, познавшие тайны материи, покорившие межзвездное пространство, построившие роскошные дворцы до небес и, наконец, уничтожившие время, мы, знающие и умеющие так много, — все еще беспомощны, когда нам приходится иметь дело с человеческим мозгом!»

Вэйлок задумчиво положил газету. Он поднялся, вышел из кафе, пересек бульвар Эстергази и прошел по улице Рамбольд в Мерсер.

Вот его поле деятельности, и именно тут пролегает путь в Амаранты, именно здесь предлагает ему работу Бэзил, обещая поддержку. Разумеется, ему сначала будет трудно. Придется много учиться. Но Бэзил прошел через все это и теперь уже приближается к Сердам.

Вэйлок задумчиво шел дальше, достиг башни Пелагис Индастри и поднялся на лифте на верхнюю площадку.

Перед Гэвином открылся поразительный вид. Горизонт отдалился до пятидесяти миль. Он видел реку Шант, Глэйд Каунти, Карневаль и даже далекое море. Внизу лежал город, вверху сиял беззвучный купол неба. Вэйлок подставил лицо ветру, и волна энтузиазма охватила его. Кларжес! Блистательная цитадель цивилизации в море дикости и варварства. Он, Гэвин Вэйлок, один раз уже вознесся над ним.

Он сделает это еще раз!

V

1

К северу от Мерсера река огибала Семафор Хилл и протекала через долину Ангелов. Она образовывала прихотливые изгибы среди холмов Вандун Хайленд — самой красивой местности в Кларжесе. На северном холме расположился Балиас, тоже красивое место, но менее престижное. Здесь в основном жили Вержи и Серды, а также богатые Гларки, которые компенсировали отсутствие фила экстравагантным образом жизни.

Паллиаторий был расположен всего в нескольких сотнях метров от улицы Риверсайд. Вэйлок вышел из подземки на станции Балиас, поднялся на поверхность и очутился перед Паллиаторием. Он прошел в приемную.

Там он спросил, где ему найти Бэзила Тинкопа, и был направлен на третий этаж в 303 кабинет. Найти его оказалось несложным. На двери висела табличка:

БЭЗИЛ ТИНКОП
психиатр

и чуть ниже, более мелким шрифтом:

СЭТ КАДДИГАН
психотерапевт.

Вэйлок вошел.

За столом сидел человек и работал. Он отчеркивал линии на листе бумаги. Вероятно, это и есть Сэт Каддиган. Высокий, но хилый, с костистым лицом, растрепанными рыжими волосами и чересчур длинным носом. Он вопросительно посмотрел на Вэйлока.

— Я хотел бы видеть мистера Бэзила Тинкопа.

— Бэзил на конференции. — Каддиган вернулся к работе. — Садитесь. Он скоро вернется.

Вэйлок не стал садиться, а подошел к стене посмотреть на фотографии. Групповые снимки, очевидно, запечатлели персонал Паллиатория. Каддиган искоса наблюдал за ним. Внезапно он спросил:

— А зачем вам мистер Тинкоп? Может, я помогу вам? Вам нужно место в Паллиатории?

Вэйлок рассмеялся:

— Разве я похож на сумасшедшего?

Каддиган наблюдал за ним с «профессиональной беспристрастностью».

— Слово «сумасшедший» не несет в себе научной информации. Мы, врачи, редко используем его.

— Вы ученый? — спросил Вэйлок.

— Считаю себя таковым.

На столе лежал лист, на котором было что-то изображено красным фламастером. Вэйлок взял лист.

— И художник к тому же.

Каддиган забрал рисунок и положил на стол.

— Этот рисунок, — ровно сказал он, — сделан пациентом. Он нужен для диагноза.

— А я думал, это ваша работа.

— Почему?

— В ней чувствуется что-то необычное...

Каддиган снова посмотрел на рисунок:

— Вы действительно так считаете?

— Да, конечно.

— Вероятно, у вас те же мании, что и у больного, рисовавшего это.

Вэйлок рассмеялся.

— А что это?

— Пациента попросили нарисовать его мозг.

Вэйлок заинтересовался:

— У вас много таких рисунков?

— Очень.

— Вы как-то классифицируете их?

Каддиган показал на какой-то прибор.

— Пытаемся с его помощью.

— А когда проведете классификацию, что тогда?

Каддиган явно не хотел отвечать. Наконец он сказал:

— Вы, конечно, знаете, что психология развивается не так быстро, как другие науки.

— Я это предполагаю, — задумчиво сказал Вэйлок. — Психология привлекает мало талантливых людей.

Каддиган поморщился:

— Трудность в сложности нервной системы человека и отсутствии точных методов контроля. Уже набрано громадное количество материала — например, диагностика по рисункам. — Он показал на лист бумаги. — Я надеюсь, что моя работа внесет небольшой вклад в это дело. Психология бурно развивается, но всегда наталкивается на основную трудность — сложность мозга и отсутствие точных методов. О, кое-что уже сделано. Можно вспомнить Амарантов Аброяна или Сашевского, Коннели, Мелларсона... Но несмотря на это, паллиатории полны больных и наши методы лечения ничем не отличаются от методов во времена Фрейда и Юнга. — Он устремил на Вэйлока пронзительный взгляд: — Вы хотели бы стать Амарантом?

— Очень.

— Решите одну из 20 основных проблем психологии, и вы на вершине славы. — Он склонился над столом, как бы говоря о конце беседы.

Вэйлок улыбнулся, пожал плечами и пошел по комнате.

Внезапно раздался пронзительный, леденящий душу вой. Вэйлок посмотрел на Каддигана.

— Старый добрый шизофреник, — сказал тот. — Наш хлеб.

Дверь открылась. Вэйлок повернулся. В дверном проеме стоял Бэзил Тинкоп в строгой серой униформе.

2

Во второй половине дня Гэвин Вэйлок покинул Паллиаторий. Усевшись в воздушный шар, он полетел над городом. Солнце опускалось в оранжевый туман за Глэйд Каунти. Башни Мерсера горели в последних лучах солнца, затем погасли. В городе начали зажигаться огни. За рекой веселыми переливами красок засветился Карневаль.

Вэйлок думал о своем новом деле. Бэзил был несказанно рад, увидев его, и сказал, что Вэйлок сделал правильный выбор.

— У нас столько работы, Гэвин, горы работы! Работы и слопа!

Каддиган с легкой ухмылкой смотрел на восторги Бэзила. Он явно считал его дилетантом.

Сейчас главное, думал Вэйлок, овладеть терминологией, жаргоном. Однако нужно все время стараться избежать рутины, в которой запутались и застряли сотни его предшественников.

Он должен изучить это дело критически, не поддаваясь никакому влиянию, абсолютно непредвзято.

Он должен остаться в стороне от всех доктрин и теорий, однако четко понимать, что дает каждая из них.

А пока не представится возможность для повышения фила — или пока он сам не создаст ее, — он должен приобрести репутацию, которая поможет ему скидывать одного за другим тех, кто стоит выше его. Вверх, к слопу! К дьяволу всякие предрассудки!

Он очутился в Флориандер Ден, в самом сердце Октагона, всего в трех минутах ходьбы от своей квартиры.

Остановившись возле стенда новинок, он пробежал глазами индексы и выбрал две книги по психологии и организации психиатрических учреждений. Вэйлок нажал соответствующие кнопки, опустил флорин в щель и через минуту получил микрофильмы в целлофановых пакетах.

Вскоре он уже шел по улице Фариот. Все утреннее возбуждение пропало. Он устал и очень хотел есть. Придя домой, он поужинал и поспал пару часов.

Проснулся он, чувствуя себя маленьким, слабым, ничтожным. Он взял микрофильмы, устройство для просмотра и вышел в ночь.

Лениво брел он по бульвару Эстергази и по привычке завернул в кафе Далмация. Площадь, темная и пустая, казалось, хранила эхо шагов тех, кто ходил по ней днем. Клетка Стыда все еще стояла на площади, и в ней сидела старуха. В полночь ее освободят.

Он заказал чай, кексы и стал работать.

Когда Вэйлок поднял глаза, он удивился, что в кафе столько народу. Время подошло к 11 часам. Он вернулся к чтению.

Без четверти 12 все столики оказались занятыми. Мужчины и женщины чувствовали странное возбуждение и старались не смотреть в лицо друг друга.

Вэйлок больше не мог работать. Он посмотрел на темную площадь. Пусто. Но все знали, что Вейрды там.

Полночь. Голоса в кафе притихли.

Клетка заколебалась. Старуха стиснула руками прутья, глядя на площадь.

Вот дверь открылась, и старуха вышла на свободу. Наказание кончилось.

Все приникли к окнам, затаив дыхание.

Старуха осторожно пошла вдоль фасада Актуриана по направлению к улице Бронз.

Камень упал на тротуар позади нее. Еще и еще. Ее ударило в бедро. Она побежала. Камни сыпались на нее из тьмы. Один, размером с кулак, попал ей в шею. Она пошатнулась, упала. Затем она с трудом поднялась, проковыляла до угла и исчезла в темноте.

— Она сбежала, — сказал чей-то голос.

Ему ответил другой голос:

— Ты сожалеешь об этом, значит, ты такой же, как и Вейрды.

— Вы заметили, сколько камней? Настоящий град.

— Вейрдов становится все больше.

— Вейрды, Визереры и остальные... Я не знаю, не знаю...

VI

1

На следующее утро Вэйлок прибыл в Паллиаторий точно вовремя. Это принесло ему горькую мысль:

— Я похож на всех остальных трудолюбивых неудачников.

Бэзила Тинкопа не было, и Вэйлок представился Сэту Каддигану.

Каддиган протянул ему бланк:

— Заполни это, пожалуйста.

Вэйлок просмотрел бланк, нахмурился. Каддиган рассмеялся:

— Если хочешь работать здесь, заполни.

— Но я уже принят на работу.

Каддиган терпеливо повторил:

— Бланк нужно заполнить. Таковы правила.

Вэйлок написал несколько слов, поставив прочерки против тех вопросов, на которые не хотел отвечать, и вернул бланк.

— Вот. Моя история жизни.

Каддиган просмотрел листок.

— Твоя жизнь кажется мне сплошным вопросительным знаком.

— Какая есть.

Каддиган пожал плечами.

— Здесь у нас наверху сидят люди, которые любят строго придерживаться правил. Твоя бумажка будет для них как красная тряпка для быка.

— Может, эти люди нуждаются в таком стимуляторе.

Каддиган строго взглянул на него.

— Люди твоего положения нередко жалеют, что стали стимуляторами.

— Надеюсь, что я недолго буду в таком положении.

Каддиган спокойно улыбнулся.

— Я уверен, что недолго.

Последовала короткая пауза, а затем Вэйлок спросил:

— Ты когда-нибудь был в такой должности, как я?

— Нет. Я получил образование в Хорфройдском колледже. Два года проработал интерном в Мидоу Груп Хоум. Следовательно... — Каддиган посмотрел на свои руки. — Я был сразу принят на более интеллектуальную работу.

Он с сардоническим ожиданием взглянул на Вэйлока:

— Хочешь познакомиться со своими обязанностями?

— По крайней мере, мне любопытно.

— Отлично. Работенка не очень приятная. Иногда опасная. Если ты причинишь вред пациенту, твой слоп понизится. Мы не имеем права на эмоции и жестокость, если, конечно, сами не сходим с ума. — Глаза Каддигана сверкнули. — А теперь, если ты пройдешь со мной...

2

— Вот наша маленькая империя, — с иронией сказал Каддиган.

Они прошли в зал, который чем-то напомнил Вэйлоку музей. По обеим сторонам зала стояли кровати. Все было выдержано в серо-белых тонах. Прозрачные пластиковые перегородки отделяли одну кровать от другой, и из-за этого кровати в дальнем конце зала казались окутанными туманом. Пациенты лежали на спинах, вытянув руки вдоль тела. У некоторых глаза были открыты. Все это были мужчины, довольно молодые.

— Все тихо и спокойно, — сказал Каддиган. — Они в глубокой коме и даже не могут шевельнуться. Но иногда в мозгу кого-нибудь из них что-то происходит, и тогда он начинает извиваться, корчиться...

— Тогда он опасен?

— Это зависит от человека. Некоторые просто корчатся. Другие вскакивают на ноги и бегут по залу, уничтожая все на своем пути. Если, конечно, позволить им это. — Он угрюмо улыбнулся. — Посмотри... — Он показал на углубление в полу, куда входили ножки

кроватей. — Как только пациент поднимается с постели, датчики давления передают сигнал на пульт управления, и специальное устройство закрывает дверь отсека. Пациент не может бежать, и тогда он начинает рвать простыни. Мы разработали специальный материал для постельного белья, который рвется со страшным треском. Когда пациент выместит свою ярость на них, входим мы, успокаиваем его и укладываем в постель. — Он помолчал. — Но такие больные — не самое страшное. Есть гораздо хуже. — Он посмотрел на потолок. — Там, наверху, крикуны. Они лежат тихо и неподвижно, как статуи, но иногда издают вопли. Это трудно выдержать, ведь мы люди, а человеческий мозг очень чувствителен к звукам определенной частоты. — Он снова замолчал.

Вэйлок с содроганием оглядел безжизненные лица больных. Каддиган продолжал:

— Я часто думаю, что, если бы у меня был смертельный враг, я поместил бы его в палату крикунов, чтобы он слушал их безумные вопли и не мог убежать оттуда. Через шесть часов он стал бы таким же, как они.

— Вы не используете транквилизаторы?

Каддиган пожал плечами.

— В отдельных случаях без них не обойтись, а в остальном мы работаем по указаниям психиатра, ведущего отделение. Здесь это дидактор Альфонс Клу. Дидактор Клу разработал курс лечения, в котором совершенно не используется телепатия, что, по-моему, неверно. Но я Ведж, а дидактор Клу за свой метод получил Вержа. Помощником Клу является Бэзил Тинкоп. Этот зал целиком в его ведении. У него тоже свои представления о лечении. Очень необычные. Он считает, что все известные методы лечения неправильные. Необходимо делать все как раз наоборот. Если, например, известно, что в определенных случаях истерии помогает массаж, Бэзил оборачивает пациента в мокрую простыню. Бэзил — экспериментатор. Он делает все, что хочет, без сомнений и колебаний.

— И какие результаты?

Каддиган поджал губы.

— Никому хуже не стало. Некоторым помогло... Но, конечно, Бэзил не знает сам, что делает.

Они пошли по центральному проходу — лица, разные лица, но выражение у всех одно: глубокая меланхолия и ни проблеска надежды.

— О, боже, — прошептал Вэйлок. — Эти лица... Они в сознании? Мыслят они? Знают они, что мы смотрим на них?

— Они живые. В какой-то мере мозг их функционирует.

Вэйлок покачал головой.

— Но ты не думай о них, как о людях, — сказал Каддиган. — Если ты будешь так думать, то ты пропал. Ты ляжешь рядом с ними. Для нас они только объекты, с помощью которых мы повышаем свой слоп. Я покажу тебе, что делать.

3

Вэйлоку его должность показалась отвратительной. Он должен был убирать, кормить и держать под пристальным наблюдением 36 коматозных пациентов, каждый из которых в любой момент мог стать буйным. Кроме того, в его обязанности входило вести записи и помогать Каддигану и Тинкопу.

Бэзил заглянул в зал в конце дня. Он был в прекрасном настроении и хлопнул Вэйлока по спине:

— Ничего, Гэвин. Ты не слушай ворчание Сэта. Вообще-то он умный парень.

Каддиган поджал губы и отвернулся.

— Полагаю, что мне пора пойти поесть. — Он коротко поклонился и пошел к выходу.

Бэзил взял Гэвина под руку.

— Идем, я покажу тебе кафе. Мы поедим и подумаем, чем тебе заняться.

Вэйлок взглянул в зал:

— А как с ними?

Бэзил усмехнулся:

— А что с ними? Куда они денутся? Что с ними может случиться? Они лежат, как замороженные. А если взорвутся, то что? Из камеры не выйти. Разорвут простыни, уляжется пыл, и они снова будут спать.

Кафе размещалось в полусфере, примыкающей к главному зданию. Из окон открывался великолепный вид на залитую солнцем долину. Столы в кафе были расставлены так, что все посетители сидели лицом к окнам. Бэзил провел Вэйлока к самому дальнему столу, причем место он выбрал явно без определенного расчета. Посетители холодно отнеслись к их появлению.

Когда они сели за стол, Бэзил кивком поздоровался с кем-то.

— Заметил, как они бесятся?

Вэйлок неопределенно хмыкнул.

— Они знают, что я иду вперед. Я вытащил приз прямо у них из-под носа, и это их злит.

— Я думаю!

— Все эти, — Бэзил показал на посетителей, — погрязли в зависти и подозрениях. Они мне завидуют и сплетничают обо мне, как деревенские бабы. Сэт Каддиган тебе высказал свое отношение к моим действиям?

Вэйлок рассмеялся.

— Не совсем так. Он назвал их необычными и сказал, что они беспокоят его.

— Разумеется. Мы оба начинали с одного уровня. Но Сэт занялся тем, что принялся разрабатывать классические методы. Я же плюнул на них.

Принесли меню. Бэзил заказал салат и крекеры, объяснив, что он себя лучше чувствует, когда легко поест.

— Сэт трудится очень много, но он работает больше над совершенствованием своих познаний, чем над совершенствованием психиатрии. Я же... экстравагантен. Так говорят они. Но в основном я прав. Наше общество — это самая стабильная структура в истории и у нее нет тенденции к изменению. Это причина всех психических заболеваний. Мы должны сражаться с ними яростно, сняв перчатки.

Вэйлок, занятый котлетой и кресс-салатом, кивнул.

— Они говорят, что я экспериментирую с пациентами, как с морскими свинками, — пожаловался Бэзил. — Это не так. Я просто пробую разные системы терапии. И это могло бы осуждаться всеми, если бы не приносило результатов. Но... ха, ха, ха, — засмеялся он, зажимая рот рукой, — к их великому огорчению, моим пациентам становится лучше. Некоторых я даже выписал. Кто больше всех вызывает зависть, как не дерзкий и удачливый выскочка? — Он хлопнул Вэйлока по плечу. — Я так рад, что ты со мной, старина! Кто знает, может, мы вместе пробьемся в Амаранты? Неплохая игра, да?

После ленча Бэзил провел Вэйлока в покой 18 и оставил его. Вэйлок без особого энтузиазма пошел вдоль ряда кроватей, впрыскивая под кожу и в кровь витамины и тонизирующее.

Он думал о больных. 36 мужчин — и всех их сюда привел слоп. Причина их психоза не составляла никакой тайны. Здесь они доживут до того момента, когда за ними придет черный лимузин.

Вэйлок шел, всматриваясь в пустые лица. У каждой кровати он спрашивал себя: «Как лечить этих несчастных?»

Он остановился у постели, где лежал щуплый человек с закрытыми глазами. Вэйлок прочел на табличке имя и фил. Олаф Джеремски, Ведж. Там были еще какие-то значки, но он их не понял.

Вэйлок коснулся щеки человека.

— Олаф, — мягко сказал он. — Проснись. Ты здоров. Олаф, ты здоров, ты можешь идти домой.

Лицо Олафа Джеремски оставалось таким же безжизненным. Ничто не шевельнулось в нем.

— Олаф Джеремски, — строго сказал Вэйлок, — твоя линия жизни пересекла горизонталь. Теперь ты Серд. Поздравляю, Олаф. Ты — Серд.

Лицо не изменилось. Закрытые веки не дрогнули. Но Вэйлоку показалось, что какое-то выражение мелькнуло на лице Олафа.

— Олаф Джеремски! Серд! Олаф Джеремски! Серд! — громовым голосом вскричал Вэйлок. — Олаф Джеремски, теперь ты Серд!

Но едва заметное проявление жизни снова скрылось под маской бесконечной меланхолии.

Вэйлок отошел, хмурясь, посмотрел на безжизненную маску. Затем он снова наклонился к Олафу.

— Жизнь! — прошептал он. — Вечная жизнь! Жизнь, жизнь!

Лицо оставалось меланхолически спокойным. Лишь глубокая печаль пришла откуда-то изнутри, но и она быстро угасла, как последний отблеск солнца на закате.

Вэйлок наклонился ниже.

— Смерть! — жестко произнес он.

Смерть — самое страшное слово, запрещенное в употреблении.

— Смерть! Смерть! Смерть! — снова прокричал Вэйлок.

Вэйлок смотрел в лицо Олафа. Оно оставалось спокойным, но из глубины на поверхность стало подкатываться что-то жуткое. Вэйлок отступил назад, не отрывая взгляда от больного.

Глаза Олафа внезапно открылись. Они поворачивались то вправо, то влево, затем зафиксировались на Вэйлоке. Глаза горели дьявольским огнем. Губы растянулись в зловещем оскале. В груди его что-то стало клокотать, рот открылся, и Олаф издал дикий вопль. Легко, без всяких усилий он вскочил с кровати. Руки его протянулись к горлу Вэйлока, но тот успел отскочить. Спиной он ощутил металлические прутья клетки. Она автоматически захлопнулась.

Джеремски шел вперед, вытянув руки. Вэйлок закричал и ударил по рукам безумца, но это было все равно что бить по стальным трубам.

Вэйлок изо всех сил оттолкнул Джеремски, схватился за прутья клетки и закричал:

— На помощь!

Джеремски снова бросился на него. Вэйлок попытался увернуться, но маньяк схватил его за пиджак. Вэйлок упал на пол, увлекая за собой Джеремски. Тот висел у него на спине, как клещ. Вэйлок перевернулся на спину и выскользнул из пиджака, оставив его в руках Олафа. Вэйлок бросился за кровать, громко взывая о помощи. Джеремски, дико хохоча, кинулся за ним. Гэвин юркнул под кровать. Джеремски остановился, чтобы в момент изодрать пиджак в клочья, затем заглянул под кровать. Вэйлок забился подальше, чтобы маньяк не мог дотянуться. Джеремски бросился под кровать, чтобы схватить его с другой стороны, но Вэйлок успел откатиться на противоположную сторону. Началась смертельная игра. Джеремски, как кузнечик, прыгал с одной стороны кровати на другую, а Вэйлок перекатывался под кроватью.

Затем Джеремски вскочил на кровать и замер. Вэйлок оказался в ловушке. Он не знал, куда ему откатываться, а лежа в центре, он был в зоне досягаемости и с той, и с другой стороны.

Он услышал голоса, звуки шагов.

— Помогите! — завопил он. Он увидел ноги Сэта Каддигана. — Я здесь!

Ноги остановились возле клетки.

— Этот маньяк хочет задушить меня! — крикнул Вэйлок. — Я не могу сдвинуться с места!

— Спокойно, — сказал Каддиган.

Появились еще чьи-то ноги. Клетка открылась. Джеремски завопил и бросился в коридор, но его тут же схватили, одели смирительную рубашку, положили в постель.

Вэйлок выполз из-под кровати. Он встал, поправляя одежду, а Каддиган сделал впрыскивание больному. Тот вытянул руки вдоль тела и замер в полной неподвижности. Каддиган повернулся к Вэйлоку, кивнул ему и вышел из зала.

Вэйлок бросился за ним, затем остановился, взял себя в руки и продолжал путь спокойно, не торопясь. Каддиган сидел в кабинете и занимался бумагами. Вэйлок опустился в кресло, пригладил волосы.

— Довольно неприятное ощущение.

Каддиган пожал плечами:

— Тебе еще повезло, что Джеремски слабак.

— Слабак! Да у него руки, как железо! Я еще никогда не встречал такой силищи.

Каддиган кивнул, усмехнулся:

— Возможности маньяков чудовищны. Они разбивают все наши представления о механике человеческого тела. Но есть и другие феномены. — Голос его стал по-лекторски монотонным. — Например, и в древности, и сейчас существуют люди, способные ходить босиком по огню.

— Да, я знаю.

— Я сам видел человека, который мог управлять полетом птиц, заставляя их лететь туда, куда хочет он. Ты можешь в это поверить?

— А почему нет?

Каддиган кивнул.

— Ясно одно. Некоторые личности способны регулировать в своем организме проявление таких сил, которые мы даже распознать не можем. Олаф Джеремски становится в шесть раз сильнее, чем обычно. Но он еще довольно слабенький. У нас есть два силача: Максимилиан Герцог и Фидо Веделиус. — Улыбка искривила губы Каддигана. — Должен предупредить — а именно к этому я вел разговор, — что очень опасно возбуждать наших клиентов, какими бы мирными они ни казались.

Вэйлок промолчал. Каддиган откинулся на спинку кресла, сжал пальцы.

— Должен сказать, что на сегодня я блокирую твой лист прогресса и не выставлю высокий балл. Я не знаю, как ты попал в такую ситуацию, да и знать не хочу.

Вэйлок открыл рот для ответа, но промолчал.

Каддиган поднял руку.

— Может, ты считаешь Бэзила Тинкопа образцом для подражания? Если так, то получше планируй свои действия. А еще лучше: изучи секрет его поразительного везения.

— Я думаю, ты неправильно понимаешь ситуацию.

— Возможно, — насмешливо сказал Каддиган. — Но думаю, что ты и Бэзил — приверженцы того метода в психиатрии, который можно назвать методом Молота и Наковальни.

— Твой юмор весьма тонок.

Бэзил вошел в комнату, посмотрел на обоих.

— Этот старый шакал Каддиган снова скрипит? Когда я впервые оказался здесь, то мне постоянно приходилось выслушивать его. Я думаю, что пробился в Веджи только для того, чтобы избавиться от его нравоучений.

Каддиган промолчал, и Бэзил обратился к Вэйлоку:

— Значит, у тебя уже было боевое крещение?

— Чепуха, — ответил Вэйлок. — Теперь я буду осторожнее.

— Правильно, — сказал Бэзил. — Только так.

Сэт Каддиган встал.

— Прошу прощения, но у меня сегодня вечером занятия, и я должен подготовиться.

Он поклонился и вышел.

Бэзил покачал головой и ехидно улыбнулся.

— Бедный Сэт, он большими трудами воздвигает свой слоп. И набивает голову всякой чепухой. Сегодня... хм... сегодня лекция по поведению вирусов и хирургия при температуре абсолютного нуля. Завтра он будет изучать развитие эмбрионов. Послезавтра еще что-нибудь...

— Обширная программа.

Бэзил уселся в кресло, отдуваясь.

— Мир большой, и мы не можем все быть одинаковы. Твоя работа на сегодня кончилась. Можешь идти домой. Завтра у нас важный день.

— Я с радостью пойду, — сказал Гэвин. — Мне нужно кое-что почитать.

— О! Ты серьезно взялся за дело!

— Я пробьюсь наверх. В любом случае!

Бэзил поморщился.

— Только не вбивай это себе в голову слишком сильно, а то кончишь, как они, — и он выразительно покрутил пальцем у виска.

— Нет. Это исключено.

VII

1

Вэйлок вошел в прихожую своей квартиры и осмотрелся с неудовольствием. Какая безвкусица! Он с сожалением вспомнил апартаменты Варлока в Подоблачной Башне. Это все его собственность. Но как можно предъявлять права на нее?

Ему захотелось есть, но в холодильнике не нашлось ничего соблазнительного. Взяв микрофильмы и прибор, он вышел на улицу.

Пообедал он в ресторане, предназначенном для Гларков. Он ел и думал о событиях прошедших дней. Ему припомнилась Джакинт, какой она явилась ему в Замке Истины — стройная, как тополь, грациозная, как котенок, неправдоподобно прекрасная. Теплое чувство охватило его. Но стоит ли встречаться с ней? Вряд ли ему следует сознаваться, что он был одним из последних, видевших ее живой в прежней ипостаси. Ведь тогда наверняка начнется следствие. И хотя его, Гэвина Вэйлока, трудно обвинить в чем-либо, лучше не рисковать.

Чем же тогда заняться? Он подумал и отверг различные публичные развлечения. Ему хотелось дружеского общения, беседы. Кафе Далмация? Нет. Бэзил Тинкоп? Нет. Сэт Каддиган? Не самая дружелюбная по отношению к нему личность, но... почему бы и нет?

Вэйлок, никогда не сопротивляющийся импульсам, подошел к телефону, нашел код Каддигана и набрал его на пульте. На экране появилось лицо Каддигана:

— О, Вэйлок...

— Хэлло, Каддиган. Как занятия?

— Как обычно. — Каддиган держался настороженно.

Вэйлок сымпровизировал предлог для звонка.

— Ты не очень занят? Мне нужен твой совет.

Каддиган не проявил большой любезности, но все же пригласил его зайти. Вэйлок сразу двинулся в путь. Каддиган жил в Воконфорде, восточном пригороде, носившем на себе неуловимый отпечаток богемной жизни. Квартира Каддигана производила странное впечатление: пестрые тона, мебель разных эпох и стилей. Освещение исходило из шаров бледно-лимонного цвета, развешанных в разных углах. На стенах висели картины художников-дистортионистов, странные керамические фигурки стояли на низких книжных шкафах. Вэйлоку показалось, что и в самом Каддигане появился налет эксцентричности.

К удивлению Вэйлока, у Каддигана была жена — высокая, живая, доброжелательная, внушающая симпатию женщина.

Каддиган представил ее как Пледж и сказал с нежностью:

— Пледж буквально вытолкнула меня в Веджи. Сама она дизайнер, и, вероятно, хороший.

— Дизайнер? — воскликнул Вэйлок. — Для меня это звучит, как...

Пледж улыбнулась:

— Как нечто древнее? Не смущайтесь. Все считают нас смешными. Но мы просто любим ощущать материал, форму... Кстати, все древние предметы сделаны гораздо красивее, чем наши.

— У вас в квартире необычно.

— Да, есть определенный стиль. Но сейчас я должна извиниться и покинуть вас. У меня много работы. Я делаю калейдохром.

Пледж с достоинством вынесла свое крупное тело из комнаты, а Каддиган проводил ее взглядом, полным гордости.

Он повернулся к Вэйлоку, рассматривавшему лист бумаги, исчерченный кривыми слопами. Их было много, и все вместе они создавали довольно красивую картину.

— Это, — сардонически заметил Каддиган, — запись наших взлетов и падений. Беспощадно открытая биография. Иногда мне хочется стать Гларком. Короткая, но счастливая жизнь. — Голос его изменился. — Ну, что тебя привело ко мне?

— Я могу надеяться на твою скромность? — спросил Вэйлок.

Каддиган покачал головой.

— Я не очень скромен. И не хотел бы быть таким.

— Но если я хочу поговорить конфиденциально?

— Я ничего не могу гарантировать. Мне жалко, что приходится говорить это, но лучше, чтобы между нами не было непонимания.

Вэйлок кивнул. Его это устраивало, тем более что у него и не было настоящего вопроса к Каддигану.

— Тогда я, пожалуй, воздержусь от обсуждения своей проблемы.

Каддиган кивнул.

— Очень мудро. Впрочем, не требуется особого воображения, чтобы разгадать твою тайну.

— О, Каддиган, ты все время впереди меня на несколько шагов.

— И намереваюсь оставаться впереди. Хочешь послушать, как я реконструирую твою проблему?

— Давай попробуй.

— Дело касается Бэзила Тинкопа. Кроме меня, тебе никто не даст нужную информацию. Так вот, ты хочешь получить информацию о Бэзиле от того, кто стоит достаточно близко к нему. Ты же человек с амбицией и к тому же без особых моральных принципов.

— Сейчас все такие, — сказал Вэйлок, но Каддиган пропустил его слова мимо ушей.

— Должно быть, ты спрашиваешь себя, как тесно ты должен связать свою судьбу с Бэзилом? Будет он возвышаться или падать? Ты хочешь возвышаться с ним, но падать с ним вместе у тебя нет желания. Ты хочешь получить мою оценку будущего Бэзила. Когда я предложу тебе ее, ты выслушаешь, но свое мнение сохранишь при себе. Ты знаешь, что я представляю течение, в корне противоположное энергично-себялюбивому прагматизму Бэзила. Тем не менее ты считаешь меня честным человеком и надеешься получить объективную оценку. Я прав?

Вэйлок шутливо покачал головой.

Губы Каддигана искривились в усмешке.

— Теперь, — сказал он, — когда мы покончили с формальностями, я хочу предложить тебе чашку чаю.

— Благодарю, — Вэйлок откинулся в кресле. — Каддиган, почему у тебя такая неприязнь, предубеждение ко мне?

— Неприязнь — не то слово. Предубеждение лучше, но тоже не точно. Я чувствую, что ты не искренне интересуешься психиатрией. Ты пришел сюда не для того, чтобы лечить людей, а для того, чтобы быстро сделать карьеру. Но уверяю тебя, в данной области это совсем не просто.

— А как же Бэзил?

— Везение.

Вэйлок сделал вид, что задумался.

Каддиган заговорил:

— Хочешь, я скажу тебе то, о чем ты даже не догадываешься?

— Ради бога.

— Бэзил легко может ввести в заблуждение. Сейчас он излучает оптимизм и довольство. Но если бы ты видел его до того, как он стал Веджем! Он был погружен в черную меланхолию и чуть сам не стал нашим пациентом.

— Я понятия не имел об этом.

— Про Бэзила я могу сказать одно: он вполне искренне хочет улучшить мир. — Каддиган коротко взглянул на Вэйлока. — Он вылечил девять пациентов. Это очень неплохо, но теперь он одержим идеей, что если он интенсифицирует свою терапию, то излечит 900 пациентов. Но его случай, как перец в пище: немного перца улучшает вкус, а если пищу переперчить, то она становится несъедобной.

— Значит, ты считаешь, что его успехи позади?

— Разумеется, случиться может всякое.

— А что у него за методы лечения?

Каддиган пожал плечами:

— Перец в пище.

В дверях появилась Пледж. Она вошла в комнату, звеня браслетами, одетая в черно-красно-коричнево-золотое сари и в невообразимо красные сандалии с изумрудно-зелеными пряжками.

— А я думал, — сухо заметил Каддиган, — что ты занимаешься докладом. Или это и есть калейдохром?

— Нет, конечно. Но у меня возникла идея и мне тут же захотелось проверить ее на практике.

— Бабочка никогда не думает о своем слопе.

— О, слоп! Плевать на него.

— Ты заговоришь по-другому, когда я стану Сердом.

Пледж подняла глаза к небу.

— Иногда я жалею, что ввязалась в эту гонку. Кому хочется стать Амарантом?

— Мне, — ухмыльнулся Вэйлок. Он заметил, что понравился Пледж, и очень обрадовался, когда увидел, что это беспокоит Сэта.

— Мне тоже, — сухо заметил Сэт. — И тебе, что бы ты ни говорила.

— Я говорю правду. Раньше люди боялись смерти...

— Пледж! — воскликнул Каддиган и глазами показал на Вэйлока.

Пледж стиснула руки со звенящими браслетами.

— Не будь идиотом. Все мы смертны, за исключением Амарантов.

— Вряд ли хорошо говорить об этом.

— А почему бы и нет? Почему бы нам не говорить о том, как все обстоит на самом деле?

— Обо мне не думайте, — сказал Вэйлок. — Считайте, что меня здесь нет.

Пледж опустилась в кресло.

— У меня есть теория. Хотите выслушать ее?

— Конечно.

— Пледж, — предостерегающе проговорил Каддиган, но Пледж проигнорировала его.

— Главная причина того, что в Паллиаториях много пациентов, — это постоянная необходимость сдерживать себя, придавливать свои эмоции.

— Чепуха, — заявил Сэт. — Я психиатр, и я утверждаю, что это не имеет ни малейшего отношения к психическим расстройствам. Пациенты — жертвы страха и меланхолии.

— Может быть. Но взгляни, как люди ведут себя в Карневале.

Сэт кивнул на Вэйлока.

— Он специалист по Карневалю. Он проработал там семь лет.

Пледж с восхищением посмотрела на Вэйлока.

— Как, должно быть, прекрасно жить в вечно веселом мире, полном красок, смеха, музыки, встречаться с людьми, полностью раскрепощенными.

— Да, довольно интересно.

— Скажите, — чуть дыша проговорила Пледж. — О Карневале ходит много слухов. Вы можете подтвердить или опровергнуть их?

— Какой именно?

— В Карневале много нарушителей закона. Верно?

— В какой-то степени верно. Люди там нередко занимаются тем, за что были бы наказаны в Кларжесе.

— О, какой стыд, — пробормотал Сэт.

Пледж не обращала на него внимания:

— Насколько глубоко распространяется беззаконие? Я имею в виду... я слышала, что там есть Дом, очень дорогой, где можно увидеть смерть. Смерть молодых юношей и прекрасных девушек!

— Пледж, — взмолился Сэт. — Что ты говоришь? Ты сошла с ума!

— Я даже слышала, — продолжала Пледж хриплым шепотом, — что если у тебя много денег, тысячи и тысячи флоринов, то можно купить человека и убить его своей рукой любым способом, каким хочешь...

— Пледж! — крикнул Каддиган. — Ты говоришь страшные вещи! Опомнись!

Пледж фыркнула.

— Сэт, я слышала об этом и теперь хочу услышать, что скажет об этом мистер Вэйлок.

Вэйлок подумал о Карлеоне и его музее, о Рубелле, о Лориоте и других Берберах.

— Я тоже слышал нечто подобное, — заговорил он, — но я считаю это просто слухами. Я никогда не встречал людей, которые с уверенностью могли бы подтвердить этот слух. Как вы знаете, посетители Карневаля платят за то, что убивают копьями лягушек или рыб электрическим током. Но вряд ли они сами понимают, что делают. Это у них подсознательное желание.

Сэт с отвращением отвернулся.

— Чепуха.

— Теперь, Сэт, ты сам несешь чепуху. Ты ученый, но тем не менее отказываешься смотреть в лицо фактам, противоречащим твоим теориям.

Сэт помолчал, затем ответил с шутливой галантностью:

— Я уверен, что мистер Вэйлок составил о тебе совершенно неверное представление.

— Нет, нет, — возразил Вэйлок. — Мне очень интересно.

— Видишь? — обрадовалась Пледж. — Я уверена, что мистер Вэйлок — человек без предрассудков.

— Мистер Вэйлок, — медленно произнес Каддиган, — хищник. Он пробивает себе путь наверх, и его совершенно не интересует, чьи ноги он отдавит при этом.

Вэйлок ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла.

— Во всяком случае, — заявила Пледж, — он не гипократ, и он мне нравится.

— Приятное лицо, хорошие манеры...

— Сэт, ты не боишься оскорбить мистера Вэйлока?

Сэт улыбнулся:

— Мистер Вэйлок реалист, и правда его не оскорбляет.

Чувствуя себя не очень удобно, Вэйлок заставил себя заговорить:

— Я... наполовину прав, наполовину не прав. У меня есть определенные амбиции...

Музыкальный звук прервал его. Вспыхнул экран, на котором появился человек, стоящий возле двери дома. Он был одет в черную униформу убийцы.

— О, боги! — вскричала Пледж. — Он пришел за нами!

— Неужели ты не можешь быть серьезной? — рявкнул Сэт. — Спроси, что ему нужно?

Пледж открыла дверь. Убийца вежливо поклонился.

— Миссис Пледж Каддиган?

— Да.

— Согласно нашим данным, вы до сих пор не зарегистрировались у нас как Ведж.

— О, я совсем забыла. Но ведь вы и так знаете, что я Ведж?

— Конечно.

— Тогда зачем я должна уведомлять вас об этом?

Голос убийцы звучал холодно.

— Таковы правила. И вы значительно облегчите нашу работу, если будете помогать нам, неукоснительно соблюдая правила.

— Ну хорошо. Форма у вас с собой?

Убийца подал ей конверт. Пледж закрыла за ним дверь, швырнула конверт на стол.

— Столько шуму из ничего... Такова наша жизнь. Это две стороны медали. Если бы не было убийц, не было бы Амарантов. А так как мы все хотим стать Амарантами, нам приходится помогать убийцам.

— Точно, — сказал Сэт.

— Порочный круг. Змея, кусающая свой хвост.

Каддиган искоса посмотрел на Вэйлока.

— Пледж стала Визерером.

— Визерером?

— Это правда, — сказала Пледж. — Мы создали общество, и мы вместе спрашиваем, что нужно сделать, чтобы изменить мир, существующий порядок в нем. Вы, мистер Вэйлок, должны прийти на нашу встречу.

— С удовольствием. А где это происходит?

— О, здесь, там, где угодно. Иногда в Карневале, в Холле Откровений.

— Вместе с остальными идиотами, — заметил Сэт Каддиган.

Пледж не приняла оскорбления.

— Мы не скрываемся и делаем все открыто.

Последовала короткая пауза. Вэйлок поднялся.

— Думаю, что мне пора.

— Но ты так и не заговорил о своей проблеме, — сказал Сэт.

— Я думал о ней, слушая вас. Многое мне теперь стало ясно. — Он повернулся к Пледж. — Доброй ночи.

— Доброй ночи, мистер Вэйлок. Надеюсь, вы позвоните нам еще.

Вэйлок взглянул на молчащего Сэта:

— С удовольствием.

2

Утром, когда Вэйлок прибыл в Паллиаторий, Каддиган уже сидел за столом. Он приветствовал Вэйлока небрежным кивком, и тот сразу приступил к выполнению своих обязанностей. Каддиган несколько раз проходил по залу, отидывая все испытующим взором, но Вэйлок был внимателен, и Каддигану не удалось ни к чему придраться.

Перед полуднем торопливо ворвался Бэзил. Он увидел Вэйлока и остановился.

— Трудная работенка, да? — Он посмотрел на часы. — Время ленча. Идем поедим. Я попрошу Каддигана присмотреть здесь.

В кафе они уселись за тот же столик. Вид из окна был впечатляющий. С гор обрушилась буря, рваные облака неслись по небу,

черные волны вздымались на реке, деревья в парке едва выдерживали сильные порывы ветра.

Бэзил отвел глаза от окна, чтобы это зрелище не отвлекало его от более важных дел.

— Гэвин, — начал он. — Мне трудно говорить это, но ты единственный в Паллиатории, кому я могу доверять. Я нуждаюсь в твоей помощи.

— Я потрясен, — сказал Вэйлок. — И удивлен. Ты нуждаешься в моей помощи?

— Я пришел к этому методом исключения. Конечно, я предпочел бы работать с человеком, имеющим опыт в психиатрии. — Он покачал головой. — Но те, что выше меня, считают меня эмпириком, а те, что ниже и должны были бы уважать меня, предоставили меня самому себе.

— Сейчас каждый предоставлен самому себе.

— Ты прав, — Бэзил наклонился к Вэйлоку, хлопнул его по руке. — Ну, так что ты скажешь?

— О, я рад возможности помочь тебе.

— Отлично, я хочу попробовать новую терапию. На Максимилиане Герцоге — одном из наших любопытнейших пациентов.

Вэйлок вспомнил, что Каддиган упоминал это имя.

— Случай интересный, — продолжал Бэзил. — Когда он в коме, Герцог лежит, как мраморная статуя, но в буйном состоянии он страшен.

— И чем я могу помочь тебе? — осторожно спросил Вэйлок.

Бэзил посмотрел вокруг, прежде чем ответить.

— Гэвин, — хрипло сказал он. — На этот раз я получил средство лечения психозов. Эффективное для девяноста процентов наших пациентов.

— Хм...

— В чем дело?

— Если мы вернем пациентов во внешний мир, еще большее количество людей вернется сюда.

Бэзил задумался.

— Ты предлагаешь совсем не лечить их?

— Да нет. Просто мне кажется, что теперешнее число пациентов при этом возрастет вдвое.

— Возможно, — без энтузиазма согласился Бэзил. Он поджал губы и с жаром заговорил: — Но зачем же тогда вообще лечить их? Эти пациенты вверены нам. Ими могли быть и мы сами... — Он замолчал, и Вэйлок вспомнил слова Каддигана о меланхолии Бэзила. — Во всяком случае, не нам судить этих несчастных. Это дело Актуриана. Мы просто должны делать свою работу. Вот и все.

Вэйлок пожал плечами.

— Ты сам сказал, что это не наша проблема. Наше дело — просто лечить. Пританеон устанавливает общественную политику, Актуриан оценивает наши жизни, убийцы поддерживают равновесие...

— Верно, — сказал Бэзил. — В нашем обществе у всех есть определенные функции. Я уже провел ряд предварительных тестов и достиг некоторого успеха. Максимилиан Герцог — это яркое доказательство тому. Я уверен, что, если смогу окончательно вылечить Герцога или добиться существенного улучшения, я докажу эффективность моего метода. — Бэзил снова сел в кресло.

— Мне кажется, что, если дело у тебя пойдет, ты попадешь в Серды.

— Да, в Серды. А может, и в Вержи. Это великолепный успех!

— Могу я узнать принцип твоего метода?

Бэзил осторожно осмотрелся.

— Я еще не готов обсуждать его. Я только могу сказать, что, в отличие от традиционной терапии, основой которой является терпение и выдержка, мой метод — сильный и быстро действующий. Разумеется, состояние Герцога может ухудшиться, и тогда... — он улыбнулся, — у меня будут неприятности. Меня обвинят в страшном грехе: в том, что я использую пациентов как подопытных животных. И это правда. Но как еще можно лечить этих несчастных? — Бэзил стал серьезным. — Мне нужна твоя помощь. Если я выиграю, то выиграешь и ты как помощник. Но по этой же причине риск существует и для тебя.

— Почему?

Бэзил с презрением посмотрел на коллег в кафе.

— Всем им очень не нравятся мои идеи.

— Я помогу тебе, — сказал Вэйлок.

3

Бэзил Тинкоп вел Вэйлока по Паллиаторию, из зала в зал, вдоль нескончаемого ряда коек, на каждой из которых лежал человек. Человек с безжизненным лицом. Наконец они оказались возле двери. Бэзил сказал что-то в отверстие, затянутое сеткой, и дверь скользнула в сторону. Они прошли через короткий туннель в зал 101 — высокую пентагональную камеру с пластиковыми отделениями для коек по периферии. Пациенты лежали на подвешенных полотняных матрацах. Над каждым из них висела сеть, готовая упасть на пациента в тот момент, когда он начнет буйствовать. На пациентах не было ничего, кроме набедренной повязки из металлической сетки.

— Чтобы пациент не мог повредить себе в припадке бешенства, — пояснил Бэзил и добавил: — Сети очень крепкие, с 14-кратным запасом прочности, если рассчитывать на силу обычного человека. Но Рой Атвен порвал уже три таких сети. Максимилиан Герцог — две.

Вэйлок в изумлении покачал головой.

— Кто из них Герцог?

Бэзил показал. Герцог оказался невысоким, но зато очень широким и мощным человеком атлетического сложения. Могучие руки его были перевиты канатами мышц.

— Интересно, — сказал Бэзил, — что даже в таком состоянии он поддерживает высокий физический тонус! Ведь теоретически можно было бы ожидать полной атрофии мышц, а этого не происходит. И Герцог, и все остальные, хотя и лежат без движения, выглядят, как хорошо тренированные атлеты.

— Это возможный предмет исследования, — заметил Вэйлок. — Может, мозг сумасшедшего производит гормоны — строители мышц. — Бэзил поджал губы.

— Вполне возможно. — Он нахмурился и кивнул. — Я подумаю об этом позже. Интересная мысль... Но, скорее всего, мышечный тонус сохраняется из-за того, что мышцы в постоянном напряжении. Посмотри на лица больных.

Вэйлок взглянул и увидел, что Бэзил прав. Лица выражали поистине нечеловеческое отчаяние. Зубы стиснуты, носы обтянуты кожей. Лицо Максимилиана было выразительнее всех.

— И ты думаешь, что сможешь вылечить его?

— Да, да. Сначала переправим его в мой кабинет.

Вэйлоку казалось, что мощное тело Герцога, зажатое в тиски неведомых сил, похоже на паровой котел, в котором нагнетается высокое давление. Он спросил:

— А это не опасно?

Бэзил рассмеялся.

— Естественно, мы примем меры предосторожности. Например, гранулы миорала. Герцог будет слабым, как ребенок.

Бэзил подошел к Герцогу и прижал наконечник распылителя к шее больного. Послышалось шипение, и препарат вошел в кровь. Бэзил отошел от постели, махнул рукой.

Тут же два служителя принесли носилки и положили на них Герцога. Бэзил подписал какую-то бумажку, поданную ему служителем, и все формальности были закончены.

Носилки покатили к туннелю и затем в лифт.

— Теперь мы можем идти, — сказал Бэзил. — Герцога доставят в мою личную лабораторию.

4

Бэзил и Вэйлок прошли через приемную, где сидел Каддиган, занятый своими картами и записями. Он поднял голову, но не произнес ни слова и вернулся к своей работе.

Бэзил и Вэйлок вошли в кабинет Бэзила. Там Бэзил набрал кодовый шифр, стена скользнула в сторону, и они оказались в лаборатории Бэзила, небольшой, но прекрасно оборудованной. У одной стены стоял диван, у другой — компьютер с различной аппаратурой для измерений, записи и бог знает для чего еще. Тут же стоял шкаф с книгами и лекарствами.

Бэзил пересек комнату, сдвинул стенную панель. За нею находилось неподвижное тело Максимилиана Герцога.

Бэзил потер руки.

— Ну вот и он, наш инструмент, с помощью которого мы сможем продвинуться. И я надеюсь, что мы заодно и вылечим его.

Они освободили Герцога от пут.

— А сейчас, — сказал Бэзил, — начнем процедуру. В некотором смысле она, — он сделал паузу, — нападение на источник болезни.

Он выпрямил большое тело Герцога, поправил положение его рук и ног. Находясь под действием лекарства, Герцог выглядел спокойным и умиротворенным. Бэзил подошел к ЭВМ, щелкнул тумблерами и положил металлический цилиндр на грудь больного. На экране дисплея побежали цифры и замелькали вспышки света.

— Пульс слишком замедленный, — сказал Бэзил. — Подождем. Миорал быстро рассасывается.

— А потом что? — спросил Вэйлок. — Он впадет в кому или начнет буйствовать?

— Кто знает? Садись, Гэвин. Я постараюсь тебе кое-что объяснить.

Вэйлок устроился в кресле, Бэзил прислонился к постели. Счетчик пульса остался на груди Герцога. На экране высветилась цифра 41.

— Мозг наших пациентов, — заговорил Бэзил, — можно сравнить с заклинившимся мотором.

Вэйлок кивнул. Частота пульса уже поднялась до 46.

— Естественно, что существует бесчисленное множество теорий и методов лечения. Как правило, все они дают результаты в отдельных, определенных случаях и оказываются совершенно бесполезными в других. Однако все они основаны на том, что необходимо приглушить, изолировать неверно функционирующую часть мозга, но никак не излечить ее. Есть методы, основанные на применении шока — химического, электрического, механического, спиритуального. Иногда эти методы дают поразительные результаты, но чаще всего шок становится губительным для мозга.

Есть хирургические методы замены поврежденных частей мозга, всего мозга. И, наконец, система Готвальда Левишевски, основанная на той же методике, по которой выращивают суррогаты Амарантов. Но этот процесс вряд ми можно назвать лечением. Скорее, это получение нового человека. Я изучил все эти методы и убедился: ни в одном из них нет нападения на сам источник болезни. Чтобы излечить нашего больного, нужно убрать препятствие, мешающее вращаться мотору, заклинивающее мотор. Самое простое, но вряд ли приемлемое — изменить существующую систему жизни. Или же изменить мозг пациента так, что это препятствие не будет для него непреодолимым.

Вэйлок кивнул:

— Понятно.

Бэзил горько улыбнулся.

— Совсем понятно, да? Но как это сделать? Гипноз слишком слаб, хирургия слишком рискованна, да и неизвестно, что нужно вырезать. Остается электролечение или лечение препаратами. Необходимо выбрать наиболее эффективный метод.

Глаза Вэйлока не отрывались от экрана. Пульс уже 54.

— Я нашел ключ к решению проблемы в работах Хельмута и Герарда, — продолжал Бэзил. — Я имею в виду их работы в области хирургии синапсов — короче, я понял, что происходит, когда импульс проходит от нерва к нерву. Результат Хельмута-Герарда действительно интересен. Оказывается, при передаче импульсов имеет место 21 химическая реакция. И если хоть одна из них запоздает или не произойдет совсем, импульс возбуждения не перескочит с нерва на нерв.

— Мне кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, — сказал Вэйлок.

— Значит, мы теперь имеем способ контролировать мыслительные процессы. Нам нужно выключить из мозга нашего пациента память о препятствии, о неразрешимой проблеме. И очевидный путь для того, чтобы сделать это, — воздействие на синапсы на пути прохождения определенного импульса возбуждения. Для этого я выбрал вещество, полученное Хельмутом и Герардом. — Бэзил подошел к шкафу, достал мензурку с оранжевой жидкостью. — Вот он, антигептант. Растворимый в воде, нетоксичный, высокоэффективный. Будучи введенным в мозг, он действует как кнопка стирания, воздействующая на активные в данный момент цепи, но не трогает бездействующие.

— Бэзил! — искренне воскликнул Вэйлок. — Это же гениально!

— Осталась еще одна серьезная проблема, — сказал, улыбаясь, довольный Бэзил. — Мне совсем не хочется стирать куски памяти у наших пациентов, но как этого избежать, я не знаю, да меня это не очень интересует сейчас.

— Ты уже пробовал антигептант?

— Только на пациенте с легкой формой психоза. Герцог будет пробным камнем моего метода.

— Его пульс стал почти нормальным, — заметил Вэйлок. — Нам нужно быть поосторожнее.

Бэзил махнул рукой.

— Не беспокойся. Сэт у нас под рукой. Наша основная цель — перевести Герцога в состояние буйства.

Вэйлок поднял брови.

— А я думал, предотвратить его.

Бэзил покачал головой.

— В его мозгу нам нужен только источник болезни. Когда мы его распознаем, мы введем антигептант. Мыслительная цепь, ведущая к источнику, рухнет, и с нею сам источник. Человек здоров!

— Просто и гениально!

— Просто и элегантно. — Бэзил всмотрелся в лицо Герцога. — Он возвращается в нормальное состояние. Теперь, Гэвин, приготовься вводить определенные дозы антигептанта.

— Что я должен делать для этого?

— Нам нужно знать концентрацию антигептанта в мозгу Герцога. Если его ввести слишком много, то мы отключим большую часть его мозга. — Бэзил прикрепил электроды к голове пациента. — Антигептант слабореактивен, поэтому мы можем измерять его количество. — Бэзил воткнул штепсель в прибор. На экране вспыхнуло небольшое красное пятно. Бэзил повернул ручку настройки, установил резкость. — Вот измеритель. Концентрация антигептанта должна стать такой, чтобы пятно стало желтым. Но ни в коем случае нельзя допускать перехода в зеленый цвет. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. — Бэзил подготовил шприц и без колебаний ввел иглу в сонную артерию Герцога.

Пациент шевельнулся. Пульс сразу подскочил до 70. Бэзил подсоединил трубку к резервуару.

— Видишь кнопку? При прикосновении к ней ты вводишь в мозг Герцога один миллиграмм антигептанта. Как только я скажу, нажимай на нее. Но будь очень внимателен. Понял?

Вэйлок кивнул.

Бэзил посмотрел на экран.

— Сейчас я введу стимулятор. — Выбрав в шкафу нужный шприц, он ввел препарат в кровь Герцога.

Дыхание пациента стало глубоким и тяжелым. На лице его появилось выражение крайнего отчаяния и напряжения. Вэйлок заметил, что он шевельнулся.

— Осторожнее, — сказал он. — Герцог сейчас очнется.

— Хорошо. Это нам и надо. — Бэзил смотрел на аппаратуру. — Действуй быстро, если потребуется.

— Я готов.

— Хорошо. — Бэзил склонился над Герцогом.

— Герцог! Максимилиан Герцог!

Пациент, казалось, затаил дыхание.

— Герцог! — кивнул Бэзил. — Проснись!

Герцог шевельнулся.

— Герцог! Ты должен проснуться. У меня есть новости. Хорошие новости. — Ресницы больного затрепетали. Бэзил быстро сказал: — Антигептант!

Вэйлок нажал кнопку. Препарат проник в мозг Герцога. Красное пятно дрогнуло, посветлело, перешло в оранжево-желтое.

Бэзил кивнул.

— Герцог! Проснись! Хорошие новости!

Глаза Герцога приоткрылись. Желтый цвет снова превратился в красный.

— Антигептант! — шепнул Бэзил, и Вэйлок снова нажал кнопку.

— Герцог! — тихо, но повелительно заговорил Бэзил. — Ты проиграл. Ты не смог стать Сердом. Антигептант... Герцог, ты пытался, ты много работал, но сделал много ошибок. Тебе нужно винить только себя за то, что ты выброшен из жизни.

Из горла Герцога вырвался низкий звук, как бы предвещая бурю. Бэзил снова потребовал антигептант.

— Максимилиан Герцог, — торопливо заговорил он. — Ты человек низшего сорта. Другие смогли стать Сердами, а ты не смог. Ты проиграл. Ты потерял время. И потеряешь жизнь.

Вены набухли на лбу Герцога. Клокочущие звуки неслись из груди.

— Антигептант, Гэвин!

Вэйлок нажал кнопку. Бэзил снова повернулся к Герцогу.

— Герцог, ты помнишь, сколько шансов упустил ты? Люди, которые ничем не лучше тебя, стали Сердами и Вержами. А тебя впереди не ждет ничего, кроме последней поездки в черном автомобиле.

Максимилиан Герцог медленно сел в постели. Он посмотрел на Бэзила, затем на Вэйлока.

Все молчали. Вэйлок боялся отпустить кнопку, так как пятно снова стало красным.

Наконец Вэйлок спросил:

— Хватит антигептанта?

— Хватит, — нервно ответил Бэзил. — Я не хочу слишком обширного воздействия.

— Какого еще воздействия? — спросил Герцог. Он пощупал электроды на своей голове, увидел трубки, тянущиеся к его телу. — Что все это значит?

— Только ничего не трогай, — сказал Бэзил. — Это необходимые условия для лечения.

— Лечения? — Герцог был озадачен. — Разве я болен? Я чувствую себя прекрасно. Еще никогда я не был в такой хорошей форме. Ты уверен, что я болен? — Он нахмурился. — Мое имя...

Бэзил многозначительно взглянул на Вэйлока. Антигептант стер из памяти больного его имя.

— Максимилиан Герцог.

— А, да, конечно, — Герцог осмотрелся. — Где я?

— Ты в больнице. Мы лечим тебя.

Максимилиан Герцог подозрительно взглянул на Бэзила. Бэзил продолжал:

— Тебе лучше лечь. Через несколько дней все будет хорошо и ты сможешь вернуться к своим делам.

Герцог лег в постель, переводя взгляд с Бэзила на Вэйлока и обратно.

— Но где я? Что со мной? — Он бросил быстрый взгляд на Вэйлока, заметил на его униформе слова — Балиасский Паллиаторий. — Балиасский Паллиаторий! — прохрипел он. — Так вот в чем дело! — Грудь его заходила ходуном, голос стал хриплым. — Выпустите меня отсюда. Со мной все нормально. Я такой же здоровый человек, как и все!

Он сорвал с головы электроды, отшвырнул трубку.

— Нет, нет, лежи спокойно, — обеспокоенно заговорил Бэзил.

Герцог отшвырнул его в сторону и начал вставать с постели.

Вэйлок повернул ручку. Сеть опустилась на Герцога, прижала его к кровати. Он стал рычать и рваться. Дикая ярость охватила его.

Бэзил подошел к нему и ввел в кровь транквилизатор. Герцог постепенно успокоился.

Вэйлок перевел дыхание.

Бэзил тяжело опустился в кресло.

— Ну, Гэвин, что скажешь?

— Некоторое время он был вполне рационален, — осторожно ответил Вэйлок. — Этот метод мне кажется перспективным.

— Перспективным! — воскликнул Бэзил. — Гэвин, еще ни один метод в мире не давал столь поразительных результатов.

Они освободили Герцога от сети, закатили кровать в бокс.

— Завтра, — сказал Бэзил, — мы попробуем проникнуть глубже.

Вернувшись в кабинет, они застали там Каддигана. Тот отложил работу:

— Ну, джентльмены, как продвинулись исследования?

Ответ Бэзила прозвучал уклончиво:

— Нормально.

Каддиган скептически посмотрел на него, хотел что-то сказать, затем пожал плечами и отвернулся.

5

Бэзил и Вэйлок пересекли улицу Риверсайд и вошли в одну из старых таверн. Они уселись за стол из темного дерева, заказали пиво.

Вэйлок предложил тост за успех Бэзила. Тот, в свою очередь, выразил уверенность в хорошем будущем Вэйлока.

— Кстати, — сказал Бэзил. — Ты помнишь ту женщину, Джакинт Мартин? Она мне вчера звонила.

Вэйлок взглянул на него.

— Не могу представить, что ей нужно, — сказал Бэзил, опустошив кружку. — Мы немного поболтали, затем она поблагодарила меня, и мы распрощались. Удивительное создание. Ну, мне пора домой, Гэвин.

На улице они расстались. Бэзил сел в метро, чтобы добраться до своего района Семафор Хилл, Вэйлок задумчиво побрел по Риверсайд.

Джакинт заинтересовалась своей смертью. От Бэзила ей ничего не узнать. И от Гэвина тоже, если он сам не захочет все рассказать.

Монстр. Вэйлок презрительно улыбнулся. Так должны были бы назвать его жители Кларжеса. Жуткий человек, исчадие ада, посягающее на жизнь граждан.

Но разве можно убить Амаранта? Например, Джакинт Мартин. А Абель Мандевиль? Вэйлок с горечью вспомнил то, что произошло семь лет назад.

Он зашел в другую старую прибрежную таверну Тузитала, стоявшую на сваях прямо над водой. Там он выпил кружку пива и заказал легкий ужин.

На экране телевизора появилось лицо комментатора. Вэйлок прослушал новости — в основном местного масштаба. Комиссия естественных ресурсов разрешила культивацию 100 тысяч акров Глэйд Каунти. Разработчик плана Ги Лэсли принял поздравления по этому поводу. Комментатор предсказал, что Лэсли за этот успех, несомненно, станет Амарантом.

Затем Канцлер Клод Имиш, по старому обычаю, объявил о начале новой сессии Пританеона. Имиш был крупным пожилым человеком с обаятельной улыбкой. В нем не чувствовалось особых талантов, да их и не требовалось, чтобы руководить архаичным и, по сути, формальным органом власти.

— Домой из космоса, — радостно объявил комментатор, — возвращается корабль Стар Энтерпрайз. Наши герои посетили Плеяды, исследовали десятки планет и везут домой много любопытного. Хотя пока неизвестно, что именно.

Затем комментатор провел двухминутное интервью с Каспаром Джарвисом, генеральным директором ведомства убийц. Зловещей должности Джарвиса вполне соответствовала его внешность — высокий рост, угольно-черные волосы и горящие глаза на неестественно бледном лице.

Джарвис говорил о возрастающей активности Вейрдов и Берберов, которые обосновались в Карневале. Если дело пойдет так и дальше, то в Карневаль придется ввести специальные подразделения по поддержанию порядка.

Такого в Карневале еще не было.

Комментатор закончил обзор сплетнями о тех, кто собирается в ближайшее время повысить свой слоп, а некоторые даже продвинуться в Амаранты.

Когда Вэйлок вышел из Тузитала, на Кларжес уже опустилась ночь. Небо светилось отраженными огнями. Стоя на тротуаре, Вэйлок словно ощущал ритм жизни города, биение сердец ста миллионов его жителей.

В нескольких милях к югу лежал Эльгенбург и космический порт. Вэйлок с трудом удержался от желания посетить Стар Энтерпрайз. Он пошел по улице Риверсайд по направлению к району Мартон.

Там он спустился в метро и через несколько минут вышел на станции Эстергази возле кафе Далмация.

Он сел за свой любимый столик, где уже сидел молодой человек с совиными глазами. Он представился Гэвину как Один Ласло, математик из Актуриана. Кроме того, Ласло занимался хореографией. Узнав, что Гэвин работает в Паллиатории, он очень возбудился.

— Расскажи мне о Паллиатории! Я задумал балет, уникальный, даже в чем-то зловещий: день жизни сумасшедшего. Я хочу показать мозг человека, как чистый кристалл. Затем нарастает напряжение, все связи в мозгу рвутся, и — кульминация — человек безумен. Полное отторжение от жизни, замыкание внутри себя!

Вэйлоку стало не по себе.

— Ты хочешь, чтобы я говорил тебе о работе, хотя я пришел сюда, чтобы забыть о ней.

Он выпил чай, распрощался с новым знакомым и вышел из кафе.

Он прошел по авеню Алеманд, свернул на Фариот Вэй, подошел к своему дому. Лифт быстро поднял его на нужный этаж. Он вошел в квартиру.

Когда он открыл дверь в гостиную, то увидел спокойно сидящую на диване Джакинт Мартин.

VIII

1

Джакинт встала.

— Надеюсь, ты простишь меня. Дверь была открыта, и я решила войти.

Вэйлок знал, что он запирал дверь.

— Я рад, что ты пришла. — Он подошел к ней, обнял, поцеловал. — Я ждал тебя.

Джакинт освободилась из его объятий, взглянула на него. Она была одета в бледно-голубую тунику, белые сандалии, темно-синий плащ. Волосы ее золотым потоком стекали на плечи, в больших темных глазах сузились зрачки.

— Ты необыкновенная, — сказал Вэйлок. — Ты могла бы стать Амарантом только за свою красоту, если бы зарегистрировалась в Актуриане.

Он снова хотел ее обнять, но она отступила.

— Должна тебя разочаровать, — холодно сказала она. — Каковы бы ни были твои отношения с прежней Джакинт, на меня они не распространяются. Я новая Джакинт.

— Новая Джакинт? Но тебя зовут не Джакинт!

— Мне лучше судить об этом. — Она отошла еще на шаг, осмотрела его с головы до ног. — Ты Гэвин Вэйлок?

— Да.

— Ты очень похож на Грэйвена Варлока.

— Его нет в живых. Я его реликт.

Джакинт подняла брови.

— Да?

— Да. Но я не понимаю, зачем ты здесь?

— Я объясню, — жестко сказала она. — Я Джакинт Мартин. Месяц назад моя первая версия была убита в Карневале. Судя по всему, большую часть ночи ты сопровождал меня. Мы вместе пришли в Памфилию, и там к нам присоединились Бэзил Тинкоп, а позже Альберт Пондиферри и Денис Лестранж. Вы с Бэзилом ушли непосредственно перед моей смертью. Верно?

— Сначала я должен привести все в порядок у себя в голове, — сказал Вэйлок. — Значит, ты Джакинт Мартин, но ты не Гларк?

— Я Джакинт Мартин.

— И ты была убита?

— Ты не понял этого тогда?

— Когда ты положила голову на стол, мы решили, что ты пьяна, и ушли. Альберт с Денисом обещали позаботиться о тебе. — Он показал на диван. — Садись. Позволь налить тебе вина.

— Нет. Я пришла к тебе только за информацией.

— Отлично. Что ты еще хочешь узнать?

Глаза ее сверкнули:

— Метод убийства! Кто-то лишил меня жизни. Я должна узнать его имя и отомстить.

— Убийство — не то слово, — мягко возразил Вэйлок. — Ты жива, ты дышишь, кровь течет в твоих жилах, ты полна жизни и красоты.

— Только монстр может оправдывать этим свое преступление.

— Значит, ты винишь во всем меня? Ты считаешь, что монстр — это я? Это я лишил тебя жизни?

— Я тебя не обвиняю в этом. Я только комментирую ход твоих мыслей.

— Значит, мне следует воздерживаться от высказывания мыслей, — сказал Вэйлок, — по правде говоря, я предпочел бы более приятное времяпрепровождение. — Он снова потянулся к ней.

Она отступила, вспыхнув гневом.

— Каковы бы ни были твои отношения с моей предшественницей, теперь их не будет. Ты для меня чужой.

— Я мечтаю начать все сначала, — сказал Вэйлок. — Хочешь вина?

— Я не хочу пить! Я хочу знать! Я должна знать, кто и как меня убил! — Она стиснула руки. — Я должна знать, и я узнаю. Скажи мне.

Вэйлок пожал плечами.

— Что я могу сказать?

— Мы с тобой встретились... где? Когда? Ты работал в Карневале. У Дома Жизни.

— О, ты много узнала у Бэзила Тинкопа.

— Месяц назад ты покинул Карневаль, ты бросил дело, которым занимался семь лет, зарегистрировался в Бруды. Ты изменил свою жизнь. Почему?

Вэйлок подошел к ней. Она отступала, пока не уперлась спиной в стену. Вэйлок положил руки ей на грудь, но девушка даже не обратила на это внимания. Видимо, вся ее женская натура была придавлена одним — жаждой мести.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Как все просто узнать. Я вижу, вижу все в твоем лице. Вижу правду.

— Ты видишь там то, что хочешь увидеть.

Она взяла его руки за кисти и с силой отвела их от себя.

— Я не хочу, чтобы ты касался меня.

— Тогда зачем тебе оставаться здесь?

— Ты так и не ответил на мои вопросы.

— Я не хочу отвечать, раз у тебя уже сложилось определенное мнение.

— Тогда ты ответишь против воли. Ты будешь говорить перед теми, кто умеет читать мысли.

Она прошла мимо него к двери. Там она задержалась, бросила на него взгляд и вышла.

2

Вэйлок прислушивался к ее удаляющимся шагам. Подумать только! Женщина, способная подарить высшее блаженство, стала для него страшной угрозой. Несколько минут он стоял неподвижно, погруженный в размышления. Если у нее были какие-то подозрения относительно него, то как она рискнула прийти сюда одна, ночью?

И вдруг он понял. Быстро, но тщательно он осмотрел комнату. Под диваном обнаружился маленький передатчик. Значит, кто-то слышал их разговор и мог вмешаться в нужный момент.

Теперь все ясно.

Вэйлок раздавил передатчик каблуком и выбросил обломки в мусоропровод. После этого он с бутылкой вина прилег на диван и попытался разобраться в случившемся.

Джакинт Мартин достаточно высказать свои подозрения вслух, и тогда его заберут в камеру для допроса. Там специалисты быстро выпотрошат его мозг.

Если окажется, что он не виновен, то поплатится Джакинт Мартин. Если же его вина подтвердится, мир никогда больше не услышит о Гэвине Вэйлоке.

Вэйлок с отвращением посмотрел вокруг. Его мозг предаст своего хозяина. Обмануть чтецов мыслей невозможно!

Он вскочил на ноги. Чтецы мыслей! Пусть читают его мысли! Они ничего не узнают!

Он стал расхаживать по комнате, размышляя. Прошло полчаса. Затем он сел к диктофону и продиктовал два длинных текста. Один из них он вынул и завернул в бумагу, второй оставил в диктофоне, после чего написал для себя записку — напоминание.

Затем, заведя будильник на семь часов, он лег спать.

3

Вэйлок прибыл в Паллиаторий рано утром, застав еще служителей ночной смены.

Он прошел мимо дежурного, поднялся на второй этаж.

Магнитофон на столе Бэзила подмигивал, что означало наличие на нем телефонного сообщения. Вэйлок нажал кнопку, чтобы прослушать его.

— Офис суперинтенданта Бенберри, — заговорил женский голос. — Внимание, Бэзил Тинкоп.

Затем вступил голос, видимо, самого суперинтенданта.

— Бэзил, как придешь, сразу свяжись со мной. Я серьезно встревожен. Нам нужно выработать политику поведения, которая сделала бы твои исследования менее раздражающими Совет. Твои стихийные работы должны прекратиться. Не приступай к работе, пока я не переговорю с тобой.

Вэйлок прошел в лабораторию. Там он выбрал распылитель и наполнил его антигептантом. В мензурке осталось совсем немного. Впрочем, Бэзил вряд ли приступит к работе сегодня. А ему, Вэйлоку, антигептант крайне необходим.

В мензурку он добавил воды, чтобы не было заметно уменьшения количества препарата. Вернувшись в кабинет, он вставил пленку в магнитофон, затем поднес распылитель к шее. Но затем опустил его и поспешно написал несколько слов на листе бумаги. Снова поднял распылитель, нажал кнопку.

Сразу он почувствовал, что память покидает его. Он уже не помнил ничего, даже своего имени. Магнитофон рассказывал, как он убил Джакинт Мартин. Слова текли мимо его мозга, не задерживаясь, но та информация, которую он занес на пленку, исчезала из его памяти, стиралась.

Запись кончилась. Вэйлок закрыл глаза, откинулся в кресле, усталый, опустошенный. Действие антигептанта в его мозгу прекратилось, и потекли мысли, смутные, неясные, как тени в тумане.

Он сел прямо. Листок бумаги, написанный им, привлек его внимание. Он взял его и прочел:

«Только что я стер из своего мозга участок памяти. Возможно, я стер слишком много. Мое имя — Гэвин Вэйлок. Я реликт Грэйвена Варлока. Мой адрес — 414, улица Фариот, квартира 820».

Там было еще много напоминаний, а в конце запись:

«Вероятно, в памяти будут еще провалы. Не беспокойся об этом. Возможно, что Спецслужба вызовет тебя для чтения мыслей по вопросу убийства Джакинт Мартин, о котором ты ничего не знаешь. Непременно сотри магнитную запись. Не прослушивай ее, иначе стирание памяти будет бессмысленным.

Не забудь стереть запись».

Вэйлок дважды прочел текст, затем стер запись на пленке. Значит, его зовут Гэвин Вэйлок! Что-то знакомое есть в этом.

Он положил распылитель в шкаф и уничтожил все следы своего пребывания в лаборатории.

Вошел Сэт Каддиган. Он был удивлен:

— Что привело тебя сюда в такую рань?

— Совесть, — ответил Вэйлок.

— Удивительно! — Каддиган прошел к столу, просмотрел свои бумаги. — Кажется, ничего не пропало.

Вэйлок проигнорировал это. Немного погодя Каддиган сказал:

— В Паллиатории ходят слухи, что дни Бэзила сочтены. Он будет уволен из-за профессиональной некомпетентности. Твоя судьба, конечно, будет не лучше. На твоем месте я бы поискал другое поле деятельности.

— Благодарю, Каддиган. Твоя открытая неприязнь мне больше по душе, чем фальшивое дружелюбие.

Каддиган ухмыльнулся и сел за стол.

Послышались шаги Бэзила. Он вошел в комнату.

— Доброе утро, Сэт, доброе утро, Гэвин. Еще один день работы. К делу! Часы идут вперед. Попусту затраченное время укорачивает жизнь.

— О, боже, до чего напыщенно! — воскликнул Каддиган.

Бэзил ткнул пальцем в его сторону.

— Ты вспомнишь совет старого Бэзила, когда к тебе постучится черный убийца. Гэвин, иди работай.

Вэйлок неохотно последовал за Бэзилом в его кабинет. Он стоял возле двери, пока Бэзил слушал приказ Бенберри. Бэзил сначала был ошарашен, затем решительно повернулся и пошел в лабораторию.

— Я не слышал этого. Идем, Гэвин.

Вэйлок колебался. В бутылке уже почти не было антигептанта. Просто вода.

— Мы не можем сейчас останавливаться, — сказал Бэзил. — Мы почти у цели. Если мы позволим остановить себя, мы погибли.

— Может, лучше... — начал Гэвин, но Бэзил не дал ему договорить.

— Ты можешь поступать, как хочешь. Но я докончу эксперимент, даже один.

Вэйлок кашлянул. Ему было наплевать на Бенберри, но как он объяснит отсутствие антигептанта?

Бэзил по внутренней связи уже приказал доставить к нему Максимилиана Герцога.

Вэйлок очень неохотно пошел за ним. Инъекция воды в мозг Герцога. К чему это может привести? Может, он даже не выйдет из транса. А если выйдет? Черт побери, в конце концов, ведь есть же сеть!

Вэйлок сделал слабую попытку отложить эксперимент, но Бэзил был полон решимости.

— Если хочешь, уходи, Гэвин. Всего тебе хорошего. Но я должен пробить эту стену косности и непонимания. Бенберри... глупая обезьяна.

Прозвенел звонок. Тело Герцога вплыло в лабораторию.

Бэзил начал подготовку. Вэйлок напряженно стоял в центре комнаты. Если он скажет, что использовал антигептант, ему придется объяснить и мотивы. Память его была пуста, но у него было ощущение чего-то зловещего. Оно возникло от чтения записки, которую он оставил себе.

Бэзил спросил его:

— Ты помнишь свои функции?

— Да, — пробормотал Вэйлок. Сети вдруг показались ему чересчур хлипкими. Он открыл дверь в кладовую.

— Зачем? — спросил Бэзил.

— Вдруг сети не выдержат?

— Ммм. Сегодня сети нам не понадобятся. Если ты готов, начнем. Антигептант.

Вэйлок тронул кнопку. Жидкость стала вливаться в кровь Герцога.

Бэзил смотрел на индикатор.

— Еще, еще, — он осмотрел датчик. — Что за дьявольщина!

— Может, препарат выдохся?

— Не пойму. Вчера все получилось прекрасно. — Он осмотрел мензурку. — Препарат тот же... Черт, надо продолжать. — Он склонился над неподвижной фигурой. — Максимилиан Герцог, проснись! Сегодня мы освобождаем тебя из Паллиатория. Просыпайся.

Больной сел в постели так резко, что Бэзил чуть не упал назад. Герцог сорвал с себя электроды, трубки. Клокочущий звук вырвался из его горла. Он вскочил с постели и стоял, покачиваясь, посреди комнаты. Глаза его горели адским пламенем.

— Сеть! — крикнул Бэзил.

Герцог протянул к нему руки. Бэзил отскочил в сторону, как краб. Вэйлок швырнул навстречу Герцогу стол, схватил Бэзила за руку и втащил в кладовую.

Герцог ударом ноги откинул стол и прыгнул за ними. Дверь захлопнулась перед его носом. Он ударил плечом в дверь, и вся стена загудела.

— Мы не можем оставаться здесь. Нам нужно как-то скрутить его, — сказал Бэзил.

— Как?

— Не знаю, но мы должны, иначе я пропал.

Из-за двери послышались шаги. Затем звук шагов стих, и тут же раздался дикий крик ужаса — голос Сэта Каддигана.

Вэйлоку стало плохо. Крик резко оборвался. Послышался звук, как будто на пол упало что-то мягкое, затем взрыв дикого хохота и громоподобный рев:

— Герцог! Максимилиан Герцог! Убийца, Максимилиан Герцог!

У Бэзила подогнулись колени. Вэйлок смотрел на него, с ужасом понимая, к чему привел его поступок. Он открыл дверь, осторожно прошел через лабораторию в кабинет.

Сэт Каддиган был мертв. Вэйлок взглянул на изувеченное тело. Действительно, только монстр мог сделать такое. Слезы показались у него на глазах.

В кабинет вошел Бэзил. Он увидел Каддигана и спрятал лицо в ладони. Откуда-то из холла донесся пронзительный крик, затем хриплое рычание.

Вэйлок заскочил в лабораторию, схватил распылитель, зарядил его препаратом быстродействующего снотворного. Затем он присоединил распылитель к пластиковой трубке длиной в четыре фута, взвел курок. Теперь он был вооружен.

Он снова выскочил в кабинет, пробежал мимо Бэзила. В коридоре он осторожно осмотрелся и прислушался.

Из дальней комнаты послышался короткий женский крик, полный ужаса. Значит, Герцог там. Вэйлок пробежал по коридору, заглянул в настежь распахнутую дверь. Герцог стоял над истерзанным телом человека.

Молодая женщина стояла, прижавшись к стене. Глаза ее были стеклянными от страха. Она изредка всхлипывала. Герцог держал ее за волосы, поворачивая голову женщины из стороны в сторону, как бы примериваясь, как легче оторвать ее одним рывком.

Вэйлок вошел в дверь, заглянул в лицо мертвеца. Дидактор Бенберри!

Вэйлок сделал глубокий вдох, шагнул вперед, приставил распылитель к шее Герцога и нажал на курок.

Герцог отпустил волосы женщины и повернулся. Он хлопнул себя по шее, посмотрел без всякого выражения на Вэйлока и сделал шаг вперед. Вэйлок нажимал и нажимал на курок.

— Тебе не напугать меня! — прорычал Герцог. — Дай мне только добраться до тебя, и я разорву тебя на куски. Я убью весь мир, начиная с тебя.

Вэйлок отступил назад.

— Почему ты не хочешь договориться мирно? Тогда ты будешь свободен.

Герцог рванулся вперед, вырвал трубку из руки Вэйлока.

— Мы можем договориться, — хрипел он. — Но сначала я убью вас всех. — Он уже шатался: препарат начал действовать на его мозг. И вот он рухнул на пол, побежденный мощным наркотиком.

Вэйлок подождал, пока прибежали служители. С ними появился и дидактор Сэм Юдиг, помощник суперинтенданта. Они остановились в дверях, с ужасом глядя на тела.

Вэйлок прислонился к стене. Голоса словно раздавались откуда-то издалека. Он слышал только бешеные удары своего сердца. Сэт Каддиган и дидактор Руф Бенберри... оба мертвы...

— Теперь поднимется страшный шум, — сказал кто-то.

— Не хотел бы я оказаться на месте Тинкопа.

4

Тело Каддигана унесли. Бэзил стоял у окна, потирая ладони.

— Бедный Каддиган. — Он повернулся и посмотрел на Вэйлока. — Что же было неправильно? Гэвин, что могло произойти?

— Препарат потерял силу, — медленно ответил Вэйлок.

Бэзил взглянул на Вэйлока. В глазах его загорелась мысль, но тут же угасла, сменившись выражением полной безнадежности. Он снова отвернулся.

— Вероятно, жене Каддигана уже сообщили? — спросил Вэйлок.

— А? — Бэзил нахмурился. — Юдиг должен был позаботиться об этом. — Он заморгал. — Я думаю, что мне следует подыскать ей новое жилье.

Такова была традиция: если умирал член семьи, оставшиеся должны были переселиться в другое место.

— Если хочешь, я займусь этим. Я с нею немного знаком.

Бэзил с облегчением согласился.

Вэйлок набрал номер Пледж Каддиган. Она уже знала о трагедии, а сотрудник Паллиатория снабдил ее препаратом «Не хнычь», таблетками, заставляющими забыть о горе. Видимо, она нашла им хорошее применение: лицо ее горело, яркие глаза возбужденно светились, голос звенел.

Вэйлок сказал все, что требовалось в подобных случаях. Пледж с готовностью рассказала о своих планах повышения слопа, пригласила заходить, и на этом разговор закончился.

Бэзил и Вэйлок молча сидели несколько минут. Затем к телефону позвали Бэзила. Это был дидактор Сэм Юдиг, ныне суперинтендант Паллиатория.

— Тинкоп, собрался Совет. Мы хотели бы выслушать твои показания. Ждем тебя в кабинете суперинтенданта.

— Хорошо. Я иду.

Бэзил поднялся.

— Я пошел, — тяжело сказал он. Затем, заметив скорбное лицо Вэйлока, он добавил с деланным оптимизмом: — Не беспокойся обо мне, Гэвин. Я выкручусь. — Он хлопнул Вэйлока по плечу и вышел.

Вэйлок прошел в лабораторию. Здесь царил страшный разгром. Он нашел мензурку с антигептантом, вылил содержимое, уничтожил мензурку. Затем он вернулся в кабинет и сел за стол Каддигана.

Он чувствовал связь между этой трагедией и каким-то другим, не менее ужасным событием. Джакинт Мартин? При чем тут она? Они вместе провели ночь в Карневале... Больше он не помнит ничего.

Он ходил взад-вперед, стараясь оправдать себя. Почему он должен чувствовать себя виновным? Жизнь в Кларжесе построена по принципу «каждый за себя». Когда кто-то становится Вержем, он автоматически уменьшает число Брудов на несколько десятков человек. Жизнь — суровая игра, и, если он хочет выиграть, нужно выработать свои правила и строго придерживаться их.

Это было его право. Общество виновато перед ним и должно платить за свою вину. Грэйвен Варлок добился звания Амаранта. И статус Амаранта по праву принадлежит ему, Вэйлоку. Он имел право использовать все средства, чтобы вернуть себе этот статус.

В коридоре послышались шаги. Вошел Тинкоп, поникший, с опущенными плечами.

— Я уволен, — сказал он. — Я больше не работаю здесь. Они сказали, что мне еще повезло, что я не встретился с убийцами...

5

Смерть дидактора Руфа Бенберри и Сэта Каддигана произвела сенсацию в Кларжесе. Гэвина Вэйлока восхваляли за исключительную храбрость и хладнокровие. Бэзила Тинкопа характеризовали как карьериста, использующего несчастных пациентов в качестве подопытных животных для подъема по лестнице карьеры.

Бэзил прощался с Гэвином в полнейшем расстройстве. Щеки его обвисли, глаза потухли, в них стояли слезы.

— Что же я сделал неправильно? — спрашивал он время от времени. — Может, судьба, Гэвин? Может, Великий Принцип нашего общества хочет, чтобы люди страдали психозами, как бы расплачиваясь за свое благоденствие? — Он улыбнулся через силу.

— Что ты собираешься делать? — просил Вэйлок.

— Найду что-нибудь. Видишь, психиатрия не моя область. Попробую начать сначала. Но это вопрос будущего.

— Желаю тебе счастья.

— И я тебе желаю, Гэвин.

IX

1

Новым суперинтендантом Балиасского Паллиатория стал дидактор Леон Граделла, приглашенный из какого-то другого института. Непомерно большая голова, взгляд злобный и подозрительный.

Граделла объявил, что будет беседовать со всеми сотрудниками Паллиатория и, возможно, сделает внутреннюю перестройку структуры. Начал он с ведущих специалистов. От него никто не выходил улыбающимся и никто не рассказывал о содержании бесед. На следующий день был вызван и Гэвин Вэйлок. Он вошел в кабинет, и Граделла указал ему на кресло. Не говоря ни слова, он углубился в досье Вэйлока.

— Гэвин Вэйлок, Бруд, — сказал он, подняв глаза на Вэйлока. Маленькие пронзительные глазки внимательно изучали его. — Вы здесь недавно?

— Да.

— Вы приняты на низшую должность?

— Да. Я хотел начать с самого низа, чтобы мое продвижение по службе было обусловлено моей работой. Я хотел, чтобы моя работа говорила сама за себя.

На Граделлу это не произвело впечатления.

— Люди могут имитировать бурную деятельность, чтобы обеспечить себе путь наверх. Здесь этого не будет. Ваша квалификация в области психиатрии слишком низка, чтобы на что-то надеяться.

— Я не согласен.

Граделла откинулся на спинку кресла.

— Естественно. Но как вы можете убедить меня в обратном?

— Что такое психиатрия? — спросил Вэйлок. — Это изучение болезней мозга и лечение их. Когда вы используете термин «квалификация», вы имеете в виду формальное образование в этой области, которое совсем не связано с умением лечить больных. Следовательно, квалификация — иллюзорное понятие. Истинная квалификация доказывается успехами в лечении. У вас какая квалификация с этой точки зрения?

Граделла улыбнулся почти с удовольствием.

— О, по вашему определению, я вообще профан. И, значит, вы полагаете, что нам следовало бы поменяться местами?

— А почему нет? Я согласен.

— Лучше оставайтесь пока на своем месте. Я буду внимательно следить за вашей работой.

Вэйлок поклонился и вышел.

2

В тот же вечер звонок оторвал Вэйлока от его занятий. У двери стоял высокий человек в черном.

— Это вы Гэвин Вэйлок, Бруд?

Вэйлок рассматривал пришельца, не говоря ни слова. Лицо человека было длинным, сосредоточенным, подбородок заострялся в точку, голова покрыта редкими волосами. Черная униформа с хорошо всем известной эмблемой указывала на его принадлежность к Специальному Отряду Убийц.

— Я Вэйлок. Что вам угодно?

— Я убийца. Если хотите, можете проверить мои полномочия. Я почтительно прошу вас следовать за мной в район Келл для короткой беседы. Если сейчас вы заняты, то мы можем договориться на более подходящее время.

— Разговор о чем?

— Мы расследуем преступление против Джакинт Мартин. Получена информация, которая указывает на вас как возможного преступника. Мы хотим получить либо доказательство, либо опровержение.

— Кто источник информации?

— Наши источники конфиденциальны. Я советую идти сейчас, хотя, разумеется, решаете вы.

Вэйлок поднялся.

— Мне скрывать нечего.

— Внизу нас ждет служебный автомобиль.

Они подъехали к старому угрюмому зданию на улице Парментер, поднялись по узкой каменной лестнице на второй этаж, где убийца передал Вэйлока молоденькой девушке с глазами, как оловянные пуговицы. Она усадила его в кресло, предложила минеральной воды.

Вэйлок отказался.

— Где трибуны? — спросил он. — Я не желаю, чтобы кто-нибудь шарил по моим мыслям в отсутствие трибунов.

— Здесь трое трибунов, сэр. Вы можете потребовать еще большего количества, если желаете.

— Кто эти трибуны?

Девушка назвала имена. Вэйлок удовлетворился: ни один из них не был замешан в чем-нибудь скандальном.

— Они будут здесь через минуту. Сейчас заканчивается очередное дело.

Прошло пять минут. Открылась дверь, вошли три трибуна, а за ними инквизитор, высокий тощий человек с умными, язвительными глазами.

Инквизитор сделал формальное заявление:

— Гэвин Вэйлок, вы допрашиваетесь по делу об устранении Джакинт Мартин. Мы хотим знать все, что вы делали в период времени, когда это устранение произошло. У вас есть возражения?

Вэйлок задумался.

— Вы сказали: в период, когда произошло устранение. Это слишком расплывчато. Это может быть и минута, и час, и день, и месяц. Я думаю, что для ваших целей достаточно спросить, что делал я в момент устранения.

— Время точно не установлено, сэр. Поэтому мы должны рассматривать некоторый период.

— Если я виновен, — заявил Вэйлок, — то я знаю точный момент. если я не виновен, то вторжение в мою частную жизнь вам ничем не поможет.

— Но, сэр, — улыбнулся инквизитор, — мы на службе общества. Неужели в вашей жизни есть нечто, что нужно скрывать от нас?

Вэйлок повернулся к трибунам.

— Вы слышали мое заявление. Будете ли вы защищать меня?

Один из трибунов сказал:

— Мы разрешаем задавать вопросы, касающиеся только трех минут до и трех минут после устранения Джакинт Мартин. Я думаю, что такой период времени должен устроить всех.

— Хорошо, — сказал Вэйлок. — Я готов.

Он сел в кресло. Девушка принесла электроды, закрепила их на висках. Послышалось шипение, в шее стало покалывать. Это девушка ввела в мозг препарат.

Наступила тишина. Инквизитор расхаживал взад-вперед, трибуны сидели неподвижно.

Прошло две минуты. Инквизитор коснулся кнопки. Электроды запульсировали, в мозгу Вэйлока сформировались спирали, которые бешено крутились, постепенно сжимаясь в точку.

— Смотрите на свет, — сказал инквизитор. — Расслабьтесь. Больше от вас ничего не требуется. Расслабьтесь и ждите. Скоро все кончится.

Вэйлок смотрел на раскаленную добела точку. Сознание стало удаляться, покидать его. Вокруг слышались неясные голоса, двигались какие-то тени. Вдруг свет мигнул, яркое пятно стало рассасываться, размываться — и вот он уже в полном сознании.

Инквизитор стоял рядом, вглядываясь в лицо Вэйлока.

Вэйлок понял, что чтение мыслей ничего не дало. Трибуны смотрели в сторону, как бы стесняясь своей необычной роли, позволяющей им выслушивать сокровенные тайны людей. За ними стояла Джакинт Мартин.

Вэйлок привстал в кресле и гневно заговорил:

— Почему эта женщина была здесь? Это противоречит всем законам. Я потребую наказания для вас!

Главный трибун, Джон Фостер, поднял руку:

— Присутствие этой женщины, конечно, нежелательно. Но оно не противоречит законам.

— Почему бы тогда не производить чтение мыслей прямо на улице? Тогда все прохожие смогут удовлетворить свое любопытство.

— Ты не понял. Джакинт присутствует здесь по своему положению. Она сама убийца. Недавно зачислена в штат.

Вэйлок повернулся к Джакинт. Джакинт улыбнулась холодной улыбкой.

— Да. Я расследую собственное убийство. Кто-то совершил чудовищное преступление. Я хочу знать, кто это.

— Хорошенькое занятие для красивой женщины.

— Что делать! Но я не собираюсь заниматься этим все время.

— Есть у вас какой-нибудь прогресс?

— Он был бы, если бы не странные провалы в твоей памяти.

Инквизитор откашлялся.

— Вы не хотите дать нам информацию по своей воле?

— Какую? — спросил Вэйлок. — Я ничего не знаю о преступлении.

Инквизитор кивнул.

— Мы это выяснили. В вашем мозгу практически отсутствует информация относительно всего, что относится к данному делу. — Он отошел.

Трибуны поднялись с кресел.

— Благодарим, мистер Вэйлок. Вы старались нам помочь.

Вэйлок повернулся к трибунам:

— Благодарю вас за помощь.

— Это наш долг, мистер Вэйлок.

Вэйлок бросил взгляд на Джакинт, вышел из комнаты и направился к выходу. Почти сразу же сзади послышались ее легкие шаги. Вэйлок остановился и стал ждать девушку. Она подошла с выжидательной улыбкой.

— Я должна поговорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— О чем?

— Разве ты не знаешь?

— Я не могу сказать ничего, кроме того, что ты уже знаешь.

Джакинт прикусила губу.

— Но ты был со мной в ту ночь! Правда, я не знаю, как долго. Эта часть ночи мне совсем неизвестна. А в ней, может, и содержится ключ.

Вэйлок пожал плечами.

Она сделала шаг вперед, вглядываясь в его глаза.

— Гэвин Вэйлок, ты будешь говорить со мной?

— Если хочешь.

3

Они нашли укромное место в Голубом Боболинке, старой таверне, деревянные стены которой почернели от древности. На стене висела коллекция старых фотографий — знаменитости давно минувших лет. Официант принес им заказ и удалился, не сказав ни слова.

— Ну, Гэвин Вэйлок, — сказала Джакинт, — расскажи мне, что случилось в тот вечер?

— Я мало что могу сказать тебе. Ты все уже знаешь. У нас возникло взаимное влечение друг к другу, по крайней мере, мне так показалось. Мы посещали разные Дома развлечений и под конец пришли в Памфилию. Остальное ты знаешь от своих друзей.

— А где мы были до Памфилии?

Вэйлок, как помнил, перечислил все их приключения. С большим трудом он выуживал сведения из своей памяти и, наконец, добрался до встречи с Бэзилом.

Джакинт запротестовала.

— Но ты многое пропустил!

Вэйлок нахмурился.

— Я не помню. Может, я был сильно пьян?

— Нет, Денис и Альберт утверждают, что ты был совершенно трезв и насторожен.

Вэйлок пожал плечами.

— Значит, тогда не произошло ничего такого, что произвело бы на меня впечатление и отложилось в памяти.

— И еще, — сказала Мартин. — Ты забыл сказать, что мы заходили в Дом Истины.

— Да? И это я не помню.

— Странно. Служитель хорошо запомнил тебя.

Вэйлок согласился, что это действительно странно.

— Хочешь услышать мою теорию? — спросила мягко Джакинт.

— Пожалуй.

— Я уверена, что в Доме Истины я узнала о тебе нечто такое, что ты хотел бы скрыть. И ты решил убить меня. Что ты скажешь на это?

— Мне нечего сказать.

— Ты ничего не сказал и во время чтения мыслей. — Голос ее стал горьким. — Самые интересные события почему-то отсутствуют в твоей памяти. Не знаю, как ты добился этого. Но я хочу узнать правду. И ты увидишь, что не смог извлечь выгоды из своего преступления.

— Что ты имеешь в виду?

— Больше я ничего не скажу.

— Ты странный человек.

— Я обычный человек, но с сильными чувствами.

— И я тоже.

Джакинт сидела неподвижно.

— О чем ты?

— О том, что распри между нами ни к чему хорошему не приведут.

Джакинт расхохоталась.

— Ты более уязвим, чем я.

— И, соответственно, более безжалостен.

Джакинт поднялась.

— Я должна идти. Но думаю, ты не забудешь меня. — Она быстро пробежала по ступеням и скрылась из виду.

На следующее утро Вэйлок направился в Паллиаторий. Примерно через час его вызвали к дидактору Граделле.

Он был холоден и суров.

— Я рассмотрел ваше дело. У вас нет никаких оснований занимать эту должность, и, следовательно, вы уволены.

X

1

Бэзил Тинкоп позвонил Вэйлоку через день после того, как его уволили из Паллиатория.

— Гэвин! Я боялся, что не застану тебя дома.

— Зря боялся. Я больше не работаю в Паллиатории.

Розовое лицо Бэзила превратилось в лицо обиженного ребенка.

— Плохо, Гэвин! Какое несчастье!

Вэйлок пожал плечами.

— Работа была так себе. Может, мне удастся найти что-нибудь получше.

Бэзил с сомнением покачал головой.

— Хотел бы я сказать то же самое.

— Значит, у тебя еще нет планов?

Бэзил вздохнул.

— В молодости я занимался стеклодувным делом. Я мог бы предложить несколько усовершенствований. А может, я вернусь на корабль. Я все еще не устроен и не уверен ни в чем.

— Только не бросайся на первую попавшуюся вакансию.

— Разумеется. Но я должен подумать о своем слопе, иначе надолго застряну ниже Серда.

Вэйлок налил себе чаю.

— Нужно все хорошо обдумать.

Бэзил махнул рукой:

— Обо мне не беспокойся. Я всегда останусь на ногах.

— Давай думать. Ты утверждал, что в Паллиаторий необходим приток свежих мыслей.

Бэзил покачал головой.

— И какая от этого польза?

— Другое подобное заведение, — сказал Вэйлок, — это Актуриан. Может, мы наладим его работу так, что добьемся всеобщего признания.

Бэзил с сомнением потер нос.

— Любопытно. У тебя очень гибкий ум.

— Актуриан — не какое-нибудь святилище.

— Это просто основа всей нашей жизни!

— Точно. Подумаем над этим. Его основные операции установлены лет 300 назад. Можно ввести изменения, ведь основные уравнения те же самые, те же самые пропорции филов в обществе, тот же самый уровень рождаемости. Бэзил задумался.

— И что можно получить от изменения?

— Слушай... чисто гипотетически: предел численности населения основан на максимальной производительности общества в сфере материальных благ. Увеличение производительности может повысить

допустимое число Вержей и Амарантов. Человек, который докажет это, повысит свой слоп.

Бэзил молчал, глядя в потолок.

— Но ведь такие вещи контролируются кем-то, кто заведует всем в Актуриане.

— А твой дидактор Бенберри помогал тебе лечить больных?

Бэзил покачал головой.

— Бедный старик Бенберри.

— И еще, — сказал Вэйлок. — Клетка Стыда.

— Отвратительно, — пробормотал Бэзил.

— Ужасное наказание, даже в те времена, когда не было Вэйрдов.

Бэзил улыбнулся.

— Человек может повысить свой слоп, избавив Кларжес от Вейрдов.

Вэйлок кивнул.

— Несомненно. Но тот, кто предпримет действия в отношении устранения такого наказания, заслужит всеобщее одобрение и повысит свой слоп.

Бэзил покачал головой.

— Я не уверен. Кто протестует против такого наказания? А когда наказанный выходит из клетки в полночь, многие респектабельные граждане выходят посмотреть.

— Или смешиваются с Вэйрдами.

Бэзил глубоко вздохнул.

— Может, ты наведешь меня на что-нибудь ценное, важное. — Он посмотрел на Вэйлока. — Благодарю, что ты теряешь время на меня.

— Ничуть не теряю. Дискуссия полезна нам обоим.

— Что ты собираешься делать?

— У меня идея: клиническое изучение Вэйрдов, исследование их психологии, мотивов, привычек, их распределение по филам, их общее число.

— Интересно. Однако тема запрещенная.

Вэйлок улыбнулся.

— Но зато такая, которая заинтересует многих.

— Но где ты получишь материал? Никто не признает себя Вейрдом. Нужно иметь огромное терпение, изворотливость, смелость...

— Я семь лет был резидентом в районе Тысячи Воров. Под моим управлением находилась сотня Берберов.

Бэзил был подавлен.

— Мы должны еще поговорить. Я созвонюсь с тобой.

Экран погас. Вэйлок прошел к столу и стал набрасывать план будущих исследований. На практическую работу потребуется шесть месяцев, на описание — еще три. Результат должен поднять его до Ведӝа.

Он позвонил в одно из известных издательств и через несколько часов явился туда.

Беседа прошла именно так, как он и ждал. Беррет Хоскинс, издатель, заговорил о тех же трудностях, о которых говорил Бэзил,

но Вэйлок парировал их теми же доводами и выиграл. Хоскинс сказал, что такие исследования наконец-то прояснят проблему Вейрдов, о которых ходят пока только невообразимые сплетни и слухи. Контракт для подписи будет готов на следующий день.

Вэйлок вернулся домой в радостном возбуждении. Это была именно та работа, о которой он мечтал! Какого черта он позволил затащить себя в Паллиаторий? Вероятно, семь лет выжидания затмили его разум, погасили воображение. Теперь он снова в седле и никто не остановит его. Он откроет новую область социологических исследований, он поразит население Кларжеса...

Беррет Хоскинс позвонил Вэйлоку в полдень. На лице его не было и следа вчерашнего энтузиазма. Он прятал глаза от Вэйлока.

— Я действовал опрометчиво, мистер Вэйлок. Наше издательство не может опубликовать это исследование.

— Что?! Что случилось?

— Выявились некоторые обстоятельства, и главный редактор наложил вето на эту публикацию.

Вэйлок бросил трубку в холодном бешенстве. На следующий день он объехал несколько издательств, но ни в одном из них его даже не хотели слушать.

Вернувшись домой, он стал расхаживать по комнате. Наконец он сел к телефону, набрал номер Джакинт Мартин.

На экране появилась Джакинт, холодная и прекрасная.

Вэйлок не стал тратить слова:

— Ты вмешиваешься в мои дела.

Она несколько секунд молча смотрела на него, затем улыбнулась.

— У меня сейчас нет времени говорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— Выслушай меня.

— Поговорим в другой раз.

— Хорошо. Когда?

Она задумалась. Внезапно у нее вспыхнула идея, которая показалась ей забавной:

— Сегодня вечером я буду в Пан-Арт Юнион. Ты можешь мне все сообщить там, если хочешь. — И она загадочно добавила: — Может, и я что-нибудь скажу тебе.

Экран погас. Вэйлок долго сидел, задумавшись. Убийцы следят за ним. Общество Амарантов делает все, чтобы не допустить его успеха. Это очевидно. Все радостные мечты вчерашнего дня оказались иллюзией. Он ощутил меланхолию, такую глубокую, что вся дальнейшая борьба показалась ему бессмысленной. Как хорошо было бы сейчас отдохнуть, погрузиться в сладкое забытье...

Он перевел дыхание. Как мог он хоть на секунду подумать о том, чтобы сдаться, подчиниться?

Он поднялся, одел вечерний костюм — серый с темно-голубым. Он пойдет в Пан-Арт Юнион и встретится с противником на его

поле. Но затем он задумался. Последние слова Джакинт... не означали ли они что-нибудь зловещее?.. Он хмыкнул и продолжал одеваться, но беспокойство его росло.

Проверив комнату на предмет наличия шпионских устройств, которые могли быть установлены в его отсутствие, он достал маску — свое «альтер эго» — и надел ее. Лицо его теперь стало тяжелым и длинным, губы — красными и выпуклыми, волосы — темно-каштановыми. Затем он набросил плащ и закрепил в волосах огромную серебряную пряжку.

2

Улица Фариот была пустынной. Несколько человек стояли на движущемся тротуаре. Вэйлок некоторое время смотрел на них из окна. Если это шпионы, то недостаточно опытные. Лишь бы они не подключили воздушное наблюдение и сложную систему связи. Правда, от этого тоже можно уйти, но придется приложить много труда. Нельзя уйти только от телевекции, но она запрещена законом.

Вэйлок хотел уйти от слежки сразу, чтобы не раскрывать свое инкогнито. Опасная область начиналась прямо в холле, при выходе из квартиры. Он приоткрыл дверь и в щель рассмотрел все, что мог увидеть. Он не заметил ничего подозрительного, хотя обзор у него был слишком маленький.

Вэйлок снял маску, плащ, свернул их в узел и, неся в руке, вышел из квартиры.

Он прошел по улице Фариот на станцию метро Алеманд. Там, убедившись, что за ним никто не идет и никто не подходит настолько близко, чтобы незаметно закрепить на его одежде радиотрейсер, он вошел в капсулу и нажал первую попавшуюся кнопку: Гарстенг. Капсула пришла в движение, и Вэйлок снова натянул маску и плащ. После этого он направил капсулу на станцию Флориандер Дек. Он вышел из капсулы, почти уверенный в том, что скрылся от возможного наблюдения.

В киоске он купил коробочку Стимос и после минутного колебания проглотил желтую, зеленую и пурпурную таблетки.

Стимос — это таблетки, воздействующие на нервную систему и мозг. Оранжевые таблетки вызывают восторженность и веселье, красные — влюбчивость, зеленые — сосредоточенность и усиление воображения, желтые — мужество и решительность, пурпурные — остроту ума и способность общаться с людьми, темно-голубые — сентиментальность, светло-голубые улучшают способность владения мышцами, черные возбуждают визуальные фантазии, белые минимизируют эмоциональный отклик. Таблетки можно комбинировать для получения сложного эффекта.

Впереди возвышались залитые светом склоны холмов. Там находились Подоблачный Замок, Вандун Хайленд, Балиас с Паллиаторием

возле реки, а дальше Семафор Хилл, Эйнджел Ден, где жил Бэзил, а еще дальше был расположен Пан-Арт Юнион.

Вэйлок поднялся на посадочную площадку и сел в воздушный кеб. Кеб взвился в воздух. И внизу, и вверху сияли мириады огней. За черной лентой реки пылало зарево Карневаля, отражающегося в воде.

XI

1

Воздушный кеб доставил Вэйлока на посадочную площадку, где уже было много частных флайеров — дорогих игрушек, наслаждаться которыми имели время лишь Амаранты да Гларки. Широкий туннель, покрытый черным ковром, вел в холл. Вэйлок ступил на ковер. Оказалось, что все ворсинки его незаметно вибрируют и перемещают человека. Вэйлок проехал под стеклянно-золотой портал и оказался в вестибюле. Там он увидел надпись:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!
АКВАФАКТЫ!
РЕЙНГОЛЬД БИБУРСОН!!!

Крупная ленивая женщина сидела за столиком, над которым висел плакат: *Пожертвования принимаются с благодарностью.*

Женщине, видимо, было скучно, и она плела из проволочной нити замысловатый узор. Вэйлок положил на стол флорин. Женщина поблагодарила его хриплым голосом, не отрываясь от работы. Вэйлок шагнул за бархатные портьеры и оказался в холле.

Аквафакты Рейнгольда Бибурсона, сложные конфигурации из сгущенной воды, располагались на пьедесталах. Окинув их беглым взглядом, Вэйлок решил, что они не представляют для него интереса, и стал наблюдать за присутствующими.

В зале собралось около двух сотен человек. Они стояли группами, беседуя, или циркулировали вокруг блестящих пьедесталов. Рейнгольд Бибурсон стоял возле двери — высокий худой человек семи футов ростом. Он выглядел скорее не как почетный гость, а как жертва, обреченная на страдание. Эта выставка должна была обеспечить ему успех, признание, финансовую поддержку, но он походил на человека, идущего по пустынному лесу. И только когда кто-нибудь обращался непосредственно к нему, он опускал глаза и становился любезен и внимателен.

Джакинт стояла у противоположной стены и разговаривала с молодой женщиной в изящном платье серо-зеленого цвета. Платье Джакинт, сшитое в стиле одежды аквитанских уличных танцовщиц, своим цветом идеально гармонировало с золотом ее волос. Замысловатая прическа девушки формой напоминала пламя свечи. Глаза ее скользнули по Вэйлоку, когда он вошел в зал, но, видимо, она не узнала его.

Вэйлок двигался вместе со всеми вокруг зала. Джакинт, не замечая его, по-прежнему наблюдала за входом. Ее подруга, молодая, изумительно сложенная женщина, казалось, тоже внимательно следила за входом в зал. Лицо ее сужалось к подбородку и расширялось к скулам. На нем выделялись большие темные блестящие глаза. Роскошные волосы волнами спадали на плечи. Вэйлоку это лицо показалось знакомым. Где-то, когда-то он видел его.

Он прошел за ними и задержался, чтобы обрывки разговора долетели до него.

— Он придет? — спросила Джакинт взволнованным голосом.

— Конечно, — ответила темноволосая. — Он ведь без ума от меня.

Вэйлок поднял брови. Значит, ждут не его! Он был даже немного разочарован. Джакинт нервно рассмеялась.

— До такой степени?

— Винсент, если я попрошу его, будет жить даже среди кочевников... А вот и он.

Вэйлок проследил за ее взглядом и увидел человека, вошедшего в зал. Ему, по всей вероятности, было лет тридцать и принадлежал он к среднему филу. Одежда его отличалась легкой экстравагантностью, носил он ее с непринужденным изяществом. Маленькие глаза цвета глины, длинный острый нос, аккуратный подбородок... скорее всего, учитель-наставник, строгий и придирчивый.

Джакинт отвернулась, чтобы отойти.

— Может, не стоит, чтобы он видел нас вместе?

Темноволосая пожала плечами.

— Как хочешь!

Теперь Джакинт могла увидеть Вэйлока, и он решил отойти. Больше он ничего не слышал.

Темноволосая девушка торопливо направилась навстречу тому, кого ждала, и столкнулась с двумя пожилыми джентльменами, направляющимися к Джакинт. Темноволосая сконфуженно улыбнулась и исчезла. Пожилые мужчины подошли к Джакинт и стали беседовать с нею.

Вэйлок продолжал движение по залу. Кажется, этот Винсент каким-то образом вовлечен в планы Джакинт. С ним полезно познакомиться поближе.

Винсент сразу направился к темноволосой девушке, но, заметив Рейнгольда Бибурсона, подошел поближе.

— К стыду своему, — говорил юноша, — должен признаться, что совсем незнаком с вашими работами.

— Многие незнакомы, — сказал Бибурсон гортанным голосом.

— Меня очень интересует, мистер Бибурсон, — продолжал юноша, — ведь я сам техник, как вы переводите воду в такое сгущенное стеклообразное состояние, получаете из воды такие сложные поверхности и сохраняете их.

Бибурсон улыбнулся.

— Для меня нет проблем. Я ведь космолетчик, а в космосе нет силы тяжести. Там я могу делать с водой что угодно и сохранять полученные формы с помощью мезонного излучателя.

— Великолепно! — воскликнул юноша. — Но склонен думать, что чудовищные бездонные глубины космоса должны влиять скорее подавляюще, чем возбуждать тягу к творчеству.

Бибурсон снова улыбнулся:

— Космос — это разинутый рот, который требует, чтобы его наполнили, это голова, требующая мыслей, пустота, требующая формы.

— А куда вы летали в последний раз? — спросил Вэйлок.

— Сириус. И планета Дог.

— А! — воскликнул юноша. — Значит, вы были на борту Стар Эндевор?

— Я главный навигатор.

К ним присоединился мужчина средних лет.

— Позвольте представиться, — сказал он, — Якоб Мил.

Вэйлоку показалось, что юноша насторожился.

— Мое имя Винсент Роденейв, — сказал он неохотно.

Вэйлок промолчал. Бибурсон смотрел на них со спокойной отрешенностью.

Якоб Мил обратился к нему:

— Еще никогда не разговаривал с космолетчиком. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Конечно нет.

— Я читал, что во вселенной существует бесчисленное множество миров.

Бибурсон кивнул.

— И есть миры, где человек может выйти из корабля и остаться живым. Миры, похожие на Землю.

— Я видел такие миры.

— Вы исследуете такие миры, если предоставляется возможность?

Бибурсон улыбнулся.

— Не часто. Я ведь всего лишь пилот, извозчик, и делаю только то, что мне приказывают.

— О, я уверен, что вы можете рассказать больше, — запротестовал Мил.

Бибурсон кивнул.

— Есть планета, о которой я редко рассказываю. Свежая и прекрасная, как весенний сад. Она моя. Еще никто не открыл ее. Это девственная планета с ледяными шапками полюсов, континентами, горами, океанами, лесами, пустынями... она моя. Я бродил по берегу реки. Справа и слева от меня стояли голубые леса, впереди возвышались горные хребты. И все это мое. Ни одного человека в пределах пятнадцати световых лет...

— Да, вы богач, — сказал Мил. — Вам можно позавидовать.

Бибурсон покачал головой.

— Этот мир я видел лишь однажды. И увидеть его снова столько же шансов, сколько увидеть знакомое лицо на улице чужого города. Я потерял свою планету. И, вероятно, никогда ее не найду.

— Но есть и другие миры. Может, их хватит на всех? Стоит только отыскать их.

Бибурсон рассеянно кивнул.

— Вот такая жизнь мне нравится, — сказал Вэйлок.

Якоб Мил рассмеялся.

— О, мы, люди, живущие в Кларжесе, не космолетчики. И Бибурсон не похож на нас. Он из прошлого. Или из будущего?

Бибурсон посмотрел на Мила с меланхолическим интересом, но не сказал ничего.

— Мы живем в крепости, — сказал Мил. — Мы отгородились от варваров барьером, мы находимся на острове в море дикости. И это определяет всю нашу жизнь. Слоп! Слоп!! Слоп!!! Вот все, что можно услышать в Кларжесе. — Мил воздел руки в сардоническом отчаянии и пошел прочь.

Роденейв тоже двинулся по залу, обходя аквафакты. Вэйлок немного постоял, затем присоединился к нему. Они вступили в разговор.

— Меня удивляет, — сказал Роденейв, указывая на причудливые формы, — как поддерживаются эти линии? Ведь поверхностное натяжение воды должно было бы все перевести в сферы.

Вэйлок нахмурился.

— Может быть, он использует поверхностные пленки, усиливающие плотность воды?

Винсент согласился без спора. Они прошли мимо Джакинт, все еще беседующей с двумя стариками.

— Это Джакинт Мартин, — небрежно бросил Вэйлок. — Ты знаком[illegible]?

Роденейв бросил на Вэйлока острый взгляд.

— Только понаслышке. А ты знаешь ее?

— Очень мало.

— Лично я здесь по настоятельному приглашению Анастазии де Фанкур, — сказал Винсент, и Вэйлок ощутил дрожь в его голосе.

— Я незнаком с нею. — Так вот почему это лицо показалось ему знакомым! Анастазия де Фанкур!

Знаменитый мим!

Роденейв снова оценивающе посмотрел на Вэйлока.

— Она подруга Джакинт.

Вэйлок расхохотался.

— Между Амарантами не бывает дружбы. Они слишком довольны собой и не нуждаются в близости.

— Ты, вероятно, серьезно изучал психологию Амарантов?

Вэйлок пожал плечами.

— Да нет. — Он посмотрел вдаль. — Рейнгольд Бибурсон. Какой у него фил?

— Верж. Хорошее достижение для космолетчика.

— А какой у тебя фил? — спросил Вэйлок.

Роденейв назвал свой статус:

— Серд.

Он работал техническим руководителем в Актуриане. Вэйлок спросил, каковы его функции.

— Разные исследования. В последний год я ввел упрощение в телевекторную систему. Раньше оператор интерпретировал код и затем переводил его в координаты общей карты. Сейчас информация печатается прямо на лист, который является непосредственной частью карты. За это я и стал Сердом.

— Поздравляю, — сказал Вэйлок. — Мой друг хочет перейти на работу в Актуриан. Он будет рад услышать, что там есть возможности для повышения.

Винсент посмотрел на Вэйлока.

— В какой области он хочет работать?

— Вероятно, в области общественных отношений.

— О, там он ничего не заработает, — фыркнул Роденейв.

— Разве нет возможности повысить слоп на усовершенствованиях? Я и сам хотел бы поступить в Актуриан.

Роденейв смутился.

— К чему эта всеобщая миграция в Актуриан? У нас прозаическая работа, ничего необычного.

— Но ты же существенно повысил свой слоп.

— В технической области, если у человека есть логический ум, точная память, работоспособность, он всегда добьется успеха. Хотя, должен заметить, мой успех больше связан с одним изобретением.

Вэйлок посмотрел по сторонам.

— Интересно. И что же ты изобрел?

— Ничего существенного, но это приобрело большую популярность. Ты, наверное, и сам не раз грелся у очага.

— Конечно! — воскликнул Вэйлок.

— Очаг — это встроенный в стену экран. При включении на экране возникает изображение огня с углями, с потрескиванием, с запахом дыма... и с инфракрасным излучением.

— О, ты со своим изобретением, наверное, повысил не только свой слоп, но улучшил материальное положение.

Роденейв фыркнул.

— Кто думает о деньгах, когда жизнь так коротка? Сейчас я должен был бы быть дома и изучать логарифмы.

— ?!

— Я тренирую память. Уже сейчас я умею определять логарифмы чисел при любом основании.

Вэйлок с сомнением улыбнулся.

— Чему равен логарифм сорока двух?

— При каком основании?

— 10.

— 62325.

Роденейв покачал головой.

— Я дошел только до 71.

— Тогда 71?

— 85126.

— Как ты делаешь это?

Роденейв махнул рукой.

— Мнемоническая система. Каждую цифру я представляю как часть речи. 1 — неодушевленное существительное, 2 — одушевленное существительное, 3 — существительное растение, 4 — минерал, 5 — глагол, 6 — наречие эмоции, 7 — наречие цвета, 8 — наречие направления, 9 — размера, 0 — ничто. Для каждого числа я составляю кодовое предложение.

— Замечательно.

— Сегодня, — вздохнул Роденейв, — я должен был дойти до 74 или 75. Если бы не Анастазия. — Он замолчал. — А вот и она.

Винсент смотрел на Анастазию, как завороженный.

Анастазия подошла к ним легкими, как у котенка, шагами.

— Добрый вечер, Винсент, — сказала она чистым голосом и бросила на Вэйлока короткий взгляд искоса.

Роденейв сразу забыл о Вэйлоке.

— Я принес то, о чем ты просила. И позаботился, чтобы не было ни малейшего риска.

— Прекрасно, Винсент. — Она взяла его руки и наклонилась совсем близко к нему, отчего он весь напрягся и побледнел. — Зайди ко мне после представления.

Роденейв расплылся в улыбке. Анастазия тоже улыбнулась ему, снова бросила косой взгляд на Вэйлока и исчезла. Оба мужчины смотрели ей вслед.

— Чудесное создание, — пробормотал Винсент.

Анастазия остановилась возле Джакинт, которая спросила ее о чем-то. Анастазия кивком показала на Винсента Роденейва. Джакинт повернулась и увидела стоящих рядом Винсента и Вэйлока.

Глаза ее расширились от изумления. Она нахмурилась и отвернулась. «Неужели она узнала меня?» — подумал Вэйлок.

Винсент Роденейв тоже заметил взгляд Джакинт. Он с любопытством посмотрел на Вэйлока.

— Ты не назвал мне своего имени.

— Я Гэвин Вэйлок, — грубо и прямо ответил Вэйлок.

Брови Роденейва взметнулись вверх, рот приоткрылся.

— Ты сказал — Гэвин Вэйлок?

— Да.

Роденейв осмотрелся.

— Сюда идет Якоб Мил. Я лучше уйду.

— Чем он неприятен тебе?

Роденейв бросил на него короткий взгляд.

— Разве ты не слышал о Визерерах?

— Я слышал, что они встречаются в Холле Откровения.

Роденейв кивнул.

— Я не желаю слушать его излияния. Он — Гларк с головы до ног.

Роденейв поспешил прочь. Вэйлок взглянул на Джакинт, которая все еще была занята беседой.

Якоб Мил подошел к Вэйлоку и с ухмылкой посмотрел вслед Роденейву.

— Можно подумать, что юный Роденейв избегает меня.

— Кажется, он боится твоей философии.

Якоб Мил начал что-то говорить, но Вэйлок извинился и пошел за Роденейвом, который остановился возле одной из структур. Заметив Вэйлока, он отвернулся.

Вэйлок тронул его за плечо, и Винсент повернулся к нему с недовольной миной.

— Я хочу поговорить с тобой, Роденейв.

— Сожалею, но сейчас...

— Может, нам лучше выйти?

— У меня нет такого желания.

— Тогда пройдем в боковой холл. Там легче поговорить о делах. — Вэйлок взял Роденейва за руку и повел его в один из боковых альковов. Там он отпустил Винсента.

— Отдай это мне.

— Что?

— Ты принес для Анастазии что-то, что касается меня. Я хочу увидеть это.

— Ты ошибаешься. — Роденейв хотел уйти, но Вэйлок крепко взял его за руку. — Отдай это мне.

Роденейв стал вырываться. Вэйлок распахнул его пиджак и в кармане жилета увидел конверт. Он вытащил его и начал открывать, несмотря на отчаянные протесты и сопротивление Винсента Роденейва.

Открыв конверт, Вэйлок увидел три квадратика пленки. Он взял один, посмотрел на свет. Изображение было слишком мелким, но метку можно было разобрать: Грэйвен Варлок.

— А! — сказал Вэйлок. — Я начинаю понимать.

Роденейв стоял поникший, но взбешенный.

На второй пленке стояла метка: Гэвин Вэйлок. На третьей — Анастазия.

— Это же телевекторы, — сказал Вэйлок. — И ты мне скажешь...

— Я не скажу ничего! — резко оборвал его Роденейв. Глаза его злобно сверкнули.

Вэйлок с любопытством посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что будет, если я заявлю на тебя?

— Безвредная шутка, и ничего больше.

— Безвредная? Шутка? Ведь ты вмешиваешься в мою жизнь. Даже убийцы не имеют права пользоваться телевекцией.

— Ты преувеличиваешь серьезность дела.

— А ты преувеличиваешь расстояние до Клетки Стыда.

Роденейв махнул рукой.

— Отдай мне пленки.

Вэйлок насмешливо посмотрел на него.

— Ты сумасшедший?

Роденейв стал пытаться свести свою роль к минимуму.

— Я сделал это только по просьбе Анастазии.

— Зачем ей это?

— Не знаю.

— Я уверен, что она хотела передать пленки Джакинт.

Роденейв пожал плечами.

— Не мое дело.

— Ты сделаешь ей другие? — осторожно поинтересовался Вэйлок.

Роденейв встретился с ним взглядом, отвернулся.

— Нет.

— Мне бы хотелось, чтобы это было так.

Роденейв посмотрел на конверт.

— А что ты с ними будешь делать?

— Ничего, что затронуло бы тебя. Благодари бога, что удалось легко отделаться.

Винсент повернулся и вышел из алькова.

Вэйлок некоторое время размышлял, затем снял маску, сунул ее в угол и вышел в зал.

Джакинт сразу увидела его. Глаза их встретились, и Вэйлок почувствовал вызов во взгляде Джакинт. Он подошел к ней. Джакинт ждала его с холодной усмешкой.

2

— Халдеман видел руины в Бискайской гавани... — говорил один из собеседников Джакинт. — Стены, бронзовые стелы, обломки мозаики, панель голубого стекла...

Другой хлопнул в ладоши от энтузиазма.

— О, это настоящие чудеса! Если бы я не был занят в офисе, я присоединился бы к экспедиции.

Джакинт протянула руку в направлении Вэйлока.

— Вот человек, предназначенный для авантюр! — Она представила всех другу другу: — Сидон Сэм... — подтянутый человек с обветренным лицом — ... и его честь Канцлер Пританеона Клод Имиш... — хорошо откормленный седовласый старец.

Вэйлок вежливо поздоровался с обоими.

Джакинт, ощущая внутреннее напряжение Вэйлока, сказала ему:

— Мы говорим о последней экспедиции Сэма. Он подводный археолог. Разве это не увлекательно, Гэвин Вэйлок, увидеть разрушенные города под водой?

— Очень увлекательно! — воскликнул канцлер Имиш.

— А что это за город? — спросила Джакинт.

Сэм покачал головой.

— Кто знает? Только дальнейшие исследования могут ответить на это.

— А вам не досаждали пираты?

— До некоторой степени. Но мы научили их остерегаться нас.

Вэйлок больше не мог сдержать нетерпение. Он обратился к Джакинт:

— Могу я поговорить с тобой?

— Конечно. — Она извинилась перед собеседниками, и они отошли в сторону.

— Ну, Гэвин Вэйлок, чего ты хочешь?

— Почему ты хотела, чтобы я явился сюда?

Она изобразила удивление:

— Разве ты не хотел встретиться со мной?

— Я тебе уже сказал: если ты будешь вмешиваться в мою жизнь, я вмешаюсь в твою.

— Это звучит как угроза, Гэвин.

— Нет. Я не угрожаю тебе в присутствии этого... — Он указал на круглую кнопку, передающее устройство, с помощью которого вся информация о жизни Амаранта поступает к его суррогатам.

— Если бы я имела это в Карневале, — вздохнула она. — Тогда бы ничего не произошло. — Она посмотрела мимо Вэйлока, и глаза ее сузились от возбуждения. — А вот и тот, с кем тебе нужно встретиться. Очередной любовник Анастазии... один из них...

Вэйлок повернулся. Абель Мандевиль!!! Они смотрели друг на друга.

— Грэйвен Варлок! — воскликнул Абель.

Вэйлок холодно ответил:

— Мое имя Гэвин Вэйлок.

Гэвин заявил, что он реликт Грэйвена, — сказала Джакинт.

— Тогда извините, — глаза Абеля сузились. — Реликт? Не суррогат?

— Реликт

Абель внимательно смотрел на Вэйлока, изучая его движения.

— Возможно, возможно. Но ты не реликт. Ты Грэйвен, каким-то образом избежавший уничтожения. — Он повернулся к Джакинт. — Как поступить с монстром, чтобы привести его в руки правосудия?

— Не знаю, — задумчиво ответила Джакинт.

— Почему ты общаешься с ним?

— Должна признать, он интересует меня. И, может быть, он суррогат...

Абель махнул большой красной рукой:

— Где-то произошла ошибка. Когда убийцы хватают человека, они должны уничтожать все, даже память о нем.

— Абель, — сказала Джакинт, глядя на Вэйлока, — к чему вспоминать о прошлых ошибках, когда полно новых?

Абель хрипло прорычал:

— Монстеризм становится респектабельным занятием. — Он повернулся и ушел.

Джакинт и Вэйлок смотрели ему вслед.

— Он сегодня более желчен, чем обычно, — сказала Джакинт. — Это из-за Анастазии. Ревность грызет его.

— Ты пригласила меня сюда для встречи с ним?

— Ты слишком чувствителен. Да, я хотела быть свидетелем этой встречи. Меня интересует, какие мотивы подтолкнули тебя к моему уничтожению. И я уверена, что ты Грэйвен Варлок.

— Но мое имя Гэвин Вэйлок.

Она отмахнулась от этих слов.

— Я не верю ни одному твоему слову. Прежняя Джакинт не могла бы заинтересоваться тобой. Причина всему — дело Варлока — Мандевиля.

— Даже если это и так, почему я должен был убивать тебя?

— Когда я увидела тебя в Карневале, еще не прошло семи лет. Ты боялся, что я передам тебя убийцам.

— Предположим, что это так. Ты сообщила бы обо мне убийцам?

— Обязательно. Ты повинен в ужасном преступлении и повторил его в Карневале.

— Ты очень странная. Чтение мыслей доказало, что я ничего не знаю, а ты не хочешь поверить в это.

— Я не дурочка, Гэвин-Вэйлок.

— Даже если я виновен... а я никогда этого не признаю... в чем состав преступления? Ни ты, ни Абель не испытали ничего, кроме маленького неудобства.

— Преступление, — мягко сказала Джакинт, — состоит в твоей готовности отобрать чужую жизнь.

Вэйлок беспокойно осмотрелся. Мужчины, женщины... они разговаривали, смеялись, рассматривали экспонаты... Его беседа с Джакинт казалась чем-то нереальным.

— Сейчас вряд ли подходящее время спорить об этом, — сказал он. — Однако я должен сказать, что если лишение жизни — преступление, то преступники все, кроме Гларков.

Джакинт прошептала в притворном ужасе:

— Расскажи, в чем заключается мое преступление?

Вэйлок кивнул:

— Один Амарант на две тысячи человек — такова разрешенная пропорция. Когда ты стала Амарантом, информацию об этом ввели в Актуриан. Две тысячи черных автомобилей выехали по приказу Актуриана. Две тысячи дверей отворились, две тысячи несчастных покинули свои дома, поднялись на три ступеньки, две тысячи...

Голос Джакинт зазвучал, как растроенная скрипка:

— Но я тут ни при чем...

— Да, — ответил Вэйлок. — Это борьба за существование, вечная борьба, но самая жестокая и безжалостная за всю историю человечества. И ты сочиняешь фальшивые теории, обманываешь себя, ослепляешь... Если бы ты честно смотрела в лицо действительности, в Паллиаториях было бы меньше пациентов.

— Браво! — воскликнул канцлер Имиш, подошедший сзади. — Неортодоксальный взгляд на вещи, высказанный с большой искренностью.

Вэйлок поклонился.

— Благодарю. — Он кивнул Джакинт и пошел через толпу.

3

Вэйлок присел на скамейку в уединенном уголке зала. Значит, Джакинт заманила его сюда, чтобы установить его личность. Если не с помощью Абеля Мандевиля, то по телевекторным диаграммам, которые, по требованию Анастазии, достал ее поклонник.

Вэйлок достал пленки и стал рассматривать их. Телевекторные диаграммы Гэвина Вэйлока и Грэйвена Варлока совпадали полностью. Вэйлок улыбнулся и разорвал их. На диаграмме Анастазии изображение было расплывчатым, как будто два изображения наложили одно на другое. Даже красный крест — знак совмещения — и тот был двойным. Один четкий и яркий, другой — бледный и расплывчатый. Почему же такая нечеткость, двойное изображение? Вряд ли это неполадка в машине. Впечатление такое, как будто наложились диаграммы двух человек. Но это же невозможно. Альфа-диаграммы каждого мозга уникальны...

И вдруг у Вэйлока вспыхнула мысль, с первого взгляда абсурдная, но... Но если это так...

Возбуждение охватило его. В его мозгу созрел подробный план действий.

Но вот звуки труб разорвали течение его мыслей. Голоса затихли, свет стал меркнуть.

4

Часть стены отошла в сторону и открыла сцену с черным занавесом. На сцене появился молодой человек.

— Друзья искусства! Перед нами согласилась выступить самая замечательная актриса современности. Я, конечно, имею в виду несравненную Анастазию де Фанкур. Она поведет нас за кулисы иллюзий и скинет вуаль с действительности. Выступление будет коротким, и она просила меня извиниться за некоторую схематичность представления. Но я не хочу этого делать. Помогать Анастазии будет музыкант-любитель, иными словами — я.

Он поклонился и исчез. В холле стало темно.

Черный занавес задрожал. Вспыхнул свет прожектора, но на сцене никто не появился.

Потом из мрака вышла хрупкая белая фигурка в костюме Пьеро. Казалось, она вся трепещет в ярком свете. Она нерешительно подошла к занавесу и как бы в нерешительности отогнула его. Что-то большое, черное прыгнуло на нее. Девушка бросила занавес, отскочила, пошла в глубь сцены. Луч света преследовал ее. Она повернулась к зрителям. На белом, как снег, лице четко выделялись черные губы. Волосы едва прикрывала белая шапочка с черным помпоном. Традиционный костюм Пьеро состоял из свободного белого балахона с черными помпонами на месте пуговиц. Черные большие глаза, брови, выгнутые так, что придавали лицу изумленное выражение, — наполовину клоун, наполовину привидение...

Она отошла к самому краю сцены и смотрела на занавес, который, дрожа, отошел в сторону.

Так началась пантомима, которая длилась пятнадцать минут. Она состояла из трех эпизодов, в каждом из которых утверждалась победа сердца над разумом, фантазии над реальностью. Каждый эпизод был обезоруживающе прост, но эту парочку было трудно увидеть за дьявольским очарованием мима, за скорбно опущенными углами черного рта, за большими, как чернильные озера, глазами. Каждый эпизод сопровождался музыкой, сюжет начинался с простейшего действия, которое, постепенно усложняясь, переходило в сложные построения, имеющие глубокий философский смысл.

Действие первого эпизода происходит в лаборатории парфюмерной фабрики, где девушка работает лаборантом. Она смешивает разные масла, эссенции, но в результате получает только зловонный пар, который заставляет морщиться зрителей в зале. Девушка в отчаянии всплескивает руками и берет толстую книгу. Затем она бросает в чашу рыбью голову и горсть розовых лепестков. В чаше вспыхивает зеленое пламя. Девушка в трансе. Она роняет в чашу свой платок и из чаши поднимается сноп разноцветных искр — чудо пиротехники. Все это сопровождается чарующей музыкой.

Во втором эпизоде девушка ухаживает за садом. Земля сухая и каменистая. Она выкапывает ямки и в каждую сажает цветок — розу, подсолнух, лилию... Цветы один за другим сохнут и желтеют. Девушка в отчаянии. Она ломает руки, рвет цветы, бросает их на землю. В порыве отчаяния она втыкает в землю лопату. Тут же из черенка лопаты начинают расти ветки, покрытые зелеными листьями. На ветках висят спелые плоды.

В третьем эпизоде сцена абсолютно темная. Виден только циферблат часов, зеленые стрелки и красная метка на цифре двенадцать. Девушка выходит на сцену, смотрит на небо и начинает строить дом. Она строит его из совсем неподходящих материалов — сломанных досок, кусков металла, осколков стекла. Несмотря на это, у нее что-то получается. Вырисовываются контуры дома. Девушка снова смотрит на небо и начинает работать быстрее. Стрелка приближается к красной отметке.

Дом готов. Девушка счастлива. Она открывает дверь, чтобы войти, и отгоняет птиц. Пока она этим занята, стрелка касается красной отметки: яркая вспышка света, гром... яростный белый прибой расшвыривает обломки досок и камней, захлестывает и уносит девушку... Рев, скрежет, нечеловеческий вопль...

В холле включился свет, занавес опустился, секция стены встала на место.

5

Анастазия де Фанкур вернулась в свою комнату, закрыла за собой дверь. Она чувствовала себя так, как будто вынырнула из ледяной воды и вернулась на солнечный пляж.

Спектакль вроде бы получился, хотя и были шероховатости. Возможно, придется добавить еще один эпизод...

Она застыла. В комнате находился кто-то чужой. Незнакомый. Она заглянула в маленькую прихожую. Там сидел мужчина. Большой мужчина с бородой.

Анастазия сняла шапочку. Волосы рассыпались роскошными черными локонами.

— Мистер Рейнгольд Бибурсон. Большая честь для меня.

Бибурсон медленно покачал головой.

— Нет. Это честь для меня. Я не буду извиняться за вторжение. Космолетчики выше условностей.

Анастазия рассмеялась.

— Я бы согласилась с вами, если бы знала, какие условности вы имеете в виду.

Бибурсон отвел глаза в сторону. Анастазия подошла к столу, взяла полотенце и начала вытирать грим с лица.

— Я не из тех, кто умеет хорошо говорить, — начал Бибурсон. — В моих мыслях рождаются картины, которые трудно перевести в

слова. Мне приходилось бодрствовать на вахте недели, месяцы, пока остальные спали.

Анастазия скользнула в кресло.

— Вы, должно быть, очень одиноки.

— У меня есть работа. Есть скульптуры. Есть музыка. Сегодня я увидел вас и поразился. До сих пор я только в музыке находил то, что всколыхнули во мне вы.

— Этого следовало ожидать. Мое искусство похоже на музыку. И я, как и музыканты, пользуюсь символами, далекими от реальности.

Бибурсон кивнул.

— Я понимаю.

Анастазия подошла к нему, заглянула в его лицо.

— Вы странный человек. Вы чудесный человек. Почему вы здесь?

— Я пришел просить, чтобы вы полетели со мной. — Ответил Бибурсон с величественной прямотой. — В космос. Стар Энтерпрайз готовится к полету. Скоро мы полетим на Акарнар. Я зову вас с собой, в черное, украшенное звездами небо.

Анастазия улыбнулась.

— Я такая же трусиха, как и все остальные.

— В это трудно поверить.

— Но это правда. — Она подошла к нему, положила руку на плечо. — Я не могу покинуть свои суррогаты. Тогда распадется связь между ними. Как видите, моя свобода весьма ограниченна.

Сзади послышались шаги и раздался хриплый голос:

— Должен сказать, что сценка весьма любопытная.

В дверях стоял Абель Мандевиль и осматривал комнату. Лицо его искажала злоба.

— Крутишь шашни с этой бородатой вороной? Обнимаешься с ним?

Анастазия разозлилась.

— Не слишком ли много ты позволяешь себе?

— Ха! Моя грубость менее тошнотворна, чем твое легкомыслие.

Бибурсон встал.

— Боюсь, что я испортил вам весь вечер, — печально сказал он.

Мандевиль хмыкнул:

— Не обвиняй себя. На твоем месте мог быть любой другой.

Раздался еще один голос. В комнату заглядывал Винсент.

— Могу я поговорить с тобой, Анастазия?

— Еще один! — воскликнул Абель.

Роденейв напрягся.

— Это оскорбление, сэр.

— Не имеет значения. Что тебе здесь нужно?

— Я не вижу, почему это вас должно интересовать?

Абель двинулся к нему. Роденейв, ростом чуть ли не вдвое ниже его, не тронулся с места. Анастазия очутилась между ними.

— Эй, петухи! Остановитесь! Абель, уйдешь ли ты наконец?

Абель взбесился.

— Мне уйти? Мне?

— Да.

— Я уйду последним. Я хочу говорить с тобой. — Он махнул в сторону Роденейва и Бибурсона. — Эй, вы, уходите!

Бибурсон поклонился с печальной грацией и вышел.

Винсент нахмурился.

— Может быть, мы увидимся позже? Мне нужно объяснить...

Анастазия склонила голову. Ее лицо выражало страшную усталость.

— Не сегодня, Винсент. Мне нужно отдохнуть.

Роденейв заколебался, затем ушел.

Анастазия повернулась к Абелю.

— Абель, пожалуйста. Мне нужно переодеться.

Но Абель стоял, набычившись, и не двигался с места.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я не хочу ничего от тебя! — Голос ее внезапно сорвался на крик. — Ты понимаешь, Абель? Я с тобой покончила навсегда, насовсем! Уходи! — Анастазия отвернулась от него и стала вытирать грим.

Сзади послышались тяжелые шаги, затем в комнате раздался возглас, стон, звук упавшего тела и мерное капанье — кап, кап, кап... которое скоро прекратилось.

XII

1

Наступило воскресенье. Вэйлок проснулся в состоянии полной прострации. Он медленно оделся, вышел на улицу и пошел вдоль озера по направлению к бульвару Эстергази. Выбрав место в небольшом кафе, откуда он мог видеть и озеро и набережную, он заказал крепкий чай и рогалики с джемом.

Площадь была залита солнечным светом. Народу было больше, чем обычно. Дюжина крикливых детей играла в игру «Найди Гларка». Поблизости от Вэйлока сидели трое юношей и разговаривали, изредка громко смеясь.

Вэйлок прислушался. Юноши рассказывали анекдоты, большей частью неприличные.

Настроение его ухудшалось. Он мог повернуться к ним и сказать:

— Смотрите на меня, я монстр. Я убил не один раз, а два. А сейчас я обдумываю способ убить много людей.

Эти идиоты раскрыли бы рты от страха, они подавились бы своим кретинским смехом.

Солнце грело все сильнее, и постепенно к Вэйлоку стало возвращаться присутствие духа.

События прошлого вечера должны были реабилитировать его. Это должна была признать даже Джакинт. Если она согласится прекратить свои преследования, он может забыть тот ужасный план, что зрел в его голове. Однако он понимал, что ему будет трудно отказаться от него.

Вэйлок достал из кармана конверт Роденейва и стал рассматривать пленку Анастазии. Разделить эти два изображения, наложенные друг на друга, совсем нетрудно. Обычная фототехника с фазовым анализом.

Он снова спрятал конверт в карман. Роденейв сильно рисковал из-за Анастазии. Если бы все открылось, он потерял бы работу и его ждала бы Клетка Стыда. Он, Вэйлок, однажды рискнул и ничего не выиграл. Кажется, сейчас ему не останется ничего, кроме как рискнуть снова, но с большей вероятностью выигрыша.

Вэйлок посмотрел на залитую солнцем площадь, где играли дети, где мужчины и женщины шли в Актуриан и выходили оттуда с неподвижными лицами, угасшими глазами. Вэйлок взял утреннюю газету. С первой страницы на него смотрело лицо Анастазии де Фанкур, прекрасное и одухотворенное, как лицо Сильфиды. Да, ее выступление было потрясающим. Вэйлок взглянул на название газеты «Кларион» — газета Абеля.

Вэйлок быстро пробежал глазами новости. Миллионер Гларк предлагал все свое состояние за то, чтобы стать Амарантом. Автор жестоко высмеивал незадачливого миллионера. Новый суперинтендант Леон Граделла рассказывал о Балиасском Паллиатории. Лига Гражданской Морали гневно клеймила развлечения в Карневале, называя их позорными, грязными, отвратительными.

Вэйлок зевнул, отложил газету. По набережной шла странная пара: высокий угрюмый молодой человек и женщина, такая же высокая, с гладкими рыжими волосами и длинным лицом. На женщине был ярко-зеленый жакет, ярко-желтая юбка, на руках звенела дюжина медных браслетов.

Вэйлок узнал ее: Пледж Каддиган. Они встретились глазами.

— Гэвин Вэйлок! — воскликнула она и всплеснула длинными руками. Она подхватила молодого человека под руку и потащила его к столу, где сидел Вэйлок.

— Роджер Бисли, Гэвин Вэйлок, — представила она. — Мы можем посидеть с тобой?

— Конечно.

Если Пледж и скорбела о муже, то она хорошо скрывала свои эмоции. Пледж и Роджер сели за стол Вэйлока.

— Я надеюсь, Роджер, — сказала Пледж, — что Гэвин Вэйлок станет одним из наших.

— Кем же? — спросил Вэйлок.

— Визерером, конечно. Сейчас все мыслящие люди приходят к нам.

— А кто такие Визереры?

Пледж в притворном удивлении расширила глаза:

— О нас так много говорят... Мы люди протеста. Мы создали свою коалицию и теперь организуем центральный комитет.

— Зачем?

Пледж удивилась.

— Чтобы мы стали социальной силой и могли что-то делать с правительством.

— Что именно?

Пледж снова всплеснула руками. Браслеты зазвенели.

— Если мы все будем заодно, то все будет просто. Нынешние условия жизни невыносимы. Мы все хотим перемен. Все, кроме Бисли.

Бисли кротко улыбнулся.

— Наш мир несовершенен. Но я уверен, что нынешняя система ничем не хуже любой другой.

Пледж сделала гримасу.

— Видишь, насколько он консервативен?

Вэйлок посмотрел на Бисли.

— Почему же тогда он с вами?

— А почему бы и нет? — воскликнул Бисли. — Я самый настоящий Визерер. Они спрашивают друг друга: каким будет мир? А я конкретизирую вопрос: каким будет мир, если нынешние условия сохранятся?

— Он не предлагает ничего конструктивного, лишь спорит с нами.

— Ничего подобного. У меня есть четкая точка зрения. Она настолько проста, что Пледж и ее горячие друзья не могут понять ее. Я считаю так: первое — каждый хочет вечной жизни. Второе — этого нельзя допустить, иначе мы вступим в новый век Хаоса. И третье — очевидное решение — дать вечную жизнь только тем, кто заслужил ее. А это и есть наша нынешняя система.

— Но люди! Их постоянное нервное напряжение, страдания, ужас! Что ты скажешь о несчастных, заполняющих Паллиатории? Двадцать пять процентов всего населения!!!

Бисли пожал плечами.

— Мир несовершенен. В нем всегда будет страх и боль. Мы стремимся уменьшить их. Именно этим и нужно заниматься.

— О, Роджер! Ты не можешь серьезно верить в это!

— При отсутствии доказательств обратного, верю. — Он повернулся к Вэйлоку. — Во всяком случае, такова моя точка зрения, за что и подвергаюсь нападкам со стороны этих горячих голов.

— Я встречался с Визерером прошлым вечером, — сказал Вэйлок. — Его звали Якоб Мил...

— Якоб Мил! — Пледж от возбуждения ущипнула Бисли. — Роджер, позвони ему. Он живет рядом. Спроси, не придет ли он сюда.

Роджер Бисли сделал гримасу, и тогда Пледж сказала:

— Хорошо. Я сама. — Она встала, пошла к телефону.

— Очень горячая особа, — заметил Бисли.

— Да, пожалуй.

Пледж вернулась.

— Он выходит. Сейчас будет здесь.

Вскоре появился Якоб Мил и был представлен Вэйлоку.

Мил наморщил лоб.

— Ваше лицо мне знакомо. Мы уже встречались?

— Я видел вас вчера в Пан-Арт Юнион.

— Да? — Мил нахмурился. — Возможно. Я не помню... Ужасное событие.

— Действительно ужасное.

— А? Что случилось? — спросила Пледж и не успокоилась, пока не получила полный отчет обо всем.

Снова заговорили о Визерерах. Мил сетовал на упадок и дегенерацию современного общества Вэйлок сидел и смотрел на озеро.

Роджер Бисли воскликнул:

— Якоб, ты витаешь в облаках! Чтобы идти куда-то, нужно знать, куда идти!

— Человечество уничтожило своего последнего врага. Мы открыли тайну вечной жизни, и она должна принадлежать всем!

— Ха, ха! — рассмеялся Бисли. — Под этой маской доброты скрывается самая жестокая доктрина. Кларжес, населенный Амарантами, плодящимися и размножающимися! А потом — спасайся, кто может!

Вэйлок задумчиво сказал:

— Ход событий будет неотвратимым. Сначала мы переполним свое государство. Затем перехлестнем границы. Варвары объявят нам войну. Мы будем оттеснять их все дальше. Наше население все будет расти. Мы оросим пустыни, воздвигнем острова в океанах, вырубим леса, и все это время нам придется воевать.

— Это будет империя, — пробормотал Бисли, — воздвигнутая на костях, сцементированная кровью.

— И что потом? — спросил Вэйлок. — Мы завоюем мир. Через сто лет вечной жизни люди будут стоять на земле плечом к плечу на суше, а те, кому не нашлось места на суше, будут плавать на плотах.

Якоб Мил вздохнул.

— Именно это я и называю леностью мышления. Все видят проблему, обсуждают ее возможности решения, а затем опускают руки и живут по-прежнему, утешая себя мыслями о том, что хотя бы поговорили об этом.

Наступила пауза.

Снова заговорил Якоб Мил.

— Если бы у меня была власть, я никому не сообщил бы своих идей. Каждый должен самостоятельно дойти до этого, единственно правильного решения. Каждый должен понять необходимость такого шага.

— Но, Якоб! — сказала Пледж. — Все обеспокоены, все ищут решение, все думают, куда идти.

Якоб пожал плечами.

— Я знаю, куда мне идти, но пойдут ли за мной люди? Я не имею права звать за собой.

Роджер саркастически заметил:

— Ты не укажешь нам направления?

Мил улыбнулся и показал на небо.

— Вот наш путь. К звездам. Вселенная ждет нас.

Наступила тишина, полная замешательства. Якоб смотрел на них, улыбаясь.

— Вы считаете меня сумасшедшим? Может, я и есть сумасшедший? Простите меня.

— Нет, нет, — запротестовала Пледж.

— Возможно, это и решение проблемы, — сказал Бисли, — но не для жителей Кларжеса. У всех нас устоявшийся образ жизни, привычки, карьера в конце концов.

— Цитадель, — сказал Мил с презрением. И указал на Актуриан. — А это — сердце цитадели.

Пледж вздохнула.

— Ты мне напомнил. Мне нужно проверить свой слоп. Я не была там уже две недели. Кто-нибудь идет со мной?

Бисли согласился сопровождать ее. Все поднялись, вышли из кафе и разошлись.

Вэйлок купил свежую дневную газету. Заголовок на первой странице заставил его остановиться.

Абель Мандевиль совершил второе по тяжести преступление: самоуничтожение. Шеф Убийц Обри Херват говорил в интервью:

«Мы надеемся и настаиваем, чтобы те, кто будет общаться с новым Абелем Мандевилем, были великодушны и снисходительны. Естественно, такой поступок нельзя скрыть от нового Абеля, но не нужно рассматривать его как потенциального самоубийцу. Дадим ему шанс снова построить свою жизнь и будем обращаться с ним, как с обычным человеком».

2

На следующее утро Вэйлок пришел в Актуриан и подал заявление о приеме на работу.

Суровая молодая женщина, заполнявшая его карту, не была расположена одобрить его решение.

— Естественно, это ваше право — работать там, где хочется. Но я советую подумать. Ведь на каждую работу, обеспечивающую высокий слоп, претендуют много не менее умных, высокообразованных людей. Человек с амбициями поискал бы работу в другом месте.

Вэйлок отказался последовать совету и был проведен в боковую комнату, где подвергся осмотру и десятку различных тестов. Когда он вернулся в офис, молодая женщина уже кодировала результаты тестов.

Она с новым интересом посмотрела на него.

— У вас довольно высокий коэффициент, но я все равно не могу предложить вам высокой должности. Ваше техническое образование не позволит занять пост начальника отдела или лаборатории. Может быть, вы сможете поступить в отдел Общественных Отношений, тем более там один из инспекторов недавно ушел в отставку. Если хотите, я узнаю.

Девушка ушла. Вэйлок остался сидеть.

Шли минуты — десять, двадцать, полчаса. Вэйлок начал злиться. Прошло еще десять минут, и девушка вернулась. Она прятала глаза от Вэйлока.

Он подошел к ней.

— Ну?

Она торопливо заговорила.

— Прошу прощения, мистер Вэйлок. Но я ошиблась. Место, о котором я говорила, уже занято. Я могу предложить вам три места: помощник хранителя времени, ученик механика и охранник. Все они примерно одинаковы по слопу.

Заметив изменившееся выражение лица Вэйлока, она с участием добавила:

— Возможно, со временем вы приобретете достаточную квалификацию и сможете занять подходящее для вас место.

Вэйлок смотрел на нее.

— Странная ситуация, — наконец сказал он. — С кем вы говорили?

— Ситуация именно такая, как я объяснила ее, сэр.

— Кто проинструктировал вас?

Она отвернулась.

— Вы должны извинить меня.

Вэйлок наклонился к ней. Она не могла избежать его взгляда.

— Ответьте, с кем вы консультировались?

— Я, как всегда, показала все данные супервизору.

— И?

— Он сказал, что вы не подходите для той должности, которую предложила я.

— Я хочу говорить с супервизором.

— Как желаете, сэр, — с явным облегчением сказала девушка.

Супервизором был Клеран Тисволд, толстый маленький человек с грубым красным лицом и жесткими волосами цвета соломы. При виде Вэйлока глаза его превратились в щелочки.

Разговор длился около четверти часа. С начала до конца Тисволд отрицал наличие какого-то влияния на него, но голос его звучал неестественно. Он согласился с тем, что Вэйлок имеет достаточно высокий коэффициент, дающий ему право занять ответственный пост.

— Однако, — добавил Тисволд, — я не только ориентируюсь на результаты тестов, но и сам оцениваю претендента.

— Как же вы могли оценить меня, не повидавшись со мной?

— У меня нет времени спорить с вами. Принимаете ли вы то, что вам предложено?

— Да, — сказал Вэйлок. — Я принимаю. — Он поднялся. — Оформляться я приду завтра. А сейчас я иду подать на вас заявление трибунам. Надеюсь, вы проведете приятный вечер.

Вэйлок медленными шагами покинул Актуриан. Небо было затянуто серой пеленой. Холодный ветер с дождем загнали его обратно в здание.

Двадцать минут стоял он в вестибюле, и мысли его были такими же серыми и тусклыми, как небо над Кларжесом.

Вывод был простым и зловещим. Если Джакинт и ее дружки Амаранты не прекратят травлю, он, Вэйлок, будет вынужден принять контрмеры.

Нужно объяснить Джакинт, к чему может привести ее тактика.

Вэйлок прошел в телефонную будку, набрал номер Джакинт.

Экран засветился, и она появилась на экране.

— Гэвин Вэйлок! Какой угрюмый! — Она еще и издевалась.

— Я должен поговорить с тобой.

— Мне нечего узнавать от тебя. Если ты хочешь говорить, иди к Каспару Джарвису, расскажи, как ты убил меня, как стер память об этом из своего мозга...

Вэйлок не успел ответить, как экран погас. Джакинт выключила связь.

Он почувствовал себя слабым и опустошенным. Кто мог бы защитить его? Кто может повлиять на Джакинт? Роланд Зигмонт, президент Общества Амарантов. Вэйлок нашел код и позвонил Роланду.

Вспыхнул экран. Послышался голос.

— Резиденция Роланда Зигмонта. Кто говорит и какое дело?

— Я Гэвин Вэйлок. Хочу говорить с Роландом по делу, относящемуся к Джакинт Мартин.

— Секунду.

На экране появился Роланд Зигмонт. Сухое лицо, лишенное эмоций, и острый взгляд.

— Я узнаю лицо из прошлого, — сказал Роланд. — Это лицо Грэйвена Варлока.

— Может быть, — ответил Вэйлок. — Но я собираюсь говорить с вами не об этом.

Роланд заметил:

— Я знаком с этим делом.

— Тогда вы должны остановить ее!

Роланд выразил удивление.

— Монстр уничтожил Джакинт. Мы не потерпим посягательства на жизнь Амарантов. Это должно быть ясно всем.

— Значит, эта травля — официальная политика Общества Амарантов?

— Выбирайте выражения. Наша политика — это достижение справедливости. Я советую вам отдать себя в руки закона. В любом случае ваша карьера в нашем обществе обречена на провал.

— Вы не признаете результаты чтения мыслей?

— Я смотрел записи. Совершенно очевидно, что вы нашли способ блокировать определенные участки памяти. Существование такого способа тоже является угрозой нашему обществу, и это еще одна причина, по которой вы должны отдаться в руки закона.

Не говоря больше ни слова, Вэйлок выключил связь. Не обращая внимания на дождь, он побрел по бульвару Эстергази и вернулся домой. Он скинул промокшую одежду, принял горячий душ, вытерся насухо и бросился на диван. Спал он неспокойно, что-то бормоча и ворочаясь.

Когда он проснулся, уже наступил полдень. Дождь перестал, рваные облака неслись по небу.

Вэйлок сварил себе кофе и выпил его без всякого удовольствия. Необходимо все же поговорить с Джакинт, объясниться с нею до конца.

Он надел новый темно-голубой костюм и вышел на улицу.

3

Джакинт Мартин жила на Вандунских холмах, откуда открывался вид на весь Кларжес, в небольшом, но элегантном доме, окруженном садом с прекрасными цветочными клумбами.

Вэйлок нажал кнопку звонка. В дверях появилась Джакинт. Радостное выражение на ее лице сменилось удивлением:

— Почему ты здесь?

— Могу я войти?

Она мгновение молчала.

— Хорошо, — коротко сказала она и повела его в гостиную, украшенную экзотическими вещами из варварских стран: глиняная посуда из Альтамира, фигурки богов из Хотана, стекло из Дедекана...

Джакинт выглядела великолепно. Ее золотые волосы мягкими волнами струились по плечам, глаза сверкали солнечным блеском. Она выжидательно смотрела на него.

— Ну, так зачем ты здесь?

Вэйлок чувствовал, что ему трудно сопротивляться прелести Джакинт. Она холодно улыбнулась.

— Скоро придут мои гости. Если ты хочешь еще раз уничтожить меня, то учти, незамеченным тебе уйти не удастся. А если ты пришел, чтобы признаться мне в любви, то это совершенно бессмысленно.

— Ни то, ни другое, — хрипло сказал Вэйлок. — Хотя твое поведение заставляет меня желать первого, а твоя внешность — второго.

Джакинт рассмеялась.

— Может, ты присядешь, пока мы беседуем?

Вэйлок сел на низкий диван возле окна.

— Я пришел говорить с тобой, убедить, упросить, если это необходимо... — Он сделал паузу, выжидая, но Джакинт стояла перед ним молча, внимательная и настороженная.

Вэйлок продолжал:

— По меньшей мере трижды за последние две недели ты вставала на моем пути.

Джакинт хотела что-то сказать, но промолчала.

Вэйлок не обратил на это внимания.

— Ты подозреваешь меня в преступлении. Но если ты ошибаешься, то не имеешь права мешать моей карьере. А если ты права в своих подозрениях, то ты должна понимать, что я человек, способный постоять за себя.

— А, — тихо проговорила Джакинт. — Ты угрожаешь мне?

— Я не угрожаю. Если ты прекратишь мешать мне, наши жизни потекут спокойно. В противном случае, мы будем противниками, и это будет плохо и для меня, и для тебя.

Джакинт посмотрела в окно. На небольшую площадку опустился голубой Пелестин.

— А вот и мои друзья.

Двое мужчин и женщина вышли из кеба и направились к дому. Вэйлок встал. Но Джакинт внезапно сказала:

— Оставайся с нами. Заключим перемирие на пару часов.

— Я был бы рад заключить перемирие навсегда. И не отказался бы от более близких отношений.

— О! — воскликнула Джакинт. — До чего хитер и ловок монстр. И распутен к тому же. Он желает изучить жертву со всех сторон.

Прежде чем Вэйлок смог ответить, зазвенел дверной звонок, и Джакинт пошла встречать гостей.

Сначала появился композитор Рори Мак-Клачерн, Малон Керманец, реставратор древних музыкальных инструментов, и темноволосая девушка-Гларк, известная под именем Фиминелла.

Затем пришли и другие гости, среди которых были канцлер Клод Имиш и его секретарь, самоуверенный молодой человек Рольф Авершам.

Джакинт устроила роскошный обед. Разговор за столом звучал непринужденно, легко и шутливо. Почему, спрашивал себя Вэйлок, так не может быть всегда? Он почувствовал на себе взгляд Джакинт.

Настроение у него поднялось. Он выпил больше вина, чем обычно, и с большим успехом участвовал в беседе.

В конце вечера Рори Мак-Клачерн сыграл свое новое произведение, основанное на древних мелодиях.

Канцлеру Имишу музыка показалась скучной, и они с Вэйлоком удалились от остальных гостей.

— Мы где-то недавно встречались, — сказал Имиш.

Вэйлок напомнил ему обстоятельства встречи.

— Да, конечно. Я встречаюсь с таким количеством людей, что мне трудно запомнить всех.

— Да, конечно, ведь у вас такая работа, — сказал Вэйлок.

Канцлер рассмеялся.

— О, я присутствую на празднествах, поздравляю новых Амарантов, читаю приветственные адреса в Пританеоне, — он презрительно махнул рукой. — Однако по Конституции я обладаю большими полномочиями, и если бы я ими воспользовался...

Вэйлок вежливо согласился, хотя он прекрасно понимал, что через двадцать четыре часа после того, как канцлер воспользуется даже наименьшей из своих прерогатив, он будет выведен из состава Пританеона. Это учреждение являлось анахронизмом, всего лишь символом власти, оставшимся с тех далеких времен, когда требовалось принимать срочные решения.

— Прочитай внимательно Великую Хартию, — сказал канцлер. — По сути дела я — супертрибун, сторожевой пес. Мой долг — постоянно инспектировать общественное благосостояние и общественные институты. Я имею право собирать чрезвычайные сессии Пританеона, я верховный суперинтендант убийц. — Имиш хмыкнул. — В этой работе есть один недостаток. Она не дает слопа. — Его взгляд упал на смуглого юношу, пришедшего вместе с ним. Он сделал гримасу. — А вот еще один недостаток в моей работе. Заноза в сиденье.

— Кто он?

— Мой секретарь, помощник и козел отпущения. Его титул Вице-канцлер, а его должность — еще большая синекура, чем моя. — Имиш с удовольствием смотрел на своего помощника. — Однако Рольф желает, чтобы его считали важной персоной. — Он пожал плечами. — А чем ты занимаешься, Вэйлок?

— Я работаю в Актуриане.

— Да? — Имиш заинтересовался. — Замечательное место. Возможно, я скоро приду туда с инспекцией.

Музыка кончилась, и все присутствующие стали поздравлять композитора. Мак-Клачерн пытался скрыть свое удовольствие недовольным покачиванием головы. Снова началась общая беседа.

В полночь собрались уходить первые гости. Вэйлок остался и дождался, пока разъехались все. И наконец они с Джакинт остались одни.

Джакинт устроилась рядом с ним на диване, поджав под себя ноги и внимательно глядя на него.

— Ну а теперь умоляй, упрашивай меня, как собирался.

— И достигну ли я чего-нибудь?

— Думаю, нет.

— Почему ты так неумолима?

Джакинт резко сменила положение.

— Ты никогда не видел того, что видела я, иначе бы ты понял мои чувства. — Она искоса взглянула на него, как бы сравнивая с тем, кого она видела в своем воображении. — Память постоянно возвращает меня в Тонпенг. Каждый день там совершается церемония Большая Ступа, каждый день там пляшут жрецы и приносят жертвы... — Она поморщилась при этих воспоминаниях.

— А, — заметил Вэйлок. — Это может объяснить твою непримиримость.

— Если демоны существуют, — прошептала Джакинт, — то они собрались в Тонпенге. За исключением одного. — И она снова бросила взгляд на него.

Вэйлок решил проигнорировать это обвинение.

— Ты преувеличиваешь опасность этих людей, судишь их слишком сурово. Вспомни, они живут в совсем другой обстановке, в другом культурном слое. Они приносят жертвы... Но история человечества помнит много зла. Мы продукт эволюции, потомки хищников. Каждый кусок мяса, съедаемый человеком, отобран им у другого живого существа. Мы все рождены для убийства, мы убиваем, чтобы жить!

Джакинт побледнела при этих ужасных словах, но он не обратил на это внимания.

— У нас нет инстинктивного отвращения к убийству, оно — продукт нашего времени.

— Правильно! — вскричала Джакинт. — Разве не в этом предназначение Кларжеса? Мы должны совершенствовать себя. Если мы будем терпеть среди нас монстров, мы совершим грех перед потомками.

— И ты считаешь, что общество нужно очистить от меня?

Она взглянула на него, но ничего не ответила.

Немного погодя Вэйлок спросил:

— А что ты скажешь о Вейрдах? Об Абеле Мандевиле?

— Если бы это зависело от меня, — сказала Джакинт сквозь зубы, — каждый монстр, к какому бы филу он не принадлежал, был бы уничтожен полностью и окончательно.

— Значит, ты травишь меня только потому, что это в твоих силах?

Она наклонилась к нему:

— Я не могу остановиться, я не могу пожалеть тебя, я не могу переделать свои идеалы!

Их глаза встретились.

— Гэвин Вэйлок, — хрипло сказала она, — если бы ты доверился мне в Карневале! Но теперь ты мой личный монстр, и я не могу забыть об этом.

Вэйлок взял ее за руку.

— Насколько любовь лучше ненависти.

— И насколько лучше жизнь, чем небытие, — сухо ответила она.

— Я хочу, чтобы ты правильно поняла, что сейчас я предоставляю тебе последнюю возможность закончить дело миром, — сказал он. — Пойми, потом, когда я буду бороться за выживание, буду так жесток и безжалостен, как тебе и не снилось.

Джакинт напряглась.

— Ты имеешь в виду, что не отдашься в руки закона! — Она вырвала руку. — Ты бешеный волк, тебя нужно уничтожить раньше, чем ты принесешь вред тысячам людей!

— Подумай, прошу тебя. Я не хочу этой войны.

— О чем мне думать? Я больше не судья. Я доложила обо всем Совету Амарантов, и они вынесли решение.

Вэйлок встал.

— Значит, ты решилась?

Она тоже встала. Ее красивое лицо горело ненавистью.

— Конечно.

— Тогда все, что произойдет дальше, будет определять не только мою судьбу, но и твою.

В глазах Джакинт появилась нерешительность, но затем она сказала:

— Гэвин Вэйлок. Покинь мой дом. Больше нам говорить не о чем.

XIII

1

В понедельник утром Вэйлок пришел на работу в Актуриан. После необходимых формальностей он был представлен своему шефу — технику Бен Риву, низенькому темнокожему человеку с задумчивым взглядом. Рив рассеянно поздоровался с Вэйлоком.

— Тебе придется начать с самого низа. Но я думаю, ты другого и не ждал.

Вэйлок ответил обычной формулой:

— Я здесь для слома. Все, что мне нужно, это шанс для возвышения.

— Ну что ж, шанс у тебя будет. Посмотрим, что можно предложить тебе сейчас.

Он повел Вэйлока через вереницу комнат, коридоров, лестниц. С удивлением и трепетом Вэйлок смотрел на окружающую его технику,

жужжащие машины, крутящиеся ленты, вспыхивающие на пультах огни. Они шли, а вокруг них щелкали реле, гудели моторы, пузырился жидкий газ...

Трижды их останавливали охранники и проверяли пропуска. Все это подавило Вэйлока. Он не предполагал такой степени секретности в Актуриане.

— Видишь, — сказал ему Рив, — если не хочешь неприятностей, не выходи из своей зоны.

Когда они наконец пришли к месту работы Вэйлока, Рив стал подробно объяснять его обязанности. Он должен заправлять ленту в механизм, когда заканчивалась предыдущая, следить за показаниями некоторых приборов, смазывать с полдюжины подшипников и поддерживать порядок в комнате. В общем, работа, рассчитанная на выпускника средней школы.

Вэйлок проглотил свое недовольство и принялся за работу. Рив некоторое время смотрел на него, и Вэйлоку показалось, что он заметил улыбку на его лице.

— Я знаю, что пока не очень справляюсь с этой работой, — сказал Вэйлок, — но я уверен, немного практики — и все будет в порядке.

Рив улыбнулся.

— Каждый должен начинать, и это твое начало. Если ты захочешь двигаться вперед, тебе нужно изучить это, — и он перечислил несколько технических книг. Вскоре он оставил Вэйлока.

Вэйлок работал без энтузиазма и, когда закончился рабочий день, пошел домой.

Его разговор с Джакинт сейчас казался ему чем-то нереальным, гротескным... Вдруг ему показалось, что за ним следят. Да, ему нужно быть осторожным в своих действиях. Лучше, если основное он будет проделывать в Актуриане. Туда доступ шпионам закрыт.

На следующий день он попытался встретиться с Роденейвом, но у того был выходной день. Вместо этого он встретился с Бэзилом Тинкопом в небольшом кафе.

— Как ты себя чувствуешь на новом поле деятельности? — спросил Вэйлок.

— Прекрасно! — глаза Бэзила засветились. — Мне уже обещали повышение, и на следующей неделе мы проверяем одну из моих идей.

— Что за идея?

— Я всегда считал, что карты жизни, которые рассылают жителям Кларжеса, какие-то холодные, безжизненные. Я считал, что их можно улучшить. Теперь на каждой карте выделяется место для дружеского совета, девиза, может быть, даже хорошие стихи...

— И все это строго индивидуально, все определяется характером человека, которому эта карта предназначена, — добавил Вэйлок.

— Правильно! — воскликнул Бэзил. — Мы хотим, чтобы все понимали — Актуриан призван служить людям, заботиться об их

благополучии. И все начинается с этих маленьких посланий. — Он гордо посмотрел на Вэйлока.

Внезапно раздались звуки труб, сирен. Все в кафе застыли, лица людей побледнели, как будто сигнал тревоги заставил каждого из них почувствовать свою вину.

Вэйлок спросил что-то у Бэзила, но его вопрос потонул в звуках сирен. В кафе вбежал человек — маленький, тощий, с впалыми щеками и растрепанными волосами. Он дышал очень часто, как перепуганная птица. Все взглянули на него и быстро отвернулись.

Он сел на стул. Казалось, что он хочет исчезнуть, раствориться, укрыться, как черепаха в своем панцире. Он положил руки на стол и опустил на них голову.

Три человека в черной униформе ворвались в кафе. Они быстро осмотрелись, подошли к беглецу, подхватили его под руки и потащили к выходу.

Сирены умолкли. Тишина была оглушающей. В кафе все сидели молча, не двигаясь. И только после нескольких минут все постепенно стали возвращаться к жизни.

— Бедняга, — сказал Бэзил.

— Его сразу посадят в Клетку Стыда? — спросил Вэйлок.

Бэзил пожал плечами.

— Может, сначала его будут бить. Кто знает? Он обвиняется не в преступлении, а в святотатстве.

— Да, — пробормотал Вэйлок. — Актуриан — святилище Кларжеса.

— Это огромная ошибка, — горячо заговорил Бэзил. — Обожествление машины!

Через двадцать минут возле их стола остановился Алвар Визерспок, работающий вместе с Бэзилом. Он был очень возбужден.

— Что вы думаете об этом шакале? — спросил он, глядя то на Бэзила, то на Вэйлока. — Нам нужно быть очень бдительными.

— Мы ничего не знаем о его проступке, — сказал Бэзил. — Он тоже работал в Актуриане и придумал очень простой трюк — перехватил ленту с сообщением о его работе и менял содержимое записи с помощью магнитных чернил.

— Неплохо, — задумчиво сказал Бэзил.

— Подобное уже случалось. Но виновных всегда обнаруживали и бросали в Клетку Стыда.

— Сигнал тревоги звучит только тогда, когда трюк не удается, — задумчиво сказал Вэйлок. — Более удачливые умудрялись обмануть систему тревоги.

Визерспок посмотрел на Вэйлока.

— Во всяком случае, этого уже допрашивают убийцы, а потом его ждет Клетка Стыда и полуночная прогулка. Но он слишком слаб и напуган. Хорошей травли не получится.

— Меня там не будет, — ровным голосом сказал Бэзил.

— И меня тоже, — сказал Визерспок и отошел от них, чтобы подойти к другому столу и поделиться новостями.

Перед концом рабочего дня Вэйлок снова позвонил Роденейву и на этот раз застал того на работе. Роденейв приветствовал его без энтузиазма и пытался уклониться от свидания, на котором настаивал Вэйлок.

— Боюсь, что сегодня у меня нет времени.

— Но у меня очень важное и срочное дело.

— Я извиняюсь, но...

— Вызови меня к себе сейчас.

— Это невозможно.

— Ты помнишь то, что сделал по просьбе Анастазии?

Роденейв поморщился и медленно опустился в кресло.

— Хорошо. Я пошлю за тобой.

Через некоторое время к нему подошла девушка:

— Гэвин Вэйлок, ученик техника?

— Да.

— Прошу вас пройти со мной.

Она провела Вэйлока в кабинет Роденейва. Роденейв коснулся пластины, которую протянула девушка. Этим он брал на себя ответственность за присутствие Вэйлока в Пурпурной Зоне.

Вэйлок сел без приглашения.

— Здесь можно говорить свободно?

— Да. — Роденейв смотрел на него, как домохозяйка смотрит на дохлую крысу. — В моем кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств.

— Дело в том, — сказал Вэйлок, — что сейчас я хочу говорить только правду, и в частности о твоем служебном преступлении по просьбе Анастазии...

— Довольно, — прервал его Роденейв. — Я же сказал. Здесь ничего не записывается.

Вэйлок улыбнулся, и Роденейв ответил ему улыбкой обреченного человека.

— Я думаю, — сказал Вэйлок, — что твое влечение к Анастазии не уменьшилось?

— Я теперь не веду себя, как круглый идиот, если ты это имеешь в виду. Я не хочу, чтобы меня закидали камнями Вейрды. — Он выжидательно смотрел на Вэйлока. — Но ведь не мои переживания привели тебя ко мне. Почему ты здесь?

— Мне кое-что нужно от тебя. И чтобы получить, я дам тебе то, что ты хочешь.

Роденейв скептически улыбнулся.

— Что же я хочу такого, что можешь предоставить только ты?

— Анастазию де Фанкур.

Глаза Роденейва посерьезнели.

— Чепуха.

— Скажем так: одну из Анастазий. Ведь их несколько. Прошла неделя после того, как Анастазия умерла. Сейчас клетки открыты. Растет новая Анастазия. И еще остается несколько Анастазий.

Взгляд Роденейва был жестким и враждебным.

— Ну и что?

— Я хочу предложить тебе один из этих суррогатов.

Роденейв пожал плечами.

— Никто не знает, где находятся эти клетки.

— Я знаю.

— Но ты предлагаешь мне ничто. Каждый из суррогатов — Анастазия. Если одна из них отвергает меня, значит, и все остальные тоже.

— Если не применить аппарат, стирающий память.

Роденейв посмотрел на Вэйлока.

— Это невозможно.

— Ты до сих пор не спросил меня, что хочу я.

— Хорошо. Что же ты хочешь?

— Ты достал одну телевекторную диаграмму. Мне нужны остальные.

Роденейв рассмеялся.

— Теперь я вижу, что ты сумасшедший. Ты понимаешь, чего просишь? Что будет с моей карьерой?

— Ты хочешь Анастазию? Вернее, одну из них?

— Я даже не хочу обсуждать этот вопрос.

— Но ты сделал это на прошлой неделе.

Роденейв встал.

— Нет. Полностью и окончательно.

Вэйлок угрюмо сказал:

— Вспомни, ты достал не одну, а три пленки. Сделав это, ты нанес мне личный вред. Поэтому жалости у меня не будет.

Роденейв упал в кресло. Прошел час, в течение которого он изворачивался, потел, спорил, умолял, пытаясь вывернуться из этой ситуации. В конце концов он начал понемногу сдаваться.

Вэйлок не дал себя увести от основной темы.

— Я не прошу тебя делать ничего такого, что ты не делал раньше. Если ты поможешь мне, ты получишь то, что не получил в тот раз. Если откажешься помочь, ты просто получишь наказание за тот проступок, что ты уже совершил.

— Я подумаю.

— Не возражай. Я подожду.

Роденейв посмотрел на Вэйлока, и пять минут в комнате стояла тишина.

Наконец Роденейв шевельнулся и сказал:

— У меня нет выбора.

— Когда ты дашь мне пленки?

— Тебе нужны только пленки Амарантов?

— Да.

— Я постараюсь сделать побыстрее.

— Сегодня понедельник. В среду вечером?

— В среду вряд ли. У нас будет посетитель. Канцлер Имиш со своей свитой.

— Да? — Вэйлок вспомнил разговор с канцлером. — Хорошо. Пусть будет пятница. Я приду к тебе вечером домой.

Гнев исказил лицо Роденейва.

— Я передам тебе пленки в кафе Далмация. И надеюсь, что увижу тебя в последний раз.

Вэйлок улыбнулся, встал.

— Я тебе понадоблюсь, когда ты захочешь получить свою долю.

Возвращаясь домой, Вэйлок прошел под Клеткой Стыда. Заключенный сидел неподвижно, тупо глядя отсутствующими глазами на окружающий мир. Вэйлок еще не остыл от разговора с Роденейвом, и эта картина произвела на него сильное впечатление.

2

Рабочее расписание Вэйлока все еще не было отрегулировано, и в среду он освободился днем.

Он пересек площадь и зашел в кафе Далмация. Он лениво пил кофе и читал «Кларион».

«Вчера в городе Кобек, расположенном в верхней долине реки Шанг, вблизи границы, произошли ужасные события. Жители города занимались добычей и обработкой прекрасного розового мрамора. Они вели спокойную, размеренную жизнь вплоть до прошлого вторника, когда все внезапно оказались охваченными массовой истерией. Безумная толпа вырвалась из города и бросилась к границе. Там они разгромили казармы пограничников и перебили их.

Электрический барьер впервые за много лет оказался отключенным. Толпа бросилась в страну варваров, где тут же была окружена и уничтожена. Варвары перешли границу и углубились на территорию Кларжеса. На своем пути они сеяли смерть и разрушения. В конце концов, их отбросили обратно, граница уже восстановлена, но материальные и людские потери огромны.

Что же случилось с жителями Кобека? Слоп в этом обвинить трудно. Жизнь в городе текла медленно и монотонно, но там не было Карневаля, и напряжение в нервной системе жителей накапливалось годами. Такую гипотезу выдвинули психиатры в объяснение происшедшего...» Вэйлок поднял глаза от газеты. На площади, обычно закрытой для транспорта, появился большой серо-золотой правительственный автомобиль.

Из него вышел канцлер Имиш, сопровождаемый темнолицым секретарем. Их встретили сотрудники Актуриана. После обмена приветствиями все вошли в здание.

Вэйлок вернулся к чтению...

3

Канцлер Имиш в компании Гемета Гаффенса, помощника супервизора, двух или трех младших сотрудников и Рольфа Авершама — своего секретаря, — стоял на галерее, откуда был виден весь Архив Актуриана. Магнитные ленты в огромных шкафах непрерывно крутились, принимая и выдавая информацию. Имиш с содроганием смотрел на сложные механизмы, производящие непонятную ему работу. Он покачал головой:

— Пожалуй, мне никогда не понять всего этого.

Один из младших сотрудников сказал поучительным голосом:

— Эта сложная система отражает сложность нашей цивилизации.

— Да, возможно, — согласился Имиш.

Гемет Гаффенс фыркнул.

— Может, мы продолжим?

Он прошел вперед и коснулся пластины на двери, обозначающей границу между зонами. Дверь открылась, и их встретили охранники. После необходимой проверки они прошли дальше.

— У вас здесь большие предосторожности, — сказал Имиш.

— Необходимая бдительность, — коротко ответил Гаффенс.

Они прошли в дверь, на которой была надпись:

ЛАБОРАТОРИЯ ТЕЛЕВЕКЦИИ

Гаффенс вызвал Нормана Неффа, супервизора, и Винсента Роденейва, его помощника.

— Ваше лицо мне знакомо, — сказал Имиш Роденейву. — Правда, я встречаюсь со столькими людьми...

— Я видел вас на выставке Бибурсона.

— Да, да. Вы друг нашей Анастазии.

Норман Нефф быстро распрощался, торопясь вернуться к своей работе. Он поручил Роденейву заняться гостями.

— Я буду очень рад, — сказал Роденейв. Он постоял, потирая подбородок, затем решился: — Может, я покажу вам систему телевекции?

У дверей в лабораторию их снова остановили охранники.

— Почему такие предосторожности? — невинным тоном осведомился Имиш. — Неужели кто-нибудь решит сюда вломиться?

Гаффенс произнес ровным тоном:

— В данном случае, канцлер, мы охраняем частную жизнь наших граждан. Даже генерал-директор Джарвис не может затребовать информацию отсюда.

Канцлер кивнул.

— Вы объясните мне функции этой лаборатории?

— Роденейв продемонстрирует вам работу системы.

— Конечно, — пробормотал Роденейв.

Они прошли по белому полу к машине. Техники, сидящие возле нее, встали и отошли в сторону. К ним подошел старший техник. Гаффенс шепотом приказал ему что-то, и он включил машину.

Роденейв подвел Имиша и Авершама к пульту.

— Каждый человек имеет свою картину излучения мозга, такую же уникальную, как отпечатки пальцев. Когда же человек регистрируется в Бруды, излучение его мозга записывается и сохраняется в нашей машине.

Имиш кивнул:

— Продолжайте.

— Чтобы обнаружить местонахождение человека, радиостанция излучает радиоволны определенной длины, а две приемные станции принимают интерференционные волны и пеленгуют человека. Изображение появляется в виде черной точки на карте. Вот... — Он поискал код, нажал кнопки. — Я набрал ваш код, канцлер. Вот здесь на карте Актуриан, а эта черная точка — вы.

— Превосходно!

Роденейв продолжал рассказывать, нервно поглядывая на Гаффенса и старшего техника. Как бы случайно, он нажал на пульте кнопки всего Общества Амарантов. Защелкала машина, и в кассету начали падать пленки одна за другой.

Руки Роденейва дрожали, как пальмовые листья.

— Это, — пробормотал он, — телевекторы Амарантов. Но они, конечно, испорчены. — Кассета выскользнула из его рук, и пленки рассыпались по полу.

Гаффенс с беспокойством воскликнул:

— Роденейв, что с вами?

— Ничего, ничего, — добродушно сказал канцлер Имиш. — Сейчас мы их соберем. — Он опустился на колени и начал собирать пленки.

— Не нужно, — сказал Роденейв. — Мы их все равно выбросим в корзину.

— А, тогда... — канцлер поднялся.

— Если вы удовлетворены, канцлер, мы можем двинуться дальше, — сказал Гаффенс.

Группа пошла к выходу. Рольф Авершам задержался. Он поднял одну из пленок, посмотрел на свет, нахмурился. Он повернулся к Гаффенсу, который уже выходил из лаборатории.

— Мистер Гаффенс, — позвал он.

4

Вэйлок сидел в кафе Далмация, вертя в руках стакан чая. Делать ему было нечего, и он не мог придумать, чем бы себя занять.

Из Актуриана донесся сигнал тревоги. Вэйлок повернулся, чтобы увидеть здание Актуриана, но мрачные стены не сказали ему ничего. Вскоре сирена стихла. Люди, остановившиеся при ее звуках, пошли дальше по своим делам.

Прошло полчаса. Распахнулись ставни на верхнем этаже, заскрипели цепи, и над площадью повисла Клетка Стыда.

Вэйлок привстал со стула. В Клетке Стыда сидел Винсент Роденейв, и его взгляд раскаленной иглой проник в полумрак кафе Далмация и вонзился в мозг Вэйлока. Вэйлок почти физически ощутил этот взгляд, но в душе его не шевельнулось ничего, никакого сочувствия, лишь горькое сожаление, что хорошо задуманная идея сорвалась.

XIV

1

Полночные улицы Кларжеса всегда молчаливы, только слышится приглушенный гул подземки. Людей на улицах почти не видно. В ночных кафе и театрах веселятся только Гларки. Те же, кто решил снять напряжение и рассеяться, уехали в Карневаль.

Площадь перед Актурианом пуста. В такое время кафе Далмация обычно не страдает наплывом посетителей. Только несколько посетителей сидят за столиками: ночные служащие Актуриана, убийцы, вернувшиеся с очередного задания, человек, обеспокоенный медленным слопом, пара влюбленных... Но сегодня все столики заняты людьми, прячущими свои лица.

Редкий туман с реки окутал площадь. Клетка Стыда висела над площадью, как нечто страшное, жуткое, пришедшее из глубины веков.

Откуда-то донесся мрачный звон. Полночь. Цепи заскрипели, Клетка Стыда медленно опустилась. Открылась дверца, и Винсент Роденейв вышел на свободу.

Он посмотрел на площадь и прислушался. Странные шорохи. Он сделал первый шаг. Из темноты вылетел камень, ударил его в плечо. Роденейв вздрогнул. Леденящий кровь вой раздался в темноте, вой тем более неожиданный и страшный, что Вейрды всегда действуют в полной тишине.

Роденейв бросился бежать по направлению к кафе. Град камней обрушился на него. Они вылетали из мрака, как метеоры. Сегодня Вэйрды были настроены очень агрессивно.

В небе появился какой-то предмет. Он быстро опускался на площадь — неосвещенный воздушный кар. Он мгновенно приземлился, дверь открылась, и Роденейв нырнул туда. Кар взлетел. Камни гулко ударялись о его обшивку, не принося вреда. Темные фигуры вышли

из тени и проводили взглядом удаляющийся кар. Впервые Вейрды вышли на открытое пространство. Они немного поговорили и разошлись, растворились в темноте.

Площадь снова опустела.

2

Роденейв сидел, скорчившись, в кабине кара. Полные ужаса глаза напоминали осколки мутного стекла. Он пробормотал слова благодарности и затих.

Вэйлок посадил кар и провел Роденейва в свою квартиру. Роденейв заколебался на пороге, осматривая комнату, но затем вошел и бросился на диван:

— О, боже! Все кончено. Обесчещен. Выброшен. — Он взглянул на Вэйлока. — Почему ты молчишь? Тебе стыдно?

Вэйлок промолчал.

— Ты спас меня. Но в этом нет ничего хорошего. Где теперь моя работа? Я встречусь с терминатором, как Серд. Для меня это полная катастрофа.

— И для меня, — сказал Вэйлок.

— А тебе-то что? Твои пленки остались.

— Что?

— Пока остались.

— Где они?

Выражение лица Роденейва внезапно изменилось.

— А теперь хлыст в моей руке.

Вэйлок задумался.

— Если ты сдержишь свое слово и отдашь мне пленки, я сдержу свое.

— Со мной все кончено. Зачем мне теперь женщина?

Вэйлок ухмыльнулся.

— Анастазия излечит твою боль. И еще не все потеряно. Ты образован и умен. Весь мир перед тобой. Есть много работ с гораздо большими возможностями продвинуться.

Роденейв фыркнул.

— Где пленки? — мягко спросил Вэйлок.

Они смотрели в глаза друг другу, и Роденейв, не выдержав, отвернулся.

— Они за обшлагом пиджака канцлера.

— Что?

— Этот идиот секретарь поднял тревогу. Он прошел через пост проверки с куском пустой пленки. Тревога отключилась, и тогда я взял канцлера за руку и сунул ему пленки за обшлаг.

— А потом?

— Гаффенс увидел пустую пленку. Он сразу заподозрил меня, прошел в лабораторию и просмотрел остальные пленки. Все пустые.

Но на всех отпечатки моих пальцев. Поэтому меня передали на допрос убийцам, а затем бросили в Клетку Стыда.

— А Имиш?

— Ушел с пленками.

Вэйлок вскочил. Час ночи. Он прошел к телефону, набрал номер резиденции канцлера в южном пригороде Трайенвуд.

После долгой паузы на экране появилось лицо Рольфа Авершама:

— Да?

— Я должен говорить с канцлером.

— Это невозможно. Он отдыхает.

— Всего несколько минут.

— Мне очень жаль, мистер Вэйлок. Может, вы назовете удобное для себя время?

— Завтра в десять.

Авершам посмотрел в книжку:

— В это время канцлер занят.

— Тогда в любое время, какое назначите вы.

Авершам нахмурился.

— Может быть, я выделю для вас десять минут в десять сорок.

— Прекрасно.

— Вы скажете, в чем состоит ваше дело?

— Нет.

— Как угодно. — Экран погас.

Вэйлок повернулся к Роденейву.

— Ты не сказал, для чего тебе нужны эти пленки.

— Я не уверен, что тебе нужно это знать, — ответил Вэйлок.

3

В своем доме на Вандунских холмах Джакинт Мартин никак не могла заснуть. Ночь казалась невыносимо душной. Джакинт вышла на балкон. Город лежал возле ее ног. Какая-то необъяснимая тяжесть навалилась на нее. Ей захотелось плакать. Великолепный Кларжес не должен погрязнуть в грехе. Человеческий гений создал этот город, и он же должен спасти его теперь. Он должен встать стеной на пути гнусных монстров.

Утром она позвонит Роланду Зигмонту, председателю Общества Амарантов. Он человек с головой, он разделяет ее беспокойство и уже согласился действовать с ней против Вэйлока.

Но она должна настоять на конклаве. Необходимо добиться встречи всего Общества. Встречи и обсуждения проблемы, чтобы выработать один общий план действий, призванных защитить Кларжес от разложения. Золотой век должен продолжаться...

XV

1

Резиденция канцлера располагалась в большом парке с мраморными статуями. И дом, и сад были выдержаны в стиле старого Бижу. Над крышей дома поднимались шесть башен, стены которых были украшены мозаикой и витражами. Между башнями тянулись балконы с причудливой металлической решеткой. Посадочная площадка отделялась от дома тщательно охраняемыми воротами.

Вэйлок вышел из кара, и к нему тут же подошел охранник. Он посмотрел на Вэйлока с привычной подозрительностью.

— Да, сэр?

Вэйлок назвал свое имя. Охранник сверился с записью в книге, и Вэйлок получил право войти.

Он поднялся на большую террасу, пересек ее, и перед ним открылись громадные двери высотой в 12 футов. Вэйлок очутился в фойе. Точно в центре, прямо под огромной старой люстрой, стоял Рольф Авершам.

— Доброе утро, мистер Вэйлок.

Вэйлок произнес вежливое приветствие, на что Рольф ответил коротким кивком.

— Я должен информировать вас, мистер Вэйлок, что канцлер не просто занят, он очень занят. Как вы знаете, я вице-канцлер. Не изложите ли вы свое дело мне?

— Я уверен, что вы могли бы мне помочь, но мне в любом случае хочется увидеть моего друга канцлера Имиша.

Авершам поджал губы.

— Сюда, пожалуйста.

Он провел Вэйлока по тихому коридору. Лифт поднял их на верхний этаж. Авершам пригласил Вэйлока в маленькую боковую комнатку. Он посмотрел на часы, выждал тридцать секунд, затем постучал в дверь.

— Войдите, — глухо донесся голос Имиша.

Авершам открыл дверь, отступил в сторону. Вэйлок вошел. Канцлер Имиш сидел за столом, лениво листая старый фолиант.

— Как ваше здоровье? — спросил Вэйлок.

— Благодарю, ничего, — ответил Имиш.

Авершам сел в дальнем конце кабинета. Вэйлок старательно игнорировал его присутствие.

Закрыв фолиант, Имиш откинулся в кресле и ждал, когда Вэйлок изложит свое дело. Он был одет в просторную блузу — явно не в ту одежду, где находились пленки.

— Канцлер, я пришел к вам не как знакомый, а как гражданин, хотя мне и пришлось пожертвовать ради этого своим рабочим временем.

Имиш нахмурился.

— В чем же дело?

— У меня нет еще полной информации по делу, но, возможно, оно представляет угрозу.

— Что ты имеешь в виду?

Вэйлок колебался.

— Вы полностью доверяете своим служащим? Они абсолютно надежны? — Он с трудом удержался от того, чтобы не бросить взгляд на Авершама. — Может случиться так, что слово, даже неосторожный взгляд увеличат опасность.

— Какая-то чепуха!

Вэйлок пожал плечами.

— Может быть. — Затем он рассмеялся. — Пожалуй, я не буду говорить больше ничего, пока не случится что-либо, что подтвердит мои подозрения, сделает их более очевидными.

— Вероятно, это будет самым разумным решением.

Вэйлок расслабился, поудобнее устроился в кресле.

— Мне очень жаль, что ваш визит в Актуриан кончился так неудачно.

— В некотором смысле, я виноват в этом.

— Как это?

Краем глаза Вэйлок заметил блеск глаз Авершама.

— В том смысле, что я предупредил о вашем визите.

Имиш махнул рукой.

— Не думай об этом. Просто глупая история.

— У вас очень интересный дом... Но... не подавляет ли он?

— Очень. Я бы не жил здесь, если бы не требовали правила.

— Сколько ему лет?

— Он построен лет за сто до Хаоса.

— Прекрасное здание.

— Да. — Внезапно канцлер обратился к Авершаму: — Рольф, не займетесь ли вы рассылкой приглашений на официальный прием?

Авершам молча поднялся и вышел из кабинета.

— Ну, Вэйлок, о чем ты хотел мне сообщить? — спросил Имиш.

Вэйлок осмотрелся.

— В вашем кабинете нет подслушивающих устройств?

На лице канцлера появилась смесь сомнения и негодования.

— Кому нужно за мной шпионить? — Он горько усмехнулся. — Я всего лишь канцлер, можно сказать, ничто.

— Вы глава Пританеона.

— Ха! Я ничего не могу. Если я воспользуюсь своей «властью», я попаду либо под домашний арест, либо в Паллиаторий!

— Может быть. Но...

— Что но?

— Вы знаете, что недавно были волнения среди жителей? Недовольство.

— Недовольство приходит и уходит.

— Вам не приходило в голову, что за этим стоит организация?

Имиш заинтересовался.

— К чему ты ведешь?

— Вы когда-нибудь слышали о Визерерах?

— Естественно. Банда болтунов.

— С виду. Но их организует и ведет практический ум.

— Куда ведет?

— Кто знает? Мне говорили, что их первая цель — офис канцлера.

— Но это смешно. Мне ничего не грозит, ведь по закону срок моего пребывания на посту канцлера — шесть лет.

— А, предположим, переход, — сказал Вэйлок, не рискнув произнести слово «смерть».

— Это уже дурной вкус.

— Попробуйте рассмотреть эту гипотезу: что произойдет в этом случае?

— Канцлером станет вице-канцлер Авершам. Так что...

— Совершенно верно, — сказал Вэйлок.

Канцлер посмотрел на него.

— Не хочешь же ты сказать, что Рольф...

— Я ничего не говорю. Я только излагаю факты, из которых вы можете сделать выводы.

— Почему ты говоришь мне все это?

Вэйлок уселся поудобнее:

— Я сделал ставку на будущее. Я верю в стабильность и хочу ее. Я могу помочь защитить стабильность и при этом повысить слоп.

— А, — с легкой иронией произнес Имиш, — теперь ясно.

— Пропаганда Визереров использует вас как символ роскошной жизни и автоматического слопа.

— Автоматического слопа! — Канцлер горько рассмеялся. — Если бы они знали!

— Прекрасная идея — дать возможность узнать всем! Уничтожить этот символ.

— Как?

— Самая эффективная пропаганда — это телепрограмма — экскурс в историю Пританеона и ваша биография, из которой ясно, что вы по приказу занимаете этот пост.

— Но вряд ли это кого-то заинтересует. Ведь в наше время канцлер — всего лишь пешка.

— Но канцлер становится истинным главой во времена смуты и беспорядка.

— Такого в Кларжесе не может быть. Мы — цивилизованный народ.

— Времена меняются. В воздухе носится дух недовольства. Одно из проявлений этого — усиление деятельности Визереров. Телепрог-

рамма, о которой я говорил, опровергнет основные положения их пропаганды. И, если нам удастся существенно поднять ваш престиж, мы оба можем рассчитывать на повышение слопа.

Имиш задумался.

— Я не имею возражений против этого, но...

— Я принесу вам материалы для окончательной редакции.

— Да, это не повредит.

— Значит, я начинаю работать с сегодняшнего дня.

— Я хочу подумать, прежде чем принять окончательное решение.

— Естественно.

— Я уверен, что ты преувеличиваешь серьезность положения. А что касается Рольфа... Я не могу в это поверить.

— Давайте не будем сейчас делать выводов, — согласился Вэйлок. — Но лучше пока не доверяйте ему.

— Хорошо. — Имиш поерзал в кресле. — У тебя уже сложился план передачи?

— Главное, — сказал Вэйлок, — показать вас человеком старых традиций, очень ответственным, но простым и неприхотливым в жизни.

Имиш хмыкнул.

— Это будет трудно. Все знают, что я люблю хорошо пожить.

— Неплохо было бы, — продолжал задумчиво Вэйлок, — показать ваш гардероб: церемониальные костюмы и прочее...

Имиш был озадачен:

— Я думаю, вряд ли...

— Это будет хорошее вступление к разговору, — сказал Вэйлок. — Дань человеческому любопытству.

Имиш пожал плечами.

— Может, ты и прав.

Вэйлок встал.

— Пожалуй, я прямо сейчас посмотрю ваш гардероб и сделаю кое-какие заметки.

— Как хочешь! Я позову Рольфа.

Вэйлок перехватил его руку, протянувшуюся к звонку.

— Я не хотел бы работать с мистером Авершамом. Вы только скажите, куда идти. Я сам найду.

Имиш засмеялся.

— Это весьма экстравагантно — использовать мой гардероб в качестве контрпропаганды! Впрочем, твое дело... — Он стал подниматься.

— Нет, нет, — запротестовал Вэйлок. — Я не хочу нарушать порядок вашей жизни больше, чем необходимо. Лучше я схожу один.

Имиш пожал плечами.

— Как хочешь.

Он рассказал Вэйлоку, куда идти.

— Я скоро вернусь, — сказал Вэйлок.

2

Вэйлок пошел по коридору. У нужной двери он остановился. Никого вокруг не было. Он распахнул дверь и вошел.

Образ жизни Имиша, как он и предполагал, трудно было назвать аскетическим. Белый мрамор, зеленый малахит, черное и красное дерево, на высоких окнах шелковые шторы...

Вокруг него висели пальто, накидки, туники, плащи, пиджаки, бриджи, брюки. Сотни видов разнообразной обуви, церемониальные одежды нескольких десятков цветов, спортивная одежда, охотничья одежда, маскарадные костюмы... Вэйлок осмотрелся, стараясь найти алый пиджак, в котором вчера был канцлер.

Он шел вдоль вешалок, разыскивая пиджак взглядом. Во втором ряду он нашел его и снял с вешалки. Но тут же замер. В дверях стоял Авершам. Он медленно пошел вперед. Глаза его блестели.

— Я не мог понять интереса к гардеробу канцлера, пока... — он кивнул на пиджак. — Я понял, что тебе здесь нужно.

— Ты знаешь, для чего я здесь? — спросил Вэйлок.

— Ты держишь пиджак, в котором канцлер ездил в Актуриан. Это единственное, что я понял. Дай его мне.

— Зачем?

— Из любопытства.

Вэйлок отошел в конец комнаты и, отвернувшись, стал доставать пленки. Он чувствовал их, но не мог зацепить. Сзади послышались шаги Авершама. Руки его схватили пиджак. Вэйлок рванул, но Авершам держал крепко. Вэйлок ударил Авершама в лицо, тот пнул его в низ живота. Вэйлок схватил ногу Авершама, резко вывернул ее. Авершам упал, покатился к окну, вскочил на ноги, но Вэйлок уже был рядом и снова ударил его. Авершам схватился за шелковые занавески, но не удержался, хрипло вскрикнул и упал. Вэйлок в ужасе смотрел на пустой прямоугольник окна. Снизу донесся вопль, а затем послышались странные звенящие звуки.

Вэйлок выглянул из окна и увидел тело Рольфа Авершама. Он упал прямо на металлическую ограду и напоролся на одну из острых пик. Ноги его судорожно дергались, задевая о металлическую решетку. «Вот откуда этот звон», — подумал Вэйлок. Но и звон скоро прекратился.

Вэйлок вернулся к пиджаку, быстро вытащил пленки, повесил пиджак обратно.

Через мгновение он уже ворвался в кабинет Имиша. Канцлер быстро выключил экран, на котором обнаженные женщины и мужчины разыгрывали какую-то непристойную сцену.

— Что случилось?

— Я был прав, — задыхаясь сказал Вэйлок. — Авершам пришел в гардеробную и напал на меня! Он подслушивал нас!

— Но... но... — Имиш привстал с кресла. — Где же он?

Вэйлок сказал ему.

3

Канцлер Имиш с трясущимися щеками и кожей цвета прокисшего молока диктовал рапорт Трайндервудскому шефу убийц.

— Его работа всегда отличалась небрежностью. А затем я обнаружил, что он следит за мной. Я объявил ему, что увольняю его, и взял мистера Вэйлока на его место. Он ворвался в мой гардероб и напал на меня. К счастью, рядом был Гэвин Вэйлок. В завязавшейся борьбе Авершам выпал из окна. Это случайность, чистая случайность.

Убийца принял рапорт и ушел. Имиш, пошатываясь, прошел в комнату, где ждал Вэйлок.

— Все, — сказал он. — Я надеюсь, что ты прав.

— Это был единственный способ оправдаться. В любом другом случае вас ждал бы громкий скандал.

Имиш покачал головой, все еще ошарашенный тем, что случилось.

— Кстати, — сказал Вэйлок, — когда мне приступить к выполнению своих обязанностей?

Имиш удивленно посмотрел.

— Ты действительно хочешь занять место Рольфа?

— Мне не нравится в Актуриане, и мне хочется помогать вам.

— Так слоп не сделаешь, прыгая с места на место.

— Я своей жизнью доволен, — сказал Вэйлок.

Имиш покачал головой.

— Секретарь канцлера — это секретарь ничтожества. А это еще хуже, чем быть ничтожеством.

— Я всегда хотел иметь титул. Как ваш секретарь, я становлюсь вице-канцлером. А кроме того, вы же сами сказали убийцам, что взяли меня на службу.

Имиш поджал губы.

— Ну и что! Ты можешь отказаться.

— Я боюсь, это вызовет подозрения. А кроме того, нам нужно подумать о Визерерах.

Имиш уселся в кресло, бросил на Вэйлока обвиняющий взгляд:

— Ужасное событие!

— Я сделаю все, чтобы вытащить вас из неприятностей.

Долгое время они смотрели друг на друга.

— Пожалуй, пойду освобожу комнату от пожитков Авершама, — сказал Вэйлок.

XVI

I

Прошел месяц. Осень пришла в Кларжес. Листья на деревьях пожелтели, трава пожухла, ветер становился все холоднее.

В Кларжесе отмечался один из больших ежегодных праздников. Весь народ вышел на улицы. На бульваре Эстергази один человек внезапно пришел в неистовство, вскочил на скамейку и произнес гневную речь, указывая в сторону Актуриана и потрясая кулаками. Многие останавливались послушать его, и пылкая речь нашла отклик в их душах. Двое убийц в черной форме остановились рядом, и сумасшедший обратил свою ярость против них. Толпа повернулась к ним, и убийцы пошли прочь. Но они сделали ошибку, удаляясь слишком быстро. Толпа взревела и устремилась за ними. Убийцы прибавили шагу, затем побежали со всех ног. Оратор, истощивший свои силы, упал на землю, закрыв лицо руками.

Толпа, лишенная руководителя, скоро пришла в себя и рассеялась. Но все же во время этого короткого эпизода люди ощутили силу и гнев массы, они действовали, как одно целое, против существующего порядка. Газета, описывающая это событие, назвала свою заметку так:

ВЕЙРДЫ НА УЛИЦАХ ДНЕМ?

Вэйлок провел этот день в своей квартире на улице Фариот, где теперь жил и Винсент Роденейв. Роденейв похудел. Глаза его светились из-под густых бровей болезненным блеском.

Роденейв работал над пленками. Крупномасштабная карта, висевшая на стене, вся была утыкана булавками с алыми головками. Каждая булавка отмечала местонахождение убежищ, где Амаранты хранили свои суррогаты. Вэйлок с большим удовлетворением долго разглядывал карту.

Не отрываясь от нее, он задумчиво произнес:

— Это самый опасный лист в мире.

— Я понимаю, — ответил Роденейв. Он показал на окно. — На улице все время дежурит убийца. За квартирой следят. А что, если они ворвутся сюда?

Вэйлок нахмурился, затем снял карту со стены, сложил ее и сунул в карман.

— Продолжай работу с остальными. Если я уеду на неделю...

— Ты можешь уехать? Ты работаешь?

Вэйлок улыбнулся.

— Я работаю за троих. Авершам свел свои обязанности к минимуму. Я хочу сделать себя незаменимым.

— Как?

— Во-первых, укрепив положение самого Имиша. Сам он уже давно сдался и ждал убийц, будучи Сердом. Теперь, с моей помощью,

он надеется стать Вержем. Мы много ездим. Он укрепляет свой общественный статус, как может. Он произносит речи, дает интервью прессе, ведет себя, как человек, обладающий властью. — И, немного погодя, Вэйлок произнес задумчиво: — Он еще удивит нас всех.

2

Вернувшись в Трайенвуд, Вэйлок прошел прямо к канцлеру. Тот спал на диване. Вэйлок опустился в кресло.

Имиш проснулся, сел, сонно моргая.

— А, Гэвин. Ну, и как прошел праздник в Кларжесе?

Вэйлок ответил:

— Так себе.

— Почему?

— Чувствуется какое-то напряжение. Все возбуждены. С чем бы это сравнить... Понимаешь, свободный поток растрачивает свою энергию. Но если поток запрудить, энергия его нарастет до угрожающих размеров.

Имиш почесал голову и зевнул.

— Город переполнен, — сказал Вэйлок. — Все вышли на улицу. Никто не знает, почему, но все вышли.

— Может, для моциона, — зевнул Имиш. — Подышать воздухом, посмотреть город...

— Нет. Люди возбуждены. Их не интересует город, они ищут только общества друг друга, они собираются в толпы.

— Это звучит так печально...

— Деградация общества всегда печальна.

— Чепуха, — сказал Имиш. — Такие люди не создали бы Кларжес.

— Я согласен. Но великие дни приходят и уходят.

— Но... — воскликнул Имиш, — еще никогда в нашем обществе производительность не была такой большой, отходы производства такими маленькими...

— И еще никогда не были так переполнены Паллиатории.

— В тебе сегодня совершенно отсутствует оптимизм.

— Иногда я удивляюсь, почему я борюсь за слоп? Зачем стремиться стать Амарантом в мире, где все летит в тартарары?

Имиш выглядел наполовину встревоженным, наполовину позабавленным.

— Сегодня у тебя очень желчное настроение.

— Великий человек, великий канцлер сможет изменить будущее, сможет спасти Кларжес!

Имиш встал, наклонился над столом.

— Ты полон интереснейших идей. — Он засмеялся. — Теперь я понимаю, что порождает странные слухи, окружающие тебя.

— Меня?

— Да. — Имиш смотрел на него сверху вниз. — Я слышал очень любопытную вещь.

— Что именно?

— Говорят, что черная тень тянется за тобой. Куда бы ты ни пошел, везде по пятам твоим следует ужас.

Вэйлок фыркнул:

— Кто автор этой чепухи?

— Генерал-директор убийц Каспар Джарвис.

— Генерал-директор занимается сплетнями, в то время как Вейрды и Визереры нависли, как топор палача, над нашей цивилизацией.

Имиш улыбнулся:

— Сейчас, я думаю, ты не так серьезен, как во время нашей первой беседы на эту тему.

Вэйлок использовал Визереров, как пугало, чтобы проникнуть в гардероб канцлера, но теперь он уже трезво относился к ним.

Имиш продолжал:

— Вейрды — это неорганизованная масса психопатов. Визереры витают в облаках, они романтики. Единственно опасные преступники укрываются в районе Тысячи Воров.

Вэйлок покачал головой.

— Мы их знаем. Они изолированы. А эти — часть нас. Они здесь, там, везде. Если Визерерам удастся распространить свою главную идею, что Кларжес болен, что Кларжес нужно лечить, число Визереров увеличится намного.

Имиш потер лоб в замешательстве:

— Но именно это ты говорил мне пять минут назад! Ты сам Архивизерер!

— Возможно, — сказал Вэйлок, — но мои предложения не столь революционны.

Имиш был непоколебим.

— Каждый знает, что мы живем в Золотом веке. Генерал-директор говорил мне...

— Завтра вечером, — сказал Вэйлок, — состоится встреча Визереров. Я возьму вас на эту встречу, и вы увидите все своими глазами.

— Где они встречаются?

— В Карневале. Холл Откровений.

— Этот сумасшедший дом? И ты еще принимаешь их всерьез?

Вэйлок засмеялся.

— Сходим и увидим.

3

Карневаль, как всегда, заполняли люди в фантастических, ярких костюмах. Вэйлок надел новый костюм ярко-оранжевого цвета, украшенный перьями. Его лицо скрывала бронзовая маска, в которой

отражались огни факелов, свет фонарей, вспышки фейерверков. Теперь он сам походил на ходячий сноп пламени.

Имиш не отстал от него по оригинальности: он облачился в костюм Матаганского воина. Шаги его сопровождались звоном колокольчиков, яркие бляхи отражали свет, голубые и зеленые перья колыхались от малейшего дуновения. Его головной убор представлял собой умопомрачительную коллекцию пластин из разноцветного стекла, приклеенных к серебряному обручу.

Всеобщее возбуждение захватило Имиша и Вэйлока. Они громко смеялись и оживленно разговаривали. Имиш даже высказал желание забыть о деле, которое привело их в Карневаль, но Вэйлок твердой рукой вел его мимо различных увеселительных домов. Они прошли под роскошным мостом Шепота с его пагодообразной крышей и колоннами в форме сердец, и перед ними вырос Холл Откровений. Голубые колонны поддерживали зеленый свод, на котором красовалась надпись:

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Копия древней статуи — человек-мыслитель: локоть на колене, подбородок в ладони — стояла возле входа. Вэйлок и Имиш бросили свои флорины в ящик и вошли.

Шум голосов оглушил их. Вдоль стен стояли пустоглазые античные богини, держащие зажженные факелы. Высокие потолки терялись во мраке. Под каждым факелом было возвышение, и на каждом из них стояли мужчины и женщины. Все они излагали свои доктрины с равной степенью горячности, и возле каждого из них толпились последователи. У одних больше, у других меньше. На одно из возвышений забрались сразу два человека, и после напрасных попыток перетянуть к себе слушателей они бросились друг на друга с кулаками.

— Кто поплывет со мной? — кричал с одного из возвышений оратор. — Я строю ковчег, и мне нужны деньги. На моем острове, клянусь, будет настоящий рай. Там полно фруктов.

— Это Кизим, примитивист. Он уже десять лет собирает людей для своей колонии, — сказал Вэйлок.

— А как насчет каннибалов-варваров? — спросил кто-то ехидно. — Нам придется съесть их раньше, чем они съедят нас. — Толпа дружно расхохоталась.

— Мы будем купаться в теплой воде, спать на горячем песке — это же натуральная жизнь, спокойная, мирная... — но его уже мало кто слушал. — При чем здесь каннибалы? — надрывался Кизим. — Остров мой, и им придется уйти!

— С сотней черепов в качестве трофеев, — добавил кто-то, и Кизим вконец смешался и исчез.

Имиш и Вэйлок пошли дальше.

— Лига Заката Солнца, — сказал Вэйлок. — В основном Гларки.

— ... и затем, в конце, о, братья и сестры, не отворачивайтесь, потому что я скажу: наступает конец! Мы снова возвращаемся в Лоно

Великого Друга, мы будем жить вечно в славе, которая недоступна Амарантам! Но мы должны сейчас верить, должны отречься от земных соблазнов, отдать свои души Великому Другу!

— ... десять тысяч сильных мужчин — вот все, что нам нужно! — кричал с другого возвышения тщедушный мужчина. — Зачем нам потеть и изнурять себя работой в Кларжесе? Я поведу вас, поведу Легион Света! Десять тысяч, закованных в металл, хорошо вооруженные! Мы пройдем через Таппанию, мы освободим Мерсию, Ливерн, Эскобар. И затем мы сами станем Амарантами. Всего только десять тысяч, Легион Света...

На противоположном возвышении стояла хрупкая женщина с бледным лицом. Черные волосы развевались вокруг ее головы. Глаза ее, большие и отрешенные, смотрели куда-то в даль, не видимую другим. Она как будто не знала, что ее слушают.

— ... страх и зависть, они с нами, а с кем справедливость? Бессмертие принадлежит одинаково — и Амарантам, и Гларкам: никто не умирает. Как живет Амарант? Он использует суррогаты, он полностью сливается с ними. Как будет жить Гларк? Почти так же. Он сольется не со своими суррогатами, а с Человеком. Все люди будущего — его суррогаты. Он сольется с человеком, он будет жить вечно!

— Кто это? — спросил Имиш.

— Не знаю. Я ее вижу впервые... А вот и Визереры. Идем, послушаем.

Женщина исключительной красоты стояла на возвышении.

— ... сейчас трудно определить тенденцию, если она, конечно, есть. Однако ответ могут дать Паллиатории. Некоторых пациентов излечивают и выпускают. Эти излеченные возвращаются к работе, к борьбе за фил. А человек, как веревка — где тонко, так и рвется, ведь в этом месте развивается наибольшее напряжение. И он снова в Паллиатории. Чтобы решить проблему, нужно не натягивать веревку, нужно уменьшить напряжение. Но напряжение не уменьшается, оно растет. Поэтому, как мы согласились на прошлой встрече, нужно готовиться к действиям. Здесь Моркас Марр, который даст вам дальнейшую информацию.

Она сошла с помоста. Имиш подтолкнул Вэйлока.

— Я знаю эту женщину. Это Иоланда Бенн! — Он был ошарашен. — Иоланда Бенн! Подумать только!

Моркас Марр уже стоял на возвышении. Невысокий, крепкий человек с суровым лицом. Он говорил ровным тоном, заглядывая в записную книжку.

— По рекомендации комитета мы упрощаем администрирование и оставляем только главных по районам. Здесь у меня список главных, который я оглашу. Естественно, кандидатуры могут быть одобрены не всеми, но мы полагаем, что сейчас не до выборов. Сейчас важно как можно быстрее привести организацию в действие.

Имиш прошептал Вэйлоку в ухо:

— О чем это он, черт побери?

— Слушайте!

— Каждый главный, назовем его лидером, организует свой район, назначает свою исполнительную группу, вырабатывает план действий. Сейчас я прочту список лидеров. — Он поднял книжку. — Координатор Якоб Мил.

В стороне по толпе прошло волнение. Вэйлок повернулся и увидел Мила. Рядом с ним стояла женщина с длинным нервным лицом, впалыми щеками, рыжими волосами: Пледж Каддиган.

Моркас Марр закончил чтение и спросил:

— Вопросы есть?

— Конечно, есть! — прозвучал голос рядом с Вэйлоком, и он с удивлением увидел, что это крикнул канцлер Имиш.

— Я хочу знать, какова цель этой мощной полузаконспирированной организации?

— Мы надеемся защитить человечество и цивилизацию от надвигающегося катаклизма.

— Катаклизма? — Имиш был удивлен.

— Разве можно подобрать более подходящее слово для полной анархии? — Марр снова обратился ко всем: — Еще вопросы?

— Мистер Марр, — сказал Мил, выступив вперед, — мне кажется, я узнал крупного политического деятеля. — Тон его был язвительным. — Это канцлер Пританеона Клод Имиш. Может быть, нам удастся привлечь его в свои ряды?

Имиш поддержал его иронию.

— Я мог бы вступить в вашу организацию, если бы я знал, чего вы хотите.

— Ха! — воскликнул Мил. — На этот вопрос никто не может дать ответа. Мы не хотим определять свою цель. И в этом наша сила. Каждый из наших уверен, что основная цель организации совпадает с его личной целью. Мы связаны только общим вопросом: «Куда катится мир? Как его переделать?»

Имиш разозлился.

— Вместо того, чтобы болтать о катаклизме и блеять «Куда, куда», вы бы лучше спрашивали себя: «Что могу сделать я, чтобы разрешить те проблемы, которые сотрясают Кларжес?»

Наступила тишина, затем взрыв негодования. Вэйлок оставил Имиша и подошел к Пледж Каддиган и Якобу Милу.

— Как ты оказался в столь изысканном обществе? — спросила Пледж.

— Моя дорогая Пледж, — ответил Вэйлок. — Я сам теперь изысканное общество. Я вице-канцлер.

Якоб Мил нашел эту ситуацию очень занимательной.

— И вы, номинальные главы правительства, почему вы здесь, в такой подозрительной компании, как мы?

— Мы надеемся повысить свой слоп: доказав, что Визереры — это конспиративная подрывная организация.

Мил рассмеялся.

— Если вам будет нужна помощь, обращайтесь ко мне.

Сердитые возгласы прервали их. Этот вечер превзошел все ожидания Вэйлока.

— Послушайте этого осла, — прошептал Мил.

— Если вы не партия преступных синдикалистов, — кричал Имиш, — то почему вы создаете целую организацию?

Десяток голосов ответил ему, но Имиш не слушал.

— Вы можете быть уверенными в одном. Я намереваюсь напустить на вас убийц. Я выведу вас на чистую воду!

— Ха! — вскричал Морис Марр презрительно. — Давай, давай! Кто будет слушать тебя? У самого младшего из нас больше влияния, чем у тебя!

Имиш махнул рукой. Он не мог найти слов и только плюнул. Вэйлок взял его за руку.

— Идем.

Ослепленный гневом Имиш позволил увести себя. В Помадре, на четвертом этаже знаменитого Кольца Садов, они сели и выпили прохладительного.

Имиш молчал. Он стыдился того, что ему пришлось уйти так позорно. Вэйлок тактично молчал. Оба смотрели на залитый огнями Карневаль. Наступила полночь, и праздник был в полном разгаре. Даже воздух вздыхал и вибрировал.

Имиш поставил стакан на стол.

— Идем, — проскрипел он. — Пора.

Они шли по эспланаде, в «Аргонавте» выпили ликера, и Имишу стало нехорошо. Они решили возвращаться домой и пошли по эспланаде по направлению к выходу.

Карневаль казался каким-то призрачным, нереальным царством тьмы. Огни цветных фонарей поглощались темной водой реки, сгорбленные мрачные фигуры пробирались в полумраке. Некоторые из них принадлежали Ревелерам, никому не известные, ненужные, как клочки бумаги, плывущие в темной воде реки, другие — Берберам, которые, как и Вейрды, находили удовольствие в мрачных преступлениях и насилиях. Группа таких личностей вышла из мрака, направилась к Имишу и Вэйлоку и внезапно набросилась на канцлера с его помощником.

Имиш сразу рухнул на колени и попытался покинуть поле боя на четвереньках. Вэйлок приготовился к драке. Тени наступали на него, наносили удары. Один из ударов пришелся по лицу. Вэйлок ответил, но силы были неравны. Вскоре он уже лежал на земле. Маска свалилась с его лица...

— Это же Вэйлок! — послышался шепот. — Гэвин Вэйлок.

Вэйлок выхватил нож, ударил по чьей-то ноге, услышал вскрик. Он вскочил на ноги и бросился вперед, нанося удары направо и налево. Берберы побежали, рассеялись во тьме.

Вэйлок вернулся к Имишу, который со стонами старался подняться. Они побрели по эспланаде. Одежда их находилась в полном беспорядке, волосы растрепаны. Несколько синяков украшали лица.

В конце набережной они взяли кеб и полетели через реку, в Трайенвуд.

4

Канцлер Имиш оставался в дурном настроении несколько дней. Вэйлок, как обычно, исполнял свои обязанности.

В одно тусклое утро позднего ноября, когда серая вуаль осеннего дождя заволокла Глэйд Каунти, Имиш вошел в кабинет Вэйлока. Он уселся в кресло. Ребра его все еще болели, синяки не полностью сошли с лица. Психологическая травма оказалась еще более сильной: он похудел, вокруг рта прорезались морщины.

Вэйлок слушал, как Имиш, путаясь в словах, пытается изложить свою идею.

— Как ты знаешь, Гэвин, я анахронизм. Золотой век не нуждается в сильном лидере. Но... — Он промолчал, задумавшись. — ... При чрезвычайных обстоятельствах... — Имиш отошел к окну и стал смотреть в серое небо. — Странные вещи творятся в Кларжесе, но никого это не беспокоит. Я намереваюсь заняться этим. Поэтому... — Он повернулся к Вэйлоку. — Позвони генерал-директору убийц Каспару Джарвису, попроси его быть здесь в одиннадцать часов.

Вэйлок кивнул:

— Хорошо, канцлер.

XVII

1

Вэйлок позвонил на Центральную Станцию в Гарстанге и попросил соединить его с генерал-директором Джарвисом. Этот процесс потребовал много времени и усилий. Ему пришлось спорить последовательно с оператором, чиновником Главной Станции... и, наконец, перед ним на экране возник сам Джарвис — могучий человек, сидящий за своими бумагами, как собака над костью.

— Какого дьявола вам надо?

Вэйлок объяснил, и Джарвис стал более дружелюбен.

— Значит, канцлер желает видеть меня в одиннадцать часов?

— Да.

— А ты вице-канцлер, Вэйлок?

— Да.

— Интересно. Я надеюсь познакомиться с тобой поближе, вице-канцлер!

— Значит, в одиннадцать, — бесстрастно сказал Вэйлок.

Джарвис появился за десять минут до одиннадцати с двумя помощниками. Он прошел в приемную, остановился возле стола Вэйлока, осмотрел его внимательно и улыбнулся, как заговорщик.

— Вот мы и встретились лицом к лицу.

Вэйлок встал и кивнул.

— Надеюсь, не в последний раз, — продолжал Джарвис. — Где канцлер?

— Я провожу вас к нему.

Вэйлок проводил Джарвиса в кабинет канцлера. Возле дверей Джарвис оставил своих помощников.

В кабинете ждал Имиш. Он сидел в массивном старом кресле. За ним на стене висели портреты его предшественников. Он был полон достоинства. Имиш приветствовал Джарвиса, затем сделал Вэйлоку знак оставить их одних.

— Ты нам не нужен, Гэвин. Можешь идти.

Вэйлок с поклоном ушел. Джарвис с развязным дружелюбием сказал:

— Я занятый человек, канцлер. Полагаю, вы хотите мне сказать что-то важное.

Имиш кивнул.

— Думаю, да. С некоторых пор меня стало беспокоить положение в Кларжесе...

Джарвис поднял руку.

— Один момент, сэр. Если Вэйлок имеет отношение к делу, можно позвать его сюда. Потому что он все равно будет подслушивать.

Имиш улыбнулся.

— Он хитрец, но тут нет подслушивающих устройств. Мой кабинет тщательно проверяется.

Джарвис скептически осмотрел комнату.

— Вы не будете возражать, если я сам проверю кабинет?

— Ради бога.

Джарвис достал какой-то прибор в форме трубки и прошел по комнате, проверяя показания на шкале, прошел во второй раз.

— Странно. Действительно ничего нет.

Он подошел к двери, открыл ее. Возле двери стояли его люди. Все было спокойно.

Джарвис вернулся в свое кресло.

— Теперь будем говорить.

Вэйлок, стоящий в соседней комнате, приложив ухо к предусмотрительно проделанному отверстию, улыбнулся.

— В некотором смысле, здесь замешан Вэйлок, — послышался голос Имиша. — Исходя из своих собственных соображений, он показал мне опасность, которой вы не хотите замечать.

— Мое дело — только непосредственная опасность.

Имиш кивнул.

— Наверное, это мое дело. Я говорю о любопытной организации — Визерерах.

Джарвис пренебрежительно махнул рукой.

— В них нет для нас ничего интересного.

— У вас есть агенты в этой организации?

— Нет. Их нет и в Лиге Солнечного Заката, и у Абракадабристов, и в Гильдии Масонов, и в Объединенном Земном Шаре, и у Серебряных Сионистов...

— Я хочу, чтобы вы немедленно занялись Визерерами.

Начался спор. Имиш был неумолим. Наконец Джарвис поднял руки.

— Хорошо. Я сделаю то, что вы просите. Времена неустойчивы, возможно, мы слишком беспечны.

Имиш кивнул, откинулся в кресле. Джарвис наклонился к нему через стол.

— А теперь у меня к вам настоятельная просьба. Бросьте Вэйлока. Избавьтесь от него. Это темная лошадка. Более того, он монстр. Если вы заботитесь о репутации Пританеона, вы уволите его до того, как мы пришлем за ним.

Достоинство Имиша поколебалось.

— Вы имеете в виду случай с моим предыдущим секретарем?

— Нет. — Джарвис внимательно посмотрел на Имиша. Тот отвел взгляд. — Согласно вашему свидетельству, Вэйлок в этом не виновен.

— Нет, — поспешно сказал Имиш, — конечно, нет.

— Я говорю о преступлении, которое совершилось несколько месяцев назад в Карневале, где Вэйлок убил Джакинт Мартин. Мы вошли в контакт с его сообщником, неким Бербером по имени Карлеон. Карлеон готов дать показания, достаточные для осуждения Вэйлока.

— Почему вы говорите мне это? — напряженно спросил Имиш.

— Потому, что вы можете помочь нам.

— Как?

— Карлеон хочет прощения. Он хочет покинуть район Тысячи Воров и вернуться в Кларжес. У вас есть право дать ему прощение.

Имиш мигнул.

— Моя власть чисто номинальная. Вы это прекрасно знаете.

— Тем не менее она существует. Я сам могу пойти в Колледж Трибунов или в Пританеон и просить амнистии для Карлеона. Но тогда неминуемо последует огласка, дурацкие вопросы.

— Но этот Карлеон... разве он не виновен так же, как и Вэйлок? Почему нужно простить одного, чтобы наказать другого?

Джарвис молчал. Оказывается, Имиш не так глуп, как он предполагал.

— Это политическое дело, — наконец сказал он. — Вэйлок — это специальный случай. Я получил приказ осудить его любым способом.

— Вне всякого сомнения, это давит Общество Амарантов?

Джарвис кивнул.

— Рассмотрите ситуацию с этой точки зрения. Два преступника — Вэйлок и Карлеон — на свободе. Подарив амнистию Карлеону, мы схватим Вэйлока. Очевидный выигрыш.

— Я понимаю... У вас есть необходимые бумаги?

Джарвис достал из кармана документ.

— Нужно только подписать здесь.

Имиш прочел список преступлений, за которые он прощает Карлеона. Негодование охватило его.

— Это же исчадие ада. И вы хотите простить этого человека, чтобы схватить Вэйлока, святого по сравнению с ним!

Он бросил документ на стол.

Со стоическим терпением Джарвис снова начал объяснять ситуацию:

— Я же говорю, сэр, мы ничего не теряем, простив Карлеону его преступления, он все равно живет свободным в Карневале. Но зато мы получаем Вэйлока... И, кроме того, нам не следует забывать об интересах высокопоставленных особ...

Имиш взял перо, нацарапал свою подпись.

— Хорошо. Пусть будет так.

Джарвис взял документ, сложив его, встал.

— Спасибо за помощь, канцлер.

— Я надеюсь, что у меня не будет неприятностей в Пританеоне.

— В этом я могу вас заверить. Они ничего не узнают.

Джарвис вернулся к себе и тут же ему позвонил Имиш.

— Директор, Вэйлок исчез.

— Исчез? Как?

— Не знаю. Он ушел, не сказав мне ни слова.

— Хорошо. Благодарю за звонок.

Экран погас. Джарвис глубоко задумался. Затем он нажал кнопку и проговорил в микрофон:

— Прощение Карлеона готово. Свяжитесь с ним. Договоритесь о встрече. Чем скорее, тем лучше.

2

Человек в медной маске быстро шел по открытому тротуару. Возле маленькой стальной двери он остановился, осмотрелся, вошел, быстро сделал три шага и замер. Он ждал две секунды, пока сработает

ловушка: огненные молнии ударили в пол перед ним и позади него. После этого он пошел дальше.

Он поднялся по ступеням и вошел в комнату, где не было ничего, кроме деревянных скамеек и грубого стола. За столом сидел человек со сморщенным лицом и большими горящими глазами.

— Где Карлеон? — спросил человек в маске.

Человек кивнул на дверь:

— В своем Музее.

Человек в маске быстро подошел к двери, открыл ее и пошел по темному коридору, то прижимаясь к левой стене, то прыгая к правой. В самой темной части коридора он нащупал боковую дверь и открыл ее, оказавшись в длинной комнате, обставленной с мрачной роскошью. Комната освещалась зеленоватым светом, что еще больше усиливало производимое ею гнетущее впечатление.

Огромный человек с круглым мертвенно бледным лицом вопросительно посмотрел на вошедшего:

— В чем дело?

Его посетитель снял маску.

— Вэйлок! — Карлеон схватился за пистолет, но оружие Вэйлока оказалось наготове, и безжизненное тело Карлеона рухнуло на пол.

Вэйлок окинул Музей задумчивым взглядом. Карлеон был некроманом: он собирал экспонаты, показывающие смерть в самых разнообразных видах и формах. Вэйлок с удивлением смотрел на распростертое тело Карлеона. Этот человек собирался стать свободным ценой жизни Вэйлока. Да, Вэйлок недооценил решительность своих противников и их неразборчивость в средствах...

Он вернулся в мрачную приемную. Маленький человек сидел в прежней позе.

— Я убил Карлеона, — сказал Вэйлок.

Человек не выказал ни удивления, ни интереса.

— Карлеон захотел на ту сторону реки. Он договорился с убийцами об амнистии.

Человек посмотрел своими лучистыми глазами через стол на Вэйлока. Тот сказал:

— Мне нужна сотня людей, Рубель. У меня большие планы, и мне нужна помощь. Я буду платить по пятьсот флоринов за ночь.

Рубель угрюмо кивнул.

— Есть опасность?

— В какой-то степени.

— Деньги вперед?

— Половину.

— А у тебя они есть?

— Да, Рубель. Грэйвен Варлок, издатель «Кларжес Директион», был богатым человеком. Ты будешь играть роль нанимателя.

— Когда тебе нужны люди?

— Я скажу тебе за четыре часа до начала. Они должны быть сильными, быстрыми, умными, хитрыми и точно выполнять приказы.

— Сомневаюсь, чтобы в Карневале набралась сотня таких.

— Тогда бери и женщин. Они тоже подойдут. В некоторых отношениях даже лучше.

Рубель кивнул.

— Еще одно. Убийцы в основном действуют через тебя, Рубель. Ты их агент.

Рубель улыбнулся змеиной улыбкой, которую Вэйлок проигнорировал.

— Возможно, ты знаешь и других информаторов. Предупреждаю: полная тайна. Никакой утечки информации. Ты отвечаешь за это. Понял?

— Абсолютно.

— Прекрасно. На следующую нашу встречу я принесу деньги.

Зазвонил телефон. Рубель искоса взглянул на Вэйлока, ответил. Голос говорил на сленге, непонятном для непосвященных.

Рубель повернулся к Вэйлоку.

— Убийцы хотят видеть Карлеона.

— Скажи им, что Карлеон мертв.

3

Эту новость передали Джарвису. Он действовал решительно:

— Пошлите Специальный отряд в Карневаль. Приказ — найти Гэвина Вэйлока и схватить его.

Прошло два часа, и отряд вернулся ни с чем.

— Он ускользнул.

Джарвис сидел в кресле, глядя на черные крыши города.

— Мы найдем его... Жаль, что нельзя использовать телевекцию... Они связывают нам руки!

Он встал и отдал сотню приказов...

XVIII

1

Общество Амарантов собралось на свой 229 конклав. Каждый член Общества сидел в комнате своего дома перед большой стеной, сделанной из десяти тысяч плиток. На каждой плитке-экране виднелось лицо Амаранта и лампочка, отражающая его мнение по какому-либо вопросу. Если лампочка светилась красным светом, это означало крайнее неодобрение. Оранжевым — просто неодобрение, желтым — нейтральное отношение, зеленым — одобрение и голубым — полное одобрение.

В центре мозаики помещалось специальное устройство, которое обсчитывало все данные, а на индикаторной панели высвечивалось мнение большинства, так сказать, групповое решение.

Сегодня вечером на конклав собралось девяносто два процента всех его членов.

После официальной церемонии открытия Роланд Зигмонт занял экран оратора.

— Я не буду терять время на вступление. Мы сегодня встретились, чтобы обсудить проблему, существование которой каждый из нас старался не замечать: насильственное уничтожение Амарантов.

Мы до сих пор игнорировали эту проблему из ложного стыда и не считали ее серьезной. Действительно, в противном случае, зачем нужны наши суррогаты?

Сейчас мы должны выступить за свои принципы: посягательство на жизнь есть крайнее зло, и мы должны бороться с любым его проявлением.

Вы удивляетесь, почему сейчас поднялся этот вопрос? Основная причина — это продолжающаяся серия уничтожений. Последнее — это Анастазия де Фанкур. Ее убийца покончил с собой, и пока среди нас не появились ни новая Анастазия, ни новый Абель.

Но главное — это Гэвин Вэйлок, известный нам как Грейвен Варлок.

Я передаю слово Джакинт Мартин, которая занималась этим делом.

Лицо Джакинт появилось на центральном экране. Глаза ее расширились и сияли странным блеском. Видимо, она была перевозбуждена и чрезмерно напряжена.

— Дело Гэвина Вэйлока — это общая тенденция отношения к нам, Амарантам. Впрочем, я несправедлива к Вэйлоку, потому что человек он уникальный!

Давайте посмотрим преступления, за которые он несет прямую ответственность: Абель Мандевиль, я — Джакинт Мартин. Предположительно: Сэт Каддиган, Рольф Авершам; только вчера Бербер Карлеон. Все это события, известные нам. А сколько неизвестных? Зло следует по пятам за Вэйлоком.

Почему? Случайность? Или Вэйлок невинное орудие зла? А может быть, он дошел до такой степени эгоизма, что ему ничего не стоит взять человеческую жизнь для достижения своих целей?

Голос ее зазвенел, слова запрыгали, как дождевые капли по крыше. Она тяжело дышала.

— Я изучила Гэвина Вэйлока. Это не невинное орудие зла! Это Монстр! У него мораль хищника, и она дает ему могущество, могущество, направленное против жителей Кларжеса. Это физическая угроза каждому из нас.

Вся мозаика всполошилась.

— Почему? Почему? Почему? — неслись крики с каждого экрана.

Джакинт продолжала:

— Вэйлок презирает наши законы. Он нарушает их тогда, когда ему нужно. А успех заразителен. За Вэйлоком могут последовать и другие. Он загрязняет наше общество, как смертоносный вирус.

Вся мозаика гудела и перешептывалась.

— Цель Гэвина Вэйлока — стать Амарантом, и он изо всех сил стремится к этому. — Она посмотрела на мозаику из тысяч маленьких взволнованных лиц. — Если мы решим, мы можем проигнорировать законы Кларжеса и дать ему то, что он хочет. Какова ваша воля?

Шум голосов, как звуки прибоя, вырвался из громкоговорителя. Индикаторы засветились всеми цветами радуги, но больше всего было красного и оранжевого. Панель центрального индикатора стала розовой.

Джакинт подняла руку.

— Но если мы не сдадимся, я предупреждаю вас, нам придется сражаться с этим человеком. Нам придется не просто подчинить его, этого будет недостаточно, мы должны... — Она наклонилась вперед. — ... мы должны уничтожить его!

С мозаики не донеслось ни звука.

— Некоторые из вас потрясены. Но к этой мысли нужно привыкнуть. Этот человек хищник и должен быть уничтожен.

Она села. Роланд Зигмонт, председатель Общества, снова занял место на центральной панели. Он тихо заговорил:

— Джакинт осветила специальный объект общей проблемы. Без сомнения, Грэйвен Варлок умный преступник. Он каким-то образом перехитрил убийц и скрывался семь лет, после чего зарегистрировался в Бруды как свой же реликт, с намерением снова пробиться в Амаранты.

— Разве это плохо? — спросил кто-то.

Роланд проигнорировал вопрос.

— Однако...

На экране снова появилась Джакинт. Она обшарила глазами тысячи людей.

— Кто это спросил?

— Я.

— А кто ты?

— Я, Гэвин Вэйлок. Или Грэйвен Варлок, если вам это больше нравится. Я — вице-канцлер Пританеона. Дай мне слово, председатель.

Изображение Вэйлока появилось на центральной панели. Десять тысяч пар глаз рассматривали волевое лицо.

— Семь лет назад, — начал Вэйлок, — меня передали убийцам за преступление, в котором я виновен лишь технически. Благодаря большому везению я сегодня здесь, чтобы выразить протест. Я прошу конклав отменить свой ордер на арест, признать свою ошибку и восстановить меня в членах Общества со всеми правами.

Роланд Зигмонт заговорил. В его голосе чувствовалось волнение.

— Конклав проголосует, принять или не принять твою просьбу.

— Ты монстр, — сказал чей-то голос. — Мы никогда не подчинимся твоему требованию.

Вэйлок сказал голосом, в котором звучала сталь.

— Я прошу голосования.

Контрольная панель стала красной.

— Вы отвергли мою просьбу, — сказал Вэйлок. — Роланд Зигмонт, могу я узнать, почему?

— Я могу только предположить мотивы, которыми руководствовалось Общество, — проговорил Роланд. — Очевидно, мы чувствуем, что твои методы неприменимы, неприемлемы. Ты обвиняешься в готовности совершить преступление. Нас тревожит твоя агрессивность. Мы не считаем тебя достойным занять место среди Амарантов.

— Но при чем здесь мой характер? Я — Грэйвен Варлок, и я уже был признан Амарантом.

Роланд сослался на слова Джакинт Мартин.

— Ты зарегистрировался в Актуриане как Гэвин Вэйлок. Так?

— Верно. Но это всего лишь...

— Значит, для закона ты и есть Гэвин Вэйлок. Грэйвен исчез. А ты Гэвин Вэйлок. Бруд.

— Я зарегистрировался как Гэвин Вэйлок, реликт Грэйвена. Однако я точная копия Грэйвена и, следовательно, имею право на все то, на что имел право сам Грэйвен.

Джакинт рассмеялась.

— Пусть на это ответит Роланд. Он специалист в этих делах.

Роланд много говорить не стал:

— Я отвергаю притязания мистера Гэвина Вэйлока. Грэйвен был Амарантом очень недолгое время, и его суррогаты не успевали развиваться.

— Но вы можете, — сказал Вэйлок, — проэкзаменовать меня по всему прошлому Грэйвена. И когда я отвечу на все вопросы, вы сможете признать меня суррогатом Грэйвена, и тогда я буду считаться новым Грэйвеном.

— Я не могу понять этого. Вы можете быть реликтом Грэйвена, но никак не его копией, суррогатом.

Спор затянулся. На центральном экране теперь виднелись изображения обоих.

— Но разве это не ваша доктрина относительно суррогатов? — спросил Вэйлок. — Разве вы не считаете каждый суррогат своей копией?

— Нет. Каждый суррогат абсолютно индивидуален до тех пор, пока в него не введут личность прототипа. Только тогда он становится копией. Только тогда он становится Амарантом.

Вэйлок в первый момент не нашелся, что ответить. Он казался на экране смущенным и потерявшимся.

— Значит, суррогаты — абсолютно независимые личности?

— В общем, да.

Вэйлок обратился ко всем:

— Вы все согласны?

На контрольной панели вспыхнул голубой цвет.

— Признавая это, — сказал Вэйлок задумчиво, — вы признаетесь в ужасном преступлении.

Наступила тишина.

Вэйлок продолжал окрепнувшим голосом:

— Как вы знаете, я выполняю общественные функции. Они минимальны, но реальны. В отсутствие канцлера я, вице-канцлер, обвиняю Общество Амарантов в нарушении одного из основных законов.

Роланд Зигмонт нахмурился:

— Что за чепуха?

— Вы содержите взрослые личности в плену. Моя обязанность — прекратить это насилие. Вы должны немедленно освободить личности и понести соответствующее наказание.

Негодующий шепот постепенно перешел в рев. Сквозь него прорвался голос председателя:

— Вы сумасшедший.

Лицо Вэйлока на экране казалось маской из темного камня.

— Вы сами признали, что держите в заключении тех, кто не является вашими копиями. Теперь вам нужно выбирать. Либо суррогаты — независимые личности, либо они — копии Амаранта.

Председатель отвел глаза.

— Я буду рад предложить членам общества ответить на это идиотское заявление. Секстон ван Эк?

— Это обвинение действительно идиотское, — сказал Секстон ван Эк после некоторого колебания. — Более того, оно оскорбительно.

— Джакинт Мартин? — Ответа не последовало. Ее экран был пуст.

— Грандон Плантагенет?

— Я согласен с Секстоном ван Эк. Это обвинение нужно игнорировать. И вообще, что он хочет?

— Либо примите меня в Общество Амарантов, либо отпустите свои суррогаты, — сказал Вэйлок.

Тишина. Затем слабые смешки.

— Вы же знаете, что мы никогда не выпустим суррогаты в мир. Это идиотизм, — сказал Роланд.

— Значит, вы признаете мое право войти в Общество Амарантов?

Панель стала оранжевой, затем красной.

Вэйлок заметно разозлился.

— Вы забываете о разуме, о здравом смысле.

— Ты не обманешь нас. Мы не пойдем на твои условия, — послышались голоса.

— Я предупреждаю: я не беспомощен. Однажды вы принесли меня в жертву, и я много лет прожил в страданиях.

— Как это мы принесли в жертву? — спросил председатель. — Разве мы виновны в преступлении Грэйвена Варлока?

— Вы осудили его на тягчайшее наказание за проступок, который совершает один из сотни. Абель Мандевиль убил сразу двоих, но он возродится в одном из своих суррогатов.

— Я не могу только сказать, — проговорил Роланд, — что Грэйвен должен был вести себя осторожнее до тех пор, пока не развились его суррогаты.

— Я не отойду в сторону! — страстно вскричал Вэйлок. — Я буду требовать то, что положено мне по праву. Если вы отвергнете меня, я буду столь же безжалостен, как и вы.

На всей мозаике отразилось удивление. Роланд с легкой улыбкой сказал:

— Хорошо. Если хочешь, мы рассмотрим твое дело, но я сомневаюсь...

— Нет. Я использую свою силу сейчас. Так что выбирайте сейчас...

— Какую силу? Что ты можешь сделать?

— Я могу освободить ваши суррогаты. — Вэйлок смотрел на них с улыбкой. — Вообще-то я предполагал исход моих переговоров, так как их освобождают прямо сейчас. И освобождение будет продолжаться до тех пор, пока вы не признаете мои права или все суррогаты не будут освобождены.

Амаранты онемели. Ни звука не доносилось с экранов.

Роланд неуверенно засмеялся.

— Ну, теперь все ясно. Этот человек — Гэвин и Грэйвен — понятия не имеет, где они находятся. Он не может выполнить свою угрозу.

Вэйлок поднял лист бумаги.

— Вот суррогаты, которые уже выпущены:

Барбара Венбо
1513 Англеси Плэйс.

Альберт Пондиферри
20153 Скайхэвен.

Мэйдел Харди
Клодекс Чендэри, Уиблесайд.

Карлотта Миппин
32863 Пять Углов.

Раздались крики ужаса. Амаранты начали обсуждать, оставаться ли им у экрана или бежать в места хранения суррогатов.

— Покидать конклав бессмысленно, — сказал Вэйлок. — Сегодня будет выпущена только часть суррогатов. Около четырехсот. Работа уже наполовину сделана и будет закончена до вмешательства. Завтра

будут выпущены следующие четыреста суррогатов. И каждый следующий день — тоже. А теперь вернете ли вы мне мои права, или я вас всех сделаю несчастными?

Лицо Роланда побледнело.

— Мы не можем нарушить закон Кларжеса.

— Я не прошу нарушать законов. Я Амарант и хочу, чтобы вы просто подтвердили это.

— Нам нужно время.

— Я не могу дать его. Решайте сейчас.

— Я не могу говорить за всех.

— Голосуйте.

Роланд услышал звонок телефона, взял трубку. Когда он положил ее, лицо его было окаменевшим.

— Все верно. Он прав. Суррогаты на свободе!

— Вы должны признать мои права!

— Пусть начнется голосование! — крикнул Роланд.

Замелькали огни... Все цвета... Зеленый... Желтый... Оранжевый... И вот цвет установился: зелено-голубой.

— Ты выиграл, — слабо сказал Роланд.

— И что теперь?

— Я поздравляю тебя, брат Амарант.

— Вы снимаете с меня все обвинения и преступные намерения?

— Они уже сняты.

Вэйлок испустил глубокий вздох и сказал в микрофон:

— Прекратить операцию. — Затем он снова повернулся к экранам: — Приношу свои извинения тем, кому причинил неудобства. Могу сказать, что я смогу исправить все, восстановить справедливость.

Раздался хриплый голос Роланда:

— Ты доказал, что можно стать Амарантом при помощи жестокости и наглости. А теперь...

Лязгающий звук прервал Роланда. Десять тысяч пар глаз в ужасе смотрели, как безголовое тело Вэйлока отваливается от экрана. А за ним появилась Джакинт Мартин. На ее лице играла жуткая улыбка, глаза расширились и сверкали:

— Вы говорили о справедливости, она свершилась. Я уничтожила монстра. Теперь я запачкана кровью Гэвина Вэйлока. Вы никогда больше меня не увидите.

— Подожди! — закричал Роланд. — Где ты?

— В доме Анастазии. Где еще может быть свободный экран для конклава?

— Тогда подожди. Я сейчас буду там.

— Давай быстрее. Все равно ты найдешь только тело обезглавленного монстра.

Джакинт Мартин выбежала на посадочную площадку, где ее ждал Старфлаш. Она вскочила в кабину. Кар взлетел, как ракета, в темное небо.

Кларжес ярким сиянием горел внизу — на севере, на юге, со всех сторон...

Старфлаш сделал вираж и со свистом устремился вниз, к реке Шант.

В каре сидела женщина. Большие глаза ее горели решимостью, лицо превратилось в безжизненную маску. Кларжес, любимый Кларжес, окружал ее со всех сторон. А впереди ее ждала черная маслянистость реки, на поверхности которой играли блики оранжевых огней Кларжеса...

XIX

1

Обстановка в городе сохранялась на удивление спокойной. Утренние газеты с большой осторожностью сообщили о прошедших событиях, так как издатели не были уверены, какой линии им придерживаться. Население пошло на работу, почти не понимая, что же совершил Гэвин Вэйлок.

А среди Амарантов имя Гэвина Вэйлока вызывало целые взрывы страстей — ведь Вэйлок сообщил на конклаве, что открыты четыре сотни убежищ суррогатов. 1762 суррогата оказались на свободе.

Амаранты были в ужасе. Ведь теперь они стали уязвимыми, как простые смертные. Вечность для них стала делом случая.

Четыреста Амарантов получили сильнейший нервный шок. Они прятались в убежища, в подвалы, боясь выйти на улицы.

Совет Трибунов собрался на чрезвычайную сессию, но так и не смог найти какое-либо решение.

Канцлер Имиш выступил по радио и заявил, что Вэйлок не имел права использовать свое служебное положение, так как к этому времени он уже был уволен. И все его действия являлись незаконными.

Общественность понемногу начала воспринимать случившееся и реагировать. Некоторые были возмущены посягательством на старые традиции, другие потихоньку радовались. Вэйлока считали и жертвой, и по всей справедливости наказанным преступником. Лишь немногие могли продолжать работу. Большинство людей бросили все и проводили время, обсуждая то, что произошло. Куда это могло привести? Проходили часы, дни... Кларжес ждал...

2

Винсент Роденейв также принимал участие в событиях драматической ночи. Наняв кар, он полетел в Суверен Аплэнд, в сорока милях к югу от Кларжеса, и приземлился возле одинокой маленькой

виллы. После некоторых усилий он проник на виллу и вошел в центральный холл.

На голубых матрасах лежали три версии Анастазии де Фанкур — обсолютные копии Анастазии. Глаза их были закрыты. Они находились в трансе, все — абсолютные копии друг друга, вплоть до завитков черных волос.

Роденейв с трудом сдерживал свои эмоции. Он наклонился к ним. Дрожащие руки ласкали обнаженные тела трех Анастазий.

Но вот одна из них проснулась. И тут же проснулись остальные две.

Они воскликнули от удивления. В смятении они старались чем-нибудь накрыть себя от жадного взгляда Роденейва. Хорошо, что их было трое: одна сгорела бы под таким взглядом.

— Анастазия умерла, — сказал Роденейв. — Кто из вас старшая?

— Я, — сказала одна из них.

Перед Роденейвом вместо трех копий вдруг оказалась Анастазия и две ее копии.

— Я Анастазия. — Она повернулась к своим копиям. — Возвращайтесь ко сну. Я выйду в мир.

— Вы все выходите, — сказал Роденейв.

Анастазия в замешательстве посмотрела на него.

— Так нельзя!

— Но так будет, — сказал Роденейв. — С тех пор, как последняя Анастазия посещала вас, она вышла за меня замуж. Так что ты теперь моя жена.

Новая Анастазия и ее две копии с интересом посмотрели на него.

— Это трудно понять, — сказала Анастазия. — Твое лицо нам знакомо. Как твое имя?

— Винсент Роденейв.

— А! Теперь я тебя узнала. Я слышала о тебе. — Она пожала плечами и рассмеялась. — Я делала много странного в жизни. Возможно, я вышла за тебя замуж. Но я не очень уверена в этом.

Она уже полностью вошла в роль Анастазии. В ее теле пробудился талант великого мима...

— Идем, — сказал Роденейв.

— Но мы не можем идти все, — запротестовала Анастазия.

— Вы должны идти все, — сказал Роденейв. — В противном случае я буду вынужден применить силу. — Было заметно, что ему очень хочется сделать это. Все-таки сразу три Анастазии в его объятиях...

Все трое попятились, поглядывая на него.

— Это неслыханно! Что случилось с Анастазией?

— Ревнивый любовник убил ее.

— Это, должно быть, Абель.

Роденейв нетерпеливо махнул рукой.

— Нам нужно идти.

— Но тогда же будет три Анастазии. И все одинаковые...

— Одна из вас может быть Анастазией, если ей это нравится. Другая станет моей женой. А третья может делать то, что хочет.

Три Анастазии смотрели на него с недоумением. Наконец старшая заговорила:

— Мы не собираемся идти к тебе. Если была свадьба, то нужно совершить развод. Мы выйдем из нашего убежища, но не больше.

Роденейв посерел.

— Одна из вас пойдет со мной. Выбирайте — кто именно!

— Не я. Не я. Не я, — три голоса прозвучали с одинаковой интонацией.

— Но свадьба! Вы не можете игнорировать ее.

— Можем. И мы так и сделаем. Ты не тот, кто может принести нам удовольствие.

Роденейв заговорил сдавленным тоном:

— Все суррогаты Амарантов должны покинуть свои убежища. Таков приказ.

— Чепуха... Чепуха... Чепуха.

Роденейв шагнул вперед, поднял руку, и щека одной из Анастазий вспыхнула алой краской. После этого он вышел, уселся в кар и полетел в Кларжес один.

3

С тех пор, как Джакинт Мартин впервые познакомила Роланда Зигмонта с делом Гэвина Вэйлока, он испытывал постоянно ощущение нерешительности гнева...

Роланд был очень старым человеком, одним из первой группы Большого Союза Амарантов, высокий, тощий, с тонкими костями. Время смягчило его, и он совсем не разделял страстной непримиримости и фанатизма Джакинт. После той апокалиптической ночи, которая принесла столько волнений, первое, что он ощутил, было облегчение, оттого что худшее уже позади.

Но все следующие дни пришлось заниматься последствиями той ночи. 1762 суррогата вышли в мир, и теперь требовалось решить грандиозную проблему: каков статус этих новых граждан? У каждого из четырехсот Амарантов, чьи убежища оказались опустошенными, имелось теперь четыре или пять абсолютно одинаковых копий, с одинаковым прошлым, одинаковыми надеждами на будущее. Каждый имел право считать себя Амарантом со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Так что ситуация сложилась кошмарная.

Это положение обсуждалось на сессии Директората, и эта сессия была самая бурная за всю историю общества. Сессия приняла единственное решение, которое можно было принять: все 1762 копии были приняты в Общество Амарантов, как отдельные личности.

После этого неминуемо всплыло имя Гэвина Вэйлока. Карл Фергюс — один из тех, кто лишился своих суррогатов, кричал:

— Недостаточно просто уничтожить этого человека, надо подвергнуть его ужасным мукам в стиле варваров!

Роланд вышел из терпения и резко возразил:

— Ты в истерике, ты смотришь на все сложившееся только со своей колокольни.

— Ты защищаешь монстра? — вспыхнул Карл.

— Я просто констатирую факт, что Вэйлок был вынужден принять крайние меры. Он дрался за то, чтобы вернуться в ряды Амарантов тем, что было у него в руках.

Неспокойная тишина установилась в комнате. Вице-председатель Олаф Мэйбу примирительно сказал:

— Как бы то ни было, все кончилось.

— Не для меня! — взревел Карл Фергюс. — Роланду легко разыгрывать святую простоту: его суррогаты в безопасности. Если бы он не был так нерешителен, медлителен...

Нервы Роланда были напряжены до предела, и это обвинение вывело его из себя. Он вскочил, схватил Карла за отвороты пиджака, прижал его к стене. Карл вырвался, и между ними завязалась борьба. Их удалось разнять лишь через несколько минут.

На этом и кончилась встреча — нападки, взаимные обвинения, чуть ли не переходящие в драки.

Роланд встал, как будто его ударили по голове.

— Гэвин Вэйлок! — хрипло прошептал он.

Вэйлок встал.

— Если вам так нравится, Гэвин.

— Но... но ты же уничтожен!

Вэйлок пожал плечами.

— Я мало знаю о том, что случилось. Обо всем я прочел лишь в газетах.

— Но...

— Почему вы удивлены? — спросил Вэйлок даже с некоторым раздражением. — Вы забыли, что я Грэйвен Варлок?

И тут на Роланда снизошло просветление.

— Ты старший из суррогатов Грэйвена?

— Естественно. У Гэвина Вэйлока было семь лет, чтобы обеспечить себя суррогатами.

Роланд плюхнулся в кресло.

— Почему я не подумал об этом раньше? — Он потер виски. — О, боже! Что теперь делать?

Вэйлок удивленно вскинул брови:

— Разве есть сомнения?

Роланд вздохнул:

— Увы, нет. Ты выиграл. Приз твой. Идем.

Он провел его в свой кабинет, открыл сейф, окунул древнее перо в пурпурные чернила и написал: Грэйвен Варлок. Он закрыл сейф.

— Ну вот. Ты в списках. Завтра я выдам тебе бронзовый медальон. Формальности все пройдены. — Он осмотрел Вэйлока с головы до ног. — Я не претендую на дружелюбие по отношению к тебе, ибо я его не чувствую. Но я предлагаю тебе бокал бренди.

— Я приму с удовольствием.

Двое мужчин сидели в тишине. Роланд откинулся на спинку кресла.

— Ты достиг своей цели, — тяжело сказал он. — Ты Амарант. Жизнь лежит перед тобой. Ты получил сокровище... — Он сделал паузу. — Но как ты получил его? Четыреста Амарантов сейчас должны прятаться по своим убежищам. Им нужно выращивать новые суррогаты. Некоторые могут за это время погибнуть, умереть... и без суррогатов они погибнут навсегда. Их жизни на твоей совести.

Вэйлок спокойно выслушал это.

— Всего этого можно было избежать семь лет назад.

— Сейчас мы говорим о настоящем моменте.

— Возможно. Но нужно помнить, что любое повышение слопа оплачивается жизнью других. На моей совести будет лежать жизнь двух или трех Амарантов, о которых вы упомянули. Но каждый Амарант узурпирует жизнь двух тысяч человек.

Роланд Зигмонт горько рассмеялся.

— Ты считаешь, что не участвуешь в отнимании жизни у этих двух тысяч? То, что ты стал Амарантом, отзовется и на Вержах, и на тех, кто ниже их. — Он махнул рукой. — Но ты не думай, что, став Амарантом, попал в исключительные условия. Все далеко не так.

— Почему?

— Вместе с тобой получили статус Амаранта еще 1762 человека.

— Ну и что? Каковы сейчас льготы Амарантов?

Роланд нахмурился:

— Амарант может делать только то, что считает правильным.

Вэйлок встал.

— Я хочу пожелать вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Роланд.

Вэйлок пошел на посадочную площадку, где оставил свой кар. Он поднялся высоко в небо. Под ним раскинулся Кларжес. Древний город. Богатый город. Современный город. Город, где находится место далеко не всем.

Что теперь? Пожалуй, нужно отдохнуть и подумать. Самое подходящее место для этого — старый порт. Он рассмеялся. Он Гэвин Вэйлок. Перед ним распростерлось будущее. Будущее без границ и пределов. Теперь не нужна борьба, напряжение, хитрости, планирование, расчеты, защита... А когда всего этого нет, зачем нужна жизнь?

Вэйлок ощутил разочарование. Он выиграл, приз у него, но какой ценой? Что толку в выигрыше, если человек не может воспользоваться им так, как ему хочется? Амаранты такие же робкие и запуганные, как и Гларки.

Вэйлок подумал о Стар Энтерпрайз, которая сейчас заправляется горючим и готовится к полету. Может, ему стоит совершить путешествие в порт Эльгенбург и нанести визит Рейнгольду Бибурсону?

XX

1

Роланд Зигмонт провел еще один сумасшедший день на заседании совета, но к ужину он смог овладеть собой.

Поужинал он один, благодаря бога за тишину и спокойствие окружающие его. Во время ужина он решил просмотреть газеты.

На первой странице «Бродсаст», газеты Гларков и Брудов, он прочел:

«Политика Бродсаст — это абсолютное равноправие между филами И сейчас мы крайне встревожены тем, что в мир выпущено 1762 копии Амарантов.

Это копии Амарантов во всем, и, следовательно, они имеют такие же права, что и их прототипы.

Однако 1762 новых Амаранта означают уменьшение каждого фила и всего населения в целом на 17,62 процента.

По нашему мнению, Общество должно зарегистрировать копии Амарантов в Бруды. В противном случае, налицо будет несправедливость и использование привилегированного положения в личных целях».

Роланд горько усмехнулся и раскрыл «Кларион» — газету, отражающую мнение людей высших филов.

«Город охвачен возбуждением. Еще бы! 1762 новых Амаранта вышли в свет. Мы согласны, что ситуация необычная. Но как можно восстановить справедливость? Все новые Амаранты выпущены в свет помимо их воли, и было бы жестокостью возвращать их в начало, в низшие филы.

Давайте воспримем это с легким сердцем и будем надеяться, что такое произошло в первый и последний раз.

А что чувствует народ Кларжеса относительно нового Гэвина Вэйлока? Трудно сказать. Еще никогда пульс нации не бился так прерывисто. Общего мнения по этому поводу нет, да его и не может быть. Ситуация слишком неопределенная. И не на высоте оказался Совет Амарантов во главе с Роландом Зигмонтом».

Далее следовало короткое сообщение: «Актуриан задерживает выдачу текущих данных в связи с обработкой новой информации».

Весь этот вечер Роланду пришлось присутствовать на дюжине всяких заседаний, которые ничего не решали, и только к полуночи он вернулся к себе.

Он открыл окно и с наслаждением вдохнул чистый и холодный воздух. Так или иначе, решение принято. Осталось разработать детали. Он почувствовал облегчение.

Час поздний. В городе все спокойно и тихо. Роланд зевнул и улегся на диван.

Прошла ночь. Луна уже висела за высокими башнями. Наступал рассвет.

Роланд спал.

Шли часы.

Роланд проснулся, шевельнулся. Его разбудил странный звук, и сейчас он пытался идентифицировать его. Как будто что-то проникло через открытое окно.

Он встал, подошел к окну. На улице собралась огромная толпа народа. Люди медленно двигались по направлению к бульвару Эстергази.

Зазвонил телефон. Роланд отошел от окна, как во сне. На экране появился Олаф Мэйбоу, вице-председатель Общества.

— Роланд? — крикнул он. — Ты видишь? Что нам делать?

Роланд потер подбородок.

— Тут на улице люди. Ты это имеешь в виду?

— Люди? Это толпа! Это лавина! — вскричал Олаф.

— Но почему? Какая причина?

— Ты не читал газет?

— Я только что проснулся.

— Посмотри на заголовки.

Роланд тронул кнопку проектора, который высвечивал на экране последние газеты.

— Великий принцип вечности, — прочитал он.

— Точно.

Роланд молчал.

— Что же нам делать? — спросил Олаф.

Роланд задумался.

— Что-то нужно делать.

— Вот именно.

— Хотя все дело вышло из-под нашего контроля.

— Тем не менее что-то надо делать. Мы несем ответственность за все происходящее.

Роланд обрел спокойствие. Он сказал:

— Наша цивилизация потерпела крах. Человеческая раса тоже.

— Сейчас не об этом надо говорить, — резко ответил Олаф. — Кто-то должен сделать заявление. Кто-то должен вынести обвинение.

— Хмм, — пробормотал Роланд. — Значит, должен выступить канцлер.

Олаф фыркнул:

— Клод Имиш? Смешно. Нет, это должны сделать мы.

— Но я не могу выступить против Актуриана. И тем более, я не могу послать 1762 Амаранта регистрироваться в Бруды.

Олаф повернулся.

— Слушай их. Слушай, как они ревут!

Роланд услышал рев толпы, рев почти звериный. Он сотрясал все вокруг.

— Ты должен что-то сделать! — вскричал Олаф.

Роланд выпрямился.

— Хорошо. Я выйду к ним. Я посоветую им... терпение...

— Они разорвут тебя на куски!

— В таком случае я не буду говорить с ними. Они покричат и вернутся к своей работе.

— Но работа теперь потеряла свой смысл!

Роланд опустился в кресло.

— Ни ты, ни я, никто другой сейчас не могут контролировать ситуацию. Я знаю, на что это похоже. На весенний паводок. Вода поднимается выше всех пределов и ищет выхода.

— Но... но что они будут делать?

— Кто знает? Сейчас без оружия выходить опасно.

— Ты говоришь так, как будто жители Кларжеса — варвары.

— И мы, и варвары — всего лишь люди. Мы развивались вместе с ними сотни тысяч лет, и несколько сотен лет наше развитие шло по разным путям.

Два Амаранта долго смотрели друг на друга, и оба встрепенулись, когда крики толпы стали громче...

2

Причиной событий, которые вывели толпы людей на улицы Кларжеса, было увеличение числа Амарантов на 1762 человека. Но это послужило только непосредственной причиной. Главное крылось в самом развитии общества, которое привело к Индустриальной Революции в конце двадцатого века и к Мальтузианскому Хаосу позже.

Информация, поступившая в Актуриан после освобождения суррогатов, подверглась кодированию и обработке. Даже те, кто работал в Актуриане, были поражены результатом.

На протяжении долгих лет соотношение людей в филах поддерживалось постоянным, чтобы сохранить соответствующую длительность жизни каждого. Эти пропорции оставались такими 1:40:200:600:1200.

Появление новых 1762 Амарантов нарушило это соотношение, и продолжительность жизни Брудов сократилась на четыре месяца. В остальных филах — соответственно.

И вот убийцы получили приказ навестить тех, у кого линия жизни пересечет терминатор в ближайшие четыре месяца.

В ряде случаев это были люди, предполагавшие в эти четыре месяца перейти в новый фил, а теперь они уже не успевали.

Начались первые протесты. Люди баррикадировались в домах, не пуская убийц. Соседи приходили им на помощь, к убийцам прибывала подмога и разыгрывались настоящие микросражения.

Реакция оказалась мгновенной. Жители Кларжеса высыпали на улицы. Предприятия опустели. Если у человека можно запросто отнять четыре месяца жизни, то к чему работать?

Некоторых охватила апатия, и они лежали дома, тупо глядя в потолок, другие, напротив, чересчур возбудились и забыли о законах, о правилах приличия. Они кричали, собираясь в громадные толпы на бульваре Эстергази.

На площади перед Актурианом постепенно собралась огромная, чрезвычайно агрессивная толпа. Лица на фоне рабочей одежды белели, как конфетти в темной воде. Время от времени на парапет взбирался какой-нибудь оратор, и его слова и крики возбуждали народ еще больше. На Актуриане появился воздушный кар. Человек подошел к краю крыши. Это был Роланд Зигмонт, председатель Общества Амарантов. Он начал говорить через мегафон, его голос гремел над бульваром Эстергази.

Толпа мало реагировала на его слова. Но при виде оратора, при звуках его голоса, люди напряглись еще больше.

Послышался шепот. Сначала шепот, а потом крики:

— Роланд Зигмонт! Роланд Зигмонт, председатель Амарантов!

Крики постепенно перешли в рев, который подхватили все на площади. И затем заревел весь Кларжес. Еще никогда земля не слышала такого рева. На крыше стоял Роланд, бледный, поникший. Руки его беспомощно висели вдоль тела. Для всех он являлся символом произошедшей катастрофы.

Он сделал попытку говорить, но голоса его слышно не было. А толпа ревела, размахивая кулаками, грозя.

И вот она двинулась вперед, к Актуриану.

Под их напором выгнулись двери, затрещали стекла.

Из отдела общественных отношений вышел Бэзил Тинкоп и стал уговаривать толпу, призывать к спокойствию. Толпа ринулась вперед, и жизнь Бэзила Тинкопа кончилась.

В святилище Кларжеса хлынул народ. Железные прутья разбивали панели управления, руки рвали провода. Отключалась энергия. Запахло дымом. Большой механизм умер, как умирает человек, когда его мозг уничтожен.

Те из жителей, кто сделал это, поспешил убраться с места событий, как бы считая, что выполнили свой ужасный долг. На их место с площади врывались все новые и новые взбешенные, доведенные

до сумасшествия люди. Они врывались с горящими глазами и лихорадочно искали, что еще можно уничтожить здесь.

Одна из групп разрушителей добралась до места, откуда свисала Клетка Стыда. Они привели в действие механизм. Клетка закачалась над площадью. А потом люди перерубили тросы, и она рухнула вниз, в толпу.

Ярость толпы не уменьшилась. Роланд смотрел с крыши и думал, что еще никогда за всю историю человечества такие страсти не сотрясали Кларжес.

Олаф схватил его за руку:

— Быстрее! Нам нужно бежать! Они уже на крыше!

Они бросились к кару, но было поздно. Их схватили, поволокли к краю, избивая ногами, и затем швырнули вниз.

В Актуриане что-то взорвалось. Пламя и клубы дыма взметнулись вверх. Люди на крыше не видели пути отступления, но они и не собирались бежать. Прыгая и крича, как сумасшедшие, они погибали в пламени. В самом здании погибло еще больше людей.

Но толпа на площади не обращала на это внимания. Все слушали дикий голос человека, взобравшегося на парапет. Это был Винсент Роденейв, почти обезумевший. Лицо его горело фанатическим огнем, голос звенел на самых высоких нотах.

— Гэвин Вэйлок! — кричал он. — Вот кто сделал все это! Гэвин Вэйлок!

Ничего не поняв, толпа подхватила крик сумасшедшего:

— Гэвин Вэйлок! Смерть! Смерть! Смерть! СМЕРТЬ!

3

Пританеон собрался на чрезвычайную сессию. Но собралась только половина членов, да и те были взволнованы и перепуганы. Они понимали, что их общественные обязанности сейчас не имеют смысла.

Бертрану Хелму, первому Маршалу Милиции, было предписано восстановить порядок в городе. Каспар Джарвис должен был помочь ему всеми силами отряда убийц.

— А что с Гэвином Вэйлоком? — спросил чей-то голос.

— Гэвин Вэйлок? — председатель пожал плечами. — Мы не можем ничего сделать с ним. — И добавил: — И для него тоже.

4

Гэвина Вэйлока разыскивали по всему Кларжесу. Его квартиру разгромили, десятки людей, хотя бы немного похожие на него, были схвачены, и им пришлось немало пережить, пока не выяснилось, что ни один из них не Гэвин Вэйлок.

Откуда-то появился слух: Вэйлока видели в Эльгенбурге. Толпы тут же с ревом ринулись туда.

Дом за домом Эльгенбург был обыскан весь.

Поблизости располагался космопорт. Сейчас толпа была не столь безумна, менее возбуждена, чем тогда, когда уничтожала Актуриан. Однако когда люди наткнулись на металлические барьеры, ярость вновь вспыхнула в них. С грозным пением они атаковали ворота, используя столбы, как тараны.

За воротами опустился воздушный кар, и из него вышло шесть человек: Совет Трибунов. Они подошли к воротам, подняв руки, как бы желая успокоить людей.

В центре шел Ги Карскаден, Высший Трибун.

Толпа заколебалась. Удары тарана приостановились.

— Ваше безумие должно прекратиться! — закричал Карскаден. — Что вам нужно?

— Вэйлок! — взревела толпа. — Нам нужен преступник, монстр!

— Разве вы варвары? Вы уничтожаете все и забыли законы государства!

Гневные голоса ответили ему:

— Законов больше нет!

И чей-то пронзительный вопль донесся из задних рядов:

— Государства тоже нет!

Карскаден в отчаянии махнул рукой. Толпа заволновалась, барьер рухнул под напором десятков тысяч тел.

Мужчины и женщины с горящими глазами ринулись вперед. Трибуны медленно отступали, стараясь сдержать толпу:

— Назад! Назад!

Вокруг громады «Стар Энтерпрайз» Трибуны образовали заслон, и толпа медленно приближалась к ним.

Карскаден снова попытался образумить их.

— Стойте! — закричал он. — Возвращайтесь домой, возвращайтесь к работе!

Толпа остановилась, гневная, волнующаяся:

— Вэйлок! Монстр Вэйлок! Он сожрал наши жизни!

Карскаден заговорил со всей убедительностью, какую смог выжать из себя:

— Будьте благоразумны. Если Вэйлок совершил преступление, он заплатит!

— Наши жизни! Пусть вернет наши жизни! Смерть ему!

Толпа снова двинулась вперед, и Трибуны были затоплены ею. Безумные люди уже карабкались по трапу к открытому люку в пятидесяти футах от земли.

В корабле что-то зашевелилось. Из люка на площадку вышел Бибурсон. Он посмотрел на толпу, с сожалением покачал большой головой, затем поднял какой-то сосуд и выплеснул его содержимое.

Зеленый газ, клубясь, окутал людей. Все бросились прочь от корабля.

Бибурсон посмотрел на небо, откуда спускался к кораблю воздушный кар, снова посмотрел на толпу, поднял руку в меланхолическом приветствии и скрылся в люке.

Скопище людей уже занимало все пространство космопорта, вплоть до пригородов Эльгенбурга.

Из толпы снова раздались отдельные крики, которые затем перешли в общий рев:

— Гэвин Вэйлок! Дайте нам Гэвина Вэйлока! Дайте нам Гэвина Вэйлока!

Толпа двинулась вперед, смыкая кольцо вокруг огромного корабля.

Кар сел на площадку, из него вышел человек среднего роста, с широким хитрым лицом и шапкой желтых волос.

Он заговорил в микрофон. Голос его прогремел над толпой, заставив ее стихнуть.

— Друзья! Многие из вас знают меня. Я Якоб Мил. Я хочу говорить с вами. Я хочу рассказать, что ждет Кларжес в будущем.

Толпа примолкла.

— Друзья, вы все слишком возбуждены. И это понятно. Потому что вы разрушили свое прошлое, и теперь перед вами лежит только будущее.

Вы пришли сюда в поисках Гэвина Вэйлока. Но это глупо!

Толпа снова взревела:

— Он в корабле!

Якоб Мил невозмутимо продолжал:

— Кто такой Гэвин Вэйлок? Как можно ненавидеть его? Это значит ненавидеть себя. Ведь он — это мы. Он сделал то, что каждый из вас хотел сделать. Он действовал без сожаления, без страха. И добился успеха, которому мы все жестоко завидуем. Гэвин Вэйлок совершил противозаконное деяние. Ну что же, разорвите его на куски. Возможно, это и будет справедливо. Но что будет с вами?

Толпа молчала.

— Вэйлок менее виновен, чем все мы вместе, государство Кларжеса. Мы запятнали всю историю человечества, мы испортили человеческую расу. Как? Мы ограничили применение изобретения человеческого гения. Мы тешили себя чудесными видениями жизни, держали в руках ароматный плод, а пользовались только огрызками от него.

Напряжение в ваших душах неумолимо возрастало, и теперь произошел взрыв. Он был неотвратим. Вэйлок оказался лишь катализатором. Он ускорил течение истории, и его за это нужно благодарить.

Толпа молчала.

Якоб Мил сделал шаг вперед, пригладил волосы. Лицо его стало строгим, торжественным, голос зазвенел:

— Не стоит больше говорить о Вэйлоке. Он сам по себе не важен. Ценно лишь то, что он сделал. Он разрушил систему. Мы свободны! Актуриан уничтожен, все записи потеряны, пропали, каждый

человек — такой же, как остальные. Все люди равны! Как мы воспользуемся своей свободой? Мы можем восстановить Актуриан, можем распределиться по филам, можем снова запутаться в этих сетях, как мухи в паутине. Или мы можем перейти в новую фазу истории — туда, где жизнь принадлежит всем, а не одному из двух тысяч!

Толпа понемногу заражалась энтузиазмом Мила. Послышались возгласы одобрения.

— Как нам это сделать? Мы знаем, что наш мир мал для вечной жизни. Это правда. Теперь мы должны стать пионерами, должны осваивать новые территории. Так жили раньше, в далекой древности, наши предки. Так мы должны поступить сейчас. Именно это — условие вечной жизни. Разве этого мало? Если человек сам строит свою жизнь, он заслуживает того, чтобы жить вечно!

Толпа взревела:

— Жизнь! Жизнь! Жизнь!

— Где мы можем найти жизненное пространство? Во-первых, на земле, за границами Кларжеса. Мы можем идти к варварам как завоеватели, а можем идти как пилигримы, миссионеры. А потом, когда земля будет освоена полностью и снова встанет проблема жизненного пространства, где мы сможем найти его?

Мил повернулся к Стар Энтерпрайз, посмотрел в небо.

— Когда мы уничтожили Актуриан, мы уничтожили барьер между нами и небом. Теперь жизнь, вечная жизнь у каждого в руках. Человек должен двигаться вперед, это природа его мозга. Сегодня человек живет на земле, завтра он полетит к звездам. Вселенная ждет нас!

Толпа молчала. Люди привыкали к новому направлению мыслей, обдумывали все, сказанное Милом. Наконец люди задвигались, заговорили...

— Люди Кларжеса, — снова заговорил Мил. — В ваших руках решение. Вы решаете, нужны ли нам перемены. Какова ваша воля?

Ответ толпы был единодушен.

И только издали донесся одинокий голос — голос Роденейва.

— Но Гэвин Вэйлок! Что мы сделаем с Гэвином Вэйлоком?

— А, Вэйлок, — задумчиво сказал Мил. — Он в одно и то же время и величайший преступник, и величайший герой. Поэтому нам стоит одновременно и наградить и наказать его. — Мил повернулся к «Стар Энтерпрайз». — Вот стоит прекрасный корабль, готовый погрузиться в пучины космоса. Разве мыслимо найти более благородную миссию, чем открытие новых миров для человечества? И в то же время, что может быть страшнее для Гэвина Вэйлока, чем покинуть Землю на «Стар Энтерпрайз»?

Гэвин Вэйлок вышел из люка и встал на площадке рядом с Милом. Он стоял и смотрел на толпу, которая взревела и двинулась вперед.

Вэйлок поднял руку и мгновенно стало тихо.

— Я слышал ваше решение. Я слышал, и я согласен с ним. Я отправлюсь в космос. Я отправлюсь искать новые миры.

Он поднял руку, поклонился, повернулся и исчез в корабле.

Прошло два часа. Толпа отошла подальше. Люди заняли места на склонах Эльгенбургских холмов.

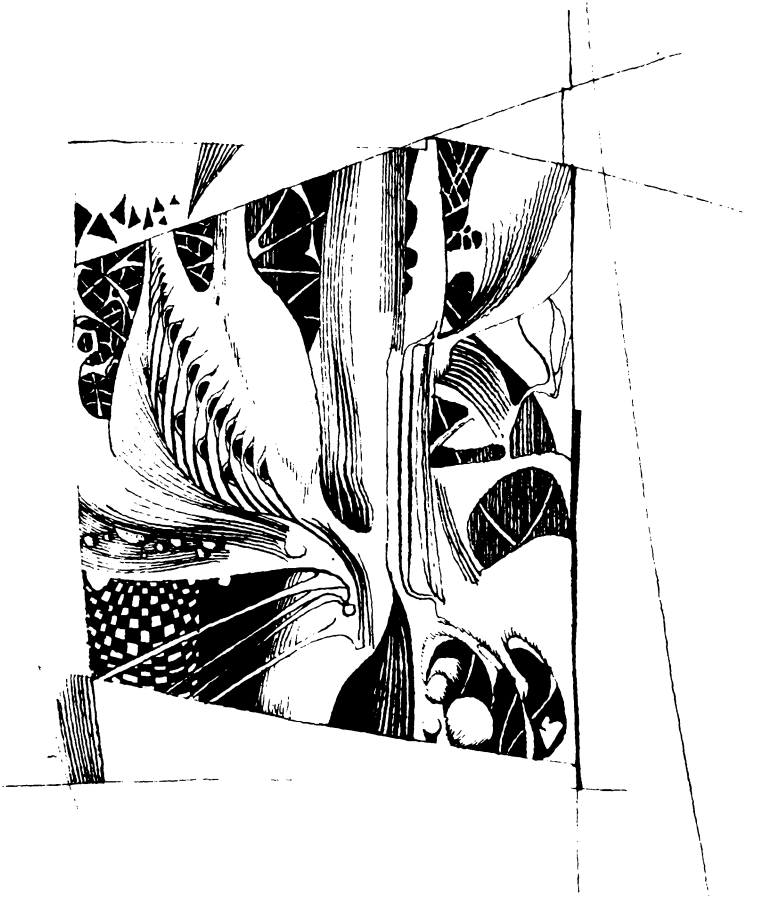
Завыли предупредительные сирены. Столбы голубого пламени задрожали под «Стар Энтерпрайз»...

Медленно ракета оторвалась от земли и, постепенно наращивая скорость, стала уходить в вечернее небо.

Голубой огонь превратился в яркую звезду, которая все тускнела, удаляясь, пока не скрылась совсем.

ДОМА ИСЗМА

роман

1

Считалось само собой разумеющимся, что туристы прилетают на Исзм с единственной целью — украсть женскую особь Дома. Космографы, студенты, богатые бездельники-недоросли, негодяи всех сортов — все подвергались детальному обыску, вплоть до микроскопической инспекции мыслей.

Эту процедуру могло оправдать только то, что благодаря ей исцики обнаружили огромное количество воров.

Издали казалось, что украсть Дом очень несложно. Можно спрятать в полое семечко, размером с ячменное зернышко, можно поместить в ракетный снаряд и отправить в космос небольшой побег, можно завернуть в платок рассаду — подобных способов находилась тысяча, все они были испробованы и все кончались неудачей. В результате воры-неудачники оказывались в сумасшедшем доме, а эскорт исциков, коренных обитателей Исзма, оставался предельно вежлив с ними до конца. Будучи реалистами, исцики сознавали, что придет день (год, столетие, тысячелетие) — и монополия рухнет. Но, будучи фанатическими блюстителями монополии, они стремились отодвинуть этот день как можно дальше.

Подробнейшей инспекции подвергся и Эйли Фарр — высокий, худощавый человек лет под тридцать, с веселым жилистым лицом, большими ладонями и ступнями. Его кожа, глаза и волосы имели один пыльный оттенок. И, что имело гораздо более важное значение для исциков, он был ботаником, то есть автоматически становился объектом для предельных подозрений.

Подозрительность, с которой он столкнулся, прибыв на атолл Джезинане, на борту ракеты «Юберт Хоноре», серии «Красный мир», была выдающейся даже для Исзма. Возле люка его встретили двое свекров, служащих Элитарной полиции, проводили, словно арестованного, вниз по трапу и повели по необычному проходу, по которому можно было идти лишь в одну сторону. Из стен, в направлении движения, росли гибкие шины, так что в проход можно было войти, но нельзя было вернуться, передумав. В конце пути проход перекрывался прозрачным стеклянным щитом, и, достигнув этой точки, Фарр не мог двинуться ни назад, ни вперед.

Исцик с лентами вишнево-красного и серого цветов вышел вперед и принялся изучать его через стекло. Фарр чувствовал себя, как препарат под микроскопом. Недовольно отодвинув перегородку, исцик провел Фарра в маленький кабинет. Там, чувствуя за спиной взгляд свекра, Фарр развернул корабельную регистрационную карточку, справку о здоровье, заключение о благожелательном характере, а также прошение на въезд. Карточку клерк опустил в размягчитель, справку и заключение, внимательно рассмотрев, вернул Фарру и уселся читать прошение.

Глаз исцика, расчленявшийся на большие и малые сегменты, приспособился к двойной фокусировке. Читая нижними секциями глаз, клерк верхними внимательно разглядывал Фарра.

— Род занятия... — он направил на Фарра обе пары секций сразу, затем опустил нижние и стал читать дальше. — Исследовательская ассоциация. Место работы: Лос-Анджелесский университет. — Отложив бумагу в сторону, он спросил: — Могу я узнать о мотивах вашего прибытия на Исзм?

Терпение Фарра готово было лопнуть. Он указал на бумагу:

— Здесь они подробно изложены.

Клерк читал, не сводя с него глаз. Зачарованный таким необычным зрелищем, Фарр в свою очередь не сводил глаз с исцика.

— «Я провожу отпуск, — читал исцик. — Я посетил множество миров, где растения приносят людям пользу». — Он сфокусировал на Фарре обе секции. — Для чего вам это нужно? Считаете, что информация практически применима на Земле?

— Я заинтересован в непосредственных наблюдениях.

— С какой целью?

— Профессиональное любопытство, — пожал плечами Фарр.

— Надеюсь, вы ознакомились с нашими законами?

— А куда я мог деться? — раздраженно спросил Фарр. — Меня ими накачали еще до того, как корабль покинул Землю.

— Вы понимаете, что никаких особых прав вы ни на полное, ни на аналитическое изучение не получите? Вы это понимаете?

— Конечно.

— Наши правила строги, я должен это подчеркнуть. Многие посетители об этом забывают и навлекают на себя серьезное наказание.

— Ваши законы, — сказал Фарр, — я теперь знаю лучше, чем свои.

— Противозаконное выдергивание, отрывание, отрезание, присваивание, прятание или вывоз любой растительности или растительной материи, любых растительных фрагментов, семян, рассады, побегов или деревьев, безразлично, где бы вы это ни нашли, — запрещено.

— Ничего противозаконного я не замышляю.

— Большинство посетителей говорят то же самое. Будьте любезны пройти в соседний кабинет и оставить там одежду и личные принадлежности. Перед отъездом вам их возвратят.

Фарр озадаченно взглянул на него:

— Но мои деньги, моя камера, мои...

— Вас снабдят местными эквивалентами.

Безропотно пройдя в белую эмалированную камеру, Фарр разделся там. Сопровождающий упаковал одежду в стеклянную коробку и заметил, что Фарр забыл снять кольцо.

— Если бы у меня были вставные зубы, вы бы и их потребовали, — буркнул Фарр.

Исцик моментально обозрел список:

— Вы совершенно определенно заявили, что зубы являются фрагментом вашего тела, что они естественные и без изменений. — Верхние фрагменты обличительно уставились на Фарра. — Или здесь допущена неточность?

— Нет, конечно, — возразил Фарр, — они естественные. Я всего лишь... попытался пошутить.

Исцик что-то пробормотал в переговорное устройство. Фарра отвели в соседнюю комнату, и там его зубы подверглись самому тщательному осмотру.

«Здесь, пожалуй, отучишься шутить, — сказал себе Фарр. — Чувство юмора у этих людей полностью отсутствует...»

Наконец врачи, недовольно покачав головами, вернули Фарра на прежнее место, где его встретил исцик в тесной белой с серым форме. В руке он держал шприц для подкожных впрыскиваний.

Фарр отшатнулся:

— Что это?

— Безвредный радиант.

— Не нуждаюсь!

— Это необходимо для вашей же безопасности, — настаивал исцик. — Многие туристы нанимают лодки и плавают по Феанху. Случаются штормы, лодки сбиваются с курса. Радиант укажет на главной панели ваше местоположение.

— Я не хочу такой безопасности, — сказал Фарр. — Я не хочу быть лампочкой на панели.

— Тогда вы должны покинуть Исзм.

Фарр покорился, прокляв врача за длину шприца и количество радианта.

— А сейчас, будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату на трехмерную съемку.

Фарр пожал плечами и прошел в соседнюю комнату.

— На серый диск, Фарр-сайах. Ладони вперед, глаза шире.

Он стоял не двигаясь, пока по телу скользили плоские щупальцы. В стеклянном куполе сформировался его трехмерный двойник — изображение шести дюймов высотой.

Фарр хмуро посмотрел на него.

— Благодарю вас, — сказал оператор. — Одежду и личные принадлежности вам выдадут в соседней комнате.

Фарр нарядился в обычный костюм туриста: мягкие белые брюки, смокинг в серую и зеленую полоску, просторный темно-зеленый вельветовый берет. Берет сразу же провалился на глаза и уши.

— А теперь я могу идти?

Сопровождающий смотрел в отверстие. Фарр заметил быстро мелькающие буквы.

— Вы — Фарр-сайах, ботаник-исследователь.

Это прозвучало так, словно он сказал:

«Вы — Фарр-сайах, легальный преступник...»

— Да, я Фарр.

— Вас ожидают некоторые формальности.

Формальности заняли три часа. Фарр еще раз был представлен свекру, и тот тщательно его допросил.

Наконец его отпустили. Молодой человек в желто-зеленой полосатой форме свекра проводил его до гондолы на берегу лагуны. Это было тонкое длинное судно, сделанное из одного стручка. Фарр сел на скамью и был переправлен в город Джесциано.

Это было его первое знакомство с городом исциков. Он оказался богаче, чем рисовало Фарру его воображение. Дома росли через неравные промежутки длины вдоль каналов и улиц. Их тяжелые шишковатые кривые стебли поддерживали нижние стручки, массив широких листьев и, наконец, верхние стручки, наполовину утопающие в листве. Что-то мелькнуло в памяти Фарра, какое-то воспоминание...

Грибница мицетозея под микроскопом. То же расположение ветвей. Стручки — точь-в-точь увеличенная сперагия, те же характерные цвета: темно-синий на мерцающем сером фоне, пламенно-оранжевый с алым, доходящим местами до пурпурного, черно-зеленый, белый с розовым, слабо-коричневый и черный.

По улицам бродили жители Исзма — тихие бледные существа, пожизненно разделенные на гильдии и касты.

Гондола причалила. На берегу уже поджидал свекр, видимо, важный чин, в желтом берете с зелеными кисточками. Формального представления не последовало, но свекры тихо обсуждали персону Фарра между собой.

Фарр, не найдя больше причин задерживаться, двинулся по улице к гостинице для космических туристов. Свекры его не остановили. С этой минуты Фарр вновь стал вольной птицей, оставаясь лишь объектом для слежки.

Почти неделю он отдыхал и слонялся по городу. Туристов из внешних миров здесь было немного: руководство исциков, не запрещая туризм полностью, чтобы не нарушать договор о Доступности, тем не менее ухитрялось снизить его до минимума. Фарр пришел было к председателю «Совета по экспорту», надеясь взять у него интервью,

но был вежливо и неуклонно выставлен секретарем, решившим, что Фарр намерен обсуждать экспорт низкокачественных Домов. Ничего иного Фарр и не ожидал. Он исходил все улицы и вдоль и поперек, пересек на гондоле лагуну. И на него тратили время по крайней мере три свекра: они тенью следовали за ним по улицам или сидели, наблюдая, в стручках на общественных террасах.

Однажды он прогуливался вокруг лагуны и оказался на дальней стороне острова на печально-каменистом участке, открытом всем ветрам и всей силе солнечных лучей. Здесь, в скромных трехстручковых зданиях, стоящих прямо на корнях и отделенных друг от друга полосками желтого цвета, жили представители низших каст. Дома были нейтрально-зеленого цвета, и сверху пучок крупных листьев бросил на стручки черную тень. Дома эти для экспорта не предназначались, и Фарр, человек с развитым социальным сознанием, был возбужден. Какой стыд! Биллионы землян ютятся в подземельях, когда из ничего, из зернышка, можно построить целый жилой район! Фарр подошел к одному из домов, заглянув под низко висящий стручок. Ветка вдруг резко наклонилась, и, не отскочи он вовремя, его бы покалечило. Все же крайний стручок успел хлопнуть его по голове. Свекр, стоявший в двадцати футах, медленно приблизился:

— Не советую досаждать деревьям.

— Я никому и ничему не досаждал.

Свекр пожал плечами:

— Дерево думает по-другому. Оно приучено с подозрением относиться к чужим. Между нижними кастами, — свекр презрительно сплюнул, — ссоры и вражда не прекращаются, и присутствие чужих дереву не по вкусу.

Фарр повернулся и с любопытством посмотрел на дерево:

— По-вашему, оно обладает сознанием?

Свекр неопределенно пожал плечами.

— Почему они не вывозятся? — спросил Фарр. — У вас был бы огромный рынок. Очень многие нуждаются в жилье, а такие дома были бы им по карману.

— Вы сами и ответили, — сказал свекр. — Кто торгует на Земле?

— К.Пенче.

— Он богат?

— Исключительно.

— А был бы он так же богат, если бы продавал дома, подобные этим?

— Возможно.

— В любом случае, выгоды нам не будет. Выращивать, воспитывать и перевозить эти Дома сложнее, чем Дома класса АА, которыми мы торгуем. Советую впредь не подходить к деревьям близко. Можете получить серьезные травмы. Дома не столь терпимы к посторонним, как их обитатели.

Фарр продолжал свой путь вокруг острова, мимо плодовых деревьев, сгибающихся под тяжестью фруктов, мимо приземистых кустарников, похожих на вековые растения Земли. Из центра этих кустов росли кисти черных, как смоль, прутьев десяти футов высотой и диаметром не тоньше дюйма: гладких, лоснящихся, ровных. Когда Фарр подошел поближе, свекр вмешался.

— Но ведь это же не дома-деревья, — запротестовал Фарр. — Кроме того, я же не собираюсь причинять им вред. Меня, как ботаника, интересуют все необычные растения вообще.

— Все равно, — сказал лейтенант-свекр. — Ни растения, ни метод их выращивания вам не принадлежит, и, следовательно, не должны вас интересовать.

— Исцики, видимо, имеют плохое представление о профессиональном любопытстве, — заключил Фарр.

— В качестве компенсации мы имеем хорошее представление о жадности, воровстве, присвоении и эксплуатации чужих идей.

Фарр не ответил и, улыбнувшись, пошел по берегу дальше, к многоцветным стручкам, ветвям и стволам города.

Один из этапов слежки привел Фарра в смущение. Он подошел к лейтенанту и указал на соглядатая, находившегося в нескольких ярдах.

— Почему он гримасничает? Я сажусь, он садится, я пью, он пьет, я чешу нос, он чешет нос?

— Специальная методика, — пояснил лейтенант. — Мы предугадываем ваши мысли.

— Не получится.

Лейтенант кивнул:

— Фарр-сайах, может быть, совершенно прав.

Фарр покровительственно улыбнулся:

— Вы что же, всерьез думаете, что сможете угадать мои мысли?

— Мы вправе поступать так, как нам кажется правильным.

— После обеда я собираюсь нанять морскую лодку. Вы в курсе?

Лейтенант вытащил бумагу:

— Чертер* для вас готов. Это «Яхайэ», и я нанял экипаж.

2

«Яхайэ» оказался двухмачтовым барком в форме деревянного детского башмака, с пурпурными парусами и просторной каютой. Его вырастили на специальном корабельном дереве, и центральная мачта в оригинале являлась черенком стручка. Переднюю мачту, боны, такелаж изготовляли отдельно — процесс для исциков столь же утомительный, как для земных инженеров-электроников — механическая работа.

---

* Чертер — договор на фрахтование судна.

«Яхайэ» держал курс на запад. Атоллы вырастали над горизонтом и тонули за кормой. На некоторых атоллах находились небольшие безлюдные сады, другие были отданы разведению, упаковке, посадке, почкованию, прививке, сортировке и отправке Домов.

Как ботаника, Фарра очень интересовали плантации. Но в таких условиях слежка усиливалась, превращалась в надсмотр за каждым его шагом. На атолле Тинери раздражение его возросло настолько, что Фарр едва не сбежал от стражников.

«Яхайэ» причалил к волнолому, и, пока двое матросов возились со швартовыми, а остальные убирали паруса и опускали боны, Фарр легко спрыгнул на волнолом с кормы и направился к берегу. Со злорадством он услышал за спиной ропот недовольства: его охватило злобное веселье.

Он поглядел вокруг, потом вперед, на берег. Широко в обе стороны уходил сплющенный прибоем берег: склоны базальтового кряжа утопали в зеленой, синей и черной растительности. Это была картина нерушимой гармонии и красоты. Фарр едва удерживался, чтобы не броситься вперед и не скрыться от свекров среди листвы. Свекры были обходительны, но быстры в обращении со спусковым крючком.

От пристани к нему направлялся высокий стройный мужчина. Его тело и конечности, с интервалом в шесть дюймов, были опоясаны синими лентами: между кольцами виднелась мертвенно-бледная кожа. Фарр замедлил шаг. Свобода кончилась.

Исцик поднял лорнет — стеклышко на эбонитовом стержне.

Такие лорнеты обычно использовали представители высоких каст, и они были для них столь же привычны, как собственные органы. Фарра лорнировали уже не раз: не было еще случая, чтобы он при этом не взбесился. Как у любого посетителя Исзма, как у любого исцика — у него не было выбора: ни укрыться, ни защищаться он не мог. Радиант в плече сделал его меченным. Теперь он был классифицирован и доступен всем, кто хотел бы на него взглянуть.

— К вашим услугам, Фарр-сайах. — Исцик использовал язык, на котором говорят дети, прежде чем изучать язык своей касты.

— Жду вашей воли, — ответил Фарр стандартной фразой.

— Владельца пристани оповестили, чтобы он приготовился к встрече. Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Мой приезд — невелика важность. Прошу вас, не затрудняйтесь!

— Друг-ученый вполне может рассчитывать на такую привилегию, — помахал лорнетом исцик.

— Это радиант вам сейчас сообщил, где я нахожусь? — хмуро осведомился Фарр.

Исцик обозрел сквозь стеклышко его правое плечо.

— Криминальных регистраций не имеете, интеллектуальный индекс двадцать три, уровень настойчивости соответствует четвертому классу... Здесь есть и другая информация.

— И к кому же меня привилегировали обращаться?

— Я себя зову Зиде Патаоз. Я достаточно удачлив, чтобы культивировать деревья на атолле Тинери.

— Плантатор? — переспросил Фарр человека в голубую полоску.

— У нас будет о чем поговорить, — повернувшись, повертел лорнетом Патаоз. — Надеюсь, вы у меня погостите.

Подошел самодовольный хозяин пристани. Зиде Патаоз помахал на прощание лорнетом и удалился.

— Фарр-сайах, — сказал владелец пристани, — вы всерьез намерены избавиться от главного эскорта? Это глубоко печалит нас.

— Вы преувеличиваете.

— Вряд ли. Сюда, сайах.

Он промаршировал по цементному скату в широкую канаву. Фарр плелся сзади столь неторопливо, что хозяину пристани приходилось то и дело через каждые сто футов останавливаться и дожидаться своего гостя. Канава уводила под безальтовую гряду, где превращалась в подземный ход. Четыре раза хозяин пристани отодвигал панели из зеркального стекла, и четыре раза двери закрывались за ним. Фарр понимал, что как раз сейчас всевозможные экраны слежения, зонды, детекторы анализируют, изучают его, устанавливают излучение, массу и содержание металлов. Он равнодушно шел вперед. Им ничего не найти у него. Одежду и личные вещи у него отобрали, взамен выдали форму визитера: брюки из белого шелка, пиджак, разлинованный в серое и зеленое, и огромный темно-зеленый вельветовый берет.

Хозяин пристани постучал в изъеденную коррозией дверь из металла. Дверь, словно средневековая решетка, раздвинулась на две половинки, открыв проход в светлую комнату. Там, за стойкой, сидел свекр в обычной желто-зеленой полосатой одежде.

— Если сайах не возражает, мы сделаем его трехмерное изображение.

Фарр спокойно встал на серый металлический диск.

— Ладони вперед, глаза шире.

Фарр стоял неподвижно. Щупальцы обследовали тело.

— Благодарю, сайах.

Фарр шагнул к стойке.

— Это не такое, как в Джесциано. Позвольте взглянуть.

Клерк протянул ему прозрачную табличку. В центре ее находилось коричневое пятно, очертаниями напоминающее человека.

— Не очень-то похоже, — сказал Фарр.

Свекр опустил карточку в прорезь. На поверхности стойки возникла трехмерная копия Фарра. Если увеличить ее в сотни раз, на ней можно было бы исследовать что угодно, будь то отпечатки пальцев, поры кожи, конфигурация ушей или строение сетчатки глаз.

— Мне бы хотелось иметь это в качестве сувенира, — попросил Фарр. — Эта копия в одежде. Та, что в Джесциано, всему миру показывает мои достоинства.

Исцик пожал плечами:

— Возьмите.

Фарр опустил копию в кошелек.

— А сейчас, Фарр-сайах, вы позволите один нескромный вопрос?

— Один лишний мне не повредит.

На его мозге был сфокусирован энцефалоскоп. Фарр это точно знал. Любое учащение пульса, любой всплеск страха тут же окажется на рекордере. Он создавал в воображении образ горячей ванны.

— Собираетесь ли вы украсть Дом, Фарр-сайах?

«Итак: прохладный уютный фарфор, прикосновение теплого воздуха и воды, запах мыла...»

— Нет.

— Известно ли вам, хотя бы косвенно, о подобном плане?

«...теплая вода, лечь на спину, расслабиться...»

— Нет.

Свекр втянул губы в гримасе вежливого скептицизма:

— Известно ли вам о наказании, предусмотренном для воров?

— О, да! — ответил Фарр. — Сумасшедший дом.

— Благодарю вас, Фарр-сайах. Можете продолжать путь...

3

Владелец пристани оставил Фарра под присмотром двух подсвекров в бледно-желтых и зеленых лентах.

— Сюда, пожалуйста.

Они поднялись вверх по склону и оказались в аркаде с остекленными стенами. Фарр задержался — поглядеть на плантацию. Его гиды, встревожившись, неуклюже поднялись навстречу.

— Если Фарр-сайаху угодно...

— Одну минуту, — сердито бросил Фарр. — Спешить некуда.

Справа от него располагался лес, полный путаных теней и непонятных красок — город Тинери. За спиной росли здания обслуживающего персонала, но их трудно было разглядеть за великолепными Домами плантаторов, свекров, селекторов и корчевщиков, растущими вокруг лагуны. И каждый из этих Домов выращивался, обучался, оформлялся с применением секретов, которые исцики держали в тайне друг от друга.

Фарру они казались очень красивыми, но все же он колебался в оценке: так трудно порой разобраться, нравится ли тебе букет неизвестного ранее вина? Пожалуй, это окружающая обстановка делает его пристрастным. Ведь на земле Дома Исзма выглядели вполне пригодными для жилья. Но это была чужая планета, и все на ней казалось чужим.

Он посмотрел на поля повнимательнее. Они переливались различными оттенками коричневого, серого-зеленого, зеленого цветов, в зави-

симости от возраста и сорта растений. На каждом поле находилось длинное приземистое строение, где созревающие саженцы отбирались, помечались этикетками, рассаживались по горшкам и упаковывались, чтобы отправиться в разные концы Вселенной.

Двое молодых свекров заговорили между собой на языке касты. Фарр отвернулся к окну.

— Сюда, Фарр-сайах.

— Куда мы идем?

— Вы — гость Зиде Патаоз-сайах.

«Прекрасно», — подумал Фарр.

Ему уже были знакомы дома класса АА, которые экспортировались на Землю и которые затем продавал К.Пенче. Их вряд ли можно было сравнить с теми, что плантаторы выращивали для себя.

Поведение молодых свекров привело его в замешательство. Они стояли неподвижно, как статуи, и глядели в пол аркады.

— В чем дело? — спросил Фарр.

Свекры принялись тяжело дышать. Фарр опустил глаза на пол. Вибрация, мощный гул.

«Землетрясение», — подумал он.

Гул стал громче, зазвенели стекла. Нахлынуло чувство опасности. Он выглянул в окно. На ближайшем поле земля вдруг стала трескаться, вспучиваться уродливым бугром и взорвалась. Тонны земли обрушились на нежные саженцы. Наружу стал вылезать металлический стержень, поднялся на десять, двадцать футов. С лязгом открылась дверца. На поле высадились коренастые, мускулистые коричневые люди и стали выдергивать саженцы. В дверях остался еще один человек, который, скалясь в неестественной улыбке, выкрикивал непонятные приказы.

Фарр зачарованно смотрел. Это был набег невиданных масштабов. В городе Тинери заиграли горны: раздался свист осколочных стрел. Двое коричневых людей превратились в кровавые сгустки. Человек в корабле закричал: грабители бросились обратно, под защиту металлической оболочки.

Дверь щелкнула, но один из налетчиков опоздал. Он ударил кулаком в оболочку, затем начал изо всех сил барабанить в дверь, не выпуская из рук саженцев, которые ломались при ударах.

Стержень задрожал и стал приподниматься. Стрелы, летящие из форта Тинери, уже начали отщеплять от корпуса металлическую оболочку, когда в корпусе открылось отверстие, похожее на бычий глаз, и оружие выплюнуло голубое пламя. В Тинери заряд угодил в большое дерево: во все стороны полетели щепки, и оно просело.

Фарру показалось, что он тонет в страшном беззвучном крике. Молодой свекр, задыхаясь, упал на колени.

Дерево опрокинулось. Огромные стручки, лиственные террасы, причудливые балконы плыли в воздухе и рушились на землю в страшной неразберихе. Из развалин, корчась и извиваясь, выскакивали исцики.

Металлический стержень приподнялся еще на десять футов. Казалось, он вот-вот вырвется из земли и умчится в космос. Коричневый человек, отбрасываемый выпирающей землей, упорно и без всякой надежды стучал в оболочку корабля.

Фарр посмотрел в небо. Сверху пикировали три монитора — уродливые, жуткие аппараты, похожие на металлических скорпионов.

Возле корабля осколочная стрела вырыла воронку. Коричневый человек отлетел на шесть футов, трижды перевернулся и остался лежать на спине.

Металлический стержень стал зарываться в землю, поначалу медленно, затем все быстрее и быстрее. Вторая стрела, словно молот, ударила в его нос.

Металл съежился и дал параллельные трещины. Но корпус корабля был уже под землей, и комья земли шевелились над его верхушкой.

Следующая осколочная стрела взметнула вверх облако пыли.

Молодые свекры поднялись. Они глядели на искореженное поле и причитали на незнакомом Фарру языке. Один из них схватил Фарра за руку.

— Идем, мы должны спасти вас. Опасно, опасно!

— Фарр-сайах, Фарр-сайах! — причитали они. — Мы отвечаем за вашу жизнь!

— Я здесь в безопасности, — ответил он. — Я хочу посмотреть.

Три монитора, медленно проплывая вперед и назад, висели над кратером.

— Похоже, бандиты удрали, — сказал Фарр.

— Нет! Невозможно! — крикнул свекр. — Это конец Исзма.

С неба падал тонкий корабль. Он был значительно меньших размеров, чем монитор, и если те походили на скорпионов, то он напоминал осу. Он сел на кратер и стал медленно, осторожно, словно зонд в рану, погружаться в развороченную почву. Он ревел, дрожал и, наконец, скрылся из виду.

Вдоль аркады пробежали несколько исциков, их спины на бегу плавно изгибались. Фарр, побеждаемый внезапным импульсом и не обращая внимания на протестующие крики юных исциков, бросился за ними.

Исцики бежали по полю к кратеру. Пробегая мимо безмолвного тела коричневого человека, Фарр остановился. У налетчика были тяжелые львиные волосы, грубые черты, и в кулаках он все еще сжимал измочаленные саженцы. Пальцы разжались, как только Фарр остановился, и в ту же секунду открылись глаза. В них светился разум. Фарр склонился над ним — отчасти из жалости, отчасти из любопытства.

Чьи-то руки обхватили его. Он заметил желтые и зеленые полосы, разъяренные лица и оскаленные рты с острыми зубами.

— Сюда! — кричал Фарр, когда его волокли с поля. — Отпустите!

Пальцы свекров впились в его руки и плечи. Лица их исказило бешенство, и Фарр попридержал язык. Под ногами глухо громыхнуло, и земля задрожала и закачалась, как корабль в море.

Свекры вели его в Тинери, но затем свернули в сторону. Фарр стал было сопротивляться, пытался тормозить ногами. Что-то твердое сзади сдавило шею. Полупарализованный, Фарр прекратил борьбу. Его отвели к одинокому дереву возле базальтовой стены. Дерево было очень старое, с шишковатой черной корой ствола, тяжелым зонтом листьев и двумя-тремя высохшими стручками. В стволе имелось неправильной формы отверстие. В эту дыру свекры, без всяких церемоний, и запихнули Фарра...

4

Хрипло крича, Эйли Фарр падал во тьму. Он пинал и хватал воздух. Голова ударилась обо что-то твердое и острое. Затем ударилось плечо, затем бедро, и вот уже все тело пришло в соприкосновение с поверхностью. Там, где труба изгибалась, падение становилось скольжением. Ноги ударились в мембрану, которая, видимо, не выдержала, затем еще и еще раз. Через какие-то секунды он врезался в эластичную стену. Удар его парализовал. Он лежал неподвижно, собирая осколки разума.

Потом он пошевелился и почувствовал, что жив. Рваная рана на темени вызывала ноющую боль. Он услышал характерный звук: беспорядочные удары и шорохи скользящего по трубе предмета. Фарр быстро отполз к стене. Что-то твердое и тяжелое ударило его по ребрам; что-то с глухим стуком и стоном врезалось в стену. Наступившую затем тишину нарушил лишь сдавленный стон и чье-то тяжелое дыхание.

— Кто здесь? — осторожно спросил Фарр.

Ответа не последовало.

Фарр повторил свой вопрос на всех знакомых ему языках и диалектах, но безрезультатно. Он с трудом заставил себя подняться. У него не было ни фонаря, ни других способов добыть свет.

Дыхание становилось ровнее, спокойнее. Фарр на ощупь пробрался во тьме и наткнулся на скрюченное тело. Он опустился на колени и уложил невидимого человека ровно, выпрямив ему руки и ноги.

Фарр сел рядом и стал ждать. Прошло пять минут. Стены комнаты едва заметно вздрогнули, и до него донесся глубокий звук, похожий на содрогание от дальнего взрыва. Через минуту или две звук и содрогание повторились. Подземная битва в полном накале. Оса против крота. Схватка не на жизнь, а на смерть.

Стены задвигались. Фарр услышал новый, более мощный разрыв. Появилось ощущение близящегося финала. Человек во тьме судорожно вздохнул и закашлялся.

— Кто здесь? — окликнул Фарр.

Яркий лучик света уперся ему в шею. Фарр вздрогнул и отодвинулся. Лучик последовал за ним.

— Убери лучше эту чертовщину! — пробормотал Фарр.

Луч прошелся вверх-вниз по его телу, задержался на полосатом посетительском пиджаке. В отраженном сиянии Фарр различил коричневого человека — грязного, измученного, в кровоподтеках. Свет исходил из пряжки на его плече.

Коричневый человек заговорил низким хриплым голосом. Язык Фарру был неизвестен, и он отрицательно покачал головой. Коричневый человек еще несколько секунд разглядывал Фарра, как тому показалось, оценивающе. Затем, болезненно постанывая, поднялся на ноги и минуту или две исследовал стены, не обращая на Фарра внимания. Он тщательно изучил пол и потолок камеры. Наверху, вне досягаемости, находилось отверстие, через которое они сюда попали. В стене имелся плотно закрытый люк.

Фарр был зол и обижен, и, кроме того, очень болела рана. Активность коричневого человека действовала на нервы. Яснее ясного было, что бежать отсюда непросто. Свекры немного бы стоили, если бы не предусмотрели всех возможностей.

Фарр рассматривал коричневого человека и решил, что это, наверное, теорд, представитель наиболее человекоподобной из трех арктуровых рас. О теордах ходили не самые лучшие слухи, и Фарру было не очень-то по душе получить одного из них в качестве приятеля по камере, и тем более во тьме.

Закончив обследование стен, теорд вновь переключил внимание на Фарра. Глаза у него были спокойными, глубокими, желтыми и холодными и светились, словно грани топаза. Он опять заговорил своим хриплым голосом.

— Это не настоящая тюрьма.

Фарр был изумлен. В данных обстоятельствах замечание выглядело более чем странным.

— Кто вы, чтобы так говорить?

Теорд рассматривал его добрых десять секунд, прежде чем произнести следующую фразу:

— Наверху большое волнение. Исцики бросили нас сюда для безопасности. Значит, в любую минуту могут забрать. Нет ни дыр для подслушивания, ни звуковых рецепторов. Это — камера хранения.

Фарр с сомнением поглядел на стены. Теорд издал низкое стонущее бормотание, вновь приведя Фарра в замешательство, но тут же он понял, что теорд просто выражает веселье столь странным образом.

— Вас беспокоит, откуда я об этом знаю, — сказал теорд. — У меня такая способность — чувствовать все аномалии.

Фарр вежливо кивнул. Неотвязный взгляд теорда становился гнетущим. Фарр полуотвернулся. Теорд забормотал себе под нос: напевный, монотонный гул. Жалоба? Погребальная песнь? Свет погас, но

трубное бормотание не прекращалось. Фарр неожиданно задремал и вскоре заснул. Это был тревожный сон, и он не давал отдыха. Голова раскалывалась и горела. Он слишком хорошо слышал знакомые голоса и приглушенные крики: он был дома, на Земле, и кого-то должен был повидать. Друга. Зачем? Во сне Фарр ворочался и разговаривал. Он знал, что спит: он хотел проснуться.

Пустые голоса, шаги, неугомонные образы стали таять, и он заснул здоровым сном...

В овальную дверь ворвался свет, очерчивая силуэты двух исциков. Фарр проснулся. Он был крайне удивлен, обнаружив, что теорд исчез. Да и вся комната казалась другой. Он больше не находился в корне старого черного дерева.

Он с трудом принял сидячее положение. Глаза были затуманены и слезились, мысли разбегались. Не за что было зацепиться. Словно мозг раскололся на части, когда он упал.

— Эйли Фарр-сайах, — сказал исцик, — вы способны нас сопровождать?

На них были желтые и зеленые ленты. Свекры.

Фарр поднялся на ноги и пошел к овальной двери. Один из свекров шел впереди, другой — позади. Они шли по наклонному извилистому коридору. Идущий впереди свекр отодвинул панель, и Фарр оказался в аркаде, по которой уже шел однажды.

Они вывели его наружу, под ночное небо. Звезды слабо мерцали: Фарр разглядел Солнце и несколькими градусами выше звезду, которую он знал под именем Бета Ауригью. Они не вызвали ни боли, ни ностальгии. Он не испытывал никаких чувств, он смотрел не вглядываясь. Ему было легко и покойно.

Обогнув рухнувший Дом, они подошли к лагуне. Впереди из ковра мягкого моха поднимался могучий ствол дерева.

— Дом Зиде Патаоз-сайаха, — сказал свекр. — Вы его гость. Он держит слово.

Дверь скользнула в сторону, и Фарр на подгибающихся ногах шагнул внутрь ствола. Дверь так же тихо закрылась. Фарр остался один в просторном круглом фойе. Он прислонился к стене, чтобы не потерять сознания, внезапно раздосадованный собственной слабостью и замедленностью восприятия. Он сделал попытку сосредоточиться: осколки разума медленно начали собираться, сливаться воедино.

Вошла женщина-исцик. На ней были черные и белые ленты и черный тюрбан. Розовато-фиолетовая кожа между лентами слабо подчеркивала горизонтальный разрез глаз. Фарр вдруг смутился, вспомнив, что он всклокочен, грязен и небрит.

— Фарр-сайах, — сказала женщина, — позвольте проводить вас.

Она отвела его к шахте подъемника, и диск поднял его на сто футов. На этой высоте у Фарра закружилась голова. Он почувствовал холод ладони женщины.

— Сюда, Фарр-сайах.

Фарр шагнул вперед, остановился, прислонился к стене и ждал, пока в глазах не прояснится.

Женщина спокойно ждала.

Пятно, наконец, исчезло. Они стояли в сердцевине ветви, рука женщины поддерживала его под локоть. Он посмотрел в блеклые глаза-сегменты. Она безразлично взглянула на него.

— Ваши люди подмешали мне наркотик, — пробормотал он.

— Сюда, Фарр-сайах.

Она пошла по коридору. Движения ее были столь мягки и волнообразны, что казалось, будто она плывет. Фарр медленно пошел следом. Он чувствовал себя немного лучше, ноги окрепли.

Женщина остановилась около последнего люка, повернулась и сделала руками широкий церемониальный жест.

— Вот ваша камера. У вас ни в чем не будет недостатка. Для Зиде Патаоза дендрология — открытая книга. Он может вырастить все, что захочет. Входите и располагайтесь в изысканном доме Зиде Патаоза.

Фарр вошел в камеру — одно из четырех соединенных помещений самого совершенного стручка из всех, что он видел. Это было помещение для еды. Огромный столб рос из пола и сплющивался на конце, образуя стол, на котором находились подносы с разнообразными блюдами.

Следующее помещение, выстланное голубыми ворсистыми коврами, видимо, служило комнатой отдыха, а соседнее с ним по лодыжку было заполнено бледно-зеленым нектаром. Неожиданно у себя за спиной Фарр обнаружил маленького, подобострастно дышащего исцика, в белых и розовых ленточках слуги Дома. Он ловко стянул с Фарра перепачканную в земле одежду. Фарр шагнул в ванную, и слуга хлопнул ладонью по стене. Из маленьких отверстий ударили струи жидкости со свежим запахом и зябко побежали по коже. Слуга зачерпнул горсть бледно-зеленого нектара, полил Фарру на голову, и он вдруг оказался покрыт пощипывающей и пузырящейся пеной. Пена быстро растворилась, оставив кожу чистой и свежей.

Слуга принес сосуд с бледной пастой. Пасту он осторожно наложил на лицо Фарра, растер мочалкой, и борода растаяла без следа.

Прямо над головой Фарра начал расти пузырь жидкости. Его удерживала тонкая оболочка. Он становился все больше и больше и, казалось, подрагивал. Слуга поднял руку с острым шипом. Пузырь лопнул, пролив на Фарра жидкость с мягким запахом гвоздики. Жидкость быстро высохла. Фарр перешел в четвертую камеру, и там слуга помог ему одеться, а затем прикрепил сбоку на ногу черную розетку. Фарр, кое-что знавший об обычаях народа исциков, удивился. Будучи персональной входной эмблемой Зиде Патаоза, розетка становилась не просто украшением. Она удостоверяла, что Фарр является

почетным гостем Зиде Патаоза, который, следовательно, берет на себя обязанность защищать его от любых врагов. Фарру предоставлялись свобода действий внутри Дома и дюжина прав, обычно принадлежащих хозяину. Фарр мог манипулировать некоторыми нервами Дома: его рефлексами, импульсами, мог пользоваться некоторыми из сокровищ Зиде Патаоза и имел довольно широкую возможность поступать так, словно был его «альтер эго».

Случай был необычный, а для землянина, пожалуй, уникальный. Фарр стал размышлять, чем же он заслужил такую честь. Видимо, это было просто попыткой заглушить вину за неприятности, которые ему причинили в связи с нападением теордов.

«Да, — подумал Фарр, — это, пожалуй, может служить объяснением».

Он надеялся, что Зиде Патаоз поглядит сквозь пальцы на то, что он не соблюдает в ответ громоздких ритуалов вежливости исциков.

Женщина, которая отводила его в камеру, появилась вновь. Она торжественно преклонила перед ним колени. Фарр был недостаточно знаком с манерами исциков, чтобы решить для себя, чувствовалась в этом жесте ирония или нет. Очень уж неожиданной показалась ему перемена статуса. Мистификация? Непохоже. Чувства юмора у исциков не существует.

— Эйли Фарр-сайах! — провозгласила женщина. — Теперь, когда вы освежились, желаете ли вы присоединиться к хозяину, Зиде Патаозу?

Фарр вяло улыбнулся:

— В любое время.

— Тогда позвольте мне показать вам путь. Я провожу вас в личный стручок Зиде Патаоза, где он ожидает с великим нетерпением.

Фарр проследовал за ней по трубе, расширяющейся по мере приближения ветки к стволу, затем проехал на лифте вверх по стволу, вылез и пошел по другому проходу. Возле люка он увидел слугу. Женщина остановилась, поклонилась и широко развела руками.

— Зиде Патаоз-сайах ожидает вас!

Люк отодвинулся, и Фарр нерешительно вошел в камеру. Зиде Патаоза он в первый момент не увидел. Фарр медленно двинулся вперед, оглядываясь направо и налево. Стручок был тридцати футов длиной и открывался балконом с перилами по пояс высотой. Стены и куполообразный потолок украшены орнаментом из шелковистого зеленого волокна. На полу густо рос темно-фиолетовый мех. Прямо из стен росли причудливые лампы необычной формы. Здесь имелись четыре кресла-стручка вишневого цвета, выстроенные вдоль одной из стен. Посередине, на полу, стояла высокая цилиндрическая ваза с водой, растениями и черными извивающимися угрями. На стенах висели картины древних земных мастеров — изысканные курьезы из другого мира, чуждого для исциков.

Зиде Патаоз спустился с балкона:

— Фарр-сайах, надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

— Достаточно хорошо, — осторожно ответил Фарр.

— Присядете?

— Как прикажете. — Фарр опустился на одно из мягких вишневых кресел-пузырей. Гладкая кожа застыла по форме тела.

Хозяин тоже томно присел рядом. Последовала пауза, во время которой они пристально изучали друг друга. Зиде Патаоз был в голубых лентах своей касты. Кроме того, сегодня его бледные щеки украшали глянцевые красные круги. Фарр догадался, что это не просто случайные украшения. Любой атрибут внешнего вида исциков являлся тем или иным символом, всегда тщательно продуманным.

Сегодня на голове Зиде Патаоза не было обычного просторного берета. Шишки и складки на его темени образовывали почти правильной формы крест — признак аристократического происхождения и тысячелетней родословной.

— Вы получаете удовольствие от визита на Исзм?

Фарр немного подумал, затем заговорил официальным тоном:

— Я здесь вижу много интересного для себя. Кроме того, я здесь столкнулся с назойливостью, которая, надеюсь, не будет продолжаться непрерывно.

Он осторожно пощупал кожу на голове:

— И лишь ваше гостеприимство способно компенсировать болезненные ощущения, которые меня заставили испытать.

— Это печальные новости, — сказал Зиде Патаоз. — Кто причинил вам вред? Назовите имена, и я позабочусь, чтобы их наказали.

Фарр пришел к выводу, что вряд ли он способен опознать свекров, бросивших его в темницу.

— В любом случае, они были возбуждены налетом, и я не держу на них зла. Но после, судя по всему, меня отравили наркотиком. Этому я объяснения не найду, не могу найти.

— Ваши замечания правильны, — вкрадчиво заговорил Зиде Патаоз. — Свекры, естественно, подвергли теорда действию гипнотического газа. Похоже, лишь благодаря нелепой ошибке вы были брошены в ту же камеру и разделили с ним эту неприятность. Нет сомнения, участвовавшие в этом сейчас испытывают угрызения совести.

Фарр заговорил с оттенком оскорбленности:

— Мои законные права попраны. Договор о Доступности нарушен.

— Надеюсь, вы нас простите. Вы ведь, конечно, понимаете, что мы должны защищать свои поля.

— Я не имел ничего общего с налетом.

— Да. Мы это понимаем.

Фарр горько улыбнулся:

— Пока я был под гипнозом, вы из меня выжали все, что я знал...

Раздел между сегментами глаз Зиде Патаоза превратился в ниточку, что Фарр счел проявлением насмешки.

— Случайно я узнал о вашем несчастье.

— Несчастье? Оскорбление!

Зиде Патаоз сделал успокаивающий жест:

— Ничего особенного в том, что свекры применяли гипнотический газ к теорду, нет. Эта раса обладает большими психическими и физическими способностями, кроме того, она печально известна моральным несовершенством. В частности, именно поэтому их наняли для налета на Исзм.

Фарр был удивлен:

— Вы полагаете, теорды работали не на себя?

— Да. Организовано все было очень аккуратно, рассчитано очень точно. Теорды — раса неспокойная, и хотя нет гарантии, что экспедицию снарядили не они, у нас есть основания думать по-другому. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы найти подлинного виновника налета.

— И потому допросили меня под гипнозом в нарушение договора о Доступности...

— Уверяю вас, вопросы вам задавались лишь те, что имели непосредственное касательство к набегу. — Зиде Патаоз старался умиротворить Фарра. — Свекры сверхприлежны, но вы могли оказаться глубоко законспирированы. Вы производили такое впечатление.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— Разве? — Зиде Патаоз казался удивленным. — Вы прибыли на Тинери в день нападения. На пристани пытались избавиться от эскорта. Во время встречи вы все время пытались контролировать свои реакции. Простите, что указываю вам на ваши ошибки.

— Не за что, валяйте дальше.

— В аркаде вы еще раз пытались покинуть эскорт. Вы выбежали на поле — явная попытка принять участие в нападении и похищении саженцев.

— Чепуха!

— Для нас этого достаточно. Мы удовлетворены. Налет кончился не в пользу теордов: мы разрушили крота на глубине тысячи сто футов. Никто не выжил, кроме персоны, с которой вы делили комнату-темницу.

— Что с ним случилось?

Зиде Патаоз помедлил. Фарру показалось, что в его голосе промелькнула неуверенность.

— В обычных условиях он действительно мог оказаться самым удачливым из них. — Он замолчал, чтобы придать мыслям форму слов. — Мы верим в превентивное воздействие наказания. Его бы заключили в сумасшедший дом.

— Что с ним случилось?

— Покончил с собой в подземелье.

Фарр был сбит с толку столь неожиданным поворотом событий. Что-то, видимо, успело связать его с тем человеком, и что-то оказалось теперь потеряно навсегда...

Зиде Патаоз заботливо спросил:

— Вы, кажется, потрясены, Фарр-сайах?

— С какой стати?

— Вы устали или чувствуете слабость?

— Сейчас я более или менее пришел в норму.

Женщина принесла поднос с продуктами: ломтики орехов, горячая ароматная жидкость, сушеная рыба.

Фарр ел с удовольствием, он был голоден.

Зиде Патаоз с любопытством его разглядывал.

— Странно. Мы с вами принадлежим к различным мирам. Мы эволюционировали по разным направлениям, но наши цели, желания и опасения часто схожи. Мы защищаем свою собственность, то, что обеспечивает наше благосостояние.

Фарр выразительно потрогал больное место на голове. Оно еще саднило и пульсировало. Он задумчиво кивнул.

Зиде Патаоз подошел к стеклянному цилиндру и стал смотреть на танцующих угрей.

— Порой мы излишне тревожимся, но что делать, опасения заставляют нас превосходить самих себя.

Он повернулся, и долгое время они не сводили взгляды друг с друга: Фарр, сгорбившийся в кресле-стручке, и исцик, высокий, стройный, с большими двойными глазами на орлиной голове.

— Так или иначе, — сказал Зиде Патаоз, — я думаю, вы простите нам нашу ошибку. Теорды и их руководитель, или руководители, могущественны. Но для них ситуация лучше не станет. И, пожалуйста, не смотрите свысока на нашу чрезмерную заботу. Налет был предпринят с огромным размахом и почти привел к цели. Кто задумал, кто составил столь тщательно разработанный план операции — мы должны выяснить. Теорды действовали очень уверенно. Указания хватать как семена, так и саженцы со специальных участков они получили, видимо, от шпиона, скрывающегося под видом туриста. Вроде вас, например. — Зиде Патаоз бросил на Фарра мрачный пристальный взгляд.

— Этот турист не похож на меня, — коротко рассмеялся Фарр. — Я не хочу, чтобы меня даже косвенно связывали с этим делом.

— Понятное желание, — вежливо склонил голову Зиде Патаоз. — Но я уверен, что вы достаточно великодушны, чтобы понять наше волнение. Мы должны охранять свои предприятия: мы — бизнесмены.

— Не очень хорошие бизнесмены.

— Интересная точка зрения. Почему же?

— Вы выпускаете хорошую продукцию, но сбываете вы ее не экономично. Ограниченная продажа, высокие рыночные цены.

Зиде Патаоз извлек лорнет и снисходительно помахал им.

— Существует много теорий.

— Я прочитал несколько статей о выращивании Домов. Расхождения существуют лишь в деталях.

— А в чем же вы согласны?

— В том, что ваши методы не действенны. На каждой планете единственный делец обладает монополией. Подобная система удовлетворяет одного дельца. К.Пенче стократный миллионер и в то же время самый ненавидимый на Земле человек.

Зиде Патаоз задумчиво крутил лорнет.

— К.Пенче, должно быть, столь же несчастен, сколь и ненавидим.

— Рад слышать, — сказал Фарр. — Почему?

— Набег лишил его большей части прибылей.

— Он не получит Домов?

— Не получит тех Домов, которые заказывал!

— Так. Впрочем, разница невелика. Он все равно продаст все, что вы ему пошлете.

Зиде Патаоз, казалось, был слегка обеспокоен.

— Он — землянин. Коммерсант по природе. У нас же, исциков, выращивание Домов в крови, в инстинктах. Династия плантаторов началась две тысячи лет назад, когда Джун, первобытный антрофаб, выполз на сушу из океана. Из его жабр вытекала соленая вода, и он нашел убежище в стручке. Он — мой предок. Мы обрели власть над Домами: мы не должны ни растрачивать накопленные знания, ни позволять себя грабить.

— Знания неизбежно будут разгаданы. И неважно, хотите вы того или нет. Слишком уж много бездомных во Вселенной.

— Нет! — Зиде Патаоз хлопнул лорнетом. — Ремесло нельзя разгадать с помощью умозаключений. Элемент магии все же существует.

— Магии?

— Не буквально. Атрибуты магии. Например, мы поем заклинания, когда высеваем саженцы. Саженцы растут и благоденствуют. А без заклинаний чахнут. А почему? Кто знает? Из Исзме — никто. На каждом этапе выращивания, благоустройства и обучения используются специальные знания, благодаря которым Дом и отличается от бесполезной худосочной лозы.

— На Земле мы бы начали с самого простого дерева. Мы бы вырастили миллион саженцев, изучили миллион возможных путей.

— И через тысячу лет вы могли бы контролировать количество стручков на дереве. — Он подошел к стене и вырвал клочок волокна. — Этот шелк — мы инъектируем жидкость в орган рудиментарного стручка. Жидкость содержит такие компоненты, как толченый панцирь аммонита, зола кустарника франз, изохромил-адстатметрил, порошок метеорита Фанодане. Жидкость действует, но сперва подвергается шести критическим операциям и вливается только через хоботок силимпшина.

Скажите, — обратился он к Фарру, — сколько пройдет времени, прежде чем ваши земные исследователи научатся выращивать в стручке зеленый ворс?

— Вероятно, мы и пробовать не стали бы. Нас удовлетворили бы Дома из пяти-шести стручков, а владельцы бы обставили их, как душе угодно.

— Но это же грубость! — воскликнул Зиде Патаоз. — Вы это понимаете или нет? Жилище должно быть одним целым — стены, дренаж, украшения — выращенные вместе с ним и в нем! Зачем тогда нужны наши огромные знания? Две тысячи лет напряженной работы? Любой невежда способен наклеить зеленый ворс, один лишь исцик может вырастить его!

— Да. Я вам верю.

Зиде Патаоз продолжал, убеждающе покачивая лорнетом:

— И если вы украли женскую особь Дома, если вы ухитрились вырастить пятистручковый Дом — это только начало. В него нужно войти, его нужно подчинить, его нужно обучить. Паутина должна быть обрезана: нервы закуляции должны быть изолированы и парализованы. Сфинктеры должны открываться и закрываться при прикосновении. Искусство благоустройства Дома не менее важно, чем искусство выращивания Дома. Без правильной обработки Дом неудобен и скучен, даже опасен.

— К.Пенче не обрабатывает ни одного дома из тех, что вы присылаете на Землю.

— Аах! Дома Пенче бездумны и покорны. Им ничто не интересно. Им не хватает красоты, изящества. — Он помолчал. — Я не могу говорить. В вашем языке нет слов, чтобы можно было выразить чувства исцика к своему Дому. Он растит его, растет в нем. Его прах достается Дому, когда он умирает. Он пьет его кровь, он дышит его дыханием. Дом защищает его, чувствует его мысли. Одушевленный Дом способен отогнать чужака; разгневанный Дом способен даже убить. А сумасшедший Дом — в нем мы держим преступников.

Фарр зачарованно слушал.

— Все это очень хорошо для исциков. Но землянин не настолько требователен — во всяком случае, землянин с низкими доходами, или низкой касты, чтобы вам было понятнее. Ему всего лишь нужен Дом, чтобы в нем жить.

— Вы можете приобрести Дома, — сказал Зиде Патаоз, — мы рады вам их предоставить. Но вы должны использовать услуги аккредитованных представителей-распределителей.

— К.Пенче.

— Да. Он наш представитель.

— Кажется, мне пора спать. Я устал, и голова болит.

— Жаль. Но отдохните хорошенько, и завтра, если хотите, мы посетим мою плантацию. Чувствуйте себя свободно: мой Дом — ваш Дом.

Молодая женщина в черном тюрбане отвела Фарра в его камеры. Она церемонно омыла ему лицо, руки и ноги и побрызгала ароматными духами.

Фарр погрузился в преддремотное состояние. Ему мерещился теорд. Он видел грубое коричневое лицо, слышал хриплый голос. Ссадина на голове горела, и Фарр ворочался.

Лицо коричневого человека исчезло, словно погасили огонь, и Фарр, наконец, крепко заснул...

5

На следующий день Фарра разбудили вздыхающие и шепчущие звуки музыки исциков. Свежая одежда висела под рукой. Он оделся и вышел на балкон. Вид отсюда открывался изумительный, сверхъестественный, необыкновенно красивый. Солнце, Кси Ауругью, еще не взошло. Небо цвета электрик нависло над разноцветным зеркалом моря, темнеющего к горизонту. Справа и слева стояли огромные и замысловатые Дома аристократов Тинери, и против солнца вырисовывались лишь силуэты их крон, а цвета стручков были приглушены: темно-синий, темно-бордовый и глубоко-зеленый, такой бывает у старого вельвета. Вдоль канала дюжинами крейсировали гондолы. За каналом располагались торговые ряды базара Тинери. Здесь распределялись изделия и инструменты промышленных систем Южного континента и некоторых внешних миров, при этом использовались способы обмена, в которых Фарру еще не удалось до конца разобраться.

Из апартаментов раздался звук, словно кто-то дернул за веревку. Фарр обернулся и обнаружил двух служителей — они несли высокий, со многими отделениями, буфет, полный еды. И, пока Кси Ауругью поднималось над горизонтом, Фарр успел позавтракать вафлями, фруктами, морскими клубнями и пастилой.

Едва он закончил, вновь выскочили служители. Их расторопность и проворство немного развеселили Фарра. Они уволокли буфет, и вошла женщина-исцик, которая прислуживала ему вчера вечером. Сегодня ее обычный костюм из черных лент был дополнен непонятным головным убором из тех же лент, который маскировал шишки и складки на темени и делал женщину неожиданно привлекательной. Произведя утонченные ритуалы приветствия, она сообщила, что Зиде Патаоз готов и весь к услугам Фарр-сайаха.

Вместе с ней Фарр опустился в холл у основания огромного ствола. Здесь его ожидал Зиде Патаоз, с ним был исцик, которого он представил как Омена Безхда, главного агента кооператива домостроителей. Омен Безхд ростом был явно выше Зиде Патаоза, с более широким и менее выразительным лицом, да и характер у него был, видимо, более живой и прямолинейный. Он носил синие и черные

ленты и черные кружки на щеках — костюм, который навел Фарра на мысль о принадлежности его владельца к одной из высших каст. В отношении к нему Зиде Патаоза сквозили одновременно снисходительность и уважение — во всяком случае, так показалось Фарру. Позицию Зиде Патаоза Фарр приписывал противоречию между кастой Омена Безхда и его мертвенно-бледной кожей жителя одного из Южных архипелагов, или даже Южного континента, отличающегося от кожи аристократов-плантаторов Безхда слабым голубоватым оттенком. Фарр, достаточно сбитый с толку тем чрезвычайным вниманием, которое ему все время оказывалось, более его не разглядывал.

Зиде Патаоз проводил гостя к шарабану с мягкими сиденьями, который поддерживали над землей сотни почти бесшумных воздушных струй. Шарабан не имел никаких украшений, но и сам по себе: коробка, выращенная вместе с перилами, изогнутыми и сплющенными, дугообразные сиденья и свисающая бахрома темно-коричневого моха — был весьма впечатляющим. Слуга в красных и коричневых лентах сел на выступающий впереди зуб и включил систему управления. На заднее сиденье сели еще двое слуг — они несли инструменты, эмблемы и прочее снаряжение Зиде Патаоза, о предназначении которого Фарр не догадывался.

В последнюю минуту к ним присоединился четвертый исцик, человек в синих и серых лентах, которого Зиде Патаоз представил:

— Удир Че, мой главный архитектор. Настоящее исмское слово, разумеется, другое и заключает в себе элементы многих других знаний: биохимик, инструктор, поэт, предвестник, воспитатель и так далее. Конечный эффект тем не менее тот же: так что его смело можно называть созидателем новых Домов.

За архитектором, как само собой разумеющееся, появились трое вездесущих инспекторов-свекров на другой, меньшей по размерам платформе. Одного из них Фарр вроде бы узнал — это он охранял его во время налета теордов, и затем от него же Фарр натерпелся всяческих оскорблений. Но, может быть, это был другой свекр — непривычному глазу все они казались на одно лицо. Фарру пришло в голову забавы ради пожаловаться Зиде Патаозу на этого человека: тот клятвенно обещал наказать виновного. Но тут же он справился с побуждением: Зиде Патаоз, судя по всему, относился к своим обещаниям серьезно...

Платформы проскользнули между массивными Домами городского центра и вылетели на дорогу, что шла вдоль ряда небольших полей. Здесь росли серо-зеленые саженцы — Дома-дети, решил Фарр.

— Дома классов ААА или ААКР для контрольных работ с Южного континента, — пояснил Зиде Патаоз весьма покровительственным тоном. — Вон там — четырех- и пятистручковые деревья для мастеровых. Каждый район выполняет свои специальные задания, описанием которых я не хочу вас утомлять. Разумеется, продукция, идущая на экспорт, не доставляет нам столько

хлопот — им мы продаем немногочисленные стручки, легко выращиваемые и стандартные структуры.

Фарр поморщился: покровительственные оттенки в голосе Зиде Патаоза становились все более отчетливы.

— Если бы вы решились разнообразить свою продукцию, вы могли бы необычайно увеличить вывоз товара.

Зиде Патаоз и Омен Безхд, похоже, развеселились.

— Мы вывозим столько Домов, сколько хотим. К чему стремиться вперед? Кто оценит уникальные, исключительные свойства наших Домов? Вы же сами говорите, что для землян Дома — не что иное, как коробки, в которых можно укрыться от непогоды.

— Вы и в самом деле нерациональны, Фарр-сайах, — сказал Омен Безхд, — если только мне удалось подобрать слово с наименее обидным звучанием. На Земле, вы говорите, для жилища не нужно ничего. В то же время жилище на Земле — излишек богатства, и излишек столь значительный, что на обширные проекты тратятся неисчерпаемые средства и энергия. Богатство это может позволить решить проблему дефицита Домов очень легко — вернее, те, кто контролирует это богатство. Понимая, что подобный курс для вас нереален, вы обращаетесь к нам, относительно бедным исцикам, которые, по вашему мнению, должны быть почему-то менее черствыми, чем люди вашей планеты. А когда вы видите, что мы имеем собственные интересы, вы возмущаетесь — именно в этом и лежит иррациональность вашей позиции.

Фарр засмеялся.

— Это искаженное отражение действительности. Мы богаты, верно. Почему? Потому что мы постоянно стараемся выпустить максимум продукции при минимуме усилий. Дома исциков и могут служить этим фактором обеспечения минимума усилий.

— Интересно... — пробормотал Зиде Патаоз.

Омен Безхд глубокомысленно кивнул.

Глайдер свернул и поднялся, чтобы перелететь через заросли остроконечных кустарников с черными шарами наверху. Вдали, за каймой берега, лежал спокойный мировой океан, Голубой Фездх. Глайдер разрезал носом низкие волны прибоя и заскользил к берегу.

Зиде Патаоз заговорил мрачным, чуть ли не замогильным голосом:

— Сейчас вам покажут то очень немногое, что вам разрешено видеть: экспериментальную станцию, где мы задумываем и создаем новые Дома.

Фарр собрался было дать соответствующий ответ, высоко оценить происходящее и выразить заинтересованность, но Зиде Патаоз не обращал на него более внимания, и он промолчал.

Платформа неслась над водой. Вода под струями воздуха кипела, и за кормой оставалась пенная струя. Лучи Кси Ауругью искрились в голубой воде, и Фарр думал, что все выглядело бы так по-земному,

если бы не этот глайдер странной формы, не эти долговязые, молочно-белые в полоску люди, стоявшие за спиной, и не эта необычная растительность на острове впереди. Домов, подобных этим, он еще не видел: тяжелые, низкие, с плотно опутанными черными ветвями. Листва, только что освобожденная от коричневой паутины, непрестанно шевелилась.

У берега глайдер замедлил движение и остановился в двадцати футах от земли. Удир Че, архитектор, выскочил с черной коробкой в руках. Он оказался по колено в воде и медленно потащился к берегу. Деревья не остались равнодушны к его приходу: они поначалу склонились к нему, затем расплели и расцепили ветви. Через секунду в растительности оказался проем, достаточно широкий для глайдера. Оказавшись за стеной деревьев, Удир Че вновь забрался на борт, а ветви сомкнулись, наглухо закрыв проход.

— Деревья уничтожат любого, кто не представит правильного пароля — он излучается из коробки. В прошлом плантаторы часто отправляли друг против друга экспедиции — сейчас этого, разумеется, нет, и в деревьях-караульных нет, стало быть, особой необходимости. Но мы очень консервативны и храним старые обычаи.

Фарр оглянулся вокруг, стараясь не проявлять излишнего любопытства. Зиде Патаоз спокойно и весело глядел на него.

— Когда я прибыл на Исзм, — сказал наконец Фарр, — я надеялся, что представится удобный случай, но такого даже не ожидал. Должен признаться, что я озадачен. Почему вы мне все это показываете? — он пристально смотрел в бледные хрящеватые лица исциков, но ничего не мог прочесть в их выражении.

Зиде Патаоз выдержал паузу, прежде чем ответить:

— Скорее всего, вы ищите причины там, где их нет. Это вполне нормальное отношение хозяина к почетному гостю.

— Возможно, — согласился Фарр и вежливо улыбнулся. — Но, если иные мотивы все же существуют?

— Допустим. Налет теордов все еще заботит нас, и мы хотим получить большую информацию. Но все же давайте не будем затруднять себя сегодня подобными вопросами. Думаю, вас, как ботаника, должны интересовать изобретения мои и Удира Че.

— О, да, конечно!

Последующие два часа Фарр рассматривал Дома со стручками на опорах для планет с высокой гравитацией систем Слис-8 и Форта Мартиона. Просторные сложные Дома со стручками-баллонами для феи, где сила тяжести вдвое меньше, чем на Исзме. Он видел деревья, у которых от центрального ствола-колонны отходили, изгибались четыре широченных листа, опускались до земли и создавали, таким образом, четыре куполообразные зала, освещенных бледно-зелеными лампами. Встретились ему Дома с прочными стволами, единственным стручком-башенкой наверху и коньевидной листвой у основания: эти дома

служили наблюдательными башнями феодальным племенам Эты Скорпиона. В огражденном стенами пространстве росли деревья разной степени подвижности и разумности.

— Новая, многообещающая область исследований, — сказал Фарру Зиде Патаоз. — Мы обыгрываем идею выращивания деревьев для выполнения специальных задач, таких, как караульная служба, садовый надзор, разработка месторождений и обслуживание простейших механизмов. Не думайте, что я шучу. На атолле Дюрок, насколько мне известно, мастер-плантатор у себя в резиденции вывел дерево, которое поначалу вырабатывает разноцветные волокна, а затем сплетает их в ковер желаемого образца. Да и сами мы вносим свою лепту в создание подобных чудес. К примеру, вон тот купол — мы добились соединения, о котором человек, незнакомый с основами адаптации, сказал бы, что оно невозможно.

Фарр издал вежливый возглас удивления и восхищения. Он заметил, что Омен Безхд и Удир Че внимают словам плантатора с исключительным уважением, словно они присутствовали при чем-то значительном. И Фарру вдруг показалось, что, каковы бы ни были мотивы необычного гостеприимства Зиде Патаоза, ему скоро удастся в них разобраться.

Зиде Патаоз продолжал своим ломким, хрипловатым аристократическим голосом:

— Механизм соединения, если можно так выразиться, в теории несложен. Животное тело зависит от пищи и кислорода, плюс некоторые поддерживающие компоненты. Растительная система, разумеется, продуцирует эти субстанции и перерабатывает отходы животного. Оно стремится стать закрытой системой, нуждаясь лишь в притоке энергии от внешнего источника. Наши достижения, к сожалению, далеки от законченности. Совершенной сети еще нет: весь обмен осуществляется через полупроницаемые мембраны, отделяющие растительные флюиды от животных. Тем не менее начало положено...

Рассказывая, Зиде Патаоз направился к бледной желто-зеленой полусфере, над которой вращались и трепетали длинные желтые листья на таких же ветках. Он вытянул руку, и открылся проход в виде арки. Омен Безхд и Удир Че из осторожности остались в тылу. Фарр с сомнением посмотрел на них.

Зиде Патаоз еще раз воскликнул:

— Думаю, что вы, как ботаник, будете восхищены нашими успехами!

Фарр разглядывал отверстие, стараясь увидеть хоть что-то из находившегося внутри. Внутри было нечто, что исцики подталкивали его увидеть, что-то такое, что ему следовало испытать... Опасность? Им не нужно было его обманывать, он и так целиком в их власти. Тем более что Зиде Патаоз был связан всеобщими законами гостеприимства. Он ничем в этом положении не отличался, скажем,

от шейха и бедуина. Опасности здесь, видимо, не было. Фарр сделал шаг вперед и оказался внутри Дома.

В центре находился слегка выступающий пласт земли, жирной почвы, на котором покоился крупный пузырь — мешок желтой камеди. Поверхность мешка была изборождена нитями сосудов и трубками вен, защищенных оболочкой, которая в верхней части переходила в светло-серый ствол. От ствола симметрично росла корона ветвей с широкими листьями в форме блюдца.

Все это Фарру удалось увидеть за мгновение, хотя с того момента, как он вошел, его внимание привлекло то, что содержалось в капсуле со смолой — обнаженное тело теорда. Ноги его были погружены в темный желтый осадок на дне мешка, голова располагалась в непосредственной близости от ствола. Верхушка черепа отсутствовала, обнажая часть массы оранжевых шариков — мозг. Руки теорда были подняты до уровня плеч и оканчивались вместо ладоней клубками спутанного серого ворса, который также скручивался в веревки, уходящие к стволу. Над обнаженным мозгом висел нимб. Приглядевшись, Фарр понял, что это сетка почти невидимых нитей, также сплетающихся в веревку и исчезавших в стволе. Глаза были затянуты темной коричневой пленкой, заменявшей теордам веки.

Фарр сделал глубокий вдох, стараясь совладать с отвращением, смешанным с жалостью. Он почувствовал внимание исциков и резко обернулся. Раздвоенные глаза всех троих были устремлены на него.

Фарр изо всех сил старался держать чувства под контролем. Чего бы исцики от него ни ожидали, он обязан их разочаровать.

— Должно быть, это теорд, вместе с которым меня заперли?

Зиде Патаоз шагнул вперед, его губы изогнулись.

— Вы его узнаете?

Фарр покачал головой:

— Я с трудом мог его разглядеть. Он для меня ничем не отличается от любого другого человека этой расы. — Он поближе подошел к мешку с янтарной жидкостью. — Он жив?

— В известной степени.

— Зачем вы меня сюда привели?

Зиде Патаоз выглядел обеспокоенным, возможно, был даже рассержен. Фарр догадался, что какой-то сложный план пошел насмарку. Он взглянул на мешок. Неужели теорд двигался? Омен Безхд, стоявший слева, очевидно, тоже заметил почти неразличимое движение мускула.

— Теорд обладает большими психическими ресурсами, — заметил Омен Безхд, двигаясь вперед.

Фарр повернулся к Зиде Патаозу:

— Я полагал, что он умер.

— Так и есть. Он уже не Чейен Техтесский, Четырнадцатый барон на Баннкристе. Он перестал быть личностью и превратился в придаток, орган дерева.

Фарр вновь оглянулся на теорда. Глаза его внезапно открылись, лицо приняло странное выражение, и Фарру показалось, что теорд слышит их слова, понимает их. Омен Безхд замер и напряженно ждал. Точно так же выглядели Зиде Патаоз и Удир Че, все трое, не отрываясь, смотрели на теорда. Удир Че вдруг разразился длинной фразой на языке исциков, указывая на листву. Фарр посмотрел и увидел, что листья шевелятся, хотя в Доме не чувствовалось ни малейшего сквозняка. Фарр опустил взгляд на теорда, и тут их глаза встретились. Лицо теорда было напряжено, мускулы вокруг рта затвердели. Фарр никак не мог заставить себя оторвать взгляд. Рот открылся, зашевелились губы. Над головой скрипнула и застонала тяжелая ветвь.

— Невероятно! — каркнул Омен Безхд. — Реакция неправильна!

Ветви качнулись и накренились. Послышался ужасающий треск, и вся масса листвы обрушилась, подмяв под себя Зиде Патаоза и Удира Че. Во второй раз раздался стон ломающегося дерева: ствол раскололся, и дерево упало. Лопнул мешок, теорд вывалился наружу и повис над полом, удерживаемый канатами ворса, которыми оканчивались его руки. Голова его откинулась назад, рот страшно оскалился.

— Я не дерево! — выкрикнул он горловым, булькающим голосом. — Я — Чейен Техтесский. — Изо рта теорда потекли струйки желтой лимфы. Он конвульсивно закашлялся и уставился на Фарра. — Беги, беги отсюда! Оставь этих проклятых древожителей! Выполни то, что должен!

Омен Безхд бросился помогать Зиде Патаозу выбраться из-под рухнувшего дерева. Фарр отупело глядел на них. Теорд обмяк.

— Теперь я умираю, — произнес он гортанным шепотом. — Не как дерево Исзма, а как теорд. Чейен Техтесский!

Фарр отвернулся и стал помогать Зиде Патаозу и Омену Безхду извлечь Удира Че из-под листвы. Но безуспешно. Сломанная ветвь проткнула ему шею. Зиде Патаоз издал крик отчаяния.

— Существо убивает после смерти, как вредит при жизни! Оно убило самого талантливого из архитекторов!

Зиде Патаоз повернулся и пошел прочь из Дома. Омен Безхд и Фарр последовали за ним.

В молчании, унынии они возвратились в город Тинери. От расположения плантатора к Фарру не осталось почти ничего, кроме обычной вежливости. Когда глайдер скользил по центральной улице, Фарр произнес:

— Зиде Патаоз-сайах, сегодняшние события глубоко взволновали меня и вас, и, думаю, мне не стоит более злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Фарр-сайах вправе поступать, как считает нужным, — тактично ответил Зиде Патаоз.

— Я сохраню на всю жизнь воспоминания о пребывании на атолле Тинери. Вы позволили мне заглянуть в проблемы, которые интересуют плантаторов Исзма, и я благодарю вас.

Зиде Патаоз поклонился:

— Заверяю, Фарр-сайах, что у нас, в свою очередь, никогда не сотрется память о вас.

Глайдер остановился на площади, рядом с которой росли три гостиницы, и Фарр высадился. Чуть помедлив, Омен Безхд сделал то же самое. Последовал финальный обмен формальными благодарностями и столь же формальными возражениями, потом глайдер отъехал.

Омен Безхд подошел к Фарру.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил он важно.

— Мой чертер все еще действует, — сказал Фарр. Он поморщился, так как не испытывал ни малейшего желания посещать плантации на других атоллах. — Вероятно, я вернусь на Джесциано. А потом...

— А потом?

Фарр раздраженно пожал плечами:

— Еще не знаю.

— Как бы то ни было, желаю приятного путешествия.

— Благодарю вас!

Свекры, когда он отправлялся в ресторан на ужин, вновь оказались за спиной, и Фарр почувствовал удушье. После ужина — типичных исзмских блюд из морских и растительных паст — Фарр опустился на улицу к причалу, где приказал, чтобы «Яхайэ» немедленно подготовился к отплытию.

Капитана на берегу не оказалось: боцман возражал, что раньше следующей зари отплыть никак нельзя, невозможно без капитана. Фарру пришлось этим удовлетвориться. Чтобы убить вечер, он отправился на прогулку вдоль берега. Прибой, теплый ветер, песок — все совершенно как на Земле, но силуэты чужих деревьев и двое свекров за спиной абсолютно портили картину, и Фарр ощутил приступ ностальгии. Он пространствовал уже достаточно. Пора возвращаться на Землю...

6

Фарр оказался на борту «Яхайэ», прежде чем солнце Кси Ауругью окончательно прояснило горизонт, и, когда перед ним раскинулись свободные просторы Фездха, Фарр вновь обрел хорошее расположение духа. Экипаж суетился за работой: пропускали пары тросов, разворачивали паруса, весь «Яхайэ» был охвачен лихорадкой отправления. Фарр забросил скудный багаж в каюту, разыскал капитана и приказал ему отплывать. Капитан поклонился, затем отдал экипажу несколько распоряжений.

Прошло полчаса, а «Яхайэ» все еще был у причала. Фарр подошел к капитану, стоявшему на носу.

— В чем дело?

Капитан указал вниз, где матрос в плоскодонке что-то делал с бортом.

— Корпус ремонтируется, Фарр-сайах. Мы скоро отправляемся.

Фарр вернулся в приподнятую каюту и уселся в тени под навесом. Прошло еще пятнадцать минут. Фарр успокоился и стал даже получать удовольствие от окружающей обстановки: от суеты на причале, от прохожих в полосочках и ленточках всевозможных цветов...

Трое свекров подошли к «Яхайэ» и взошли на борт. Они переговорили с капитаном, тот повернулся и дал команду экипажу.

Паруса наполнились ветром, отдали швартовы, заскрипела оснастка. Фарр, неожиданно придя в раздражение, вскочил с кресла. Он бросился было приказать свекрам высадиться на берег, но остановился. Результат можно предугадать заранее. Заставляя себя успокоиться, Фарр вернулся в кресло. Разрезая и вспенивая голубую воду, «Яхайэ» выходил в море. Атолл Тинери уменьшился, превратился в тень над горизонтом и исчез из виду. «Яхайэ», подгоняемый ветром в корму, летел на запад. Фарр нахмурился. Насколько он мог припомнить, он не давал никаких указаний насчет места назначения.

Он подозвал капитана:

— Я вам не давал приказов. Почему вы держите на запад?

Одна из пар сегментов глаз капитана переместилась:

— Наше место назначения — Джесциано. Разве не этого желает Фарр-сайах?

— Нет, — сказал Фарр агрессивно. — Мы поплывем на юг, на Видженх.

— Но, Фарр-сайах, если мы не будем держать курс прямо на Джесциано, вы можете пропустить взлет корабля!

От изумления Фарр с трудом мог говорить.

— Да вам-то какое дело? — сказал он наконец. — Я что, упоминал, что хочу сесть на космический корабль?

— Нет, Фарр-сайах, я не слышал.

— Тогда будьте любезны не предугадывать более моих желаний. Мы отправляемся на Видженх.

Капитан помедлил:

— Ваши приказы, Фарр-сайах, должны быть тщательно взвешены. Но следует учитывать еще приказания свекров. Они хотят, чтобы «Яхайэ» плыл на Джесциано.

— В таком случае, пусть сами свекры и оплачивают чертер. От меня вы ничего не получите.

Капитан медленно повернулся и отправился за советом к свекрам. Последовал короткий спор, в ходе которого капитан и свекры бросали

пристальные взгляды на Фарра, стоявшего поодаль. Все же «Яхайэ» повернул на юг, а рассерженные свекры прошли на нос.

Путешествие продолжалось. Вскоре Фарр лишился покоя. Экипаж был бдителен, но уже менее исполнителен. Свекры следили за каждым его шагом и при любом случае с откровенной наглостью обыскивали каюту. Фарр чувствовал себя более арестантом, чем туристом. Было почти очевидно, что его сознательно вызывают на провокацию, словно хотят выработать у него отвращение к Исму.

«Не так уж это и сложно, — сказал сам себе Фарр мрачно. — День, когда я покину эту планету, будет самым счастливым днем в моей жизни...»

Над горизонтом выросла группа островов. Это был атолл Виджен, словно брат-близнец, похожий на Тинери. Фарр заставил себя выйти на берег, но там не нашел ничего более интересного, чем сидеть на террасе гостиницы с кубком нарциза, терпкого, чуть солоноватого напитка из морских водорослей. Выходя, он обнаружил плакат с фотографией корабля и расписанием прилетов и отлетов. Их «Андрей Саймак» должен был покинуть Джесциано через три дня. Затем вылетов не предусматривалось целых четыре месяца. Фарр с большим интересом рассматривал плакат. Вернувшись в порт, он аннулировал чертер, после чего предпринял воздушный перелет на Джесциано.

Он прибыл в тот же вечер и сразу же взял билет на КК «Андрей Саймак» до Земли, после чего сразу же ощутил покой и уверенность.

«Восхитительная ситуация, — говорил он себе. — Полгода назад я не мог думать ни о чем, кроме как о путешествии на неведомую планету, а сейчас я мечтаю лишь о возвращении на Землю».

Гостиница космопорта представляла собой огромную поросль, созданную дюжиной деревьев, сцепившихся между собой. Фарру предоставили удобный стручок, нависший над каналом, что соединял лагуну с центром города Джесциано. Узнав, наконец, что время отправления точно известно, Фарр успокоился. Ресторанные блюда в импортной фасовке вновь казались ему вкусными, посетители, жившие в гостинице, принадлежали преимущественно к антропоидам. Было здесь также с дюжину землян.

Единственным раздражающим явлением была непрекращающаяся слежка свекров, и притом столь назойливая, что Фарр пожаловался сначала администрации гостиницы, затем лейтенанту свекров — и в том, и в другом случае ответом ему послужило лишь слабое пожатие плечами. В конце концов, он пересек отгороженную площадь и вошел в маленькое бетонное бунгало, офис районного договорного администратора. Это было, похоже, одно из немногих неорганических зданий на Исме. Администратором оказался коротенький толстый землянин со сломанным носом, ершиком черных волос и суетливыми повадками. У Фарра немедленно возникла неприязнь к нему. Тем не менее он

спокойно и убедительно изложил свои претензии, и администратор обещал принять меры.

На следующий день Фарр явился в Административный дворец, большое и величественное здание, возвышавшееся над центральным каналом. На этот раз администратор был с ним лишь официален и подчеркнуто вежлив, хоть и пригласил на ленч. Они ели на балконе. Внизу, по каналу, проплывали стручки-лодки, полные фруктов и цветов.

— О вашем случае я звонил в Центр Свекров, — говорил администратор Фарру. — Они говорили туманно, что для них необычно. Обычно они выражаются ясно и безоговорочно: он шпионил.

— Я до сих пор не могу понять, за что они меня так преследуют.

— Вероятно, вы присутствовали, когда компания арктуриан...

— Теорды.

Администратор поправился:

— ... когда теорды совершили массированный налет на плантацию Тинери.

— Верно, я там был.

Администратор вертел в руках кофейную чашечку.

— Видимо, чтобы возбудить их подозрения, этого оказалось достаточно. Они считают, что один или несколько туристов планировали и руководили набегом, и, видимо, вас они выбрали как одну из наиболее подходящих кандидатур.

Фарр откинулся в кресле.

— Это неправдоподобно. Свекры накачали меня гипнотиками и допросили. Они знают все, что знаю я. И, наконец, плантатор на Тинери сделал меня своим гостем. Они не верят, что я замешан. Это невозможно.

Администратор слабо, уклончиво пожал плечами.

— Может быть, свекры согласились, что конкретных претензий к вам они не имеют. Но, так или иначе, вам удалось превратиться в объект для подозрений.

— Выходит, виновен я или не виновен, мне никуда не деться от их назойливости? Это противоречит букве и духу договора.

— Думаю, я, так же, как и вы, знаком с требованиями договора. — Администратор был раздражен. Он пододвинул к Фарру вторую чашку, метнув на него любопытный взгляд. — Надеюсь, вы невиновны... но, возможно, вам что-то известно. Вы общались с кем-нибудь, кого они подозревают?

Фарр беспокойно зашевелился:

— Они бросили меня в один погреб с теордом. Я с трудом мог с ним говорить.

Было видно, что ответ администратора не убедил.

— Тогда, должно быть, вы сделали что-нибудь не так. Что бы вы ни говорили, исцики никогда никого не беспокоят просто ради каприза.

Терпение Фарра лопнуло.

— Кого вы представляете? Меня или свекров?

— Попробуйте моими глазами взглянуть на ситуацию, — холодно произнес администратор. — В конце концов, нет никакой гарантии, что вы не тот, за кого они вас приняли.

— Прежде всего они должны доказать, но даже в этом случае вы — мой законный представитель. Зачем еще вас здесь держат?

Администратор уклонился от ответа.

— Я разговаривал с комендантом. Он уклончив. Может быть, он считает вас жертвой, приманкой или курьером. Возможно, они ждут, когда вы сделаете неверный шаг и выведете их на того, кто руководит.

— Им долго придется ждать. Кроме того, меня оскорбили.

— Как так?

— После налета меня бросили в погреб. Я имею в виду, они меня заключили под полом корня под землей. Я сильно ушиб голову. Ссадина до сих пор дает о себе знать. — Он пощупал темя, где наконец начали отрастать волосы, и вздохнул.

Ясно, что администратор ничего делать не будет. Он обвел взглядом балкон.

— Это место, должно быть, звукоизолированно?

— Мне нечего скрывать, — чопорно ответил администратор. — Они могут слушать днем и ночью. Что они, возможно, и делают. — Он встал. — Когда уходит ваш корабль?

— Через два или три дня, в зависимости от окончания погрузки.

— Советую вам терпимее относиться к слежке. Так будет лучше.

Фарр небрежно поблагодарил и вышел. Свекры уже ждали. Они вежливо кивнули, когда Фарр выходил на улицу. Фарр сделал глубокий вдох, он уступал. Поскольку его положение не обещало улучшиться, оставалось только смириться.

Он вернулся в гостиницу и принял душ: из полупрозрачного утолщения на стене стручка, вместо воды из форсунки, струился прохладный сок со свежим запахом. Переодевшись в чистую одежду, выданную гостиницей, Фарр отправился на террасу. Ему наскучило одиночество, и он с интересом оглядел столики. Он имел некоторое представление, правда, слабое, о других гостях: мистер и миссис Эндервью, странствующие миссионеры; Джонас Ральф и Вильфред Виллерен — инженеры, возвращающиеся на Землю с Большой Экваториальной Автострады Капеллы XI и в эту минуту сидевшие вместе с группой путешествующих школьных учителей, только что прибывших на Исзм; трое округлых коммерсантов с Монаго, потомков земного ствола, по условиям Монаго или Таруса 61-II, модифицированных в собственный семантический тип.

Справа от них сидели трое кинисов — высоких, стройных, почти неотличимых от людей, подвижных, прозорливых и многоречивых. Затем двое молодых землян (Фарр решил, что они студенты), за ними —

группа великоарктуриан, представителей расы, от которой отделились на другой планете теорды. По другую сторону от монагиан сидели четверо исциков в красных и пурпурных полосах, значение которых Фарра не интересовало, и неподалеку от них, озабоченно потягивая нарциз из кубка, еще один исцик в голубом, белом и черном. Фарр опешил, он не был уверен — исцики все казались ему на одно лицо, похожими друг на друга — но это был не кто иной, как Омен Безхд.

Почувствовав его взгляд, исцик повернулся к нему лицом и вежливо кивнул, затем встал и подошел к Фарру.

— Могу ли я к вам присоединиться?

Фарр указал на кресло.

— Я не ожидал, что так скоро буду иметь удовольствие возобновить наше знакомство, — сухо сказал он.

Омен Безхд произнес один из туманных местных тостов, значение которого оказалось за пределами понимания Фарра.

— Вам известно о моем намерении посетить Землю?

— Нет, конечно.

— Странно.

Фарр промолчал.

— Наш друг Зиде Патаоз просил передать вам сообщение, — начал Омен Безхд. — Первое: он говорит, что испытывает чувства стыда за неприятное происшествие, омрачившее вам последний день на Тинери. Для нас до сих пор загадка, откуда у теорда такая психическая сила, позволившая ему совершить подобное действие. Второе: он рекомендует вам как можно осторожнее выбирать знакомства ближайшие несколько месяцев. И третье: на Земле, где я буду чужестранцем, он поручает меня нашему знакомству и покровительству, вашему гостеприимству.

Фарр размышлял вслух:

— Откуда Зиде Патаоз-сайах узнал, что я собираюсь вернуться на Землю? Когда я покидал Тинери, я не имел такого намерения.

— Я говорил с ним не далее чем вчера ночью по телекому.

— Ясно, — недовольно произнес Фарр. — Да, естественно, я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам. Какую часть Земли намерены вы посетить?

— Мои планы еще неконкретны и неокончательны. Я буду инспектировать Дома Зиде Патаоза на различных участках, и, скорее всего, мне придется много путешествовать.

— А что значит «осторожнее выбирать знакомства ближайшие несколько месяцев»?

— Только одно. Похоже, слухи о налете теордов достигли Джесциано, а значит, будут распространяться далее. Определенные преступные элементы могут заинтересоваться вашей деятельностью. Впрочем, я говорю слишком свободно.

Омен Безхд встал, поклонился и вышел, оставив Фарра в недоумении смотреть ему вслед.

На следующий вечер администрация гостиницы, обратив внимание на большое число гостей с Земли, организовала банкет с земной кухней и земной музыкой. Явились почти все гости, земляне и прочие.

Фарр быстро захмелел от скотча с содовой и вскоре принялся ухаживать за самой юной и миловидной из приезжих учительниц. Она не отвергла его галантности, и они вскоре прогуливались рука об руку по террасе, нависавшей над берегом. Они болтали о пустяках, затем она вдруг бросила на него лукавый взгляд:

— Насколько я могу видеть, вы определенно не относитесь к типу.

— К типу? Какому типу?

— О! Вы знаете, к типу людей, способных дурачить исциков и красть деревья у них из-под носа.

— Ваш инстинкт вас не подводит, — рассмеялся Фарр. — И верно, не отношусь.

Она вновь посмотрела на него искоса:

— Я слышала о вас кое-что другое...

Фарр постарался, чтобы его голос был по-прежнему легким и небрежным:

— Вот как? И что же вы слышали?

— Разумеется, все это секрет, потому что, если исцики узнают, вас пошлют в сумасшедший Дом, так что вполне естественно, что вы не хотите об этом говорить. Но человек, который сказал мне об этом, очень надежен, и я, конечно, никому не скажу ни слова. Но я вас только приветствую.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите, — раздраженно сказал Фарр.

— Конечно, вы никогда не согласитесь признаться, — с сожалением произнесла молодая женщина. — В конце концов, я могу оказаться агентом исциков — они их используют, вы знаете.

— Раз и навсегда! — сказал Фарр. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О набеге на Тинери. Говорят, что вы руководите всем этим делом и руководили налетом извне. Что вы контрабандой вывезете деревья из Исзма на Землю. Все это обсуждают.

— Что за нелепая чушь! — печально рассмеялся Фарр. — Если бы это было так, неужели бы я был на свободе? Разумеется, нет. Исцики значительно умней, чем вы о них думаете. Откуда возникла эта идея?

Молодая женщина пришла в замешательство. Наверняка заурядному и невинному Эйли Фарру она предпочла бы отважного похитителя деревьев.

— Не знаю, уверяю вас.

— Где вы об этом слышали?

— В отеле. Некоторые из гостей говорили об этом.

— Любовь к сенсациям!

Молодая женщина фыркнула, и ее отношение к Фарру стало заметно холоднее. Когда они вернулись и сели, комнату пересекли четверо свекров в головных уборах, говоривших о высоком ранге владельцев. Они остановились перед столиком Фарра и поклонились.

— Если Фарр-сайаху угодно, требуется его присутствие в одном месте.

Фарр откинулся на спинку кресла. Он посмотрел вокруг, но все отводили лица. Учительница пребывала в крайней степени возбуждения.

— Где же требуется мое присутствие? — произнес Фарр голосом, полным бешенства. — И зачем?

— Нужно сделать обычные рутинные уточнения, связанные с вашими легальными занятиями на Исзме.

— Они не могут подождать хотя бы до завтра?

— Нет, Фарр-сайах. Прошу вас, пойдемте.

Кипя негодованием, Фарр встал и в окружении свекров покинул террасу.

В четверти мили от гостиницы, на берегу стояло маленькое трехстручковое дерево. Внутри на диване сидел старый исцик. Он указал Фарру садиться напротив и представился. Его звали Ювнир Адисдз, он принадлежал к касте ученых-теоретиков, философов и прочих формулирующих абстрактные принципы.

— Узнав о вашем пребывании на Джесциано и о том, что вы очень скоро отлетаете, я счел своим долгом немедленно с вами познакомиться. Я знаю, что на Земле вы работаете в области, непосредственно связанной с нашим полем деятельности.

— Это верно, — коротко ответил Фарр. — Я чрезвычайно польщен вашим вниманием, но хотел бы, чтобы оно выражалось в менее настойчивой форме. В гостинице теперь все уверены, что свекр арестовал меня за попытку украсть Дом-дерево.

Ювнир Адисдз равнодушно пожал плечами:

— Странная тяга к нездоровым сенсациям — черта этики человекообразных потомков обезьян. Думаю, лучше к ним относиться с презрением.

— Верно, — сказал Фарр. — Я согласен. Но была ли необходимость посылать четырех свекров передать ваше приглашение? Это неблагоразумно.

— Не имеет значения. Люди нашего положения не должны заботиться о таких пустяках. А теперь расскажите о ваших мотивах и о сути ваших интересов.

Четыре часа они спорили о Исзме, о Земле, о Вселенной, людском многообразии и о будущем. Когда свекры, чье количество и ранг сократились до двух нижних чинов наконец проводили его в отель, он почувствовал себя вознагражденным...

На следующее утро, когда он пришел на террасу на завтрак, он вызвал нечто вроде благоговейного трепета. Миссис Эндервью, симпатичная молодая жена миссионера, сказала:

— Мы были совершенно уверены, что вас посадили в тюрьму. Или даже в сумасшедший Дом. И мы удивлены, что вы сейчас же не подняли администратора.

— В этом нет необходимости, — сказал Фарр. — Всего лишь ошибка. Но благодарю вас за участие.

Монагиане спросили его:

— Правда, что вы с теордами сумели полностью перехитрить свекров? Если так, то мы можем предложить вам выгодно сбыть дерево, которым вам удалось завладеть.

— Я не способен перехитрить никого, — возразил Фарр. — У меня нет никаких деревьев.

— Разумеется, разумеется, — кивнул, подмигивая, монигианин. — Здесь, на Исзме, даже трава имеет уши.

На следующий день КК «Андрей Саймак» спустился с небес, и час вылета был установлен окончательно: через два дня в девять утра. В течение этих дней свекры были еще более прилежны. Вечером перед вылетом один из них подошел к Фарру и щепетильно сообщил:

— Если Фарр-сайах обладает временем, его просят подойти в портовую контору.

— Очень хорошо, — сказал Фарр, готовясь к худшему.

Он отправил багаж в космопорт и явился в портовую контору, ожидая, что его подвергнут последнему, самому интенсивному допросу.

Свекры полностью разочаровали его. Его отвезли в стручок, где помощник коменданта свекр сказал ему в заключение его пребывания на Исзме:

— Фарр-сайах, на протяжении последних недель вы чувствовали нашу заинтересованность.

Фарр выразил согласие.

— Я не могу вскрыть перед вами подоплеку происходящего, — сказал свекр, — но слежка была вызвана соображениями вашей безопасности.

— Моей безопасности?

— Мы подозреваем, что вы находитесь в опасности.

— В опасности? Восхитительно!

— Отнюдь. Совсем наоборот. В тот вечер, когда давали концерт, мы извлекли отравленный шип из вашего кресла. Или другой случай: пока вы пили на террасе, вам в кубок добавили яду.

От изумления челюсть Фарра отвисла. Где-то кем-то была допущена чудовищная ошибка.

— Почему вы в этом уверены? Это невероятно!

Исцик, развлекаясь, сузил глаза до щелочек двойных амбразур.

— Вспомните правила, связанные с прибытием на Исзм. Они позволяют нам держать под запретом все оружие. Яд — другое дело. Щепотку пыли можно заразить миллионом вирусов и спрятать без всякого труда. Далее, любой приезжий, замысливший убийство, может воспользоваться удавкой или ядом. Бдительность свекров предупреждает акты физического насилия, потому тревожить нас может только яд. Каковы способы и вспомогательные средства? Еда, питье, инъекции. Классифицируя подобные способы и приспособления, мы всегда можем найти нужный раздел и прочитать: «Отравленный шип, заноза или зазубрина, предназначенная для прокола бедра или ягодицы посредством вертикального давления под действием силы тяжести». Следовательно, в нашу слежку неизбежно входит проверка мест, на которых вы любите сидеть.

— Понятно, — сказал Фарр сдавленным голосом.

— Отраву у вас в питье мы обнаружили с помощью реагента, который темнеет в случае любого изменения первоначального раствора. Когда помутнел один из бокалов скотча с содовой, мы его заменили.

— Это крайне непонятно. Кому понадобилось меня травить? Чего ради?

— Я имею право сообщить вам только предупреждение.

— Но против чего вы меня предупреждаете?

— Детали не окажут никакой пользы для вашей безопасности.

— Но я же ничего не сделал!

Помощник коменданта свекр покачал лорнетом:

— Вселенная существует восемь биллионов лет и последние два биллиона лет производит разумную жизнь. За это время не наберется и часа, когда преобладала бы полная справедливость. Не исключено, что состояние ваших личных дел согласуется с происходящими событиями.

— Другими словами...

— Другими словами — ходите беззвучно, глядите по углам, не позволяйте соблазнительным самочкам увлечь себя в темные комнаты. — Он дернул тугую струну. Вошел молодой свекр. — Проводи Эйли Фарр-сайаха на борт «Андрея Саймака». Мы отменяем все дальнейшие проверки.

Фарр недоверчиво воззрился на него.

— Да, Фарр-сайах, — сказал свекр. — Мы чувствуем, что вы были честны.

Совершенно запутавшийся, Фарр покинул стручок. Что-то было не так. Исцики отменяли проверки. Такого не было никогда и ни с кем.

Оказавшись на борту «Андрея Саймака», он улегся на эластичную панель, служившую койкой. Он в опасности. Так сказал свекр. Эта мысль никак не укладывалась в голове. Фарр всегда считался человеком довольно смелым. Он не побоялся бы вступить в бой с явными

врагами. Но знать, что в любую минуту тебя могут лишить жизни и не подозревать, кто, зачем и как... От таких раздумий в желудке поднималась суматоха. Конечно, помощник коменданта свекр может и ошибаться. Может быть, он воспользовался таинственной угрозой, чтобы заставить Фарра держаться подальше от Исзма.

Он встал и тщательно обыскал каюту. Он не обнаружил ни открытых механизмов, ни таинственных шпионских тайников. Затем он навел порядок в своем имуществе таким образом, чтобы сразу можно было заметить нарушение. Потом Фарр отодвинул ворсистую панель и выглянул в коридор. Он был пуст. Фарр вышел и торопливо пошел в комнату отдыха.

Там он изучил список. На борту, включая его самого, находилось двадцать восемь пассажиров. Некоторые из них были ему знакомы: мистер и миссис Эндервью, Дженас Ральф, Вильфред Виллерен и Омен Безхд; прочие — приблизительные транскрипции чужеродных форм — не значили для него ничего...

7

Фарр смог увидеть спутников не раньше, чем «Андрей Саймак» вышел в пространство, и капитан, чтобы огласить, как полагается, список корабельных правил, пришел в комнату отдыха. Здесь находилось семеро исциков, девять землян, трое коммерсантов с Монаго, трое монахов с Кадайна, совершавших ритуальное паломничество по планетам, еще пятеро с различных миров. Большинство пассажиров прибыли на Исзм с этим же кораблем. Исцики, за исключением Омена Безхда, были наряжены в золотые и черные ленты — форма агентов-плантаторов, людей высокопоставленных и строгих, более или менее одинаковых. Фарр предположил, что по меньшей мере двое из них — свекры. Группу землян составляли двое словоохотливых юных студентов, седеющие санитарные инженеры, что возвращались на Землю, супруги Эндервью, Ральф и Виллерен, а также Картс и Модел Клевски, молодая путешествующая пара.

Фарр изучил всех, пытаясь каждого в отдельности представить в роли потенциального убийцы. Он окончательно запутался. Попавшие на борт корабля автоматически становились источниками подозрений, особенно кадайнские монахи и торговцы с Монаго. Не было никаких причин подозревать исциков, да и землян — какой им смысл причинять ему вред? Какой смысл кому бы то ни было причинять ему вред? Он рассеянно почесал голову, с огорчением вспомнив, что шрам, оставшийся от падения в полость корня на Тинери, никак не рассасывается.

Путешествие было скучным — однообразные часы полета прерывались лишь трапезами и периодами сна, которые каждый пассажир мог устраивать по собственному желанию. Чтобы избавиться от скуки,

а, может быть, потому, что скука не давала ни о чем другом думать, Фарр затеял невинный флирт с миссис Эндервью. Муж ее был погружен в написание многотомного доклада об условиях деятельности миссии на Дета Куури, что на планете Мазеи, и появлялся только во время еды, оставляя миссис Эндервью на попечение Фарра. Его жена была очаровательная женщина с чувственным ртом и провоцирующей полуулыбкой. Усилия Фарра не заходили далее игры ума, теплоты в голосе, многозначительного взгляда или завуалированной насмешки. Он был весьма удивлен, когда миссис Эндервью (он не запомнил ее первого имени) однажды вечером явилась в его каюту с улыбкой пугливой и безрассудной.

Фарр сел, моргая.

— Можно войти?

— Вы уже вошли.

Миссис Эндервью медленно кивнула и затворила за собой панель. Фарр вдруг обнаружил, что она гораздо милее, чем он позволил себе заметить, и что она использует духи непреодолимой сладости: элоэ, кадамаш, лимон.

Она села рядом.

— Я так скучаю! — сказала она. — Ночь за ночью Меррит пишет и думает только о своем бюджете. А я — я люблю веселье!

Приглашение вряд ли могло быть более откровенным. Фарр прикинул так и этак. Он кашлянул. Миссис Эндервью, слегка покраснев, смотрела на него.

Раздался стук в дверь. Фарр вскочил на ноги, словно подброшенный пружиной. Он отодвинул панель. Снаружи ждал Омен Безхд.

— Фарр-сайах, можно вас на секунду? Я понимаю, что не самое удобное время...

— Да, — сказал Фарр. — Как раз сейчас я занят.

— Дело безотлагательное.

Фарр повернулся к женщине:

— Одну минутку. Я сейчас вернусь.

— Спеши! — она выглядела очень неспокойной.

Фарр с удивлением поглядел на нее и открыл было рот, чтобы заговорить.

— Шшш! — предостерегла она.

Он пожал плечами и вышел.

— В чем дело? — спросил он Омена Безхда.

— Фарр-сайах, вы хотите сохранить жизнь?

— И даже очень... Но...

— Пригласите меня в каюту, — попросил Омен Безхд и сделал шаг вперед.

— Это едва ли возможно, — ответил Фарр. — И вообще...

— Вы поняли меня или нет? — серьезно спросил исцик.

— Нет. Я хочу, но, видимо, не могу.

Омен Безхд кивнул:

— Галантность следует отбросить. Давайте войдем в каюту. Времени нет.

Отодвинув панель, он шагнул вперед.

Фарр прошел следом, чувствуя себя очень глупо.

Миссис Эндервью вскочила.

— О! — воскликнула она, заливаясь краской. — Мистер Фарр!..

Фарр беспомощно развел руками. Миссис Эндервью попыталась выйти из каюты, но Омен Безхд загородил ей путь. Он улыбнулся — рот раскололся, обнажая серое небо и дугу острых зубов.

— Прошу вас, миссис Эндервью, не уходите. Ваша репутация в опасности.

— Я не могу терять времени, — резко ответила она.

Фарр вдруг увидел, что она совсем не миловидна, что у нее помятое лицо, а глаза злые и себялюбивые.

— Прошу вас, — сказал Омен Безхд, — не сейчас. Сядьте, если угодно.

Стук в дверь. Голос хриплый от бешенства:

— Откройте! Эй вы, там, открывайте!

— Конечно же, — сказал Омен Безхд.

Он широко распахнул дверь. В проеме стоял мистер Эндервью, сверкая щелками глаз. В руке он держал шаттер, а рука у него дрожала. Он увидел Омена Безхда, и плечи его поникли, а челюсти лязгнули.

— Извините, что не приглашаю вас войти, — сказал Фарр. — У нас слегка тесновато.

Эндервью возобновил атаку:

— Что здесь происходит?

Миссис Эндервью шагнула вперед, держась за перила.

— Ничего, — произнесла она сдавленным голосом. — Совсем ничего.

Она выбралась в коридор.

— Для вас ничего здесь нет, — небрежно сообщил Омен Безхд Эндервью. — Вам бы лучше присоединиться к вашей даме.

Эндервью медленно повернулся на каблуках и отошел.

Фарр почувствовал слабость в коленях. Он не мог измерить глубину причин, не мог разобраться в водоворотах мотивов и целей. Он сел на койку, краснея при мысли, что его провели, как простака.

— Отличный способ вычеркнуть человека из жизни, — заметил Омен Безхд. — По крайней мере, не противоречит земным установкам.

Фарр быстро вскинул глаза, уловив в этом замечании сарказм.

— Что ж, вы спасли мою шкуру — по крайней мере два или три квадратных фута...

— Пустяки, — ответил Омен Безхд, поднимаясь и покачав несуществующим лорнетом.

— Для меня не пустяки. Я люблю свою шкуру.

Исцик повернулся, чтобы идти.

— Постойте! Я хочу знать, что происходит?

— Все и так очевидно.

— Может, я дурак?

Исцик задумчиво посмотрел на него.

— Наверное, вы слишком близки к происходящему, чтобы увидеть картину целиком.

— Вы же свекр...

— Все иностранные агенты принадлежат к свекрам.

— Ладно, но все-таки, что происходит и что вам от меня нужно и что нужно от меня Эндервью?

— Они тщательно взвесили пользу и опасность, которую вы можете принести.

— Это совершенно фантастично!

Омен Безхд сфокусировал на нем обе фракции глаз и заговорил, размышляя:

— Каждая секунда бытия — новый мираж. Осознание ежесекундно ожидающих нас бесчисленных вариаций и возможностей — улицы в будущее. Мы идем по одной из них, но кто знает, куда приведут другие. Это вечное волшебство, таинственная неопределенность последующей секунды вкупе с минувшей и есть непрерывно разворачивающийся ковер развития.

— Да, да, — сказал Фарр.

— Разум наш немеет перед чудом жизни, перед ее мощью и величием. — Омен Безхд отвел наконец глаза. — В сравнении с ней происходящее сейчас имеет не большее значение, чем один единственный вздох.

— Вздыхать я хочу, сколько мне нужно, — сказал Фарр жестко. — Умереть я могу однажды, так что, видимо, практическая разница здесь все же есть. Очевидно, вы думаете так же, как и я, признаю, что нахожусь у вас в долгу. Но — почему?

Омен Безхд помахал отсутствующим лорнетом:

— Конечно, рациональность для исциков совсем не та, что для землян. Тем не менее мы подчиняемся некоторым инстинктам, таким, как благоговение перед жизнью и стремление помогать знакомым.

— Значит, ваш поступок не более чем дружеская услуга?

Омен Безхд поклонился:

— Можно сказать и так. А теперь я пожелаю вам доброй ночи...

Он вышел из каюты.

Фарр в оцепенении опустился на койку.

За последние несколько минут Эндервью из добродушного миссионера и его привлекательной жены превратились в пару безжалостных убийц. Но почему? Почему?

Фарр в отупении покачал головой. Помощник коменданта свекр упоминал отравленный шип и отравленное питье. Очевидно, на них лежит ответственность и за это. Он гневно вскочил на ноги, подбежал к двери, отодвинул ее и посмотрел вдоль перил. Направо и налево уходили полосы серого стекла. Наверху такие же перила давали доступ к следующим каютам. Фарр добрался до конца перил и через арку заглянул в комнату отдыха. Двое исциков и двое молодых туристов (санитарных инженеров) играли в покер. Исцики одной парой фрагментов смотрели в карты, другой на противников и выигрывали.

Фарр вернулся. Он поднялся по трапу на верхнюю палубу. Тишина здесь нарушалась лишь обычным шумом механизмов вентиляции; неразборчиво болтали в комнате отдыха пассажиры.

Фарр подошел к двери с табличкой «Меррит и Антей Эндервью». Он подождал, прислушиваясь. Он ничего не услышал: ни звуков, ни голосов. Тогда он поднял руку, чтобы постучать, но задержал ее. Он вспомнил объяснение жизни Оменом Безхдом — бесконечность улиц в будущее... Он мог постучать, он мог вернуться к себе в каюту. Он постучал.

Никто не ответил. Фарр оглянулся вдоль перил. Он все еще мог вернуться... Он попробовал открыть дверь. Она подалась. В комнате было темно. Фарр нащупал выключатель: свет залил комнату. Меррит Эндервью сидел в кресле и глядел на него бесстрастными глазами.

Фарр увидел, что он мертв. Антея Эндервью лежала на нижней койке, расслабленная и совершенно спокойная.

Фарр не стал ее рассматривать ближе, но она тоже была мертва. Шаттер, поставленный на низкий уровень вибрации, гомогенизировал их мозг: их мысли и память превратились в коричневую массу, а улицы в будущее, которые они выбрали, рухнули в небытие. Фарр не двигался. Он пытался удержать дыхание, не зная, что беда уже случилась.

Он вышел и затворил за собой дверь. Стюардесса, видимо, обнаружит трупы.

Некоторое время он стоял и думал о происшедшем с растущим беспокойством. Он мог оказаться в центре подозрений. Этот дурацкий флирт с Антеей Эндервью, возможно, стал уже достоянием гласности. Его присутствие в каюте легко можно установить: на всех предметах в комнате должна остаться пленка от его дыхания, и, если никто из пассажиров на борту не обладает такой же группой дыхания, все станет ясно.

Фарр решился. Он вышел из каюты и прошел через комнату отдыха. Никто на него не смотрел. Он поднялся по трапу мостика и постучал в дверь каюты капитана.

Капитан Дорристи отодвинул панель. Это был приземистый молчаливый мужчина с косящими глазами, за его спиной стоял Омен Безхд. Фарр заметил, что мускулы щек у него напряглись, а рука сделала движение, словно крутнула лорнет.

Внезапно Фарр почувствовал облегчение. Он увернулся от удара, который Омен Безхд старался ему нанести.

— Двое пассажиров мертвы. Это супруги Эндервью.

— Интересно, — сказал капитан. — Входите.

Фарр шагнул в дверь. Омен Безхд глядел в сторону.

— Безхд говорит мне, что вы убили Эндервью, — мягко сказал Дорристи.

Фарр обернулся и взглянул на исцика.

— Возможно, он самый искусный лжец на корабле. Он сам это сделал.

Дорристи ухмыльнулся, посмотрев на одного и на другого.

— Он говорит, что вы ухлестывали за женщиной.

— Это было лишь вежливое внимание. Путешествие было скучным... до сегодняшнего дня.

Дорристи взглянул на исцика:

— Что скажете, Омен Безхд?

Исцик все так же вертел несуществующий лорнет.

— Что-то иное, чем вежливость, привело миссис Эндервью в каюту Фарра.

— Что-то иное, чем альтруизм, заставило Омена Безхда прийти в мою каюту и не дать Эндервью меня убить.

Омен Безхд выразил удивление:

— Я ничего не знаю о вашей связи.

Фарр вспыхнул от гнева и повернулся к капитану:

— Вы ему верите?

Дорристи угрюмо улыбнулся:

— Я не верю никому...

— Вот что произошло. В это трудно поверить, но это правда...

Фарр рассказал свою историю:

— ... когда Безхд вышел, я задумался. Я старался докопаться до сути тем или иным путем. Я пришел в каюту Эндервью. Я открыл дверь и увидел, что они мертвы. Я сразу же пришел сюда.

Дорристи ничего не сказал, но теперь он рассматривал Омена Безхда пристальнее, чем Фарра. Наконец он пожал плечами:

— Я опечатаю комнату. Вы сможете продолжить свои объяснения, когда мы вернемся на Землю.

У Омена Безхда помутнели нижние части глаз. Он небрежно покачал отсутствующим лорнетом.

— Я слышал рассказ Фарра, — сказал он. — Он убедил меня в своей искренности. Думаю, что я ошибся. Непохоже, что он способен совершить преступление. Приношу свои извинения.

Он вышел из каюты. Фарр с триумфом глядел ему вслед.

Дорристи взглянул на Фарра:

— Выходит, вы их не убивали?

— Разумеется, нет! — оскорбился Фарр.

— Тогда кто?

— Полагаю, что кто-то из исциков. А почему — не имею ни малейшего понятия.

Дорристи кивнул, затем грубовато заговорил уголком рта:

— Ладно, разберемся, когда сядем в Барстоу. — Он искоса взглянул на Фарра. — Я буду благодарен, если вы поменьше будете об этом говорить. Ни с кем этого не обсуждайте.

— Я и не собирался, — коротко ответил Фарр.

8

Тела сфотографировали и отправили на холодное хранение. Каюту опечатали. Корабль гудел сплетнями, и Фарр обнаружил, что случай с Эндервью не так-то просто сохранить в тайне.

Земля росла, приближалась. Особых опасений Фарр не испытывал, но беспокойство и ощущение таинственности оставалось: почему Эндервью не кому-нибудь, а именно ему устраивали ловушки?

Будет ли и на Земле существовать опасность? Он начинал злиться. Эти интриги — не его дело. Он не желал в них участвовать. Но неприятное убеждение давило на подсознание: он вовлечен, как бы стойко он ни отрицал эту мысль. У него хватило работы, чтобы отогнать навязчивые мысли: занятия, тезисы, подготовка стерео, которое он надеялся продать одной из широковещательных сетей.

Но оставалось что-то еще, странная безотлагательность, воздействие — что-то следовало сделать. Это встревожило Фарра, внесло в его душу неудовлетворенность. Словно в мозгу оставалась неясная извилина, где-то глубоко-глубоко. Это не было связано с Эндервью, с их убийством, не было связано с происходящим. Что-то следовало сделать, о чем он забыл... или не знал никогда?

Омен Безхд заговорил с ним лишь однажды, подойдя к комнате отдыха:

— Вы должны знать, что находитесь лицом к лицу с угрозой. На Земле я буду бессилен вам помочь.

Негодование Фарра еще не прошло.

— На Земле вы, возможно, понесете наказание за убийство.

— Нет, Эйли Фарр-сайах, мою причастность не докажут.

Фарр вгляделся в бледное узкое лицо. Исцик и землянин, имея различное происхождение, после долгой эволюции подошли к одному гуманоидному организму «обезьяноподобной амфибии». Но между двумя расами никогда не существовало контакта или симпатии.

Фарр с любопытством спросил:

— Вы их не убивали?

— Разумеется, человеку с интеллектом Эйли Фарра нет необходимости повторять очевидное.

— Не стесняйтесь, повторяйте. Повторяйте и переповторяйте. Я глуп. Вы их убили?

— С вашей стороны глупо требовать ответа на такой вопрос.

— Очень хорошо, не отвечайте. Но зачем вы пытались свалить его на меня, это убийство? Вы знаете, что я этого не делал. Что вы против меня имеете?

Тонкий рот Омена Безхда растянулся в улыбке:

— Совершенно ничего. Преступление, если преступление было совершено, никогда бы не приписали вам. Следствие доказало бы вашу невиновность в два или три дня, а вместе с тем вывело бы на поверхность еще кое-какие факты и детали.

— Почему вы сняли свои обвинения?

— Я увидел, что сделал ошибку. Я человечен — далек от непогрешимости.

Внезапно Фарра охватил гнев:

— Почему вы говорите намеками и недомолвками? Почему не говорите прямо и открыто, если есть, что сказать?

— Фарр-сайах сам утверждает за меня. Мне ничего не известно и нечего сказать. Сообщение, которое я должен сделать, я сделал. Он не должен ожидать, что я буду кривить душой.

Фарр кивнул и ухмыльнулся:

— В одном вы должны быть уверены: если я найду способ сорвать вам игру, я это обязательно сделаю...

С каждым часом солнце становилось ярче: с каждым часом Фарр становился ближе и ближе к дому. Он не мог заснуть. В желудке образовался кислый комок. Негодование, замешательство, беспокойство привели к психическому недомоганию. Вдобавок шрам на голове никак не заживал: он болел и чесался. Фарр опасался, что на Исзме в его рану попала инфекция. Он встревожился — рисовалась картина выпадения волос и приобретения кожей молочно-белого, как у исциков, оттенка. Не исчезла также таинственная внутренняя неудовлетворенность. Он порылся в памяти, просмотрел ее день за днем, месяц за месяцем, стараясь выделять и подчеркивать, обобщать и проверять — но без успеха. Он скомкал проблему, все вопросы и загадки в один гневный ком и отшвырнул его.

Но наконец, после самого долгого, самого изводящего из путешествий, которые совершал Фарр, КК «Андрей Саймак» вошел в Солнечную систему...

9

Солнце, Земля, Луна. Архипелаг ярких круглых островов после долгого пути в темном море. Солнце проплыло по одну сторону корабля, луна проскользнула по другую. По курсу раскинулась Земля: серая, зеленая, желтовато-коричневая, белая, в облаках и ветрах, в

закате и льдах, сквозняках, морозах и пыли пуп Вселенной, склад, конечная станция, расчетная палата, куда представители внешних рас прибывают, как провинциалы.

Была ночь, когда корпус КК «Андрей Саймак» коснулся Земли. Сквозь дрожь доносились невнятные звуки: баритон, бас и многое другое, неизвестные человеческому уху голоса генераторов.

Пассажиры собрались в салоне. Каждый из путешественников, неподвижно сидящих в креслах или стоящих, был наряжен до предела.

Насосы, задыхаясь, нагнетали забортный воздух. В иллюминаторах светились фонари. Входной люк, лязгнув, открылся: послышался шепот голосов, капитан Дорристи впустил высокого человека с резкими, интеллигентными чертами, коротко подстриженными волосами и темно-коричневой кожей.

— Это инспектор-детектив Кирди из специальной бригады, — сказал Дорристи. — Он будет расследовать смерть мистера и миссис Эндервью. Прошу оказать ему помощь. От этого зависит, насколько быстро мы освободимся.

Никто не заговорил. С одной стороны, словно ледяные статуи, стояли исцики. Из уважения к земным нарядам они оделись в брюки и накидки. В их выражении читалось подозрение, недоверие, и чувствовалось, что даже здесь, на Земле, они намерены хранить свои секреты.

Трое младших по званию детективов вошли в комнату, огляделись. Напряжение возросло.

Инспектор Кирди заговорил приятным голосом:

— Я постараюсь вас не затруднить. Я бы хотел поговорить с мистером Оменом Безхдом.

Омен Безхд изучал Кирди через зрительный прибор, который на этот раз у него оказался с собой, но, видимо, правое плечо детектива Кирди не содержало полезных сведений; он никогда прежде не посещал Исзм и вообще не путешествовал дальше Луны.

Омен Безхд сделал шаг вперед:

— Я — Омен Безхд.

Кирди пригласил его в каюту капитана. Прошло десять минут. В дверях появился помощник.

— Мистер Эйли Фарр.

Фарр встал и последовал за помощником в каюту.

Кирди и Омен Безхд сидели друг против друга. Они были разительно непохожи: один бледный, аскетичный, с орлиным профилем, другой — темный, горячий, прямой.

Кирди обратился к Фарру:

— Я хотел бы, чтобы вы послушали рассказ мистера Безхда и сказали мне, что вы об этом думаете. — Он повернулся к исцику. — Не были бы вы так добры повторить свой рассказ?

— По существу, — сказал Омен Безхд, — ситуация такова: еще до вылета с Джециано у меня были основания подозревать, что Эндервью замыслили причинить вред Фарру-сайаху. Этими подозрениями я поделился с друзьями.

— С остальными джентльменами с Исзма? — спросил Кирди.

— Совершенно верно. С их помощью я установил в каюте Эндервью следящую систему. Мои опасения подтвердились. Они вернулись в каюту и были убиты. Находясь у себя, я был свидетелем происходящего. Разумеется, Фарр-сайах не имеет к этому никакого отношения. Он был и есть абсолютно невиновен.

Они внимательно рассматривали Фарра. Он нахмурился: неужели он оказался столь простодушен, не проницателен в такой степени?

Омен Безхд вновь обратил фракцию глаз на Кирди:

— Фарр, как я сказал, был невиновен. Но я счел разумным оградить его от дальнейшей опасности и поэтому ложно обвинил его. Разумеется, Фарр-сайах отказался сотрудничать и предупредил меня. Мои обвинения не вызвали доверия у капитана Дорристи, и я от них отказался.

Кирди повернулся к Фарру:

— Вы продолжаете верить, что Омен Безхд — убийца?

Фарр процедил со злостью сквозь зубы:

— Нет. Его история до такой степени фантастична, что я в нее верю. — Он посмотрел на Омена Безхда. — Почему вы не говорили всего? Вы сказали, что все видели. Кто убил?

Омен Безхд вертел зрительный прибор.

— Я знаком с вашими процессуальными уголовными законами. Мои обвинения не обладают достаточным весом. Авторитеты потребуют решающих улик. Такие улики существуют. Когда вы их обнаружите, мое заявление станет ненужным, в лучшем случае, окажет косвенную помощь.

Кирди обернулся к помощнику:

— Мазки кожи, образцы дыхания и пота у всех пассажиров...

Когда образцы были собраны, Кирди вышел в середину салона и заявил:

— Я буду спрашивать каждого отдельно. Тем пассажирам, что согласятся давать показания с помощью цефалоскопа, разумеется, будет больше доверия. Напоминаю, что цефалоскоп не может помочь доказать вину — он может лишь подтверждать невиновность. Самое худшее, что он может сделать, — это не суметь оградить вас от подозрения. Напоминаю, что многие считают отказ от цефалоскопа не только своим правом, но и моральной обязанностью. Следовательно, те, кто подтвердил свои показания с помощью инструмента, не должны опасаться предвзятости...

Допрос длился два часа. Вначале ему подверглись исцики. Они по одному покидали салон и возвращались с одинаковым выражением

лиц — терпеливого спокойствия. Затем были допрошены кадайниане, потом монагиане, затем все прочие внеземляне, затем пришла очередь Фарра.

Кирди указал на цефалоскоп:

— Воспользоваться инструментом выгоднее прежде всего вам.

— Нет, — сказал Фарр с горькой иронией. — Я терпеть не могу разных приспособлений. Можете принимать или не принимать на веру мои показания, как хотите.

Кирди вежливо кивнул:

— Очень хорошо, мистер Фарр. — Он сверился с записями. — Вы впервые встретили Эндервью на Джесциано на Исзме?

— Да...

Фарр описал обстоятельства.

— Вы никогда не видели их прежде?

— Никогда.

— Насколько мне известно, во время визита на Исзм вы были свидетелем налета?

Фарр рассказал об этом случае и о своих дальнейших приключениях. Кирди задал один-два вопроса, затем позволил Фарру вернуться в салон.

Один за другим были допрошены оставшиеся земляне: Ральфи Виллерен, Клевски, юные студенты. Остался лишь Пол Бенгстон, сероволосый санитарный инженер. Кирди проводил студентов в салон.

— Итак, — сказал он, — цефалоскоп и другие методы позволили снять подозрения со всех допрашиваемых. Очень существенно, что ни у одного из пассажиров, с которыми я беседовал, компоненты дыхания не совпадают со снятыми с браслета миссис Эндервью.

Все в комнате заволновались. Взоры устремились на Пола Бенгстона, к лицу которого то приливала, то отливала кровь.

— Не пройдете ли вы со мной, сэр?

Тот поднялся, сделал несколько мелких шагов вперед, оглянулся направо и налево, затем прошел по коридору вслед за Кирди в каюту капитана.

Прошло пять минут. Затем появился помощник инспектора:

— Мы приносим извинения, что заставили вас ждать. Можете высаживаться.

Комнату отдыха охватил гул. Посреди всеобщего бедлама и суматохи Фарр сидел неподвижно. Что-то давило его изнутри — гнев, разочарование, унижение. Это нарастало и наконец выплеснулось, наполнив разум яростью. Фарр вскочил, пробежал через комнату и поднялся по ступенькам к каюте капитана.

Помощник Кирди остановил его:

— Извините, мистер Фарр. Я думаю, вам лучше не вмешиваться.

— Мне все равно, что вы думаете, — огрызнулся Фарр.

Он надавил на дверь. Она была заперта. Он стал стучать. Капитан Дорристи отодвинул ее на фут и высунул квадратное лицо.

— Ну? В чем дело?

Фарр уперся в подбородок капитана, толкнув его внутрь. Затем распахнул дверь и вошел в каюту. Дорристи замахнулся, чтобы нанести удар, и Фарр был рад — это давало повод бить в ответ, крушить, калечить. Но один из помощников встал между ними.

Кирди стоял, глядя на Пола Бенгстона. Он повернул голову:

— Да, мистер Фарр?

Дорристи, с красным лицом, кипящий негодованием и невнятно бормочущий, вышел.

— Этот человек — преступник? — спросил Фарр.

Кирди кивнул:

— Улики очевидны.

Фарр взглянул на Бенгстона. Лицо его побледнело, оплыло и, казалось, изменилось, как при комбинированных съемках: искренность, добродушный юмор сменились жестокостью и бессердечностью. Фарр удивился, как он мог так обмануться. Он подался вперед. Пол Бенгстон встретился глазами с его неприязненным взглядом.

— Почему? — спросил Фарр. — Почему это все случилось?

Бенгстон не ответил.

— Я хочу знать, — настаивал Фарр. — Почему?

Молчание.

Фарр смирил гордыню.

— Почему? — тихо спросил он. — Вы не хотите отвечать?

Пол Бенгстон пожал плечами и глуповато рассмеялся.

Фарр стал умолять:

— Это что-нибудь, что я знаю? Что-нибудь, что я видел? Что-нибудь мое?

Бенгстона охватило нечто похожее на истерию. Он прорычал:

— Мне только не нравится, как у тебя причесаны волосы, — и он стал хохотать, пока не потекли слезы.

— Больше я ничего от него не могу добиться, — мрачно сказал Кирди.

— Что его побуждало? — жалобно спросил Фарр. — Какие причины? Почему Эндервью хотели убить меня?

— Я, если узнаю, сообщу вам. Где я могу вас найти?

Фарр подумал. Что-то ему нужно было сделать... Это придет к нему в свое время.

— Я собираюсь в Лос-Анджелес. Я буду в отеле «Император».

— Дурак, — произнес Бенгстон сквозь всхлипывания.

Фарр сделал полшага к нему.

— Полегче, мистер Фарр, — предупредил Кирди.

Фарр отвернулся.

— Я вам сообщу, — еще раз сказал Кирди.

Фарр взглянул на Дорристи, стоящего на дороге.

Дорристи спокойно сказал:

— Ничего. Не будем извиняться...

10

Когда Фарр вернулся в комнату отдыха, пассажиры уже высадились и теперь проходили через иммиграционную службу. Фарр заторопился вслед, его охватил приступ клаустрофобии — КК «Андрей Саймак», величественная птица космоса, превратился вдруг в клетку, в гроб. Фарр больше не желал и не имел сил ждать: он должен был скорей ступить на твердую землю.

Наступило утро. Порыв мохавского ветра дунул в лицо, принеся запах шалфея и пустырника, и мерцали звезды, тускнея на востоке. На верхней площадке трапа Фарр машинально посмотрел вверх, разыскивая Кси Ауругью. Вон там — Капелла, а вон там, самая яркая, — Кси Ауругью, и вокруг нее вращается Исзм. Фарр спустился по трапу и ступил на Землю. Он вновь был на Земле. В голове неожиданно и быстро вспыхнула мысль.

«Конечно же, — подумал он, — мне нужно повидать этого человека... К.Пенче.

Завтра. Сначала в отель «Император». Ванна. Сто галлонов горячей воды. И сто галлонов скотча — «ночной полный». И в постель».

Подошел Омен Безхд.

— Было приятно с вами познакомиться, Фарр-сайах. Я советую вам — будьте осторожны. Я боюсь, что вы все еще в большой опасности.

Он поклонился и отошел.

Фарр проводил его взглядом. У него не было желания смеяться над предостережением.

Он быстро оформил выезд и отправил багаж в «Император». Обогнув ряд гелимобилей, он вошел под свод общественного туннеля.

Под ногами появился диск (он всегда вызывал вибрацию в шахте, и всегда возникала мысль: а что, если он не появится?). Диск медленно остановился. Фарр заплатил за проезд в док на одноместной машине, сел, набрал код места назначения и развалился на сиденье. Он не мог разобраться с мыслями. В памяти оживали картины: районы космоса, Исзм, Джесциано, многоструйковое дерево-Дом. На борту «Яхайэ» он шел к атоллу Тинери. Он вновь испытал ужас набега на поля Зиде Патаоза, падение в комнату-темницу в корне дерева, заключение вместе с теордом. Он вспомнил жуткое посещение экспериментального островка Зиде Патаоза... Картины сменяли одна другую, и они были отчетливы, хотя Исзм лежал далеко, во многих световых годах отсюда.

Гудение машины убаюкивало его. Веки отяжелели, он задремал.

Он заставил себя проснуться, заморгал. Все происшедшее было призрачно, фантасмагорично. Но все это было на самом деле. Фарр пытался собраться с мыслями. Но разум отказывался рассуждать и строить планы. Здесь, в туннеле, в самом обычном туннеле, убийство казалось невозможным...

На Земле ему мог помочь только один человек — К.Пенче. Земной агент по продаже Домов Исзма, человек, которому Омен Безхд вез плохие новости.

Машина вздрагивала, взревывала и неслась по главному туннелю к океану. Дважды она разворачивалась в лабиринте местных туннелей и, наконец, остановилась.

Дверца распахнулась, и служитель в форме помог ему выйти. Он зарегистрировался в будке со стереоэкранами: лифт поднял его на двести футов на поверхность, затем еще пятьсот футов до этажа, на котором находилась его комната. Он оказался в длинном зале, где преобладали уютные оливково-зеленый, соломенный, красновато-коричневый и белый тона. Одна стена была целиком стеклянной и отсюда открывался вид на Санта Кенику, холмы Беверли и океан. Фарр довольно вздохнул. Дома Исзма во многих отношениях более замечательны, но они никогда не могли заменить ему отель «Император».

Фарр принял ванну, плавая в горячей воде, приятно пахнущей ароматической солью. Ритмично выбрасывались струи холодной воды, массируя ноги, спину, ребра, плечи. Он едва не заснул, но дно мягко поднялось, повернулось вертикально и поставило его на ноги. Струи воздуха высушили кожу: лучи солнечной лампы придали ей легкий приятный загар.

Он вышел из ванны и нашел высокий сосуд скотча с содовой — не сто галлонов, но достаточно. Он стоял у окна, потягивая виски, и наслаждался чувством крайней усталости.

Солнце взошло. Его свет, словно прилив, затопил огромные просторы города мира. Где-то там, где находился прежде сигнальный холм, а теперь размещался богатый район, жил К.Пенче. Фарр вдруг почувствовал замешательство.

«Странно, — подумал он, — почему Пенче должен помочь мне с моими проблемами?»

Ладно, в этом он разберется, когда увидит этого человека.

Фарр поляризировал окно, и свет в комнате погас. Он установил стенные часы, чтобы разбудили в полдень, упал в кровать и заснул...

Окно деполяризировалось, и свет дня залил комнату. Фарр сел в кровати, поискал меню. Потом заказал кофе, грейпфрут, бекон и яйца, соскочил с кровати и подошел к окну. Самый величайший город мира простирался, насколько хватало глаз. Белые шпили пронзали городскую дымку, повсюду дрожала и вибрировала торжествующая жизнь.

Стена вытолкнула стол с завтраком. Фарр отвернулся от окна, уселся есть и смотреть новости по стереоэкрану. Через минуту он позабыл о своих заботах. За долгое время отсутствия он лишен был возможности следить за происходящим. События, которые год назад его не интересовали, теперь казались значительными. Он почувствовал упоение. Это было хорошо — находиться дома, на Земле.

Голос с экрана сказал:

— А теперь сообщение из открытого космоса. Только что стало известно, что на борту пакетбота из серии «Красный мир» «Андрей Саймак» двое пассажиров, выдававших себя за миссионеров, возвращающихся со службы в созвездии Катром...

Фарр смотрел, забыв о завтраке. Упоение исчезло.

Голос излагал суть происшествия. Экран теперь показывал «Андрея Саймака», сначала внешний вид корабля, затем камера пробралась внутрь и направилась прямо к «каюте смерти». Как мил и непосредствен был комментатор! Каким второстепенным, незначительным выглядело событие в его изложении!

— ... обе жертвы и убийца принадлежали, как установлено, к преступной корпорации «Плохая погода». Очевидно, они посетили Исзм, третью планету Кси Ауругью, с целью похитить женскую особь Дома...

Голос прервался. Появилось изображение супругов Эндервью и Пола Бенгстона.

Фарр выключил экран и убрал столик обратно в стену. Он встал и вновь подошел к окну взглянуть на город. Это очень срочно. Нужно немедленно встретиться с К.Пенче.

Из стенного шкафа он извлек белье, бледно-голубой волокнистый костюм, новые сандалии. Одеваясь, он намечал, как проведет этот день. Прежде всего, конечно, Пенче... Фарр призадумался, застегивая сандалии. Что он должен сказать Пенче? И вообще, какое отношение К.Пенче может иметь к его заботам? Что он может сделать? Его монополия зависит от исциков: он вряд ли рискнет противодействовать им.

Фарр вздохнул и отбросил раздражение и размышления. Идти было нелогично, но наверняка совершенно правильно. Он был уверен в этом, он чувствовал это всеми костями.

Он закончил одеваться, подошел к стереоэкрану и набрал номер офиса К.Пенче. Появилась эмблема Пенче — обычный импортный Дом Исзма, с вертикальными полосами массивных букв: «К.Пенче — дома». Фарр не стал нажимать на кнопку, которая включила бы его изображение на экране К.Пенче, — инстинктивно, на всякий случай.

Женский приятный голос произнес:

— Предприятия К.Пенче.

— Это... — Фарр помедлил и решил не называть имени. — Соедините меня с К.Пенче.

— Кто говорит?

— Мое имя — тайна.

— Какое у вас дело?

— Тайна.

— Я соединю вас с секретарем К.Пенче.

Появилось изображение секретаря. Это была молодая, томная, обаятельная женщина. Она взглянула на экран.

— Дайте, пожалуйста, свое изображение.

— Нет. Соедините меня с К.Пенче. Я буду говорить непосредственно с ним.

— Боюсь, это невозможно. Совершенно противоречит правилам нашего учреждения.

— Сообщите мистеру Пенче, что я только что прибыл с Исзма на борту «Андрея Саймака».

Секретарь отвернулась и заговорила в микрофон. Через секунду ее лицо расплылось и на экране появилось лицо К.Пенче. Это было крупное, властное лицо. В глубоких прямоугольных впадинах пылали глаза, бугры мускулов обрамляли рот. Брови изгибались сардоническими дугами; выражение лица не казалось неприятным, надменным и жестоким.

— Кто говорит? — спросил он.

Слова стали подниматься из глубин мозга, как пузыри со дна темной цистерны. Это были слова, которые он никогда не собирался произносить:

— Я прилетел с Исзма. Я достал. — Фарр слушал себя с изумлением. Слова пришли опять. — Я прилетел с Исзма... — он изо всех сил стиснул зубы. Звуки прорывались сквозь барьер.

— Кто это? Где вы?

Фарр откинулся, выключил экран и бессильно рухнул в кресло. Что это было? Он ничего общего не имел с Пенче. Он ничего не имел для Пенче. «Ничего», естественно, означало женскую особь Дома. Фарр мог быть наивен, но не до такой же степени. У него не было ни дерева, ни саженца, ни побегов, ни семени, ни черенка...

Зачем ему было необходимо увидеть Пенче? Пенче не может помочь ему. Голос из другой части мозга говорил: «Пенче известны все нити, он даст добрый совет». «Ну что ж, — вяло подумал Фарр, — это вполне может оказаться так».

Фарр расслабился. Да, конечно — это могло быть его мотивом, но, с другой стороны, Пенче — бизнесмен, зависящий от Исзма. Если Фарру и следовало к кому-нибудь обращаться, то лишь в полицию, в специальную бригаду.

Он сидел, почесывая подбородок. Конечно, ничего страшного не случится, если он его повидает... да и гора с плеч.

Фарр вскочил с возмущением. Это было бессмысленно. Зачем нужно видеть Пенче? Хоть бы одну логичную причину... Причин не было вообще. Он принял окончательное решение: он ничего никому не сообщит и ничего общего не имеет с Пенче.

Он покинул комнату, прошел в главный коридор «Императора» и подошел к стойке, чтобы получить деньги по банковскому купону. Изображение отправили в банк: ждать нужно всего лишь несколько секунд. Фарр барабанил пальцами по углу стойки. Рядом с ним дородный мужчина с лягушачьим лицом спорил с клерком. Мужчина

хотел передать постояльцу сообщение, к чему клерк относился скептически. Клерк стоял за стеклянным бастионом, чопорный, привередливый, и качал головой. Уверенный в своих силах, защищенный правилами и инструкциями, он наслаждался.

— Если вы не знаете этого имени, откуда вы знаете, что он в «Императоре»?

— Я знаю, что он здесь, — отвечал мужчина. — Это очень важно, чтобы он получил сообщение.

— Очень странно, — размышлял клерк. — Вы не знаете, как он выглядит, вы не знаете его имени... Вы легко можете свое сообщение передать не по адресу!

— Это мое дело!

Клерк с улыбкой покачал головой:

— Очевидно, все, что вы знаете, это то, что он прибыл в пять утра. В это время у нас остановилось несколько гостей.

Фарр подсчитывал деньги. Беседа вторглась в его сознание. Он замер с раскрытым бумажником в руке.

— Этот человек прибыл из космоса. Он только что высадился с «Андрея Саймака». Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

Фарр тихо отошел. Он совершенно ясно представлял, что случилось. Пенче выяснил, откуда пришел вызов: для него это было важно. Он послал человека в «Император», чтобы установить с ним контакт. Из дальнего угла комнаты он наблюдал, как крупный мужчина в ярости отошел от стойки. Фарр знал, что он не остановится. Кто-нибудь из боев или горничных информирует его за деньги.

Фарр шагнул к двери и оглянулся. Женщина с невыразительной внешностью шла вслед за ним. Он встретился с ней взглядом, она отвела глаза. В походке ее произошла едва заметная заминка, но и без того подозрения Фарра уже возросли до предела. Женщина быстро прошла мимо, ступила на ленту у выхода и, миновав парк с орхидеями около отеля, выехала на Бульвар Заката.

Фарр направился следом, стараясь не потерять ее из виду в толпе. Он поравнялся с транспортным навесом и свернул налево, к стоянке геликотакси. Ближайший экипаж, стоявший под навесом, был пуст.

Фарр вскочил и сказал наугад:

— Лагуна Бич.

Экипаж взлетел. Фарр смотрел в иллюминатор. В сотне ярдов за кормой поднялся еще один экипаж.

— Сверни в Риверсайд, — велел Фарр водителю.

Экипаж тоже повернул.

— Опусти меня здесь, — обратился Фарр к водителю.

— Южные Ворота? — спросил водитель у Фарра, подозревая, что у того не все дома.

«Южные Ворота. Не очень далеко от офиса Пенче, — подумал Фарр. — Совпадение».

Экипаж опустился. Фарр заметил, что преследователи отстали. Он не испытывал особых опасений: отделаться от «хвоста» — дело крайне простое, это может легко сделать даже ребенок, который смотрит стерео.

Белая стрелка указывала вход в подземку. Фарр вошел в шахту. Диск подхватил его в мягко закачавшиеся объятия и, проехав, остановился. Подземку сделали будто специально для того, чтобы можно было избавиться от преследования. Он набрал место назначения и удобно уселся в кресле.

Машина разгонялась, гудела, тормозила, покачивалась. Наконец дверца открылась. Фарр вылез и на лифте поднялся на поверхность.

Он замер — что он делает? Перед ним предстал Сигнальный Холм, когда-то утыканный нефтяными вышками, а теперь потерявшийся под валами экзотической зелени: десять миллионов деревьев и кустарников, окутывающих особняки и дворцы. Здесь были бассейны и водопады, и тщательно ухоженные клумбы с цветами: алый гибискус, пламенно-желтый флажок гортензии, ирисы цвета сапфира. Висячие сады Вавилона — ничто по сравнению с этим, Бель-Айр — просто помойка, а Топанга — выскочка.

К.Пенче, в общей сложности, владел двенадцатью акрами Сигнального Холма. Свои земли он расчистил, не обращая внимания на протесты и вежливые просьбы и побеждая на судебных процессах. Ныне Сигнальный Холм был переполнен Домами-деревьями с Исзма: шестьюдесятью разновидностями четырех основных типов, единственным, что ему было позволено продать.

Фарр медленно брел вдоль тенистой аркады, которая прежде называлась Атлантик Авеню. Интересно, подумал он, что совпадение все же привело его сюда. Что ж, он ведь был рядом, и, может быть, повидать Пенче — неплохая идея...

«Нет!» — сказал упрямо Фарр.

Он принял решение, и никакое иррациональное побуждение не заставит его передумать. Странное дело, что, невзирая не огромную величину Лос-Анджелеса, он оказался почти у дверей К.Пенче. Слишком странно, слишком мало шансов. Видимо, работало подсознание.

Он оглянулся. Возможно, никто не следил, но минуту или две он вглядывался в проходивших мимо людей, молодых и старых, всех форм, цветов и величин. По неуловимым признакам он выделил стройного человека в сером костюме: тот создавал странное впечатление. Фарр изменил направление, бросился в лабиринт открытых магазинов и киосков под аркадой, подошел к кафетерию, утонувшему в тени пальмовых листьев, и спрятался за стеной зелени.

Прошла минута. Наконец появился человек в сером костюме: он спешил. Фарр вышел и тяжелым усталым взглядом уставился в холодное, напомаженное лицо.

— Не меня ли вы ищете, мистер?

— Чего ради? — сказал человек в сером костюме. — Я вас никогда в жизни не видел.

— Надеюсь, я вас тоже не увижу.

Фарр направился к ближайшей шахте и сел в машину. Подумав минуту, он набрал Альтадену. Машина загудела, Фарр поудобнее сел на краешке сиденья. Как они сумели его выследить? В туннеле? Немыслимо.

На всякий случай он снял Альтадену и набрал Кэмоду.

Через пять минут он бесцельно брел по Бульвару Долины. Еще через пять минут он засек «хвост» — молодого рабочего с пустым лицом.

«Или я сошел с ума, — спросил себя Фарр, — или у меня развилась мания преследования...»

Он задал «тени» суровую задачу, обходя кварталы, словно искал какой-то конкретный дом. Молодой рабочий не отставал.

Фарр зашел в ресторан и вызвал по стереоэкрану специальную бригаду. Он попросил, чтобы его соединили с детективом-инспектором Кирди.

Кирди вежливо приветствовал Фарра. Он отрицал, что приставил к нему человека. Похоже, что он заинтересовался.

— Подождите немного, — сказал он. — Я свяжусь с другими департаментами.

Прошли три или четыре минуты. Фарр увидел, что безликий молодой человек вошел в ресторан, занял местечко поукромнее и заказал кофе.

Кирди вернулся.

— Мы не имеем к этому отношения, — сказал он. — Возможно, частное агентство...

Фарр выглядел разочарованным.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Вам досаждают все это время?

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Опуститесь в туннель, стряхните его.

— Я спускался в туннель дважды — они не отстают.

Кирди был в замешательстве:

— Надеюсь, они скажут мне, как этого добились. Мы, например, больше не следим за подозреваемыми — они слишком легко нас смахивают.

— Я попытаюсь еще раз. А затем будет фейерверк...

Он вышел из ресторана.

Молодой человек допил кофе и быстро вышел следом за ним.

Фарр опустился в туннель. Он ждал, но молодой человек не появился. Это было уже слишком. Он вызвал машину и оглянулся

вокруг. Молодого человека не было по-прежнему. Вообще никого не было поблизости. Фарр сел и набрал Венчуру. Машина тронулась. Разумного способа, каким его выследили в туннелях, не существовало.

В Венчуру его «тенью» оказалась привлекательная молодая домохозяйка, якобы вышедшая за покупками.

Фарр забрался в шахту и отправился на Лонг Бич. Там снова оказался стройный человек в сером костюме, который впервые привлек его внимание на Сигнальном Холме. Он сохранил невозмутимость, когда Фарр узнал его, и безучастно пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего ты ожидал?»

Сигнальный Холм опять неподалеку, в какой-нибудь миле-двух. Может быть, это все же хорошая мысль — в конце концов заглянуть к Пенче.

«Нет!..»

Фарр зашел в кафе внутри аркады, сел на виду у «хвоста» и заказал сэндвич. Человек в опрятном сером костюме сел за столик неподалеку и запасся чаем со льдом. Фарру очень захотелось выколотить правду из этой ухоженной физиономии. Не стоит: можно кончить тюрьмой. Кто устроил эту слежку? Пенче? Фарр сразу же отбросил эту мысль. Человек Пенче появился в гостинице, когда он уходил, и ему тогда удалось уклониться от встречи.

Кто же тогда? Омен Безхд?

Фарр рассмеялся чистым, пронзительным смехом. Люди удивленно оглядывались. Человек в сером бросил на него осторожный, оценивающий взгляд. Фарр продолжал сотрясаться от хохота, отбросив нервное напряжение. Хоть бы раз подумать об этом, а ведь так было ясно, так просто!

Он посмотрел на потолок аркады, представив себе небо за ним. Где-то в нем, в пяти или десяти милях, висел аэробот. В аэроботе сидел исцик с чувствительным зрительным прибором и радио. Куда бы ни направился Фарр, радиант в левом плече посылал сигнал. В экране-лорнете Фарр также отчетлив, как маяк.

Он подошел к стереоэкрану и вызвал Кирди.

Кирди был крайне удивлен:

— Я слышал об этом способе. Очевидно, он работает.

— Да, — сказал Фарр. — Работает. Как бы мне от них избавиться?

— Одну минуту. — Прошло пять минут. Кирди вернулся на экран. — Оставайтесь на месте, я пришлю к вам человека с сообщением.

Посыльный вскоре прибыл. Фарр прошел в туалет и перевязал плечо и грудь плетеной металлической тесьмой, быстро закончив дело.

— Ну, а теперь, — зловеще сказал Фарр, — теперь посмотрим...

Стройный человек в сером костюме беззаботно проводил его до туннеля. Фарр набрал Санта-Монику.

На станции Суни-Авеню он вышел из туннеля на поверхность, прошел вперед по бульвару Вильмир, назад, в направлении Беверли

Хилл, и убедился, что он один. Он использовал все уловки, о которых знал. Никто не следил за ним.

Он прошел в клуб Единорога — просторный, пользующийся недурной репутацией салон с приятным старомодным запахом опилок, воска и пива. Он подошел прямо к стереоэкрану и вызвал отель «Император». Да, для него было сообщение. Клерк включил запись, и в следующую секунду Фарр глядел в массивное сардоническое лицо Пенче. Густой хриплый голос звучал примирительно: слова были тщательно подобраны и взвешенны.

— Я хотел бы повидать вас при ближайшей возможности или удобном случае, мистер Фарр. Мы оба понимаем, что необходимо благоразумие. Я уверен, ваш визит принесет выгоду вам и мне, нам обоим. Я буду ждать вашего вызова...

Запись кончилась, появился клерк:

— Должен ли я стереть или зарегистрировать сообщение, мистер Фарр?

— Стереть, — приказал Фарр.

Он покинул кабину и направился в дальний конец бара. Бармен задал традиционный вопрос:

— Что тебе, брат?

— «Бена Штадбрау».

Бармен повернулся, крутанул номер на колесе, разрисованном виноградной лозой и пестром от этикеток. Сто двадцать положений колеса соответствовали ста двадцати бакам. Он поставил глиняную кружку, и в нее ударила струя темной жидкости. Бармен выжал грушу до конца и поставил кружку перед Фарром.

Фарр сделал большой глоток и расслабился. Он потер лоб.

Он был в замешательстве. Происходило что-то очень странное. Пенче выглядел достаточно благоразумно. В конце концов, возможно, это неплохая идея — Фарр отбросил эту мысль. Удивительно, как много масок находит это побуждение. Трудно оградить себя от них. Прежде всего нужно объявить для себя вето на любую деятельность, которая включает в себя визит к Пенче. Во избежание компромисса — оцепенение, контрпобуждение, которое наденет оковы на свободу деятельности. Кутерьма. Как может человек думать ясно, если подсознательный толчок не отличается от сознательных чувств.

Фарр заказал еще пива. Бармен повиновался. Это был маленький коротышка со щеками-яблоками и тонкими усиками. Фарр вернулся к своим мыслям. Они представляли интересную психологическую проблему, и при других обстоятельствах Фарр занялся бы ею с удовольствием.

Он попытался объяснить побуждение:

«Что толку мне видеть Пенче? Пенче гонится за выгодой. И он уверен, что у меня есть то, что ему нужно...»

Это может быть только женская особь дерева.

У Фарра не было женской особи дерева. Следовательно, ему нет никакого смысла встречаться с Пенче.

Но Фарр был неудовлетворен. Он понимал, что все упрощает. Исцики тоже замешаны в дело, и они тоже уверены, что у него есть женская особь Дома. Пока они следили за ним, их не интересовало, где он должен скрывать гипотетическую особь. Пенче, естественно, не хочет, чтобы они узнали. Если исцики узнают, что Пенче участвует в деле, первое, что они сделают, — разорвут договор. Или даже убьют его.

К.Пенче играет на высокие ставки. Во-первых, он мог бы выращивать собственные Дома. Они стоили бы ему долларов двадцать — тридцать, а продавал бы он их в любом количестве по две тысячи за штуку. Он бы стал богатейшим человеком во Вселенной. Богатейшим человеком в истории Земли. Моголы древней Индии, магнаты викторианской эпохи, нефтяные бароны Пан-Евро-азиатских синдикатов — в сравнении с ним они бы выглядели нищими!

Это во-первых. Во-вторых — Пенче вполне может лишиться монополии. Фарр вспомнил его лицо: хрящеватый нос, глаза, словно заключенные в стеклянные окошки в стене доменной печи. Фарр инстинктивно понял позицию Пенче.

Это была интересная борьба. Пенче, возможно, недоучел проницательность мозга исциков, фанатического усердия, с которым они защищают свое добро. Исцики, вероятно, недооценили могучего богатства Пенче и гениальности земных гангстеров. Древний парадокс: неистощимая сила и несокрушимый объект.

«И я, — подумал Фарр, — и я между ними. Если я не выскочу, меня, очень может быть, раздавят...»

Он задумчиво приложился к пивной кружке.

«Если бы я знал точно, что происходит. Если бы я знал, как ухитрился сюда впутаться, и если бы нашел способ выскочить. Еще бы — я обладаю такой силой! Или так кажется?»

Фарр опять потребовал пива. Внезапно он резко обернулся и оглядел бар. Никто не пришел, чтобы следить за ним. Фарр взял кружку и отправился к столику в темном углу.

Ситуация — по крайней мере вовлеченность Фарра — начала проявляться с момента набега теордов на Тинери. Фарр возбуждал подозрения исциков: они арестовали его. Он делил заключение с выжившим теордом. Но по полости корня исцики пустили гипнотический газ. Исцики наверняка изучили его вдоль и поперек: изнутри и снаружи, разум и тело. Если бы он был соучастником, они бы узнали это. Если бы он прятал при себе побеги или семя, они бы узнали это.

Что они сделали на самом деле? Его освободили, ему облегчили возвращение на Землю. Он был приманкой, живцом.

А на борту «Андрея Саймака» — что это все значило? Предположим, что Эндервью были агентами Пенче. Предположим, они поняли

опасность, которую представляет Фарр, и решили убить его? А как насчет Пола Бенгстона? Возможно, его функции заключались в том, чтобы он шпионил за ними обоими. Он убил Эндервью, защищая интересы Пенче, либо чтобы завладеть большим куском добычи. Он провалился. Теперь он под охраной специальной бригады.

Выстроившаяся картина была экспериментальной, умозрительной, но приводила к логическому заключению: К.Пенче организовал налет на Тинери. Пенче принадлежал металлический крот, который на глубине тысячи ста футов разрушила металлическая оса. Налет едва не увенчался успехом. У исциков, должно быть, тряслись поджилки. Они теперь без передышки будут вылавливать организаторов налета. Несколько смертей не значат ничего. Деньги не значат ничего. Эйли Фарр не значит ничего...

Легкий холодок пробежал по спине.

Очаровательная блондинка в наряде из блестящей серой кожи задержалась возле столика.

— Эй, Чарли! — Ее волосы были рассыпаны по плечам. — Ты что такой унылый? — И она упала в кресло рядом с ним.

Мысли Фарра забрели уже на беспокойную территорию, а появление девушки его испугало. Он смотрел на нее, и ни единый мускул на его лице не пошевелился. Прошло пять, затем десять секунд.

Она заставила себя рассмеяться и поежилась в кресле:

— Ты выглядишь так, словно таскаешь с собой в голове все беды мира.

Фарр осторожно поставил пиво на стол.

— Пытаюсь выбрать лошадь... — сказал он.

— В такой духоте? — Воткнув в рот сигарету, она вытянула к нему губы. — Дай огоньку.

Фарр зажег сигарету, рассматривая девушку из-под век, обдумывая каждую деталь ее внешности, стараясь поймать на фальши, на нетипичной реакции. Он не заметил, как она вошла, он не видел, чтобы где-нибудь на столе остался ее недопитый бокал.

— Со мной можно разговаривать за выпивку, — беззаботно прощебетала она.

— А что будет после того, как я куплю тебе выпивку?

Она смотрела в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я думаю... я думаю, что это тебе решать.

Еще более резким движением сделав глоток и еще более резким тоном Фарр осведомился у нее:

— Сколько?

Она покраснела, все еще глядя в противоположную стену бара, затем заволновалась:

— Я думаю, что ты ошибся. Я думаю, я ошиблась... я думала, ты будешь так добр — выставишь выпивку...

Фарр весело спросил:

— Ты работаешь на бар? На должности?

— Конечно, — ответила она чуть ли не агрессивно. — Это отличный способ провести вечер. Иногда встречаешь хорошего парня... Что у тебя с головой? — Она подалась вперед, вглядываясь. — Кто-нибудь стукнул?

— Если я расскажу тебе, где раздобыл этот шрам, ты назовешь меня лгуном.

— Валяй, попытайся.

— Некоторые люди на мне помешались. Они подвели меня к дереву и втолкнули внутрь. Я падал в корень две или три сотни футов. По пути я и расцарапал голову.

Девушка смотрела на него искоса, губы растянулись в кривую улыбку:

— А на дне ты повстречал маленьких зеленых человечков с розовыми фонариками. И большого белого пушистого кролика.

— Я же тебе говорил...

Она наклонилась к его виску:

— Тебе очень идут длинные серые волосы.

— Я их надеюсь сохранить, — сказал Фарр, убирая голову.

— Успокойся! — Она холодно смотрела на него. — Ты что, спешишь? Или я должна рассказать тебе историю своей жизни?

— Одну минутку. — Он встал и направился к бару. Он указал бармену. — Блондинка за моим столиком, видите ее?

Бармен взглянул:

— И что?

— Она часто здесь болтается?

— Впервые в жизни вижу.

— А разве она не работает у вас на должности?

— Брат, я же тебе сказал. Я вижу ее впервые в жизни.

— Благодарю.

Фарр вернулся к столу. Девушка молчала и барабанила пальцами по столу. Фарр пристально посмотрел на нее.

— Ну? — буркнула она.

— На кого ты работаешь?

— Я тебе сказала.

— Кто тебя ко мне подослал?

— Не говори ерунды, — она попыталась подняться.

Фарр схватил ее за запястье.

— Пусти! Я закричу!

— Очень надеюсь. Я бы хотел увидеть кого-нибудь из полиции. Сиди тихо или я сам их позову.

Она медленно опустилась в кресло, затем подалась к нему, подняв лицо вверх и сложив ладони вокруг его шеи.

— Я так одинока! Честное слово. И вчера приехала в Сиэтл, не знаю здесь ни души. Поэтому не будь со мной таким. Мы могли бы так понравиться друг другу... Правда?

Фарр ухмыльнулся:

— Сначала поговорим, а потом будем нравиться.

Что-то ранило его, что-то сзади, на шее, где касались ее пальцы. Он моргнул и схватил ее за руки. Она вскочила, вырвалась, глаза ее светились радостью.

— Ну, что теперь будешь делать?

Он рванулся к ней: она отпрыгнула, лицо ее стало озорным. Глаза Фарра наполнились слезами, в суставах появилась слабость. Он зашатался, столик опрокинулся. Бармен заревел и вскочил из-за стойки. Фарр сделал два неверных шага вслед девушке, которая спокойно направилась к выходу.

Бармен загородил ей дорогу:

— Одну минуту!

В ушах стоял крик. Фарр услышал, как девушка чопорно произнесла:

— Пропустите меня! Он пьян. Он оскорбил меня... каких только гадостей не наговорил.

Бармен смотрел свирепо и нерешительно.

— Что-то непонятное здесь происходит...

— Тем более — не впутывайся сам и не впутывай меня!

Колени Фарра подогнулись: сухой комок заполнил горло, рот. Он чувствовал вокруг движение, чувствовал осторожное движение ладони на теле и слышал очень громкий голос бармена:

— В чем дело, Джек? Что случилось?

Разум Фарра уже был не здесь, а за оградой из переплетенных стеклянных нитей.

Голос рвался из горла:

— Вызовите Пенче... Вызовите Пенче...

— К.Пенче, — произнес кто-то тихо. — Парень спятил.

— К.Пенче... — бормотал Фарр. — Он заплатит... Позовите его... Скажите ему — ФАРР...

11

Эйли Фарр умирал. Он погружался в красный и желтый хаос фигур, которые толпились и качались. Когда движение прекратилось, когда фигуры вытянулись, улетев, когда алые и золотые цвета распались и погрузились во тьму, Эйли Фарр умер...

Он видел, как приходит смерть — словно сумерки вслед закату жизни. Внезапно он почувствовал неуютность, разлад. Яркий взрыв зелени нарушил печальную гармонию красного, розового и голубого...

Эйли Фарр снова был жив.

Доктор выпрямился и отложил шприц.

— Еще бы чуть-чуть, — сказал он, — и все!

Конвульсии прекратились — Фарра милосердно лишили сознания.

— Кто этот парень? — спросил патрульный.

Бармен скептически взглянул на Фарра:

— Он просил позвать Пенче.

— Пенче? К.Пенче?

— Так он сказал.

— Ладно, вызовите его. В крайнем случае он на вас может накричать, не больше.

Бармен направился к экрану. Патрульный, несмотря на доктора, который все еще стоял на коленях возле Фарра, спросил в пустоту:

— Что с ним стряслось?

Доктор пожал плечами:

— Трудно сказать. Какая-то болезнь. В наши дни существует столько всякой дряни, которой можно напичкать человека...

— Ссадина у него на голове...

Доктор взглянул на череп Фарра:

— Нет. Это старая рана. Его укололи в шею. Вот отметина.

Бармен вернулся:

— Пенче говорит, что он уже в пути.

Они смотрели на Фарра с новым выражением.

Санитары положили по бокам его складные шесты, просунули под телом металлические ленты и прикрепили их к шестам. Они подняли его и понесли. Бармен семенил рядом.

— Ребята, куда вы его забираете? Я должен буду сказать Пенче.

— Он будет находиться в травматологической больнице на Лонг Бич.

Пенче прибыл через три минуты после отъезда «скорой помощи». Он вошел, посмотрел направо и налево.

— Где он?

— Вы мистер Пенче? — уважительно спросил бармен.

— Конечно, это Пенче, — отозвался патрульный.

— Вашего друга направили в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Пенче повернулся к одному из людей, стоявших позади.

— Разберитесь, что здесь случилось, — приказал он и покинул бар.

Санитары уложили Фарра на стол и сняли с него одежду.

С удивлением они рассматривали металлическую полосу, опоясывающую правое плечо.

— Что это такое?

— Что бы ни было, надо снять.

Они сняли металлическую тесьму, омыли Фарра антисептическим газом, сделали ему несколько различных уколов и отправили его в палату на отдых.

Пенче вызвал главный офис:

— Когда мистер Фарр будет транспортабелен?

— Одну минуту, мистер Пенче.

Пенче ждал. Клерк навел справки:

— Он уже вне опасности.

— Его можно перевозить?

— Он все еще без сознания, но доктор говорит, что все в порядке.

— Будьте добры, пусть «скорая помощь» отвезет его в мой дом.

— Очень хорошо, мистер Пенче. Да, принимаете ли вы на себя ответственность за здоровье мистера Фарра?

— Да, — согласился Пенче. — Оформите...

Дом Пенче на Сигнальном Холме представлял собой роскошное изделие типа 4 класса АА, эквивалентное среднему традиционному земному зданию стоимостью в тридцать тысяч долларов. Пенче продавал Дома четырех разновидностей класса АА, в количестве, которое мог себе позволить, по десять тысяч долларов за штуку — за ту же цену, что и Дома классов А, Б и ББ. Для себя исцики, разумеется, выращивали Дома более тщательно. Это обычно были старые жилища с взаимосвязанными стручками, стенами, окрашенными флуоресцентной краской, сосудами, выделяющими нектар, масло и соляной раствор, воздухом, обогащенным кислородом и всевозможными добавками, фототронными и фотофобными стручками, стручками с бассейнами, в которых тщательно циркулирует и фильтруется вода; стручками, в которых растут орехи, кристаллы сахара и сытные вафли. Исцики не экспортировали ни таких, ни четырехстручковых стандартных Домов. Выращивать эти Дома было непросто, но и отдача от них была велика.

Биллион землян все еще жили в условиях ниже нормы. Северные китайцы все еще рыли пещеры в лессе, островитяне строили грязные хижины. Американцы и англичане занимали разрушающиеся многоквартирные дома.

Пенче находил ситуацию прискорбной: огромный рынок не использовался. Пенче хотел использовать его.

Существовала практическая трудность. Эти люди не могли платить тысячи долларов за дома классов А, Б и АА, ББ — даже если бы Пенче мог их продавать неограниченно. Ему были необходимы трех, четырех- и пятистручковые стандартные Дома, которые исцики отказывались продавать.

Проблема имела классическое решение: набег на Исзм за деревом-самкой. Должным образом оплодотворенная женская особь Дома могла дать миллион семян в год. Почти половина из них будут женскими. Через несколько лет К.Пенче сможет получать десять, сто, тысячу, пять тысяч миллионов.

Для большинства людей разница между десятью миллионами кажется незначительной. Пенче, однако, оперировал в мыслях миллионами. Деньги — не просто средство покупать, но и энергия, орудие власти, основа для убеждения и эффективности. На себя он тратил мало денег, личная жизнь его была достаточно скромна.

Он жил в своем демонстраторе класса АА на Сигнальных Холмах, тогда как мог бы обладать несколькими небоскребами и небесным островом на околоземной орбите. Он мог бы разнообразить свой стол самыми редкими мясом и дичью, изысканными консервами и фруктами с других планет. Он мог бы заполнить гарем гуриями, о которых султан и мечтать не мог. Но Пенче ел бифштекс, позволял себе попадаться на глаза общественности, лишь когда пресса затрагивала его бизнес, оставаясь бакалавром. Как многие одаренные люди бывают лишены слуха, так и Пенче был почти лишен склонности к радостям цивилизации.

Он сознавал этот собственный недостаток и порой испытывал меланхолию. В такие минуты он сидел сгорбившись, похожий на дикого кабана, и раскаленная топка просвечивала сквозь закопченные стекла его глаз. Но чаще всего на его лице сохранялось кислое и сардоническое выражение. Прочих людей можно было смягчить, отвлечь, держать под контролем с помощью добрых слов, красивых вещей, удовольствий: Пенче знал их все и пользовался знанием, как плотник пользуется молотком — не задумываясь о внутренней сущности инструмента. Он наблюдал и действовал без иллюзий и предрассудков: именно в этом, может быть, и таилась огромная сила Пенче, то внутреннее зрение, которое позволило ему видеть мир и самого себя в одном свете грубой объективности.

У себя в студии он ждал, когда «скорая помощь» сядет и санитары возьмут носилки. Он вышел на балкон и заговорил тяжелым хриплым голосом:

— Он в сознании?

— Приходит в себя, сэр.

— Несите его сюда...

12

Эйли Фарр пробудился в стручке с пыльно-желтыми стенами и темным коричневым потолком с ребристыми стенами и сводом. Он поднял голову, заполненную тьмой, и обвел стручок глазами.

Он увидел тяжелую угловатую мебель: кресла, диван, стол, заваленный бумагами, одну или две модели Домов и древний испанский буфет.

Над ним склонился тонкий человек с крупной головой и серьезными глазами. На нем был белый форменный халат, от него пахло антисептикой. Доктор.

За спиной стоял Пенче. Это был высокий мужчина, но не столь высокий, как представлялось Фарру. Он медленно подошел и посмотрел на Фарра сверху вниз.

У Фарра в мозгу что-то щелкнуло. Горло наполнилось воздухом, голосовые связки завибрировали, язык, рот, зубы, небо выдавали слова. Фарр был изумлен, услышав их.

— У меня дерево.

Пенче кивнул:

— Где?

Фарр глупо посмотрел на него.

Пенче переспросил:

— Как вам удалось вывезти дерево с Исзма?

— Я не знаю, — сказал Фарр. Он приподнялся, опершись на локоть, потер подбородок, моргнул. — Я не знаю, что говорю. У меня нет никакого дерева...

— Или у вас есть — или у вас нет, — нахмурился Пенче.

— У меня нет никакого дерева. — Фарр попытался сесть.

Доктор помог ему, поддержав за плечо.

Фарр чувствовал усталость:

— Что я здесь делаю? Меня кто-то отравил. Девушка. Блондинка в таверне. — Он посмотрел на Пенче с нарастающим гневом. — Она работает на вас.

Пенче кивнул:

— Это верно.

Фарр потер лицо:

— Как вы меня разыскали?

— Вы обращались в «Император» по стерео. В холле мой человек постоянно ждал вызова.

— Так, — устало произнес Фарр. — В общем, все это ошибка. Как, зачем и почему — я не знаю. Кроме того, я пострадал. Мне это не нравится.

Пенче взглянул на доктора.

— Сейчас уже все в порядке. Скоро к нему вернутся силы, — отозвался тот.

— Хорошо. Можете идти.

Доктор покинул стручок. Пенче подтащил кресло, стоявшее у него за спиной, и уселся.

— Анна работает слишком грубо, — посетовал Пенче. — Ей еще не случалось пользоваться иголкой. — Он пододвинулся ближе вместе с креслом. — Расскажите о себе.

— Прежде всего, где я?

— Вы в моем доме. Я за вами присматриваю.

— Зачем?

Пенче, внутренне веселясь, качнул головой назад и вперед.

— Вы сказали, что принесли для меня дерево. Или семя. Или побег. Что бы это ни было, мне это нужно.

Фарр заговорил ровным голосом:

— У меня его нет. Я ничего о нем не знаю. Во время налета я находился на Тинери — больше ничего общего с этой историей я не имею.

Пенче спросил совершенно спокойно:

— Вы связывались со мной, когда прибыли на Землю в город. Зачем?

— Не знаю, — покачал головой Фарр. — Мне что-то нужно было сделать. Я это сделал. Только что я сказал, что имею для вас дерево. Почему — непонятно.

— Я вам верю, — кивнул Пенче. — Мы найдем это дерево. Может быть, не сразу, но...

— Нет у меня вашего дерева! И мне нет дела... — он встал, оглянулся и направился к двери. — А сейчас я пойду домой.

Пенче весело смотрел на него:

— Двери на запоре, Фарр.

Фарр остановился, глядя на твердую розетку дверей. Релакс-нерв, должно быть, где-то в стене. Он надавил на желтую пыльную поверхность, похожую на пергамент.

— Не сюда, — сказал Пенче. — Возвращайтесь обратно, Фарр.

Дверь разошлась. Омен Безхд стоял в проеме. На нем был облегающий костюм в бело-синюю полоску, шляпа-колокол, щегольски надвинутая на уши. Лицо его было безмятежно-строгим, полным человеческой, но одновременно и внеземной силы.

Он вошел в комнату. Следом вошли двое исциков, разлинованных в желтое и зеленое. Свекры. Фарр отпрянул, освобождая проход.

— Хэлло, — сказал Пенче. — А я думал, дверь надежна. Вы, ребята, наверное, знаете все уловки...

Омен Безхд вежливо кивнул Фарру:

— Сегодня мы потеряли вас на некоторое время. Рад видеть вас. — Он посмотрел на Пенче, затем опять на Фарра. — Вашей целью, как видно, был дом К.Пенче.

— Судя по всему, — согласился Фарр.

Омен Безхд тактично пояснил:

— Когда вы находились в подземелье на Тинери, мы вас анестизировали с помощью гипнотического газа. Теорд сразу это понял. Эта раса способна в течение шести минут удерживать дыхание. Когда вы уснули, он ухватился за возможность сделать вас исполнителем своей воли. — Он взглянул на Пенче. — Он до конца верой и правдой служил хозяину...

Пенче промолчал.

Омен Безхд вновь обратился к Фарру:

— Он захоронил инструкции в глубине вашего мозга. Затем отдал вам украденное дерево. Шесть минут прошли. Он сделал вдох и потерял сознание. Позднее мы отправили вас к нему, надеясь, что таким образом приказ сотрется. Мы потерпели неудачу: теорд поразил нас своими психическими возможностями.

Фарр поглядел на Пенче. Тот стоял, небрежно опершись на стол. Напряжение нарастало, и скоро должен был произойти взрыв — так при легчайшем прикосновении выскакивает чертик из табакерки.

Омен Безхд отвернулся от Фарра — тот уже сослужил свою службу.

— Я прибыл на Землю, — сообщил он, — с двумя миссиями. Должен сказать вам, что по причине налета теордов партия Домов класса АА вам отправлена быть не может.

— Так, так, — сказал Пенче коротко. — Жаль!

— Вторая моя миссия — найти человека, которому Эйли Фарр должен был передать дерево.

— Вы проверили у Фарра память? — заинтересованно спросил Пенче. — Ну, и почему же вы не смогли узнать?

Вежливость у исциков в крови, в рефлексах. Омен Безхд наклонил голову:

— Теорд приказал ему забыть и вспомнить лишь тогда, когда его нога коснется Земли. Он обладал огромной силой: разум Фарра-сайаха отличается стойкостью, мы могли лишь следить за ним. Его место назначения было здесь — это Дом К.Пенче. Таким образом, я теперь могу завершить выполнение второй миссии.

— Ну? Выкладывайте! — сказал Пенче.

Омен Безхд поклонился. Голос его был спокоен и вежливо официален:

— Мое первоначальное сообщение к вам изменилось, Пенче-сайах. Вы не получите более Домов класса АА. Вы не получите более ничего. Если вы высадитесь на территории Исзма или его сюзеренов, вы понесете наказание за преступление, совершенное против нас.

Пенче покачал головой — так было всегда, когда его охватывало сардоническое веселье:

— Выходит, вы меня уволили, и я вам больше не агент?

— Правильно.

Пенче повернулся к Фарру и спросил его неожиданно резким голосом:

— Деревья? Где они?

Фарр невольно приложил ладонь к бурому пятну на темени.

— Подождите, Фарр, присядьте, — сказал Пенче. — Дайте взглянуть.

Фарр зарычал:

— Держитесь от меня подальше, я вам не игрушка...

— Теорд загнал шесть семян под кожу на черепе Фарр-сайаха, — спокойно произнес Омен Безхд. — Это был очень остроумный тайник. Семена маленькие. Мы искали тридцать минут, прежде чем нашли.

Фарр с отвращением пощупал скальп.

— Садитесь, Фарр, — хриплым голосом сказал Пенче. — Останемся там, где стоим.

— Я знаю, где стою! — Фарр отпрянул к стене. — Не с вами!

— Не хотите бросить исциков? — рассмеялся Пенче.

— Я не бросаю никого. Если у меня в голове и есть семена, это касается только меня!

Пенче шагнул вперед, лицо его слегка исказилось.

— Семена были извлечены, Пенче-сайах. Бугры, которые Фарр-сайах может пощупать, — это танталовые шарики.

Фарр ощупал череп. И верно, они были здесь — твердые выступы, которые до сих пор он считал относящимися к шраму. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Ладонь скользнула по волосам и задержалась. Он невольно взглянул на Пенче, на исциков — похоже, они на него не смотрели. Он прижал маленький предмет, который обнаружил в волосах. Словно маленький пузырек, капсула, размером не больше пшеничного зерна, и соединялось это с кожей волокнами. Анна, блондинка, увидела лишь длинные серые...

Фарр нетвердо произнес:

— С меня достаточно... я пошел.

— Нет, — бесцветно произнес Пенче. — Вы останетесь здесь.

Омен Безхд вежливо сказал:

— Я надеюсь, земные законы не позволяют задерживать человека против его воли. Если мы не противодействовали, мы в равной степени становимся виновными. Или не так?

Пенче улыбнулся:

— В некоторых пределах.

— В целях самозащиты мы требуем, чтобы вы не совершали противозаконных действий.

Пенче агрессивно подался вперед:

— Вы уже все сказали. А теперь, убирайтесь прочь!

Фарр попытался пройти мимо него. Пенче, подняв руку, уперся ладонью ему в грудь:

— Вы лучше останьтесь, Фарр. Вы в безопасности.

Фарр взглянул в глубину его тлеющих глаз. Гнев и унижение мешали ему говорить. Наконец он вымолвил:

— Нет уж, лучше я уйду. Меня тошнит от игры в простака.

— Лучше живой простак, чем мертвый болван...

Фарр оттолкнул руку Пенче.

— А я попытаю счастья.

Омен Безхд пробормотал что-то своим помощникам. Они расположились по обе стороны сфинктера.

— Вы можете идти, — сказал Омен Безхд Фарру. — К.Пенче вас не задержит.

Фарр остановился:

— В ваших услугах я тоже не нуждаюсь.

Он оглядел стручок и подошел к стереоэкрану.

Пенче одобрил: он ухмыльнулся в сторону исциков.

— Фарр-сайах! — крикнул Омен Безхд.

— Все легально! — ликовал Пенче. — Оставьте его!

Фарр прикоснулся к кнопкам. Экран замерцал, и на нем возникла расплывчатая фигура.

— Дайте мне Кирди, — попросил Фарр.

Омен Безхд подал знак. Исцик справа скользнул вдоль стены, перерезая соединяющую трубу. Изображение погасло.

Брови Пенче полезли вверх.

— Говорите о преступлениях, — перевел он, — а сами ломаете мой Дом!

Губы Омена Безхда стали растягиваться, обнажая бледные десны, зубы:

— Прежде, чем я...

Пенче поднял левую руку. Его указательный палец выбросил струю оранжевого пламени. Омен Безхд увернулся: огненный сноп обжег ему ухо. Двое других с поразительной скоростью и точностью бросились к двери.

Пенче вновь поднял палец. Фарр рванулся вперед, схватил его за плечо, развернул. Пенче сжал челюсти и выбросил вперед правый кулак в коротком апперкоте. Удар угодил Фарру в область желудка. Фарр, промазав круговым правой, отшатнулся назад. Пенче мгновенно развернулся, но исцики уже скрылись за сфинктером, а тот затянулся за ними. Фарр и Пенче остались в стручке одни. Фарр отшатнулся, а Пенче качнулся вперед.

— Спасли их, идиот!

Стручок сотрясался, дергался. Фарр, обезумевший от душившей его ярости, бросился вперед. Пол в стручке покрылся рябью: Фарр упал на колени.

— Спасли, я сказал! На кого вы работаете — на Землю или на Исзм? — рявкнул Пенче.

— Вы — на Земле! — задыхался Фарр. — Вы — К.Пенче. Я буду драться, потому что меня мутит от того, что меня используют!

Он попытался встать на ноги, но слабость одолела. Он рухнул на спину, дыхание оборвалось.

— Дайте взглянуть, что у вас в голове.

— Держитесь от меня подальше. Я вам разобью физиономию!

Пол стручка рванулся вверх, подбросив Фарра и Пенче. Пенче встревожился:

— Что они делают?

— То самое. Они — исцики, а это Дом Исзма. Они могут играть на нем, как на скрипке.

Стручок затикал, вибрируя, содрогаясь.

— Все... — сказал Пенче. — А теперь — что у вас там в голове?

— Не подходите! Что бы это ни было, это мое!

— Это мое, — мягко произнес Пенче. —Я заплатил, чтобы его привезли сюда.

— Вы не знаете даже, что это такое!

— Знаю. Я это вижу. Это побег. Первый стручок только что вылез наружу.

— Вы спятили! Дерево не может прорасти у меня в голове!

Стручок стал вытягиваться, выгибаясь кошачьей спиной.

Крыша над головой заскрипела.

— Надо бы выбраться отсюда, — пробормотал К.Пенче.

Он подошел к сфинктеру и дотронулся до открывающего нерва. Сфинктер оставался заперт.

— Они перерезали нерв, — сказал Фарр.

Стручок продолжал вытягиваться. Пол кренился. Сводчатая крыша скрипела. «Тванг!» Ребро лопнуло, щепки посыпались вниз. Острая щепка упала в футе от Фарра.

Пенче прицелился пальцем в сфинктер, заряд ударил в диафрагму. Она отплатила облаком зловонного пара и дыма.

Пенче отпрянул назад, потрясенный.

Лопнули еще два ребра.

— Они убьют, если попадут, — сказал Пенче, обозревая выгнутый потолок. — Назад!

— Эйли Фарр — зеленый ходячий Дом... Вы сгинете, Пенче, прежде чем соберете урожай!

— Прекратите истерику! — завопил Пенче. — Идите сюда!

Пол опрокинулся, мебель начала скользить вниз: Пенче отчаянно уворачивался. Фарр поскользнулся. Стручок выгибался. Осколки ребер отщеплялись, отлетали, барабанили по стенам. Мебель громоздилась друг на друга над Фарром и Пенче, сталкивалась, калечась, разбиваясь.

Стручок задрожал: стулья и столы запрыгали, опрокидываясь. Фарр и Пенче высвободились, прежде чем тяжелая мебель раздавила бы им кости.

— Они действуют снаружи! — выкрикнул Фарр. — Дергают нервы!

— Если бы мы могли выбраться на балкон...

— ... мы бы опустились на землю!

Дрожь продолжалась и усиливалась. Осколки ребер и мебели задрожали, грохоча, как горошины в банке. Пенче стоял, упираясь руками в стол, и пытался удержать его. Фарр подхватил осколок и принялся бить им в стену.

— Что вы делаете?

— Исцики стоят снаружи, бьют по нервам. Я пытаюсь попасть по другим.

— Вы нас можете убить! — Пенче взглянул на голову Фарра. — Не забудьте, что растение...

— Вы боитесь больше за растение, чем за себя. — Фарр не переставал стучать, выбирая разные места.

Он попал по нерву. Стручок вдруг застыл, странно напрягаясь. Стена начала выделять крупные капли сока с кислым запахом. Стручок вдруг неистово задрожал и содержимое загрохотало.

— Не тот нерв! — закричал Пенче.

Он схватил осколок и стал тоже стучать. По стенам стручка прошел звук, похожий на сдавленный стон. Пол пошел буграми, корчась в растительной агонии. Потолок начал рушиться.

— Нас раздавит! — взвизгнул Пенче.

Фарр заметил блеск металла — шприц доктора. Он схватил его, вонзил в зеленую выпуклость вены и надавил на поршень.

Стручок вздрагивал, трясся, пульсировал. Стены вздувались пузырями и лопались. Сок стекал и струился во входной канал. Стручок бился в конвульсиях, дрожал и осыпался. Фарр и Пенче выкатились на балкон вместе с обломками ребер и мебели и полетели вниз. Фарр задержал падение, уцепившись за прут балюстрады. Прут оборвался, и Фарр упал. Лететь до газона ему пришлось не больше фута, он приземлился на куст хлама. Под ним оказалось что-то упругое, кто-то ощупал его ноги и оттолкнул его с большой силой. Это был Пенче.

Они покатились по газону. Силы Фарра были почти на исходе. Пенче сдавил ребра, навалился и схватил за горло. Фарр увидел сардоническое лицо в дюйме от своего. Он изо всех сил ударил коленями. Пенче задрожал, задохнулся, но быстро оправился. Фарр вонзил ему в нос большой палец и выкрутил. Голова Пенче откинулась назад, хватка ослабла.

— Я вырвал эту штуку... — захрипел Фарр. — Я сломал ее...

— Нет! — захлебнулся Пенче. — Нет! — закричал он. — Фроуп! Карлайл!

Фигуры появились рядом. Пенче поднялся.

— В доме трое исциков. Не выпускать. Станьте у ствола, стреляйте наверняка!

— Стрельбы сегодня вечером не будет! — произнес холодный голос.

Два луча фонариков уперлись в Пенче. Он трясся от злости.

— Кто вы?

— Специальная бригада. Я — детектив и инспектор Кирди.

— Возьмите исциков, — выдохнул Пенче. — Они в моем Доме.

Исцики вышли на свет.

Омен Безхд сказал:

— Мы находимся здесь, чтобы вернуть свою собственность.

Кирди недружелюбно посмотрел на них:

— Что еще за собственность?

— В голове Фарра... Росток дерева.

— Вы обвиняете Фарра?

— Еще чего, — сердито сказал Фарр. — Они пялились на меня каждую минуту, они обыскивали меня, гипнотизировали...

— Виновен Пенче, — жестко произнес Омен Безхд. — Агент Пенче обманул нас. Он поместил шесть семян туда, где мы наверняка

должны были их найти. У него также был тонкий корешок, он соединил его с кожей Фарра, спрятав среди волос, и мы его заметили.

— Большая удача, — сказал Пенче.

Кирди с сомнением посмотрел на Фарра:

— Эта вещь и в самом деле осталась жива?

Фарр подавил смешок:

— Жива? Она пустила корни, дала стручок, покрылась листочками... Она вросла. У меня теперь Дом на голове!

— Это собственность Исзма, — заявил Омен Безхд. — Я требую ее возвращения!

— Это моя собственность, — сказал Пенче. — Я купил ее, заплатил за нее!

— Это моя собственность, — сказал Фарр. — В чьей голове она растет?

Кирди покачал головой:

— Пожалуй, вам следует пройти со мной.

— Никуда я не пойду, я пока не арестован, — сказал Пенче с большим достоинством. — Говорю вам — арестуйте исциков, они разломали мой Дом.

— Пойдете со мной, вы все! — сказал Кирди. Он повернулся: — Опустите машину.

Омен Безхд сделал выбор. Он горделиво выпрямился во весь рост, белые волосы сверкнули во тьме. Он посмотрел на Фарра, порылся под одеждой и вытащил шаттер.

Фарр плашмя бросился на землю.

Заряд пролетел над головой. Из пистолета Кирди вырвалось голубое пламя. Омена Безхда охватил голубой ореол. Он был мертв, но стрелял вновь и вновь. Фарр катился по темной земле. Двое исциков тоже открыли по нему огонь, не обращая внимания на пистолеты полицейских. Они высвечивались голубым сиянием, умирали, но продолжали стрелять. Заряды попали Фарру в ноги. Он застонал и остался лежать неподвижно.

Исцики рухнули.

— А теперь, — удовлетворенно произнес Пенче, — я позабочусь о Фарре.

— Полегче, Пенче, — сказал Кирди.

— Держитесь от меня подальше, — поддержал Фарр.

— Я заплачу вам десять миллионов за то, что растет у вас в волосах!

— Нет!!! — свирепо огрызнулся Фарр. — Я сам его выращу. Я буду растить семена бесплатно...

— Рискованное предприятие, — сказал Пенче. — Если это семя-самец, пользы не будет никакой.

— А если самка... — Фарр замолчал.

Полицейский доктор принялся перевязывать ему ноги.

— ... пользы будет очень много, — сухо докончил Пенче. — Но вы встретите противодействие.

— Чье?

— Исциков.

Санитары подняли носилки.

— Они будут мешать. Я даю вам десять миллионов. Я беру шанс...

Усталость, боль, нервное напряжение сломили Фарра:

— Ладно... меня тошнит от всей этой возни.

— Тогда подпишем контракт! — с триумфом закричал Пенче. — Эти офицеры — свидетели!

Фарра положили на носилки. Доктор склонился над ним и заметил в волосах растительный побег. Он протянул руку и выдернул его.

— Ой! — вскричал Фарр.

— Что он делает? — закричал Пенче.

— Вам бы надо получше следить за своим имуществом, Пенче, — слабым голосом сказал Фарр.

— Где он? — закричал Пенче в панике, хватая доктора за ворот.

— Кто? — спросил доктор.

— Принесите свет! — крикнул Пенче.

Фарр смотрел, как Пенче и его люди шарят по кустам в поисках бледного побега, затем впал в беспамятство...

Пенче пришел к Фарру в больницу.

— Вот, — сказал он, — ваши деньги. — Он положил на столик пачку банкнот.

Фарр посмотрел на него.

— Десять миллионов долларов.

— Это куча денег, — сказал Фарр.

— Да, — подтвердил Пенче, отворачиваясь от него.

— Вы, должно быть, нашли побег.

Пенче кивнул:

— Он был жив. Он и сейчас растет. Он самец. — Он взял со стола деньги, поглядел на них, затем положил обратно и вздохнул. — Чистое пари!

— У вас были хорошие шансы, — утешал Фарр.

— Денег мне не жалко, — сказал Пенче.

Он стал смотреть в окно, на Лос-Анджелес. Фарр пытался угадать, о чем он думает в этот момент.

— Легко найдено, легко потеряно, — пробормотал Пенче.

Он полуобернулся, собравшись уходить.

— А что теперь? — спросил Фарр. — У вас нет женской особи, вы не можете делать и перепродавать Дома, и у вас больше нет связей с Исмом.

— Женские особи есть на Исзме, — сказал Пенче, — и очень много. Я попытаюсь достать еще несколько штук.

— Еще один налет?

— Называйте, как хотите!

— А как вы называете?

— ЭКСПЕДИЦИЯ.

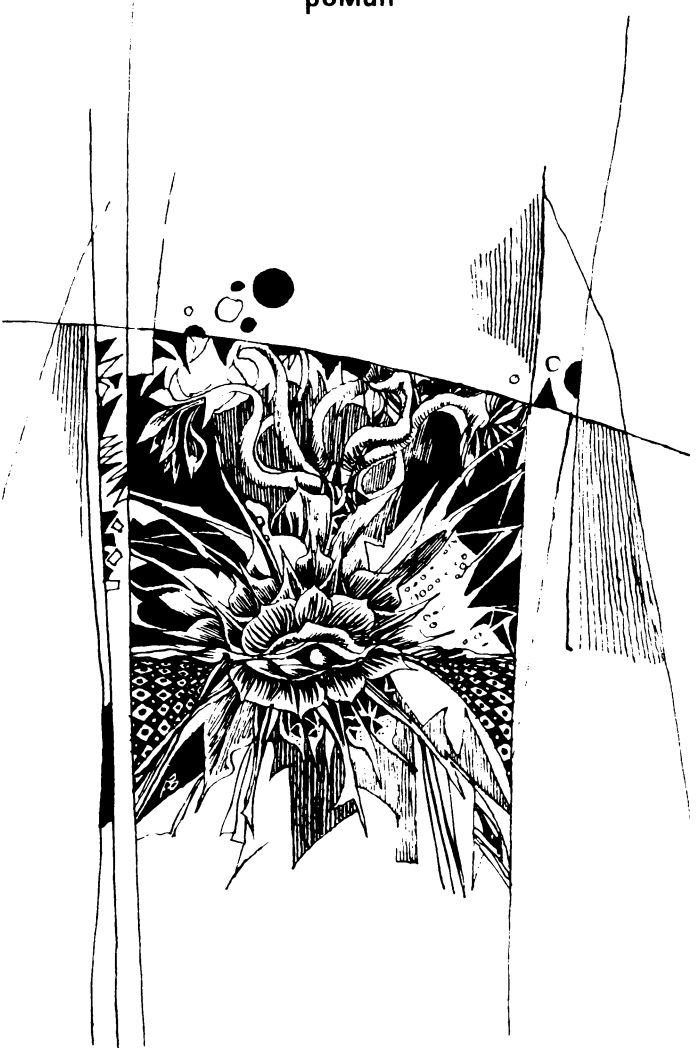
— Рад, что я к этому не имею отношения.

— Человек никогда не знает заранее, — заметил Пенче. — Не зарекайтесь, может быть, вы еще передумаете.

— На этот счет не сомневайтесь!..

СЫН ДЕРЕВА

роман

1

Пронзительный звон проник в две сотни мозгов, разрушая двести оболочек оцепенения.

Джо Смит проснулся сразу. Он был свернут, спеленут, будто лежал в коконе. Он напрягся, а затем приступ тревоги прошел, и он расслабился, пристально вглядываясь во мглу.

Воздух был влажен, душен, и пахло плотью. Плотью людей, что сверху, снизу, справа и слева вырывались, вертелись, боролись в эластичных сетях.

Джо откинулся в сети на спину. Мозг, пробудившийся через три недели, начал делать выводы. Балленкарч? Нет, еще рано. Балленкарч должен быть дальше, где-то с краю. А это, видимо, Кайрил, мир друидов.

Тонкий режущий звук. Гамак распахнулся по магнитному шву. Оказавшись у перил, Джо успокоился. Ноги были мягкие и ватные, как колбасы, а в мускулах после трех недель, проведенных под гипнозом, чувствовался слабый гул.

Он добрался до пандуса и опустился на главную палубу к выходу. За столом сидел юноша лет шестнадцати в джемпере из дубленой кожи и голубого иллофона, темноволосый, большеглазый и серьезный.

— Имя, пожалуйста.

— Джо Смит.

Юноша сделал пометку в списке, кивнул на коридор, ведущий вниз:

— В первую дверь на процедуры.

Джо проскользнул за дверь и оказался в небольшой комнатке, заполненной резкими испарениями антисептиков.

— Снять одежду! — рявкнула медным голосом тощая, как волк, женщина в тесных брюках. По ее сине-коричневой коже текли ручьи пота. Она нетерпеливо сдернула с него просторное покрывало, выданное с корабельного склада, обернулась и нажала на кнопку. — Закрыть глаза!

По телу хлестнули струи моющих растворов. Менялась температура и напор жидкости. И мускулы начали пробуждаться. Поток теплого воздуха помог высохнуть, и женщина небрежным движением направила

его в соседнюю комнату. Там он побрился, причесался и облачился в халат и сандалии, оказавшиеся в ящике доставки.

У выхода его остановил врач, вонзил в бедро шприц и ввел под кожу целую коллекцию: вакцины, антитоксины, мускульные стимуляторы и тонизаторы. Оснащенный таким образом, Джо покинул корабль и опустился по трапу на поверхность планеты Кайрил.

Он сделал глубокий вдох, набрал полные легкие воздуха и огляделся вокруг. Небо было усыпано жемчужинами облаков. Мягкий ландшафт, с обилием крошечных ферм, убегал к горизонту, и там, вдали, словно огромный столб дыма, высилось Дерево. Контуры были неясны из-за большого расстояния, верхушка кроны скрывалась в облаках, но ошибиться было невозможно. Дерево жизни.

Он прождал целый час, пока его паспорт и всевозможные удостоверения проверялись и заверялись в небольшой стеклянной конторе под погрузочной станцией. Потом его все же отпустили, указав на проходную в конце поля. Проходная представляла собой строение в стиле рококо из тяжелого белого камня, украшенного резным орнаментом и замысловатыми узорами.

Возле турникета стоял друид, безучастно наблюдая высадку пассажиров. Он был тонок, обладал красивой кожей цвета слоновой кости и был, судя по внешним признакам, человеком нервным. Сдержанное лицо аристократа, черные как смоль волосы, колючие черные глаза. На нем была блестящая кираса из покрытого эмалью металла, роскошное платье, ниспадающее до пола и отороченное внизу лентой с узорчатым золотым шитьем. На голове — тонкой работы золотой моржон из зубьев и пластинок различных металлов, тщательно подогнанных друг к другу.

Джо протянул визу клерку, сидевшему за турникетом.

— Имя, пожалуйста.

— Оно имеется в визе.

Клерк поморщился:

— Какое у вас дело на Кайриле?

— Временный посетитель, — коротко ответил Джо.

Он уже выдержал беседу в конторе о себе, о своем деле и о своих хозяевах. Новый допрос казался ненужной волынкой.

Друид повернул голову и окинул его взглядом с ног до головы.

— Шпион, не иначе, — сказал он с шипением и отвернулся.

Что-то во внешности друида заинтересовало Джо, но он отвернулся, стараясь казаться безучастным.

— Эй, ты, — раздраженно заговорил друид.

— Да? — оглянулся Джо.

— Кто твой наниматель? На кого ты работаешь?

— Ни на кого. Я здесь по своим делам.

— Не притворяйся. Все шпионы. Почему же ты должен быть исключительным? Ты будишь во мне гнев. Итак, на кого ты работаешь?

— Дело в том, что я все-таки не шпион, — вежливо произнес Джо. Чувство собственного достоинства — единственная роскошь, которую он может себе позволить. Единственная роскошь бродяги!

На тонких губах друида появилась циничная улыбка:

— Зачем же еще ты мог прилететь на Кайрил?

— Личные дела.

— Ты похож на табана. Как называется твой мир?

— Земля.

Друид искоса посмотрел на него и недовольно покачал головой, недоверчиво относясь к словам Джо. Он хотел заговорить, но запнулся, прищурил глаза и все же сказал:

— Издеваешься? Рассказываешь детский миф о рае для дураков?

Джо пожал плечами:

— Вы задали вопрос — я ответил.

— Да, но с оскорбительной неучтивостью к моей должности и рангу.

Важными петушиными шагами к ним приблизился маленький пухлый человек с лимонно-желтой кожей, большими простодушными глазами, хорошо развитыми челюстями. Он кутался в широкий плащ из плотного голубого бархата.

— Землянин — здесь? — он уставился на Джо. — Это вы, сэр?

— Вы угадали.

— Выходит, Земля все же существует?

— Совершенно верно.

Желтокожий человек повернулся к друиду:

— Это уже второй землянин, которого я встречаю, боготворимый, очевидно...

— Второй? — переспросил Джо. — А кто был первым?

Желтокожий поднял глаза вверх:

— Я забыл имя. Парри — Ларми — Гарри...

— Гарри? Гарри Кресс?

— Верно. Он самый. Мне довелось с ним побеседовать за пределами порта пару лет назад. Весьма приятный человек.

Друид круто развернулся на каблуках и отошел. Пухлый человек равнодушно проводил его взглядом и обратился к Джо:

— Вы здесь, кажется, чужой?

— Только что прилетел.

— Позвольте дать вам совет в отношении здешних друидов. Это невыдержанная раса, опрометчивая и скандальная. Они жутко провинциальны и абсолютно уверены в том, что Кайрил занимает центральную позицию во времени и пространстве. В присутствии друидов следует быть осторожнее в речах. Можно полюбопытствовать, каким ветром вас сюда занесло?

— Я не мог позволить себе удовольствие оплатить дальнейший проезд.

— Ну и что?

Джо пожал плечами:

— Собираюсь подзаработать денег.

Пухлый человек нахмурился, погрузился в мысли.

— И какие же именно таланты и способности вы намерены применить в этих отдаленных краях?

— Я неплохой механик, машинист, экономист, электрик. Могу проводить исследования, ставить эксперименты, владею еще несколькими профессиями. Можете считать меня инженером.

Его новый знакомый внимательно слушал. Наконец он с задумчивым видом произнес:

— Среди лайти нет недостатка в дешевой силе...

Джо обвел взглядом ограждение порта:

— Глядя на строение, не кажется, что они знакомы с логарифмической линейкой.

На губах собеседника появилась неуверенная улыбка, словно он не мог не согласиться.

— И, конечно, друиды — великие ксенофобы. В каждом новом прибывшем им мерещатся шпионы.

Джо наклонился, улыбаясь:

— Это я уже заметил. Первый встречный друид набросился на меня с упреками. Назвал меня шпионом менгов, хотя я и не знаю, кто или что это такое.

Пухлый человек кивнул:

— Это я.

— Менг? Или шпион?

— И то, и другое. Особого секрета здесь нет, это дозволено. Каждый менг на Кайрил — шпион. Как, впрочем, и все друиды на Менгсе. Оба мира стараются доминировать, в данный момент в изложении экономики, и неприязнь между ними велика. — Он потер подбородок. — Вам, значит, нужна хорошо оплачиваемая работа?

— Да. Но не шпионаж. Я не вмешиваюсь в политику. Это ни к чему. Жизнь и так слишком коротка.

Менг сделал успокаивающий жест:

— Конечно, конечно. Я уже упоминал, что друиды — неуравновешенная раса. И нечестная. Возможно, из этих слабостей вы могли бы извлечь выгоду. Предлагаю сейчас отправиться со мной. У меня назначен визит к товэрчу округа, и, если мимоходом я ему похвалюсь, какого умелого техника завербовал... — он оборвал фразу, затем сказал Джо: — Сюда.

Они миновали ограждение, прошли по галерее, ведущей к стоянке, и здесь Джо увидел ряд машин.

«Древний хлам, — подумал он. — И собраны неряшливо...»

Менг усадил его в самую большую из машин и приказал шоферу:

— В храм.

Машина взвилась в воздух и помчалась над серо-зеленой землей. Сельская местность неприятно поразила Джо, хотя ему и казалось, что посевы здесь должны быть плодородными. Улицы и аллеи пестрели лужами стоячей воды, деревня была маленькой и скученной, и в полях виднелись крестьяне, впрягшиеся в культиваторы группами по шесть, десять, двенадцать человек. Картина не из веселых.

— Пять биллионов человек, — сказал менг. — Два миллиона друидов. И одно Дерево.

Джо хмыкнул в ответ. Менг погрузился в молчание. Внизу мелькали фермы — бесконечные массивы прямоугольных полей, всевозможных оттенков зеленого, коричневого и серого цветов. По углам полей — мириады конических хижин. А впереди, прямо по курсу, — Дерево. Оно кажется темнее, выше, массивней, чем на самом деле. И вдруг перед ними возник замысловато украшенный белокаменный дворец, укрывшийся среди гигантских обнаженных корней. Машина начала опускаться, и перед глазами Джо поплыл лес причудливых балюстрад и путаница балконов, хитроумная отделка панелей, колонны, водосточные трубы и роскошный парадный подъезд.

Машина приземлилась на площадку перед этим высоким строением, которое смутно напоминало Джо Версальский дворец. С фасада открывался вид на прилизанные парки, мозаичные дорожки, фонтаны, скульптуры. А позади дворца росло Дерево, и его листва скрывала от взгляда даже небо над головой.

Менг вылез и обратился к Джо:

— Если вы снимете боковую панель генератора и сделаете вид, будто производите небольшой ремонт, то я попытаюсь помочь вам устроиться на выгодную должность.

Джо почувствовал себя неловко.

— Вижу, вы не намерены жалеть усилий для благоустройства чужака. Вы — филантроп?

— О, нет. Нет-нет! Со стороны кажется, будто я действую под влиянием каприза, но поверьте, мои поступки не столь бескорыстны. Если угодно, попытаюсь объяснить на следующем примере... Если бы мне, скажем, поручили выполнить какую-то незнакомую работу, я прихватил бы с собой как можно больше инструментов — на всякий случай. Точно так же и сейчас, когда я выполняю вполне определенную миссию. Многие люди обладают специальными талантами или навыками, которые могут пригодиться. Поэтому я стараюсь не отказываться от возможности расширить круг хороших знакомств.

Джо улыбнулся:

— Это окупается?

— О, да! И, кроме того, — ласково добавил пухлый человек, — благодарность — награда сама по себе. Принеся людям пользу, всегда получаешь громадное удовольствие. Но прошу вас, не думайте, что вы будете чем-нибудь обязаны мне.

«Не буду», — подумал Джо и промолчал.

Пухлый человек направился к массивной двери из узорчатой бронзы.

Джо немного помедлил. Затем, стараясь не упустить из виду ни одну из полученных инструкций, открыл панель. Она отошла, но ненамного — удерживали провода изнутри. Джо отсоединил провода и откинул панель вверх.

Глазам его предстал удивительный механизм. Детали были притянуты шурупами и деревянными плато, те, в свою очередь, крепились кусками веревки к деревянному каркасу. Из дерева была изготовлена также и рама, в которой находилась силовая установка. Провода не имели какой бы то ни было изоляции.

Джо в изумлении покачал головой. Затем вспомнил, что имел счастье прилететь сюда на этом аппарате от самого порта, и покрылся холодным потом.

Желтокожий менг велел ему покопаться в моторе, делая вид, что ремонтирует его. Теперь Джо видел, что эта затея не лишена смысла. Источник энергии соединялся с двигателем беспорядочным набором кабелей. Джо распутал их, подтянул ослабевшие веревки и переменил полярность, соединив клеем обрывки кабеля.

На противоположный край площади села машина, и из нее выскочила девушка лет восемнадцати или девятнадцати, с узким подвижным лицом. Глаза их встретились, затем она повернулась и покинула площадку.

Джо неподвижно стоял, провожая взглядом стройную юную фигурку. Затем он опомнился, вернулся к мотору.

«Очень плохо...» — подумал он.

Ему всегда нравились красивые девушки. Он нахмурился, вспомнив Маргарет — необычная девушка. Блондинка, изящная, с воздушной походкой. Но — себе на уме. Джо задумался, почти забыв о работе. Кто знает, что творится в глубине ее сердца, куда ему ни разу не удавалось проникнуть.

Когда он рассказал ей о своих планах, она рассмеялась и сказала, что он опоздал родиться на свет. Два года остались позади, и кто знает, ждет ли его еще Маргарет? Он надеялся, что улетит не более чем на три месяца, но судьба забросила его далеко и повлекла все дальше и дальше, из мира в мир, прочь от Земли, за пределы Единорога. Судьба забросила его в звездный водоворот и заставила прокладывать путь с планеты на планету.

На Джемивьетте он выращивал мох в серой тундре, после чего билет третьего класса до Кайрил был роскошью.

«Маргарет, — подумал Джо, — я надеюсь, что ты стоишь такого путешествия...»

Он бросил взгляд через плечо на девушку-друида. Она вбегала в парадный подъезд Дворца.

— Как ты смеешь? — закричал кто-то над ухом. — Как ты смеешь потрошить машину? Да тебя убить мало!

Это был водитель машины, на которой прилетела девушка: толстый мужчина с поросячьим лицом. За плечами Джо был немалый опыт работы во внешних мирах, поэтому он придержал язык и вновь погрузился в исследование внутренностей аппарата. Трудно было поверить своим глазам: три конденсатора, соединенных в цепь, вывалились из гнезд и свободно покачивались на проводе. Джо дернул пару крайних конденсаторов, вставил в гнездо оставшиеся, затем оба первых.

— Эй, эй, эй, — возмутился водитель. — Прочь корявые руки от тонкого механизма!

Это было уже слишком. Джо поднял голову:

— Тонкий механизм? Я не понимаю, как этот мусорный ящик вообще способен летать?

Лицо водителя перекосилось в гримасе бешенства. Он сделал шаг вперед, но тут же остановился, заметив, что к ним направляется друид. Друид был крупный, краснолицый, с массивными бровями. На месте носа у него находилось образование, напоминающее маленький ястребиный клюв. Рот казался заключенным в скобки твердыми челюстями. Друид был одет в длинное платье цвета киновара, с капюшоном из пышного черного меха и такой же меховой строчкой. На голове, поверх капюшона, сидел моржон из черного и зеленого металла, и солнечные блики играли на шишаке, покрытом красно-желтой эмалью.

— Берендино!

Водитель съежился.

— Боготворимый!

— Иди, убери кельт.

— Слушаюсь, боготворимый.

Друид остановился напротив Джо. Он посмотрел на груду выброшенного из машины хлама, и лицо его налилось краской.

— Что ты сделал с лучшей моей машиной?

— Выбросил кое-какое барахло.

— Этот аппарат обслуживает лучший на Кайрил механик.

Джо пожал плечами:

— Он не слишком квалифицирован. Впрочем, если угодно, могу поместить мусор обратно. Машина не моя.

Друид неподвижно стоял, уставившись теперь на Джо.

— Ты что хочешь сказать? Что теперь, когда ты вытащил все детали, машина будет летать?

— И лучше, чем прежде.

Друид оглядел его с ног до головы. Джо уже догадался, что имеет дело с товэрчем округа. Повадки друида стали осторожными — он бросил взгляд назад, на Дворец, и вновь обернулся к Джо.

— Я понял так, что ты на службе у Хабльята.

— У менга? А что, пожалуй.

— Ты не менг. А кто ты?

Джо вспомнил инцидент с друидом возле турникета:

— Я табан.

— А-а! И сколько тебе платит Хабльят в неделю?

Про себя Джо пожалел, что ничего не знает о местном курсе денег.

— Порядком, — сказал он.

— Тридцать стиплей в неделю? Сорок?

— Пятьдесят.

— Я даю восемьдесят. Ты будешь у меня главным механиком.

— Годится, — кивнул Джо.

— Ты приступишь к своим обязанностям с этой минуты. Хабльята я информирую. Ты не должен более иметь контактов с этим менгом-террористом. Ты теперь слуга товэрча округа.

— К вашим услугам, боготворимый, — сказал Джо.

2

Прозвенел звонок.

— Гараж! — отозвался Джо, роняя ключ на пол.

Из переговорной мембраны донесся голос девушки, голос властной и своевольной жрицы Ильфейн, третьей дочери товэрча. В ее голосе звучала нервозность, которой Джо прежде у нее не замечал.

— Водитель, слушай внимательно. То, что я прикажу, выполни в точности.

— Да, боготворимая.

— Возьми черный кельт, подними его на третий этаж и подведи к моим апартаментам. Будь осторожен, и получишь награду. Понял меня?

— Да, боготворимая, — твердым голосом ответил Джо.

— Спеши.

Джо напялил ливрею. Спешка, скрытность — кража? Или любовник? Ильфейн еще слишком юная... Впрочем, не слишком. Ему уже приходилось выполнять подобные поручения ее сестер — Изейн и Фольян. Джо пожал плечами. Остается надеяться, что он не останется в накладе — сотня стиплей, а может, и побольше.

Он печально улыбнулся, выводя черный кельт из-под навеса. Получать чаевые от восемнадцатилетней девчонки, да еще радоваться этому... Где-нибудь, когда-нибудь он вернется на Землю, к Маргарет. Можно будет снова претендовать на чувства гордости и собственного достоинства. А сейчас они для него бесполезны, даже больше того — мешают.

Деньги — это деньги. Деньги провели его по Галактике, и Балленкарч наконец стал реальностью. По ночам, когда гасли прожектора на крыше, можно

было видеть солнце Баллен, яркую звезду в созвездии, которое друиды называли Перфирит. Дешевый рейс под гипнозом, когда ты погружен в трюм, словно труп, и тот стоил две тысячи стиплей.

Из недельной платы в восемьдесят стиплей он мог откладывать семьдесят пять. Три недели уже прошли, а до вылета рейса на Балленкарч их оставалось двадцать четыре. Слишком долго для Маргарет, светловолосой, веселой, красивой Маргарет, которая ждет его на Земле.

Джо дал машине вертикальный взлет, пронесся вдоль ствола вверх, до третьего этажа. А Дерево все нависало над ним, будто он так и не отрывался от земли, и Джо испытывал страх и восхищение — три недели, проведенные в тени гигантского ствола, не могли притупить этих чувств.

Могучая дышащая масса пяти миль в диаметре, с корнями — друиды их называют: «жизнеобеспечение», — уходящими на двенадцать миль вглубь, — так выглядело Дерево. Его крона разметалась в стороны и вверх на упругих сучьях, толщина каждого из которых не уступала ширине Дворца товэрча, и нависала над стволом, как соломенная шляпа над головой огородного пугала. Трехфутовой длины треугольные листья, ярко-желтые к верхушке, у основания темнели — зеленые, розовые, алые, черно-синие. Дерево было властелином горизонтов, оно раздвигало плечами облака и носило в уборе громы и молнии, словно гирлянду из мишуры. Это была душа жизни, сок жизни, попирающая и покоряющая инертность, и Джо хорошо понимал, почему его обожествили восхищенные первопоселенцы Кайрил.

Третий этаж. Теперь вниз, к площадке перед апартаментами жрицы Ильфейн. Джо посадил машину, выпрыгнул и пошел по плиткам, инкрустированным золотом и слоновой костью.

Из-за двери выскользнула Ильфейн, пылкое создание с темным, узким и живым птичьим, лицом. Одета в простое платье из белой, [illegible] орнамента, ткани, босиком. Джо, которому прежде случалось ее видеть лишь в официальных нарядах, посмотрел на нее с интересом.

— Сюда, — сказало она. — Быстрее.

Она подняла дверь, и Джо оказался в комнате с высоким потолком, модно обставленной, но слегка душноватой. Две стены украшала мозаика из белых мраморных и темно-синих демортьеритовых плит, а сами плиты были окаймлены медными полосками с орнаментом в виде экзотических птиц. На третьей стене гобелен, изображающий группу девушек, бегущих вниз по травянистому склону. Вдоль этой стены стоял длинный диван с подушками.

На диване сидел молодой человек в голубой мантии субтовэрча, украшенной красными и серыми позументами. Рядом с ним лежал моржон с золотыми листьями, а на поясе висел жезл, вырезанный из священного дерева — на Кайрил такие жезлы могут носить только лица с духовным образованием. Человек был сухощав, но широкоплеч, с резко очерченным лицом — подобных черт Джо еще не встречал.

Это было узкое, страстное лицо, расширенное к скулам, сужающееся к подбородку, с плоскими щеками. Плоский лоб, длинный прямой нос. Плоские черные кружочки глаз в глубоких узких впадинах, густые брови, черные завитки волос. Умное, жесткое лицо, полное пресыщенности, хитрости, не лишенное обаяния, зато лишенное благодушия или чувства юмора — лицо дикого животного, случайно принявшего человеческий облик.

Некоторое время Джо напряженно, с нарастающей неприязнью вглядывался в это лицо, потом опустил глаза к ногам священника. На полу, гротескно скорченный, окостеневший, лежал труп, и малиновое покрывало на нем было перепачкано желтой кровью.

— Это труп посла с Менгса, — сказала ему Ильфейн. — Он никогда не был настоящим послом, а лишь шпионом. Кто-то или убил его здесь, или принес сюда тело. Об этом никто не должен знать. Огласки быть не должно. Я верю, что ты надежный слуга. У нас подписано несколько деликатных соглашений с правительством менгов. Инцидент вроде этого способен привести к несчастью. Ты понимаешь меня?

Джо никогда не считал своим бизнесом дворцовые интриги.

Он ответил:

— Я выполню любое твое приказание, боготворимая. С разрешения товэрча...

— Товэрч слишком занят, чтобы с ним можно было проконсультироваться. — Ильфейн нервничала. — Экклезнарх Манаоло поможет тебе погрузить тело в кельт. Затем ты отвезешь нас в океан, и там мы от него избавимся.

Джо произнес деревянным голосом:

— Я подгоню машину как можно ближе.

Манаоло встал и проследовал за ним к дверям. Джо услышал его шепот:

— Нам будет тесно в маленькой кабине.

— Это единственная машина, которой я могу управлять, — раздраженно ответила Ильфейн.

Подводя аппарат к дверям, Джо задумался.

«Единственная машина, которой она умеет управлять...»

Он бросил взгляд на противоположную стену Дворца, на такую же площадку, от которой его отделяли футов пятьдесят пространства. Там, сложив руки за спиной и доброжелательно глядя на него, стоял человек в голубом плаще.

Джо вошел в комнату.

— Там менг, на противоположном балконе.

— Хабльят! — вскричал Манаоло, бросаясь к двери и осторожно выглядывая. — Он не мог ничего заметить!

— Хабльят знает все, — мрачно заметила Ильфейн. — Иногда мне кажется, что у него глаза на затылке.

Джо присел на колени возле трупа. Рот убитого был открыт, из него высовывался кончик оранжевого языка. На боку висел полный кошелек, полузакрытый покрывалом. Джо раскрыл его.

— Что ж, пусть он себя удовлетворит, — резким голосом произнесла Ильфейн, едва сдерживая себя от бешенства.

Презрительное снисхождение в ее голосе обожгло Джо, он почувствовал, как покраснели уши. Но деньги — это деньги. Он вытащил пачку купюр. По крайней мере сотня купюр по сто стиплей. Он вновь запустил руку в кошелек и вынул маленькое ручное оружие неизвестного ему предназначения. Оружие Джо спрятал за пазуху блузы. Затем он обернул мертвеца малиновой тканью и, поднявшись, взял его за запястья.

Манаоло взялся за лодыжки. Ильфейн выглянула за дверь:

— Он ушел. Быстрее!

Через пять секунд труп был уложен на заднее сиденье.

— Пойдем со мной, — приказала Ильфейн Джо.

Опасаясь показать Манаоло спину, Джо обернулся. Жрица привела его в комнату, где находился гардероб, указала на два саквояжа.

— Возьми их, отнеси в кельт.

«Багаж», — подумал Джо.

Он подчинился. Краем глаза он заметил, что Хабльят вновь показался на балконе и добродушно улыбается ему. Джо вернулся в комнату.

Ильфейн переодевалась в наряд простолюдинки-лайти — темно-синее платье и сандалии. Платье подчеркивало ее фигурку эльфа — ее свежесть и пряность, казавшиеся неотъемлемыми чертами девушки. Джо отвел глаза. Маргарет на ее месте не вела бы себя столь непринужденно в обществе покойника.

— Кельт готов, боготворимая, — доложил он.

— Поведешь ты, — приказала Ильфейн. — Вначале поднимешь нас до пятого этажа, затем в открытое море через залив, на юг.

Джо покачал головой:

— Я не водитель. И везти вас не собираюсь.

Казалось, его слова провалились в пустоту. Но затем Ильфейн и Манаоло одновременно повернули голову.

Ильфейн была удивлена, но выражение гнева на ее лице уступило место решительности.

— Выходи! Ты поведешь, — произнесла она более резким тоном, словно Джо не понял ее приказа.

Джо осторожно сунул руку за пазуху, где покоилось оружие. Лицо Манаоло оставалось неподвижным, лишь встрепенулись веки. Тем не менее Джо был уверен, что мозг священника настороже.

— Я не собираюсь вас везти, — повторил Джо. — Вы и без моих услуг легко избавитесь от трупа. Не знаю, куда и зачем вы собрались, но знаю, что с вами не пойду...

— Я тебе приказываю! — крикнула Ильфейн.

Это было, безусловно, фантастично — ей осмеливались перечить! Такого с ней еще не случалось.

Джо покачал головой, настороженно следя за каждым их движением.

— С о ж а л е ю ...

Разум Ильфейн отказывался переварить этот парадокс. Она обратилась к Манаоло:

— Тогда убей его. Уж его-то труп, во всяком случае, не вызовет подозрений.

Манаоло грустно улыбнулся:

— Боюсь, что не так-то это просто. Его рука сжимает пистолет. Он не захочет, чтобы его убивали, а будет отчаянно сопротивляться.

Ильфейн поджала губы:

— Это смехотворно!..

Джо вытащил маленький пистолет. Не успев более ничего произнести, Ильфейн так и застыла с открытым ртом.

— Очень хорошо, — произнесла она глубоким голосом. — Я заплачу за твое молчание. Это тебя устраивает?

— Вполне, — Джо криво улыбнулся.

Чувство собственного достоинства? Но что такое — чувство собственного достоинства? Это качество не помогло ему сделать Маргарет счастливее... Ведь она же определенно собирается удрать со своим великолепным и грозным Манаоло. Кто захочет женщину после того, как он к ней прикоснулся?

— Сколько? — равнодушно спросил Манаоло Джо.

Джо быстро прикинул в уме. В его комнате находились четыреста стиплей, около тысячи он забрал из кошелька трупа.

«Нечего считать, — решил он, — пусть будет побольше...»

— Пять тысяч стиплей, и я забуду все, что видел сегодня.

Цифра, похоже, не показалась им чрезмерной. Манаоло полез в карман, затем в другой, извлек бумажник, вынул из него пачку банкнот и бросил на пол.

— Вот твои деньги.

Не оглянувшись, Ильфейн выбежала из комнаты на площадку и забралась в кельт. Манаоло последовал за ней.

Джо поднял деньги. Пять тысяч стиплей! Он подошел к окну и проводил машину глазами, пока она не превратилась в черную точку. В горле оставался комок. Ильфейн была чудесным созданием. На земле он бы влюбился, если бы, конечно, не знал Маргарет. Но это была планета Кайрил, и Земля здесь считалась сказкой. А Маргарет — нежная, гибкая, светлая, как поле с нарциссами, — ждала, когда он вернется. Или по крайней мере знала, что он верит в то, что она его ждет. Для Маргарет идея не всегда означает действие. Проклятый Гарри Кресс!

Возникло ощущение тревоги. Любой из десятков людей мог прийти и застать его здесь, и тогда не так-то просто будет объяснить, что

его сюда привело. Он решил вернуться к себе, но вдруг застыл на месте.

Дверь медленно открывалась. Сердце бешено застучало, по лицу потекли ручьи пота. Джо спрятался за мебель.

Дверь взвизгнула, отворясь. В комнату вошел невысокий полный человек в голубом бархатном плаще — Хабльят...

3

Хабльят быстрым взглядом окинул комнату, печально покачал головой.

— Плохой бизнес. Слишком рискованный.

Джо, стоявший, одеревенев, возле стены, готов был согласиться с ним. Хабльят сделал еще два шага вперед, всматриваясь под ноги.

— Неаккуратно. Осталось много крови...

Он поднял глаза выше, словно чутьем угадывая местонахождение Джо.

— Но вам следует хранить спокойствие. Да, да. Хранить спокойствие.

Секунду спустя он увидел Джо.

— Нет сомнений, что вам заткнули рот деньгами. Это чудо, что вы живы.

— Меня вызвала сюда жрица Ильфейн, — сухо ответил Джо, — чтобы я вел кельт. Тем не менее я остался в стороне от всего этого.

— Если вас здесь обнаружат и эту кровь на полу, вас будут допрашивать. И, когда попытаются замять убийство Имнонага, вас обязательно убьют, чтобы избавиться от свидетеля.

Джо облизал губы:

— Но разве они станут скрывать убийство?

Хабльят кивнул:

— Без сомнения. Я представляю здесь власть и богатство Менгса — так называемую фракцию «Голубая Вода». Имнонаг принадлежит к Красной Ветви — сторонниками этого течения исповедуется иное философское учение. Они придают большое значение быстрой смене событий.

Странная идея сформировалась в мозгу Джо, и он не мог от нее избавиться. Хабльят заметил его колебания. Рот менга — короткая мясистая трещина между двумя желтыми скулами — изогнулся.

— Совершенно верно — я убил его. Это было необходимо, поверьте. Иначе он бы зарезал Манаоло, который выполняет важную миссию. Если бы Манаоло оказался устраненным, это было бы трагедией.

Мысли возникали слишком быстро. Они метались в мозгу Джо, словно рыбы, всей стаей угодившие в сети. Словно Хабльят разложил перед ним на прилавке множество броских товаров и теперь ждал, какой же он сделает выбор.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — осторожно спросил Джо.

Хабльят пожал полными плечами:

— Потому что, кто бы вы ни были, вы не просто шофер.

— Ошибаетесь.

— Кто вы и что вы, еще не установлено. Сейчас сложные времена, сейчас многие миры и многие люди ставят перед собой противоречивые цели, и потому происхождение и намерения каждого человека следует рассматривать подробнее. Моя информация дает возможность проследить ваш путь от Табана Девять, где в Техническом институте вы занимали должность специалиста по гражданскому машиностроению, затем на Панаполь, затем на Розалинду, затем на Джемивьетту и окончательно на Кайрил. На каждой планете вы задерживались ровно настолько, сколько нужно было, чтобы заработать деньги на оплату следующего пролета. Это стало шаблоном, а там, где есть шаблон, есть и план. Где есть план, там есть и цель, а если есть цель, то существует и тот, кому она выгодна. А значит, кто-то окажется в проигрыше. Вам, кажется, немного не по себе? Видимо, вы опасаетесь разоблачения. Угадал?

— Мне не хочется стать покойником.

— Давайте перейдем в мои апартаменты. Это рядом, и там можно спокойно побеседовать. Я навсегда ухожу из этой комнаты, чувствуя благодарность судьбе за то, что...

Его речь оборвалась. Он бросился к окну, посмотрел вверх, вниз. От окна он перебежал к двери, прислушался.

— Отойдите! — приказал он Джо.

Стук повторился, и в комнату ворвался высокий человек с широким лицом и маленьким, похожим на клюв, носом. Он был одет в длинную белую мантию, а поверх капюшона переливался яркими красками зелено-черно-золотой моржон. Хабльят вдруг оказался за его спиной и произвел какое-то действие, какой-то сложный прием-захват предплечья, подсечка, выкручивание запястья — и в результате друид ничком полетел на пол.

Джо перевел дыхание.

— Это же сам товэрч! Нас освежуют...

— Идем, — произнес Хабльят все тем же голосом добродушного бизнесмена.

Они быстро прошли в холл, и Хабльят раскрыл дверь в свои апартаменты:

— Сюда!

Покои Хабльята оказались просторней, чем келья жрицы Ильфейн. В гостиной возвышался прямоугольный длинный стол, вырезанный из цельного куска темного дерева, полированный, с орнаментом из медных листьев в арабском стиле.

По обе стороны двери неподвижно сидели двое воинов-менгов. Это были высокие коренастые люди с грубоватыми чертами. Хабльят про-

шел мимо, не обратив на них внимания, словно они были ненастоящие. Заметив, что Джо удивлен, он скользнул глазами в их сторону.

— Гипноз, — объяснил он небрежно. — Если я в комнате или комната пуста, они не двигаются.

Джо с мрачным видом прошел за ним в комнату, осознавая, что его присутствие здесь может показаться столь же подозрительным, как и в комнате Ильфейн.

Хабльят с кряхтением уселся и указал ему на кресло. Начиная уже сомневаться, что ему удастся выпутаться из лабиринта интриг, Джо повиновался. Хабльят растопырил на столе пухлые пальцы и уставился на гостя невинными глазами.

— Похоже, что вы впутались в неприятное дело, мистер Смит.

— Необязательно, — произнес Джо, напрасно пытаясь собраться с духом. — Я могу пойти к товэрчу, поведать ему эту историю, и дело с концом.

Лицо Хабльята затрепетало — он пытался сдержать смех. Менг раскрыл беличий рот:

— А после?

Джо не отвечал.

Хабльят постучал ложкой по столу:

— Мой мальчик, вы еще не очень хорошо знаете психологию друидов. Для них убийство — это приемлемый выход из любой ситуации, такое же естественное действие, как, уходя, гасить свет. Поэтому, как только вы расскажете свою историю, вас убьют. Хотя бы потому, что не найдут причин не убивать. — Хабльят задумчиво щекотал усики желтым ногтем и говорил так, словно размышлял вслух. — Иногда самые странные организмы оказываются наиболее целесообразными. Управление планетой Кайрил совершенно замечательно своей простотой. Пять биллионов жителей предназначены для того, чтобы кормить и холить два миллиона друидов и одно Дерево. И система функционирования устойчива, она обеспечивает воспроизводство, что является главным признаком жизнеспособности. Кайрил — гротескный максимум религиозного фанатизма. Лайти, друиды, Дерево. Лайти трудятся, друиды вершат обряды, Дерево царит над всеми. Удивительно — из одной и той же протоплазмы человечества лепят и олухов лайти, и высокомерных друидов.

Джо беспокойно зашевелился в кресле:

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Я всего лишь хочу заметить, — вежливо сказал Хабльят, — что ваша жизнь не стоит мокрого пятна там, где каждый плюет на всех, кроме самого себя. Что значит для друида жизнь? Видите это творение рук человеческих? Десять тружеников затратили жизнь на изготовление этого стола. Мраморные плитки на стене — они подогнаны вручную. Цена? Об этом друиды не имеют представления. Труд не оплачивается, рабочая сила не лимитируется. Даже электричество,

которым снабжается Дворец, — лайти вырабатывают его в подвалах, на генераторах с ручным приводом. Во имя Дерева Жизни, где потом, как они надеются, их бедные слепые души найдут последний приют. Так друиды оправдывают свою государственную систему перед другими народами, мирами и собственной совестью. Лайти дано немного. Унция муки, рыба, миска зелени — ровно столько, сколько нужно, чтобы выжить. Они не знают ни брачных церемоний, ни семейных отношений, ни традиций. У них нет даже фольклора. Это просто рабочая скотина. И размножается она без любви и страсти. Полемика? Формула друидов очень проста: истребите обе партии, и никакой полемики! Неопровержимо? Вот и маячит Дерево Жизни над планетой, как самая великая перспектива вечной жизни, какую знала Галактика. Чистая, массивная жизнеспособность.

Джо в кресле наклонился вперед, оглянулся через правое плечо на застывших воинов-менгов. Затем глаза его перебежали налево, по большому оранжевому ковру, за окно. Хабльят проследил за его взглядом, насмешливо поджав губы.

— Зачем вы меня здесь держите? — спросил Джо. — Чего вы от меня хотите?

Хабльят укоризненно покачал головой:

— У меня нет намерения вас удерживать. Вы можете уйти, когда захотите.

— В таком случае, зачем вы меня сюда привели? — настаивал Джо.

Хабльят пожал плечами:

— Возможно, из чистого альтруизма. Если сейчас вы вернетесь к себе, вы наверняка станете мертвецом. Особенно после досадного вторжения товэрча.

Джо откинулся в кресле:

— Ну, это совсем не обязательно.

Хабльят отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что это все же так. Подумайте, известно или будет известно, что вы взяли черный кельт, который затем угнали жрица Ильфейн и Манаоло. Товэрч, зайдя в апартаменты дочери, возможно, за разъяснениями, подвергся нападению. Вскоре после этого шофер возвращается в свою квартиру.

Он замолчал, многозначительно подняв пухлую ладошку.

— Ладно, — сказал Джо. — Что у вас на уме?

Хабльят постучал ногтем по поверхности стола.

— Сейчас сложные времена. Сложные времена, видите ли, — добавил он доверительно. — Кайрил становится слишком перенаселенным друидами.

— Перенаселенным? — удивился Джо. — Два миллиона друидов?

Хабльят рассмеялся:

— Пять биллионов лайти не способны более обеспечивать им безбедное существование. Вы должны понимать, что эти бедняги не

заинтересованы в производстве. Они заинтересованы лишь в одном: побыстрее пройти по жизни и стать листом на ветви Дерева. Друиды оказались перед дилеммой. Чтобы увеличить выпуск продукции, они должны улучшить технологию и повысить уровень образования, а следовательно, позволить лайти понять, что жизнь может предоставить удовольствия помимо отвлеченного созерцания. Либо они должны искать другие пути. Как раз с этой целью друиды подключились к торговле, к операциям индустриального банка на Балленкарче. Само собой, и мы, менги, не могли оставаться в стороне, потому что на нашей планете высокий уровень индустриализации, и планы друидов грозят нашему благополучию.

— А почему не могу остаться в стороне я? — устало спросил Джо.

— Моя обязанность как эмиссара высокой ступени — отстаивать интересы своего мира. Поэтому мне всегда необходима информация. Ваш путь прослежен от одной из планет далекого солнца Сабан. Ваш путь до этой планеты неизвестен. За месяц до вашего появления здесь мы навели справки.

Джо, разозлившись, с недоверием произнес:

— Но вам известна моя родина. Я с самого начала вам сказал. Земля. И вы сказали, что разговаривали с другим землянином, Гарри Кроссом.

— Совершенно верно, — согласился Хабльят. — Название Земли удобно для сохранения инкогнито. — Он лукаво посмотрел на Джо. — Как вашей, так и Гарри Кресса.

Джо сделал глубокий вдох:

— Вы знаете гораздо больше о Гарри Кроссе, чем пытаетесь мне показать.

Хабльят, казалось, удивился, что Джо все же пришла в голову эта мысль.

— Разумеется. Для меня совершенно необходимо знать очень многое. Разве эта Земля, о которой вы говорите, не пустой звук?

— Смею вас уверить, — с мрачным сарказмом ответил Джо. — Ваш народ нашел себе такое дальнее звездное облачко, что забыл о существовании Вселенной!

Хабльят кивнул, барабаня пальцами по столу.

— Интересно, интересно. Это придает нашему случаю совершенно новое звучание.

— Меня не интересует звучание, — раздраженно сказал Джо. — Ни старое, ни новое. Мое дело, чего бы оно ни касалось, это мое личное дело. В ваших предприятиях я не заинтересован. Я не желаю быть вовлеченным в то, что сейчас происходит здесь.

Раздался громкий стук в дверь. Хабльят вскочил, на его лице появилась довольная ухмылка.

«Ждал», — догадался Джо.

— Повторяю, — сказал Хабльят. — Джо, у вас нет выбора. Хотите жить?

— Разумеется, я хочу жить. — Джо наполовину привстал, потому что стук повторился.

— Тогда соглашайтесь со всем, что я скажу, — неважно, покажется это вам нелепостью или нет. Понятно?

— Да, — покорно согласился Джо.

Хабльят резко выкрикнул какое-то слово. Воины, словно заводные человечки, вскочили на ноги.

— Открыть дверь!

Дверь ушла в стену. В проеме стоял товэрч. Он был в бешенстве. Из-за его спины в комнату заглядывали друиды. Их было не меньше полдюжины, в мантиях разных цветов — духовники, субтовэрчи, пресвитеры, иеромонахи.

Хабльят изменился. Он стал выглядеть решительнее, и в то же время доброта сменилась чуть ли не подобострастием, а непринужденность приобрела блеск полировки. Он кинулся навстречу товэрчу, словно бурлил гордостью и восторгом по поводу визита высокопоставленного лица.

Товэрч возвышался в дверях, оглядывая комнату сверху донизу. Глаза его скользнули по двум воинам и остановились на Джо. Он простер руку и напыщенно произнес:

— Вот этот человек! Убийца и мерзавец! Хватайте его, и мы увидим его смерть еще до того, как окончится этот час.

Друиды порывисто шагнули вперед. Джо схватился за оружие. Но воины, казавшиеся столь каменными, двигались столь легко и быстро, что, казалось, они не двигались вовсе и успели преградить дорогу друидам.

Друид с пылающими глазами, одетый в коричневое с зеленым, столкнулся с ними, пытаясь раздвинуть воинов. Голубая вспышка, треск, сдавленный крик — и друид отскочил, дрожа от негодования.

— Они бьют статикой!

Хабльят шагнул вперед — само недоумение и беспокойство.

— Ваша боготворимость, что случилось?

Выражение лица товэрча было до крайности презрительным.

— В сторону, менг! Убери своих электрических чертей. Мне нужен этот человек.

— Но, боготворимый! — вскричал Хабльят. — Боготворимый, вы пугаете меня! Возможно ли, чтобы мои служащие могли совершить преступление?

— Ваши служащие?

— Разумеется. Ваша боготворимость в курсе, что, в целях проведения реалистической политики, мое правительство нанимает некоторое количество неофициальных наблюдателей.

— Шпиков-головорезов! — взревел с негодованием товэрч.

Хабльят помял пальцами подбородок.

— Ваша боготворимость, я не питаю иллюзий, что на Менгсе шпионы друидов самоликвидируются. Так что же натворил мой слуга?

Товэрч по-бычьи наклонил шею:

— Я скажу тебе, что он натворил. Он прикончил одного из ваших же людей, менга! В келье моей дочери весь пол измазан желтой кровью. Где кровь, там и смерть!

— Ваша боготворимость! — воскликнул Хабльят. — Это очень важное известие! Так кто же мертв, кто жертва?

— Откуда мне знать? Достаточно того, что убит человек и что этот...

— Но, ваша боготворимость! Этот человек провел весь день в моем присутствии! Ваши известия очень тревожны. Они означают, что подвергся нападению представитель моего правительства! Боюсь, что это вызовет переполох в Латбоне. Где вы обнаружили кровь? В келье дочери, жрицы? А где она сама? Возможно, что она могла бы пролить некоторый свет...

— Я не знаю, где она! — товэрч повернулся, ткнул пальцем. — Плимойна, найди жрицу Ильфейн. Я желаю с ней поговорить. — Затем Хабльяту: — Должен ли я понимать так, что вы берете под свою защиту этого негодяя?

Хабльят вежливо произнес:

— Наши офицеры департамента охраны полны желания гарантировать безопасность представителя вашей боготворимости на Менгсе.

Товэрч круто повернулся на каблуках и удалился во главе своего отряда.

— Выходит, что я шпион менгов, — сказал Джо.

— Почему вы так решили?

Джо повернулся и уселся обратно в кресло:

— По некоторым причинам у меня не возникает уверенности, что вы не решили причислить меня к своему штату.

Хабльят сделал протестующий жест.

Джо секунду-другую разглядывал его, затем сказал:

— Вы прикончили своего соотечественника, вы сбили с ног товэрча в комнате его дочери — и вдруг оказывается, что ко всему этому я имею самое непосредственное отношение. Разве не налицо заранее подготовленный и осуществленный вами план?

— Ну-ну... — пробормотал Хабльят.

— Могу ли я и далее полагаться на вашу порядочность? — вежливо осведомился у менга Джо.

— Конечно. Во всех отношениях. — Хабльят был крайне предупредителен.

Тогда Джо потребовал, с наглостью и без надежды на успех:

— Отвезите меня в порт. Посадите меня на лакетбот, который улетает сегодня рейсом на Балленкарч...

Хабльят кивнул, задумчиво поднял брови:

— Весьма резонное предложение, и сделано оно в такой форме, что я не могу отказать. Вы уже готовы к вылету?

— Да. Готов.

— И у вас имеется необходимая сумма?

— Жрица Ильфейн и Манаоло дали мне пять тысяч стиплей.

— Ха! Вижу, они были очень озабочены.

— Это было заметно.

Хабльят бросил на Джо цепкий взгляд:

— В вашем голосе чувствуются подавляемые эмоции.

— Друид Манаоло постарался вызвать у меня отвращение.

— Ха! — опять сказал Хабльят, быстро подмигнув Джо. — А жрица Ильфейн, надо думать, постаралась вызвать у вас противоположное чувство, так? Ах, молодость, молодость! Если бы я мог вернуть назад юность, как бы я наслаждался!

Джо отчетливо произнес:

— В мои планы на будущее не входят ни Манаоло, ни Ильфейн.

— Лишь будущее может показать, — выразительно произнес Хабльят. — Ну, а сейчас — в порт...

4

Джо не заметил, чтобы Хабльят, безмолвно сгорбившийся в кресле, успел подать какой-нибудь сигнал. Но через три минуты прилетел тяжелый, хорошо вооруженный аэрокар. Джо, заинтересовавшись, подошел к окну. Солнце уже садилось, и косые тени, падая на каменные стены, создавали путаницу теней, в которых мог спрятаться кто угодно.

Внизу находились гараж и его комната. Ничего ценного в ней не оставалось, если не считать пятисот стиплей, сбереженных из жалованья. А напротив стояло Дерево, чудовищная масса, которую не охватить взглядом за один раз. Чтобы оглядеть его от края до края, приходилось поворачивать голову справа налево. До Дерева оставалось не менее мили, и форма покрытых листвой, нависавших над Дворцом и медленно покачивавшихся ветвей, все еще была нечеткой.

Хабльят подошел и встал рядом:

— Все растет и растет. Когда-нибудь или ствол, или земля не выдержат его. Оно наклонится и рухнет, и это будет самый страшный звук, который доводилось слышать планете. И смерть Дерева будет смертью друидов. — Он внимательно оглядел стену Дворца. — А теперь поторопимся. Лишь в машине можно не бояться снайперов.

Джо еще раз пристально вгляделся в тени. Затем вышел на балкон. Он был очень широк и казался пустым, но по пути к машине Джо чувствовал себя голым и беззащитным, и по коже бегали мурашки. Наконец Джо влез в машину, и она слегка просела под его тяжестью. Хабльят усаживался за его спиной.

— Итак, Джулиам, — сказал Хабльят водителю, очень старому менгу с печальными глазами, морщинами на лице и пестро-коричневыми от старости волосами. — Мы узнали, что пора уезжать. В порт. Четвертая стоянка, если не ошибаюсь. «Вельзвурон», рейс на Балленкарч через Джинкли.

Джулиам надавил на педаль взлета. Машина рванулась вверх и в сторону. Дворец остался за спиной. Они пролетели вдоль нижнего края пыльно-серых ветвей.

Небо Кайрил обычно всегда затянуто туманной дымкой, но сегодня, сквозь совершенно прозрачную атмосферу, было отчетливо видно низко нависшее небо и солнце. Город Божественный, беспорядочное скопление и нагромождение дворцов, замков, административных учреждений, приземистых пакгаузов — некоторое время мелькал в корнях Дерева, но затем его сменил сельский пейзаж: поля, убегающие вдаль, и пятнышки ферм.

Все дороги вели к Дереву, и по ним брели мужчины и женщины в замызганных нарядах. Лайти. Это были паломники. Джо пару раз доводилось видеть, как паломники входят в Священный пролом — трещину между двумя дугообразными корнями. Крохотные, как муравьи, они боязливо топтались на месте, пытаясь заглянуть в серый мрак, прежде чем продолжать путь. Каждый день с разных концов Кайрил их приходили тысячи и тысячи, старых и молодых. Темноглазые, изнуренные люди, свято верящие в Дерево, которое принесет им покой.

Они перелетели через ровную площадку, покрытую миниатюрными черными капсулами. В углу площадки толпились голые люди, они прыгали и вертелись — занимались гимнастикой.

— Вы видите космический флот друидов, — пояснил Хабльят.

Джо быстро обернулся, пытаясь уловить в его лице оттенок сарказма. Но лицо менга было неподвижным.

— Они неплохо оснащены и эффективны при обороне Кайрил, а точнее, Дерева, потому что каждый из них мечтает сразиться с врагами друидов, которым бы вздумалось уничтожить Дерево, святыню туземцев. Но, чтобы уничтожить Дерево, вражеской флотилии пришлось бы приблизиться на сто тысяч миль к планете, иначе бомбардировка не принесет успеха. Друиды могут управлять этими маленькими шлюпками на расстоянии многих миллионов миль. Они примитивны, но очень быстры и увертливы. На каждой установлена боеголовка, и в обороне шлюпки-самоубийцы должны представлять грозное оружие.

Джо молча слушал, затем спросил:

— Эти лодки изготовляют здесь? На Кайрил?

— Они очень просты, — с плохо скрываемым презрением произнес Хабльят. — Оболочка, двигатель, кислородный резервуар. Солдаты лайти не привыкли требовать особого комфорта. Зато этих крохотных лодок огромное количество. А почему бы и нет? Здесь труд не оплачивается, стоимость для друидов не имеет значения. Я думаю,

контрольное оборудование, как и боевое оснащение, импортируется из Биленда. Но шлюпки делают здесь, на Кайрил, вручную.

Поле с боевыми шлюпками осталось позади, а впереди возникла тридцатифутовой высоты стена, ограждающая порт. К одной из сторон прямоугольника примыкало длинное стеклянное здание станции. Вдоль другой стены выстроился ряд роскошных особняков, в них размещались консульства внешних планет.

Посреди поля, на четвертой из пяти стоянок, стоял средних размеров транспортно-пассажирский корабль, и было видно, что он готов к отлету. Грузовой люк уже был задраен, отъезжали порожние вагонетки, и лишь трап соединял корабль с землей.

Джулиам посадил машину рядом со станцией, на специально отведенную площадку. Хабльят успокаивающе положил руку на предплечье Джо.

— Для вашей безопасности, наверное, будет лучше, если въезд вам оформлю я. Возможно, товэрч задумал какую-нибудь пакость. Кто знает, на что способны эти друиды. — Он вылез из машины. — Подождите здесь, не попадаясь никому на глаза. Я вернусь очень быстро.

— Но деньги на проезд...

— Пустое, пустое. Мое правительство предоставляет мне денег больше, чем я способен потратить. Позвольте мне пожертвовать пару тысяч стиплей в фонд легендарной матери-Земли.

Джо откинулся в кресле. Его мучили сомнения. Две тысячи стиплей — это две тысячи стиплей, и они будут очень кстати, когда придется возвращаться на Землю. Если Хабльят полагает, что тем самым он сумеет его связать, то он ошибается. Скорей бы оказаться подальше отсюда, пока дела идут хорошо. Но в таких случаях никогда не обходится без «кви про кво», порой довольно неприятного. Он протянул руку к двери и заметил, что за ним наблюдает Джулиам.

Джулиам покачал головой:

— Нет-нет, сэр. Лорд Хабльят сейчас, вероятно, вернется. До его прихода вы должны оставаться в укрытии.

— Хабльят обождет, — вызывающе бросил Джо и выскочил из машины.

Не обращая внимания на ворчание Джулиама, он решительно направился к станции.

Пока он шел, раздражение начало проходить, и он вдруг понял, что и впрямь должен бросаться в глаза в своей черно-бело-зеленой ливрее. У Хабльята была отвратительная привычка всегда оказываться правым.

Реклама на стене сообщала:

«КОСТЮМЫ ВСЕХ МИРОВ. ПЕРЕОДЕНЬТЕСЬ ЗДЕСЬ И ЯВИТЕСЬ НА МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ В ПОДХОДЯЩЕМ КОСТЮМЕ».

Джо вошел. Хабльята можно будет увидеть через стеклянную дверь и стену, если он покинет станцию и направится к машине. Среди персонала лавки находился и владелец — высокий, костлявый человек

неведомой расы с широким восковым лицом и большими глазами, бледно-голубыми и бесхитростными.

— Что угодно милорду? — с почтением в голосе спросил он, явно игнорируя ливрею слуги, которую сдирал с себя Джо.

— Помогите мне избавиться от этого, — обратился к нему Джо. — Я лечу на Балленкарч, подберите для меня что-нибудь приличное.

Хозяин лавки поклонился. Изучающим взором он окинул фигуру Джо, повернулся к вешалке и выложил на прилавок комплект одежды, который заставил клиента выпучить глаза: красные панталоны, узкий голубой жакет без рукавов, широкая белая блуза.

— По-моему, не совсем то, — с сомнением в голосе произнес Джо. — По-моему, недостает строгости.

— Это типичный балленкарчский костюм, милорд. Типичный для наиболее цивилизованных кланов. Дикари носят шкуры и мешковину. — Он повертел костюм, показывая его со всех сторон. — Сам по себе наряд не указывает на конкретный ранг. Подвассалы носят слева мечи. Вельможи дворца Кайла Аллана, кроме того, одевают черный пояс. Костюмы Балленкарча, лорд, отличаются поистине варварской пышностью.

— Дайте мне серый дорожный плащ. Я сменю его на балленкарчский, когда прибуду.

— Как вам будет угодно, милорд.

Дорожный костюм выглядел более привычно. С чувством облегчения Джо застегнул молнии, поправляя оборки на запястьях и лодыжках, затянул пояс.

— Как насчет модного моржона?

Джо поморщился. Моржоны — комильфо кайрильской знати. Солдаты, слуги, крестьяне не имели права носить эти тонкие блестящие украшения. Джо указал на приплюснутый раковинообразный шлем из светлого металла, переливающийся перламутром по краям.

— Вот этот, пожалуй, подойдет.

Тело лавочника приняло форму перевернутой латинской «С».

— Да, ваша боготворимость.

Джо мрачно поглядел на него, затем на выбранный им моржон. Блестящий шлем, годный только как украшение. В точности такой же, как у экклезиарха Манаоло. Он пожал плечами, нахлобучил моржон на голову, извлек содержимое из карманов ливреи. Пистолет, деньги, бумажник с удостоверением.

— Сколько я вам должен?

— Двести стиплей, ваша боготворимость.

Джо протянул ему две бумажки и вышел. Он заметил, что смена ливреи на серый костюм и помпезный моржон оказала влияние и на его настроение: он почувствовал себя увереннее, шаг стал тверже.

Хабльят был впереди, он шел рука об руку с менгом в зеленой с голубым и желтым униформе. Он говорил с ним очень серьезно, очень темпераментно. Джо пожалел, что не умеет читать по губам.

Они остановились у трапа, ведущего вниз на стоянку. Офицер-мен вежливо кивнул, повернулся и пошел вперед вдоль аркады, Хабльят же с легкостью побежал по лестнице.

Джо подумал, что было бы неплохо услышать, о чем в его отсутствие будут говорить Хабльят и Джулиам. Если добежать до конца стоянки вдоль аркады, спрыгнуть со стены, обогнуть машину, можно было бы незаметно подобраться к машине с тыла...

Еще додумывая эту мысль до конца, он повернулся и бросился бежать по террасе, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих. Он спрыгнул на зелено-голубой дерн и пошел вдоль стены, стараясь, чтобы между ним и беззаботно шествующим Хабльятом оставалось как можно больше машин. Добежав до машины Джулиама, он упал на колени. Джулиам его не заметил — он смотрел на Хабльята.

Водитель откинул дверцу, и Хабльят благодушно произнес:

— Ну, а теперь, мой друг, все... — он запнулся на полуслове, затем резко. — Где он? Куда девался?

— Он ушел, — ответил Джулиам, — почти сразу после вас.

— Будь проклята человеческая непредсказуемость, — произнес Хабльят с резкими интонациями в голосе. — Я же ему ясно сказал, оставаться здесь!

— Я напомнил ему о ваших указаниях. Он меня не послушал.

— С человеком, у которого ограничен интеллект, очень трудно иметь дело. Он несокрушим для логических построений. Я тысячу раз предпочел бы бороться с гением. По крайней мере метод гения можно рассчитать или разгадать. Если Ирру Каметви его увидит, все мои планы рухнут. О... — застонал Хабльят, — упрямый дурак!

Джулиам сопел, но держал язык за зубами.

Хабльят язвительно обратился к нему:

— Пройди, посмотри вдоль аркады. Если встретишь, быстрее пришли его обратно. Я буду ждать здесь. Потом позвони Ирру Каметви, он будет ждать в консульстве. Себя назовешь Агломом Четырнадцатым. Если он начнет расспрашивать, скажешь, что был агентом Яшпонинто, ныне мертвеца, и что у тебя есть важная информация. Он тебя захочет видеть. Скажи, что остерегаешься контрмер со стороны друидов. Скажи, что окончательно установил курьера и что он летит на «Бельзвуроне». Дашь краткое описание этого человека и вернешься сюда.

— Слушаюсь, лорд.

Джо услышал шарканье ног шофера. Он скользнул назад, пролез под днищем длинного голубого экипажа и поднялся на ноги. Джулиам шел через стоянку. Сделав круг, Джо вернулся к машине и забрался внутрь.

Глаза Хабльята горели, но он произнес беззаботным тоном:

— Ага, вот и вы, молодой человек. Где же вы были? А, вижу. Новый наряд. Очень, очень разумно, хотя, конечно, было весьма неосторожно идти вдоль аркады. — Он полез в кошелек и достал конверт. — Вот ваш билет. Балленкарч через Джинкли.

— Джинкли? Где это?

Хабльят сложил вместе кончики пальцев и стал говорить преувеличенно любезным тоном:

— Вам, вероятно, известно, что планеты Кайрил, Менгс и Баллекарч образуют почти равносторонний треугольник. Джинкли — искусственный спутник в его центре. Кроме того, он расположен в точке пересечения линии Менгс-Сомбоз-Баланд и перпендикулярной к ней трассы Фрукс — Внешняя система. Джинкли замечателен во многих отношениях. Необычное конструкторское решение, высокий уровень обслуживания пассажиров, знаменитые Сады, космополитичность лиц, встречаемых на нем. Надеюсь, путешествие вам понравится.

— Надо думать, — согласился Джо.

— На борту будут находиться шпионы — они здесь действуют повсюду. Шагу нельзя ступить, чтобы не споткнуться о шпиона. В их инструкции касательно вас насилие может входить, а может и не входить. Рекомендую никогда не утрачивать бдительности — хотя, как это хорошо известно, убийца-профессионал ни за что не упустит удобного случая.

Джо произнес с мрачным юмором:

— У меня пистолет.

Хабльят чистыми глазами встретил его взгляд:

— Хорошо. Отлично. Итак, менее чем через минуту корабль отчалит. Вам лучше подняться на борт. Не могу вас сопровождать, но верю, что вам будет сопутствовать удача.

Джо спрыгнул на землю.

— Спасибо за все, — бесстрастно сказал он.

Хабльят протестующе поднял ладонь:

— Не благодарите, прошу вас. Я рад помочь в беде хорошему человеку. Тем более что вы можете оказать мне ответную услугу. Я обещал моему другу, балленкарчскому принцу, образец лучшего на Кайрил вереска. Не могли бы вы оказать любезность передать ему вот этот горшочек с сердечным приветом от меня? — Хабльят показал на растение в горшке с землей. — Я положу его вот сюда, в сумку. Пожалуйста, будьте с ним осторожны. Если можно, поливайте его раз в неделю, пожалуйста.

Джо принял горшочек с землей и растением. Над полем заревела корабельная сирена.

— Торопитесь, — сказал Хабльят. — Быть может, мы еще когда-нибудь встретимся с вами.

— Всего доброго, — ответил Джо.

Он повернулся и направился к кораблю, готовому к вылету.

От станции к кораблю шли последние пассажиры. Джо уставился на них: какие-нибудь пятьдесят футов расстояния отделяли его от этой пары. Высокий широкоплечий человек с лицом злобного сатира и тонкая темноволосая девушка. Манаоло и жрица Ильфейн...

5

Скелет грузовой станции черной паутиной высился в мрачном небе. По расшатанным ступенькам Джо поднялся наверх. Никто не шел следом за ним, никто не наблюдал. Он подошел к антенне локатора, поставил возле нее горшок с растением — так, чтобы он был не на виду. «Кви про кво» Хабльята могло обойтись ему слишком дорого.

Джо кисло улыбнулся. «Ограниченный интеллект», «тупоголовые идиоты» — достаточно древние фразы, и предназначаются они обычно для того, чтобы соглядатаи не услышали о себе ничего хорошего. Возможно, так было и в этом случае.

«Я ввязался в плохую историю, — подумал Джо. — Впрочем, все равно. Скорее бы прилететь на Балленкарч...»

С твердостью и энергией, характерными для друидов, Манаоло и Ильфейн пересекли площадку, поднялись по трапу и зашли в люк.

Джо проклял старого Хабльята. Он что, думает, что Джо способен настолько увлечься Ильфейн, чтобы бросить вызов Манаоло?

Джо фыркнул:

«Старый перезрелый ханжа!»

У Джо не было ни малейшей уверенности, что Ильфейн воспримет его как потенциального противника или любовника. А после того, как ее коснулся Манаоло... Мускулы желудка сжались.

«Даже если я забуду о Маргарет, — думал он про себя. — У меня своих забот хватает, не хватало еще приплетать чужие».

На верхней площадке трапа стоял стюард в красной униформе в обтяжку. Ноги его украшал орнамент из рядов золотых лягушек, в ухо был вставлен радиоприемник, а к горлу прикреплен микрофон. Джо еще не встречал представителей этой расы — стюард был широкоплеч, беловолос и с глазами, зелеными, как изумруды.

Джо испытывал растущее волнение. Ему казалось, что товэрч уже знает о его бегстве с планеты и что его сейчас остановят.

Почтительно наклонив голову, стюард взял его билет и предложил пройти. Джо пересек площадку трапа в направлении выпуклого черного корпуса корабля и зашел в затемненную нишу двойного люка.

Там, за переносным столом, сидел корабельный эконом, второй человек из той же беловолосой расы. Как и на стюарде, на нем был ярко-красный костюм, подобно второй коже обтягивавший тело. Наряд дополняли красный головной убор, обтягивающий череп, и эполеты.

Он протянул Джо книгу:

— Ваше имя и отпечаток пальца, пожалуйста. Исключительно на тот случай, если в полете с вами случится несчастный случай.

Пока казначей изучал его билет, Джо расписался и прижал палец в обведенный квадратик.

— Первый класс. Четырнадцатая каюта. Багаж, боготворимый?

— У меня его нет, — ответил Джо. — Но, надеюсь, на корабле есть лавка, где можно запастись бельем?

— Разумеется, разумеется, боготворимый. А сейчас, если желаете пройти в каюту, стюард вас проводит.

Джо опустил взгляд на книгу. Как раз над своей подписью он увидел запись, сделанную высоким угловатым почерком:

«ДРУИД МАНАОЛО КИА ВОЛОНДЬЕТ».

Еще выше округлыми буквами значилось:

«ЭЛНИЕТЕ ВОЛОНДЬЕТ».

Подписалась, как жена.

Джо сжал губы.

Манаоло определили в тринадцатую каюту, Ильфейн — в двенадцатую. Ничего странного в этом не было. «Бельзвурон» был транспортно-пассажирским кораблем, и, в отличие от больших пассажирских кораблей, которые разлетаются во всех направлениях, особых удобств на нем для пассажиров не было и не предусматривалось. Так называемые «каюты» на самом деле были клетушками с гамаками, выдвижными ящиками, крохотными ваннами, с откидным оборудованием.

Стюард в облегающем костюме, на этот раз люминисцентно-голубого цвета, предложил:

— Сюда, лорд Смит.

Джо пришло в голову, что все, что нужно человеку, для того чтобы к нему стали относиться с уважением — это одеть на голову жестяную шляпу...

Вслед за стюардом он прошел через трюм, где уже спали пассажиры третьего класса, упакованные в гамаки. Затем он миновал столовую-салон. В противоположной стене находилось два ряда дверей, и к ней примыкал широкий балкон, на который выходил второй ряд. Последней в верхнем ряду была дверь с четырнадцатым номером.

Когда стюард и Джо проходили мимо тринадцатой каюты, дверь распахнулась и на балкон выскочил Манаоло. Он был бледен, а глаза его широко раскрылись, приобретя странную эллиптическую форму. В бешенстве, отпихнув плечом Джо, он открыл дверь двенадцатой каюты и исчез за ней.

Джо медленно принял равновесие, опираясь на перила. На мгновение все чувства, все мысли покинули его. Это было незнакомое ощущение, никогда прежде им не испытываемое. Безудержное, безграничное отвращение, какого не удавалось возбудить даже Гарри Кроссу.

В дверях своей каюты стояла Ильфейн. Она уже сняла голубую тогу и была в легком белом платье. Темноволосая девушка с узким, живым лицом, а сейчас к тому же искаженным гневом. Их взгляды встретились, и мгновение они стояли неподвижно, не отрывая друг от друга глаз.

Неприязнь в сердце Джо сменилась новым ощущением — волнением, воодушевлением, восторгом. Брови ее недоуменно поднялись, и

девушка приоткрыла было рот, чтобы что-то спросить. Джо встревожился, что она его узнала. Их последняя встреча была безликой, небрежной. А сейчас он был другим человеком, и одежда на нем была другая.

Она повернулась и закрыла за собой дверь. Джо и стюард прошли в четырнадцатый номер, и стюард помог ему забраться в гамак...

Джо проснулся и произнес:

— Того, что вы ищете, у меня нет. Хабльят подсунул вам ложную информацию...

Человек в углу каюты застыл, как стоял, спиной к нему.

— Не двигаться! — предупредил Джо. — Вы на мушке!

Он попытался вылезти из гамака, но сеть удержала его. Заслышав за спиной возню, пришелец бросил через плечо вороватый взгляд, тут же метнулся к двери и выскочил из каюты, словно призрак.

Джо громко позвал, но ответа не последовало. Высвободившись из сети, он подбежал к двери и выглянул в салон. Он был пуст.

Джо закрыл дверь. Проснувшись, он не успел как следует запечатлеть внешность незнакомца. Запомнилось только, что это был человек приземистый, коренастый, даже несколько угловатый. Лицо его промелькнуло лишь на миг, но Джо успел обратить внимание на желтоватый оттенок кожи, словно под ней струилась кровь ярко-желтого цвета. М Е Н Г.

«Начинается, — подумал Джо. — Чертов Хабльят предоставил мне роль козла отпущения...»

Он подумал, что надо бы сообщить о случившемся капитану, которому, будь он друид или менг, не слишком приятно будет узнать, что на его корабле творятся беззакония. Но, поразмыслив, он решил не делать этого. Собственно, докладывать было не о чем — подумаешь, какой-то нищий забрался в его каюту. Вряд ли капитан подвергнет психодознанию всех пассажиров лишь для того, чтобы найти вора.

Зевая, Джо потер лоб. Вот и опять он в космосе и, возможно, уже на последнем этапе своего пути в открытое пространство. Если, конечно, Гарри не отправился дальше.

Он поднял щиток на иллюминаторе и задумчиво взглянул на давно ставшую знакомой картину. Впереди, на носу корабля, буферный экран абсорбировал встречную радиацию. Энергия передавалась дальше, увеличивала свою плотность и частоту благодаря эффекту Допплера и пополняла запасы топлива.

Перспективы смещались, растворяясь, а звезды плыли, кружились в водовороте, дрейфовали, как пылинки в луче света. А за кормой была кромешная тьма, потому что корабль поглощал весь свет. Да, это была знакомая картина. Джо закрыл иллюминатор. Предстояло принять ванну, одеться, поесть.

Он поглядел в зеркало. В глаза бросилась отросшая щетина. Бритвенный прибор лежал на стеклянной полке под откидной раковиной. А когда Джо впервые вошел в каюту, прибор висел на крюке на переборке.

Джо отпрянул от стены. Руки дрожали. Разумеется, посетитель пришел сюда не для того, чтобы побриться. Он поглядел под ноги и увидел циновку из плетеных медных колец. От нее к водопроводной трубе бежал едва заметный медный проводок.

Он осторожно сгреб бритву и отнес ее себе на койку. Продолжением рукоятки служила деталь в форме соска, прихваченная к рукоятке металлической лентой. Деталь эта принадлежала к блоку узла, черпающего энергию из главного поля корабля.

Джо подумал, что еще много будет поводов поблагодарить Хабльята, столь великодушно спасшего его от товэрча и посадившего на борт «Бельзвурона».

Джо вызвал стюарда. Вошла молодая женщина, как и прочие члены экипажа, светловолосая. На ней было короткое оранжевое с голубым платье, облегавшее ее, как слой краски. Джо завернул бритву в наволочку и приказал:

— Отнесите это к электрику и пропустите разряд. Это очень опасно, поэтому не прикасайтесь сами и не давайте никому прикасаться. И вот еще что: не могли бы вы мне принести другую бритву?

— Да, сэр,

Женщина вышла.

Приняв в конце концов ванну, Джо побрился и оделся в лучшее, что мог ему предоставить его ограниченный гардероб. Затем он вышел в салон. Из-за половинной гравитации приходилось ступать очень осторожно и медленно.

В креслах сидели четверо или пятеро — мужчины и женщины — и вели неторопливую осторожную беседу.

Некоторое время Джо стоял, наблюдая.

«Странные, неестественные создания, — думал он, — эти существа космического века. Они столь деликатны и церемонны, что общение в разговоре для них — не более чем способ оттачивать манеры. Они настолько фальшивы, что ничто не может их потрясти сильнее, чем искренность и непосредственность».

Среди пассажиров находились три менга — двое мужчин и женщина. Из мужчин один был стар, другой молод, оба в роскошной униформе, указывающей на их принадлежность к Красной Ветви Менгса. Молодая женщина-менг, обладавшая несколько тяжеловесной красотой, была, очевидно, женой молодого офицера. Черты остальных двух присутствующих, как и людей, управлявших кораблем, были Джо незнакомы. Они напоминали Джо картинки из книг волшебных сказок детства. Это были всклокоченные хилые создания, большеглазые и тонкокожие, в ярких просторных одеждах.

Джо спустился по ступенькам на главную палубу. Появился корабельный стюард. Указывая на Джо, он произнес:

— Позвольте представить вам лорда Джо Смита с планеты... с планеты Земля. — Затем он представил ему присутствующих. — Ирру Каметви, — сказал он, указав на старого офицера-менга. — Ирру Экс Амма и Ирриту Тояй с Менгса. — Он повернулся к сказочным существам. — Пратер Лулай Хасассимасса и его супруга леди Гермина Сильская.

Джо вежливо поклонился и сел в конце длинного ряда кресел. Молодой менг, Ирру Экс Амма, спросил с интересом:

— Правильно ли я расслышал: вы назвали своей родиной планету Земля?

— Да, — почти агрессивно ответил Джо. — Я родился на континенте, называвшемся Северной Америкой, на котором был построен первый корабль, покинувший Землю.

— Странно, — пробормотал менг, недоверчиво разглядывая его. — Я всегда был склонен считать слухи о Земле не более чем одним из суеверий Космоса, чем-нибудь вроде Райских Лун или Звезды Дракона.

— Земля — не легенда, — сказал Джо. — Могу вас заверить. Когда-то, во времена внешних миграций, войн и программ планетарной пропаганды, случилось так, что факт существования Земли оказался под вопросом. Кроме того, нам очень редко случается путешествовать по вашему удаленному витку Галактики.

Женщина из сказки произнесла писклявым голосом, очень подходившим к ее хрупкому облику:

— И вы утверждаете, что все мы — менги, мы, друиды, биллендцы, управляющие кораблем фрунзане, таблиты — все произошли от земной ветви?

— Таковы факты.

— Это не есть абсолютная истина, — произнес металлический голос. — Друиды — плод Дерева Жизни. Это хорошо разработанная доктрина, а прочие голословные утверждения — ложны!

— Вы имеете право на личную точку зрения, — осторожно ответил Джо.

— Экклезиарх Манаоло киа Волондьет с Кайрил, — доложил стюард.

Затем последовала пауза, и Манаоло произнес:

— Я не только имею право на личную точку зрения, но и обязан протестовать против пропаганды некорректных установок.

— Это также ваше право, — сказал Джо. — Протестуйте, если хотите.

Он встретил взгляд мертвых глаз Манаоло. Возникло ощущение, что между ними двумя невозможно ни человеческое понимание, ни логика. Возможны лишь эмоции и упрямство.

Пришла жрица Ильфейн. Она была представлена компании и без слов села рядом с Германой Сильской. Обстановка изменилась: хоть Ильфейн и обменивалась пустыми любезностями с Германой, не глядя на Джо, все же ее присутствие внесло оживление и остроту.

Джо считал. Восемь вместе с ним. Четырнадцать кают. Неизвестных пассажиров оставалось шестеро. Один из тринадцати пытался его убить. Менг.

Из второй и третьей каюты вышли и были представлены обществу два друида. Это были престарелые святоши с бараньими лицами, летящие с миссией на Балленкарч. С собой они везли раскладной алтарь, который и был немедленно установлен в углу салона. Сразу же вслед за этим жрецы приступили к серии немых церемоний малого обряда Дерева. Манаоло рассматривал их без интереса минуту или две, затем отвернулся.

Оставалось четверо.

Стюард объявил трапезу — первую за этот день.

Появилась следующая пара: двое менгов в штатском — широких плащах из разноцветного шелка, светлых рейтузах и блузах, украшенных бриллиантами. Они подчеркнуто вежливо поклонились компании и, как только стюард установил раскладной стол, заняли свои места. Эти пассажиры представлены не были.

«Пятеро менгов, — подумал Джо. — Двое гражданских, двое солдат, женщина. В двух каютах оставались неизвестные пассажиры».

Открылась десятая каюта, и на балконе появилась тощая старая женщина. Голова ее, лысая, как яйцо, была плоской на макушке. На лице выделялись выпученные глаза и крупный костистый нос. Женщину окутывала черная пелерина, каждый палец на обеих руках был унизан драгоценными перстнями.

Дверь каюта номер шесть оставалась закрытой.

Меню, на удивление разнообразное, учитывало вкусы многих рас. Джо разучился привередничать с тех пор, как начал перелетать с планеты на планету. Ему доводилось употреблять в пищу органическую материю всех мыслимых цветов, составов, вкусов и запахов. Порой ему удавалось найти яствам подходящие и привычные названия — папоротники, фрукты, грибы, корни, рептилии, насекомые, рыбы, моллюски, слизни, споровые коробочки, животные, птицы — но оставалось еще много предметов, которые он не мог ни определить, ни назвать. И то, что их можно есть, он узнавал лишь на примере окружающих.

Его место оказалось как раз напротив Манаоло и Ильфейн. Он заметил, что они не разговаривают друг с другом, и несколько раз ловил на себе ее взгляд — озадаченный, оценивающий, осторожный.

«Она уверена, что видела меня раньше, — подумал Джо, — но не может вспомнить где...»

После еды пассажиры разделились. Манаоло уединился в гимнастическом зале, примыкающем к салону. Менги впятером уселись за

какую-то игру в разноцветные дощечки. Силлиты отправились на прогулку в сторону кормы. Долговязая женщина осталась неподвижно сидеть в кресле, бессмысленно уставившись в темноту.

Джо испытал желание позаниматься физическими упражнениями, но мысль о Манаоло удерживала его. В корабельной библиотеке он выбрал фильм и уже собирался вернуться в свою каюту.

— Лорд Смит, не могли бы вы со мной поговорить? — низким голосом произнесла появившаяся жрица Ильфейн.

— Разумеется.

— Может быть, пройдем ко мне в каюту?

Джо оглянулся через плечо:

— А ваш супруг не будет в претензии?

— Супруг? — на ее лице появились гнев и презрение. — Наши отношения абсолютно формальны. — Она замолчала, глядя в сторону, явно сожалея о своих словах. Затем вежливо и холодно произнесла повторно: — Я бы хотела поговорить с вами...

Ильфейн повернулась и направилась в свою каюту.

Джо тихонько рассмеялся: эта самочка не знает иного мира, кроме того, что у нее в голове, и не подозревает, что намерения окружающих могут расходиться с ее намерениями. Сейчас это забавно, но что будет, когда она станет старше? Джо вдруг пришло в голову, что неплохо было бы оказаться с ней вдвоем на необитаемом острове или планете и заняться подавлением ее нелепого упрямства и развитием понимания...

Он неторопливо последовал за ней. В каюте жрица села на койку, он — на скамью.

— Итак?

— Вы говорили, что ваша родина — Земля. Мифическая Земля. Это правда?

— Это правда.

— А где находится ваша Земля?

— Ближе к центру, где-нибудь в тысяче световых лет отсюда.

— На что она похожа? — Ильфейн наклонилась вперед, уперев локти в колени, положила на ладони подбородок и с любопытством поглядела на него.

Джо, неожиданно взволнованный, пожал плечами:

— Вы задали вопрос, на который нельзя ответить одним словом. Земля — очень старый мир. Повсюду древние здания, древние города, традиции. В Египте находятся древние пирамиды, построенные первой цивилизацией человечества, в Англии сложное сооружение из тесаных каменных глыб — Стоунхендж, отголосок почти столь же древних эпох. В пещерах Франции и Испании, глубоко под землей, остались рисунки, сделанные людьми, недалеко ушедшими от животных, на которых они охотились.

Она глубоко вздохнула:

— Но ваша цивилизация, ваши города — они отличаются от наших?

— Естественно, отличаются. В космосе не бывает двух одинаковых планет. На Земле существует старая устоявшаяся культура, зрелая и доброжелательная. Расы на ней слились, и я — результат этого смешения. Здесь, на внешних регионах, люди разъединены, замкнуты, и потому кое-где сохранились очень первозданные виды. Вы, друиды, физически близкие к нам, принадлежите к древней кавказской расе Средиземноморья,

— Но разве у вас нет великого бога — Дерева Жизни?

— В настоящее время сколько-нибудь организованной религии на Земле нет. Мы совершенно свободны и вольны жить так, как нам нравится. Некоторые поклоняются космическому создателю, другие чтут лишь физические законы, управляющие Вселенной. Уже давно никто не молится фетишам, антропоидам, животным или растениям, вроде вашего Дерева.

— Вы... — воскликнула она. — Вы смеетесь над нашим священным учением?

— Извините.

Она поднялась, затем вновь села, подавляя гнев.

— Во многом вы мне интересны, — сказала она задумчиво, словно пытаясь оправдать перед собой свое терпение. — У меня такое чувство, что мы с вами знакомы...

— Я был шофером вашего отца, — сказал Джо, побуждаемый почти садистским импульсом. — Вчера вы и ваш муж собирались меня прикончить...

Она замерла, открыв рот и уставившись на него. Затем поникла и откинулась на спинку дивана:

— Вы... вы...

Но взгляд Джо уже привлекло нечто за ее спиной. На полке над койкой стояло растение, идентичное или почти идентичное оставленному им на Кайрил.

Жрица поняла, куда он смотрит. Рот ее закрылся. Она выдохнула:

— Вы знаете? — Это было сказано почти шепотом. — Убейте меня, уничтожьте меня, я устала от жизни!

Она встала, бессильно уронив руки. Джо поднялся, сделал шаг к ней. Это было похоже на сон: бесследно исчезли логика и здравый смысл, причина и следствие. Он положил ладони на ее плечи. Она была теплая и тонкая и вздрагивала, как птица.

Она откачнулась и вновь села на койку.

— Я не понимаю, — произнесла она хрипло. — Я ничего не понимаю.

— Скажите мне, — столь же хрипло произнес Джо, — какое отношение имеет к вам Манаоло? Он что, ваш любовник?

Она не ответила. Затем сделала слабое отрицательное движение головой:

— Нет, он мне никто. Он послан с миссией на Балленкарч. Я решила, что хочу отдохнуть от ритуалов. Я хотела приключений и не подумала о последствиях. Но Манаоло мне страшен. Он приходил ко мне вчера, и я испугалась!

Джо почувствовал огромное облегчение. А затем, вспомнив о Маргарет, он виновато вздохнул. Тем временем на лице Ильфейн вновь появилось выражение, свойственное юной жрице.

— Какая у вас профессия, Смит? — спросила она. — Вы шпион?

— Нет, я не шпион.

— Тогда зачем вы летите на Балленкарч? Только шпионы и агенты летают на Балленкарч. Друиды, менги и их наемники.

— У меня личное дело. — Он поглядел на нее, и ему подумалось, что эта пылкая жрица лишь вчера с такой же пылкостью собиралась убить его.

Она заметила, что он ее разглядывает, и опустила голову с капризной шутовской гримасой — кокетливый трюк девицы, осведомленной о своем обаянии. Джо рассмеялся и вдруг застыл, прислушиваясь. Из-за стены доносился скребущийся звук. Ильфейн оглянулась вслед за ним.

— Это у меня.

Джо вскочил, открыл дверь, пробежал по балкону и распахнул дверь каюты. Там стоял молодой офицер, Ирру Экс Амма, глядел на него и улыбался невеселой улыбкой, открывавшей желтые зубы. В руке он держал пистолет, нацеленный Джо в переносицу.

— Назад! — приказал он. — Назад!

Джо медленно попятился на балкон. Он оглянулся на салон. Четверо менгов по-прежнему были заняты игрой. Один из гражданских поднял глаза, затем что-то пробормотал партнеру, и они разом повернули головы в его сторону. Джо успел заметить глянец на четырех лимонных лицах. И тут же менги вернулись к игре.

— В каюту женщины-друида, — приказал Экс Амма. — Быстро!

Он указал пистолетом, не переставая широко улыбаться, словно лисица, скалящая клыки.

Джо медленно вернулся в каюту Ильфейн, переводя взгляд с пистолета на лицо менга и обратно.

Ильфейн судорожно вздохнула. Она была в ужасе.

— Аххх! — сказал менг, увидев горшок, с торчащим из него прутом, и повернулся к Джо. — Спиной к стене, — сказал он, потом выпрямил руку с пистолетом, и на его лице появилось предвкушение.

Джо понял, что пришла смерть...

Дверь за спиной менга открылась, и послышалось шипение. Менг выпрямился, отгибаясь назад, дернул головой, челюсти его окостенели в беззвучном крике. Он рухнул на палубу.

В дверях стоял Хабльят с цветущей улыбкой на физиономии:

— Очень сожалею, что вам причинили беспокойство...

6

Глаза Хабльята замерли на растении, стоявшем на шкафу. Он покачал головой, облизал губы и устремил на Джо укоризненный взгляд:

— Мой дорогой друг, вы послужили инструментом в разрушении очень тщательно составленного плана.

— Если бы вы меня спросили заранее, — сказал Джо, — хочу ли я пожертвовать жизнью для выполнения ваших планов, нам бы удалось сберечь массу времени и сил.

Хабльят блеюще рассмеялся. При этом на его лице не шевельнулся ни один мускул.

— Вы очаровательны. Я счастлив, что вы остались с нами. Но сейчас, боюсь, произойдет скандал.

По балкону уже воинственно маршировали три менга — Ирру Каметви, старый офицер, и с ним двое гражданских. Ощетинившийся, как рассерженный пес, Ирру Каметви отдал честь.

— Лорд Хабльят, это вопиющее нарушение! Вы вмешались в действие офицера досягаемости, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

— Вмешался? — запротестовал Хабльят. — Я убил его. А что насчет «обязанностей» — с каких это пор беспутный голодранец из Красной Ветви ставится в один ряд с членом Амиану-Женераль?

— Мы выполняем распоряжения Магнерру Ипполито, личное распоряжение. У вас нет ни малейших оснований...

— Магнерру Ипполито, могу вам напомнить, — вкрадчиво произнес Хабльят, — подответствен Лабону, в который вместе с Голубой Водой входит и Женераль!

— Стая белокровных трусов! — воскликнул офицер. — Да и прочие из Голубой Воды — тоже!

Женщина-менг, стоявшая, выпрямившись, на главной палубе и привлеченная происходящим на балконе, вдруг вскрикнула. Затем раздался металлический голос Манаоло:

— Грязные ничтожные собаки!

Он выскочил на балкон: сильный, гибкий и страшный в своей слепой ярости. Схватив рукой за плечо одного из штатских, он швырнул его на перила и затем то же самое сделал и со вторым. Он поднял Ирру Каметви и сбросил его вниз. Совершив замедленный в половинной гравитации полет, Ирру с хрипом растянулся на палубе. Манаоло повернулся к Хабльяту, который протестующе поднял руку.

— Минутку, экклезиарх! Прошу не применять к моей несчастной туше силы.

В ответ на эти слова тело друида изогнулось. На свирепом лице не возникло никаких чувств, кроме злобы.

Вздохнув, Джо шагнул, выбросил вперед левый кулак, нанеся сильный удар правым, и Манаоло упал. Лежа, он уставился на Джо мертвенно-черными глазами.

— Сожалею, — сказал Джо, — но Хабльят только что спас жизнь мне и Ильфейн. Дайте ему высказаться.

Манаоло вскочил на ноги, без слов бросился в каюту Ильфейн, закрыл дверь и заперся изнутри. Хабльят повернулся, насмешливо глядя на Джо:

— Вот мы и обменялись любезностями.

— Мне бы хотелось знать, что происходит, — сказал Джо. — А еще больше мне бы хотелось заняться собственными делами. У меня их хватает.

Хабльят с восхищением на лице покачал головой:

— Вы бросаетесь в водоворот событий ради одному лишь вам ведомой цели. Кстати, если бы мы прошли ко мне в каюту, у меня там бы нашелся чудесный напиток, способный помочь вам скинуть напряжение.

— Яд? — спросил Джо.

Хабльят без улыбки покачал головой:

— Отличное бренди, не более...

Капитан корабля собрал пассажиров в салоне. Это был высокий, тучный, очень черноволосый человек с белым плоским лицом и тонким розовым ртом. Его одежду составляла билендская облегающая форма темно-зеленого цвета, со стеклянными эполетами и алыми кольцами вокруг локтей.

Пассажиры рассаживались в глубокие кресла. Здесь были два штатских менга, Ирру Каметви, безмятежный и уютный в просторном халате из тусклой бледной материи Хабльят, и рядом с ним Джо. Далее сидела тощая женщина в черном платье — с ее стороны доносился приторно-тошнотворный, не то растительный, не то животный запах. Далее находились силлиты, двое друидов, спокойных и уверенных, и, наконец, Манаоло. На нем было ниспадающее одеяние из светло-зеленого сатина, с золотыми галунами по ногам. Легкий плоский моржон весело сверкал на черных кудрях.

Капитан заговорил — серьезно, взвешивая каждое слово:

— Для меня не секрет, что в отношениях миров Кайрил и Менгс существует напряженность и враждебность. Но этот корабль — собственность Билленд, и мы намерены соблюдать невмешательство и нейтралитет. Сегодня утром произошло убийство. Расследование позволило мне установить, что Ирру Экс Амма был обнаружен, когда обыскивал каюту лорда Смита. Будучи застигнутым, он заставил лорда Смита перейти в каюту жрицы Элниете (под этим именем Ильфейн зарегистрировалась в списках пассажиров), где намеревался убить их

обоих. Лорд Хабльят, в похвальном стремлении не дать разгореться межпланетному конфликту, вмешался и умертвил своего земляка Ирру Экс Амма... Остальные менги, выражая протест, подверглись нападению Экклезиарха Манаоло, который пытался также напасть на лорда Хабльята. Лорд Смит, опасаясь, что Манаоло, игнорируя истинную подоплеку событий, причинит вред лорду Хабльяту, нанес ему удар кулаком. Естественно, я верю, что такова подлинная суть происшествия...

Капитан сделал паузу. Все молчали. Хабльят сидел, играя пальцами, нижняя губа его расслабленно отвисла. Ильфейн напряженно молчала. Джо чувствовал, что медленный взгляд Манаоло ползет по его лицу, плечам, ногам.

Капитан продолжал:

— Моей уверенности способствует так же то, что главный виновник события, Ирру Экс Амма, наказан смертью. Остальные повинны разве лишь в горячем темпераменте. Но допускать эксцессы в дальнейшем я не намерен. Если что-нибудь произойдет, участники будут загипнотизированы и уложены до конца путешествия в гамаки. Согласно традициям Билленда, наши корабли — нейтральная территория, и этот статус мы намерены сохранять и поддерживать. И далее: скандалы, личные и межпланетные, должны быть отложены до тех пор, пока вы не выйдете из-под мой опеки. — Он тяжело поклонился. — Благодарю вас за внимание.

Менги немедленно поднялись, женщина ушла в каюту выплакаться. Трое мужчин вернулись к игре в разноцветные плитки. Хабльят отправился на прогулку. Тощая женщина, сидевшая без движения, глядя в то место, где только что стоял капитан, не пошевелилась. Силлиты пошли в библиотеку. Друиды-миссионеры подошли к Манаоло.

Ильфейн тоже поднялась, потянулась, быстро взглянула на Джо, затем на широкую спину Манаоло. Решившись, она сделала к нему несколько шагов и села в соседнее кресло.

— Скажите, лорд Смит, что говорил вам Хабльят, когда вы находились в его каюте?

Джо тяжело пошевелился в кресле:

— Жрица, я не испытываю желания переносить сплетни от друидов к менгам, и обратно. Но в данном случае мы ни о чем важном не говорили. Он расспрашивал, как я жил на Земле. Его интересовал человек с планеты, о которой толком никто ничего не знает. Я описал ему несколько планет, на которых случалось останавливаться. И еще мы выпили немалое количество бренди. Вот и все, что произошло в его каюте.

— Я не могу понять, почему Хабльят защитил нас от молодого офицера-менга... Какая ему польза? Он такой же менг, как и остальные, и скорей умрет, чем позволит друидам приобрести власть над Балленкарчем.

— Разве вы с Манаоло отправились в путь для того, чтобы взять власть над Балленкарчем?

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами, затем забарабанила пальцами по колену. Джо улыбнулся про себя. Предложи кому другому стать неограниченным авторитетом — он может разозлиться. Но только не Ильфейн.

Он рассмеялся.

— Почему вы смеетесь? — спросила она подозрительно.

— Вы напомнили мне котенка, очень довольного собой, потому что его одели в платье куклы...

Она вспыхнула, глаза засверкали:

— Так, значит, вы смеетесь надо мной?

Секунду поразмыслив, он произнес в ответ:

— А когда-нибудь вы смеялись над собой?

— Нет. Конечно нет.

— Попытайтесь иногда...

Он встал и вышел в гимнастический зал.

7

Джо до пота поработал на «бегущей дорожке», спрыгнул и, тяжело дыша, уселся на скамейку. Манаоло тихо вошел в зал, обвел глазами потолок, опустил взгляд на пол и медленно повернулся к Джо. Тот встревожился. Манаоло оглянулся через плечо и, сделав три шага, оказался перед ним. Он стоял, глядя на него сверху вниз, и лицо его было лицом не человека, а какого-то фантастического призрака из преисподней.

— Ты прикоснулся ко мне своими руками! — воскликнул он.

— Прикоснулся к тебе?! Я врезал тебе по физиономии...

Рот Манаоло, чувственный, как у женщины, но все же твердый и мускулистый, изогнулся в уголках. Друид пригнулся, бросился вперед и нанес удар. Джо согнулся, в безмолвной боли схватившись руками за низ живота. Манаоло откачнулся и ударил его коленом в подбородок.

Джо медленно рухнул на палубу. Манаоло склонился над ним, и в его ладони сверкнул какой-то металлический предмет. В слабой попытке защититься Джо поднял руку — Манаоло отбил ее в сторону. Затем прижал к его носу металлический инструмент и надавил. Два тонких металлических лезвия пронзили хрящик, облачко пудры прижгло порезы.

Манаоло отпрыгнул. Уголки рта поднялись в довольной улыбке. Повернувшись на каблуках, он бодрой походкой вышел из комнаты.

— Не так уж плохо, — сказал корабельный врач. — Два шрама останутся на всю жизнь, но их будет почти не видно.

Джо рассматривал свое лицо в зеркало. Синяк на подбородке, пластырь на носу...

— Выходит, я остался с носом.

— Вы остались с носом, — деревянно согласился врач. — Хорошо, что я вовремя оказал помощь. Эта пудра мне некоторым образом знакома. Это гормон, ускоряющий рост кожи. Если его не удалить, рост клеток кожи идет непрерывно. У вас на лице вскоре возникло бы три выроста.

— Видите ли, — сказал Джо. — Это был несчастный случай. Я бы не хотел понапрасну беспокоить капитана, и, надеюсь, вы не будете ему докладывать?

Доктор пожал плечами, повернулся и стал укладывать инструменты:

— Странный несчастный случай...

Джо вернулся в салон. Силлиты изучали игру в разноцветные дощечки, оживленно болтая с менгами. Друиды-миссионеры, склонившись голова к голове над алтарем, вершили какой-то путаный ритуал. Хабльят, удобно развалившись в кресле, с видимым удовольствием разглядывал ногти. Дверь каюты Ильфейн открылась, из нее вышел Манаоло. Бросив на Джо равнодушный взгляд, он стал прохаживаться по салону.

Джо присел рядом с Хабльятом, нежно поглаживая нос.

— Все еще на месте.

Хабльят успокаивающе кивнул:

— Он выглядит не хуже, чем неделю назад. Эти биллендские медики — настоящие чудотворцы. На Кайрил, где докторов не существует, лайти применяют примочки из какой-то дряни, но рана все равно не заживает. Вы увидите немалое количество лайти с носами из трех отростков. Убивать их — любимое развлечение друидов. Вы, похоже, значительно менее огорчены, чем того допускают обстоятельства?

— Мне довольно неприятно.

— Позвольте объяснить вам этот штрих в психологии друидов. По мнению Манаоло, нанесение раны исчерпывает вопрос. В ссоре между ним и вами, с его стороны, это было последней реакцией, последним действием. На Кайрил друиды совершают поступки, не боясь ответственности — во имя Дерева. Это дает им особое чувство непогрешимости. Смею вас уверить, Манаоло будет удивлен и даже оскорблен, если вы захотите продолжать конфликт.

Джо пожал плечами.

— Вы молчите, — с недоумением произнес Хабльят. — Ни гнева, ни угроз.

Джо улыбнулся:

— Пока я успел только удивиться. Дайте мне время.

— А, понял. Вас ошеломило нападение, не так ли?

— И даже очень.

Хабльят вновь кивнул, складки жира, свисавшие с подбородка, дрогнули.

— Переменим тему. Меня интересует ваше описание друидов до христианского периода.

— Скажите мне, — сказал Джо, — что это за горшок, вокруг которого вся эта суета? Сигнал? Или какой-нибудь военный секрет?

Глаза Хабльята широко раскрылись:

— Сигнал? Военный секрет? Нет, мой дорогой друг, клянусь честью. Горшок — самый настоящий горшок, а растение — самое настоящее растение.

— В таком случае, откуда такой ажиотаж? И зачем вы мне пытались его навязать?

Хабльят задумчиво произнес:

— Иногда в делах планетарных масштабов приходится принести в жертву удобства одной персоны, чтобы многие в конечном итоге получили прибыль. Вы везли растение, чтобы послужить приманкой для моих соотечественников, бряцающих оружием, и отвлечь их от друидов.

— Не понимаю. Разве вы служите не одному правительству?

— В том-то и дело. Цели у нас одни — слава и процветание нашей планеты. Но в государственной системе менгов существует весьма странная трещина, разделившая военные круги Красной Ветви на коммерческие круги Голубой Воды. Это две души одного тела, два мужа одной жены. И те и другие любят Менгс. Но для проявления этой любви они пользуются разными способами. Фактически они отвечают лишь перед Латбоном и, что на ступень ниже, перед Аминиану-Женераль. И там, и там сидят представители обоих течений. Часто такая система действует неплохо — порой два разных подхода к одной проблеме идут лишь на пользу. Красная Ветвь прямолинейна и не останавливается перед применением силы. По их мнению, лучший способ решить проблему друидов — подвергнуть планету военной операции. Мы, сторонники Голубой Воды, заостряем внимание на том, что за этим могут последовать огромные жертвы, большие разрушения, и что, если в конечном итоге нам и удастся покорить орды религиозных фанатиков лайти, мы уничтожим на Кайрил все, что там есть ценного для нас. Видите ли, помимо сельскохозяйственной продукции, Кайрил поставляет сырье для нашей промышленности, а также изделия, связанные с ручным трудом. У нас взаимовыгодный союз, но нынешняя политика друидов — отрицательный фактор. Индустриальный Балленкарч, управляемый друидами, способен серьезно нарушить баланс. Красная Ветвь намерена уничтожить друидов. Мы же хотим повлиять на экономику Кайрил — отвлечь ее от Дерева и направить на производство продукции.

— И как вы надеетесь этого добиться?

— Строго между нами, дорогой друг. Мы позволим друидам продолжать интриги.

Джо поморщился, машинально потрогав нос.

— Но этот горшок — каким образом он-то вписывается в картину?

— Горшок — это то, что бедные наивные друиды считают самой важной деталью своего плана. Вот почему я склонен считать, что горшок достигнет Балленкарча, даже если для этого мне придется убить еще два десятка правителей-менгов.

— Если вы говорите правду, в чем я сомневаюсь...

— Но, мой дорогой друг, какой же резон вам лгать?

— Кажется, я начинаю кое-что понимать в этом сумасшедшем доме...

Джинкли — полиэдр диаметром в одну милю, утопающий в диффузной люклинесценции. К нему, как пиявки, присосались дюжина кораблей, а космос вокруг густо усыпан блестками. Это смельчаки в скафандрах, чтобы почувствовать величие открытого космоса, удаляются от поверхности на десять, двадцать, тридцать миль.

Здесь, похоже, не существовало формальностей с приземлением, что было очень удобно, к удивлению Джо, привыкшего к тщательным проверкам, перепроверкам, индексам, резервным номерам, инспекции, карантинам, паспортам, визам, просмотрам, досмотрам, подписям и резолюциям.

«Бельзвурон» ткнулся носом в вакантный порт, состыковался с причалом, вязким мезонным полем, и затих.

Пассажиры в трюме, лежавшие в гипнотическом сне, остались непотревоженными.

— Мы прибыли на Дженкли, — сообщил капитан, вновь поспешно собравший пассажиров, — и останемся здесь на тридцать два часа, пока не примем на борт почту и груз. Некоторые из вас бывали здесь прежде. Думаю, нет необходимости предупреждать вас об осторожности. Для тех, кто посещает Дженкли впервые, сообщаю: он лежит вне планетарной юрисдикции, законы здесь диктует владелец и его управляющий, а их главная задача — посредством всяческих удовольствий и игр извлечь деньги из ваших карманов. Итак, предупреждаю: будьте осторожны в азартных играх. Обращаюсь к вашим дамам: не ходите одни в Парк Ароматов. Вам наверняка будет отказано в платном эскорте. Люди, бывавшие на третьем ярусе, согласятся, что это дорого и опасно. Там нередко происходят убийства. Мужчина, увлеченный девицей, удобная мишень для ножа. Кроме того, люди, предающиеся сомнительным забавам, снимаются на пленку, которая используется потом в целях шантажа.

Наконец, не рекомендуется настаивать, чтобы вас отвели вниз, на Арену, потому что там вы легко можете быть брошены на ринг и вам придется сражаться с искусным бойцом. Уже в тот момент, когда вы платите за вход, может оказаться, что на вас

пал выбор победителя. Поразительно, как много случайных посетителей (неважно, наркотики ли тому виной, или алкоголь, азарт, либо бравада) оказались в свое время на Арене. Многие из них были убиты или изувечены. Думаю, предупреждений уже достаточно. Не хочу вас запугивать, тем более что здесь вам могут предоставить много развлечений, не противоречащих закону. Девятнадцать садов — они известны всей Вселенной. В Целестиуме вы можете пообедать продуктами родной планеты, послушать родную музыку. Магазин вдоль Эспланады предоставит вам все, что пожелаете, по весьма разумной цене. С этими инструкциями я вас отпускаю. До вылета на Балленкарч — тридцать два часа...

Он вышел. Манаоло проводил Ильфейн в каюту. Друиды-миссионеры вернулись к алтарю, видимо, не имея намерения покидать корабль. По-военному печатая шаг, ушел офицер Ирру Каметви, и с ним юная вдова. Вслед за ними удалились менги в штатском. Тощая лысая старуха как сидела в кресле, уставясь в другой конец зала, так и осталась сидеть, не отклоняясь ни на дюйм. Силлиты умчались, визгливо смеясь и высоко подбрасывая колени.

Хабльят остановился перед Джо, заложив руки за спину:

— Итак, мой друг, собираетесь ли вы сойти?

— Да, — ответил Джо, — вполне возможно. Хочу посмотреть, что будут делать жрица и Манаоло.

Хабльят привстал на каблуки:

— Будьте поосторожнее с этим парнем, вот мой совет. Это порочный образец мегаломана, доведенный до апогея соответствующим окружением. Никто из нас не способен так возомнить о себе, как Манаоло. Он священный и неприкосновенный. Он не заботится о том, что хорошо, а что плохо. Его интересует лишь — что за Манаоло, а что против Манаоло.

Дверь тридцатой каюты открылась. Манаоло и Ильфейн вышли из нее на балкон. Манаоло, одетый в охотничью кирасу из золота и какого-то блестящего металла и длинное зеленое платье, расшитое желтыми листьями, шел впереди и нес небольшой сверток. Не глядя ни направо, ни налево, он спустился по ступенькам и вышел.

Проходя по салону, Ильфейн задержалась, поглядела ему вслед и качнула головой — красноречивый жест несогласия. Она повернулась и направилась к Джо и Хабльяту.

Хабльят почтительно склонил голову, но она отнеслась к его приветствию довольно холодно и обратилась к Джо:

— Я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Это приглашение или приказ?

Ильфейн насмешливо подняла брови:

— Это значит, что я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Прекрасно, — сказал Джо, поднимаясь. — Буду рад.

Хабльят вздохнул:

— Если бы только я был моложе и стройнее...

— Стройнее, — усмехнулся Джо.

— Ни одной красивой молодой даме не приходилось бы просить меня дважды.

Ильфейн сдержанно произнесла:

— Думаю, с моей стороны будет честно предупредить, что Манаоло обещал убить вас, если увидит, что мы разговариваем.

Наступила тишина. Затем Джо произнес голосом, показавшимся ему незнакомым:

— А потому вы первым делом приглашаете меня сопровождать вас?

— Вы боитесь?

— Я не храбрец.

Она резко повернулась и направилась к выходу.

Хабльят с любопытством произнес:

— Зачем же вы так?

Джо был зол:

— Она интриганка. Откуда такая уверенность, что ради нее я пойду на риск и что ради удовольствия ее выгуливать позволю себя пристрелить психованному друиду?

Он смотрел ей вслед, пока темно-синий плащ не скрылся из виду:

— И ведь она права. Я действительно отношусь именно к этой породе идиотов...

Он бросился ей вслед.

Сцепив ладони и грустно улыбаясь, Хабльят проводил его взглядом. Затем, запахнув халат на животе, он уселся в кресло и стал с сонным видом следить за друидами, колдовавшими над алтарем.

8

Они шли по коридору, вдоль которого выстроились в линию небольшие магазины.

— Слушайте, — сказал Джо. — Кто вы такая: жрица друидов, которой ничего не стоит лишить жизни человека из народа? Или просто милое взрослое дитя?

Ильфейн вскинула голову, пытаясь обрести вид значительный и ответственный:

— Я очень важная персона, и придет день, когда меня назначат Просителем за все графство Кельминстре. Это, правда, маленькое графство, но путь трех миллионов душ к Дереву будет в моих руках.

Джо пытался подавить улыбку:

— А что, без вас им не дойти?

Она рассмеялась и, вновь превращаясь в таинственную девушку, сказала:

— О, вероятно. Но я буду следить, чтобы они соблюдали приличия.

— Беда в том, что скоро вы и сами начнете верить в эту ерунду.

Она промолчала. Потом ехидно сказала:

— Куда это вы так пристально смотрите? Неужели этот коридор так интересен?

— Я жду этого дьявола Манаоло, — объяснил Джо. — Для него вполне естественно будет выскочить где-нибудь из тени и прирезать меня.

Ильфейн покачала головой:

— Манаоло отправился на третий ярус. С начала путешествия он каждую ночь пытался сделать меня своей любовницей, но я не хочу. Сегодня он пригрозил, что будет развратничать на Третьем ярусе, пока я не уступлю. Я сказала: пусть сделает одолжение, может быть, тогда он будет поменьше демонстрировать передо мной свое мужское начало. Он ушел от меня в ярости.

— Мне кажется, он всегда пребывает в состоянии оскорбленного достоинства.

— Он очень вспыльчив. А сейчас давайте пройдем сюда...

Джо схватил ее за руку, резко развернул и, глядя в испуганные глаза, произнес:

— Вот что, юная леди, не сочтите, что я демонстрирую перед вами мужское начало, но я не намерен проходить туда или сюда по вашей указке и таскать за вами баулы, как шофер...

Он тут же понял, что слово было подобрано неверно.

— Шофер? Ха! Тогда...

— Если вас не устраивает моя компания, то мне самое время уйти.

Через секунду она спросила:

— Какое у вас имя, кроме Смит?

— Зовите меня Джо.

— Джо, вы замечательный мужчина. И очень странный. Вы меня совсем запутали, Джо.

— Если хотите и дальше идти со мной — шофером, механиком, инженером, плантатором мха, барменом, инструктором по теннису, портовым грузчиком и бог знает кем еще — давайте войдем в Девятнадцать Садов и посмотрим, продают ли там земное пиво...

Девятнадцать Садов занимали долю в средней части конструкции — девятнадцать клиновидных секций, примыкавших к центральной платформе, служащей рестораном.

Они нашли свободный столик. К удивлению Джо, перед ними без разговоров поставили пиво в холодных запотевших квартовых кубках.

— Как пожелает ваша божественность, — коротко сказала Ильфейн.

Джо смущенно улыбнулся:

— Ни к чему заходить так далеко. Это, наверное, особенность друидов — впадать в крайности. Что вам заказать?

— Ничего. — Она развернулась в кресле, оглядывая сад.

И в этот момент Джо понял, что, волей или неволей, к добру или к несчастью, а он все-таки безумно влюблен. Маргарет? Он вздохнул: Маргарет осталась слишком далеко, в тысяче световых лет отсюда.

Он бросил взгляд в коридор, ведущий вдоль всех Девятнадцати садов. Здесь была представлена флора девятнадцати планет, сохранившая характерные цвета: черный, серый и белый Келса; оранжевый, желтый и зеленоватый Заркуса; мягковатые пастельные зеленые, голубые и желтые тона цветов, растущих на тихой маленькой планете Джонафан, и сотни иных растений — всевозможные зеленые, красные, небесно-голубые...

Джо замер, наполовину привстав.

— Что случилось? — спросила Ильфейн.

— Этот сад... Или это земные растения, или я — бесхвостая мартышка.

Он вскочил, подбежал к ограждению. Она вслед за ним.

— Герань, жимолость, петуньи, цинии, розы, итальянский кипарис, тополь, плакучие ивы. И лужайка... и гибикус... — Он посмотрел на табличку. — «Планета Ген. Местонахождение неизвестно».

Они вернулись к столику.

— Вы похожи на больного ностальгией, — капризно заметила Ильфейн.

Джо улыбнулся.

— Я и в самом деле очень болен ностальгией. Расскажите мне что-нибудь о Балленкарче.

Она попробовала пиво, поморщилась, удивленно посмотрела на него.

— Пиво поначалу никому не нравится, — заметил Джо.

— Я не очень-то много знаю о Балленкарче. Еще несколько лет назад он был абсолютно первобытным. Корабли на планету не садились, потому что автохтоны занимались людоедством. Но потом нынешний принц объединил малые континенты в единую нацию. Это произошло за одну ночь. Было много крови и жертв. Но с тех пор никого не убивали и корабли могут приземляться в относительной безопасности. Принц взял курс на индустриализацию. Он вывез большое количество машин из Биллеида, Менгста, Грабе. Мало-помалу, убивая одних вождей, гипнотизируя других, он подчинил себе и главный континент. Как вы могли догадаться, на Балленкарче сейчас отсутствует религия, и мы, друиды, рассчитываем установить контакт с новой промышленной властью на основе взаимного доверия. И нам не придется в дальнейшем зависить от Менгса. Менгам, естественно, эта идея не по душе, и они... — ее глаза вдруг округлились.

Она рванулась вперед, схватив его за руку:

— Манаоло! О, Джо, он нас видел!

Оболочка страха, окутывавшая его, вдруг исчезла. Нельзя праздновать труса, когда предмет любви боится за тебя.

Он откинулся в кресле, глядя на Манаоло. Друид, похожий на героя из страны демонов, широкими шагами шел по террасе. На его руке висела женщина с кожей бежевого цвета, в оранжевых панталонах, особенно бросавшихся в глаза благодаря платью голубого цвета и накидке. В другой руке он держал сверток. Мертвые глаза устремились в сторону Ильфейн и Джо. Он равнодушно переменил курс и прогулочным шагом направился к ним, на ходу вынимая из-за пояса стилет.

— Ну вот, — пробормотал Джо, поднимаясь. — Ну вот!

Публика, евшая и пившая в ресторане, бросилась врассыпную. Манаоло остановился в ярде от него, и на его лице промелькнула тень улыбки. Он положил сверток на стол, затем легко шагнул вперед и ударил.

Он сделал этот жест очень наивно, словно ожидал, что Джо будет стоять и ждать, пока его зарежут. Джо выплеснул ему в лицо пиво, ударил кулаком по руке, и стилет звякнул об пол.

— А теперь, — сказал Джо, — я постараюсь вышибить из тебя дух...

Манаоло лежал на полу. Джо, тяжело дыша, сидел на нем верхом. Пластырь, украшавший его нос, был сорван, кровь струилась по лицу и капала на грудь. Рука Манаоло нащупала стилет. Со сдавленным хрипом друид вывернулся. Джо перехватил руку, направив удар в сторону плеча Манаоло.

Друид вновь захрипел, занеся узкое лезвие. Джо выбил стилет из его руки, схватил оружие, проткнул ухо Манаоло и вонзил острие в деревянный пол, загнав лезвие поглубже несколькими ударами кулака. Он поднялся на ноги и посмотрел вниз.

Некоторое время Манаоло судорожно, как рыба, бился на полу. Наконец, он затих. Равнодушные слуги извлекли стилет, положили друида на носилки и понесли. Женщина семенила рядом. Манаоло приподнялся, что-то сказал ей. Она повернулась, подскочила к стойке, схватила сверток, вернулась и положила его Манаоло на грудь.

Джо упал в кресло, схватил пиво Ильфейн и стал жадно пить.

— Джо... — прошептала она, — вы не ранены?

— Я зол и неудовлетворен. Этот Наполеон — неприятный субъект. Если бы не ваше присутствие, я бы его растерзал. Но... — он скривил в улыбке окровавленные губы, — не могу же я позволить вам смотреть, как соперника раздирают на куски.

— Соперника? — она была изумлена. — Соперника?

— В отношении вас.

— О-о! — произнесла она бесцветным голосом.

— И не говорите мне: «Я царственная всемогущая жрица!»

Она все еще продолжала смотреть удивленно:

— Я не думала об этом. Я думала, что Манаоло никогда не был... вашим соперником.

— Мне нужно вымыться и во что-нибудь переодеться. Хотите сопровождать меня и дальше или...

— Нет, — ответила Ильфейн все тем же бесцветным тоном. — Я еще посижу здесь. Я хочу подумать.

Тридцать один час. «Бельзвурон» готовится к вылету. Пассажиры спешат вернуться на корабль, чтобы контролер успел поставить галочку.

Тридцать один час тридцать минут.

— Где Манаоло? — спрашивает Ильфейн контролера. — Он вернулся?

— Нет, боготворимая. Это точно.

Джо проводил ее к телефону.

— Госпиталь? — механическим голосом спросила она. Затем: — Меня интересует Манаоло, который был доставлен к вам вчера. Его уже выписали?.. Очень хорошо. Но поторопитесь, его корабль готовится к отлету. — Она повернулась к Джо. — Они пошли в его палату.

Прошло еще некоторое время, затем она вновь поднесла трубку к уху:

— Что? Нет!!!

— Что случилось?

— Он мертв! Его убили!..

Капитан согласился задержать корабль до возвращения Ильфейн из госпиталя. Она помчалась к подъемнику. Джо следовал за ней по пятам.

В госпитале их встретила медсестра биллендской расы, женщина с белыми волосами, увязанными в несколько пучков.

— Вы его жена? — спросила сестра. — Если да, то прошу оказать любезность сделать распоряжения насчет его тела.

— Я не жена. Меня не интересует, что вы будете делать с телом. Скажите, что случилось со свертком, который был при нем?

— В этой палате нет свертка. Я припоминаю, что он приносил с собой какой-то сверток, но сейчас его здесь нет.

— Кто навещал больного? — спросил Джо.

Последними посетителями Манаоло были три менга, оставившие в регистрационном журнале незнакомые имена. Коридорный служащий вспомнил, что один из них, пожилой мужчина с армейской выправкой, вышел из палаты со свертком.

Ильфейн с рыданиями упала Джо на плечо:

— Это был горшочек с растением!

Он обнял ее, стал гладить темные волосы.

— И теперь им завладели менги! — с несчастным видом закончила она.

— Простите меня за излишнее любопытство, — сказал Джо, — но что в нем такого важного, в этом горшочке?

Она посмотрела на него заплаканными глазами. Потом наконец ответила:

— Второе, самое важное во Вселенной, живое существо. Единственный живой побег с Дерева Жизни...

Они медленно возвращались на корабль по коридору, выложенному голубой плиткой.

Джо сказал:

— Я не только любопытен, но и глуп. Для чего нужно через все преграды нести побег Дерева Жизни? Разумеется, для того...

Она кивнула:

— Я вам говорила: мы хотели установить союз с Балленкарчем. Религиозный союз. Этот побег, Сын Дерева, послужил бы священным символом.

— И тогда, — подхватил Джо, — друиды оказались бы наверху, и Балленкарч превратился бы во второй Кайрил. Пять биллионов убогих рабов, два миллиона пресыщенных друидов, одно Дерево. — Он пытливо посмотрел на нее. — У вас на Кайрил есть кто-нибудь, кто считает, что с системой не все в порядке?

Она направила на него негодующий взгляд:

— Вы абсолютный материалист. На Кайрил материализм преследуется вплоть до смертной казни.

— «Материализм» означает «распределение прибылей», — сказал Джо. — А может быть, «подстрекательство к восстанию»...

— Жизнь — это преддверие к славе. Жизнь — попытка найти себе место на Дереве. Трудолюбивые рабочие живут выше, в Сиянии. Лайти, словно черви, должны ютиться во мгле корней.

— Если материализм — грех, в чем вы не сомневаетесь, то почему тогда друиды жрут, словно боровы? Чем можно объяснить жизнь в такой вызывающей роскоши? Не кажется ли вам странным, что те, кто проповедует материализм, являются противниками всего этого?

— Кто вы такой, чтобы критиковать? — закричала она в гневе. — Такой же варвар, как дикари Балленкарча?! Будь мы на Кайрил, там уже давно бы пресекли этот дикий бред!

— Чтобы он не повредил местному божеству, не так ли? — презрительно спросил Джо.

Оскорбленная, она не ответила и пошла вперед.

Улыбнувшись про себя, Джо последовал за ней...

В корабле открылся люк.

Ильфейн остановилась на пороге:

— Сын Дерева потерян. Видимо, уничтожен. — Она исподлобья посмотрела на Джо. — Теперь у меня нет причин лететь на Балленкарч. Я должна вернуться домой и сообщить в Коллегию товэрчей.

Джо уныло почесал подбородок. До сих пор он надеялся, что этот аспект проблемы ее не затронет. Наобум, не думая, что она все еще сердита на него, он предложил:

— Но ведь вы покинули с Манаоло Кайрил, чтобы бежать от жизни во дворце. Товэрчи с помощью своих шпионов проверят каждую деталь смерти Манаоло.

Она испытующе, с незнакомым ему выражением, посмотрела на него:

— Вы хотите, чтобы я летела с вами?

— Да.

— Зачем?

— Я боюсь, — сказал Джо с внезапным комком в горле, — что вы слишком сильно на меня повлияли. И особенно меня беспокоит ваша деформированная философия.

— Хороший ответ, — заявила Ильфейн. — Хорошо, я лечу, — произнесла она важно. — Возможно, мне удастся склонить балленкарчцев боготворить Дерево Жизни...

Джо задержал дыхание, чтобы не рассмеяться и не рассердить ее еще раз.

Она обиженно посмотрела на него:

— Я вижу, что вы находите меня смешной?

За столом контролера стоял Хабльят:

— Ага, возвращаетесь? А убийцы Манаоло сбежали с Сыном Дерева?

Ильфейн застыла на месте:

— Откуда вы знаете?

— Дорогая жрица — маленькие камешки, брошенные в воду, посылают большие круги к дальним берегам. Мне думается, я нахожусь гораздо ближе к подлинной сути происходящего, чем вы.

— Что вы имеете в виду?

Люк лязгнул, стюард вежливо произнес:

— Мы отлетаем через десять минут. Жрица, милорды, могу я попросить вас на время взлета разойтись по каютам?

9

Джо очнулся от транса. Вспомнив последнее пробуждение, он быстро высунулся из гамака, осматривая каюту. Но он был один, а дверь оставалась закрытой, завинченной — такой он оставил ее перед сном, а потом проглотил таблетку и стал смотреть на гипнотизирующие символы на экране.

Он выпрыгнул из гамака, принял ванну, побрился и одел новый голубой костюм, купленный на Джинкли. Он вышел в коридор на балкон. В салоне было темно. Очевидно, он проснулся слишком рано.

Он остановился перед тринадцатой каютой и представил, как там, за дверью, лежит теплая и безвольная Ильфейн, ее темные волосы рассыпались по подушке, а на лице и во сне остался отпечаток сомнения и гордой неуступчивости.

Он приложил ладонь к двери. Подмывало открыть ее. Лишь усилием воли он заставил себя убрать ладонь, повернулся и пошел вдоль балкона. И вдруг замер. На широкой скамье в наблюдательной нише кто-то сидел. Джо подошел ближе, всматриваясь в темноту. Хабльят...

Джо спустился по ступенькам.

Хабльят сделал приветственный жест:

— Садитесь, мой друг, и примите участие в моем предобеденном созерцании.

Джо сел в кресло:

— Вы рано проснулись.

— Напротив — никак не могу задремать. Я просидел шесть часов на этой скамье, и вы — первый, кого я вижу.

— А кого вы ждали?

Хабльят придал желтому лицу мудрое выражение:

— Я не ожидал кого-нибудь конкретно. Но несколько удачных вопросов в интервью на Джинкли дали мне понять, что люди не всегда таковы, какими выглядят. Я был удивлен, когда смог рассмотреть деятельность некоторых лиц в новом свете.

Джо со вздохом сказал:

— В конце концов, это не мое дело.

Хабльят погрозил ему толстым пальцем.

— Нет-нет, мой друг. Вы скромничаете. Вы притворяетесь. Не сомневаюсь, что к судьбе прелестной Ильфейн вы уже не можете оставаться равнодушным.

— Оставим это. Мне все равно, переправят друиды на Балленкарч свою растительность или нет. Но я не понимаю, почему в их усилиях вы принимаете столь живое участие. — Он пытливо посмотрел на Хабльята. — Будь я друидом, я бы как следует задумался над этим.

— О, мой дорогой друг, — проблеял Хабльят, — вы мне делаете комплимент. Но я тружусь во мраке. Я иду на ощупь. Есть тонкости, которые я еще не уловил. Вы удивитесь, если узнаете о втором лице кое-кого из наших спутников.

— Думаю, здесь есть чему удивиться.

— Возьмите, к примеру, лысую старуху в черном. Ту, что сидит и глядит в пустоту, словно уже околела. Что вы о ней думаете?

— Старая ящерица, отталкивающая, но безвредная.

— Ей четыреста двенадцать лет. Ее муж, по моим сведениям, создал эликсир жизни, когда ей было четырнадцать. Она убила его и лишь двадцать лет назад утратила свежесть юности. А до той поры любовники ее исчислялись тысячами, и были они всех видов,

размеров, полов, рас, цветов и кровей. Последние сто лет ее диета состояла исключительно из человеческой крови.

Джо откинулся в кресле, потер лицо:

— Продолжайте.

— Я узнал, что ранг и авторитет одного из моих соотечественников значительно выше, чем я полагал, и что я должен быть осторожнее. Я узнал, что у принца Балленкарчского на борту есть агент.

— Продолжайте.

— И еще я узнал — я, кажется, о такой возможности упоминал перед вылетом с Дженкли, — что потеря цветочного горшка не столь тяжелая драма для друидов.

— Это как же?

Хабльят задумчиво глядел на балкон.

— Вам когда-нибудь приходило в голову, — медленно произнес он, — что друиды поступили несколько странно, назначив Манаоло курьером в миссию такой степени важности?

— Я полагал, что здесь сыграл роль его ранг. По словам Ильфейн, он очень высок. Экклезиарх на ступень ниже товэрча.

— Но друиды не столь глупы и упрямы, — спокойно продолжал Хабльят. — Вот уже почти тысячелетие они ухитряются править пятью биллионами мужчин и женщин, не имея за спиной ничего, кроме огромного дерева. Они не кретины. Без сомнения, Коллегия товэрчей не питала иллюзий насчет Манаоло. Им отлично известно, что это чванливый эгоцентрист. Они решили, что из него получится хороший козел отпущения. Я же, недооценив их, подумал, что Манаоло сам нуждается в ширме. Для этого я выбрал вас. Но друиды предвидели трудности, которые могла встретить миссия, и предприняли некоторые шаги. Манаоло отправили с фальшивым саженцем, создав вокруг него атмосферу тайны. Настоящий Сын Дерева переправляется другим способом.

— И что это за способ?

Хабльят пожал плечами:

— Могу только догадываться. Возможно, жрица искусно прячет его у себя. Возможно, побег спрятан в багажном отделении — но в этом я сомневаюсь, они знают о квалификации наших шпионов. Я думаю, саженец находится под охраной какого-нибудь представителя Кайрил... Возможно, на этом корабле. Возможно, на другом.

— А дальше?

— А дальше — я сижу здесь и смотрю, не придет ли кто-нибудь усугубить мои подозрения. А дальше — вы пришли первым.

Джо тускло улыбнулся:

— И какие же выводы вы сделали?

— Никаких.

Появилась беловолосая стюардесса. Ее руки и ноги, в облегающем костюме, казались очень тонкими и изящными. В костюме? Джо впервые разглядел его поближе...

— Джентльмены будут завтракать?

Хабльят кивнул:

— Я буду.

— Мне принесите каких-нибудь фруктов, — попросил Джо. Тут же он вспомнил открытие, сделанное на Джинкли. — Я не смею мечтать, что у вас есть кофе.

— Думаю, найдется, лорд Смит.

Джо повернулся к Хабльяту:

— На них почти нет одежды! Это же краска!

Хабльят, казалось, был удивлен:

— Разумеется. А разве вы не знали, что на биллендцах всегда больше краски, чем одежды?

— Нет. Я всегда принимал как само собой разумеющееся, что это одежда.

— Это серьезная ошибка, — наставительно сказал Хабльят. — На чужой планете, имея дело с существом, личностью или явлением, никогда ничего не принимайте как само собой разумеющееся. Когда я был молод, я посетил мир Коэнчей на Киме, и там я совершил оплошность, обольстив местную девушку. Восхитительное создание с виноградной веточкой в волосах... Помнится, она уступила с готовностью, но без энтузиазма. И вот, когда я лежал почти без сил, она попробовала прирезать меня длинным ножом. Я запротестовал, и она была ошарашена. Впоследствии я выяснил, что у Коэнчей лишь замысливший самоубийство имеет право обладать девушкой, минуя брачные узы, и что там нет никого, кто колебался бы в выборе: убить себя самому или уйти в мир снов, умерев в экстазе.

— А мораль?

— Она ясна. Вещи не всегда таковы, какими выглядят.

Развалившись в кресле, Джо размышлял: Хабльят насвистывал фугу из четырех нот, аккомпанируя себе на шести пластинах, висевших у него на шее, как ожерелье; при касании каждая из них вибрировала в определенном тоне.

Джо размышлял:

«Очевидно, он что-то знает. Или подозревает. Или ему кажется, что он знает то, в чем я замешан. Хабльят как-то сказал, что у меня ограниченный интеллект. Возможно, он прав. Он сделал уже достаточно намеков. Ильфейн? Нет, он говорил о Сыне Дерева. Какая грандиозная суматоха вокруг растения! Хабльят уверен, что оно на борту, это ясно. Ладно, у меня его нет. У него его тоже нет, иначе бы он не говорил так много. Ильфейн под вопросом. Силлиты? Жуткая старуха? Менги? Друиды-миссионеры?»

Хабльят посмотрел на него в упор. Когда Джо вздрогнул, он улыбнулся:

— Теперь вы поняли?

— Это кажется вероятным, — сказал Джо.

Все пассажиры вновь собрались в салоне, но атмосфера здесь царила уже другая. В любом путешествии невозможно обойтись без трений, но здесь личные приязни и неприязни, незаметные прежде, вдруг разом вышли на передний план.

Ирру Каметви, два менга в штатском (как узнал Джо от Хабльята, это были поверенные политического комитета Красной Ветви) и юная вдова целый час уже сидели за столом с разноцветными дощечками, старательно избегая глядеть на Хабльята. Два миссионера сгорбились над алтарем в темном углу салона, бормоча непостижимые заклинания. Силлит бродил из угла в угол. Женщина в черном сидела неподвижно, как мертвец, лишь взгляд ее изредка передвигался на восьмую дюйма. Кроме того, примерно раз в течение часа, она поднимала прозрачную руку и подносила ее к лысой до стеклянного блеска голове.

Джо казалось, что он сопротивляется психическим потокам, словно океан налетающим с разных сторон ветрам. Но главное, думал он, не забыть, что его ждет своя миссия на Балленкарче.

«Странно, — думал Джо, — всего дней, часы оставались до прилета на Балленкарч, а поручение, которое я должен выполнить, кажется потеряло внутреннее содержание. Большую часть эмоций, воли, чувств я вложил в Ильфейн. Вложил? Скорее, это было выжато, вырвано из меня...»

Джо думал о Кайрил, о Дереве, о Дворцах Божественного, сгрудившихся у подножия ствола планетарных масштабов, о бесчисленных худосочных фермах и затхлых деревьях, о запущенных деревнях, о сутулых пилигримах с пустыми глазами, о том, как они заходят в дупло, бросив взгляд назад, на плоский серый ландшафт.

Он думал о дисциплине друидов, основанной на смерти. Хотя смерть — это не та штука, которой надо бояться на Кайрил. Смерть так же привычна, как, скажем, еда.

Насилие, как обычный способ существования; насилие, как выход из любого затруднения. Умеренность — слово, не имеющее значения для мужчин и женщин, не привыкших ограничивать прихоти, будь то излишество или бедность. Он вспомнил все, что знал о Менгсе, — маленький мир озер и островов с изрезанными берегами, мир людей, склонных к путаным интригам, к архитектурным причудам. Мир кривых мостов, петляющих над реками и каналами, и красивых уютных аллей. Мир, озаренный тусклым желтым светом старого маленького солнца.

Его фабрики — аккуратные, рентабельные, на специально отведенных промышленных островах. И менги, люди столь же извилистые и хитроумные, как их витиеватые мосты. И один из них — Хабльят, в душе которого Джо не мог различить ничего конкретного. Среди них были пылкие приверженцы Красной Ветви, приверженцы империализма, приверженцы средневековья, как сказали бы о них на Земле.

А Балленкарч? Что о нем известно, кроме того, что это варварский мир, во главе которого стоит принц, вознамерившийся нахрапом при-

вести к жизни индустриальный комплекс. И где-то на этой планете, среди дикарей юга или варваров севера, должен находиться Гарри Кресс.

Гарри вскружил Маргарет голову и ушел, оставив за собой переполох эмоций, который не мог улечься, пока он не вернется. Два года назад, на Марсе, Джо отставал от него на какие-то часы. Но случилось так, что, когда Джо прибыл, чтобы вернуть его на Землю для выяснения отношений, Гарри уже улетел. Раздраженный отсрочкой, но упорный и одержимый своей целью, Джо полетел за ним.

На Табане он потерял след, потому что удар мотыги пьяного аборигена отправил его на три месяца в госпиталь. Затем месяцы судорожных поисков, неудач, разочарований и, наконец, на поверхность всплыло название далекой планеты — Балленкарч. Затем месяцы, ушедшие на путь через всю Галактику, и теперь Балленкарч лежал по курсу, и где-то на нем был Гарри Кресс...

И Джо думал:

«Черт с ним, с Гарри!»

Потому что Маргарет не владела более его воображением. Потому что теперь это место принадлежало беспринципной шалунье-жрице. Джо грезилось, как он и Ильфейн исследуют древние игровые площадки Земли — Париж, Вену, Сан-Франциско, Долину Кошмара, Черный Лес, Море Сахары...

И Джо спрашивал себя: придется ли это по вкусу Ильфейн? На Земле нет фанатиков-трудяг, которых можно истязать, убивать или ласкать, как зверушек. Возможно, прав Хабльят — вещи не всегда таковы, какими выглядят. Очень может быть, что он просто создал себе образ Ильфейн, далекий от реальности. Возможно, он просто никогда не представлял себе масштабы, которых достигает эгоизм друидов. Очень хорошо. Тогда это предстоит выяснить.

Хабльят не сводил с него ласкового взгляда. Он встал:

— Будь я на вашем месте, мой друг, думаю, что я бы подождал. По крайней мере еще день. Не думаю, что она уже успела как следует почувствовать одиночество. Думаю, если вы сейчас с мрачным видом появитесь перед ней, это может вызвать неприязнь и она причислит вас к прочим своим врагам. Дайте ей денек отдохнуть, а если пригласите на прогулку или в спортзал, где она ежедневно проводит по часу...

Джо опять сел на скамью и сказал:

— Хабльят, я не могу вас понять.

— Ах, — печально покачал головой Хабльят, — но я говорю искренне.

— Вначале, на Кайрил, вы спасли мне жизнь. Затем подставили под удар.

— Виной тому лишь досадная необходимость.

— Порой мне кажется, что вы симпатичны, дружелюбны...

— Ну, конечно!

— Как сейчас, когда вы прочли мои мысли и дали мне отеческий совет. Но я никогда не знаю, что еще для меня вы держите в запасе. Как гусь, предназначенный для рождественского стола, не способен оценить щедрости хозяина. Вещи не всегда таковы, какими выглядят. Я не питаю иллюзий, что вы откроете, на какой алтарь меня припасли...

Хабльят рассмеялся и смущенно помахал ладонью:

— На самом деле я не столь неискренен. Я никогда не стараюсь укрыть себя чем-нибудь, кроме честности. Мое отношение к вам самое искреннее, но соглашусь, что это отношение не остановит меня, если придется пожертвовать вами. И противоречия в этом нет. Личные симпатии и антипатии я отделяю от работы. Теперь вы обо мне знаете все.

— А как я узнаю, когда вы на работе, а когда нет?

Хабльят развел руками:

— На этот вопрос я и сам не в силах ответить.

Но Джо был не так уж неудовлетворен. Он поудобнее устроился на скамье, а Хабльят запахнул халат на толстом животе.

— Жизнь порой очень сложна, — сказал Хабльят. — Очень неожиданна и очень многое требует от тебя.

— Хабльят, почему бы вам не отправиться со мной на Землю?

Хабльят улыбнулся:

— Обязательно воспользуюсь вашим предложением, если в Амниану Красная Ветвь одолеет Голубую Воду...

10

Четыре дня назад они покинули Джинкли, и три дня осталось до прилета на Балленкарч. Опершись на перила на верхней палубе, Джо прислушивался к медленным шагам. Из-за угла показалась Ильфейн. У нее было бледное озабоченное лицо и большие, чистые глаза. Она в ожидании приостановилась возле него, словно готовая продолжать путь.

— Хэлло, — сказал Джо и вновь стал смотреть на звезды.

Что-то незаметное в лице Ильфейн сказало ему, что она остановилась окончательно.

Девушка сказала:

— Как раз тогда, когда мне нужно с кем-нибудь поговорить, вы меня избегаете.

Джо спросил проникновенно:

— Ильфейн, вы любили когда-нибудь?

На ее лице отразилось недоумение:

— Я не понимаю...

Джо хмыкнул:

— Всего лишь земная абстракция. С кем вы живете на Кайрил?

— А-а! С тем, кто мне интересен. С тем, с кем хочется, кто дает мне почувствовать свое тело.

Джо опять повернулся к звездам:

— Суть несколько глубже...

Ее голос стал тихим и серьезным:

— Я очень хорошо вас понимаю, Джо.

Он повернул голову. Он улыбался. Ее алые, как вишни, губы, были так близко, а темные глаза горели. Он поцеловал ее — словно измученный жаждой обрел источник.

— Ильфейн...

— Да?

— На Балленкарче... мы повернем и полетим назад, на Землю. Больше не будет ни интриг, ни тревог, ни смертей. На свете есть столько мест, которые я хочу показать тебе. Столько древних мест на древней Земле, сохранивших свою первозданную прелесть...

Она пошевелилась в его руках:

— Джо, у меня ведь есть свой мир. И есть ответственность перед ним.

Джо горячо произнес:

— На Земле ты поймешь, что все это — подлая мерзость. Это так же низко для друидов, как и для жалких рабов лайти.

— Рабов? Они служат Дереву Жизни. Мы все, так или иначе, служим Дереву Жизни.

— Дереву Смерти!

Ильфейн тихо высвободилась:

— Джо, я не могу тебе этого объяснить. Мы связаны с Деревом. Мы его дети. Ты не понимаешь и не знаешь великой истины. Существует лишь одна Вселенная — Дерево! А лайти и друиды служат ему в бухте посреди языческого космоса. Когда-нибудь все переменится. Все люди станут служить Дереву. А мы возродимся из праха, мы будем служить и трудиться, и в конце концов станем листьями в ночном сиянии. Каждый на своем месте. Кайрил станет святым местом Галактики...

— Это растение, — возразил Джо, — огромное, но все же растение — в ваших умах занимает больше места, чем все человеческое. На Земле подобную штуку мы бы срубили на дрова. Впрочем, зачем — мы бы его опоясали спиральной лестницей и водили бы по ней экскурсии, а на верхушке продавали бы горячие сосиски. И содовую. Мы бы ему не позволили нас гипнотизировать.

Она его не слушала.

— Джо, ты можешь стать моим любовником. И мы будем жить на Кайрил, служить Дереву и убивать его врагов... — Она замерла на полуслове, удивленная выражением его лица.

— Это не годится. Нас вместе это не устроит. Я вернусь на Землю. А ты останешься здесь. Найдешь другого любовника, чтобы

он убивал для тебя врагов. И каждый из нас будет делать то, что ему больше по душе. Не спрашивая других.

Она отвернулась и, прислонившись к перилам, стала смотреть на звезды. И вдруг спросила:

— Ты любил когда-нибудь другую женщину?

— Ничего серьезного, — солгал Джо. И тут же спросил: — А ты? У тебя были любовники?

— Ничего серьезного...

Джо мрачно посмотрел на нее. На ее лице не было и тени юмора. Он вздохнул. Земля — это вам не Кайрил.

— Что ты будешь делать, когда мы прилетим на Балленкарч? — спросила она.

— Не знаю, еще не думал. Но никаких дел ни с менгами, ни с друидами у меня не будет, это уж точно. Деревья и Империи меньше всего меня интересуют. У меня и своих дел достаточно, — его голос постепенно стал тише, и он замолчал.

Он как бы со стороны увидел себя в погоне за Гарри Кроссом. До сих пор, думая только о Маргарет, на Юпитере, на Плутоне, Альтаире, Веге, Гинизаре, Полярисе, Табане, даже совсем недавно, на Джеминьете и Кайрил, он не видел в своем путешествии ничего донкихотовского, ничего смешного.

Сейчас образ Маргарет растворился в памяти. Но иногда он словно слышал ее звонкий смех. С внезапным страхом он подумал, что в рассказе о его приключениях она найдет много забавного, неправдоподобного. Такого, что сможет ее разочаровать...

Ильфейн с любопытством следила за его лицом. Он вернулся к действительности. Странно, насколько реальна она, в противоположность тем, о ком он думал все это время. Ильфейн действительно не нашла бы ничего смешного в том, что человек ради любви к ней отправился бы скитаться по вселенной. Напротив — ее бы возмутило, если бы он отказался.

— А зачем ты летишь на Балленкарч? — спросила она.

— Надеюсь повидать Гарри Кресса.

— А где ты его собираешься повидать на Балленкарче?

— Не знаю. Начну поиски на цивилизованном континенте.

— Среди балленкарчцев нет цивилизованных.

— Значит, на варварском континенте, — спокойно произнес Джо. — Насколько я знаю Гарри, он обязательно будет в гуще событий.

— А если он мертв?

— Тогда я поверну назад и со спокойной совестью отправлюсь домой...

«Гарри мертв? — переспросит Маргарет и возмущенно вскинет круглый подбородок. — В таком случае, ему не повезло. Возьми меня, мой рыцарственный возлюбленный, и умчи на своем белом космоботе...»

Он украдкой бросил взгляд на Ильфейн и впервые обнаружил в ее руке кадило, источающее терпкий цветочный аромат. Ильфейн вызывала удивление и наводила на раздумья. К жизни и к чувствам она относилась серьезно. Конечно, Маргарет шла по жизни легче и смеялась звонче, и не испытывала желания уничтожить врагов своей религии. Джо рассмеялся. Маргарет, наверное, даже слова такого не знает.

— Почему ты смеешься? — подозрительно спросила Ильфейн.

— Я думаю о старом друге...

Балленкарч! Планета свирепых серых бурь и яркого солнца. Мир фиолетовых равнин и каменных скал, уходящих в небо. Мир пламенных рассветов, тусклых, высоких, непроходимых лесов, саванн с травой по лодыжку, самой зеленой травой на свете, и медленных рек, текущих по ним.

В южных широтах джунгли теснятся, толпятся, умирают, превращаясь в перегной, наслаивающийся миля за милей, пока толща гнили не начинает губить растительность.

А по горным перевалам, по лесам, по равнинам караванами ярко расцвеченных кибиток кочуют туземцы, их кланы. Местные жители — крупные пышноволосые люди, в доспехах из стали и кожи, не желающие крови на дуэлях и эсидеттах. Они живут в эпической атмосфере набегов, резни, сражений с двуногими животными джунглей. Их оружие — мечи, пики, небольшие баллисты, стреляющие камнями в кулак величиной. За тысячелетия, прошедшие после разрыва с Галактической цивилизацией, их язык стал неузнаваем, а пиктография вытеснила письменность...

«Бельзвурон» сел на зеленую равнину, залитую солнцем. Где-то в стороне небо заполнили тучи и шел дождь, и над лесом, в котором росли высокие сине-зеленые деревья, нависла радуга.

Неподалеку находился неуклюжий павильон из бревен и рифленого металла, служивший, видимо, складом и залом ожидания. Когда «Бельзвурон» окончательно затих, по траве, переваливаясь, подъехала маленькая повозка на восьми поскрипывающих колесах и остановилась возле корабля.

— Где город? — спросил Джо у Хабльята.

— Принц не позволяет кораблям садиться вблизи крупных поселений — опасается работорговцев. На Фруне и Перконе велик спрос на сильных телохранителей из балленкарчцев.

Порт был открыт всем ветрам, и в корабль затекал свежий воздух, пропитанный ароматом влажной травы.

В салоне стюард объявил:

— Желающие могут высадиться. Просим вас не удаляться от корабля, пока не будет организован транспорт в Вайл-Алан.

Джо поискал глазами Ильфейн. Она о чем-то горячо спорила с друидами-миссионерами, и они внимали с выражением тупого упрям-

ства на лицах. Ильфейн взбесилась, отвернулась от них и, побледнев, пошла к выходу. Друиды направились следом, о чем-то вполголоса переговариваясь.

Ильфейн приблизилась к кучеру восьмиколесного экипажа.

— Я хочу добраться до Вайл-Алана.

Кучер равнодушно поглядел на нее.

Хабльят взял ее за локоть:

— Жрица, аэромобиль позволит всем нам добраться гораздо быстрей, чем эта повозка.

Она высвободилась, быстро отошла в сторону. Хабльят подошел ближе к кучеру, который шепнул ему несколько слов. Лицо менга еле заметно изменилось — дернулся мускул, напряглись челюсти. Заметив, что Джо за ним наблюдает, он сразу же стал равнодушным и серьезным, как кучер.

Хабльят отошел от повозки.

— Как известия? — спросил ехидно Джо.

— Очень плохие, — отозвался Хабльят. — В самом деле, очень плохие.

— Что так?

Хабльят помедлил, затем заговорил, причем в таком искреннем тоне, что Джо опешил:

— Мои противники на родине, в Латбоне, оказались значительно сильнее, чем я предполагал. В Вайл-Алан прибыл сам Магнерру Ипполито. Он добрался до принца и, видимо, сообщил ему кое-какие неприятные сведения о друидах. Мне сообщили, что планы кафедрального собора и монастыря провалились и Вамбрион, субтовэрч, находится под усиленной охраной.

Джо хмуро посмотрел на него:

— А вы разве не этого добивались? Уж друиды, я полагаю, не стали бы советовать принцу сотрудничать с менгами.

Хабльят печально покачал головой:

— Мой друг, вас так же легко ввести в заблуждение, как и моих воинственных соотечественников.

— Надеюсь, все же не так легко.

Хабльят развел руками:

— Это же так очевидно.

— Сожалею.

— Друиды рассчитывают освоить Балленкарч. Мои оппоненты из Менгса, зная об этом, рвутся противостоять им клыками и зубами. Они не видят подтекста, не учитывают возможных случайностей. Они считают так: поскольку друиды что-то затеяли, им нужно противостоять и противоборствовать в любом их начинании. И при этом способами, которые, по моему мнению, способны нанести Менгсу серьезный ущерб.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните, но не понимаю, как это действует.

Хабльят глядел на него, явно забавляясь:

— Мой дорогой друг, человеческое благоговение вовсе не безгранично. Можно считать, что лайти на Кайрил возвели Дерево в абсолютный закон. Теперь представьте, что произойдет, если они узнают о существовании другого священного Дерева?

Джо улыбнулся:

— Их почтение к первому Дереву вдвое уменьшится.

— Разумеется. Я не в силах предугадать, насколько именно уменьшится почтение, но, в любом случае, это будет весьма ощутимо. Сомнение и ересь найдут себе уши, и друиды вдруг обнаружат, что лайти уже не столь безответны и безразличны. Сейчас они связали себя с Деревом. Оно — их собственность, причем собственность уникальная, единственная во Вселенной. И вдруг оказывается, что друиды на Балленкарче выращивают еще одно Дерево. Идут слухи, что это делается по политическим соображениям... — Хабльят многозначительно поднял брови.

— Но друиды, — сказал Джо, — контролируя эти новые отрасли промышленности, могут взять верх в кредитных поставках.

— Мой друг, — покачал головой Хабльят, — потенциально Менгс — слабейший из трех миров. И в этом все дело. Кайрил имеет людские резервы, Балленкарч — сельскохозяйственные продукты, минеральное сырье, агрессивное население, воинственные традиции. В любом случае в союзе двух миров Балленкарч превратится в мужа-каннибала, пожирающего собственную супругу. Возьмем друидо-эпикурейцев, развращенных властелинов пяти биллионов рабов. Представим, что они берут верх над Балленкарчем. Смешно? Через пятьдесят лет балленкарчцы в шею вытолкают товэрчей из дворцов и спалят Дерево Жизни на победном костре. Рассмотрим альтернативный вариант: Балленкарч связан с Менгсом. Последует тяжелый период. Выгоды не будет никому. А сейчас у друидов нет выбора: впряглись в ярмо — работайте. Балленкарч решил развивать промышленность — следовательно, и друидам на Кайрил придется строить фабрики, вводить образование. Старое минует безвозвратно. Друиды могут потерять, а могут и не потерять бразды правления. Но Кайрил останется развитой промышленной единицей и послужит естественным рынком для продукции менгов. Без внешних рынков, какими могут быть Кайрил и Балленкарч, наша экономика сокращается, слабеет. Мы могли бы их завоевать, но можем и погореть на этом.

— Все это я понимаю, — проговорил Джо медленно, — но это ничего не дает. Так чего же вы добиваетесь?

— Балленкарч самообеспечивается. В то же время ни Кайрил, ни Менгс не могут существовать в одиночестве. Но, как видите, нынешний приток богатства друидов не удовлетворяет. Они хотят больше и надеются добиться этого, контролируя промышленность Балленкарча. Я хочу, чтобы этого не произошло. И я хочу, чтобы не возникло

сотрудничества между Кайрил и Менгсом, которое на данном этапе было бы противоестественным. Я мечтаю увидеть на Кайрил новый режим: правительство, предназначенное улучшить производительные и покупательские возможности лайти; правительство, предназначенное создать с Менгсом гармоничный альянс.

— Плохо, что три мира не в силах сформулировать единый совет.

— Эта идея, весьма удачная, — сказал Хабльят, печально вздохнув, — рушится перед лицом трех обстоятельств. Первое — нынешняя политика друидов. Второе — большое влияние Красной Ветви на Менгсе. И третье — намерения принца Балленкарчского. Избавьте нас от них, и такой совет станет возможным. Я первым тогда подниму руку «за». А почему бы и нет? — последнее Хабльят пробормотал как бы про себя, и на мгновение из-за желтой вежливой маски показалось лицо очень усталого человека.

— Что с вами теперь будет?

Хабльят скорбно поджал губы:

— Если мой авторитет погибнет, я, естественно, покончу с собой. Не глядите так недоверчиво. Это обычай менгов, способ выразить неодобрение. Я боюсь, что мне недолго осталось жить в этом мире.

— А почему бы вам не вернуться на Менгс и не пересмотреть политические позиции?

Хабльят покачал головой:

— А это уже не наш обычай. Можете улыбаться, но вы забываете, что существование общества сопряжено с четкими установками, которые должны соблюдаться.

— Сюда летит аэрокар. Будь я на вашем месте, вместо того чтобы рассусоливать о самоубийстве, я бы попытался переманить на свою сторону Принца. Похоже, он — ключевая фигура. Друиды и менги по сравнению с ним отходят на второй план.

Хабльят опять покачал головой:

— Нет, не Принц. Это сомнительная личность: помесь бандита, шута и мечтателя. Для него обновление Балленкарча — не более чем интересная игра, спортивный рекорд...

11

Приземлился аэрокар. Это была небольшая круглая машина, которой вряд ли повредила бы покраска. Из нее вышли двое рослых мужчин в красных штанах до колен, просторных голубых жакетах и черных кепи. Они казались олицетворением высокомерия, свойственного военной элите.

— Лорд Принц шлет приветствия, — сообщил один из них биллендскому офицеру. — Он считает, что среди пассажиров должны быть иностранные агенты, и поэтому те, кто сейчас высадится, будут представлены ему.

На этом разговор и кончился.

В машину поместились Ильфейн и Хабльят, миссионеры впихнули в нее переносной алтарь и залезли сами, за ними менги, не сводящие с Хабльята свирепых взглядов, и, наконец, Джо. Силиты и старуха в черном не покинули корабля. Видимо, они оставались продолжать полет на Кастлегран, Билленд или Сил.

Джо прошел вперед и опустился возле Ильфейн в кресле. Она повернула к нему лицо, на котором, казалось, внезапно увяла юность.

— Что вы от меня хотите?

— Ничего. Вы на меня сердитесь?

— Вы шпион менгов.

Джо через силу рассмеялся:

— О! Это потому, что я общаюсь с Хабльятом?

— Зачем он вас послал? Что вы должны мне передать?

Вопрос уложил его на лопатки. Открывалась широкая перспектива для умозаключений. Неужели возможно, чтобы Хабльят воспользовался им, чтобы он передал его соображения Ильфейн, а, следовательно, и друидам?

— Не знаю, — сказал он, — хотел Хабльят что-нибудь вам передать или нет. Но он мне рассказал, почему помогал вам провезти на планету ваше Дерево. Он меня убеждал.

— Прежде всего, — едко заметила она. — У нас нет больше Дерева. Его украли на Джинкли. — Ее зрачки расширились, и она посмотрела на него с внезапным подозрением. — А при чем здесь вы? Может быть, вы тоже...

— Вы твердо решили думать обо мне самое плохое, — вздохнул Джо. — Ну, что же. Не будь вы столь дьявольски прекрасны, я думал бы о вас в два раза хуже. Вы рассчитываете, что, явившись к Принцу с двумя мордастыми друидами, сумеете его обвести вокруг пальца, как мальчишку. Что ж, может быть, и так. Я очень хорошо знаю, что вы не остановитесь ни перед чем. Но сейчас я собираюсь выложить вам все, о чем мне говорил Хабльят. Можете делать с этой информацией все, что хотите.

Он посмотрел на нее, ожидая ответа. Но она отвернулась к окну.

— Он считает так: если миссия удастся, то вы, с вашими друидами, со временем станете плясать под дудку этих чокнутых балленкарчцев. Если не преуспеете... что ж, лично для вас менги еще могут организовать какую-нибудь гадость, но рано или поздно вы обязательно выйдете вперед.

— Уходите, — сдавленным голосом произнесла она. — Каждое ваше слово причиняет мне боль. Уходите.

— Ильфейн! Оставьте вы эту кучу-малу из друидов, менгов и Дерева Жизни. Я заберу вас на Землю. Если покину эту планету живым...

Она повернулась к нему затылком.

Машина зажужжала, завибрировала и поднялась в воздух. Земля осталась внизу. На горизонте появились большие горы, с вершинами, блистающими снегом и льдом. Позади оставались луга, покрытые необычайно зеленой травой. Они пересекли горную гряду. Машина судорожно дернулась, мелко затряслась и пошла на посадку в сторону моря.

На берегу этого моря находилось поселение, видимо, основанное недавно и поэтому недостроенное. Центр города представлял собой три крупных дома и дюжину больших прямоугольных зданий. У зданий были стеклянные стены и крыши, покрытые блестящими плитками металла. В миле от города находился лесистый мыс, на котором приземлилась машина.

Дверь открылась.

Один из балленкарчцев коротко сказал:

— Сюда.

Джо спустился вслед за Ильфейн и увидел впереди низкое длинное здание со стеклянным фасадом, выходящим одновременно на море и на равнину. Балленкарчский капрал сделал еще один повелительный жест в сторону здания и безоговорочным тоном произнес:

— В резиденцию.

Размышляя, что эти солдаты вряд ли способны сослужить хорошую службу доброй воле, Джо направился к зданию. С каждым шагом нервы все сильнее напрягались. Атмосферу вряд ли можно было назвать дружеской. Он заметил, что напряжение охватило каждого. Ильфейн продвигалась вперед на негнущихся ногах. На оскаленных зубах Ирру Каметви играл желтый глянец.

Джо заметил, что Хабльят что-то настойчиво втолковывает друидам-миссионерам. Те неохотно его слушали. Хабльят повысил голос, и Джо расслышал слова.

— Какая разница? У вас появится хотя бы шанс. Какое вам дело до моих мотивов?

В конце концов друиды, видимо, уступили. Хабльят прошел вперед и громко заявил:

— Стойте! Подобная наглость не может больше продолжаться!

Двое стражников в изумлении обернулись к нему. Лицо Хабльята было злым:

— Идите и приведите хозяина! Мы не намерены сносить оскорбления!

Балленкарчцы, сбитые с толку, растерянно хлопали глазами.

Ирру Каметви ощетинился:

— Чего вы боитесь, Хабльят? Вы хотите скомпрометировать нас в глазах Принца? Перестаньте болтать!

— Он должен запомнить, что у менгов есть чувство собственного достоинства, — ответил Хабльят. — До тех пор, пока он удосуживается встречать нас подобным образом, мы не двинемся с места!

— Тогда оставайтесь! — презрительно рассмеялся Каметви.

Он завернулся в алый плащ, повернулся и пошел в сторону резиденции. Балленкарчцы посовещались, и один из них отправился вместе с менгом.

Второй смерил Хабльята свирепым взглядом:

— Жди теперь, когда Принцу сообщат!

Когда уходившие завернули за угол, Хабльят лениво выпростал руку из-под мантии и разрядил трубку в сторону стражника. Глаза балленкарчца затянулись молочной пленкой, и он рухнул на землю.

— Всего лишь оглушен, — объяснил Хабльят Джо, который возмущенно повернулся к нему. — Быстрее! — приказал он друидам.

Подобрав рясы, друиды побежали к ближайшему берегу Инеа. Один из них проковырял жезлом дырку в мягкой грязи, второй открыл алтарь и вытащил миниатюрное Дерево в горшке.

— Вы, двое! — услышал Джо сдавленный крик Ильфейн.

— Молчать! — рявкнул Хабльят. — Придержите язык, если не разучились соображать! Они архитовэрчи, оба!

— Манаоло — болван!..

В ямку опустили корешки. Утрамбовали землю вокруг. Друиды сложили алтарь, отряхнули руки и вновь превратились в монахов с постными рожами.

А Сын Дерева, купаясь в теплом желтом свете, уже стоял на земле балленкарчцев. Если не приглядываться, его легко можно было спутать с обычным молодым ростком.

— А теперь, — безмятежным голосом произнес Хабльят, — можно и в резиденцию...

Ильфейн глядела на него, на друидов, и в глазах ее были унижение и гнев.

— Все это время вы смеялись надо мной!

— Нет-нет, жрица, — сказал Хабльят. — Умоляю вас, успокойтесь. Вам понадобится вся ваша выдержка, когда мы предстанем перед Принцем. Поверьте, вы сослужили очень полезную службу!

Ильфейн резко повернулась, словно хотела уйти в сторону моря, но Джо удержал ее. Секунду она напряженно смотрела на него, ему в глаза, затем расслабилась:

— Хорошо, я иду.

На полпути они встретили шестерых солдат, посланных за ними. Никто из солдат не заметил неподвижно лежащего стражника.

На входе последовал обыск: быстрый, но столь детальный, что вызвал гневные протесты друидов и возмущенный визг Ильфейн. Изъятый арсенал выглядел внушительно. У друидов отобрали ручные конусы, а Хабльята — трубку-станнер и кинжал с выкидным лезвием, у Джо — пистолет, а у Ильфейн — полированный пистолет-трубку, который она прятала в рукаве.

Вернулся капрал и сообщил:

— Вам дозволено пройти в резиденцию. Смотрите, не нарушайте норм приличия!

Миновав вестибюль со стенами, разрисованными гротескными, почти демоническими фигурами животных, они вошли в большой зал. Потолки зала были из толстых тесаных бревен, а стены занавешены циновками. Вдоль стен рядами стояли кадки с красными и зелеными растениями, а на полу лежал мягкий древесноволокнистый ковер.

Против входа находился помост, огражденный по бокам перилами из ржаво-красного дерева, а на нем сиденье, напоминающее трон, из того же дерева. В данный момент трон был пуст.

В комнате вдоль стен стояли двадцать или тридцать мужчин — рослых, загорелых, обросших щетиной. Едва ли они привыкли иметь крышу над головой. Одни были одеты в блузы разных цветов, плечи других покрывали короткие меховые пелерины из черного длинного меха. Короткие красные штаны едва достигали колен, на поясе у каждого висела короткая тяжелая сабля. Они недружелюбно разглядывали пришельцев.

В стороне от помоста кучкой стояли менги из Красной Ветви, и Ирру Каметви резким стаккато разговаривал с женщиной. Два функционера, полуотвернувшись, молча слушали.

В зал вошел церемониймейстер с длинным латунным горном, и прозвучала великолепная фанфара. Джо слегка улыбнулся. Как в музыкальной комедии — воины в ярких униформах, помпа, торжественность.

И вновь фанфары: тан-тара-тантиви! Резко, волнующе!

— Принц Вайл-Алан! Правитель-владелец всего Балленкарча!

Светловолосый мужчина быстро взошел на помост и уселся на трон. У него было округлое худощавое лицо и веселые складки вокруг рта, нервно подергивающиеся руки, и он сразу создал вокруг себя атмосферу жизнерадостности и безрассудства. Благоволение толпы вылилось в слитном: «Аааааах!»

Джо медленно, без удивления покачал головой:

— Кто еще?

Гарри Кресс быстро обвел глазами комнату. Они скользнули по Джо, прошли мимо, задержались, вернулись назад. Минуту он изумленно смотрел на Джо:

— Джо Смит?! О небо! Как ты здесь очутился?

Это был момент, ради которого он пролетел тысячу световых лет. Но теперь его мозг отказывался функционировать правильно. Он, запинаясь, проговорил слова, которые повторял два года, которые пронес через тоску, тяжелый труд, опасности, слова, которые были выражением навязчивой идеи:

— Я пришел, чтобы забрать тебя!

Он заставил себя сказать это. Заставил почти самовнушением. Но слова были сказаны, и на подвижном лице Гарри появилось восхищение.

— Забрать меня? Весь путь — чтобы забрать меня?!

— Да...

— Забрать меня. Зачем? — Гарри откинулся назад, и его широкий рот растянулся в ухмылке.

— На Земле ты оставил неоконченным одно дело.

— Не знаю, не знаю. Тебе придется долго меня убеждать, чтобы заставить вернуться или просто сдвинуться с места. — Он повернулся к долговязому стражу, стоявшему с каменным лицом. — Этих людей обыскали на предмет оружия?

— Да, Принц.

Гарри вновь повернулся к Джо с гримасой шутливого извинения на лице:

— Во мне слишком многие заинтересованы. Я не могу не учитывать очевидного риска. Но ты сказал, что хочешь вернуться и вернуть меня на Землю. Зачем?

«ЗАЧЕМ?»

Джо задал себе этот вопрос. Зачем? Да потому, что Маргарет убедила себя, что влюблена в Гарри, а Джо считал, что она влюблена в мечту, потому что Джо думал: если Маргарет побудет с Гарри месяц, а не два дня, если она день за днем посмотрит на его жизнь, если она поймет, что любовь — это не серия взлетов и падений, как на американских горках, а брак — не череда веселых проделок...

Короче, если прелестная головка Маргарет освободится от всей этой чепухи, то в сердце ее найдется местечко и для Джо. Но так ли это? Все казалось простым, нужно было лишь слетать на Марс за Гарри. Но с Марса Гарри переправился на Юпитер, с Юпитера — на Плутон, отправную точку для прыжков. И здесь уже настойчивость превращалась в упрямство. С Плутона — и дальше, дальше, дальше... Затем Кайрил, Джинкли, и вот теперь — Балленкарч.

Джо покраснел, внезапно вспомнив о Ильфейн, стоявшей за спиной. Он почувствовал ее изучающий взгляд. Он открыл было рот, чтобы говорить, и закрыл его опять.

«ЗАЧЕМ?»

Все смотрели на него, смотрели со всех сторон зала. Глаза удивленные, холодные, заинтересованные, враждебные, испытующие... Безмятежные глаза Хабльята, изучающие — Ильфейн, насмешливые — Гарри Кресса. И в помутившемся мозгу Джо вспыхнула одна твердая мысль: он выставил себя самым законченным ослом за всю историю Вселенной.

— Что-нибудь с Маргарет? — беспощадно спросил Гарри. — Это она тебя послала?

Джо представил себе Маргарет сидящей у экрана, насмешливо следящей за Ильфейн. Капризная, упрямая, бестактная, эгоистичная и категоричная в суждениях. Но чистосердечная и славная.

— Маргарет? — Джо засмеялся. — Нет, Маргарет ни при чем. Вообще-то я передумал. Держись от Земли подальше.

Гарри слегка расслабился:

— Если это связано с Маргарет, то ты порядком запоздал. — Он почесал шею. — Черт побери, где же она? Маргарет?

— Маргарет? — пробормотал Джо.

Она взошла на помост и остановилась рядом с Гарри.

— Хэлло, Джо. — Она сказала это так, словно они расстались вчера после обеда. — Какой приятный сюрприз!

Она очень тихо рассмеялась. Джо тоже улыбнулся. Мрачно. Очень хорошо, он проглотит эту пилюлю.

Он встретился с ней взглядом и сказал:

— Поздравляю...

И он вдруг понял, что Маргарет теперь на самом деле живет той жизнью, о которой мечтала. Жизнью волнующей, полной интриг, приключений. И ее, похоже, это устраивало...

12

Гарри говорил ему что-то. Джо вдруг услышал его голос:

— Видишь ли, Джо, мы здесь делаем замечательное дело. И это замечательный мир. Здесь неисчерпаемые запасы высококачественной руды, леса, органики, большие людские ресурсы. Я создал в уме образ — Утопию! За мной стоит хорошая компания парней, и мы работаем вместе. Они немного неотесанны, но видят этот мир моими глазами, и потому предоставили мне шанс. Чтобы начать, мне, естественно, пришлось снести несколько голов, но зато теперь они знают, кто у них босс, и теперь все идет отлично. — Гарри бросил нежный взгляд на толпу балленкарчцев, из которых любой способен был бы удавить его одной рукой. — Лет через двадцать, — продолжал Гарри, — ты глазам не поверишь, на что будет похожа эта планета! Говорю тебе, Джо, это восхитительный мир. А теперь, извини, я на несколько минут отвлекусь. Государственное дело.

Он уселся поудобнее в кресле, посмотрел на менгов, затем на друидов.

— Сейчас мы обо всем потолкуем. Пока проблемы еще не выветрились из ваших голов. А, старый дружище Хабльят! — он подмигнул Джо. — Дедушка Лис! Что случилось, Хабльят?

Хабльят шагнул вперед:

— Ваше сиятельство, я нахожусь в затруднительном положении. Не имея связи с правительством моей родины, я не могу быть уверен, насколько широко простирается моя компетенция.

— Разыщи Магнерру, — сказал Гарри стражнику и затем Хабльяту: — Ипполито только что прибыл с Менгса и заявил, что уполномочен говорить от имени Амниану-Женераль.

Менг вошел через арку в стене — крепкий черноглазый менг с квадратным лицом, лимонно-желтой кожей, яркими оранжевыми губами.

На нем было алое платье, окантованное пурпурными и зелеными квадратами, кубическая черная шляпа.

Ирру Каметви и прочие менги из его команды вытянулись, салютуя вскинутыми руками. Хабльят, с неподвижной улыбкой на пухлых губах, вежливо кивнул.

— Магнерру, — сказал Принц Гарри. — Хабльят хочет узнать, в каких рамках он может делать политику?

— Ни в каких, — скрипнул Магнерру. — Ни в каких. Хабльят и Голубая Вода в Амниану дискредитированы, и Латбон заняла Красная Ветвь под свои заседания. Хабльят говорит только за себя самого и скоро утихнет.

Гарри кивнул:

— Но все же будет мудро, пожалуй, услышать, что он нам скажет перед кончиной.

Лицо Хабльята за ледяной маской оставалось таким же.

— Милорд, — сказал он, — мои слова просты. Я бы хотел послушать, что скажут Магнерру и два архитовэрча, которые находятся среди нас. Милорд, смею вам представить высших представителей Кайрил: архитовэрчи Омерето Имплант и Гаменза. У них есть что сказать.

— Моя бедная резиденция полна знаменитостями, — сказал Гарри.

Гаменза выступил вперед, провожаемый горящими глазами Магнерру.

— Принц Гарри, я понимаю, что создавшаяся атмосфера не подходит для политических дебатов. Когда бы Принц ни пожелал — раньше или позже — я всегда изложу ему тенденции политики друидов в соответствии с моими взглядами на политическую и этическую ситуацию.

— Слизняк с луженой глоткой, — сказал Магнерру. — Слушайте, как они хотят вернуть рабство на Балленкарч. А потом посадите его в корабль для перевозки скота и отошлите обратно, на вонючий серый мир...

Гаменза окостенел. Его кожа, казалось, вот-вот пойдет трещинами. Резким медным голосом он сказал Гарри:

— Я к вашим услугам.

Гарри встал:

— Хорошо, удалимся на полчаса и обсудим ваши намерения. — Он поднял ладонь в сторону Магнерру. — Вам будет предоставлена та же привилегия, успокойтесь. Поговорите с Хабльятом о былых временах. Я знаю, что когда-то он занимал вашу позицию.

Архитовэрч Гаменза дождался, когда Гарри спрыгнул с помоста и вышел из зала, а затем пошел следом, пропустив вперед архитовэрча Омерето Имплант. Маргарет небрежно помахала Джо ладошкой: «Увидимся позже». Она ушла в другую дверь.

Найдя скамью в углу, Джо устало сел. Перед ним, словно позирующие модели, неподвижно стояли менги. Ильфейн — сама свежесть и утончен-

ность, Хабльят, внезапно ставший понурым и беспомощным, балленкарчцы в кичливых нарядах. Непривычные к перебранкам и хитроумным изворотам, они выглядели смущенно и встревоженно и о чем-то тихо перешептывались друг с другом, хмуро озирая гостей.

Ильфейн повернула голову, обвела зал взглядом. Она увидела Джо, помедлила, затем подошла, села рядом и надменно произнесла:

— Вы смеетесь, издеваетесь надо мной!

— Мне это неизвестно.

— Вы нашли человека, которого искали. Почему же вы теперь ничего не делаете?

— Я передумал, — пожал плечами Джо.

— Потому что желтоволосая женщина — Маргарет — находится здесь?

— Отчасти.

— Вы мне никогда о ней не говорили.

— Не думал, что вам это интересно.

Ильфейн не сводила каменного взгляда с противоположной стены зала.

Джо заметил:

— А знаете, почему я передумал?

— Нет, не знаю, — она покачала головой.

— Из-за вас.

Ильфейн живо повернула к нему лицо с горящими глазами:

— Так вы оказались здесь из-за светловолосой?

— Каждый мужчина раз в жизни может оказаться круглым дураком. Минимум раз...

Это ее не успокоило.

— А сейчас, я полагаю, если я пошлю вас искать кого-нибудь, вы уже не пойдете? Значит, она для вас значит больше, чем я?

— О Господи! — застонал Джо. — Прежде всего, вы никогда не давали мне причин думать... О, дьявол!

— Я вам предлагала стать моим любовником.

Джо раздраженно посмотрел на нее.

— Мне бы хотелось... — он вспомнил, что Кайрил — не Земля, а Ильфейн — не девушка из колледжа.

Ильфейн засмеялась:

— Я вас очень хорошо понимаю, Джо. На Земле вы привыкли считать мужчин главными, а женщин — вспомогательными обитателями. Но не забудьте, Джо, вы еще кое в чем мне не признались. В том, что любите меня.

— Боюсь, что это так, — проворчал Джо.

— Попытайтесь.

Джо попытался и с радостью обнаружил, что невзирая на тысячу световых лет и полную противоположность культур девушка — это девушка, будь то друид или студентка.

Гарри и архитовэрчи вернулись в зал. На белых лицах друидов неподвижно застыл целый набор чувств.

Гарри обратился к Магнерру:

— Может быть, теперь вы окажете любезность и обменяетесь со мной несколькими словами?

Еле сдерживая гнев, Магнерру встал и отряхнул платье. Затем вслед за Гарри прошел во внутренний кабинет. Видимо, негласные беседы были ему не по вкусу.

Хабльят сел рядом с Джо. Ильфейн неподвижно глядела в сторону. Хабльят выглядел встревоженным: желтые складки на подбородке бессильно свисали, веки были опущены.

— Встряхнитесь, Хабльят, — сказал Джо, — вы еще не мертвы.

Хабльят покачал головой:

— Планы всей моей жизни разлетелись вдребезги...

Джо быстро взглянул на него. Было ли это уныние искренним, а вздохи печальными на самом деле? Он осторожно спросил:

— Я еще не знаю вашей позитивной программы.

— Я — патриот, — пожал плечами Хабльят, — я хочу иметь родину процветающей и богатой. Я пропитан культурой своего мира: для меня нет причин желать жизни лучшей, и я хочу, чтобы эта культура простиралась дальше, поглощая культуры других миров, адсорбируя хорошее, подавляя плохое.

— Другими словами, — сказал Джо. — Вы такой же ярый империалист, как и ваши военные приятели. Разве что методы у вас другие.

— Боюсь, что вы совершенно правы, — вздохнул Хабльят. — Более того, я боюсь, что эра военного империализма отошла далеко в прошлое и сейчас возможен лишь культурный империализм. Одной планете не так-то просто победить и оккупировать другую. Она может ее опустошить, превратить в хлам, но отрицательные явления завоевания непреодолимы. И еще я боюсь, что военные авантюры истощат Менгс, разрушат Балленкарч и откроют дорогу религиозному империализму друидов.

— А чем он хуже вашего культурного империализма? — вскинулась Ильфейн.

— Дорогая жрица, — сказал Хабльят, — мне никогда не найти аргументов, достаточных, чтобы убедить вас. Скажу лишь одно: при огромных потенциалах друиды производят чрезвычайно мало, и это потому, что они сидят на шее нищенствующих масс. Поэтому я надеюсь, что ваша система никогда не распространится настолько, что я окажусь одним из лайти.

— Я тоже, — вставил Джо.

— Вы отвратительны оба! — Ильфейн вскочила на ноги.

Сам себе удивляясь, Джо приподнялся, схватил ее и резко дернул к себе. Упав рядом с ним на скамейку, Ильфейн некоторое время вырывалась, но вскоре затихла.

— Первый урок земной культуры, — ласково сказал Джо. — Спорить о религии — признак дурного тона.

В комнату ввалился солдат, задыхающийся, с лицом, искаженным страхом:

— Ужас... в конце дороги... Где Принц? Скорей позовите Принца! Ужасное растение!

Хабльят вскочил, лицо его мгновенно ожило. Он бросился к двери. Через секунду Джо сказал:

— Я тоже пойду.

Ильфейн последовала за ним без слов...

Джо был в смятении. Суетливая толпа мужчин окружала предмет, которому не просто было дать название. Нечто приземистое, корчащееся и вздрагивающее.

Хабльят, рядом с ним Джо, а за спиной Джо Ильфейн протиснулись в середину круга. Джо глядел во все глаза.

СЫН ДЕРЕВА!

Он рос, становился все запутаннее и сложнее. Он не был более похож на Дерево Жизни. Он адаптировался к новым условиям, вырабатывал новые функции — пластичность, быстрый рост, способность защищаться.

Он напоминал Джо огромный одуванчик. На высоте двадцати футов над землей находился огромный пушистый шар, его поддерживала тонкая качающаяся ножка, окруженная опрокинутым конусом плоских зеленых лепестков. В основании каждого листа находится зеленый усик в черных пятнышках, закрученный спиралью. Усики эти обладали способностью с силой выбрасываться вперед, и на них уже висели тела нескольких мужчин.

— Это Дьявол! — пронзительно закричал Хабльят, хлопая по своей сумке. Но оружие у него отобрала стража возле резиденции.

Балленкарчский военачальник, бледный, с искаженным лицом, выхватил саблю и атаковал Сына. Пушистый шар слегка наклонился в его сторону, усики прижались, словно ножки насекомого. Затем они ударили — одновременно с разных сторон — и, пронзая плоть, потянули его к стволу. Он закричал, затем затих и обмяк. Усики налились кровью, стали пульсировать, и Сын немного вырос.

Четверо, затем еще шестеро балленкарчцев бросились вперед, стараясь действовать сообща. Усики били, хлестали, и вот уже десять белых тел неподвижно лежат на земле. Сын увеличился, словно на него навели огромную лупу.

Раздался неуверенный голос Принца Гарри:

— Отойдите в сторону... Эй, вы, отойдите в сторону!

Он стоял и смотрел на растение. Тем временем пушистый шар расправился со следующей десяткой смельчаков.

Сын нападал с хитростью полуразумного животного. Усики выстрелили, поймали дюжину кричащих людей, подтянули их поближе.

А толпа обезумела, качнулась взад-вперед, в противоборствующих спазмах ярости и страха, и, наконец, с ревом бросилась врукопашную.

Сабли взлетали, рубили. Сверху без устали бил раскачивающийся пушистый шар. Это было неслыханно: он видел, чувствовал, растительное сознание рассчитывало удары: ловкие, бесстрашные, безошибочные. Усики стреляли, уворачивались, пронзали, возвращались, чтобы ударять снова и снова. А Сын Дерева рос, разбухал.

Уцелевшие отпрянули, беспомощно разглядывая землю, усеянную телами.

Гарри подозвал одного из телохранителей:

— Принеси тепловое ружье.

Архитовэрчи бросились вперед, протестуя:

— Нет, нет! Это Священный Побег! Сын Дерева!!!

Гарри не обратил на них внимания.

Гаменза в ужасе заломил руки:

— Отзовите солдат! Кормите его лишь преступниками и рабами! Через десять лет он станет огромным. Он станет величественным Деревом!

Гарри оттолкнул их, кивнул солдатам:

— Уберите этих маньяков!

Со стороны резиденции подкатил прожектор на колесах, остановился в шестидесяти футах от растения. Гарри кивнул. Широкий белый луч ударил в ствол Сына, осветив землю.

— «Аааах!» — почти сладострастно выдохнула толпа.

Экзальтация почти тут же прекратилась. Сын пил энергию, словно солнечный свет, расширялся, блаженствовал и рос. Пушистый белый шар приподнялся на десять футов.

— Направьте на верхушку, — озабоченно приказал Гарри.

Пучок энергии скользнул по стволу и ударил в верхушку. Та осветилась, вздрогнула и увернулась.

— Не нравится! — закричал Гарри. — Поливайте!

Архитовэрчи едва удерживали крик, мычали, словно сами испытывали боль от ожогов:

— НЕТ, НЕТ, НЕТ!!!

Белый шар замер, посылая назад сгусток энергии. Прожектор взорвался, разбросав во все стороны руки, ноги и головы...

И тут наступила полнейшая тишина.

А затем — внезапный крик. Усики бросились на поиски пищи...

Джо оттолкнул Ильфейн назад, и усики пролетели в футе от нее.

— Но я жрица друидов! — произнесла она в тупом изумлении. — Дерево покровительствует друидам! Дерево признает только мирян-пилигримов!

— Пилигримов? — Джо вспомнил пилигримов на Кайрил — усталых, пыльных, больных, со стертыми ногами. Он вспомнил, как они задержались на пороге, бросая лишь один взгляд на серую

равнину и наверх, на крону, прежде чем повернуться и войти в дупло. Молодые и старые, любых возрастов, каждый день, тысячами...

Джо поднял голову и поглядел на верхушку Сына. Гибкий ствол стоял прямо, маленький шар наклонялся, поворачивался, осматривая свои новые владения.

Гарри с лицом, словно белая маска, прихрамывая, подошел и остановился рядом:

— Джо, из всех существ, которые я видел на тридцати двух планетах, это меньше всего подходит для поклонения.

— На Кайрил я видел второе, взрослое. Оно пожирает людей тысячами.

— Эти люди верят мне, — сказал Гарри. — Они меня считают чем-то вроде бога. Это в основном потому, что я сведущ в земном инженерном деле. Я должен прикончить это страшилище.

— И не хочешь растить его вместе с друидами?

Гарри усмехнулся:

— Что за ерунду ты мне советуешь, Джо? Я не собираюсь растить его ни с кем на свете! Чума на их головы! Я буду держать их у себя, пока не найду способа выкорчевать эту штуку. Меня, конечно, еще многое не устраивает, но, уж само собой, я не польщусь на что-нибудь вроде этого. Кто, черт побери, протащил его сюда?

Джо молчал.

Ответила Ильфейн:

— Оно было доставлено сюда с Кайрил по приказу Дерева.

Гарри уставился на нее:

— О, боже! Оно еще и разговаривать умеет?

Ильфейн замялась:

— Коллегия товэрчей по многим признакам прочла волю Дерева...

Джо почесал подбородок.

— Хмф, — промямлил Гарри. — Фантастическое оформление для [illegible] маленькой тирании. Но не в этом дело. Эту штуку надо убить. — И он пробормотал вполголоса: — И неплохо бы и взрослую зверюгу — на всякий случай!

Джо расслышал и оглянулся на Ильфейн, ожидая увидеть ярость на ее лице. Но она молчала, глядя на Сына.

— Похоже, оно поглощает энергию, — озабоченно сказал Гарри. — Тепло отпадает... Бомбу? Попробуем взорвать. Я пошлю в арсенал за взрывчаткой.

Гаменза вырвался и подбежал к нему. Серая ряса на нем на бегу хлопала по ногам.

— Ваша светлость, мы решительно протестуем против вашей агрессии в отношении Дерева Жизни!

— Сожалею, — сказал Гарри, сардонически улыбаясь. — Но для меня это — зверь-убийца!

— Его присутствие — символ уз между Кайрил и Балленкарчем! — защищался Гаменза.

— Символ, черт подери! Выбросьте из головы эту метафизическую чепуху, человек! Эта штука — человекоубийца, и она мне нужна не более, чем любой зверь-убийца, а тем более большая. Мне жаль вас, что вы завели такого монстра на своей планете, хоть я и не должен вас жалеть. — Он оглядел Гамензи с ног до головы. — Вы-то своим Деревом попользовались неплохо. Оно уже тысячу лет служит вам кормушкой. А здесь ничего не выйдет. Через десять минут от него останутся только щепки.

Гамензи повернулся на каблуках, отошел на двадцать футов и о чем-то тихо заговорил с Омерето Имплант.

Десять фунтов взрывчатки, упакованные вместе с детонатором, подбросили к стволу. Гарри поднял ружье-излучатель, выстрелом из которого должен был вызвать взрыв.

Внезапно Джо пришла в голову мысль, осенившая его в последнюю минуту, и он бросился вперед.

— Подождите минуту! Подумайте: щепки разлетятся на акр, как минимум. Что, если каждая щепка начнет расти?

Гарри опустил излучатель:

— Разумная мысль.

Джо вытянул руку в сторону сельских домов.

— Эти фермы выглядят ухоженными, современными.

— Последняя земная техника. Так что же?

— Ты не хочешь сказать, что твои молодцы выдирают все сорняки руками?

— Нет, конечно. У нас есть дюжина различных химикалий против сорняков. Гормоны... — Он запнулся, хлопнул Джо по плечу. — Химикалии! Растительные гормоны! Джо, я сделаю тебя министром сельского хозяйства!

— Прежде всего, — сказал Джо, — давай посмотрим, как они действуют на Дерево. Если это растение, оно должно спятить.

И Сын Дерева спятил...

Усики извивались, сворачивались, стреляли. Пушистая белая голова посылала пучки энергии во всех направлениях. Лепестки вытянулись на двести футов в небо, затем рухнули на землю.

Подъехал второй прожектор. На этот раз Сын сопротивлялся еле-еле. Ствол обуглился, лепестки съежились, потемнели.

Через минуту Сын Дерева превратился в зловонный дымящийся обрубок...

Принц Гарри восседал на троне. Архитовэрчи Гаменза и Омерето Имплант стояли мертвенно-бледные, закутавшись в плащи. С одной стороны зала, выстроившись в строгом соответствии с субординацией, стояли менги: Магнерру Ипполито в красной мантии и гравированной кирасе, Ирру Каметви и два функционера Красной Ветви.

Раздался чистый звонкий голос Гарри:

— Я мало о чем могу вам сообщить. Но сейчас существует неопределенность: каким путем направится Балленкарч — к Менгсу или к Кайрил. Так вот, — он подвинулся в кресле, но руки его остались неподвижными на подлокотниках. — К сведению как менгов, так и друидов, здесь нет ничего нерешенного. Раз и навсегда, мы решили играть собственную игру. Мы будем развиваться в различных направлениях, и я верю, что мы построим прекрасный мир. И, поскольку проблема Сына Дерева решена, я никому не окажу личного предпочтения. Я верю, друиды, что вы действовали с самыми лучшими намерениями. Вы — рабы, как и ваши лайти.

Второе. Поскольку мы отказались от политических обязательств, мы занялись делом. Мы трудимся. Мы изготовляем инструменты: молотки, лопаты, пилы, сварочные аппараты. Через год мы начнем производить электрическое оборудование. Через пять лет здесь, на берегу озера Алан, будет стоять космодром. Через десять лет наши грузы полетят на любую из звезд, которые вы видите на ночном небе. А, может быть, и дальше. Так что, Магнерру, можете отправляться на Менгс и сообщить в Амниону и Латбоне обо всем, что я сейчас сказал. Что касается друидов, сомневаюсь, захотите ли вы вернуться.

— Это почему же? — резко спросил Гамензи.

— Ко времени вашего возвращения на Кайрил может начаться переполох.

— Это, скажем, только предположения, — рот Хабльята растянулся в язвительной улыбке.

На поверхности озера Алан пылали отблески заката. Джо сидел в кресле на личной веранде Гарри. Рядом, в просторном белом платье, устроилась Ильфейн.

Гарри вскакивал, садился, говорил, жестикулировал, хвастал. Новые плавильные печи Палинса, сотни новых школ, силовые установки для новых сельскохозяйственных машин, ружья и армии.

— О, в них остался варварский стержень, — говорил Гарри. — Любят подраться, любят дикую жизнь, весенние фестивали, ночные огненные пляски. Они на этом выросли, и я не в силах их этого лишить. — Он подмигнул Джо. — Самых горячих я послал против кланов на Вайл Макромби — это на другом континенте. Убил сразу двух зайцев: в борьбе с людоедами Макромби они выпустят лишние воинственные пары и заодно завоюют континент. Кровавое дело, но необходимое для их же собственной души. К молодым у нас отношение другое. Их мы учим, что героем скорее может стать инженер, чем солдат. В свое время это все скажется. Новое поколение успеет вырасти, пока их отцы очищают Матенду Кейп.

— Весьма остроумно, — согласился Джо. — Кстати, об остроумии: куда девался Хабльят? Я его не вижу уже целый день.

Гарри плюхнулся в кресло:

— Хабльят ушел.

— Ушел? Куда?

— Официально — не знаю. Тем более среди нас есть друид.

Ильфейн запротестовала:

— Я больше не друид. Я все это выкинула из головы. Я теперь... — Она повернулась к Джо. — Кто я теперь?

— Эмигрант, — сказал Джо. — Жена космоса. Женщина без родины. — Он повернулся к Гарри. — Поменьше тайн. Это уже не может иметь значения.

— Нет, может! Не исключено.

— Тогда держи при себе, — пожал плечами Джо.

— Нет, — сказал Гарри, — я тебе скажу. Хабльят, как ты знаешь, в опале. Он вышел, Магнерру Ипполито вошел. Политика менгов многогранна, сложна, но они же не все внимание уделяют престижу. Согласен, очень многое, но не все. Магнерру Ипполито утратил свой престиж здесь, на Балленкарче. Если Хабльят сможет совершить что-нибудь замечательное, он снова окажется у дел. Ну, а в наших интересах, чтобы у власти на Менгсе оказалась Голубая Вода.

— Ну?

— Я отдал Хабльяту все противосорняковые гормоны, что у нас имелись. Это тонн пять. Он погрузил их в корабль, который я ему тоже предоставил, и отчалил. — Гарри шутливо развел руками. — Так что, куда он ушел, я не знаю...

Ильфейн перевела дыхание и, дрожа, отвернулась к озеру Алан. Озеро в лучах заката светилось розовым, золотым, лавандовым, бирюзовым цветами.

— Дерево...

Гарри встал:

— Пора обедать. Если он задумал именно это — уничтожить Дерево гормонами, — то я могу быть спокоен...

ЗВЁЗДНЫЙ КОРОЛЬ

роман

Часть I

Глава 1

«Закон неэффективен там,
где нет принуждения».

Популярный афоризм

Выдержки из статьи «Смейд с планеты Смейда», напечатанной в журнале «Космополис» за сентябрь 1982 года.

Вопрос: И Вы никогда не чувствуете одиночества?

Ответ: С тремя женами и одиннадцатью детьми?

Вопрос: Что же все-таки побудило Вас обосноваться на этой планете? В общем-то, это весьма унылое место, не так ли?

Ответ: Красота — понятие относительное и зависит в большей степени от субъекта, нежели от объекта. И надо Вам запомнить, что я не содержу здесь курорт для отдыха!

Вопрос: Какого рода люди являются постоянными посетителями Вашей таверны, мистер Смейд?

Ответ: Люди, которые хотят спокойствия и возможности немного передохнуть от трудов праведных. Случайные путешественники или исследователи.

Вопрос: Я слышал, что некоторые из Ваших клиентов имеют сомнительную репутацию. Фактически — если говорить без обиняков — широко распространено мнение, что таверна Смейда широко посещается самыми отъявленными пиратами и грабителями.

Ответ: Я полагаю, что и они время от времени нуждаются в отдыхе.

Вопрос: У Вас возникают трудности во взаимоотношениях с этими людьми? Трудности, связанные с поддержанием порядка?

Ответ: Вовсе нет. Им известны мои правила. Я говорю: «Джентльмены, будьте сдержанны. Разногласия между вами касаются только вас. Они преходящи, мимолетны. Атмосфера же гармонии в таверне — это мое дело, и я намерен, чтобы так было всегда!»

Вопрос: И что же, они сдерживают себя?

Ответ: Как правило.

Вопрос: А если нет?

Ответ: Таких людей я сбрасываю в море.

Смейд был человеком скрытным. Правда о его происхождении и молодых годах была известна только ему самому. В 1479 году он

приобрел крупную партию отличного строевого леса, который и переправил на маленькую каменистую планету, расположенную на краю Галактики, в так называемой Глуши. И здесь, с помощью десяти законтрактованных рабочих и примерно такого же количества рабов, он соорудил таверну Смейда.

Расположена она была на длинной узкой косе, поросшей вереском, между горами Смейда и морем Смейда, точно на экваторе планеты. Построил он ее в старинном стиле, возведя каменные стены, стропила из досок и крышу из шифера. Когда она была закончена, то хорошо вписалась в окружающий ландшафт, с первого взгляда напоминая случайное обнажение горных пород: продолговатое двухэтажное строение с высокой двухскатной крышей, с двумя рядами окон по фасаду и тыльной стороне, с дымовыми трубами по краям крыши. Сзади таверны стояла группа кипарисов, и форма их крон ничуть не казалась чужеродной на фоне пейзажа планеты.

Смейд добавил несколько новых черточек к экологии планеты: в укромной долине позади таверны он посадил фруктовый сад, еще в одной из долин он держал небольшое стадо скота и некоторое количество домашней птицы. Количество животных было весьма умеренным, и не было никаких признаков того, что их присутствие может принципиально повлиять на природу планеты.

Владения Смейда могли простираться сколь угодно далеко — на планете не было других обитателей, но он предпочитал держать под своим контролем площадь примерно в три акра внутри побеленного каменного забора. Он оставался абсолютно глух ко всему, что происходило снаружи этого забора, если только у него не было причин опасаться ущемления своих собственных интересов — но такого до сих пор ни разу не случалось.

Планета Смейда была единственным спутником звезды Смейда, тусклого карлика в сравнительно пустой области пространства. Прежняя флора планеты была скудной: лишайники, мхи, примитивные стелющиеся и вьющиеся растения; водоросли на поверхности океана, придававшие воде черный цвет. Фауна была еще более скудной: немного студнеобразных созданий, которые питались черными водорослями, небольшое количество низко организованных одноклеточных... Едва ли изменения экологии планеты, проведенные Смейдом, могли нанести какой-либо ущерб.

Сам Смейд был высоким, широкоплечим и сильным человеком с белой кожей и черными, как смоль, волосами. Прошлое его, как об этом уже упоминалось, было неопределенным, и никто не слышал, чтобы он когда-нибудь вспоминал о нем. Тем не менее таверну он содержал, соблюдая все приличия. Три его жены жили в согласии, дети были красивы и хорошо воспитаны, а сам Смейд — безукоризненно вежлив. Цены у него были высокими, и он не часто встречался с затруднениями в приумножении своих доходов.

Над стройкой бара висела надпись:

«Ешь и пей сколько захочешь. Тот, кто может платить и расплачиваться, — клиент. Кто не может и не расплачивается — гость заведения».

Среди завсегдатаев Смейда встречались самые разные люди: исследователи, разведчики, техники по обслуживанию оборудования, частные агенты по розыску пропавших людей или украденных сокровищ; гораздо реже — представители «Интергалактпола», или «хорьки» на жаргоне обитателей Глуши. Остальные посетители — всякое отребье, столь же отличавшееся друг от друга, сколь отличаются друг от друга бесчисленные виды преступлений. Мирясь с необходимостью, Смейд совершенно одинаково обращался со всеми обитателями этой части Вселенной, посещавшими его таверну.

В июле 1524 года в таверне Смейда появился Курт Герсен, представившийся разведчиком. Его корабль был стандартной моделью, сдаваемой в аренду соответствующими предприятиями в пределах Ойкумены: цилиндр длиной в десять метров, оборудованный только самым необходимым: монитором-автопилотом — устройством для отыскивания звезд, хронометром, телескопом и пультом ручного управления, расположенным в носовой части. В средней секции располагались жилой отсек, информационное устройство и кладовые. На корме находился энергоблок, расщепитель Ожарнелла и еще одно хранилище. Корабль был весь в заплатах и выбоинах, как и любой другой разведчик. Внешность Герсена также была совершенно заурядной, одежда — изрядно поношенной, особой разговорчивостью он не отличался. Но все это мало беспокоило Смейда.

— Вы надолго к нам, мистер Герсен?

— Скорее всего, дня на два-три. Мне нужно кое-что обдумать у вас в тиши, мистер Смейд.

Владелец таверны понимающе кивнул.

— У нас сейчас затишье. Только вы и Звездный Король. Если вам нужна тишина, то ее будет даже с избытком.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Герсен, и это было правдой.

После завершения всех своих дел у него оставалось еще немало неразрешенных сомнений. Он повернулся, затем замер и оглянулся, так как только теперь до него дошли слова Смейда.

— У вас в таверне сейчас находится Звездный Король? — изумился он.

— Во всяком случае, он сам так представился мне.

— Ни разу не доводилось встречаться с Звездным Королем, знаете ли. Кроме того, даже наши ученые мало что знают о них.

Смейд вежливо поклонился, давая понять, что разговор достиг дозволенных пределов подробностей. Он сделал жест в сторону часов таверны:

— Время — наше местное. Можете переставить свои часы. Ужин в семь часов, ровно через полчаса.

Герсен поднялся по каменистой лестнице в свою комнату, крохотную клетушку с кроватью, стулом и столиком. Он взглянул в окно на полосу вереска между горами и океаном. На посадочной площадке было всего два корабля: его собственный и другой, более крупный и тяжелый, очевидно, принадлежащий Звездному Королю.

Герсен умылся в ванной, расположенной в общем коридоре, и спустился в холл на первый этаж, где пообедал продуктами с огорода и скотного двора Смейда.

Пока он обедал в столовой, туда спустились еще два гостя. Первым был Звездный Король, который, шурша своей богатой одеждой, быстро прошел в дальний конец комнаты — индивидуум с черной как уголь кожей и такими же черными глазами. Выше среднего роста, он держался с предельным высокомерием, а черный как уголь цвет кожи делал его лицо похожим на причудливую маску. Штаны из оранжевого шелка, свободная алая мантия с белым кушаком и широкая шапочка с серыми и черными полосами служили прекрасным дополнением к его экзотической внешности. Герсен оторвался от еды и смотрел на него с нескрываемым любопытством. Это был первый увиденный им Звездный Король, хотя и ходила молва о том, что сотни их инкогнито посещают планеты людей. Это была одна из великих тайн космоса со временем первого же посещения людьми планеты Лямбда-Грас.

Второй из гостей, по-видимому, только что прибыл — худой мужчина средних лет и неопределенной расовой принадлежности. Герсен повидал множество подобных людей — самых разнообразных, разношерстных бродяг Глуши. Короткие неопрятные волосы светлого оттенка, болезненно-белая кожа этого человека, весь его вид говорили о неуверенности и неопределенности. Ел он без аппетита, поглядывая то на Герсена, то на Звездного Короля, однако все же казалось, что более изучающие взгляды он бросает в сторону Герсена. Герсен попытался избежать этих, становящихся все более настойчивыми взглядов, меньше всего ему хотелось быть вовлеченным в какие-нибудь дела незнакомца.

После обеда, когда Герсен сидел, наблюдая за блеском молний над океаном, этот человек бочком подошел к нему, часто мигая и нервно гримасничая. Стараясь придать голосу безразличие, незнакомец произнес:

— Мне кажется, что вы из Кринктауна?

С самого детства Герсен привык скрывать свои чувства за полной, если не сказать свинцовой, непроницаемостью. Однако вопрос незнакомца, перекликаясь с его собственными тревогами и неловкостью, озадачили его. Он сделал паузу перед тем, как ответить, и утвердительно кивнул:

— По сути дела, да.

— Я ожидал увидеть кого-нибудь другого. Но это не имеет значения. Я уже решил, что не смогу выполнить свои обязательства. Ваша поездка сюда стала бессмысленной. Вот и все.

Он отошел назад, осклабившись в лишенной какого-либо веселья улыбке — очевидно, для того чтобы как можно собранней встретить ожидаемую резкую реакцию.

Герсен вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Вы по ошибке приняли меня за кого-то другого.

Ответом ему был полный недоверия взгляд.

— Но вы прибыли сюда из Кринктауна?

— И что же из этого?

Незнакомец сделал безнадежный жест.

— Все равно. Я ожидал... но это все равно, — и, выждав несколько мгновений, добавил: — Я заметил ваш корабль — модель ЭВ. Вы, значит, разведчик.

— Верно.

Откровенность Герсена придала незнакомцу еще большую смелость.

— И вы сейчас направляетесь еще дальше? Или назад?

— Еще дальше, — ответил Герсен, затем, решившись на еще большую откровенность, добавил: — Не могу сказать, что мне сопутствует удача.

Напряженность, казалось, неожиданно покинула незнакомца. Плечи его поникли.

— Я и сам занимаюсь этим же делом. Что же касается удачи... — Он безнадежно вздохнул, и Герсен уловил запах самодельного виски, производимого Смейдом. — Если удачи не было, то, несомненно, я должен винить в этом только самого себя.

Однако подозрения Герсена полностью не исчезли. В хорошо модулированном голосе незнакомца слышался акцент образованного человека, но это само по себе еще ничего не значило. Он мог быть в действительности всего лишь тем, кем представился: разведчиком, имевшим какие-то неприятности в Кринктауне. Но, возможно, все было иначе. Герсен с удовольствием бы предпочел остаться наедине со своими мыслями, но из элементарной предосторожности следовало взглянуть более глубоко на создавшееся положение. Курт глубоко вздохнул и сделал любезный, хотя и несколько кривой, жест:

— Может быть, хотите присоединиться ко мне?

— Благодарю вас.

Незнакомец уселся рядом с ним и, казалось, осмелел настолько, словно и не было у него каких-то хлопот и неприятностей.

— Зовут меня Тихальт, Луго Тихальт. Выпьете? — И, не дожидаясь согласия, он сделал знак одной из младших дочерей Смейда, девочке лет девяти или десяти, одетой в скромную белую кофту и длинную черную юбку. — Я предпочитаю виски, малышка, а этому джентльмену подай то, что он сам соизволит выбрать.

Казалось, Тихальт черпает свои силы то ли из выпивки, то ли из перспективы предстоящего разговора. Голос его стал тверже, взгляд — более ясным и пристальным.

— Сколько же времени вы отсутствовали?

— Месяца четыре или пять, — ответил Герсен, не выходя из роли разведчика. — И за все это время ничего не видел, кроме скал, грязи и серы... Не знаю даже, стоило ли ради этого так тяжело работать?

Тихальт улыбнулся и понимающе закивал головой.

— Но все же, разве в этом нет ничего захватывающего? Звезды сияют и купают в своем свете кружащие вокруг них планеты. И ты спрашиваешь себя, может быть, это произойдет сейчас? Так, раз за разом — дым, аммиак, сказочные кристаллы, течение окиси углерода, дожди из кислоты. А ты все продолжаешь и продолжаешь искать. Может быть, именно в следующем секторе и образуется сращение благородных элементов и тебе усмехнется удача? Но конечно же это опять все тот же шлак или снег из метана. Но вот, вдруг, вот она! Абсолютная красота...

Герсен потягивал виски, не перебивая своего собеседника. По-видимому, Тихальт был человеком порядочным и образованным, но, к несчастью, опустившимся на самое дно этого мира. Он все говорил и говорил, наполовину обращаясь к самому себе:

— Не знаю, где залегает удача. Я уже ни в чем не уверен. Счастливая случайность оборачивается неудачей, а разочарование кажется счастливее, чем успех... Но и тогда я все же не считаю неудачи, я никогда не путаю неудачи с успехом, а в случае успеха не уступлю разочарованию. Я не такой. И жизнь продолжается.

Герсен позволил себе немного расслабиться. Такого рода непоследовательность трудно представить среди его врагов. Если только они не наняли сумасшедшего? Немного помолчав после того, как его собеседник сделал паузу, Герсен осторожно заметил:

— Неуверенность часто может повредить больше, чем незнание.

Тихальт с уважением взглянул на него, как будто это утверждение было проявлением глубокого ума.

— Значит, вы считаете, что неведение лучше неуверенности?

— Это совершенно разные вещи, — произнес Герсен легко и непринужденно, что было для него вполне естественным. — Ведь ясно, что неуверенность порождает нерешительность, а это — тупик. Человек же несведующий может действовать. Правильно он будет поступать или нет — это уже зависит от конкретного человека, от конкретных обстоятельств. Настоящего единодушия в этом вопросе не может быть никогда.

Тихальт печально улыбнулся и тихо заговорил:

— Вы — приверженец весьма популярной доктрины этического прагматизма, которая всегда оборачивается доктриной своекорыстного эгоизма. И все же я понимаю вас, когда вы говорите о неуверенности. Потому что я сам — человек неуверенный. Я знаю, что я неудачник, но разве я не мог бы им не быть? У меня достаточно горький опыт,

чтобы говорить так. — Он до дна выпил свое виски и наклонился вперед, почти вплотную к лицу Герсена. — Вы, пожалуй, более восприимчивый человек, чем кажется с первого взгляда. У вас более острый ум, чем у меня, и вы моложе, чем кажетесь.

— Я родился в 1490 году, — рассмеялся Герсен.

Тихальт издал вздох, который можно было истолковать как угодно, и еще раз внимательно взглянул в лицо Герсена.

— Вы могли бы понять меня, если бы я сказал, что мне довелось увидеть абсолютную красоту?

— Может быть, я и смог бы вас понять, — кивнул головой Герсен, — но только в том случае, если вы впредь будете выражаться яснее.

Тихальт задумчиво прищурился.

— Я попытаюсь. — На мгновение он остановился. — Как я вам уже говорил, моя профессия — разведчик. Это неважное ремесло — я прошу у вас извинения — потому что оно, по сути, предопределяет деградацию красоты. Иногда только в самой незначительной степени — а именно на это надеялся я, а иногда она уничтожается полностью. — Тихальт сделал жест рукой в сторону океана. — Эта таверна ничему не вредит. Она позволяет красоте этой ужасной планетки выявлять себя. — Он склонился вперед, облизав губы. — Вам известно имя Малагате? Аттель Малагате?

Уже во второй раз Герсену стало не по себе. После небольшой паузы он небрежно произнес:

— Уж не тот ли это Малагате, которого называют еще Горе?

— Да, Малагате-Горе. Вы знакомы с ним? — И Луго Тихальт бросил на Герсена такой неприязненный взгляд, как будто сам факт признания такой возможности возобновил его подозрения.

— Я знаком только с его репутацией, — сказал Герсен, изобразив на своем лице нечто вроде кислой улыбки.

— Все, что вы, возможно, слышали, является лестью, заверяю вас.

— Но вы же не знаете, что именно я слышал!

— Сомневаюсь, что вы слышали худшее. Но тем не менее и в этом заключается удивительный парадокс... — Тихальт закрыл глаза. — Я занимаюсь разведкой для Аттеля Малагате. Он — владелец моего корабля. И я взял у него деньги.

— Положение затруднительное...

— Когда я это обнаружил — что я мог сделать? — Тихальт возбужденно всплеснул руками — то ли вследствии повышенной эмоциональности, то ли благодаря действию виски Смейда. — Я задавал себе этот вопрос много раз. Не я делал этот выбор. Я получил корабль и деньги не от частной лавки, а от одного почтенного учреждения. И поэтому я не считал себя рядовым разведчиком. Я был Луго Тихальтом, человеком больших способностей, который получил назначение на должность Главного Исследователя учреждения! Я был уверен в этом. Но они послали меня на разведку в корабле модели В,

и я уже больше не мог обманывать себя. Теперь я был Луго Тихальтом, самым заурядным поисковиком.

— А где же ваш корабль, Луго? — спросил Герсен из праздного любопытства. — На посадочной площадке только мой корабль и корабль Звездного Короля.

— У меня есть основания для осторожности. — Он посмотрел по сторонам. — Вас не удивит, если вы узнаете, что я ожидаю вас встретить... — Он запнулся в нерешительности и стал более тщательно обдумывать то, что собирался сказать, молча глядя на свой пустой бокал. Герсен дал знак, и юная Араминта Смейд принесла виски на светлом нефритовом подносе, который она сама разрисовала орнаментом из алых и голубых цветов.

— Но это все несущественно! — неожиданно вымолвил Тихальт. — Я уже наскучил вам со своими наболевшими проблемами...

— Вовсе нет, — живо откликнулся Герсен. Он даже сам удивился, насколько искренне это у него получилось. — Все, что связано с Аттелем Малагате, интересует меня!

— Это можно понять, — произнес Тихальт после еще одной паузы. — Он представляет собой своеобразное сочетание качеств.

— От кого вы прячете свой корабль? — спросил бесхитростно Герсен.

Тихальт покачал головой.

— Не скажу. И знаете почему? Потому что вы, возможно, человек Малагате. Хотя, ради вас самого, я надеюсь, что это не так.

— Почему это я должен быть человеком Малагате?

— Обстоятельства наводят на эту мысль. Но только обстоятельства! Фактически же я уверен, что вы не его человек. Он не послал бы сюда кого-нибудь, кого я не встречал прежде.

— Значит, у вас здесь свидание?

— Это единственное, из чего я не делаю тайны. Что же касается остального — не знаю, что мне предпринять.

— Возвращайтесь в Ойкумену!

— А как же быть с Малагате? Неизвестно, что он сделает со мной.

— Почему он так заинтересован в вас? Ведь разведчиков хоть пруд пруди.

— Я уникален, — печально усмехнулся Тихальт. — Я — разведчик, который обнаружил слишком драгоценный для продажи приз.

На Герсена это признание произвело впечатление, хотя он и попытался внешне не показать этого.

— Мир, который я открыл, слишком красив для Малагате. Невинный мир, полный света, воздуха и красок. Отдать эту планету в его распоряжение, чтобы он мог построить на ней дворцы, рулетку и казино, — это все равно, что отдать ребенка взводу солдат с Саркоя. И, возможно, даже хуже.

— И Малагате знает ваши намерения?

— У меня есть нехорошая привычка пить и, не думая, болтать.

— Вот как сейчас, — намекнул Герсен.

Тихальт, вздрогнув, натянуто улыбнулся.

— Вы не сможете сказать Малагате ничего такого, чего он уже не знал бы. Непоправимое произошло в Кринктауне.

— Расскажите мне подробнее об этой планете. Она обитаема?

Тихальт снова улыбнулся, но ничего не ответил. Это нисколько не обидело Герсена. Тихальт, обращаясь к Араминте Смейд, заказал Фрэйз, крепкий сладкий ликер, обладающий особым свойством, поскольку среди его ингредиентов был слабый галлюциноген. Герсен решил, что сам он больше пить не будет.

Ночь уже окутала планету. То там, то здесь сверкали молнии. Неожиданный ливень забарабанил по крыше.

Тихальт, казалось, наблюдал за игрой пламени в камине, но тут внезапно произнес:

— Вам никогда не найти эту планету. Я решительно настроен на то, чтобы никому не выдавать ее местонахождения.

— А как же ваш контракт с работодателем?

Тихальт сделал пренебрежительный жест.

— Я выдам ее за обычную планету.

— Но информация находится в запоминающем устройстве — мониторе, — заметил Герсен. — И это — собственность вашего нанимателя.

Тихальт ничего не говорил так долго, что Герсен уже решил было, что он заснул. Однако в конце концов он все же произнес:

— Я очень боюсь смерти. Иначе я бы направил свой корабль вместе с собой и монитором прямо в какую-нибудь звезду.

Герсен предпочел промолчать.

— Не знаю, что же мне предпринять. — Голос Тихальта стал спокойным, как будто спиртное утешило его разум. — Эта планета просто замечательная. Красивая, да! Меня беспокоит даже, а не скрывается ли за этой красотой какое-нибудь другое качество, которое я не смог увидеть, как красота женщины маскирует ее более отвлеченные достоинства. Или пороки... В любом случае планета настолько красива и безмятежна, что нет слов для описания. Там есть горы, омываемые дождями. Над долинами проплывают облака, легкие и блестящие, как снег. Небо — глубокое, темно-голубое. Воздух прохладен, чист и настолько свеж, что кажется хрустальным. Там есть цветы, хотя и не очень много. Они растут небольшими группами, так что, когда находишь их, то кажется, что наткнулся на сокровище. Но зато там много деревьев, и среди них есть великаны с такими огромными стволами, с такой побелевшей корой, что кажется, что они живут вечно.

Вы спросили, является ли эта планета обитаемой? Я вынужден ответить утвердительно, хотя создания, которые живут там... немного

странные. Я назвал их дриадами. Мне пришлось видеть их около сотни, и впечатление такое, что это очень древняя раса. Такая же древняя, как деревья, как горы. — Тихальт закрыл глаза. — День на этой планете вдвое длиннее нашего стандартного, утренние часы очень долгие и наполненные светом. Дни спокойные, вечера золотистые, как мед. Дриады купаются в реке или стоят в темном лесу... — Голос Тихальта стал тише. Казалось, что он наполовину спит.

Герсен подтолкнул его.

— Дриады?

Тихальт пошевелился, приподнимаясь в кресле.

— Название не хуже любого другого. Они, по меньшей мере, наполовину растения. Я не делал настоящей проверки, не посмел. Почему? Не знаю. Я был там предположительно две или три недели... Вот что я увидел...

Глава 2

Тихальт посадил потрепанный старый корабль модели 9В на лугу рядом с рекой. Он подождал, пока анализатор произведет проверку окружающей среды, хотя, судя по пейзажу, она никак не могла быть враждебна — так, во всяком случае, подумал Тихальт, который в равной степени был ученым, поэтому и праздным мечтателем. Действительно атмосфера оказалась вполне здоровой, чувствительные к аллергиям культуры давали отрицательную реакцию, микроорганизмы в воздухе и почве быстро погибали от соприкосновения со стандартными антибиотиками. Причин для того, чтобы откладывать высадку на планету, не было, и поэтому Тихальт начал обычные приготовления к высадке.

Ступив на дерн прямо возле корабля, Тихальт пришел в восторг. Воздух был настолько свежим, чистым и прозрачным, как будто бы только что прошел весенний дождь. Вокруг стояла абсолютная тишина.

Тихальт побрел по долине. Остановившись в восхищении перед группой деревьев, он увидел дриад, которые стояли, собравшись небольшой группой, в тени. Они были двуногими, со странно человеческим строением туловища и головы, хотя было ясно, что они похожи на людей только в высшей степени поверхностно. У них была серебристо-бурая, местами зеленоватая кожа, вся в сверкающих блестках, на голове не было ничего, кроме пурпурно-зеленых пятен, похожих на глазницы. Из плеч росли органы, напоминающие руки; они разветвлялись на прутья. Иногда встречались темно-коричневые, темно-красные, бронзовые и золотистые оттенки. Дриады увидели Тихальта и двинулись вперед с почти человеческим любопытством, остановились на расстоянии пятнадцати метров, покачиваясь на гибких конечностях. Их многоцветные листья переливались в лучах солнца. Тихальт столь же внимательно рассматривал дриад, постепенно приходя к мысли,

что это наиболее очаровательные создания из всех, кого ему довелось видеть.

Все следующие дни, судя по его воспоминаниям, были идиллическими и полностью безмятежными. В планете было что-то величественное, что-то удивительно чистое, — и это внушало ему почти религиозное благоговение. В конце концов он понял, что надо как можно скорее покинуть эту планету, или он не выдержит и полностью отдастся этому миру. Понимание этого привело его в состояние невыносимой печали, ибо уже больше никогда не вернется сюда.

В течение долгого времени он следил за тем, как дриады перемещались по долине, им двигало праздное любопытство относительно их природы и привычек. Были ли они разумны? К своему удовлетворению, Тихальт так и не смог ответить на этот вопрос. Их обмен веществ оставался для него загадкой, как и природа их жизненного цикла, хотя со временем ему удалось кое-что выяснить. Он понял, что они черпают какую-то часть энергии посредством своеобразного фотосинтеза.

Затем, в одно прекрасное утро, когда Тихальт задумчиво наблюдал за одной группой дриад, стоявших неподалеку на болотистом лугу, крупное, похожее на ястреба, крылатое создание устремилось вниз и ударило одну из дриад в бок. Пока она падала, Тихальту удалось заметить два белых стержня, уходивших из гибких серых ног дриады в землю. Как только дриада упала, стержни втянулись внутрь. Похожая на ястреба тварь не обратила никакого внимания на опрокинутую дриаду, но вонзила когти в болото и вытащила оттуда огромного белого червя. Тихальт с большим интересом наблюдал за этой сценой. Дриада, по-видимому, нашла червя в его подземной норе и пронзила его чем-то вроде хоботков, чтобы пожрать его как пищу. Тихальт ощутил чувство неприязни и разочарования. Дриады, очевидно, были не такими уж невинными и эфирными созданиями, какими он их себе представлял.

Ястреб некоторое время неуклюже пытался подняться в воздух, издавая при этом квохчущие звуки. Тихальт рванулся вперед и, махая руками, заставил крылатое создание выпустить добычу и взмыть в воздух. Смотреть, в общем-то, было не на что, кроме кусков белой плоти, желтой слизи и черного твердого шара величиной в два кулака Тихальта — вот и все, что осталось от искромсанного червя. Пока Тихальт рассматривал свою находку, дриады медленно подошли к нему, и он отступил. С удивлением он наблюдал, как дриады столпились вокруг мертвого червя, и человеку показалось, что они оплакивают изувеченное создание. Через некоторое время с помощью гибких нижних конечностей дриады подняли черный шар, и одна из них понесла его прочь, держа высоко на своих руках-ветвях. Тихальт последовал за нею и зачарованно наблюдал за тем, как рядом с рощицей стройных деревьев с белыми ветвями дриады закопали черный шар.

Вспоминая обо всем этом впоследствии, он удивился тому, что не сделал попыток вступить в контакт с дриадами. Раз или два, когда он еще оставался на этой планете, такая мысль приходила ему в голову, но он отбрасывал ее — вероятно, вследствие того, что ощущал себя пришельцем, вторгшимся в этот мир, неуклюжим и очень шумным созданием, пытавшимся нарушить покой этой сказочной страны. Дриады же со своей стороны относились к нему с вежливым безразличием.

Через три дня после этого события Тихальт случайно вернулся к рощице деревьев и, к своему удивлению, обнаружил бледный побег, растущий из земли точно на том месте, где был зарыт шар. На верхушке его нежно-зеленые листья уже разворачивались к солнцу. Тихальт отступил и внимательно рассмотрел рощицу: каждое из деревьев в ней, вполне возможно, выросло из шара бывшего в теле подземного червя! Он внимательно осмотрел листву, корни, кору и не обнаружил ничего, что подтвердило бы такое впечатление.

Он окинул взглядом долину и остановил свой взгляд на огромных гигантах с темной листвой. Были ли эти две разновидности деревьев похожи друг на друга?

Подойдя к гигантскому дереву, Тихальт осторожно срезал странный по форме плод, напоминающий мешочек. Продолжая разглядывать свой трофей, он направился к кораблю.

Он прошел мимо группы дриад, которые, уставившись своими пурпурно-зелеными глазами на мешочек, приняли напряженное положение. Тихальт ошеломленно наблюдал за ними. Теперь они приближались, их яркие листья дрожали и взволнованно переливались. Тихальт ощутил неловкость и стыд. Очевидно, сорвав мешочек, он, не ведая того, чем-то обидел дриад. Почему и как, он не мог сейчас понять и поэтому поспешно укрылся в корабле, где и разрезал свою добычу. Оболочка плода была крепкой и сухой. В центре располагался черенок, к которому были прикреплены семена величиной с горошину, но очень сложной структуры. Тихальт осмотрел семена под микроскопом. Они поразительно напоминали небольших недоразвитых жуков и ос. С помощью щипчиков и ножа он отпрепарировал одно из семян на листе бумаги, обнаружив крылья, грудь и челюсти: несомненно, это было насекомое.

В течение долгого времени он думал об этих существах, растущих на деревьях. Любопытным аналогом было дерево, выросшее из черного шара, который дриады вынули из тела белого червя.

Закат солнца окрасил небо, отдаленные места долины стали неразличимы. Надвигались сумерки, а за ними и ночь, и огромные, как лампы, звезды загорались на небе.

Когда прошла долгая ночь, Тихальт вышел из своего корабля. Он уже знал, что близится время его отлета с этой планеты. Как? Почему? На это у него не было ответов. Тяга тем не менее была реальной: он должен был покинуть эту планету, и он знал, что никогда больше не вернется сюда.

Он смотрел на чудесное голубое небо, плавные изгибы холмов, на рощи и леса, спокойную реку, и глаза его стали влажными. Планета была слишком красивой, чтобы покидать ее, но и слишком красивой, чтобы оставаться на ней. Он ощущал какое-то странное смятение, истинных причин которого не мог уяснить. Непрерывно какая-то сила побуждала его бежать прочь от корабля, бросить одежду, оружие, слиться с планетой, обнимать все вокруг и самому быть поглощенным, принести себя в жертву ради экстаза приобщения к красоте и великолепию...

Сегодня он должен будет уйти. «Если я останусь здесь еще хоть на один день, — подумал Тихальт, — то у меня, как и у дриад, над головой вырастут листья».

Он побродил по долине, непрерывно оборачиваясь ко все больше поднимающемуся солнцу. Он взобрался на вершину холма и начал всматриваться в чередование вздымающихся хребтов и долин, к востоку постепенно сливавшихся в одну громадную гору. К западу и югу он заметил блеск волн. К северу простирались зеленые леса, среди которых виднелись огромные серые валуны, похожие на руины древнего города.

Возвратившись в долину, Тихальт прошел под кронами гигантских деревьев. Взглянув вверх, он заметил, что все плоды раскрылись и теперь висели сморщенные и увядшие. Он услышал жужжание крыльев. Какой-то твердый тяжелый шарик ударился об его щеку, прицепился к ней и ужалил.

От неожиданности и боли Тихальт раздавил насекомое. Запрокинув вверх голову, он увидел других — целое множество, снующих туда-сюда или роящихся. Поспешно вернувшись к кораблю, он одел комбинизон из толстой ткани, защитив лицо и голову прозрачной сеткой. Он был разгневан без всяких видимых причин. Нападение осы испортило последний день его пребывания в этой божественной долине, впервые за все это время ему был причинен какой-либо вред. Слишком многого он ожидал, размышлял он с горечью, вряд ли рай может существовать без своего змея. И он швырнул в подсумок целый флакон сжиженного репеллента, хотя он вполне мог и не подействовать на этих насекомых растительного происхождения.

Покинув корабль, он двинулся по долине, все еще испытывая жгучую боль от укуса насекомого. Приближаясь к лесу, он натолкнулся на группу дриад, окруженную жужжащим роем ос. Тихальт с любопытством подошел ближе. Он увидел, что дриады подверглись нападению, но каких-либо действенных мер по своей защите они не предпринимали. Когда осы стрелой устремились, чтобы пристроиться на их серебристой коже, они стали размахивать ветвями, терлись друг о друга, скребли ногами почву, стараясь избавиться от насекомых. Насколько действенна была такая защита, Тихальт видел воочию.

Он медленно приближался к дриадам, наполненный ужасным гневом. Одно из созданий, подвергшихся нападению, совсем ослабло: несколько насекомых вгрызлись в кожу, вытягивая капли сукровицы. Весь рой внезапно сосредоточился на этой несчастной дриаде, которая вдруг затряслась и повалилась на землю, в то время как оставшиеся дриады спокойно уходили прочь.

Тихальт, охваченный омерзением и негодованием, бросился вперед и направил носик флакона с репеллентом прямо в центр роя ос. Действие яда было потрясающе эффективным — осы белели прямо на глазах, лишались сил и падали на землю. За одну минуту весь рой превратился в ворох белой шелухи. Дриада, подвергнувшаяся нападению, также лежала мертвая. Дриады, которые уходили от роя, теперь возвращались и были, как показалось Тихальту, крайне возбуждены и даже разъярены. Их ветви трепетали и бились, они двигались прямо на него, ничуть не скрывая решительности своих намерений. Тихальт поспешно ретировался к своему кораблю.

Отсюда он в бинокль наблюдал за поведением дриад. Они стояли возле своего мертвого собрата и, как показалось Тихальту, были в нерешительности относительно своих дальнейших действий. По-видимому, решил разведчик, их поразил не столько мертвый вид подруги, сколько гибель насекомых.

Они тесно обступили погибшую дриаду, и Тихальт не смог отчетливо разобрать, что же они делают. Одна из дриад нагнулась и что-то подняла с земли. Тихальт навел на эту фигуру бинокль и увидел, что она держала в своих руках-ветвях черный шар. Он долго следил за тем, как дриады несли этот шар через долину, пока не скрылись в роще гигантских деревьев.

Глава 3

«Что за город — Кринктаун? Некогда — перевалочный пункт, последняя застава и врата, ведущие в бесконечность, — теперь же это еще одно поселение за пределами Ойкумены. Но что значат слова «еще одно»? Является ли это определение ложным? Решительно нет. Кринктаун нужно увидеть, чтобы поверить в его чудо, и даже тогда он воспринимается с недоверием. Дома здесь расположены на большом удалении друг от друга вдоль тенистых проспектов, и все же они вздымаются, как сторожевые башни, над пальмами, кипарисами и другими многочисленными деревьями. Первый этаж зданий — не более, чем вестибюль, место, где меняют одежду, так как местные обычаи предписывают употребление домашних бумажных накидок и бумажных шлепанцев. А выше — какая вспышка архитектурного тщеславия, какие башенки и шпили, колокольни и купола! Какое искусно выполненное великолепие, какая вдохновенная резьба, какое вычурное, изумительное употребление самых разнообразных материалов! Где еще можно встре-

тить балюстрады из панцирей черепах с торчащими из них позолоченными рыбьими головами? Где еще нимфы из слоновой кости свисают, подвешенные за волосы, прикрывая водосточные желоба, а на лицах их — молитвенный экстаз? Где еще степень чьего-либо преуспевания измеряется пышностью надгробных памятников, которые проектируются прямо перед фасадом вместе с хвалебной эпитафией?

И по сути дела, где еще, кроме Кринктауна, преуспевание является весьма сомнительной рекомендацией? И тем не менее немногие из обитателей его осмеливаются показаться в пределах Ойкумены. Должностные лица — убийцы; полиция — поджигатели, вымогатели и насильники; старейшины городской управы — владельцы борделей. Но гражданское судопроизводство отправляется с педантичностью и с торжественностью, достойными Верховных сессий в Борагстоуне или коронации в лондонском Тауэре. Тюрьма в Кринктауне одна из самых остроумных, которую когда-либо устраивали власти. Следует вспомнить, что Кринктаун расположен на поверхности холма вулканического происхождения, возвышающегося над непроходимыми зарослями и болотами, покрытыми колючими растениями и острой, как кинжал, травой. Единственная дорога ведет из города в джунгли. Заключенных просто не пускают в город, запирая ворота. Они могут бежать в джунгли, куда глаза глядят, в их распоряжении целый материк. Но ни один заключенный не осмеливается уходить далеко от ворот, и, когда требуется его присутствие, достаточно всего лишь отпереть калитку и выкрикнуть его имя».

(Из статьи Стриценко «Плата за грех», напечатанной в майском номере журнала «Космополис» за 1404 год.)

Тихальт сидел, наблюдая за игрой огня. Герсен, глубоко тронутый рассказом, ждал продолжения.

Наконец Тихальт заговорил:

— Вот так я покинул эту планету, не мог дольше оставаться там. Чтобы жить на этой планете, нужно либо забыть о себе, всецело отдавшись красоте, растворив свою личность в ней, либо овладеть ею, подчинить ее себе, поломать ее, низвести до собственного низменного уровня своих корыстных побуждений. Я не мог сделать ни то, ни другое, и поэтому я никогда больше не смогу туда вернуться... Но воспоминания об этой планете постоянно преследуют меня.

— Даже несмотря на этих зловредных ос?

— Да, даже несмотря на них. Я поступил неправильно, что вмешался. На этой планете существует определенный ритм, равновесие, которое я грубо потревожил. Я много дней размышлял об этом, но так до конца и не понял этот процесс. Осы рождаются как плоды на деревьях, черви производят семена одного из видов растений — вот и все, что мне известно. Я подозреваю, что дриады производят семена для великанов. Процесс жизни становится замкнутым или,

вероятно, характеризуется последовательностью перевоплощений с деревьями-великанами в конце цикла.

— Похоже, что дриады используют червей как часть своего пропитания, осы же пожирают дриад. Откуда же берутся черви? Или осы являются их первой фазой? Летающими личинками, так сказать? А может быть, черви со временем превращаются в дриад? Я чувствую, что, может быть, так оно и есть, хотя и не уверен полностью. Если это так, то такой цикл прекрасен настолько, что я даже не нахожу слов для выражения своего восхищения. Как нечто извечно обусловленное — подобно приливам или вращению Галактики. Если заведенный порядок нарушается, если выдергивается одно из звеньев, то весь процесс рушится. И это тягчайшее преступление — оборвать одно из звеньев этой цепи!

— И вследствие этого вы не хотите раскрыть местоположение этой планеты своему поручителю, будучи уверенным, что это Малагате-Горе?

— Я уверен, что мой хозяин — Малагате, — твердо произнес Тихальт.

— Но как вы это обнаружили?

Тихальт искоса посмотрел на Герсена.

— Что-то вы очень интересуетесь этим человеком. К чему бы это?

Герсен, удивившись собственной откровенности, пожал плечами.

— О нем ходит много странных рассказов.

— Это правда. Но я не собираюсь подтверждать их. И вы, наверное, хотите знать, почему?

— Да.

— Я переменил свое мнение относительно вас. Теперь я подозреваю вас в том, что вы соглядатай.

— Будь я соглядатаем, — с улыбкой сказал Герсен, — я едва ли признался бы вам в этом. У «Интергалактпола» не так уж много друзей за пределами Ойкумены, особенно здесь, в Глуши.

— Мне это безразлично, — сказал Тихальт. — Но я надеюсь на лучшие дни, если только вернусь домой. И я вовсе не намерен накликать на себя злобу Малагате своей откровенностью с соглядатаем-шпионом.

— Будь я агентом Конфедерации, — покачал головой Герсен, — вы бы уже давно подвергли себя опасности. Вы ведь знаете о средствах для извлечения правды и о гипнотических лучах?

— Да. Но я знаю также, как избежать их. Но это сейчас не имеет значения. Это просто несущественно. Вы спросили, каким образом я узнал, что моим попечителем является Малагате? У меня нет возражений по этому поводу. Это уже не тайна, благодаря моей пьяной болтовне. Итак, я находился тогда в Кринктауне. В таверне Син-Сан я много пил и болтал, точно так же, как и с вами сегодня вечером. Правда, тогда слушателей было намного побольше — что-то около дюжины. Да... я приковал к себе их внимание. — Тихальт с

горечью улыбнулся. — Вскоре меня вызвали к телефону. Мой собеседник на другом конце линии назвался Хильдемаром Даске. Вы слышали это имя?

— Нет.

— Странно, — качнул головой Тихальт. — Если вы так интересуетесь Малагате, то... Но в любом случае Даске говорил со мной. Вот от него-то я и узнал, что должен прибыть в определенное время в таверну Смейда. Даске сказал, что здесь я встречу Малагате.

— Что? — воскликнул Герсен, не в состоянии контролировать резкость своего голоса. — Здесь?

— Да, здесь. У Смейда. Я спросил, какое это отношение имеет ко мне. Ведь у меня не было никаких деловых связей с этим человеком и я не стремился заводить их. Даске же убедил меня в обратном. И вот я здесь. Я человек не очень-то храбрый, — Тихальт беспомощно махнул рукой и, взяв пустой стакан, беспомощно взглянул внутрь. — И я не знаю, что делать. Если я останусь в Глуши... — Он пожал плечами.

Герсен на мгновение задумался, потом сказал:

— Уничтожьте монитор.

Тихальт печально покачал головой

— Это залог, которым я покупаю себе жизнь. Впрочем, я бы... — Он на мгновение замолчал. — Вы слышали что-нибудь?

Герсен резко повернулся в кресле. Бесполезно скрывать то, что он нервничает, — во всяком случае, от самого себя.

— Дождь, раскаты грома... И больше ничего.

— Я подумал, что услышал рев ракетных двигателей. — Тихальт поднялся и выглянул в окно. — О, кто-то направляется сюда!

Герсен подбежал к окну.

— Я ничего не вижу.

— На посадочное поле сел корабль, — сообщил Тихальт и на мгновение задумался. — Здесь есть или, вернее, были только два корабля — ваш и Звездного Короля...

— А где ваш корабль?

— Я сделал посадку в долине к северу. Понимаете, мне не очень хотелось, чтобы кто-нибудь ковырялся в моем мониторе, пока я здесь выпиваю и жду этого Малагате.

Разговаривая, Тихальт немного растягивал паузы, словно прислушиваясь к тому, что творилось на улице. Затем, взглянув в глаза Герсена, он сказал:

— Вы не разведчик!

— Что правда, то правда.

Тихальт кивнул.

— Я знал, что прав. Разведчики, как правило, всякий сброд. Но вы, пожалуй, и не из «Интергалактпола», а?

— Считайте меня исследователем.

— Вы, может быть, поможете мне?

Суровые заповеди подготовки Герсена боролись с искренним сочувствием. Он пробормотал:

— В определенных пределах можете рассчитывать на мою помощь. Только учтите, что эти пределы очень узкие.

Тихальт слабо улыбнулся.

— Но мне надо было бы знать рамки этих пределов. Тогда бы я знал, стоит ли в каждом конкретном случае просить вашей помощи?

— У меня неотложное дело. Понимаете — н е о т л о ж н о е!!! И я не могу позволить себе отвлекаться по всяким пустякам.

Тихальт не был разочарован, как и не был возмущен. Он не мог ожидать чего-то большего от незнакомца.

— Странно, — снова сказал Тихальт, — что вы ничего не слышали о Хильдемаре Даске. Неужели вы никогда не слышали и клички — «Красавчик»?

— Что вам так дался этот Даске?

— Красавчик вот-вот придет сюда. Вы спросите — откуда я его знаю? Благодаря логике обычного страха.

— Пока кто-то находится внутри таверны, ему нечего бояться. Жизнь находится вне опасности. Не забудьте, что у Смейда есть свои правила.

Тихальт кивнул, вежливо извиняясь за то, что стал причиной замешательства Герсена.

Прошла минута.

Звездный Король поднялся со своего места. Его розовое с красным одеяние блестело, отражая огонь от камина. Медленно, не поворачивая головы ни влево, ни вправо, он стал подниматься по лестнице.

Тихальт проводил его взглядом.

— Впечатляющее создание... Я слышал, что только красивым особям разрешено покидать планету.

— Я тоже слышал об этом.

Тихальт сел, глядя на огонь. Герсен хотел было заговорить, но сдержался. Он почувствовал, что Тихальт его раздражает, и причина этого проста и очевидна: Тихальт пробудил в нем сочувствие. Тихальт нашел путь к его душе и обременил его новыми заботами. Он ощутил недовольство собой, причем без всякой рациональной причины. Бесспорно, его собственные дела были первоочередными, поэтому он не мог позволить себе отвлекаться на что-либо другое. А если эмоции и настроение так легко могли поколебать его, то как же он может уделять должное внимание своим делам?

Неудовлетворенность, от которой было очень тяжело избавиться, становилась все более невыносимой.

Между произошедшим разговором и этим чувством существовала какая-то связь, слишком тонкая для того, чтобы различить ее. Для того чтобы понять, что чувство неудовлетворенности каким-то образом

связано с той планетой, которую так красочно описал Тихальт, Герсен сделал сердитый жест, как бы отмахиваясь от надоедливых сомнений и вопросов, возникших в его сознании. Они способны только уменьшить его боеспособность.

Прошло пять минут.

Тихальт засунул руку в пиджак и вынул конверт.

Дверь отворилась. В проеме стояли три темных силуэта, глядя в комнату. Смейд громко закричал из-за стойки:

— Заходите внутрь или оставайтесь снаружи! Я что, должен обогревать эту проклятую планету?

В зал вошло самое страшное человекообразное существо, из всех, кого доводилось видеть Герсену.

— Вот вам и довелось увидеть Красавчика-Даски, — болезненно хихикнул Тихальт.

Ростом Даске достигал шести футов. У него было совершенно цилиндрическое туловище одной и той же ширины от колен до плеч. Худые и длинные руки с большими костлявыми запястьями и огромными кистями, казалось, доставали до пола. Голова этого создания была также большой и круглой, со взъерошенной огненно-рыжей шевелюрой. Даске выкрасил свою шею и лицо ярко-красной краской, за исключением щек, которые казались ярко-голубыми шарами. На каком-то этапе его карьеры его нос оказался расщепленным на пару зубьев из хряща, а веки были срезаны. Для того чтобы увлажнять роговые оболочки своих глаз, он носил два наконечника, присоединенных к флакону с жидкостью, из которых через каждые несколько секунд выпускался тонкий слой влаги в глаза. У него была также пара заслонок, которые в данный момент были подняты и которые он мог опускать, чтобы прикрыть свои глаза от света.

Двое мужчин за его спиной были, в противоположность ему, самыми заурядными человеческими существами, оба загорелые, крепкие, ловкие. У них были быстрые умные глаза.

Даске бесцеремонно обратился к Смейду, который бесстрастно наблюдал за вновь вошедшими, облокотившись о стойку бара.

— Три комнаты, хозяин, и побыстрее! К тому же позаботьтесь о том, чтобы скорее нас накормить!

— Очень хорошо.

— Меня зовут Хильдемар Даске.

— Очень хорошо, мистер Даске.

Даске кивнул и прошел через всю комнату к тому месту, где сидели Тихальт и Герсен. Его взгляд перебежал с одного на другого.

— Поскольку мы все здесь собратья-путешественники и к тому же гости этого замечательного мистера Смейда, позвольте нам представиться, — сказала эта пародия на человека. — Меня зовут Хильдемар Даске. Могу ли я справиться, кто вы?

— Я — Курт Герсен.

— Я — Килен Таннас.

Губы Даске, бледно-пурпурные на фоне красной кожи лица, сжались в тонкую линию.

— Вы удивительно похожи на некого Луго Тихальта, которого я ожидал встретить здесь.

— Думайте как вам угодно, — произнес Тихальт тонким голосом, — но я назвал вам свое имя!

— О, какая жалость! Ведь у меня такое важное дело к этому самому Луго Тихальту.

— Бессмысленно говорить об этом со мною!

— Как пожелаете. Хотя мне кажется, что дела Луго Тихальта вполне могли бы заинтересовать Килена Таннаса. Не могли бы вы отойти в сторону для личного разговора?

— Нет! Меня это не интересует. Мой друг может подтвердить, что мое имя — Килен Таннас.

— Ваш друг? — Даске обернулся к Герсену. — Вы что, хорошо знаете этого человека?

— Так же, как и любого другого.

— И его имя Килен Таннас?

— Если это то имя, которое он предложил, то я предполагаю, что вам придется принять его без всякого колебания.

Без каких-либо дальнейших замечаний Даске повернулся и вместе со своими людьми уселся за столом в другом конце зала, где их уже ждал обед.

Тихальт глухо произнес:

— Ничего не получилось. Этот Красавчик довольно хорошо знает меня.

Герсен ощутил новый приступ раздражения. Что побуждало Тихальта впутывать незнакомца в свои неприятности, если его личность была давно идентифицирована?

Казалось, ощутив недовольство Герсена, Тихальт поспешил объяснить свою линию поведения:

— Поскольку я не клюнул на его крючок, он думает, что поймал меня в западню, и теперь это забавляет его.

— А как же насчет Малагате? Я думал, что он прибудет сюда вместе с Даске, чтобы встретиться с вами.

— Лучше было бы, если бы я вернулся в Альфинор и встретился с ним там. Я уже решил. Деньги его я отдам, но ни в коей мере не буду способствовать тому, чтобы он попал на мою планету.

В другом конце зала Даске со своими двумя компаньонами расправлялся с содержимым тарелок из кухни Смейда. Герсен некоторое время наблюдал за ними.

— Похоже, что они в нерешительности.

Тихальт фыркнул.

— Они думают, что я буду разговаривать только с Малагате, поэтому и отказался иметь дело с ними... Но я попытаюсь восполь-

зоваться этим и сбежать. Даске не знает, что я сел за холмами. Вероятно, он думает, что ваш корабль — это мой.

— Кто эти двое других с ним?

— Убийцы. Они меня довольно хорошо знают еще по таверне в Кринктауне. Первый из них — Тристано-землянин. Он убивает одним прикосновением своей руки. Второй — с сурового Саркоя. Он может приготовить отраву даже из песка с водой... Все трое — сумасшедшие, но Даске наихудший из них. Ему знакомы все виды пыток.

В это мгновение Даске взглянул на часы. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он поднялся, пересек комнату, склонился над Тихальтом и хрипло прошептал:

— Аттель Малагате ждет вас снаружи. Он хочет видеть вас.

Тихальт с отвалившейся челюстью взглянул на него, но Даске уже ковылял назад к своему столику. Трясущимися пальцами Тихальт потер лицо и обратился к Герсену:

— У меня все еще есть возможность улизнуть от них, если только у них нет Инфра-ТВ. Но отступать уже некуда. Когда я пойду к двери, вы сможете задержать этих троих?

— А как, вы полагаете, я смогу сделать это? — язвительно скривился Герсен.

Тихальт на мгновение задумался.

— Не знаю...

— И я не знаю, хотя и безумно хотел бы узнать.

Тихальт печально кивнул.

— Что ж, хорошо. Я сам постою за себя. Прощайте, мистер Герсен.

Он поднялся и пошел к бару. Даске скосил взгляд в его сторону, но во всем остальном казался безразличным. Тихальт встал так, чтобы Даске не смог его увидеть, после чего метнулся на кухню, стараясь сделать это так, чтобы Красавчик ничего не заметил. Смейд удивленно посмотрел ему вслед, но затем вернулся к своим занятиям.

Даске и двое убийц продолжали флегматично поглощать пищу, как ни в чем не бывало.

Герсен исподтишка наблюдал за ними. Почему они ведут себя так нарочито равнодушно? Уловка Тихальта была абсолютно очевидна. Герсен почувствовал, как у него покалывает кожа — он стал барабанить пальцами по столу, покрытому бугристой кожей тюленя Томпсона с планеты Олифейн, обладающей способностью накапливать статическое электричество. Несмотря на свое принятое ранее решение, он поднялся и пошел к двери.

Ночь была темной. Тускло светили звезды. Ветра не было, но море накатывалось на берег и откатывалось назад с глухим печальным стоном... Короткий резкий крик донесся откуда-то из-за таверны. Герсен отбросил свое решение ни во что не вмешиваться и бросился вперед. Но...

Его руку зажали как бы в стальных тисках, ущипнув за нерв сзади локтя. За этим последовал удар по шее. Герсен преднамеренно упал, стараясь освободиться от железной хватки. Неожиданно все его сомнения и раздражение исчезли — он снова стал нормальным человеком. Он перевернулся, вскочил на ноги, принял наполовину согнутую стойку, подавшись слегка вперед.

Перед ним, чуть улыбаясь, стоял Тристано-землянин.

— Осторожно, дружище! — проговорил он с резким земным акцентом. — Не создавай мне лишних хлопот, парень, не то Смейд сбросит твое тело в море.

Из двери вышел Даске, а за ним появился отравитель с Саркоя. Тристано присоединился к ним, и все трое двинулись к взлетному полю.

Герсен остался на террасе, тяжело дыша и поеживаясь от нерастраченного порыва к действию.

Через десять минут два корабля поднялись в ночь... Первый — приземистый, бронированный, с орудиями на носу и корме. Вторым был потрепанный разведчик марки 9В.

Глава 4

Герсен изумленно смотрел на небо. Вторым был его собственный корабль!

Вскоре небо снова стало пустынным. Курт вернулся в таверну и сел перед камином. Вынув конверт, переданный ему Луго Тихальтом, он открыл его и извлек три фотографии, которые внимательно изучал почти добрый час.

Огонь в камине погас. Смейд отправился в постель, оставив за стойкой дремлющего сына. Снаружи снова забарабанил ночной ливень, стонал океан.

Герсен сидел глубоко задумавшись. Затем он вынул из кармана лист бумаги, на котором были перечислены пять имен:

Аттель Малагате
Говард Алан Трисонг
Виоле Фалюши
Кокор Хеккус
Ленс Ларке.

Из кармана он вытащил карандаш, но задумался. Если он постоянно будет пополнять свой список именами, то этому не будет конца. Конечно, особой нужды в том, чтобы писать, не было — как и не было особой необходимости в самом списке. Герсен знал все эти пять имен так же хорошо, как и свое собственное. Он пошел на компромисс. Справа и ниже последнего имени в списке он дописал шестое: Хильдемар Даске.

Огонь совсем потух. Алел только сушеный мох на дне камина. Рев прибоя также уменьшился, волны стали реже накатываться на

берег. Герсен поднялся и по каменной лестнице направился к себе в комнату.

За всю свою жизнь Герсен привык к постоянной смене чужих кроватей, тем не менее он долго не мог уснуть и лежал, вглядываясь в темноту. Одно за другим проходили перед его взором видения, начиная с самых ранних лет его детства.

Сначала он увидел яркий и красивый пейзаж. Коричневые горы, деревья, как бы нарисованные пастельными красками, вдоль берегов широкой коричневой реки.

Но за этой картиной, как и всегда, следовала другая, еще более живая: тот же пейзаж и беспорядочно валяющиеся, изрубленные, окровавленные тела. Мужчины, женщины и дети, едва волоча ноги, поднимаются под дулами трех десятков людей в необычно мрачных одеждах. Курт Герсен вместе со стариком, его дедом, в ужасе наблюдает за этим с другого берега реки, спрятавшись от захватчиков за остов старой баржи. Когда корабли взмыли в небо, они поднялись и вернулись через реку к мертвой тишине, которую нарушал только негромкий треск прогоревших головешек.

— Твой отец имел много великолепных планов в отношении тебя, — сказал дед, гладя мальчика по голове. — Он хотел, чтобы ты учился. Это принесет тебе жизнь в мире и довольстве. Ты помнишь его слова?

— Да, дедушка.

— Учеба еще впереди. Ты научишься терпению и находчивости, проверишь возможности своих рук и своего ума. Твоя работа будет очень полезной — уничтожение злых людей! Какой труд может быть более полезным? Это Глушь, и ты скоро обнаружишь, что работы для тебя здесь будет очень много, и поэтому, возможно, ты так и не познаешь мирной жизни. Однако я гарантирую тебе достаточное удовлетворение, потому что я научу тебя жаждать крови этих людей сильнее, чем плоти женщин.

И старик сдержал свое слово!

Вскоре они отправились на Землю — главное хранилище всевозможных знаний.

Юный Курт научился многим вещам у сменявших друг друга преподавателей, перечислить которых подробно было бы весьма утомительным занятием. Первое убийство он совершил в четырнадцать лет, покончив с грабителем, которому повезло наброситься на них на одной из темных улиц Роттердама. И пока его дед стоял рядом, как старый волк, обучающий щенка охоте, юный Курт, сопя и пыхтя, сломал ногу, а затем и шею незадачливому бандиту.

С Земли он отправился на Альфинор, столичную планету скопления Ригеля, и здесь Курт Герсен пополнил свои технические знания.

Когда Герсену исполнилось девятнадцать лет, дед умер, завещав ему внушительную сумму денег и письмо:

«Мой дорогой Курт!

Я редко говорил о своей привязанности и расположении к тебе. Сейчас я пользуюсь случаем, чтобы наверстать упущенное. Ты стал для меня значить даже больше, чем мой собственный сын. Я не скажу, что жалею о том, что направил тебя по избранному мною пути, хотя на нем тебе будет отказано во многих удовольствиях и удобствах.

Был ли я неправ, решив придать твоей жизни такую форму? Думаю, что нет. В течение нескольких лет ты мог поступать в соответствии с собственными побуждениями, но оказалось, что у тебя нет склонности направить свою жизнь по какому-нибудь иному руслу. В любом случае, я не мог бы придумать более полезной службы для мужчины, чем та, которую я уготовил тебе. Закон человека действует только в пределах Ойкумены. Добро и зло, однако, являются понятиями, распространенными на всю Вселенную. К несчастью, за пределами Ойкумены, в так называемой Глуши, у добра гораздо меньше возможностей торжествовать над злом.

По существу, само это торжество содержит два процесса: во-первых, должно быть искоренено зло, во-вторых, добро должно заполнить получившийся пробел. Невозможно, чтобы один и тот же человек был одинаково эффективным при осуществлении обеих этих функций. Добро и зло, несмотря на широко распространенное заблуждение, не являются полярно противоположными, не являются зеркальными отображениями, так же как одно из них не является просто отсутствием другого. Чтобы свести к минимуму неразбериху, твоей работой будет только уничтожение носителей зла.

Какой же человек является носителем зла? Тот человек, который принуждает других к повиновению ради своих корыстных целей. Тот, кто уничтожает прекрасное, причиняет боль, убивает жизнь. Нужно помнить, что убийство людей — носителей зла вовсе не эквивалентно искоренению зла как такового. Не забывай никогда, что зло является взаимозависимостью между окружением и личностью. Ядовитое семя произрастает только в унавоженной почве. В данном случае такой питательной средой является Глушь, и, поскольку выше человеческих сил изменить там что-либо (она всегда будет существовать), ты должен посвятить свою жизнь уничтожению ее ядовитых спор, которыми и являются злые люди. Это такая задача, конца которой ты никогда не увидишь!

Нашим первым побуждением, не спорю, было всего лишь примитивное стремление к отмщению. Пять капитанов-пиратов уничтожили и обратили в рабство многих из тех, кто был нам дорог. Месть вовсе не такой уж неблагородный поступок. Имен этих пяти пиратов я не знаю. Мои самые отчаянные попытки не дали необходимой информации. Одного человека, мелкую сошку, мне все же удалось найти. Его имя Парсифаль Панкароу. Он так же скверен, как и те пять капитанов, хотя у него гораздо меньше возможностей творить зло. Ты должен найти его и узнать имена капитанов-пиратов!

Затем ты должен убить всех пятерых, и никакого вреда не будет, если при этом они испытают боль, поскольку сами они причинили гораздо больше страданий и печали другим людям.

Но тебе еще многому надо научиться. Я посоветовал бы тебе поступить в Институт, но боюсь, что дисциплина этого заведения будет противоречить твоему духу. Поступай, как ты сам считаешь нужным. В моей юности я думал стать неофитом, но судьба подготовила мне другое. Будь я другом одного из членов Совета, я бы послал тебя, чтобы ты мог получить у него утешение — но у меня нет такого друга. Возможно, что это даже к лучшему, так как вне Института у тебя будут развязаны руки.

Впрочем, поступай как ты сам знаешь, только учти, что в течение первых четырнадцати этапов на неофитов налагаются очень суровые ограничения.

В любом случае я советую тебе посвятить немало времени изучению ядов Саркоя. Кроме того, ты должен досконально овладеть техникой рукопашной схватки, и, опять-таки, это лучше всего сделать на самом Саркое.

Тебе нужно значительно повысить меткость стрельбы и лучше овладеть ножом. У тебя хорошие интуитивные суждения, твое самообладание, сдержанность поступков и разносторонность можно только похвалить. И все же тебе многое еще нужно познать. В течение слудующих десяти лет учись, тренируйся, будь осторожен. Есть много способных людей, не рассчитывай на себя, пока не станешь более чем готов. Короче, не делай сверхдобродетель из храбрости или героизма. Хорошая доза осторожности — можешь назвать это страхом и даже трусостью — в высшей степени желательное дополнение к качествам такого человека, как ты, единственной ошибкой которого может стать мистическая, почти суеверная вера в успех своего предначертания. Не позволяй одурачить себя — все мы люди смертные, что я сейчас и доказал.

Вот так, мой внук, я уже мертв. Я воспитал тебя и надеюсь, что ты в состоянии отличить добро от зла. Я испытываю гордость за свои достижения и надеюсь, что ты будешь помнить обо мне с любовью и уважением.

Твой любящий дед Рольф Марр Герсен».

В течение одиннадцати лет Курт Герсен послушно выполнял все предписания своего деда. Одновременно с этим он не переставал искать, как в самой Ойкумене, так и за ее пределами, Парсифаля Панкароу. Но пока все было безрезультатно.

Не многие занятия могли предложить такой вызов, такой азарт, такие остужающие неудачи в случае некомпетенции в сравнении с тем, что давала служба агента «Интергалактпола». Герсен получил два поручения, на Фараде и на Голубой Планете. Во время выполнения второго он сделал запрос на информацию, касающуюся Парсифаля Панкароу, и был вознагражден, узнав, что в настоящее время этот

человек живет в Кринктауне под именем Айры Багнлооса. Он работает маклером в одной процветающей фирме.

Кринктаун был расположен на плато, которое стояло, как остров, среди черных и оранжевых джунглей. Герсен следил за всеми передвижениями Панкароу в течение двух недель, изучив тем самым весь его распорядок дня, который свидетельствовал о удивительной беззаботности этого человека.

Затем, как-то вечером, он нанял кэб, лишил водителя сознания и стал ждать возле одного из клубов, пока Панкароу не устанет от своих собутыльников и не появится на влажной ночной улице. Самодовольный Панкароу, напевая один из только что услышанных мотивов, плюхнулся в кэб и был отвезен не в свой роскошный особняк, а на одну удаленную поляну в джунгли. Здесь Герсен и задал ему несколько вопросов, на которые у Панкароу не было желания отвечать.

Панкароу сделал было даже попытку прикусить свой язык, чтобы не расколоться, но в конце концов пять имен были все же выжаты из его памяти.

— Что же вы теперь со мной сделаете, сэр? — почтительно проквакал в конце бывший Айра Банглоос.

— Просто убью! — сказал Герсен, все еще бледный и дрожащий после упражнений, не доставлявших ему никакого наслаждения. — Я сделал из вас своего врага, и поэтому вы не заслуживаете ничего лучшего, как смерть. А за все ваши преступления против людей вы сто раз заслуживаете смерть!

— Нет! — закричал вспотевший Панкароу. — Нет! Не сто раз! Один раз — да, но не сто раз! Теперь я веду безупречную жизнь! Я больше не причиняю никому вреда!

Герсену стало не по себе: что, если каждый подобный случай будет вызывать у него такую тошноту и отвращение? Сделав над собой усилие, он жестко сказал:

— То, что вы только что сказали, наверное, правда. Но ведь все ваше богатство пропитано кровью невинных людей! А кроме того, если я вас сейчас отпущу, вы не преминете сообщить о нашей встрече кому-нибудь из тех пятерых, имена которых вы только что выдали.

— Нет! — сдавленный крик поверженного противника прервал высказывания Герсена. — Клянусь вам, что нет! А что касается моего богатства — заберите его! Оно ваше, только отпустите меня!

— Где ваше состояние?

Панкароу попытался было договориться об условиях:

— Я отведу вас туда.

Но Герсен печально покачал головой.

— Примите мои извинения... Сейчас вы умрете. Не надо печалиться — это в конечном итоге происходит со всеми людьми, и сейчас лучше бы вы подумали о том, чем бы отплатить за все то зло, которое вы причинили...

— Под моим надгробным памятником! — закричал Панкароу. — Все мое состояние находится под каменной плитой перед моим домом!

Герсен прикоснулся к шее Панкароу трубкой, которая впрыснула под кожу яд с Саркоя.

— Я пойду взглянуть, — сказал он. — Вы будете спать, пока мы не увидимся снова.

Герсен говорил вполне убедительно, и Панкароу с благодарностью расслабился и через несколько секунд умер.

Герсен вернулся в Кринктаун, обманчиво мирное поселение из высоких богато украшенных трех-, четырех- и пятиэтажных домов, окруженных зелеными, фиолетовыми и черными деревьями. Когда наступили сумерки, он лениво двинулся по тихой аллее к дому Панкароу. Каменный надгробный памятник стоял прямо перед домом: массивный монумент из мраморных шаров и кубов, увенчанных скульптурными изображениями Парсифаля Панкароу в разных позах. Прямо перед ним одна из скульптур «Наглосса» — стояла в благородной позе, с откинутой назад головой и взором, устремленным в небо. Впечатление благородства позы усиливалось простертыми вверх руками каменного изваяния, как скептически отметил про себя Герсен. Он стоял и рассматривал это чудо искусства, когда по ступенькам сошел мальчик лет тринадцати-четырнадцати и приблизился к нему.

— Вы от моего отца? Он у этих жирных женщин?

Герсен ожесточил свое сердце, чтобы выдержать угрызения совести, и отбросил всякие мысли о конфискации имущества Панкароу.

— Я пришел передать тебе весть от твоего отца, — вежливо наклонил голову Курт, произнося ритуальные слова.

— Может, пройдете в дом? — справился мальчик, немного оробев. — Я сейчас позову маму.

— Нет! Пожалуйста, не надо. У меня совсем нет времени. Слушай внимательно, малыш. Твоего отца вызвали. Куда — это тайна! Он не сможет знать, когда вернется. Возможно, что уже никогда.

Мальчик слушал, вытаращив глаза.

— Он что, сбежал?

Герсен кивнул.

— Да. Какие-то старые враги разыскали его, и теперь он не сможет здесь показываться. Он велел сказать тебе или твоей матери, что деньги спрятаны под надгробной плитой этого памятника.

Мальчик взглянул на Герсена.

— Кто вы?

— Вестник, и не более. Передай своей матери, малыш, все в точности. Не забудь. И еще одно: когда будете смотреть под надгробьем, будьте осторожны. Там может быть какая-нибудь ловушка, чтобы сохранить деньги от грабителей. Ты догадываешься, о чем я говорю?

— Да, сэр.

— Будь осторожен, малыш. Пусть кто-нибудь из мужчин, кому вы с матерью можете довериться, поможет вам.

Герсен покинул Кринктаун. Он подумал о планете Смейда с присущим ей спокойствием и уединением в качестве прекрасного противоядия от его капризной совести... «Где, — спросил он у самого себя, как только корабль-разведчик стал тормозиться во временно-пространственном континиуме, — лежит равновесие?» Он по всем меркам достиг точки опрокидывания. Парсифаль Панкароу заслужил казнь. Но как же тогда его жена и сын? Разве малыш заслуживает того, чтобы больше не знать отца? Он будет очень страдать. И разве это справедливо? Почему он должен страдать?

Как ни пытался Герсен убедить себя, что он поступил правильно, притаившаяся печаль в глазах мальчика навсегда осталась у него в памяти.

Судьба вела его дальше. Первое, о чем зашел разговор в таверне Смейда, было имя Малагате-Горе, и именно это имя первым выдавил из себя Парсифаль Панкароу. Лежа в постели, Герсен глубоко вздохнул. Панкароу мертв. Бедный, жалкий Луго Тихальт, скорее всего, тоже мертв. Все люди смертны. Зачем задумываться над этим? Он ухмыльнулся в темноте при мысли о том, как Малагате и Даске-Красавчик будут проверять монитор его корабля.

Для начала, они не смогут своим ключом открыть автопилот — это довольно трудно преодолимое препятствие для людей, которые не знают правильного кода. К тому же вся трудность усугубляется и тем, что они готовятся встретить при вскрытии всякие подвохи — взрывные устройства, аэрозоли с отравляющим газом или кислотой... И когда после немалых усилий эти типы все-таки извлекут память монитора, она окажется пустой. Толку от монитора Курта Герсена было не больше, чем от занавесок на окнах: он никогда не удосуживался активировать его.

Малагате вопросительно взглянет на Даске-Красавчика, который пробормочет что-то вроде оправдания.

Возможно, что тогда они решат проверить серийный номер корабля и обнаружат, что это не тот корабль, который получил некогда в аренду Луго Тихальт. И тогда — немедленное возвращение на планету Смейда. Но Герсен уже уйдет.

Глава 5

«Мне известно, сколь грандиозны стоящие перед вами задачи, Квестор Мермонт. Для меня совершенно непостижимо, каким образом вы намерены осилить эту вершину. Например, как вы можете отыскать какого-нибудь отдельного человека или проследить его происхождение среди девяноста с лишним обитаемых планет и миллиардов людей со всеми оттенками политических убеждений, местных обычаев и верований?

Ответ: Обычно никак не можем».

(Из телевизионной дискуссии в Катберте, на Веге, состоявшейся 16 мая 993 года, в которой участвовал Иил Мермот, Главный Квестор полиции трех планет.)

«Я настоятельно прошу вас не одобрять это зловещее мероприятие. У человечества уже есть многократный печальный опыт сверхмощных полицейских сил... Как только она (полиция) выскользнет из-под контроля местных властей, она станет самовольной, безжалостной, законом сама по себе. Полицейские не будут думать о справедливости, их будет заботить только то, чтобы самим стать привилегированной и порождающей зависть элитой. Они станут ошибочно принимать естественное осторожное отношение к себе и нерешительность гражданского населения за восхищение и уважение и вскоре начнут хвастать направо и налево, все больше распускаться, потрясать своим оружием в состоянии мегаломаниакальной эйфории. Такая полицейская машина становится просто скопищем преступников в форме, тем более губительным, что их положение никем не оспаривается и санкционируется законом. Склад ума полиции таков, что человеческие существа расцениваются, как единицы или объекты, подвергаемые обработке, причем, насколько возможно, быстрой. Общественная польза или достоинство для нее ничего не значит, прерогативы полиции рассматриваются сквозь призму божественного закона. Требуется полное повиновение и покорность. Если служащий полиции убивает человека, то это только достойное сожаления обстоятельство, служащий, возможно, переусердствовал. Если же гражданский убивает служащего полиции, то на него обрушиваются все дьяволы ада. Полиция бросается на него с пеной у рта. Все остальные дела отбрасываются в сторону, пока не будет найден этот подлый преступник. И конечно, когда его поймают, он будет избит или подвергнут всевозможным пыткам за свою непереносимую самонадеянность.

Полиция жалуется на то, что не может эффективно функционировать, что преступники ускользают от нее. Лучше сотни непойманных преступников, чем деспотизм разнузданной полиции. Еще раз предупреждаю вас, господа, не одобряйте этого мероприятия. Если же вы допустите это, то я обязательно воспользуюсь своим правом вето».

(Из послания лорда Яико Янкоска, председателя Исполнительного Комитета, в Генеральное Законодательное собрание планеты Вангелла в системе Тау-Близнецов от 8 августа 1028 года.)

«...недостаточно указать на уникальность возникших перед нами проблем, они стали катастрофическими. Мы отвечаем за эффективность своей работы, но нам отказывают в необходимых орудиях и достаточной власти при ее проведении. Можно убить и ограбить в любом месте в пределах Ойкумены, прыгнуть в ожидающий космический корабль

и оказаться на расстоянии многих световых лет, прежде чем обнаружить совершенное преступление.

Если же удастся выбраться за пределы Ойкумены, в Глушь, то там заканчивается наша юрисдикция, во всяком случае, официально, хотя всем нам известны отважные служащие полиции, ставящие справедливость превыше выгод и забирающиеся в Глушь, чтобы покарать преступников. У них, конечно, есть право так поступать, но, поскольку все человеческие законы становятся недействительными за пределами Ойкумены, они делают это на свой страх и риск. Однако чаще всего преступник, забирающийся в Глушь, остается на свободе. Когда он захочет вернуться в Ойкумену, он, возможно, изменит свою внешность, документы, отпечатки пальцев и будет в полной безопасности, если только его не арестуют за новое нарушение в той общине, где он уже имел несчастье совершить преступление и где был подвергнут генной идентификации. По существу, в наши дни двигателей Расщепления Джарнелла любой преступник, принявший несколько элементарных мер предосторожности, может остаться ненаказуемым. Наша ассоциация много раз пыталась установить более удовлетворительный базис для розыска преступников и предотвращения преступлений. Наша главная проблема заключается в разнообразии полицейских организаций в их несопоставимых приемах, целях и масштабах деятельности и соответственно вытекающем отсюда хаосе информационных служб и исправительных систем. Однако все же существует одно очевидное решение, и ассоциация продолжает, как и прежде, рекомендовать создание единой официальной полицейской системы для поддержания законов и порядка во всей Ойкумене.

Преимущества такой системы очевидны: стандартизация всех процедур, использование новейшего оборудования и концепций, унификация контроля, централизованная служба обработки информации и ее сбора и, что, возможно, является наиболее важным, создание и поддержание духа профессиональной гордости с целью привлечения к себе и удержания в своих рядах мужчин и женщин с выдающимися способностями.

Как всем известно, нам отказали в создании подобного централизованного агентства, несмотря на все наши неоспоримые доказательства его достоинств. Официальная мотивировка такого отказа также хорошо известна, и я не собираюсь еще раз приводить ее. Я только скажу, что моральный дух полиции все больше падает и, возможно, вскоре исчезнет вовсе, если только не будут приняты хоть какие-нибудь меры.

Сегодня я намерен представить на рассмотрение вам, господа, предложение об этих «кое-каких» мерах. Наша ассоциация является организацией группы частных лиц. У нее нет официального статуса, и она ни в коей мере не связана с каким-либо правительственным учреждением. Короче говоря, мы свободны в своих действиях и можем предпринять все, что захотим. Можем заниматься любыми делами, какими нам заблагорассудится, коль скоро мы не будем идти вразрез с законами.

Я предлагаю, чтобы эта ассоциация принялась за дело — организацию частного агентства уголовного розыска. Новая компания будет чисто коммерческим предприятием, финансируемым деньгами ассоциации и частными взносами. Штаб-квартира ее будет расположена в каком-нибудь центральном и удобном месте, но ее отделения будут на каждой планете. Наш персонал будет набираться среди членов данной ассоциации и среди других квалифицированных частных лиц. Он будет хорошо оплачиваться из сумм гонораров и прибыли. Откуда будут поступать эти гонорары и прибыль? Прежде всего, из местных органов полиции, которые будут пользоваться некоторыми услугами этого нового межпланетного агентства, вместо того чтобы тратить огромные суммы на содержание собственных соответствующих служб. Поскольку предполагаемое агентство будет частной деловой организацией, работающей в рамках как местных законов, так и межгалактического законодательства, критикам наших прежних проектов на этот раз будет нечего возразить.

... Со временем Межпланетная Полицейская Служба координации органов полиции, сокращенно «Интергалактпол», сможет функционировать с пользой. С течением времени ей будут поручаться все задачи по уголовному розыску и профилактике преступлений. Сюда, правда, не будут входить задачи чисто местного значения. По мере расширения сферы деятельности Службы следует ожидать значительного уменьшения числа региональных полицейских органов. У нас будут свои собственные лаборатории, исследовательские программы, наиболее полные досье и в высшей степени квалифицированный персонал — набранный, как я уже говорил, среди членов ассоциации и других лиц.

Имеются ли вопросы?

Вопрос из зала: Существуют ли причины, по которым служащие полиции местных органов самоуправления или государственной полиции не могут одновременно с этим быть членами персонала «Интергалактпола»?

Ответ: Это весьма важный пункт. Нет, таких причин не существует. Я не вижу противоречий между всеми вышеперечисленными организациями, и есть все основания надеяться, что служащие местных органов полиции автоматически захотят встать в ряды членов «Интергалактпола». И это пойдет только на пользу как нашей организации, так и местной полиции. Не говоря уже о частных лицах. Другими словами, служащий местной полиции ничего не потеряет, зато приобретет очень многое, передавая дела в «Интергалактпол» и получая соответствующее вознаграждение, как член его персонала...»

(Выдержки из обращения Ричарда Парнелла, комиссара полиции Северной Территории планеты Ксион в Скоплении Ригеля, к Ассоциации служащих полиции, гражданской милиции и агентства уголовного розыска в Парилии на планете Ригель 1 декабря 1075 года.)

«...«Интергалактпол», номинально будучи органом для розыска преступников внутри Ойкумены, был вынужден самим ходом расширения

сферы своей деятельности все больше и больше переходить к операциям и за ее пределами, в так называемой Глуши. Здесь, где единственными существующими законами являются местные предписания и табу, «Интергалактпол» не может рассчитывать на особую поддержку. Как правило, его операции подвергаются обструкции. Агенты «Интергалактпола» рассматриваются в Глуши как соглядатаи и шпионы, жизнь такого агента постоянно висит на волоске. Центральное агентство «Интергалактпола» окутывает облаком секретности точное количество служащих этой организации, работающих за пределами Ойкумены, а также процентное отношение потерь среди агентов. Предполагается, что первая цифра весьма низкая вследствие затруднений при вербовке, вторая же является высокой вследствие как экстремальных условий работы, так и деятельности наиболее эффективного из творений человека, «Корпуса по разоблачению шпионов».

...Вселенная бесконечна. Существует бесконечное число миров, но как далеко нужно забраться, чтобы найти ситуацию столь парадоксальную, причудливую и унылую, как эта: единственной организованной силой за пределами Ойкумены является организация по искоренению сил закона и порядка!»

(Из третьей главы книги Рауля Паста «Интергалактпол» — «Люди и методы».)

Герсен проснулся в незнакомой постели. Через маленькое квадратное окошко виднелось пасмурное небо. Он оделся и по каменной лестнице спустился в холл, где увидел, как один из сыновей Смейда, загорелый малый лет двенадцати со строгим лицом, пытается вдохнуть жизнь в угли камина. Он поздоровался с Герсеном, бросив отрывистое: «Доброе утро», но не высказал ни малейшего желания продолжить разговор. Герсен вышел на террасу. Утренний туман клубился над поверхностью моря и вересковыми пустошами, все вокруг казалось унылым и причудливо одноцветным. Чувство полнейшей изоляции было в высшей степени удручающим. Герсен вернулся в холл и направился к разгоревшемуся камину, чтобы согреться.

Мальчик подметал пол возле камина.

— Прошлым вечером произошло убийство, — сказал он Герсену. — Маленький худой человек все-таки был убит. Сразу же за сараем для сушки мха.

— Там было найдено тело? — поинтересовался Герсен.

— Нет. Тела не было. Они забрали его с собой. Трое мерзавцев, возможно, четверо. Отец вне себя от ярости, ведь они сделали свое грязное дело внутри изгороди!

Герсен покачал головой, недовольный любым из аспектов сложившегося положения. Он попросил завтрак, и вскоре ему принесли еду. Пока Курт ел, карликовое солнце поднялось над горами — крохотная

белая облатка, едва видимая сквозь туман. С моря тянуло ветром, и, когда Герсен снова вышел наружу, небо уже было чистым, хотя маслянистая поверхность моря еще во многих местах была укрыта клочьями тумана.

Герсен пешком отправился на север вдоль пляжа, зажатого между морем и горным обрывом. Под ногами был толстый ковер из губчатого серого мха, источавшего запах резины. Герсен взобрался на обрыв и в узкой долине в нескольких милях от таверны нашел корабль Тихальта. Он произвел его проверку. Корабль был действительно марки 9В, привод и механизмы управления казались исправными. В нише носовой части размещался монитор, который стоил бедному Тихальту жизни.

Герсен возвратился в таверну. Его первоначальный план провести здесь несколько дней следовало изменить. Малагате мог обнаружить свою ошибку и вернуться вместе с Хильдемаром Даске и двумя убийцами. Они захотят забрать монитор Тихальта, а именно этого решил не допустить Герсен, хотя он не собирался рисковать своей жизнью, пытаясь сохранить автопилот в своих руках.

Возвращаясь в таверну, он заметил, что взлетное поле опустело. Звездный Король покинул планету Смейда. Сегодня утром? Или в течение ночи? Герсен не имел представления об этом. Он рассчитался с хозяином и, повинуясь какому-то неосознанному импульсу, уплатил по счету Луго Тихальта. Смейд ничего не сказал по этому поводу. Чувствовалось, что он едва сдерживает ярость. Конечно, причиной его ярости был не Луго Тихальт, понял Герсен. Убийца, кто бы он ни был — Даске обронил упоминание об Аттеле Малагате, — попрал закон Смейда, он причинил ущерб Смейду. Герсен ощутил даже некоторое злорадство, которое ему с большим трудом удалось скрыть. Вежливо он справился:

— Когда покинул таверну Звездный Король?

В ответ на это Смейд только бросил злой взгляд на Герсена.

Курт собрал свою небольшую поклажу и покинул таверну, отклонив предложение о помощи со стороны двенадцатилетнего паренька. Он еще раз пересек серый вереск, двигаясь к северу. Поднявшись на обрыв, он обернулся в сторону таверны. Она стояла прочно и безопасно на берегу черного, обдуваемого всеми ветрами моря — стояла совершенно одиноко. Герсен в сомнениях покачал головой и сказал сам себе:

«Все одинаковы. Всей душой куда-то стремятся, а когда приходят туда — удивляются, зачем они это сделали».

Еще несколько минут — и вот он поднял корабль в воздух, вывел его в космос и направил в сторону Ойкумены, включив предварительно Расщепитель. Планета Смейда мгновенно ушла из-под кормы и исчезла вместе со своим карликовым солнцем, слившись в одну крохотную искорку среди миллионов ей подобных. Исчезло всякое ощущение расстояния, уступив место оптическим иллюзиям. Глаз как прибор потерял всякое значение, потому что не мог уже разобраться в окружившем корабль хаосе мерцающих и кружащихся звезд.

Глава 6

Герсен установил звездный определитель по индексу Ригеля, активировал автопилот и устроился поудобнее, насколько это позволяла спартанская простота модели 9В.

Посещение таверны Смейда сослужило ему неплохую службу, хотя это и было оплачено жизнью Луго Тихальта.

Малагате нужен монитор Тихальта, именно это являлось предпосылкой, которая обусловливала ход дальнейших событий. Малагате захочет вступить в переговоры, сам или через какого-нибудь из своих агентов. «Хотя, — подумал Герсен, — он почему-то счел необходимым убить Тихальта собственноручно...»

В этом было что-то загадочное.

Почему была необходима смерть Луго Тихальта? Откровенная злоба со стороны Малагате? Вполне возможно. Но Малагате убивал и производил опустошения в столь широких масштабах, что отнять жизнь у одного жалкого человека было для него пустяком, вряд ли доставлявшим хоть какое-нибудь удовлетворение.

Гораздо более вероятным мотивом убийства могла оказаться привычка, выработанный за много лет шаблон. Для того чтобы прервать отношения с человеком, который мог в дальнейшем стать помехой, Малагате проще всего было его убить...

Третья возможность: может быть, Тихальт зашел слишком далеко в раскрытии анонимности, которой Малагате из всех Демонов Тьмы придавал наибольшее значение? Герсен попытался поподробнее вспомнить разговор с Тихальтом. Несмотря на свой потрепанный и удрученный вид, Тихальт казался человеком образованным. В его жизни были гораздо более лучшие дни. Почему он обратился к пользующейся сомнительной репутацией профессии разведчика?

На этот вопрос, конечно, ответа не было. Почему человек начинает действовать в каком-нибудь направлении? Почему и как человек, который рождается от обыкновенных родителей, становится Аттелем Малагате-Горе?

Тихальт намекал на то, что Малагате каким-то образом связан с наймом разведывательных кораблей. Не упуская из виду эту мысль, Герсен произвел тщательную проверку корабля. Он нашел традиционную медную дощечку с указанием места производства:

«Ливерстоун. Планета Фиам. Скопление Ригель».

К монитору тоже крепилась бронзовая табличка с указанием серийного номера и производителя:

«11154/6587 Компания точных приборов «Ферици»,
город Сансонтиана, планета Оллифейн».

Но ему не удалось найти ни каких-либо указаний на владельца, ни регистрационного свидетельства.

Значит, при необходимости можно было проследить принадлежность корабля косвенным путем. Герсен всесторонне обдумал, как это сделать. Монополии по торговле недвижимостью владеют двумя третями всего парка кораблей-разведчиков. Предметами их торговли являются миры со специфическими характеристиками: планеты с высоким содержанием ценных минералов в коре; планеты, пригодные для колонизации группами инакомыслящих, достаточно приятные для того, чтобы служить местами отдыха для миллионеров; планеты, флора и фауна которых настолько экзотичны, что служат приманкой для биологов или дельцов по поставке экспонатов в музеи и зоопарки; гораздо реже — планеты с разумной или полуразумной жизнью, представляющие интерес только для социологов, этнографов, лингвистов и тому подобных.

Компании по торговле недвижимостью были сосредоточены в космополитических центрах Ойкумены: на трех-четырех планетах Скопления, главной из которых была Альфинор, на некоторых планетах Веги и Кассиопеи и на старой Земле. Местом старта, если следовать логике, должно быть только Скопление, но это при условии, что Луго Тихальт работал на одну из компаний Ригеля. Но Курт помнил, что Тихальт намекал на что-то противоположное.

Таким образом, сфера расследования значительно сужалась. После монополий главным нанимателем разведчиков были университеты. Тут Герсену пришла в голову одна мысль. Если Тихальт когда-нибудь был студентом или сотрудником определенного лицея, колледжа или университета, то он, скорее всего, обратился бы в это самое учреждение в поисках работы.

Однако тут Герсен поправил себя: такая связь вовсе не была обязательной. Человек гордый, имевший друзей и знакомых, которые помнили бы его, мог бы воспользоваться этой возможностью только в крайнем случае, при крайней необходимости. Но был ли Тихальт гордым человеком? Именно в этом смысле — не особенно! Тихальт как раз и был таким человеком, который мог бы с легкостью обратиться за помощью в свою альма-матер.

Другой очевидный источник информации — компания точных приборов «Ферици» в Сансонтиане, где монитор должен быть обязательно зарегистрирован на имя покупателя. И это направление Герсену больше нравилось — была еще одна причина, по которой было просто необходимо посетить фирму «Ферици»: Курт хотел открыть монитор и извлечь содержащуюся в нем информацию. А для этого ему нужен был ключ. Мониторы зачастую были снабжены предохранительными устройствами от чужого проникновения, устройствами в виде взрывных капсул или ампул с окислителем: насильственное извлечение содержимого редко приводило к получению полезной информации.

Служащие фирмы «Ферици» могли помочь Герсену в безопасном открывании монитора, но в равной степени могли остаться и равнодушными к его просьбе. Сансонтиана была населена Брэйгианцами,

представителями одного из девятнадцати независимых народов Оллифейна. Брэйгианцы слыли своевольными, упрямыми, весьма своеобразными людьми. Закон Скопления, однако, не признавал частных заявок вне пределов Ойкумены и не потворствовал применению взрывных предохранителей. Исходя из этого, был издан закон, по которому для оборудования на борту космических кораблей «производителям подобных устройств (мониторов) предписывается предоставлять ключи, активирующие устройства, дешифраторы, последовательности чисел и любые другие устройства, инструменты либо информационные сведения, необходимые для безопасного открывания приборов. Такое представление должно быть осуществлено без задержки, обжалования, преднамеренного ввода в заблуждение, завышения оплаты или каких-либо иных действий, рассчитанных на задержку просителя при получении ключа, декодирующего устройства или необходимой информации во всех тех случаях, когда проситель способен предъявить свои права на владение указанным прибором. Представление серийной таблички, первоначально или впоследствии прикрепленной изготовителем к прибору, должно считаться достаточным и правомочным свидетельством права на собственность».

Исходя из таких правил, Герсен вполне мог требовать и надеяться получить ключ. Но компания могла не предоставлять сведений относительно прежней регистрации прибора. Особенно, если бы Малагате заподозрил, что Герсен может прибыть в Сансонтиану с целью выяснить личность владельца монитора. Вполне возможно, что Аттель уже предпринял определенные шаги для предотвращения разглашения такой информации.

Подобная мысль открывала целый набор новых возможностей. Герсен нахмурился. Не будь он таким осторожным, все эти варианты могли и не прийти ему в голову. При этом он был бы избавлен от изрядной доли сомнений и проблем, но, скорее всего, при этом он и умер быстрее... Он покачал головой и принялся за звездные карты.

Неподалеку от курса его корабля находилась звезда Лебедь 7342. Население ее планеты Эувилль, неприятное и подверженное психозам, жило в пяти городах: Они, Ми, Че, Дан и Ви, каждый из которых был построен в виде пятиугольника с центральной пятиугольной цитаделью. Космопорт, расположенный на отдаленном острове, имел оскорбительное прозвище среди населения Галактики — «Клоака». Все, что нужно было Герсену, можно было найти в этом космопорте. У него не возникло никакого желания посещать эти города, поскольку для посещения каждого требовалось вместо пропуска сделать татуировку в виде звезды на лбу, причем для каждого города — своего цвета. Для того чтобы посетить все пять поселений эувильльцев, предполагаемый турист должен был предъявить все пять звезд: черную, оранжевую, лиловую, желтую и зеленую.

Глава 7

«...Сэр Джулиан Хоув, по всей вероятности, заимствовал свое мировоззрение у исследователей времен Позднего Ренесанса. По возвращении на Землю члены его команды окружили себя (или их окружали) атмосферой строгой секретности и осторожности. И тем не менее подробности всегда просачивались. Сэр Джулиан Хоув, если применять наиболее исчерпывающий термин, был педантом.

Кроме того, у сэра Джулиана начисто отсутствовало чувство юмора. Взгляд его водянистых глаз внушал робость, он говорил, не шевеля губами, изо дня в день причесывался совершенно одинаково. Хотя он и не требовал, чтобы его экипаж одевался к обеду или к ужину в парадные мундиры, некоторые из его правил отличались почти эквивалентным педантизмом...

Категорически запрещалось употребление первых имен, нужно было отдавать честь в начале и в конце каждой вахты, хотя зачастую большинство членов экипажа были гражданскими лицами. Техникам, специальность которых не была связана с научной деятельностью, запрещалось даже ногой ступать на обворожительные новые планеты — этот приказ, безусловно, стал бы причиной бунта, если бы первый помощник сэра Джулиана, Говард Коук, не закрывал глаза на его непрерывное нарушение.

Самым замечательным открытием сэра Джулиана было открытие Скопления Ригель: двадцать шесть прекрасных планет, большинство из которых были не просто пригодными для обитания, но и имели прекрасный здоровый климат, и только на двух из них обитали полуразумные аборигены...

Сэр Джулиан, пользуясь своим правом первооткрывателя, назвал эти планеты фамилиями героев своего детства: лорд Китченер, Вильям Гладстон, архиепископ Гоур, Эдит Мак-Девотт, Редьярд Киплинг, Томас Карлайл, Вильям Деркудбрайт, Самоэль Горшем, сэр Роберт Пиль и тому подобное.

Но сэру Джулиану не было суждено лицезреть эти названия на звездных картах. Он отправил телеграмму с сообщением о своем возвращении через Космическую Станцию Модли вместе с описанием Скопления и названиями, которыми он нарек эту замечательную группу планет.

Список прошел через руки какого-то безвестного клерка, некого Роджера Пильхама, который с отвращением отверг названия сэра Джулиана. Каждую из двадцати шести планет он обозначил буквой латинского алфавита и поспешно дал им новые названия, среди которых были Альфинор, Диоген, Фаиме, Джезабел, Мадагаскар, Кроникол, Раротонга, Вальпургия, Сион, Закаранда — названия, взятые из легенд, мифов и просто придуманные им самим. Одна из планет имела спутник, описанный в сообщении как «своеобразный осколок

базальта причудливой формы», и Роджер Пильхам назвал его «Сэр Джулиан».

Печать получила и опубликовала этот новый список, и таким образом стали известны планеты Ригелл, хотя лица, хорошо знавшие сэра Джулиана, изумлялись неожиданной экстравагантности его воображения. И кем или чем был «Пильхам»? Предполагалось, что все это объяснится по прибытии сэра Джулиана Хоува.

Клерк Роджер Пильхам вскоре канул в безвестность, из которой и появился. Неизвестно, в каком он был состоянии по мере того, как приближалось возвращение сэра Джулиана. Ощущал ли он понимание того, что совершил? Неловкость? Равнодушие? Вне всяких сомнений, он свыкся с перспективой увольнения со своей должности, так как догадывался, что сэр Джулиан пустится во все тяжкие, как только узнает, кто в конечном итоге виноват.

В положенное время сэр Джулиан вернулся триумфатором и в одном из интервью обронил фразу, которая повергла в недоумение слушателей: «Наибольшее впечатление производит хребет Нью-Гремпиан на Северном материке Лорда Булвер-Литтона». Его вежливо спросили о местонахождении Лорда Булвер-Литтона, и вот тогда-то и раскрылась подмена!

Реакцией сэра Джулиана была необузданная ярость. Клерк благоразумно скрылся. Сэру Джулиану предложили затеять процесс о восстановлении данных им названий, но ущерб уже был нанесен: легкомысленный поступок Роджера Пильхама завоевал расположение публики, и терминология сэра Джулиана постепенно выветрилась из памяти»...

(Из монографии Ральфа Кверои «Новые открытия в космосе».)

«Планета Альфинор является административным и культурным центром Скопления Ригеля. Она является восьмой в общем числе двадцати шести жемчужин, открытых в свое время сэром Джулианом Хоувом.

Ее параметры:

Диаметр	9300 миль
Масса	1,02 от массы Земли
Длительность суток	29 часов 16 минут 29,4 секунды

Общие замечания:

Альфинор в основном покрыт океаном и имеет устойчивый климат. Океан покрывает три четверти общей площади планеты, включая сюда и полярные льды. Материковая масса разделяется на семь близко расположенных континентов: Фригию, Умбрию, Лузитанию, Мкифию, Этрурию, Лидию и Ликию, конфигурация которых напоминает семь лепестков цветка. Имеются бесчисленные острова.

Природа планеты сложна и разнообразна. Растительность никоим образом не отступает под натиском завезенных с Земли видов, за

которыми поэтому приходится очень бережно ухаживать и всячески удобрять почву. Не менее разнообразна и жизнестойка фауна, которая зачастую является весьма агрессивной. Достаточно упомянуть очень умного гиркана с севера Фригии или невидимого угря Волшебного Океана.

Для политической жизни Альфинора характерна пирамидальная демократическая структура — простая теоретически, но практически весьма запутанная. Материки делятся на провинции, те, в свою очередь, на префектуры, затем идут округа и районы, в качестве этих последних выступают местности с населением в пять тысяч человек. Каждый районный комитет посылает своих представителей в окружной совет, который избирает депутатов в парламент префектур, которые посылают делегатов на провинциальный конгресс, который, в свою очередь, избирает представителей в парламент материка. Каждый парламент избирает семь членов Большого Совета, который заседает в городе Авента, в Морской провинции Умбри, и избирает, в конце концов, Президента».

(Из «Краткого Справочника Планет», 308-е издание, опубликованное в 1292 году.)

«Население Скопления далеко не однородно. Во время переселения с Земли отдельные расовые группы сохраняли свою обособленность, и в новом окружении, под влиянием близкородных браков и новых обычаев в поведении, эти группы обособились еще больше. Население Альфинора в целом светлое, с каштановыми волосами, среднего роста, хотя достаточно прогуляться всего час по Гранд-Бульвару в Авенте, чтобы встретить людей самой различной внешности.

Гораздо труднее объяснить психологию обитателей Альфинора. Каждая обитаемая планета в этом отношении отличается от другой, и хотя различия реальны и весьма отчетливы, их трудно выразить достаточно точно и последовательно, особенно в связи с тем, что каждое обобщение в масштабах планеты опровергается или уточняется местными региональными отличиями».

(Из предисловия к книге Страйка и Чернитца «Народы Скопления».)

Расположенный точно впереди, Ригель казался яркой бело-голубой точкой, в сиянии которой блекли другие звезды. Единственное, что сейчас оставалось делать Герсену, — это размышлять о цели своего полета, борясь с напряженностью и беспокойством, растущими все более по мере того, как увеличивалось количество возможных вариантов поведения Аттеля Малагате и соответствующих ответных ходов Герсена.

Проблема номер один: где совершить посадку? Не нарушая законов, он мог посадить свой корабль в любом из ста восьмидесяти трех космопортов на двадцати двух из двадцати шести миров. Кроме того,

он мог воспользоваться и бесчисленными пустынями и незаселенными местами, при этом, правда, рискуя подвергнуть себя аресту за нарушение карантинных правил.

Насколько сильно Малагате хотел заполучить монитор Тихальта? Устроит ли он наблюдение за каждым из космопортов? Теоретически это можно было бы сделать, подкупив служащих. Наиболее дешевым и действенным способом было бы объявление внушительной награды тому, кто сообщит о прибытии Герсена. Конечно, он мог бы предпочесть совершить посадку и в другой планетной системе, и, разумеется было бы затруднительно установить надзор за всеми космопортами Ойкумены.

Но в намерения Герсена совсем не входило стремление где-то укрыться. Ему необходимо было узнать, кто скрывается под именем Малагате. Для выполнения этой задачи напрашивалось два способа: он мог бы проследить за регистрационным номером монитора, либо ждать, пока на него не выйдет кто-нибудь из людей Малагате, а затем проследить за ним и выяснить все ступени власти в этой преступной организации, вплоть до самого верха.

Малагате же, скорее всего, примет во внимание намерение Герсена извлечь содержимое монитора и поэтому, вероятно, будет проявлять особенную бдительность в космопорте Киндьюн, обслуживающем Сансонтиан.

Но тем не менее, основываясь на целом ряде определенных причин, Герсен решил сесть в Главном межпланетном космопорту в Авенте.

Он приблизился к Альфинору, спустился на посадочную орбиту, перевел автопилот в режим стандартной автоматической посадки и вновь откинулся в кресле. Ревя тормозными ракетами, корабль сел на обожженную землю посадочного поля.

Двигатели выключились, и наступила тишина. Автоматически зашипели клапаны, выравнивая давления между кабиной и атмосферой планеты.

Прибыли чиновники космопорта в автомобиле на воздушной подушке. Герсен ответил на вопросы, подвергся краткой медицинской проверке, получил пропуск на выход из космопорта и проводил чиновников из корабля.

Вскоре прибыл автокран, поднял корабль и отвез его на свободное место на стоянке, расположенной в дальнем конце поля.

Герсен спустился на землю, чувствуя себя странно уязвимым вне надежных стен корабля. Подозвав рукой ближайшую летающую тарелку-робота, он собрался заняться демонтажем монитора. Но тут из-за корпуса ближайшего корабля вышли двое, и Герсен мгновенно узнал одного из них — уроженца Саркоя, который сопровождал Хильдемара Даске в таверне Смейда.

Когда они приблизились, Герсен сделал вид, что не заметил их появления, но все его органы чувств напряглись до такой степени, что ни одно их движение не могло остаться незамеченным. На уро-

женце Саркоя был скромный темно-серый костюм, на лацканах блистали опалы. Его спутник, худой мужчина с соломенного цвета волосами и быстрыми светло-серыми глазами, был одет в свободный рабочий комбинезон синего цвета.

Они остановились в двух шагах от него и стояли, казалось, без особого интереса наблюдая за незнакомцем. Герсен также принял безразличный вид и лишь скользнул глазами по пришельцам, хотя по коже у него пробежали мурашки и бешено заколотился пульс. Уроженец Саркоя прошептал что-то своему спутнику и подошел еще ближе.

— Мне кажется, что мы встречались с вами, — спокойно, но немного язвительно произнес он.

— Ваше имя мне неизвестно, сэр, — пожал плечами Герсен, не отрываясь от своего дела.

— Меня зовут Сутиро. Мивиж Сутиро.

Герсен внимательно посмотрел на саркоита: перед ним стоял человек среднего роста с удивительно плоской головой, характерной для жителей степной зоны Саркоя, — ширина его лица была больше, чем длина. У него были тусклые невыразительные оливковые глаза, вздернутый нос с темными ноздрями, широкий рот с толстыми губами — лицо, сформированное более чем тысячью годами эволюции и близкородственных браков.

Обитатели Ойкумены были весьма невысокого мнения о жителях Саркоя, прежде всего из-за отвратительных привычек в еде и чрезмерной активности и неприкрытости сексуального поведения, зачастую превращавшегося в откровенный эксгибиционизм. С презрением относились и к любимому на Саркое виду спорта, известному под названием «харбит», который заключался в избиении харикана, крупного, покрытого щетиной полуразумного двуногого существа, населяющего леса северной части планеты. Несчастное создание, доведенное до крайности голодом, загонялось в круг людей, вооруженных вилами и факелами, приводилось в состояние бешенства огнем и удерживалось в центре круга при каждой попытке бегства.

Саркой, единственная планета звезды Змееносца, была миром мрачных степей, болот, дремучих лесов и трясин. Саркоиты жили в высоких деревянных домах, окруженных частоколом из стволов деревьев. Даже самые крупные их города нередко подвергались набегам бандитов и кочевников из полупустынь.

Саркоиты, по традиции и накопленному опыту, были законченными отравителями. Убить человека каждый из них мог очень легко — просто пройдя рядом с ним.

Глядя на саркоита, Герсен не смог уловить признаков так называемого «дыхания смерти», характерного для наемных убийц. Эта привитая способность укорачивала их жизнь, а внешне она проявлялась в желтоватой глянцевитой коже и жестких, тусклых волосах. Кожа

Сутиро была бледно-матовой, волосы — блестящими, черными и курчавыми, на правой щеке Герсен заметил маленький мальтийский крест одного из аристократических кланов Саркоя.

— Прошу прощения, уважаемый Сутиро, но ваше имя я слышу впервые. Не помню, чтобы мы с вами где-то встречались, — сказал Герсен.

— О! — Глаза Сутиро расширились, когда он услыхал почтительные слова Герсена. — Вы бывали на Саркое? На нашем любимом зеленом Саркое, с его безграничными степями и веселыми фестивалями?

— Веселыми, пока есть еще хариканы! А что будет, когда вы замучаете последнего?

Сутиро, как представитель расы, привыкшей спокойно переносить все оскорбления, не подал виду, что заметил обидные слова Герсена.

— Будем веселиться друг с другом. Я вижу, что вы хорошо знакомы с моей планетой.

— Довольно неплохо. Возможно, вы могли видеть меня на Саркое.

— Нет, — уклончиво ответил Сутиро. — Мы виделись с вами совсем в другом мире, и притом недавно.

Герсен покачал головой.

— Это невозможно. Я только что прибыл из Глуши.

— Вот именно. Там мы и встречались. В таверне Смейда.

— Неужели?

— Да. Я прибыл туда с несколькими попутчиками, чтобы встретить своего друга Луго Тихальта. Разволновавшийся Луго покинул планету Смейда в вашем корабле. Разве вы не обнаружили этого?

Герсен засмеялся.

— Будь у Тихальта намерение извиниться передо мною, я уверен, что он обязательно нашел бы меня.

— Точно, — кивнул Сутиро. — Луго Тихальт послал меня уладить ваши взаимоотношения. Он просит прощения за допущенную ошибку и желает только, чтобы я принес ему его монитор.

Герсен покачал головой.

— Вы не сможете забрать его.

— Нет? — Сутиро подвинулся поближе. — Луго предлагает вам тысячу СЕВов (стандартных единиц валюты Ойкумены) в качестве компенсации за допущенную ошибку.

— Я приму их с благодарностью. Давайте деньги.

— А монитор?

— Я верну его, когда Тихальт сам прибудет за ним.

Худощавый спутник Сутиро раздраженно цокнул языком, но Сутиро только улыбнулся.

— Но как же это получается? Вы получите свои деньги, а монитор нам не отдадите? Где же справедливость?

— А зачем вам этот монитор? Во-первых, это монитор Луго Тихальта, поэтому я отдам этот прибор только ему. Во-вторых, передача

мне денег является вполне законной операцией, если только Тихальт поручил вам это. Можете полагаться на мою честность.

— Мы не собираемся испытывать вашу честность, — прервал его Сутиро. — Мы просто предлагаем вам, чтобы вы сейчас же, здесь, отдали нам монитор.

— Ну уж если начались угрозы, то монитора вам не видать как своих ушей. По-моему, у меня возникает желание самому заняться его содержимым.

— Об этом не может быть и речи!

— Что ж, попробуйте остановить меня, — Герсен возобновил прерванную работу и снял пломбы с кожуха монитора.

Сутиро спокойно наблюдал за этим. Он сделал знак худому, тот сделал несколько шагов назад и оглянулся по сторонам.

— Я бы мог остановить вас так неожиданно, что вы превратились бы в мраморную статую, — он взглянул через плечо на худого, который кивнул. Сутиро показал оружие, которое внезапно появилось у него в руке. — Я могу вызвать у вас сердечный приступ, кровоизлияние в мозг или спазмы кишечника — по вашему усмотрению!

Герсен прекратил работу и глубоко вздохнул.

— У вас впечатляющие аргументы. Платите мне пять тысяч СЕВов.

— Я мог бы ничего не платить! Но вот та тысяча, о которой я уже упоминал.

Он швырнул Герсену пачку банкнот, затем дал знак своему напарнику, который сейчас же подошел к Герсену и, взяв инструменты в руки, начал со знанием дела демонтировать монитор. Герсен подобрал деньги, пересчитал их и отошел в сторону. Худой передал монитор Сутиро, тот бросил его в сумку и, не проронив больше ни слова, повернулся и пошел прочь. Худой бросился его догонять. Герсен тихо засмеялся. Это был тот монитор, который он купил и установил на Зувилле за четыреста СЕВов. Монитор же Тихальта находился в безопасном месте внутри корабля.

Герсен возвратился на корабль и задраил все люки. Главным теперь было время. Сутиро понадобится около десяти минут, чтобы сообщить о своем успехе Даске или, возможно, самому Малагате. Во все космопорты будут сейчас же отосланы директивы о снятии тревоги. Малагате получит монитор, если Герсену посчастливится, через несколько часов, а может быть, и дней, в зависимости от стечения обстоятельств. Возникнет еще добавочная задержка, когда будет обнаружена подмена, и тогда организация Малагате вновь будет приведена в состояние боевой готовности, сосредоточив свое внимание на компании точных приборов «Ферици» в Сансонтиане на Оллифейне.

К тому времени Герсен надеялся уже побывать там и, разузнав все необходимое, смыться. Поэтому, не теряя больше времени, Курт включил ракеты, поднялся в голубое небо Альфинора и направил свой корабль на Оллифейн.

Глава 8

«Оллифейн, девятнадцатая планета Скопления Ригеля, диаметр 6700 миль, масса 0,9 от Земной, и т. д. Общие замечания: Оллифейн имеет наибольшую плотность среди планет Ригеля, и орбита его находится на границе обитаемой системы. Согласно одной из гипотез, когда распалась протоплазма Третьей Группы, Оллифейну досталась непропорционально большая доля минералов ее коры. В любом случае до самого последнего времени Оллифейн был подвержен вулканической деятельности, и даже сейчас на нем имеется девяносто два действующих вулкана.

Оллифейн очень богат тяжелыми минералами. Пересеченный рельеф определяет огромный гидропотенциал, дающий самую дешевую электроэнергию по сравнению с другими источниками. Упорное и дисциплинированное население этой планеты, используя эти преимущества, превратило Оллифейн в наиболее индустриально развитую планету Скопления, с которой могли бы соперничать разве только Тантамаунт с его верфями космических кораблей и Лайонисса с ее грандиозными металлургическими заводами компании «Гиом».

Оллифейн — относительно прохладная и влажная планета с населением, сосредоточенным в экваториальном поясе по берегам озера Клэйр. Здесь и расположены десять наибольших городов планеты, среди которых выделяются Киндьюн, Сансонтиана и Нью-Оскининг.

В равной степени Оллифейн обеспечен и возможностями производства продуктов питания. Немногие из планет потребляют столько натуральных продуктов, и среднее потребление их на душу населения здесь самое высокое среди планет Скопления и третье среди главных планет Ойкумены. В горных долинах, окружающих озеро, развито животноводство и производство различных овощей.

Население является смешанным, хотя первоначально происходило из колонии на одной из планет в системе Северного Сияния. Типичные представители его имеют светлые либо каштановые волосы, ширококостны, часто склонны к тучности, не имеют привычки окрашивать кожу. Их уважают за твердую приверженность определенным принципам, умеренность в личной жизни, однако жители Оллифейна с большим энтузиазмом проводят всепланетные фестивали, что является эмоциональным облегчением для этих всегда вежливых и сдержанных людей.

Кастовая система, хотя и не имеет легального статуса, пронизывает все слои социальной жизни планеты. Права и обязанности каждой касты четко определены и ревностно контролируются. Язык един и настолько развит, что допускает не менее дюжины способов свободного общения».

(Из «Краткого Справочника Планет» издательства Спейс Бука, 1045 год.)

«Для посетителя планеты наблюдать за тем, как двое ольфов, незнакомых друг с другом, определяют кастовую принадлежность друг друга, весьма поучительное зрелище. Вся операция происходит практически мгновенно и на первый взгляд кажется интуитивной, поскольку обе стороны могут быть одеты в стандартные одежды.

Я расспрашивал многих ольфов об этом, но до сих пор не могу утверждать что-либо определенное. Прежде всего, большинство ольфов упорно отрицают существование кастовой структуры их общества и считают его абсолютно однородным. Затем сами ольфы не совсем уверены в том, каким же именно образом они определяют кастовую принадлежность незнакомца.

По моим предположениям, ключом к разгадке являются подсознательно быстрые и почти неразличимые движения глаз, причем характерная смена их выражения является отличительной чертой каждой касты. Движения рук и ног могут служить этой же цели.

Как и можно было бы ожидать, высокопоставленные лица и иерархии образуют почти закрытые и высокопочитаемые касты. Особенно это касается Гражданской опеки, как ольфы называют свою полицию».

(Из статьи Фрерба Ханкберта «Кто есть кто в Оллифейне», опубликованной в 513 номере «Журнала антропологии».)

Герсен приземлился в космопорте Киндьюна и, прихватив с собой в портфеле монитор Тихальта, сел в метро, ведущее в Сансонтиану. Насколько он мог судить, никто не обратил внимания на его прибытие и никто не последовал за ним.

Но теперь времени оставалось все меньше. В любое мгновение Малагате поймет, что его одурачили, и попытается отомстить.

Некоторое время после свидания с Сутиро Герсен чувствовал себя в безопасности, но тем не менее он произвел несколько классических маневров, чтобы обезопасить себя от «прилипал» (трейсеров). Существовало, по-крайней мере, пять разновидностей так называемых «прилипал», пригодных для всевозможных случаев. Этим названием земных морских рыб называли оптические ячейки на вращающихся крыльях, управляемые оператором на расстоянии; кроме того, существовали и автоматически действующие ячейки, которые следовали за радиоактивной или монокрематической нашлепкой, незаметно прикрепленной на определенного человека или экипаж. Были еще шпионы-кульпы, полуразумные летающие создания, специально выдрессированные для следования за объектом, представляющим интерес. Они были умны, послушны, всегда готовы к сотрудничеству, но сравнительно велики, и поэтому их было легко заметить. К «прилипалам» относили также и птиц-шпионов Манкса — созданий меньших размеров и менее навязчивых. Выдрессированные так, чтобы выполнять слежку, они, однако, были не столь покорны и понятливы, как кульпы, да к тому же

еще более агрессивны. И, наконец, была еще одна разновидность птиц Манкса — похожие на предыдущие создания, но снабженные устройством управления.

Не обнаружив ничего подозрительного, Герсен поместил монитор в автоматическую камеру хранения на станции пересадки под отелем «Ранунцель», оставив при себе только медную дощечку с серийным номером. Затем он отправился экспрессом в лежащую в восьмидесяти милях к югу Сансонтиану. Прибыв туда через пятнадцать минут, он узнал в справочном бюро адрес компании «Ферици» и вскоре вышел со станции всего в нескольких метрах от проходной в самом центре района Ферристоун, мерзкого нагромождения промышленных зданий и складов с затесавшимися среди них случайными тавернами, представляющими из себя красочно оформленные уголки среди кирпича, труб и металла.

Начинался день, но брусчатка мостовой еще была темной от ночного дождя. Улицы загромождали шестиколесные фургоны, и казалось, что весь район наполнен непрекращающимся гулом машин. Пока Герсен шел пешком к проходной, раздался резкий короткий звук сирены, означавший пересмену. Сейчас же тротуары заполнились рабочими. Это были бледные люди с невыразительными, неулыбающимися лицами, одетые в теплые комбинезоны серого, темно-серого или желто-коричневого цвета. Костюм дополняли черные или белые пояса и черные круглые шапки. Все это было стандартной одеждой, которую выдавало правительство, такое же бескомпромиссное, осторожное и лишенное чувства юмора, как и его избиратели.

Прозвучали еще два отрывистых сигнала сирены, и, как бы по мановению волшебной палочки, улицы опустели — рабочие опрометью бросились в здания, как тараканы от внезапно включенного света.

Мгновением позже Герсен подошел к раскрашенному бетонному фасаду, на котором большими бронзовыми буквами было выведено: «Ф Е Р И Ц И», а пониже крючковатым шрифтом: «т о ч н ы е п р и б о р ы».

Снова возникла необходимость раскрыться перед противником — перспектива не очень приятная. Однако тут он ничего не мог поделать. Герсен прошел через проходную в длинный, тускло освещенный коридор, затем в бетонный туннель, который через полсотни шагов вывел его к конторе предприятия. Здесь к нему подошла немолодая уже женщина приятной наружности, с хорошими манерами, одетая в темно-синий комбинезон (в соответствии с местными правилами женщины на работе носили мужскую одежду) с черным поясом. Узнав в Герсене инопланетянина неизвестной касты, она любезно поклонилась и спросила низким почтительным голосом:

— Чем, сэр, мы можем служить вам?

Герсен протянул ей медную табличку:

— Я утратил ключ от своего монитора, и мне нужен его дубликат.

Женщина заморгала от неожиданности и на мгновение как будто забыла о хороших манерах. Она нерешительно взяла табличку, держа ее между большим и указательным пальцами, как будто она была заразной, и отвела глаза в сторону.

— Так что же? — спросил неожиданно резким голосом Герсен.

— Сейчас новые правила, — пробормотала женщина. — Мне предписано... я должна посоветоваться с Главным контролером Мосенсеном. Простите меня, сэр...

Она почти на цыпочках направилась к боковой двери и скрылась. Герсен ждал, нервничая куда больше, чем следовало. Такое возбуждение затрудняло ясность мышления, искажало точность наблюдения... Женщина медленно возвращалась к барьеру в конторе, все время оглядываясь по сторонам и стараясь не смотреть Герсену в глаза.

— Один момент, сэр. Пожалуйста, подождите... Нужно посмотреть кое-какие записи... Вы сами понимаете, когда спешишь...

— А где табличка с серийным номером, которую я вам только что отдал?

— Главный контролер Мосенсен забрал ее.

— В таком случае я хотел бы сейчас же переговорить с этим Главным контролером Мосенсеном.

— Сейчас спрошу у него.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал Герсен и, не обращая внимания на ее протестующий крик, быстро прошел мимо нее во внутренний кабинет.

За столом сидел тучный мужчина с одутловатым лицом, в причудливом голубовато-сизом одеянии, говоря с кем-то по телефону и разглядывая табличку с серийным номером, которую он держал в руке. Увидев Герсена, он поднял брови, челюсть его отвисла от неожиданности и страха. Он быстро опустил телефонную трубку и, прежде чем закричать, быстро окинул взглядом одежду вошедшего.

— Кто вы, сэр? Почему вы ворвались в мой кабинет без приглашения?

Герсен подскочил к нему и вырвал медную дощечку.

— А с кем это вы говорили по телефону в связи с этим делом?

Мосенсен надменным скрипучим голосом закричал:

— Это не ваше дело, сэр! Нисколько не ваше, сэр! Какая дерзость! Я сейчас же призову сюда опекунов!

Герсен пожал плечами и произнес спокойным голосом:

— Ну что ж, думаю, что опекунов очень заинтересуют ваши противозаконные действия. Я просто не знаю, что и думать, видя, как вы беззастенчиво попираете законы!

Мосенсен откинулся в кресле, нервно отдуваясь. Опекуны принадлежали к столь высокой касте, что для них различия между Мосенсеном и его секретаршей казались практически ничтожными. У опекунов не было ни малейшего почтения к отдельным личностям,

они имели склонность верить обвинениям гораздо больше, чем доказательствам невиновности. Они носили мундиры из роскошной толстой шерсти, которая в зависимости от освещения принимала тот или иной оттенок: темно-фиолетовый, сочно-зеленый, золотистый. Будучи не столько высокомерными, сколько сосредоточенно-серьезными, они вели себя в полном соответствии с тем, что налагала на них принадлежность к столь высокой касте. На Оллифейне мучительные наказания применялись как дешевое средство устрашения, еще более действенное, чем штрафы или тюремное заключение. Угроза обвинения со стороны полиции могла, следовательно, вызвать оцепенение и у невинных.

Главный контролер Мосенсен вскричал:

— Но я же не нарушил законов! Разве я отказал вам? Отнюдь нет!

— Тогда немедленно предоставьте мне ключ, как это требует закон, и забудем о случившемся.

— Тише, тише, — немного успокоившись, сказал Мосенсен. — Мы не сможем сделать это так быстро. Нам необходимо свериться со своими записями. Не забывайте, что у вас есть дела и посерьезнее, чем прыгать на задних лапках перед каждым красавцем-бродягой из разведчиков, который может нахально ворваться к нам в комнату и оскорблять нас.

Герсен внимательно посмотрел на круглое бледное лицо, на котором вновь появилось выражение высокомерия и враждебности.

— Очень хорошо, — сказал Герсен, решая не обращать внимания на колкости. — Мне остается только одно в этом деле — пойти и тут же подать жалобу в Совет опекунов.

— Будьте же благоразумны! — вскричал Главный контролер. — Вы же умный человек, и неужели вы не понимаете, что нельзя все сделать сразу!

— Где мой ключ? Вы продолжаете упорствовать в своем намерении мне в выдаче ключа?

— Разумеется, вы совершенно не правы! Просто необходимо подождать. Садитесь и возьмите себя в руки хотя бы на несколько минут.

— Я не намерен ждать!

— Тогда идите, пожалуйста! — взревел Мосенсен. — Я сделал все, что требуется по закону! — Лицо его стало багровым от ярости, он забарабанил кулаком по столу. Клерк, стоящий у двери, издал вопль ужаса. — Приведите опекунов! — гремел Мосенсен. — Я обвиняю вас в вымогательстве и угрозах! Я хочу увидеть, как вас высекут!

Герсен не решился и дальше откладывать действия. Он опрометью выскочил из кабинета и выбежал из приемной в бетонный туннель. На миг он остановился, мельком взглянул на дрожащую от испуга секретаршу, не обратившую на него никакого внимания. Курт быстро направился по коридору в сторону, противоположную выходу, и вскоре очутился в одном из цехов компании.

Прижавшись к стене и используя колонну как прикрытие, он внимательно осмотрел помещение, следя за технологическим процессом сборки. Некоторые этапы выполнялись при помощи биомеханического управления, на других процессах работали должники, морально опустившиеся люди дна, бродяги и пьяницы, которых дюжинами нанимали на временную работу. Они сидели, прикрепленные цепями к своим верстакам, под наблюдением пожилого охранника и работали довольно споро. Надзиратель участка сидел на возвышенной тележке, которая могла проехать в любое место цеха.

Герсен нашел то место, где собирались мониторы, точно определил, где устанавливаются замки — в нише, протянувшейся на пятьдесят метров. В одном из концов ее в квадратной кабине сидел на высоком стуле нормировщик.

Герсен еще раз тщательно осмотрел помещение. Никто не обращал внимания, даже надзиратель, поглощенный наблюдениями за рабочими.

Курт прошел вдоль стены к кабине, где сидел нормировщик, беспокойный молодой человек со впалыми щеками и насмешливо приподнятыми бровями. У него была морщинистая, болезненного вида кожа, циничный изгиб рта и крючковатый нос. Этот человек мог и не быть пессимистом, но, разумеется, оптимистом он тоже не был. Герсен стал рядом с кабиной, в ее тени.

Клерк удивленно взглянул на него.

— Ну, сэр? Что вы хотите? Здесь не разрешено находиться.

— А как насчет того, чтобы заработать сотню СЕВов? — спросил Герсен. — И притом очень быстро!

Клерк печально скривил губы.

— Согласен. Кого я должен убить?

— Мои требования гораздо скромнее, — усмехнулся Курт и показал медную табличку. — Достаньте мне ключ от этого монитора, и полсотни — ваши. — Он положил пять пурпурных ассигнаций на стол. — А если отыщите, на чье имя зарегистрирован этот серийный номер, то получите еще полсотни! — С этими словами Курт отсчитал еще пять купюр.

Клерк посмотрел на деньги, затем нерешительно обернулся в сторону входа в цех.

— А почему бы вам, сэр, не обратиться непосредственно в контору? Такими делами обычно занимается Главный контролер.

— Я разругался с Главным контролером Мосенсеном, — пожал плечами Герсен. — Он стал требовать слишком много времени для этого дела, а я очень спешу.

— Другими словами, Главный контролер Мосенсен не одобрил бы то, что я помогу вам?

— И именно поэтому я предлагаю вам сотню СЕВов за выполнение моей совершенно законной просьбы.

— Это может стоить мне места.

— Если я уйду отсюда через запасной выход, вряд ли кто-нибудь узнает об этом, даже сам Мосенсен.

Клерк задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Я могу сделать это. Но мне нужны еще пятьдесят СЕВов для специалиста, который изготовляет ключи.

Герсен пожал плечами и отсчитал пятьдесят оранжевых купюр.

— Я высоко ценю скорость выполнения моей просьбы, — напомнил он еще раз, передавая деньги служащему компании.

Клерк засмеялся.

— С моей точки зрения, чем скорее вы уйдете, тем лучше. Мне нужно просмотреть две картотеки. И у нас не очень хорошая система информации. А пока что постарайтесь не показываться на виду, оставайтесь где-нибудь в тени.

Он записал серийный номер монитора, вышел из кабинки и исчез за поворотом.

Шло время. Герсен заметил, что задняя стена выложена из окрашенного стекла. Согнувшись, он приложил глаз к царапине на краске и увидел, что происходит за простенком.

Клерк стоял возле старомодного шкафа с выдвижными ящиками, просматривая карточки. Он нашел папку и сделал несколько пометок. В это время через другую дверь в комнату вошел Мосенсен. Клерк закрыл папку и отошел. Главный контролер на мгновение остановился, что-то отрывисто спросил у клерка, который с безразличным видом произнес в ответ одно-два слова. Герсен отметил про себя готовность этого человека помочь ему. Мосенсен взглянул куда-то за спину клерка и подошел к шкафам.

Глава 9

Наблюдая одним глазом за спиной Мосенсена, клерк наклонился над специалистом по ключам, прошептал что-то ему на ухо и удалился. Мосенсен подозрительно посмотрел ему вслед, но клерк уже закрыл за собой дверь.

Механик вставил заготовку для ключа в машину, еще раз сверился с бумагой, нажал на ряд кнопок на пульте, которые задавали машине данные о канавках и изгибе ключа, электрической и магнитной проводимости отдельных его частей.

Мосенсен, порывшись в картотеке, достал конверт, извлек из него карточку и вышел из комнаты. Клерк тотчас же вернулся. Механик протянул ему ключ. Клерк вошел в кабину, протянул ключ Герсену и прошептал:

— Уходите побыстрее, сэр. Что-то мне не нравится поведение Главного контролера.

— А на чье имя зарегистрирован монитор? — спросил Курт нетерпеливо.

— Здесь я вам ничем не могу помочь. Мосенсен забрался в картотеку раньше меня и забрал карточку.

Герсен хмуро посмотрел на ключ. Главной его целью было узнать, кто зарегистрировался как владелец монитора. Ключ конечно же был лучше, чем ничего, — информацию, хранящуюся в мониторе, было гораздо легче спрятать, чем сам монитор! Но времени было в обрез. Нельзя было тянуть дальше.

— Возьмите и остальные пятьдесят, — сказал он. — Деньги, в общем-то, от Малагате. Купите своему ребенку подарок.

Клерк отрицательно покачал головой.

— Я беру плату только за то, что сделал. Моему ребенку не нужен подарок.

— Как хотите. — Герсен спрятал деньги в карман. — Скажите, как мне выйти отсюда, не возбуждая подозрений?

— Лучше всего тем же путем, каким вы пришли, — посоветовал клерк. — Если вы попробуете выйти через запасной выход, вас может остановить охрана.

— Спасибо, — поблагодарил Герсен. — Вы, похоже, не с этой планеты?

— Нет. Но я прожил здесь так долго, что уже забыл, что бывают места получше.

Герсен осторожно выглянул из кабины. Все было на своих местах. Он выскользнул наружу и быстро пошел вдоль стены. Оказавшись в бетонном туннеле, он невольно замедлил шаг, проходя дверь в контору. Заглянув внутрь, он увидел, что Мосенсен расхаживает взад-вперед по комнате, очевидно, будучи в дурном настроении. Герсен прошел мимо и поспешил по коридору к наружной двери. Но теперь эта дверь открылась. Внутрь вошел какой-то мужчина, черты лица которого было трудно различить против света с улицы.

Герсен продолжал уверенно шагать, как будто у него было самое обычное дело.

Человек приблизился, их взгляды встретились. Незнакомец остановился и издал пронзительный вскрик — это был Тристано-землянин.

— Какая удача! — второй возглас этого человека был уже членоразделен. Он прямо так и светился радостью. — В самом деле, какая удача!

Герсен ничего не ответил. Медленно, осторожно он попытался пройти мимо, его нервы были напряжены, но страха он не ощущал.

Тристано сделал шаг и преградил ему путь. Герсен остановился и оценивающе взглянул на противника. Тристано уступал примерно на дюйм, но зато мог похвастать куда более мощными бедрами — все это были качества, указывающие на ловкость и хорошее соотношение мышц. Поражало спокойное выражение лица Тристано, безмятежная улыбка, изгибавшая уголки рта. Он казался безрассудно смелым человеком, которому неведомо чувство ненависти, но в то же время

и чувство жалости, человеком, которым движет только необходимость проявлять себя на грани своих способностей. В высшей степени опасный человек, отметил про себя Герсен и тихо сказал:

— Отойдите в сторону!

Тристано вежливо протянул левую руку.

— Как бы вас ни звали, сэр, будьте благоразумны и следуйте за мной!

Размахивая из стороны в сторону вытянутой рукой, он подался вперед. Герсен следил за выражением глаз противника, не обращая внимания на отвлекающие действия левой руки. Как только взметнулась правая рука, он отбил ее в сторону и ударил кулаком прямо в лицо Тристано.

Тристано отлетел назад, громко крича от боли, и Герсен притворился, что поддался на эту уловку. Он бросился вперед с отведенной назад рукой для повторения удара, но внезапно остановился, когда Тристано с невероятной ловкостью взмахнул ногой — удар, предназначенный для того, чтобы искалечить или убить.

Когда нога прошла мимо цели, Герсен схватил за носок и пятку и резко повернул. Тристано, мгновенно расслабившись, перевернулся в воздухе и сгруппировался, используя момент своего переворота и падения для того, чтобы, не повредив, освободить свою ногу от захвата Герсена. Он, как кошка, упал на четвереньки и попытался откатиться в сторону, но Герсен успел ухватить за его затылок и резко ударить лицо Тристано о свое колено. Хрустнули хрящи, затрещали зубы.

Совершенно ошеломленный, Тристано упал на спину. В течение какого-то мгновения он бессильно опустил руки. Герсен схватил ногу своего противника и, сделав замок, навалился на нее всем своим телом. Он почувствовал, как с треском сломалась кость. Тристано задохнулся и, схватившись за нож, открыл горло. Герсен нанес сильный удар тыльной стороной кисти по гортани. Горло противника было мускулистым, и он не потерял сознание, продолжая бессильно размахивать ножом. Курт выбил оружие, но больше не решался приближаться к Тристано, так как у этого землянина вполне могло быть припасено еще одно или даже дюжина хорошо спрятанных видов оружия.

— Оставь меня, — прохрипел убийца. — Оставь и убирайся, куда хочешь...

Он стал подтягиваться к стенке.

Герсен осторожно двинулся вперед, тем самым давая Тристано возможность для нападения, но тот не решился. Герсену пришлось протискиваться мимо его широченных плеч. Тристано почувствовал это. Взгляды их встретились. Внезапно землянин сделал захват, одновременно приводя в действие свою здоровую ногу. Герсен ушел от захвата, схватил ногу и приготовился сломать и вторую лодыжку. Позади него раздались крики, суматоха. С искаженным лицом по

коридору неуклюже бежал Главный контролер Мосенсен. За ним семенили двое или трое служащих.

— Прекратите это! — кричал Главный контролер. — Что это вы делаете в этом здании? — Он буквально плевался слюной перед Герсеном. — Вы — дьявол! Преступник самого низкого пошиба! Вы оскорбили меня! Вы напали на моего клиента! Я постараюсь, чтобы опекуны внимательно присмотрелись к вам!

— Сколько угодно, — пыхтя, ответил Герсен, неожиданно ощутив приступ мстительности. — Зовите опекунов!

Мосенсен поднял брови.

— Что? У вас хватает нахальства и на это?

— Здесь никакого нахальства. — Курт злобно усмехнулся. — Просто добропорядочный гражданин помогает полиции в задержании преступника.

— Что вы имеете в виду?

— Есть одно имя, которое мне нужно будет только один раз произнести перед опекунами. Стоит мне хоть раз намекнуть им, что вы и это лицо являетесь сообщниками... Каковы мои доказательства? Этот человек. — Он взглянул вниз, на ошеломленного Тристано. — Он вам знаком?

— Нет. Конечно же я не знаком с ним!

— Но вы же только что опознали его в качестве одного из ваших клиентов!

— Я подумал так, но сейчас вижу, что ошибся.

— Этот человек — профессиональный убийца!

— Вы ошибаетесь, мой ловкий друг, — захрипел Тристано, — я не убийца.

— Луго Тихальта нет в живых, чтобы опровергнуть твое заявление!

Тристано скривил лицо в выражении оскорбленной невинности.

— Мы говорили друг с другом, вы и я — разве вы не помните? — когда этот Тихальт умер.

— В таком случае, ни Даске, ни саркоит не могли убить Тихальта. Кто же еще прибыл с вами на планету Смейда?

— Там были только мы трое.

Герсен изумленно уставился на него.

— Мне трудно поверить этому. Хильдемар Даске сказал Тихальту, что его снаружи ждет Малагате.

В ответ Тристано едва заметно пожал плечами.

Герсен стоял, глядя на него сверху вниз.

— Я уважаю опекунов и их плети. Я не осмелеваюсь убить вас. Но я вполне могу сломать вам еще пару костей. Так что, вполне вероятно, всю оставшуюся жизнь вы будете ходить боком, как краб! Я могу еще растянуть в сторону мышцы ваших глаз, и всю оставшуюся жизнь вы будете смотреть в разные стороны!

Лицо Тристано разгладилось в грустной улыбке. Он тяжело прислонился к стене, безразличный, отупевший от боли.

— С каких это пор операции в Глуши стали называться убийством? — только пробормотал он.

— Кто убил Тихальта?

— Я ничего не видел. Я стоял рядом с вами у двери.

— Но ведь, по вашим словам, вас прибыло на планету Смейда только трое?

Тристано ничего не ответил и закрыл глаза. Герсен подался вперед, сделав быстрый выразительный жест. Тристано открыл глаза и тупо уставился на занесенную над ним руку.

— Кто убил Тихальта?

Тристано покачал головой.

— Больше я ничего не скажу. Лучше мне быть всю жизнь калекой и косоглазым, чем умереть от яда с Саркоя.

— Я могу сам отравить тебя этим ядом!

Герсен подался вперед. Но Мосенсен издал отрывистый срывающийся крик:

— Это невыносимо! Я не допущу этого! У меня будут кошмары! Я не смогу спать!

Герсен зло посмотрел на него:

— Вам бы лучше не вмешиваться в это, сэр!

— Я вызову опекунов! Ваши действия абсолютно незаконны! Вы нарушили законы государства.

Герсен рассмеялся.

— Ну, зовите же опекунов! Мы тогда узнаем, кто нарушил законы государства и кто подлежит наказанию.

Мосенсен стал тереть свои бледные щеки.

— Тогда уходите. Никогда не возвращайтесь сюда, и я ничего никому не скажу.

— Не так быстро, сэр, — произнес Герсен, чувствуя, что у него поднимается настроение. — Вы сейчас в крайне затруднительном положении. Я пришел сюда с совершенно законным делом. Вы же по телефону вызвали убийцу, который напал на меня. Такое поведение вряд ли можно оставить без внимания.

— Вы делаете ложное обвинение, сэр! И я это добавлю к тому, что сообщу опекунам!

Но это было тщетной попыткой испугать Герсена. Он рассмеялся, подошел к Тристано, перевернул его лицом вниз, стащив с него пиджак так, чтобы затруднить движение рукам, и связал их поясом землянина. Со сломанными ногами и связанными руками Тристано не мог сделать ни одного движения. Затем Герсен повернулся к Мосенсену.

— Давайте пройдем в ваш кабинет.

Курт пошел вперед, за ним неохотно плелся Главный контролер. Как только они вошли в кабинет, ноги отказали Мосенсену, и он тяжело плюхнулся в свое кресло.

— А теперь, — сказал Герсен, обращаясь к Главному контролеру, — звоните опекунам.

Мосенсен покачал головой.

— Может быть, лучше не создавать лишних затруднений? Опекуны иногда не слишком благоразумны.

— В таком случае вы обязаны сейчас же сказать все, что мне нужно!

Мосенсен склонил голову.

— Спрашивайте.

— Кому вы звонили по телефону, когда я появился в вашем офисе?

Мосенсен вновь необычайно заволновался.

— Я не могу вам этого сказать! — выпалил он хрипло. — Неужели вы настаиваете на том, чтобы я был убит?

— Опекуны зададут вам этот же самый вопрос, так же, как, впрочем, и многие другие, — засмеялся Герсен. — Так что выкладывайте, да побыстрее!

Мосенсен страдальчески посмотрел направо, налево, вверх.

— Я звонил человеку, — выдавил он из себя, — в «Гранд Томадор Отель». Его имя — Спок.

— Я знаю, что это не так, — сказал Герсен. — Вы лжете. Но я даю вам еще один шанс. Кому все-таки вы звонили?

Мосенсен в отчаянии затряс головой.

— Я не лгу!

— Вы виделись с этим человеком?

— Да. Он высокого роста. У него короткие красные волосы, большая длинная голова, шеи нет совсем. Лицо особенно красного цвета, и он ходит в темных очках с каким-то предохранительным устройством на носу — очень необычным. Похоже, что он, как рыба, лишен любых человеческих чувств.

Герсен кивнул. Мосенсен говорил правду. Описание подходило к Хильдемару Даске.

— А теперь перейдем к самому главному. Я хочу знать, на чье имя зарегистрирован монитор.

Мосенсен покачал головой, обреченно вздохнул и поднялся.

— Схожу за записями.

— Нет! — отрезал Герсен. — Мы пойдем вместе. И, если мы не сможем найти запись, то, клянусь вам, я потребую для вас самого сурового наказания.

Мосенсен устало потер лоб.

— Я вспомнил. Запись здесь. — Он вытащил из стола карточку. — Приморский университет, Авента, Альфинор. Пожертвование номер 291.

— Имени нет?

— Нет. Поэтому ключ вам здесь не сможет помочь. Университет использует еще и кодирование для своих мониторов, причем для

каждого разное. Для этого мы продали им несколько шифровальных устройств.

— Ну и ну! — только и смог вымолвить Герсен, хотя употребление шифраторов с целью пресечения намерений недобросовестных разведчиков вести двойную игру было вполне обычным делом.

В голосе Мосенсена зазвучала нескрываемая ирония:

— Университет, очевидно, продал вам монитор с шифратором без декодирующей карты. На вашем месте я бы пожаловался властям в Авенте.

Герсен принял во внимание то, что подразумевалось в высказывании Мосенсена. Но с этой проблемой придется столкнуться не скоро, особенно, если будет выполнено одно определенное обстоятельство.

— Почему вы позвонили человеку по имени Спок? Он предлагал вам деньги?

Мосенсен жалко кивнул.

— Деньги. И... он угрожал мне. Некоторые необдуманные поступки моего прошлого... — Он сделал неясный жест.

— Скажите мне, Спок знал, что содержимое монитора зашифровано?

— Конечно! Я напомнил ему об этом, но он и сам прекрасно знал обо всем.

Герсен кивнул. Значит, это обстоятельство налицо. Аттель Малагате должен иметь необходимый доступ к декодирующей перфокарте в Приморском университете.

Он на мгновение задумался. Информация быстро накапливалась. Малагате сам убил Тихальта, если верить Хильдемару Даске. Тристано косвенным образом подтвердил это, он выдал гораздо больше ценных сведений, чем собирался. Но он также и запутал ситуацию. Если Даске и отравитель с Саркоя, а также и Тристано прибыли без четвертого лица, то как же можно объяснить присутствие Малагате на планете Смейда? Прибыл ли он одновременно с ними на другом корабле? Возможно, но что-то не похоже...

Мосенсен смотрел на него обеспокоенно, жалко.

— Сейчас я уйду, — успокоительно сказал Герсен. — Вы намереваетесь сообщить Споку о чем мы только что с вами разговаривали?

Мосенсен кивнул и умоляюще произнес:

— Я должен.

— Но вы обязательно должны подождать час. Понимаете — час!

Главный контролер не стал протестовать.

Он мог выполнить или не выполнить пожелание Герсена — скорее всего, нет. Но с этим Герсен ничего не мог поделать. Он повернулся и вышел из комнаты, оставив Мосенсена в состоянии полной растерянности.

Проходя по коридору, Герсен догнал Тристано, который каким-то образом ухитрился подняться, извиваясь и корчась от боли. Теперь

он ковылял по коридору, волоча одну ногу под необычным углом. Он оглянулся и через плечо посмотрел на Курта, и на лице его была все та же безмятежная улыбка, хотя мышцы вокруг рта были сведены судорогой. Герсен приостановился, обдумывая, что же сделать с этим человеком. Было бы разумно и желательно убить его, но при условии, что в это дело потом не вмешается полиция. Это было маловероятно. Поэтому, ограничившись вежливым кивком, он прошел мимо Тристано и вышел на улицу.

Глава 10

«Существует одно характерное качество нашего времени, которое было замечено и по поводу которого сокрушалось большое число современных антропологов. Это — эксцентричность, поскольку никогда прежде не существовало столько разнообразных возможностей и способов жизни. Весьма полезно будет рассмотреть эту возникшую ситуацию, поскольку мы будем неоднократно обращаться к ней на последующих страницах.

Важнейшим фактором человеческой жизни стала бесконечность пространства, пределы, которых никогда нельзя будет достичь, бесчисленное количество еще не обнаруженных планет, короче, Б е з д н а!

Я глубоко уверен в том, что осознание этих внушающих ужас возможностей каким-то образом глубоко запало в человеческое сознание и уменьшило или затормозило человеческую смелость и предприимчивость.

Тут необходимо сделать небольшое уточнение. Предприимчивые люди все же существуют, хотя достаточно досадным является то, что большинство их орудует в Глуши, за пределами Ойкумены, и то, что их предприимчивость не всегда направлена на созидание (утверждение это не является всецело ироническим: многие из самых вредных форм жизни вызывают в некотором роде побочный полезный эффект).

Но в целом честолюбие человечества направлено скорее внутрь, чем наружу, к очевидным целям. Почему? Неужели бесконечность как объект опыта, а не математическая абстракция, обескуражила человеческий ум? Удовлетворены ли мы и подстрахованы знанием того, что дальние пределы Галактики всегда к нашим услугам? Разве современная жизнь уже насытилась слишком богатой диетой из новинок? Мыслимо ли, что Инструкция завладела большим контролем над психологией людей, чем мы предполагаем? Или сыграло свою роль не преходящее ощущение крушения планов, убеждение, что все подвиги совершены, что все имеющие смысл ценности достигнуты?

Несомненно, здесь нельзя дать однозначного ответа. Но следует упомянуть несколько пунктов. Первый — упоминаемый без комментариев — заключается в том, что наиболее влиятельные и эффективные системы наших дней являются частными или наполовину общеизве-

стными ассоциациями. Например, «Интергалактпол», Институция, Корпорация Джарнелла.

Второй — это упадок общего уровня образованности. Крайности очень далеки друг от друга: например, ученые Институции и, скажем, крепостные латифундии на некоторых планетах. Если мы присмотримся к жизни людей в Глуши, за пределами Ойкумены, то поймем, что поляризация здесь еще более отчетлива. Имеются очевидные причины такого упадка. Первопоселенцы находились среди чуждого и зачастую враждебного окружения. Они прежде всего заботились о выживании. Возможно, еще более устрашающим фактором является неуправляемая масса накопленных знаний. Тенденция к специализации началась в современную эпоху, а после прорыва в космос, явившегося результатом этого информационного взрыва, специализация стала еще более узкой.

Возможно, уместно рассмотреть как живет человек, который стал специалистом нового времени. Он живет в век материализма, где абсолютными истинами интересуется относительно небольшое число людей, он человек с налетом очарования, остроумный, искушенный в житейских делах, но не глубокий. У него нет абстрактных идеалов. Полем его деятельности, если он ученый, может быть математика или одна из областей физики, однако в сотню раз вероятнее, что это будет сфера, которую называют гуманитарной: история, социалогия, эстетика, символистика, сравнительные науки, антропология, наука о наказаниях — пенология, педагогика, связь, администрирование, не говоря уже о трясине психологии, уже истоптанной поколениями неучей, и до сих пор еще не исследованной бездне псионики.

Существуют еще и те, кто, подобно автору этих строк, устраивается уютно под грозящим рухнуть утесом всеведения и с торжественными заверениями в своем смирении возлагает на себя бремя оценки, похвалы, дискредитации или обличения своих современников. Дело в том, что в большинстве случаев это делать легче, чем копать канавы».

(Предисловие к книге Яна Хольберта Вэнна 62-го «Ойкуменя».)

«На каждой планете имеется своя особая атмосфера (я имею в виду атмосферу психологическую). Эту точку зрения подтверждают десять исследователей. Исаак Хенадэй объявил пари, что если ему завяжут глаза и увезут на любую из планет Ойкумены любо прилегающих районов Глуши, то он правильно назовет эту планету тотчас же после того, как повязку снимут с глаз. Каким образом это ему удастся? С первого взгляда это кажется непостижимым. Хенадэй признается, что сам не знает, чем он руководствуется. «Я просто поднимаю нос, обозреваю небо, делаю несколько прыжков — и ответ приходит сам собой».

Разумеется, объяснение Хенадэя лукаво и причудливо. Наши органы чувств несомненно намного более остры, чем мы предполагаем. Химический состав воздуха, цвет солнечных лучей с неба, кривизна и

удаление горизонта, сила тяжести — все это, по-видимому, перерабатывается в нашем мозгу, чтобы слиться в некий вывод, так же как выражение глаз, нос, рот и уши создают впечатление индивидуального лица.

И мы еще не упомянули о флоре и фауне, изделиях туземцев или людей с Земли, различный вид солнца или нескольких солнц...»

(Из книги Оскара Андерсона «Десять исследователей. Изучение типа».)

«По мере взросления общества борьба за существование незаметно перерождается, начинает идти в другом направлении и становится тем, что может быть определено как поиск наслаждения. Это утверждение, в общем-то, не блещет новизной. Тем не менее, как обобщение, оно содержит обширный диапазон различных понятий. Автор полагает, что животрепещущей темой для диссертации могло бы быть исследование различных ситуаций «окружение-выживание» и различные типы наслаждений, вытекающие из них. При небольшом размышлении кажется вполне возможным, что нехватка чего-либо, принуждение или опасность создают соответствующее психическое напряжение, требующее различного удовлетворения».

(Из монографии «Жизнь» барона Анопика издательства «Айс Кук», 1064 г.)

Герсен возвратился на вокзал подземной дороги в Сансонтиане. Он извлек монитор, проверил ключ. К его удовольствию, замок вращался легко — ящик тут же открылся.

Внутри не было ни взрывчатки, ни кислоты. Курт извлек небольшой цилиндр, содержащий нить, используемую для записи информации. Затем он вошел в почтовый киоск и отправил цилиндр самому себе в «Отель Креденца» [illegible] Альфиноре. Он сошел с поезда в Киндьюне и без особых осложнений покинул космопорт в своем корабле.

Когда на фоне темного диска Альфинора уже можно было различить все семь материков, Герсен переключил автопилот в режим автоматической посадки в космопорте Авенты. Не обнаружив признака врагов на стоянке, он спокойно отправился в здание космовокзала и за завтраком стал обдумывать план своих дальнейших действий. Возможный план проистекал из последовательности логических рассуждений, в которых он не обнаруживал какой-либо ошибки:

А. Монитор Луго Тихальта был зарегистрирован на имя Приморского университета.

Б. Инфомация, записанная на нити монитора, была зашифрована и доступна только при наличии расшифровывающей перфокарты.

Г. Судя по словам Луго Тихальта, Аттель Малагате был его настоящим поручителем (факт, который Луго впервые, по-видимому, осознал в Кринктауне. Неосторожность Хильдемара Даске?

Принимая во внимание все обстоятельства, Герсен решил, что Малагате, вероятно, до сих пор считает свое инкогнито нераскрытым. Малагате хочет завладеть монитором и его содержимым и, следовательно, должен иметь доступ к расшифровывающей перфокарте.

Д. Следовательно, направлением деятельности Герсена должно быть:

— определить круг лиц, имеющих доступ к перфокарте;

— изучить, кто из них соответствует ряду условий, согласующихся с личностью и деятельностью Малагате. Кто из них, например, отсутствовал достаточно долгое время, чтобы посетить планету Смейда?

«Простота и логичность», — подумал Герсен. Все правильно. Но вот осуществление этого плана может оказаться совсем не простым делом. Он не отваживался возбудить опасения со стороны Малагате. В некоторых отношениях то, что он располагал записями Тихальта, обеспечивало его безопасность. Однако, если Малагате почувствует личную угрозу, у него не будет особых трудностей в организации убийства.

Пока что у Малагате нет причин бояться разоблачения, и было бы безрассудно разубеждать его в этом.

Инициатива, во всяком случае, до сих пор находится в его руках, поэтому не стоит спешить очертя голову...

Его внимание отвлеклось. В кабинке поблизости сидела пара хорошеньких девушек, которые, очевидно, пришли на вокзал встретить кого-либо из друзей или просто чтобы повидаться друг с другом. Герсен тоскливо созерцал их, сознавая, уже не в первый раз, некоторую пустоту в своей жизни и испытывая чувство неудовлетворенности, мучительного дискомфорта. У этих двух девушек вряд ли было что-нибудь на уме, кроме удовольствий и развлечений. Одна из них покрасила волосы в цвет зеленой листвы и придала своей коже нежно-салатный оттенок. На другой сверкал парик из лиловых металлических стружек, а цвет кожи поражал мертвенной бледностью. Ее лоб была лихо надвинута витиеватая шляпка из серебристых листьев и завитков.

Герсен испустил глубокий вздох. Без сомнения, он вел мрачное, унылое существование. Стоило лишь вспомнить прошлые годы, как одни и те же сцены возникали перед ним: другие дети играли, в то время как он, довольно худой мальчик с серьезным лицом, наблюдал за ними на расстоянии. Он испытывал только интерес и удивление, глядя на чужое веселье, никогда не ощущая желания очутиться на месте других детей. Дед его видел это...

Одна из девушек в кабинке заметила пристальный взгляд Курта и что-то шепнула подруге... Обе взглянули через проход, а затем нарочито перестали обращать на него внимание. Герсен жалко улыбнулся. Он не чувствовал себя уверенным в обращении с девушками, немногих он знал достаточно близко. Он нахмурился, осторожно, искоса поглядывая на них. Вполне возможно, что Малагате послал их отвлечь

его внимание. Любопытно. Почему же тогда двух? Но тут девушки встали и вышли из ресторана, и каждая быстро и незаметно взглянула на него.

Курт наблюдал за их уходом, из всех сил сопротивляясь внезапному побуждению побежать за ними, представиться, сделать их своими друзьями... А что бы он сказал им? Он представил себе, как два хорошеньких лица будут сначала ошарашены, потом смущены, пока он будет стоять, делая неудачные попытки снискать их расположение. Девушки ушли. Ну и хорошо, подумал Герсен, наполовину забавляясь, наполовину сердясь на себя. И все же, к чему обманываться? Вести жизнь получеловека было трудно, это и было источником его неудовлетворенности. Обстоятельства его жизни не предоставляли возможностей для ухаживания за девушками.

Однако зачем все это? Он знал цель своей жизни, и он был превосходно подготовлен для выполнения этой, и только этой, миссии. У него не было ни сомнений, ни колебаний — все цели были четко определены. Внезапная идея потревожила ровный поток его мыслей. Кем бы он мог стать, не будь этой ясной цели? Возвращаясь вновь и вновь к этой теме, Герсен начал ощущать себя духовно несовершенным. Ни один из периодов его жизни не протекал под знаком его собственной свободной воли. У него не было никаких сомнений в важности того, чему он посвятил свою жизнь, не об этом он думал сейчас. Но ведь нельзя ставить перед человеком какие-либо цели, пока он не узнал мир до такой степени, чтобы самому выносить то или иное суждение, взвешивать свои собственные силы и принимать собственные решения. Ему не дали возможности выбора. Решение было принято, он согласился с ним...

Что же тогда мучает его, в чем дело? А в том, что он будет делать потом, если преуспеет в достижении своей цели. Шансы на это, конечно, были невелики. Но предположим, что смерть настигнет всех пятерых, что тогда ему останется в жизни? Несколько раз, прежде всего в своих умозаключениях, он доходил до этой точки, но, повинуясь какому-то подсознательному предупреждению, он никогда не заходил дальше. Не позволил себе этого и сейчас. Завтрак окончен. Девушки, которые послужили толчком к этим грустным мыслям, сами убрались восвояси. Очевидно, они и не думали быть агентами Малагате.

Курт посидел за столиком еще несколько минут, обдумывая, как получше приступить к выполнению своей задачи, и снова, как обычно, решил действовать напрямик.

Он вошел в кабину связи, и его соединили со справочным бюро Приморского университета в пригороде Ремо, в десяти милях к югу отсюда.

Сначала на телеэкране мелькнула эмблема университета, затем появилась обычная надпись: «Говорите, пожалуйста, отчетливо!» Одновременно с этим записанный на пленку голос спросил:

— Чем мы можем вам служить?

Герсен сказал невидимому секретарю:

— Мне нужны сведения, касающиеся исследовательских работ университета. Какой отдел ведет исследования непосредственно в Глуши?

Экран прояснился, и на нем появилось тонированное золотистым цветом лицо молодой женщины с пышными светлыми волосами.

— Все зависит от рода исследований!

— Они связаны с пожертвованием номер 291.

— Одну минуту, сэр, я постараюсь навести справки.

На экране появился электронный занавес, продержался несколько минут, а затем лицо женщины появилось снова:

— Я соединяю вас с факультетом Галактической морфологии, сэр.

Теперь на Герсена смотрела другая секретарша. У этой молодой девушки было лукавое лицо с острыми чертами, длинненький милый носик и перламутрово-серебристый цвет кожи. Прическу ее составлял темный нимб из десяти тысяч узких, покрытых лаком, торчащих косичек.

— Галактическая морфология слушает вас, сэр.

— Я хочу справиться относительно пожертвования номер 291, — решительно сказал Герсен.

Девушка на мгновение задумалась.

— Вы имеете в виду именно само пожертвование?

— Размер, порядок расходования, кто следит за этим.

Лукавство на лице девушки сменилось подозрительностью.

— Я не так уж много могу сообщить вам, сэр. Из этого фонда финансируется наша исследовательская программа по Глуши.

— Я особенно интересуюсь разведчиком по имени Луго Тихальт, работа которого финансировалась именно из этого фонда.

Девушка покачала головой.

— Мне ничего не известно об этом человеке. Мистер Деттерас мог бы поговорить с вами; если вы говорите, что этот разведчик работал на нас, то мистер Деттерас наверняка сможет вам чем-то помочь, но сегодня свидание с ним уже невозможно.

— Мистер Деттерас нанимает разведчиков?

Девушка подняла брови и прищурила глаза. У нее были очень подвижные черты лица; широкий рот, весело изогнутый вверх в уголках. Герсен с восхищением смотрел на нее.

— Я не слишком много знаю о подобных вещах, сэр. Мы, конечно, участвуем в Главной Исследовательской Программе. Однако наша доля участия финансируется не из фонда номер 291. Мистер Деттерас является начальником исследований, он мог бы сообщить вам все, что вы хотите узнать.

— Есть ли в отделе еще кто-нибудь, кто мог бы принять на работу разведчика, используя фонд 291?

Девушка задумчиво взглянула на Герсена, не понимая причин его повышенного интереса.

— Вы служите в полиции, сэр? — робко поинтересовалась она.

Герсен рассмеялся.

— Нет. Я друг мистера Тихальта и пытаюсь завершить кое-какие его дела.

— О! Хорошо. Есть еще мистер Келле, который является председателем совета по планированию исследований. Кроме того, вам может помочь еще и мистер Уорвин, почетный ректор, который также делал пожертвования в фонд 291. Мистер Келли ушел и до утра его не будет, у него завтра выходит замуж дочь, и он сейчас очень занят.

— А как насчет мистера Уорвина? Я могу его видеть?

— Сейчас посмотрю. — Она наклонила голову, рассматривая расписание встреч. — Он занят до трех часов, а затем у него свободный час для посещения студентами или лицами, которым он время не назначил.

— Это вполне устроило бы меня, если только...

— Соблаговолите назвать свое имя, — скромно сказала девушка, — и я поставлю его первым в списке. Вам тогда не придется ждать в том случае, если будет много посетителей.

Герсена приятно удивила ее заботливость. Он взглянул на ее лицо и еще больше удивился, заметив, что она улыбается ему.

— Это так любезно с вашей стороны. Мое имя Курт Герсен.

Он смотрел, как она записывает его имя. Казалось, что девушка не особенно торопится прекратить свой разговор. Он спросил:

— А что делает почетный ректор? Каковы его обязанности?

Она пожала плечами.

— По сути дела, я мало что знаю. Он приходит и уходит. Я думаю, что он делает только то, что хочет. Всякий, кто богат, делает только то, что хочет. Подождите, пока я разбогатею.

— Еще одно, — сквозь смех сказал Герсен. — Вы хорошо знакомы с порядком работы отдела?

— Могу сказать, что да, — девушка в ответ тоже рассмеялась. — Если, конечно, говорить хоть о каком-то порядке.

— Записи в мониторах разведчиков шифруются. Вам говорили об этом?

— Да, мне это известно.

Девушка определенно говорила с Герсеном так, как будто он был живым человеком, а не просто лицом на телеэкране. «Да, она действительно очень хороша, — подумал Курт, — несмотря даже на свою экстравагантную прическу». Он определенно слишком долго пробыл в космосе. Ему с большим усилием удавалось сохранить спокойный вид.

— Кто занимается расшифровкой? Кто заведует шифрами?

На лице девушки снова возникло сомнение.

— Во-первых, мистер Деттерас. Возможно, что и мистер Келле.

— Вы не могли бы узнать поточнее? Это очень важно.

Девушка заколебалась, внимательно вглядываясь в лицо Герсена. Разумнее было бы отказаться отвечать на вопросы, мотивы которых она не могла выяснить. И все же — что тут плохого? Человек, который расспрашивал ее, казался интересным: задумчивым и печальным, и немного таинственным. И определенно, далеко не урод, даже красив в своем роде.

— Я могу спросить у секретарши мистера Деттераса, — сказала она оживленно. — Вы можете подождать?

Экран потемнел и снова загорелся только через минуту.

Девушка улыбнулась Герсену:

— Я была права. Мистер Деттерас, мистер Келле и мистер Уорвин — единственные люди, которые имеют доступ к дешифрующим перфокартам.

— Понятно. Значит, так... Мистер Деттерас — начальник отдела исследований, мистер Келле — председатель комитета по планированию исследований и мистер Уорвин ... кто?

— Почетный ректор! Ему присвоили этот титул, когда он облагодетельствовал наш отдел пожертвованием 291. Это очень состоятельный человек, и он очень интересуется исследованиями космоса. Он часто отправляется за пределы Ойкумены... Вы когда-нибудь бывали там?

— Только что возвратился.

Она подалась вперед, на ее лице появилось выражение неподдельного интереса.

— Действительно ли в Глуши все так дико и опасно, как все болтают?

Герсен оставил всякую осторожность и ответил неожиданной дерзостью, которая озадачила его самого:

— Давайте поедем вместе со мной, и вы сами убедитесь, где правда и где ложь.

Девушку, казалось, такое предложение нисколько не смутило. Но она покачала головой.

— Я пуглива. Меня научили не доверять незнакомым людям, особенно тем, которые только что возвратились из Глуши. Может быть, вы работорговец и намерены потом продать меня в рабство.

— Что ж, — согласился Герсен, — и такое случается. Здесь, пожалуй, безопаснее.

— Но с другой стороны, — кокетливо продолжала девушка, — кому охота всю жизнь оставаться в безопасности?

Герсена охватила нерешительность. Девушка смотрела на него, как само воплощение соблазна. «Что ж, а почему бы и нет?» — спросил он себя.

— В таком случае — раз уж вы решились на риск — пожалуй, вы могли бы провести вечер со мной.

— С какой целью? — Девушка внезапно стала серьезной. — Угодить в рабство?

— Нет! Просто посидеть и поболтать. Какой бы вам хотелось.

— Это так неожиданно. Я даже еще не встречалась с вами лицом к лицу.

— Да, вы правы, — согласился Курт, вдруг смутившись. — Вы уж извините меня, я не очень-то хорошо воспитан.

— Ну что вы, что плохого в вашем предложении? Я сама очень импульсивна... Во всяком случае, так обо мне говорят.

— Я полагаю, что это в основном зависит от обстоятельств.

— Вы только-только из Глуши, — великодушно промолвила девушка. — Поэтому, я полагаю, вас можно извинить.

— Значит, мы договорились?

Она сделала вид, что усиленно размышляет над его предложением.

— Хорошо. Попробую. Но где мы встретимся?

— В три часа дня я буду у мистера Уорвина, тогда мы и договоримся. Идет?

— Моя работа заканчивается в четыре... Так вы точно не работорговец?

— Я даже не пират!

— Значит, вы не очень предприимчивы, так мне кажется... Впрочем, я подожду с окончательными выводами, пока не узнаю вас лучше.

Глава 11

На сотню миль к югу от Авенты простирался широкий песчаный пляж. До самого Ремо и даже чуть дальше, прямо на обрывах, окаймлявших пляж, теснились многочисленные виллы, построенные из яркого ракушечника.

Герсен нанял автомобиль — небольшой глайдер — и направился на юг над широкой белой магистралью, вздымая неизбежные клубы пыли. Дорога шла точно вдоль берега, повторяя все его изгибы.

Ремо располагался у подножия одного из холмов. Несколько пирсов, в конце которых стояли казино с высокими куполами, образовывали гавань, наполненную небольшими лодками. Университет занимал вершину холма: ряд низких зданий с плоскими крышами, соединенных между собой сводчатыми галереями.

Герсен зарулил на стоянку на университетском дворе, опустил глайдер и вышел из него. Здесь он спросил у одного из студентов, как ему найти факультет Галактической морфологии.

— Факультет морфологии? — переспросил юноша и, немного подумав, ответил: — Через четыре здания отсюда, в том дальнем углу, сэр.

Уныло размышляя над почтительным «сэр», которое он только что услышал от человека, моложе его лет на семь, Герсен прошел через парк, пробираясь через многочисленные пестро одетые толпы студентов. Возле портала он остановился, остро ощущая неуверенность или нерешительность, которые он все время пытался отогнать от себя по дороге в университет.

Ему стало смешно. Разве он школьник, чтобы перспектива провести вечер с незнакомой девушкой повергла его в такой трепет? И, что было еще более удивительным, казалось, что душевное волнение отодвигает на второй план главную цель его существования! Он раздраженно пожал плечами, входя в вестибюль. Сидевшая за столом девушка подняла глаза, и в них Герсен увидел такую же нерешительность, какую чувствовал сам. Она была меньше и стройнее, чем он представлял себе, но от этого она не становилась менее привлекательной.

— Мистер Герсен?

Курт постарался улыбнуться как можно более ободряюще.

— Так уж случилось, что я не знаю вашего имени.

Лицо ее несколько смягчилось.

— Меня зовут Паллис Атроуд.

— Ну вот, с формальностями покончено, — засмеялся Герсен. — Надеюсь, что наша договоренность все еще в силе?

Она кивнула и произнесла:

— Если вы только сами не передумаете.

— Ну уж нет, ни за что.

— Сегодня я что-то смелее, чем обычно, — сказала Паллис и застенчиво опустила глаза. — И вы знаете, почему? Просто я решила не обращать никакого внимания на свое воспитание. Моя мать — женщина-ученый, «синий чулок». Вероятно, самое время, чтобы я начала компенсировать то, что упустила раньше.

— Это начинает меня беспокоить, — иронически покачал головой Герсен. — Дело в том, что я сам не очень-то смел, и если мы начнем состязаться с вами в компенсации упущенного...

— Я не имела в виду ничего дурного, говоря о компенсации. Я не собираюсь курить наркотики или пить не в меру, или... — Она запнулась.

— Или?

— Ничего. Так просто «или».

Герсен посмотрел на часы.

— Мне все-таки хотелось бы встретиться с мистером Уорвином.

— Его кабинет чуть дальше по коридору. И, мистер Герсен...

— Да?

— Сегодня я сказала вам кое-что, чего, кажется, не следовало бы говорить. Я имею в виду разговор о шифре. Это должно быть тайной. Вы только не сообщайте об этом мистеру Уорвину. А то у меня могут быть неприятности.

— Я ничего не скажу об этом.

— Спасибо.

Он повернулся и пошел по коридору.

Через три двери он увидел надпись люминисцентными голубыми буквами: «ДЖАЙЛ УОРВИН» и чуть пониже: «Ректор».

Курт остановился, потрясенный неуместностью пребывания Малагате-Горе в такой обстановке. Может быть, в цепи его логических умозаключений где-то вкралась ошибка? Монитор был снабжен шифратором, автопилот зарегистрирован в том университете. Хильдемар Даске, главный из приспешников Малагате, рвался к содержимому компьютера, которое было бесполезно без соответствующей дешифровки. Джайл Уорвин, Деттерас и Келле были теми тремя людьми, которые имели доступ к дешифратору, и один из них вполне мог быть Малагате! Так кто же: Уорвин, Деттерас или Келле? Предположения без фактов бесполезны. Он должен опираться только на происшедшие события. Ну что ж, пожалуй, начнем с Уорвина.

Решительно шагнув вперед, Курт открыл дверь.

В приемной стояла высокая худая женщина средних лет с проницательными глазами (удивительно несимпатичная, отметил Герсен), которая со скучающим видом слушала несчастного на вид молодого человека, медленно, непрерывно кивая головой в такт его словам.

Остановив готового высказаться Герсена взмахом руки, она обратилась к своему собеседнику неожиданно высоким, чистым голосом:

— Я не могу беспокоить ректора, допустив вас к нему с вашими необоснованными жалобами. Вы ведь сами знаете, что эти часы приема являются простой формальностью и выделены они только для того, чтобы успокоить студентов.

— Но для чего же тогда ректор? Что, черт возьми, он тогда делает?

Дама сделала строгие глаза, и студент поспешил извиниться за свою грубость.

— У ректора сейчас приемные часы, — продолжал юноша. — Почему же он не может сейчас выслушать мою версию?

Женщина покачала головой.

— Извините, — она отвернулась от него и спросила: — Вы мистер Герсен?

Курт кивнул головой и подошел поближе.

— Мистер Уорвин ждет вас. Прошу вас, вот в эту дверь.

Когда Герсен вошел в кабинет, сидевший за столом Джайл Уорвин поднялся — высокий, крепкий, ладно скроенный мужчина — скорее всего, лет на десять — пятнадцать старше Герсена. Волосы его лежали на голове пышной массой черных локонов, окраска кожи была скромной — светло-коричневой. Чрезвычайно выразительное лицо, глаза узкие, глубоко посаженные, черные, задумчивые; жесткие контуры носа и подбородка придавали ему мужественный вид. Он приветствовал Герсена со сдержанной вежливостью.

— Мистер Герсен, садитесь поудобнее. Я рад нашему знакомству.

— Спасибо.

Герсен осмотрелся. Комната была по размерам больше, чем обычный кабинет, стол занимал необычное положение слева от двери. Высокие

окна справа выходили на квадратный двор, противоположную стену покрывали сотни карт, представляющих из себя меркаторские проекции многих миров. В дальнем конце комнаты, на подставке из полированного дерева, стояло какое-то сооружение из камня и металлических спиралей, происхождения которого Герсен определить не смог. Он сел и перевел свое внимание на человека за столом.

Джайл Уорвин с трудом укладывался в представление Герсена о типичном университетском администраторе. Это, конечно, было бы правильным, подумал Герсен, если бы под именем Уорвина скрывался Малагате. Противореча очевидной скромности окраски своей кожи, Уорвин оделся в богатый ярко-синий костюм с белым поясом и белыми кожаными наколенниками. На ногах у него были бледно-голубые сандалии. Такая одежда больше подходила бы какому-нибудь молодому щеголю из Авенты. Герсен почувствовал, что какие-то воспоминания шевельнулись в глубинах его памяти, что нечто подобное он уже видел, но затем смутная мысль ускользнула. Уорвин смотрел на Герсена с таким откровенным любопытством, что Курт почувствовал сильную неловкость. В этом любопытстве явно сквозила нотка снисходительности. Герсен определенно не походил на денди. На нем была нейтральная одежда человека либо не интересующегося модой, либо неосознающего ее, неокрашенная кожа (идя по улицам Авенты, Герсен чувствовал себя почти раздетым), густые темные волосы причесаны гладко, без затей.

Уорвин вежливо ждал.

— Я здесь, мистер Уорвин, — начал Герсен, — в связи с одним весьма запутанным делом.

На лице почетного ректора возникла гримаса удивления.

— О своих мотивах я говорить не собираюсь, — продолжал Герсен, — поэтому я прошу выслушать меня, не беспокоясь о том, что двигало мной в этом деле.

Уорвин кивнул.

— Хоть это и довольно трудно, но я попытаюсь.

— Прежде всего, вы знакомы с Луго Тихальтом?

— Нет, не знаком, — ответ был быстрым и решительным.

— Можно спросить, кто отвечает за проведение университетской космической программы исследований?

Уорвин задумался.

— Вы имеете в виду главные экспедиции или пристрелки, или, быть может, что-то особое?

— Любую программу, при выполнении которой пользуются услугами разведчиков на отдельных кораблях.

— Гм... — пробормотал Уорвин и насмешливо посмотрел на Герсена. — Вы, наверное, разведчик и ищете работу? Если это так, то...

Герсен вежливо улыбнулся.

— Нет, я не ищу работу.

Теперь уже улыбнулся Уорвин, хотя и весьма невесело:

— Нет, конечно же нет. Я не очень-то искушен в людях. Например, ваш голос мало о чем мне говорит. Но, наверное, вы не уроженец Скоплений?

— Почти всю свою жизнь я провел на Земле.

— Да ну! — Уорвин поднял брови в наигранном удивлении. — Здесь, вы знаете, мы думаем о землянах с точки зрения теоретиков — как о культистах, мистиках, гиперболизованных никчемностях, зловредных стариках в черных одеждах Институции, аристократах-декадентах...

— Я не принадлежу к какой-либо определенной группе.

— Хорошо, мистер Герсен. Вы спрашиваете о наших взаимоотношениях с разведчиками. Прежде всего, мы сотрудничаем с большим количеством других учреждений, выполняя Главную Программу Космических Исследований. Во-вторых, у нас есть небольшой фонд, который мы можем расходовать на проведение в жизнь некоторых специальных проектов.

— То есть пожертвование номер 291?

Уорвин склонил голову в знак краткого согласия.

— Очень странно, — покачал головой Герсен.

— Странно? Что вас так удивляет? — сделал большие глаза Уорвин.

— Луго Тихальт был разведчиком. Монитор на борту его корабля принадлежал вашему университету и был приобретен на деньги из фонда 291.

Уорвин поджал губы.

— Вполне возможно, что мистер Тихальт работал на начальника одного из отделов, выполняя какое-нибудь задание.

— Монитор Тихальта снабжен шифровальным устройством. Это должно сузить возможности.

Уорвин пронзил Герсена суровым взглядом своих черных глаз.

— Если бы я знал, что вы хотите узнать, я мог бы сказать больше по интересующему вас вопросу.

Герсен подумал, что он ничего не потеряет, рассказав то, что ему известно. Если Джайл Уорвин и есть Малагате, то ему уже известно обо всем, что произошло. Если же нет, то не будет никакого вреда, если он и узнает.

— Вы слышали когда-нибудь такое имя, как Аттель Малагате?

— Малагате-Горе? Один из так называемых Демонов Тьмы?

— Луго Тихальт обнаружил планету с, по-видимому, идиллическими условиями — планету, буквально не имеющую цены. Планету, в большей степени похожую на Землю, чем сама Земля. Малагате узнал об этом открытии. Каким образом, не знаю. В любом случае не менее четырех людей Малагате вышли за ним на охоту в таверне Смейда. Тихальт прибыл на планету Смейда почти в одно время со мной. Он сел в укромной долине и пешком пришел в таверну.

Вечером прибыли люди Малагате. Тихальт попытался скрыться, но они поймали его в темноте и убили. Затем они отбыли на моем корабле, посчитав, по-видимому, что это корабль Тихальта. Они были одинаковыми, старой модели 9В. — Герсен засмеялся. — Когда они проверили мой монитор, их ждал неприятный сюрприз. На следующий день я отбыл на корабле Тихальта. Естественно, я завладел его монитором. Я намерен продать содержащуюся в нем информацию по самой дорогой цене, которую только могут позволить себе покупатели.

Уорвин кивнул, передвинув лист бумаги на своем столе на дюйм влево. Герсен внимательно следил за его действиями, за этими безупречными руками с отполированными до блеска ногтями.

— И с кого же вы предполагаете содрать эту цену?

Герсен пожал плечами.

— Я представлю первую возможность поручителю Тихальта. Как я уже только что сообщил, информация зашифрована и совершенно бесполезна без дешифрующей перфокарты.

Уорвин откинулся назад в своем кресле.

— Так сразу я не могу сказать, кто заключил контракт с этим ... Тихальтом. Но должен вам сказать, что, кто бы ни оказался этим поручителем, он не станет покупать кота в мешке.

— Естественно, не станет. Но у меня есть кое-что интересное для этого человека.

Глава 12

«...Итак, до сих пор еще не утихли страсти по поводу одной странной особенности эволюционного развития в Галактике. С начала первых долгих межзвездных путешествий человечество столкнулось с величайшей загадкой, которая до сих пор так и не раскрыта. Оказалось, что в сфере радиусом в десять световых лет от Земли на всех планетах кислородного типа существует жизнь, во всех подробностях аналогичная земной. Одно отличие заключалось в том, что нигде больше в этом районе не было открыто ни одной другой разумной расы,

В последующем выяснилось, что вся Галактика пронизана такими сферами с определенной базовой планетой в центре, не обязательно кислородного типа. И если на базовой планете существовала кремний-органическая жизнь, то во всей сфере этого радиуса жизнь с другим метаболическим циклом или же просто не существовала, или находилась в крайне угнетенном состоянии. Это не значит, что, кроме Земли, не было других центральных планет с кислородной жизнью — были, и порой на них господствовали другие виды. Но если уж там обосновались человекоподобные, то их генный код во всех подробностях был настолько идентичен виду «хомо сапиенс», что вскоре после того, как на планете земного типа Джарнелл, в сфере Джарнелла была

раскрыта тайна расщепления пространства и возможность путешествия в пространственно-временном континиуме, стало очень трудно идентифицировать базовую принадлежность гуманоида.

Взаимоотношения гуманоидов с другими разумными расами довольно сложны. Практически все делают вид, что, кроме них, во всей Галактике больше не существует разумных рас, но в то же время все стараются не попадать в сферы влияния других разумных видов. Поэтому под понятием Ойкумена понимается не определенный район Галактики, а сферы влияния гуманоидов, иногда разбросанных на расстояние в несколько сот световых лет друг от друга...»

(Из книги Кейта Олафсона Трика-младшего «Нераскрытые тайны Вселенной», 1062 г.)

«Вопрос: Что вы можете сказать о циклопических сооружениях на Троне, планете, входящей в сферу влияния Джарнелла?

Ответ: Ничего более того, что уже и так общеизвестно.

Вопрос: Правда ли, что недавнее открытие археологов позволило сделать предположение, что эти таинственные монументы были воздвигнуты некой працивилизацией?

Ответ: Что вы имеете в виду?

Вопрос: Я говорю о работах двух археологов — землянина Эрика Теросяна и тронца Яска Реу.

Ответ: Что же в работах этих двух ученых позволило вам сделать такой вывод? Да, эти работы очень интересны. Согласен, что некоторые нюансы, замеченные ими при систематизации многочисленных данных по археологическим раскопкам на Троне, позволили сделать еще один шаг в деле раскрытия загадки распространения жизни в Галактике. Но связывать это с працивилизацией? Не кажется ли вам, что это чистейшей воды фантастика?

Вопрос: Разве? Но ведь легенды о древних цивилизациях входят в фольклор всех разумных рас Галактики, как типа «хомо сапиенс», так и негуманоидных. Причем здесь не имеет значения, на каком химическом элементе основана жизнедеятельность этой расы. Возьмите хотя бы легенды о звездных пришельцах в древней истории Земли. А легенды о небесных помощниках на планетах системы Ронкс? А как вы объясняете тот факт, что практически на всех планетах Галактики, где разумные существа продвинулись по пути развития дальше первобытнообщинного строя, есть сооружения, в той или иной форме приближенные к пирамидам?

Ответ: Думаю, что это простое совпадение.

Вопрос: О каком совпадении может идти речь, если психология некоторых рас Галактики столь отлична от общечеловеческой?

Ответ: И все же я лично убежден, что это просто совпадение...»

(Из интервью Мака О'Флайа, доктора естественных наук, ректора Нью-Оксфордского университета планеты Джуке.)

Герсен выложил фотографию на стол. Уорвин взглянул на нее. На дальней стене вспыхнул всеми цветами экран. Тихальт сделал этот снимок с одной из возвышенностей близко к боковой стороне долины. С обеих сторон на снимке были видны уходящие вдаль холмы с закругленными вершинами.

С одной стороны долины росли рощи высоких темных деревьев, по лугу бежала речка, берега ее поросли кустарником. На дальнем конце луга, почти в тени леса, стояли заросли цветущего кустарника. Солнца не было видно, но солнечный свет был золотисто-белым, теплым и спокойным. Съемка, скорее всего, происходила в полдень.

Уорвин долго изучал снимок, затем издал неопределенный звук. Герсен выложил еще одну фотографию. Теперь на экране возник несколько другой вид долины: река, извиваясь, в конце концов исчезала где-то вдали. С обеих сторон стояли высокие деревья, образующие нечто вроде просеки, также уходившей в туманную даль.

Уорвин тяжело вздохнул:

— Бесспорно, красивая планета. И похоже, что она гостеприимная. А как насчет атмосферы и биогенеза?

— Совершенно идеальные, судя по словам Тихальта.

— Если она, как вы сказали, необитаема и еще не нанесена на карты, то независимый разведчик мог бы заломить любую цену за информацию о ней. Но все же, поскольку я не вчера родился, могу также сказать, что такую фотографию можно сделать где угодно, даже на Земле, где растительность очень похожа на эту.

Вместо ответа Герсен вытащил третью фотографию. Уорвин вставил ее в кадр. На экране возник, снятый с расстояния в семь метров, один из предметов, которые на первой фотографии напоминали цветущий кустарник.

На фотографии было изображено грациозно шагающее существо, очень напоминающее гуманоида. Стройные серые ноги поддерживали серое, серебристое, голубое, зеленое туловище. Пурпурно-зеленые глаза смотрели с яйцевидной головы, которая других особых черт не имела. Из плеч вырастали руки, которые, переплетаясь, поддерживали похожее на павлиний хвост опахало с листьями.

— Это создание, как бы его там...

— Тихальт назвал их дриадами.

— ...безусловно, уникально. Я ничего подобного прежде не видел! Если снимок не является подделкой — я сам-то не очень верю, что это подделка, — то эта планета именно такова, как вы заявили.

— Я не делал никакой заявки. Заявку сделал Тихальт. Эта планета — так он сказал мне — настолько прекрасна, что он больше не мог ни оставаться на ней, ни покинуть ее.

— И записями Тихальта теперь владеете вы?

— Да. И я хочу продать их. Рынок положительно ограничен только теми лицами, которые имеют свободный доступ к дешифратору. Из них поручитель Тихальта должен иметь право первенства.

Уорвин долго изучающе смотрел на Герсена.

— Такое дон-кихотство озадачивает меня. На вид вы не кажетесь дурным человеком.

— Судить надо по поступкам, а не по впечатлению.

Уорвин надменно поднял бровь и сказал:

— Предположим, что я мог бы предложить за содержимое монитора, ну, скажем, две тысячи СЕВов сейчас и еще десять тысяч после проверки планеты. Ну, может быть, чуть больше.

— Естественно, что я стараюсь получить как можно большую сумму денег, — сказал Герсен. — Но я хотел бы все-таки сначала поговорить с мистером Келле и мистером Деттерасом. Один из них должен быть поручителем Тихальта. И если никто из них не проявит к этому интереса, то тогда...

— Зачем вы хотите втянуть в это дело еще двоих?

— Кроме вас, только эти двое имеют свободный доступ к дешифратору.

— Могу ли я спросить, откуда вам известно об этом?

Вспомнив просьбу Паллис Атроуд, Герсен ощутил угрызения совести.

— Я спросил у одного молодого человека во дворе университета. По-видимому, это общеизвестно.

— Слишком много развелось болтунов, — сердито пробормотал Уорвин.

Герсен все хотел спросить, как Уорвин провел предыдущий месяц, но удобный случай никак не представлялся. Такой вопрос было бы глупо задавать напрямик: если Уорвин и есть Малагате, его подозрения моментально бы резко возросли.

Уорвин забарабанил пальцами по столу. Немного помолчав, он резко спросил:

— Если вы дадите мне полчаса, то я приглашу к себе в кабинет мистера Келле и мистера Деттераса. Вот тогда вы и смогли бы справиться у них о дешифраторе. Вам это подходит?

— Нет!

— Нет? — пролаял Уорвин. — Почему же нет?

Герсен встал.

— Поскольку это непосредственно вас не касается, то я предпочел бы переговорить с этими джентльменами наедине.

— Ваше право, — холодно сказал Уорвин и на мгновение задумался. — Я никак не могу догадаться, чего вы добиваетесь. Веры в вашу искренность у меня нет, поэтому я предлагаю вам сделку.

Герсен помолчал.

— Келле и Деттерас — люди занятые, — продолжал Уорвин. — Доступ к ним не столь легок, как ко мне. Я же устроил бы так, что вы повстречались бы с ними сразу же, даже сегодня, если вам угодно. Вероятно, кто-то из них и пришел к соглашению с Луго

Тихальтом. В любом случае после ваших переговоров с Келле и Деттерасом вы сообщите мне, что они предложили вам, и тем самым предоставите мне возможность заплатить еще больше. Ну как?

— Другими словами, — сказал Герсен, — вы хотели бы завладеть этой планетой лично для себя?

— А почему бы и нет? Записи уже не являются собственностью университета. Сейчас ими владеете вы! И, если хотите знать правду, это именно мои деньги составили фонд 291.

— Звучит вполне логично.

— Значит, вы согласны на сделку со мной?

— Пожалуй, что да. Но только при том условии, что поручитель Тихальта откажется.

Уорвин опустил веки.

— Меня удивляет, почему вы так настаиваете на этом? — произнес он, кривя губы в циничной улыбке.

— Вероятно, я все-таки человек дон-кихотского склада ума, мистер Уорвин.

Уорвин покачал головой, нажал кнопку интеркома и что-то тихо сказал в микрофон. Затем он снова повернулся к Герсену и усмехнулся:

— Вот видите, все идет хорошо. Мистер Келле встретится с вами первым, затем вас будет ждать мистер Деттерас. После этого вы пройдете ко мне и сообщите о достигнутых результатах.

— Я согласен.

— Хорошо. Кабинет Келле вы найдете в противоположном крыле здания.

Герсен вышел в коридор мимо секретарши Уорвина и опять прошел в вестибюль. Паллис Атроуд подняла глаза, горя от нетерпения, и от этого показалась Герсену еще более привлекательной, чем прежде.

— Вы узнали то, что хотели?

— Нет. Он отослал меня к Келле и Деттерасу.

— Сегодня?

— Прямо сейчас.

Она с еще большим интересом взглянула на него.

— Как удивятся этому люди, которым как мистер Келле, так и мистер Деттерас отказали сегодня во встрече.

— Я не знаю, как долго я буду занят... Если вы освободитесь в четыре...

— Я подожду, — сказала Паллис Атроуд и рассмеялась. — Я хочу сказать, чтобы вы постарались не слишком задерживаться после четырех. Если же это не получится, то я пойду домой — я объясню, где я живу, — а дома ждать будет легче.

— Я постараюсь управиться как можно быстрее, — заверил Курт девушку.

Глава 13

«Считая, что неподтвержденная догма одного локализованного культа не может быть подходящей базой для установления хронологии галактического человека, участники данной конвенции объявляют, что время теперь будет отсчитываться с 2000 года нашей эры (по старой системе), который становится нулевым годом. Период обращения Земли вокруг Солнца остается по-прежнему стандартной единицей года».

(Из Декларации Конвенции Ойкумены о стандартизации единиц и мер.)

«Кто наши основные враги? Это тайна, неведомая даже этим основным врагам!»

(Милостивый ответ Ксавье Сколкама, более чем столетнего исследователя Институции, данный им журналистам по поводу некоторых взаимоотношений человеческой цивилизации с другими разумными расами Галактики.)

Кагге Келле оказался невысоким, плотным мужчиной с крупной, четко очерченной головой. Кожа его слегка отливала бледно-розовым цветом. На нем был строгий темно-коричневый костюм с пурпурными полосами. Ясный задумчивый взгляд, короткий приплюснутый нос и поджатые губы придавали лицу этого человека налет какой-то загадочности. Он подчеркнуто вежливо приветствовал Герсена, не перебивая, выслушал его рассказ и, не выказывая повышенного интереса, просмотрел представленные фотографии. Тщательно выбирая слова, он сказал Герсену:

— Простите меня, но я ничем не могу вам помочь. Я не был поручителем экспедиции мистера Тихальта. Мне ничего не было известно об этом человеке до нашей встречи. Так что, думаю, что...

— Вы позволите мне использовать дешифратор? — перебил его Герсен.

Келле на мгновение задумался, а затем ровным голосом произнес:

— К сожалению, это противоречит принятым в отделе правилам. Я подвергся бы за это критике, а... — Он взял в руки фотографии и еще раз взглянул на них. — Это, несомненно, планета с очень интересными особенностями. Как ее название?

— Я не располагаю такими сведениями, мистер Келле.

— Да... Тогда ответьте мне еще на один вопрос. Я никак не могу понять, зачем вы так упорно ищете поручителя этого Тихальта? Вы представляете «Интергалактпол»?

— Я частное лицо, хотя мне нечем, естественно, доказать это.

— Каждый заботится о своих собственных интересах, — скептически заметил Келле. — Если бы я понимал, чего вы добиваетесь, я, возможно, поступил бы более гибко.

— Примерно то же самое мне сказал недавно и мистер Уорвин.

Келле встрепенулся и смерил Герсена колючим взглядом.

— Ни меня, ни Уорвина нельзя назвать людьми непонятливыми. Ради нашего отдела я могу позволить себе сделать вам предложение относительно информации, заключенной в мониторе. Хотя, судя по вашему рассказу, она с самого начала является собственностью отдела.

Герсен кивнул в знак полного согласия.

— Это как раз именно то, что я и пытаюсь установить. Принадлежит ли эта информация отделу, или я могу распоряжаться ею, как мне заблагорассудится? Если бы я мог разыскать поручителя Тихальта или определить, существует ли поручитель вообще, тогда появился бы широкий спектр новых возможностей.

Келле, казалось, вовсе не был тронут откровенностью Герсена.

— Сложилось очень своеобразное положение... Как я уже сказал, я мог бы сделать вам прекрасное предложение за ту информацию, которой вы располагаете. Даже такому частному лицу, как вы, если это только будет способствовать ускорению дела. Хотя я, естественно, настаивал бы на предварительной инспекции планеты.

— Вы знаете о моих сомнениях на сей счет, мистер Келле?

В ответ Келле только недоверчиво улыбнулся. Он еще раз просмотрел все фотографии.

— Это... э... дриады. Я должен сказать, что они весьма интересны. Что ж, я могу помочь вам в определенных пределах, а именно, я просмотрю документы университета, содержащие информацию о Луго Тихальте. Но за это я хотел бы, чтобы вы дали мне заверения в том, что предоставите мне первому возможность рассмотреть вопрос о приобретении этой планеты в том случае, если вы не сможете разыскать так называемого «поручителя».

Герсен не сумел сдержать усмешку.

— Вы же хотели убедить меня в том, что вы не так уж и заинтересованы этой планетой.

— Ваши выводы не имеют никакого значения, — спокойно заметил Келле. — Ваши чувства не будут оскорблены, так как вам нет никакого дела о моем мнении о вас. Вы начали переговоры со мною, как будто я умственно неполноценен. Вы явились сюда со сказочкой, которая не произвела бы впечатления даже на ребенка.

Герсен пожал плечами.

— «Сказочка», пожалуй, это довольно точное определение. Естественно, что я не рассказал вам всего того, что мне известно.

Келле снова улыбнулся, на этот раз великодушно.

— Что ж, давайте посмотрим, что говорят наши документы. — Он нажал кнопку интеркома и произнес в микрофон: — Секретная справочная служба. Сфера Катте Келле.

В ответ раздался нечеловеческий голос справочного компьютера:

— Контракт между Луго Тихальтом и Отделом галактической морфологии. Дата — 6 января 1521 года.

Герсен испустил вздох облегчения. Только теперь он понял, в каком напряжении он пребывал все это время. Это уже нечто определенное — Луго Тихальт был нанят в качестве разведчика кем-то внутри отдела.

— Процитируйте основную часть контракта! — приказал Келле.

— Луго Тихальт и Отдел галактической морфологии договорились о нижеследующем: отдел предоставляет Тихальту соответствующий космический корабль, снаряжение, оборудование стандартного типа в исправном состоянии для того, чтобы Тихальт провел в качестве представителя отдела тщательное обследование определенных областей Галактики. Отдел авансирует Тихальта суммой в пять тысяч СЕВов и гарантирует прогрессивно нарастающую премию за поэтапное успешное обследование запланированных районов. Тихальт обязуется приложить максимум усилий для успешного проведения обследования, сохранять результаты указанного обследования в целости и в секрете от всех лиц, групп и агентов, не действующих по договоренности с отделом. Подписи: Луго Тихальт за Луго Тихальта. Олина Базарман за отдел. Больше сведений нет.

— Гм... — многозначительно изрек Келле и отрывисто бросил в микрофон: — Олина Базарман!

Щелчок.

— Олина Базарман, начальник канцелярии, слушает!

— Говорит Келле. Два года назад некто Луго Тихальт был нанят разведчиком. Вы подписали его контракт. Не помните ли обстоятельства, сопутствующие этому?

— Нет, сэр, — раздался через несколько мгновений ответ. — Не могу ничего припомнить. Контракт, видимо, попал ко мне вместе с другими бумагами.

— А не помните ли вы, кто затеял все это дело? Кто поручился именно за него?

— Нет, мистер Келле. Это, должно быть, или вы, или мистер Деттерас, или, возможно, мистер Уорвин. Никто другой не может дать добро на такую экспедицию и поручиться за разведчика.

— Понятно... Благодарю вас. — Келле повернулся к Герсену. — Ну вот вам и ответ. Если это не Уорвин, значит — Деттерас! К тому же Деттерас бывший декан колледжа Символистики. Возможно, он и Тихальт были знакомы друг с другом.

Часть II

Глава 1

Рандл Деттерас, руководитель Исследования, казался человеком всем довольным — довольным самим собой, своей работой, всем миром в целом. Когда Герсен вошел в его кабинет, Деттерас приветливо поднял руку — крупный мужчина, удивительно некрасивый для этого века, когда заостренный нос или отвислая нижняя губа могли быть приведены в соответствие с господствующими эстетическими нормами всего лишь за несколько часов. Он и не делал попыток скрыть свое безобразие, наоборот, довольно грубый сине-зеленый цвет кожи (видимо, специально подобранный) еще более оттенял неотесанность его лица, неуклюжесть движений.

Голова его формой напоминала тыкву, тяжелый подбородок покоился на груди, на голове торчала щетина цвета влажного мха. На нем была полувоенная форма Архангелов: черные невысокие сапоги, свободные алые галифе и великолепный сюртук с зелеными и розовыми полосами. На плечах блестели золотые эполеты. У Деттераса хватало присутствия духа с невозмутимым достоинством совмещать свой мундир со странной физиономией — любой более мнительный или застенчивый человек на его месте мгновенно прослыл бы эксцентричным чудаком.

— Хорошо, хорошо, мистер Герсен, — сказал Деттерас, — как для вас, не слишком рано попробовать немного рисовой водки?

— Я прямо из постели.

Деттерас уставился на посетителя с таким изумлением, что Курту стало неловко. Заметив неловкость Герсена, Деттерас засмеялся.

— Отлично! Именно в такие моменты я поднимаю флаг гостеприимства. Розовую, лимонную или белую?

— Белую, пожалуйста.

Деттерас налил из высокого узкого графина и поднял свою рюмку.

— За первую! — провозгласил он и со смаком выпил. — Первая рюмка за день, что посещение дома матери. — Он налил себе вторую порцию, уселся и повернулся к Герсену, приняв ленивую, оценивающую позу.

Герсен спросил сам у себя: так кто же — Уорвин, Келле, Деттерас? Раньше Герсен склонялся в пользу Уорвина, теперь же его охватили сомнения. Деттерас, несомненно, был сильным человеком, он источал грубую, необузданную, почти осязаемую энергию.

Деттерас не спешил взять быка за рога, хотя, наверное, уже хорошо был обо всем осведомлен. Скорее всего, с ним уже связывались и Уорвин и Келле.

— Головоломка, которую никогда нельзя решить до конца, — сказал довольно напыщенно Деттерас, — почему и чем люди отличаются друг от друга.

«Ну, раз уж Деттерас не спешит, — подумал Герсен, — то и мне подавно нечего спешить».

— Вы, несомненно, правы, — сказал он, — хотя я и не уловил непосредственной связи с моим делом.

Деттерас громко рассмеялся.

— Я бы удивился, если бы вы признались в обратном. — Он поднял руку, как бы предвосхищая ответ Герсена. — Самонадеянность с моей стороны? Выслушайте меня. Вы человек трезвый, прагматичный. Вы взвалили на себя тяжелое бремя тайн и темных намерений.

Герсен задумчиво потягивал рисовую.

Словесную пиротехнику могли затеять, чтобы отвлечь его, притупить его осторожность. Курт сосредоточил все свое обоняние и вкус на рисовой, пытаясь уловить какой-нибудь чуждый компонент. Деттерас налил обе рюмки из одного и того же графина, он предложил Герсену любой из трех сортов, он расставлял рюмки без какого-либо расчета. Тем не менее существовал огромный диапазон хитростей, против которых обычная бдительность была бессильна...

В выпивке, похоже, ничего не было. В этом убеждали Герсена его вкус и обоняние, прошедшие тренировку на Саркое. Теперь Курт сфокусировал свое внимание на Деттерасе и его последнем замечании.

— У вас преувеличенное мнение обо мне.

Деттерас ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Но тем не менее точное.

— Возможно.

Деттерас самодовольно кивнул, как будто Герсен подтвердил его предположение.

— Это — искусство, привычка к наблюдательности, выработанная долгими годами практики. Я прежде специализировался на символистике, пока не решил, что достаточно общипал это пастбище своими длинными зубами в пределах, которые могла позволить моя привязь. Поэтому я теперь здесь, в Галактической морфологии. Менее запутанная отрасль, скорее описательная, чем аналитическая, скорее предметная, чем связанная с человековедением. И все же я от случая к случаю нахожу возможность приложения моего прежнего ремесла. Вот, допустим, разберем ваш частный случай. Вы вошли в мой кабинет совершенно незнакомым человеком. Я оцениваю ваши явные символические проявления: цвет волос, черты лица, цвет кожи, состояние, одежду. Ваш общий стиль. Вы скажете, что это общепринятая практика... Я отвечу: да, это так. Все едят, но искусный дегустатор — редкость. Я считаю эти символы с величайшей точностью, и они дают мне сведения о вашей личности. С другой стороны, я отрицаю, что вы можете прийти к правильным выводам относительно меня. Я выражен в случайных и противоречивых символах. Я всегда в маске, и из-за ее прикрытия за всем происходящим вокруг наблюдает настоящий Рандл Деттерас, такой же спокойный и хладнокровный, как

какой-нибудь импресарио на сотом представлении блестящей фестивальной постановки.

Герсен улыбнулся.

— Моя натура может быть столь же прихотливой, сколь и ваши символы, и я мог бы умышленно скрывать это по тем же причинам, что и вы. Во-вторых, то, как вы маскируетесь, освещает вас так же ясно, как и набор ваших естественных символов. В-третьих, зачем так сильно беспокоиться об этом?

Деттераса это, кажется, развлекало.

— Ага! Вы хотите поймать меня на том, что я обманщик и шарлатан! И все же я не могу отказаться от убеждения, что ваши символы больше говорят мне о вас, чем мои обо мне.

Герсен откинулся в своем кресле.

— Но практическая польза от этого невелика.

— Не так быстро! — воскликнул Деттерас. — Предположим, ваши символы — только положительные. Рассмотрим на мгновение, что в этом отрицательного. Многих людей раздражает загадочность манер своих коллег. Вы возражаете, говоря, что символы не сообщают ничего существенного, вы отделываетесь от них. Тогда эти другие обеспокоены тем, что не могут совладать с быстрым ростом информации. — Тут Герсен попытался возразить, но Деттерас жестом попросил его не прерывать. — Рассмотрим тинкеров с Мицара VI. Вы слышали о них? Это религиозная секта.

— Вы упоминали о них несколько минут назад.

— Как я сказал, — продолжал Деттерас, — это религиозная группа, аскетическая, суровая, чрезвычайно благочестивая. Мужчины и женщины одеваются абсолютно одинаково, бреют головы, пользуются языком из 820-ти слов, и все это для того, чтобы обезопасить себя от затруднений, связанных с раздумьями о побуждениях друг друга. Правда и только правда! В этом основная цель обычаев тинкеров. И совсем неподалеку от Мицара VI находится Сирена, где по тем же самым причинам мужчины носят в высшей степени условные маски от рождения и до смерти. Их лица являются самой дорогой для них тайной. — Деттерас указал на графин. Герсен кивнул и пододвинул рюмку к нему.

— Здесь, на Альфиноре, обычаи более усложненные, — продолжал ученый. — Мы смеемся для того, чтобы обидеть кого-нибудь или защититься самим (хотя нельзя отрицать и чистосердечного смеха), причем смех при этом дополняется тысячью двусмысленных символов. Жизнь — штука необычно усложненная: часто создается искусственная напряженность, нерешительность и подозрительность становятся сейчас нормой.

— И в ходе этого, — заметил Герсен, — развивается чувствительность, недоступная ни тинкерам, ни сиренистам.

Деттерас выставил вперед руку.

— Опять, не так быстро. Я хорошо знаком с обоими этими народами; бесчувственность — это не то слово, которое можно применить по отношению к нам. Сиренисты испытывают самые тончайшие нюансы беспокойства, когда мужчина маскирует себя сверх обычной нормы. И тинкеры — о них я знаю меньше, но уверен, что и у них индивидуальная гамма чувств также глубока и разнообразна, как и у нас, если не больше. Я процитирую эстетическую догму: чем более сурова дисциплина в искусстве, тем более субъективен критерий вкуса. Или еще более поучительный пример из другой области. Возьмем Звездных Королей — негуманоидов, пришедших к качествам сверхчеловека. И снова об Альфиноре — следует помнить, что местные жители обрушивают друг на друга как громадное количество в высшей степени достоверной информации, так и не меньшее количество неопределенностей.

— И чересчур смущаются, — сухо заметил Герсен, — если позволяют при этом сбить себя с толку.

Деттерас тихо рассмеялся, очевидно, очень довольный дополнением собеседника.

— У вас был совершенно отличный от моего образ жизни. На Альфиноре исходом не является жизнь или смерть. Все давно лишились наивности и искушены в житейских делах. Гораздо легче принимать людей в соответствии с их собственной оценкой, чем пытаться делать ее самому. По сути, это часто даже непрактично. — Он искоса взглянул на Герсена. — Почему вы не улыбаетесь?

— Мне становится ясно, что досье на Курта Герсена, заказанное «Интергалактполу», задерживается с прибытием. А вы сочли непрактичным воспринимать меня по моей собственной оценке. И даже по своей.

Теперь настала очередь рассмеяться Деттерасу.

— Вы несправедливы как ко мне, так и к «Интергалактполу». Досье пришло без задержки за несколько минут до вашего прихода. — Он сделал жест в сторону ксерокопии на своем столе. — Я затребовал это досье просто так, для подстраховки, исходя из своей роли ответственного работника этого учреждения. Полагаю, что осторожность еще никому не могла повредить.

— И что же вы там узнали? — спросил Герсен. — Уже давненько я не видел это досье.

— Оно удивительно пустое. — Деттерас поднял бумагу. — Вы родились в 1490 году. Где? Ни на одной из основных планет. В десять лет вы прошли регистрацию в космопорте Галилея на Земле в сопровождении своего деда, жизнь которого нам следовало проверить подобным же образом. Вы посещали обычные учебные заведения, были приняты неофитом в Истиуцию, достигли одиннадцатой стадии в возрасте двадцати четырех лет (внушающий уважение прогресс), а затем покинули ее. С этого времени и до сих пор здесь нет записей, из чего можно сделать вывод: что вы либо оставались безвыездно на

Земле, либо покинули ее нелегально, не проходя обычной регистрации. Поскольку вы сидите передо мной, остается предположить последнее. Замечательно то, что вам удалось прожить в таком сложном обществе, как Ойкумена, довольно долго и при этом ни разу не иметь столкновения с властями! Долгие годы тишины, в течение которых вы чем-то занимались... Чем? С какой целью и ради чего? — Деттерас вопросительно взглянул на Герсена.

— Если этого здесь нет, — усмехнулся Герсен, — значит, я не хочу, чтобы оно было.

— Естественно. Больше здесь почти ничего нет. — Он швырнул досье на стол. — Сейчас вы очень хотите начать свои распросы. Что ж, я принимаю вызов. Да, я знал Луго Тихальта. Наше знакомство началось еще в студенческие дни. В начале своей преподавательской карьеры он был замешан в каком-то предосудительном деле и выпал из моего поля зрения. Где-то около года назад он встретился со мной и попросил о контракте разведчика.

Герсен не верил своим глазам. Значит, вот кто был Малагате?

— И вы отослали его в экспедицию?

— Я предпочел не делать этого. Я не хотел, чтобы он зависел от меня всю оставшуюся жизнь. Я мог ему помочь, но только не личным участием в его судьбе. Я предложил ему обратиться либо к Почетному Ректору Джайлу Уорвину, либо к председателю комитета по планированию исследований Кагге Келле. Стоило ему только упомянуть мое имя, и, весьма вероятно, что они обязательно посодействовали бы ему.

У Курта перехватило дух. Деттерас говорил с такой уверенностью, что складывалось впечатление, что он говорит правду. Но кто же тогда из этих троих правду утаил? Деттерас, по крайней мере, подтвердил, что один из троих — то ли он сам, то ли Уорвин или Келле — лгал.

Кто же?

Сегодня он видел Аттеля Малагате, смотрел на него, глядел ему в глаза, слышал его голос... Ему внезапно стало не по себе. Почему это Деттерас ведет себя так непринужденно? По всей вероятности, он человек занятый, как он мог позволить себе потратить столько времени? Герсен неожиданно выпрямился на стуле.

— Сейчас я хочу открыть вам то, ради чего пришел к вам.

Он изложил ему ту же историю, которую чуть раньше выслушали Уорвин и Келле, и, пока он говорил, с лица Деттераса не сходила легкая улыбка. Герсен развернул фотографии, но Деттерас проглядел их без всякого интереса.

— Красивая планетка, — заметил он. — Будь я богачом, я попросил бы, чтобы вы продали мне ее в качестве личного имения. Но я не богач... Даже совсем наоборот. В любом случае вы, похоже, беспокоитесь не столько о том, чтобы продать свои права на эту планету, сколько о том, чтобы разыскать поручителя бедняги Тихальта.

Герсена это застало врасплох.

— Я просто хочу продать эту планету поручителю за разумную цену, — брякнул он невпопад.

Деттерас скептически усмехнулся.

— На дурака вы не похожи. Извините, если это слово вас задело. Если хотите знать, я не могу позволить себе солгать, хотя планетка меня очень интересует. Ваш человек — Уорвин или Келле.

— Но они отрицают это!

— Странно... Что же тогда?

— В нынешнем состоянии содержимое монитора бесполезно для меня. Вы можете предоставить мне дешифрующую перфокарту?

— Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Я так и полагал. Поэтому я должен продать монитор, вернее его содержимое, кому-то из вас или университету. Правда, можно еще уничтожить записи!

— Гм... — Деттерас понимающе кивнул. — Тут надо все хорошенько обдумать. Если ваши требования не будут непомерными, меня бы заинтересовало... Или, вероятно, мы трое, сообща, могли бы прийти к определенному соглашению с вами. Гм... Разрешите мне переговорить с Уорвином и Келле. Приходите сюда завтра, скажем в десять часов. Возможно, что у меня будет определенное предложение, которое вас заинтересует.

Герсен поднялся.

— Очень хорошо. Итак, завтра в десять.

Глава 2

«Да, мы реакционная, тайная, репрессирующая организация. У нас есть агенты где угодно. Нам известны тысячи способов отбить охоту проводить исследования, заставить саботировать эксперименты, исказить результаты. Даже в собственных лабораториях Институции мы действуем осмотрительно и осторожно.

А теперь позвольте мне ответить на некоторые вопросы и отвести обвинения, направленные в наш адрес. Имеют ли члены Институции богатство, привилегии, власть, независимость от законов? Честность заставляет нас ответить: да! В различной степени, в зависимости от стадии и достижений.

Значит, Институция является группой избранных, закрытой для других, замкнутой на себя? Отвечаем: никоим образом! Разумеется, мы считаем себя интеллектуальной элитой. А почему бы и нет? Членство открыто для всех, хотя немногие из наших неофитов доходят хотя бы до пятой степени.

Наша политика? Достаточно проста. Сверхсветовой привод дал в руки людей, страдающих манией величия, ужасное оружие; имеются также и другие знания, в равной степени доступные, которые могут обеспечить таким людям тираническую власть. И вот поэтому-то мы и контролируем распространение знаний.

Нас едко критикуют как «самозваных божеств». Нас обвиняют в педантизме, заговорах, покровительстве, высокомерии, упрямой и самодовольной уверенности в себе — и это самые мягкие из упреков, которые мы слышим. Нас обвиняют в невыносимо мелочной опеке и в то же время в том, что мы устраняемся от обычных человеческих дел. Почему бы нам не употребить свои знания на облегчение труда, искоренение страданий, продление жизни? Почему мы остаемся глухи к подобным порывам?

Почему мы не превратим жизнь человечества в утопию — ведь это вполне посильная для нас задача?

Ответ прост — вероятно, даже слишком прост. Мы чувствуем, что это фальшивые блага. Что спокойствие и пресыщение смерти подобны. Мы завидуем страстной деятельности древнего человечества, несмотря на всю его неопытность и страшные издержки. Мы считаем, что добытое тяжким трудом, триумф после несчастий, достижение долго желаемой цели является высшим благодеянием по сравнению с милостыней из рук лицемерного правительства».

(Из телевизионного обращения Мадиана Карбьюка, Сотенного (достигшего сотой стадии) Институции, произнесенного им в 1502 году 2 сентября на планете Мицар VI).

«Вопрос, который часто задают членам Институции: имеются ли среди ее членов Звездные Короли?

Обычный ответ: мы искренне надеемся, что нет!»

«Девиз Институции: малое знание — опасность. Большое знание — несчастье! Правда, завистники перефразировали это так: да будет благословенно невежество!»

Паллис Атроуд жила вместе с двумя другими девушками в жилой башне на берегу моря к югу от Ремо. Герсен остался в вестибюле, а она поднялась наверх, чтобы переодеться и переменить цвет кожи.

Он вышел на балкон, выходящий к океану, и облокотился об ограждение. Огромный сверкающий Ригель опустился низко над океаном, высветив размытую дорожку от берега к горизонту. Впереди, в гавани, образованной двумя пирсами, стояли сотни различных лодок: яхты, парусные катамараны, субмарины со стеклянными корпусами, реактивные аквапланы, в которых можно было лететь над волнами с бешеной скоростью.

Настроение, охватившее Герсена, было сложным и непонятным даже для него самого. Здесь было и вызывающее учащенное сердцебиение предвкушение вечера с красивой девушкой, ощущение, которое было неведомо ему в течение многих лет. Здесь была и грусть, навеянная закатом, а закат был действительно очень красив: небо окрасилось в лилово-розовый цвет, на фоне которого плыли темно-

оранжевые облака, окаймленные тонким ярко-красным контуром. Не сама красота вечера вызывала грусть, размышлял Герсен, а спокойный, безмятежный свет и его угасание... И какая-то неясная печаль охватила Герсена при виде жизнерадостной толпы вокруг. Все были изящны и беззаботны, им были неведомы тяжелый труд, страдания и ужасы отдаленных планет. Герсен завидовал их отрешенности, их умению вести себя в обществе. И все же, поменялся бы он местами с любым из них? Вряд ли.

К нему подошла Паллис Атроуд и встала рядом. Она подкрасилась в мягкий оливково-зеленый цвет с нежным налетом золота. Она рассмеялась, услышав неуклюжие комплименты Герсена.

— Я чувствую себя припортовой крысой, — сказал Герсен. — Мне следовало бы сменить платье.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала девушка. — Это не имеет никакого значения. Что же мы будем делать?

— Ваше право предлагать.

— Очень хорошо. Давайте отправимся в Авенту и сядем на бульваре, где все любят прогуливаться. Меня никогда не утомляет зрелище проходящих мимо людей. Там мы и придумаем, что будет дальше.

Герсен согласился.

Они сели в глайдер и отправились на север. Паллис с неподдельной искренностью болтала о себе, о своей работе, о своих планах и надеждах. Она была, как узнал Герсен, уроженкой острова Синхал на планете Ио, дочерью состоятельных родителей, владевших единственным холодильным складом на полуострове Лантанго. Когда они устранились от дел и переехали на Пальмовые острова, ее старший брат принял на себя заведование холодильниками и родительским делом. Второй по старшинству брат хотел жениться на ней — такая форма брачного союза поощрялась на Ио, первая колония на котором была создана группой реформаторов-рационалистов. Он был дюжим, краснолицым, высокомерным, единственное, что он умел, — это водить рефрижератор, и такая перспектива вовсе не привлекала Паллис...

Здесь девушка заколебалась, ее оживление угасло, и она переменила тему разговора. Герсену оставалось только догадываться о драматических событиях, связанных с ее уходом из дома. В Авенте Паллис прожила уже два года и, хотя иногда скучала по дому, чувствовала себя счастливой и уверенной.

Герсен, не сталкивающийся прежде с такой естественностью, был очарован ее болтовней.

Они поставили глайдер на стоянку и вышли на эспланаду. Пройдя немного, они заняли столик перед одним из бесчисленных кафе и стали наблюдать за проходящими мимо толпами людей. Вокруг них простирался темный океан, небо над которым уже окрасилось в серо-лиловый цвет, и только небольшое лимонное зарево указывало на место, где зашел за горизонт гигантский диск Ригеля.

Вечер был теплым, вокруг медленно прогуливались люди со всех концов Ойкумены. Официант принес бокалы с пуншем. По мере того, как Герсен потягивал этот восхитительный напиток, он ощущал, как уменьшается владевшее им напряжение. Некоторое время они сидели молча, затем Паллис внезапно повернулась к нему лицом.

— Вы такой молчаливый, такой настороженный. Это из-за того, что вы из дальних миров?

Вопрос застал Герсена врасплох. В конце концов он грустно рассмеялся.

— Я надеялся, что вы будете думать, что я такой же беззаботный и обходительный, как многие другие...

— Вот глупости, — улыбнулась Паллис. — Люди вообще не похожи друг на друга.

— Я уверен в этом, — сказал Герсен. — Даже бактерии имеют свою индивидуальность, если к ним внимательно присмотреться.

— Значит, я сейчас что-то вроде бактерии?

— А я другая бактерия, которая, наверное, наскучила вам...

— Нет, нет! Конечно же нет! Мне все здесь так нравится!

— Мне тоже. Очень! В этом даже есть что-то разлагающее.

Паллис учуяла в этом какой-то комплимент.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу позволить себе роскошь предаваться чувствам, как бы мне этого ни хотелось.

— Вы очень рассудительны, хотя и молоды.

— Увы, я уже не молод.

Она весело махнула рукой.

— Но вы признаетесь в том, что слишком рассудительны?

— Полагаю, что да. Но будьте осторожны, не подталкивайте меня слишком близко к обрыву.

— Каждой женщине хочется думать о себе, как о соблазнительнице.

Герсен ничего не ответил и лишь внимательно посмотрел на Паллис.

— Все, кого я знаю, отказываются прекращать болтовню, и мне приходится слушать бесконечные потоки чепухи. Я уверена, что вы знаете сотни интересных вещей, но не хотите мне ничего о них рассказать.

Герсен улыбнулся.

— Они, возможно, не такие уж интересные.

— И все же я хотела бы проверить это. Расскажите мне о диких планетах. Правда, что жизнь там опасна?

— Когда — да, когда — нет. Все зависит от того, кого вы встретите.

— Вероятно, вам не очень хочется, чтобы я спросила, чем вы занимаетесь? Вы не пират и не работорговец, это я сразу поняла. Но кто же вы?

— Вы правы, я, наверное, не похож на пирата или работорговца.

Паллис рассмеялась.

— Но вы же знаете, что мне неизвестно, как должен выглядеть современный пират или работорговец. Хотя постойте, вы, может быть, преступник? Совсем не обязательно, что это связано с чем-то позорным, — поспешно добавила она. — То, что является приемлемым на одной планете, на другой является абсолютным табу. Например, я рассказала одному из своих друзей, что связала бы жизнь со своим братом, не будь он мне столь омерзителен. И, представьте себе, у него волосы встали дыбом!

— К сожалению, я должен разочаровать вас. Я не преступник... Я не попадаю ни под одну из категорий. — Он задумался. Было бы неблагоразумно скрывать от нее то, что он уже рассказал Уорвину, Келле и Деттерасу. — Я прибыл на Авенту с одной определенной целью.

— Давайте поужинаем, — предложила Паллис, — и, пока мы будем наслаждаться едой, все и расскажете.

— А куда мы пойдем?

— Здесь есть один потрясающий ресторан, он только-только открылся. Все о нем говорят, а я еще не успела там побывать.

Паллис легко поднялась и взяла Курта под руку с беспечной интимностью. Он притянул девушку к себе, склонился над ней, но на большее у него не хватило смелости. Рассмеявшись, Курт отпустил ее. Она лукаво произнесла:

— Вы гораздо более импульсивны, чем кажетесь.

Герсен улыбнулся.

— Где же тот потрясающий новый ресторан?

— О, совсем неподалеку отсюда. Мы можем пройти туда пешком. Он весьма дорогой, но я намерена уплатить половину счета.

— В этом нет никакой необходимости, — заметил Курт. — Не забывайте, что для пирата деньги не проблема. Он просто не знает, что с ними делать. А если нам не хватит, то я ограблю кого-нибудь.

— Я не беспокоюсь, — рассмеялась девушка. — Ну, так что, идем?

Она взяла его под руку, и они пошли по бульвару, как тысячи других таких же пар в этот прекрасный вечер на Альфиноре.

Паллис подвела его к зданию, увенчанному крупными светящимися буквами зеленого цвета, составлявшими название «Наутилус». Лифт спустил их на семьдесят метров, в высокий восьмиугольный вестибюль, выложенный пальмовыми ветвями. Метрдотель провел их в проложенную прямо по морскому дну стеклянную галерею, в которую открывались выходы из отдельных кабинетов. Паллис и Герсена провели в один из них, и они заняли столик возле стены прозрачного купола, за которым плескалось море. Фонари освещали песок, скалы, кораллы, проплывающих мимо подводных обитателей.

— А теперь, — сказала Паллис, — расскажите мне о диких планетах. И не беспокойтесь о том, что мне будет страшно, потому что мне изредка очень полезна встряска. А лучше расскажите о себе.

— Ну что ж, — потягиваясь в кресле, начал Герсен, — пожалуй, начнем с таверны Смейда на планете Смейда. Вы бывали там?

— Конечно же нет, но мне приходилось слышать о ней.

— Это маленькая, почти безжизненная планетка. Там только горы, ветер, грозы и темный океан. Таверна — единственное сооружение на планете. Иногда она переполнена, иногда там нет никого, кроме Смейда и его семьи, в течение многих недель. Когда я прибыл туда, единственным другим гостем был Звездный Король.

— Звездный Король? Я думала, что они всегда маскируются под людей!

— Не в маскировке дело, — покачал головой Герсен. — Они — люди. Вернее, почти люди.

— Я никогда не понимала, кто же такие Звездные Короли. Может быть, вы поможете в этом разобраться?

Курт пожал плечами.

— Спрашивайте — и каждый раз вы получите другой ответ. В общих чертах теория такова. Миллион лет тому назад планета Лямда Грас III, или «Ггнарумен» — первый звук нужно выкашливать через нос, чтобы получить правильное произношение, — была населена довольно страшным набором созданий. Среди них было небольшое двуногое земноводное, лишенное каких-либо особых средств для борьбы за существование, кроме сознания и способности скрываться в грязи. Оно представляло собой подобие нашей ящерицы или, может быть, бесшерстного тюленя... Как виду, ему уже раз десять грозило полное исчезновение, но некоторым все же удавалось держаться стойко и каким-то образом существовать в качестве пожирателей падали среди тварей более свирепых, более коварных, более проворных, лучше плавающих и даже лучших падальщиков, чем они. Звездные Короли имели только физические преимущества — сознание, чувство соперничества, желание выжить любой ценой.

— Это звучит так, как будто речь идет о человеке на древней Земле, — вставила Паллис.

— Никто не знает ничего определенного, мы можем только строить предположения. А что знают Звездные Короли, того они не рассказывают... Эти двуногие земноводные отличались от людей в нескольких отношениях: во-первых, биологически они были более податливы, более активно передавали по наследству приобретенные качества, полезные в борьбе за выживание. Во-вторых, они не были двуполы. Их виду характерно перекрестное оплодотворение посредством спор, выделяемых при дыхании, причем каждая особь является одновременно существом и мужского и женского пола и молодь развивается у них, как стручки, под мышками. Вероятно, из-за отсутствия половой дифференциации Звездные Короли по своей натуре лишены тщеславия. В основном ими движет стремление превзойти, переплюнуть, перехитрить противника в борьбе за существование. Биологическая гибкость в сочетании

с рудиментарным разумом стала средством осуществления их желаний, они превратились в создания, которые могли все, что угодно, делать лучше, чем их менее находчивые конкуренты.

Это все, конечно, теория, а то, о чем речь пойдет дальше, базируется на еще более шаткой основе. Но предположим, что какая-то раса, способная пересекать космические дали, посетила одну из планет, на которой развивался гуманоидный тип разума. Это могли быть те, кто оставил развалины на планетах Фомальгаута или Гексаданьты, или те, кто высек Хребет Монументов на планете Кси Паппис X.

Можно допустить, что такие разумные существа побывали на одной планете земного типа около ста тысяч лет назад. Предполагаем, что они пленили племя людей и по какой-то причине доставили его на Ггнарумен, планету королей. И здесь возникла ситуация, когда обе стороны подверглись суровому испытанию. Люди стали наиболее опасными противниками Звездных Королей, по сравнению с уже поверженными естественными врагами родной планеты. Люди умны, настойчивы, искусны, безжалостны, агрессивны. Борясь с окружающей средой, люди сами эволюционировали в новый вид: стали более ловкими, быстрыми телом и умом по сравнению со своими неандертальскими предшественниками.

Короли оказались отброшенными назад, но терпение у них глубоко в крови, так же как и другое важное оружие: дух соперничества и биологическая гибкость.

Люди доказывали свое превосходство над ними, и, чтобы с ними состязаться, Звездные Короли в ходе эволюции начали приобретать гуманоидные признаки.

Борьба продолжается, и Звездные Короли признают, хотя и очень неохотно, что некоторые их мифы как раз и описывают эту борьбу.

Теперь необходимо сделать еще одно допущение. Около пятидесяти тысяч лет назад вновь на сцену выходят Космические Путешественники, начавшие столь величественный эксперимент; они переносят эволюционировавших гуманоидов назад, на свою планету. Возможно, в этом качестве выступала Земля. Так вот, вместе с людьми на планету попало и энное количество Звездных Королей, сколько, сказать трудно. Этим, возможно, можно объяснить некоторые особенности истории Джункса и других гуманоидных планет.

На своей собственной планете Звездные Короли становятся даже больше людьми, чем сами люди. Начинается эра господства Звездных Королей. И такое положение сохранялось до тех пор, пока у гуманоидов не появился двигатель Джарнелла. Когда люди появились на планете Ггнарумен, они были изумлены, найдя создания, являющиеся точными копиями людей, — Звездных Королей, при этом не являющихся гуманоидами.

— Все это звучит невероятно, — скептически заметила Паллис.

— Однако более убедительно, чем конвергентная эволюция. Фактом является то, что Звездные Короли существуют: раса не антагони-

стическая, но и не дружелюбная нам. Людям запрещено посещать этот, так трудно произносимый, Ггнарумен. Звездные Короли рассказывают нам о себе только то, что сами захотят, засылают наблюдателей — или, если угодно, шпионов — на все без исключения планеты Ойкумены. Даже сейчас на Авенте их, наверное, не менее дюжины.

Паллис сделала брезгливую гримасу.

— А как их можно отличить от людей?

— Иногда даже врач не может этого сделать после того, как они завершат свою маскировку и оденут личину человека. Есть, конечно, и у них трудности. У них нет внешних половых органов, область таза у них пустая. Их протоплазма, кровь, гормоны имеют другой состав. Их дыхание сопровождается отчетливым запахом. Однако шпионы, или как их там зовут, изменены настолько, что даже рентгеновские снимки у них такие же, как и у людей.

— Откуда же вы узнали, что создание на планете Смейда было ...Звездным Королем?

— Так сказал мне Смейд.

— А как это обнаружил Смейд?

Герсен покачал головой.

— Я как-то не подумал спросить.

Он замолчал, поглощенный новой пришедшей в его голову идеей. В таверне Смейда было три посетителя: он сам, Тихальт и Звездный Король. Если поверить Тристано — а почему бы и не поверить ему, — то он прибыл в компании только Даске и Сутиро. Если учесть заявление Даске, которое он сделал Тихальту, то убийцей следует считать Аттеля Малагате.

Герсен отчетливо слышал крик Тихальта в то время, как Сутиро, Даске и Тристано находились в его поле зрения.

Если только сам Смейд не был Малагате, если тайком не прибыл еще один корабль — и то, и другое было очень маловероятным, — Малагате и Звездный Король должны были быть одним и тем же лицом!

Переворачивая в памяти события того вечера, Герсен припомнил, что Звездный Король выходил из столовой на достаточное время, чтобы посоветоваться снаружи с Даске.

Паллис Атроуд легонько коснулась его щеки.

— Вы рассказывали мне о таверне Смейда.

— Да, — кивнул Герсен, — сейчас продолжу.

Он задумчиво смотрел на девушку. Она должна знать достаточно много о всех перемещениях Уорвина, Келле и Деттераса. Паллис, не поняв характера его взгляда, густо покраснела, несмотря на светло-зеленое тонирование кожи лица. Герсен натянуто засмеялся.

— Вернемся в таверну Смейда.

И он описал события того вечера.

Паллис с интересом слушала его, совершенно забыв о еде.

— Значит, теперь у вас записи Тихальта, а у университета дешифратор?

— Правильно. И ни то, ни другое не представляет какой-либо ценности отдельно, без обязательной второй половины.

Глава 3

Когда они управились с ужином, стояла глубокая ночь. Герсен, не имея банковского счета на Альфиноре, заплатил по счету наличными. Они поднялись на поверхность.

— Чем бы нам теперь заняться?

— Мне все равно, — сказала Паллис. — Давайте вернемся на эспланаду, в какое-нибудь кафе.

Ночь была темна. Со стороны города лился мягкий, рассеянный свет, в темноте угадывались едва освещенные фасады домов. Официант принес кофе и ликер. Они расположились поудобнее и стали наблюдать за гуляющими.

— Вы рассказали мне не все, — заметила задумчиво Паллис.

— Конечно нет, — кивнул Курт. — На самом деле... — Он запнулся, уцепившись за еще одну тревожившую его мысль. Аттель Малагате мог ошибиться в характере его интереса к Паллис — особенно, если он был Звездным Королем, бесполым, не способным понять уравнение «мужчина — женщина». — На самом деле, — повторил Герсен, — я не имею права впутывать вас в свои неприятности.

— Я не согласна с вами, — сказала, лениво потянувшись, Паллис. — А даже если вы и правы, что из этого? Не забывайте, Авента находится на Альфиноре, а не в Глуши. И к тому же это цивилизованный город на цивилизованной планете.

— Я уже рассказал вам, что некоторых людей интересует планета Тихальта, и эти люди настолько развращены, что ярлык пирата и работорговца может служить для них еще довольно лестной характеристикой. Вы слышали когда-нибудь о Малагате-Горе?

— Малагате-Горе? Да.

Герсен боролся с искушением рассказать ей, что она ежедневно принимает почту и выполняет различные поручения этого бандита.

— Весьма вероятно, — сказал он ей, — что за нами следят «прилипалы» — различные устройства шпионажа. Вполне возможно, что в эту самую минуту Малагате уже знает, где мы с вами находимся, и даже знает о теме нашего разговора.

Паллис невольно съежилась и стала пристально всматриваться в ночное небо.

— Вы имеете в виду, что Малагате наблюдает за мной? От такой мысли по коже бегут мурашки.

Герсен осмотрелся по сторонам. За соседним столиком сидел Сутиро, отравитель с Саркоя. Курт почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось.

Встретившись взглядом с Герсеном, Сутиро вежливо кивнул и улыбнулся. Он встал и медленно направился к их столику.

— Добрый вечер, мистер Герсен.

— Добрый вечер, — ответил Курт.

— Можно присоединиться к вам?

— Нежелательно.

Сутиро слегка покачал головой, сел и повернулся к Паллис.

— Я хотел бы, чтобы вы познакомили меня с этой очаровательной леди, мистер Герсен, — сказал он.

— Вы уже знаете, кто она.

— Но она же не знает, кто я!

Герсен повернулся к Паллис.

— Перед вами, моя дорогая, достопочтенный Сутиро, мастер по составлению ядов, с планеты Саркой. Вы недавно высказали интерес к дурным людям — так вот, перед вами именно такой человек, какого вам хотелось встретить!

Сутиро рассмеялся.

— Мистер Герсен явно переоценивает мои способности. Некоторые из моих друзей настолько превосходят меня, насколько я превосхожу вас. Я надеюсь и желаю вам от всей души, чтобы вам никогда не пришлось встретиться с ними. С Хильдемаром Даске, например, который похваляется своей способностью одним взглядом парализовать собаку.

В голосе Паллис зазвучало беспокойство.

— Мне не приходилось сталкиваться с ними. — Она завороженно смотрела на Сутиро. — Вы на самом деле... признаетесь, что вы человек дурной?

Сутиро рассмеялся.

— Я мужчина, и я — с Саркоя!

— Я только что рассказал мисс Атроуд о нашей встрече в таверне Смейда. Скажите мне наконец, кто же убил Тихальта?

Сутиро, казалось, удивился.

— Кто же еще, как не Малагате! Ведь мы, все трое, сидели внутри. А впрочем, разве это не все равно? В такой же степени это мог быть и я, и Красавчик, и Тристано... Тристано, между прочим, сильно заболел. С ним произошел несчастный случай. Но он еще надеется по выздоровлении встретиться с вами.

— Он может считать, что ему повезло, так и передайте, — тихо произнес Герсен.

— Вы не поверите, как ему стыдно, — продолжал Сутиро. — Он ведь считал себя очень ловким. А тут... Правда, я не раз говорил, что он далеко не так искусен, как я, но он не верил. Теперь, думаю, он пересмотрит свою точку зрения.

— Говоря об умении, — заметил Герсен, — я очень сомневаюсь, что вы сможете сделать фокус с бумагой.

Сутиро насторожился.

— Да, конечно. Но откуда вам известен этот фокус?

— Я узнал о нем в Кальванге.

— И что же вас привело в этот город?

— Визит к Кулироу-отравителю.

Сутиро поджал свои толстые красные губы.

— Кулироу был так же умен, как и любой другой, но что касается фокуса с бумагой...

Герсен протянул ему салфетку.

Сутиро взял ее большим и указательным пальцами и, держа на весу, слегка ударил по ней правой рукой. Она упала на стол в виде пяти полосок.

— Хорошо сработано, — одобрительно кивнул Герсен и, обратившись к девушке, объяснил: — Его ногти затвердели и остры, как бритвы. Естественно, он не станет тратить яд на бумагу, но каждый из его пальцев подобен голове змеи.

Сутиро самодовольно кивнул в знак согласия. Герсен снова повернулся к нему.

— А где же ваш Чудо-Даске?

— Неподалеку отсюда!

— С красным лицом и всем прочим?

Сутиро печально покачал головой, не одобряя дурного вкуса своего напарника в вопросах тонирования кожи.

— Очень способный и очень страшный человек. Вы когда-нибудь задумывались, почему у него такое лицо?

— А что, мне нужно было об этом задуматься?

— Вы мне не друг, вы красиво обставили меня один раз. Тем не менее я хотел бы предупредить вас: никогда не переходите дорогу Красавчику-Даске. Двадцать лет назад ему стали перечить во время небольшой проделки. Дело заключалось в вымогании денег у одного упрямого человека. Хильдемар по случайности был застигнут врасплох, его сбили с ног и крепко связали. Затем его кредитор проявил дурной вкус и рассек надвое нос бедного Хильдемара, затем он срезал ему веки... Но все же Даске удалось выкарабкаться, и теперь он известен всей Ойкумене под именем Красавчика-Даске или Чудо-Даске.

— Какой ужас! — прошептала Паллис.

— Конечно! — голос Сутиро стал высокомерным. — Годом позже Хильдемар без особого труда поймал этого человека. Он увез его в одно уединенное место, где тот и живет до сих пор. Так вот, время от времени Даске вспоминает об оскорблении, которое нанес ему этот человек, и возвращается в свою берлогу, чтобы позабавиться с ним.

Паллис, блестя глазами, взглянула на Герсена.

— И такие люди — ваши друзья, мистер Герсен?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Курт. — Нас связывает только Луго Тихальт. — И глядя на смотревшего на бульвар Сутиро, Герсен добавил как бы невзначай: — Вы, Даске и Тристано постоянно работаете вместе?

— Зачастую, хотя я предпочитаю действовать в одиночку.

— И Луго Тихальт имел несчастье наткнуться на кого-то из вас в Кринктауне?

— К чему так часто вспоминать этого несчастного? Он умер быстро! Годогма забирает всех людей. Разве это ужасно?

— Но никому до сих пор не хотелось поторапливать Годогму. Разве это не так?

— Верно. — Сутиро внимательно посмотрел на свои сильные ловкие руки. — Согласен!

Он повернулся к девушке и произнес:

— У нас на Саркое есть тысячи народных пословиц на сей счет.

— Кто это — Годогма?

— Великий бог судьбы, который несет цветок и цепь для молотьбы и передвигается на колесах.

Герсен сделал сосредоточенный вид.

— Я хотел бы задать вам, Сутиро, еще один вопрос. Вам не нужно будет отвечать, если не захотите. Может быть, вы и не знаете ответа. Но меня очень удивляет, почему это Малагате, Звездный Король, так неистово жаждет заполучить именно эту планету?

Сутиро пожал плечами.

— Это дело, в которое я не желаю впутываться. По-видимому, это очень ценная планета. Мне платят. Я убиваю только тогда, когда вынужден или когда это приносит мне доход. — Он повернулся к Паллис. — На самом деле я не такой уж законченный злодей. Скоро я вернусь на Саркой и буду доживать свои дни, странствуя по городунбурским степям. Вот где жизнь! Когда я думаю об этих грядущих временах, мне становится непонятно, зачем я сижу здесь, в этой противной сырости. — Он скривился в сторону моря и встал. — Самонадеянно советовать вам, но я рискну. Вам никогда не удастся победить Малагате — поэтому отдайте эти записи!

Герсен подумал мгновение, а затем сказал:

— Я также осмелюсь посоветовать вам, Сутиро, движимый тем же побуждением, что и вы. Мой совет таков: убейте Хильдемара Даске в то же мгновение, как только встретитесь с ним или даже раньше.

Сутиро изумленно поднял свои густые брови. Герсен продолжал:

— Здесь за нами что-то следит, хотя я и не обнаружил, что это такое. Его микрофоны, возможно, уже зафиксировали наш разговор. Я не имел ни малейшего представления, что Звездный Король в таверне Смейда и был Малагате, пока вы не сказали мне об этом. Очень интересно. Я не думаю, что этот факт общеизвестен.

— Тише! — прошептал Сутиро. Его глаза внезапно зажглись лютой ненавистью.

Герсен понизил голос.

— Хильдемара Даске, вполне возможно, попросят наказать вас. Если только вы хотите опередить Годогму, если вы хотите наслаждаться жизнью и гнать свою повозку через степи — убейте Даске и уходите.

Сутиро прошептал что-то неразборчивое, дернул рукой, как будто пытаясь что-то бросить, затем отпрянул, повернулся и смешался с толпой.

Паллис легко вздохнула, уютнее устроилась в кресле и нерешительно прошептала:

— Я не такая уж любительница острых ощущений, как предполагала.

— Очень жаль, — сказал Герсен, искренне раскаиваясь. — Мне не следовало приглашать вас на вечер.

— Нет, нет, просто для меня совершенно непривычна такая беседа здесь, на бульваре, в мирной Авенте. Но все же я получила от этой встречи какое-то удовольствие. Если вы не преступник... Как вас, простите, зовут?

— Курт Герсен.

— Значит, вы сотрудник «Интергалактпола».

— Нет.

— Значит, вы из специального комитета Институции.

— Я просто Курт Герсен — частное лицо. — Он встал. — Давайте немного прогуляемся.

Они пошли вдоль эспланады. Паллис взяла Герсена под руку.

— Скажите мне, Курт, что из того, что Малагате — Звездный Король? Что это означает?

— Мне самому еще не все ясно.

Герсен попытался вспомнить, как выглядел Звездный Король в таверне Смейда. Был ли это Уорвин? Келле? Деттерас? Черно-матовый оттенок кожи делал неразличимыми черты лица. Полосатое кепи закрывало волосы. У Курта сложилось впечатление, что Звездный Король был выше, чем Келле, но не такой высокий, как Уорвин. Но даже черный цвет кожи вряд ли смог бы замаскировать грубые черты лица Деттераса!

— Они на самом деле убьют этого Сутиро?

Герсен осмотрелся вокруг, пытаясь обнаружить электронный «хвост», но безуспешно.

— Не знаю. Он им еще полезен. При случае...

Курт в нерешительности замолчал, задумавшись об этичности вовлечения в это грязное дело такой девушки, как Паллис.

— При случае, что?..

— Ничего.

Боясь подслушивающих микрофонов, Герсен не осмеливался расспросить Паллис о перемещениях Келле, Деттераса или Уорвина.

Паллис обиженно сказала:

— Я до сих пор не понимаю, каким образом все это касается вас?

Герсен еще раз предпочел отмолчаться — «хвост» мог подслушать его, да и сама Паллис Атроуд могла быть агентом Малагате, хотя это было маловероятно. Поэтому он только сказал:

— Совсем не касается, если не считать кое-что отвлеченное.

— Но любой из этих людей, — она кивнула на прохожих, — может быть Звездным Королем. Поэтому мне очень интересно, каким образом их можно отличить от обычных людей?

— Отличить их очень трудно, я уже говорил вам об этом. На своей родной планете Ггнарумене они приблизились к облику людей во многих отношениях. Те, кто путешествует в человеческих мирах в качестве наблюдателей или шпионов, если вам угодно, хотя я не могу вообразить себе, что же они пытаются узнать, — так вот, они — почти точная копия настоящих людей.

Паллис неожиданно улыбнулась, открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его и бесшабашно махнула рукой.

— Давайте забудем об этих кошмарах, а то мне повсюду будут чудиться Звездные Короли. Даже в университете.

— Вы знаете, чего мне сейчас хочется?

Она насмешливо улыбнулась.

— Нет. Но могу угадать.

— Прежде всего я хотел бы избавиться от этих микро-соглядатаев, что относительно нетрудно. А затем...

— А затем?

— Мне хотелось бы пойти в какое-нибудь укромное место, где мы могли бы побыть одни.

— Я не против. Здесь на берегу есть одно такое место, Лос-Сиренос, так его называют. Я никогда не бывала там, — она смущенно рассмеялась. — Но я много о нем слышала.

Герсен взял ее за руку.

— Сначала нужно стряхнуть «прилипал».

Паллис с детской непринужденностью повторяла все его маневры. Глядя на ее веселое лицо, Герсен колебался в своей решимости избежать эмоциональных затруднений. Если они пойдут в Лос-Сиренос, если ночь приведет их к интимной близости, что тогда? Герсен подавил приступ малодушия. Он справится с проблемами, которые тогда возникнут!

«Прилипалы» должны были уже давно оказаться сбитыми с толку. По крайней мере, Курт надеялся на это. Они вернулись на стоянку, где рядами стояли отсвечивающие тусклым серебром машины.

Они подошли к своему глайдеру. Герсен в нерешительности остановился, а затем обнял девушку и стал целовать запрокинувшееся нежное лицо.

Сзади него зашевелились какие-то тени. Курт резко повернулся и увидел ужасное кроваво-красное лицо с синими щеками. Огромной

силы удар обрушился на голову Герсена. Молнии сверкнули в его черепе. Он пошатнулся и упал на колени.

Даске нагнулся над ним. Герсен попытался увернуться, но реакция у него уже была не та. Весь мир завертелся перед его глазами и полетел вверх тормашками. Он увидел Сутиро, который, злобно улыбаясь, обвил своей рукой шею девушки. Даске снова ударил его, и мир потух.

Единственное, что успел еще сделать Герсен, это с горечью упрекнуть себя. Но последовал еще один удар, и он потерял сознание.

Глава 4

«... Путешествия от звезды к звезде сталкивали людей со многими жизненными формами, разумными или не разумными (с весьма спорной и, возможно, антропоморфной точки зрения). Люди открыли более чем полдюжины жизненных форм, которые заслужили определение «гуманоидных». И из полудюжины только Звездные Короли не подходили под категорию «не-люди».

С момента первого контакта с ними нас беспокоил один и тот же вопрос. Являются ли они членами человеческого семейства — как определяет его Теллье Шантрон, — или нет? Ответ, конечно, зависит от определений. Сразу же было установлено, что Звездные Короли не относятся к виду «хомо сапиенс». Но, если под понятием «человек» имеется в виду существо, которое может говорить человеческим языком, ходить по магазинам и покупать модные вещи, отлично играть в теннис, посещать коронацию в Стокгольме и безукоризненно танцевать на балах, Звездный Король является человеком.

Человек он или нет, но типичный Звездный Король — обходительный парень с ровным характером, чуть подозрительный и лишенный чувства юмора. Сделайте ему одолжение — он поблагодарит вас, но не будет чувствовать себя обязанным, попробуйте обидеть его, и он взорвется тигриной яростью и убьет вас, если его не будут сдерживать человеческие законы. Он безжалостен, но не жесток, ему не понятны такие человеческие извращения, как садизм, мазохизм, религиозный пыл, самобичевание, самоубийство. С другой стороны, он демонстрирует целый набор особых привычек, не менее непонятных с нашей точки зрения и объясняющихся различными искривлениями его собственной психики.

Существует не менее десятка различных теорий, пытающихся объяснить потрясающее сходство Звездных Королей с человеком, но ни одна из них не является убедительной. Если сами Звездные Короли и знают истинную причину, то они не признаются. Поскольку они запрещают любые антропологические и археологические экспедиции на свою планету, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть ни одну из выдвинутых теорий.

На планетах, заселенных гуманоидами, Звездные Короли до мелочей копируют лучших представителей «хомо сапиенс», но внутренняя, присущая только им манера поведения является поистине уникальной. Если говорить упрощенно, то доминирующей их чертой является страсть превзойти соперника во всех отношениях. Поскольку человек является существом, господствующим в Ойкумене, Звездные Короли воспринимают его в качестве главного раздражителя, чемпиона, которому нужно бросить вызов и превзойти его. Они прилагают все силы, чтобы превзойти человека в каждом аспекте приложения человеческих способностей. Нам же это честолюбивое стремление (в достижении которого они частенько преуспевают) кажется столь нереальным и притворным, каким наше половое влечение кажется им. Дело в том, что Звездные Короли являются партеногенетиками, размножаясь способом, описание которого выходит за рамки данной статьи. Не ведая тщеславия, не придавая никакого значения красоте или уродству, они изо всех сил стремятся к физическому совершенству с единственной целью — набрать как можно больше очков в своем состязании с настоящими людьми.

Что можно сказать об их достижениях? Они отличные строители, смелые инженеры, превосходные специалисты. Их раса является прагматической, не особо склонной к математике или другим абстрактным наукам. Трудно представить себе, что именно они положили начало одной из фундаментальных теорий современной физики, раскрыв основы расщепления материи (пусть даже и случайно). Их города представляют собой внушительное зрелище, возвышаясь над равнинами, подобно поросли из металлических кристаллов. Каждый взрослый Звездный Король возводит для себя шпиль или башню. Чем более пламенно его честолюбие или выше ранг, тем выше и великолепнее его башня (которой он наслаждается просто как монументом). После его кончины башня может быть временно занята какой-то младшей особью, пока она накапливает достаточное состояние, чтобы построить свою собственную башню. Хотя издали эти города кажутся восхитительными, в них отсутствуют очевидные коммунальные удобства, пространства между башнями покрыты слоем пыли, мусора и различных отходов. Фабрики, заводы и другие производственные мощности размещаются в низких утилитарных куполах и обслуживаются наименее агрессивными, наименее развитыми особями, ибо раса их не является однородной. Если проводить аналогию с людьми, то Звездных Королей можно сравнить с расой, состоящей из питекантропов, синантропов, неандертальцев, кроманьольцев и современных людей».

(Из статьи Подда Халлинского «Когда человек не является человеком», напечатанной в журнале «Космополис» за июнь 1500 года.)

В полночь группа молодежи, смеясь и распевая, подошла к стоянке. Она посетила уже изрядное количество злачных мест, одурманив себя

не только винами и наркотиками, но и более утонченными средствами типа сублимированных картин и гипнотических переживаний.

Парень, споткнувшийся о тело Герсена, сначала язвительно позлословил, но, разглядев лицо лежащего, завопил от ужаса. Один из компании побежал к своему аппарату и нажал на кнопку вызова скорой помощи. Через две минуты с неба спустился полицейский коптер и почти сразу же после него скорая помощь.

Герсена отправили в госпиталь, где ему как пострадавшему от сотрясения и шока была оказана первая помощь в виде соответствующего обличения, массажа и питательных средств. Он вскоре пришел в себя и некоторое время лежал, размышляя. Затем он резко рванулся и попытался встать. Сидевшие рядом практиканты удерживали его, но Герсен все-таки выпрямился и встал, стараясь не покачиваться.

— Моя одежда! — прохрипел он. — Верните мне мою одежду!

— Она находится в полной сохранности, сэр! Мы положили ее в кладовую. Только что прибыл служащий полиции, который возьмет у вас показания.

Герсен лег в кровать, с болью постигая произошедшее.

К нему подошел следователь, молодой человек с умным лицом, в темно-коричневом кителе и черных бриджах полиции Приморской провинции. Он вежливо представился Герсену, сел и открыл заглушку аппарата для записи.

— Что с вами произошло, сэр?

— Я проводил вечер с молодой женщиной, мисс Паллис Атроуд из Ремо. Когда мы возвращались к своему глайдеру, меня оглушили, и я не знаю, что произошло с моей девушкой. Последнее, что я помню, это то, как она пыталась вырваться из рук одного из нападавших.

— Сколько их было?

— Двое. Я узнал их. Один из них — Хильдемар Даске, другого я знаю только как Сутиро с планеты Саркой. Оба пользуются дурной славой за пределами Ойкумены.

— Понятно. Имя и адрес молодой леди?

— Паллис Атроуд. Пансион Мерионс в Ремо.

— Мы сейчас же проверим, пришла ли она домой. А теперь, мистер Герсен, расскажите мне обо всем по порядку.

Герсен уныло рассказал все подробности нападения, описал Хильдемара Даске и Сутиро. Пока он говорил, пришло сообщение из полицейской службы информации.

Паллис Атроуд не вернулась к себе домой. Шоссе, аэродромы и космопорты были взяты под наблюдение. К делу был привлечен «Интергалактпол».

— Теперь, сэр, — спокойно произнес следователь, — разрешите выяснить, чем вы занимаетесь?

— Я разведчик.

— Вы как-нибудь связаны с напавшими на вас?

— Нет! Я видел их только один раз, на планете Смейда. По-видимому, они считают меня своим противником. Я уверен, что они входят в организацию Аттеля Малагате.

— Очень странно... Но что могло их заставить столь нагло совершить преступление? Вы ничего не забыли мне рассказать? И кроме того, почему они вас не убили? Очень странно!

— Я тоже очень удивлен, — сквозь зубы произнес Герсен. Он еще раз попытался подняться. Следователь наблюдал за ним с профессиональным интересом.

— Каковы ваши дальнейшие планы, мистер Герсен? — поинтересовался он как бы мимоходом.

— Я обязан разыскать Паллис Атроуд!

— Вас вполне можно понять, — кивнул следователь. — Но лучше, если вы не будете ни во что вмешиваться. Полиция сработает лучше, чем один человек. Думаю, что в любую минуту можно ждать важных для вас сведений.

— Не думаю, — буркнул Герсен. — Они уже в космосе.

Следователь встал и молча кивнул, соглашаясь с мнением разведчика.

— Мы, естественно, будем постоянно держать вас в курсе дел, — он поклонился и вышел.

Герсен тотчас же оделся. Колени его еще подгибались, голова безумно болела, от лекарств звенело в ушах, но, в общем, он чувствовал себя довольно сносно.

Лифт привез его на станцию метро. Он стоял на платформе, пытаясь сформулировать четкий план действий. Одна и та же фраза неотступно сверлила его сознание — бедная Паллис, бедная Паллис!

Так ничего и не придумав, он вошел в капсулу и вскоре был уже на станции под Бульваром.

— Теперь она в космосе, — еще раз сказал он сам себе. — И это моя вина. Моя вина!

Он должен был предвидеть возможность такого поворота событий. Паллис Атроуд хорошо знала Уорвина, Келле и Деттераса. Она ежедневно видела их, слышала всевозможные сплетни. Малагате-Горе, Малагате-Звездный Король был одним из этих троих, и Паллис Атроуд, очевидно, зала нечто такое, что вкупе с неразумными откровениями Сутиро могло поставить под угрозу инкогнито Малагате. Следовательно, ее оказалось необходимо убрать. Убить? Продать в рабство? Отдать в личное пользование Даске?

Несчастная Паллис, бедная Паллис!

— Я должен быть готов к чему угодно, — сказал себе Герсен. — Я несу за это ответственность. Если только ей будет причинен вред, я убью Хильдемара Даске!

Сутиро, предатель с лисьей мордой, тоже может считать себя мертвецом. И та же участь постигнет самого Малагате, творца всей этой вероломной затеи. Звездный Король не вызывал у Курта прежней

ненависти — просто этого ужасного зверя можно без всяких эмоций вычеркнуть из списка живых.

Преисполненный ненависти, уныния и жалости, Герсен подошел к глайдеру на опустевшей стоянке.

Вот то место, где стоял Даске. Вот здесь я, как никудышный легкомысленный дурак, валялся без сознания! Наверное, дух моего деда должен был сгореть от стыда!

Курт завел глайдер и отправился в гостиницу. Никаких писем в его адрес не поступало.

Над Авентой занималась заря. Герсен поставил глайдер, выпил снотворное, действующее только два часа, и свалился в кровать.

Когда он проснулся, печаль и подавленность стали еще сильнее, чем прежде. Прошло время, и то, что ждало Паллис Атроуд, теперь уже стало свершившимся фактом. Герсен заказал кофе, пища просто не лезла ему в горло.

Он размышлял над тем, что же он должен предпринять. «Интергалактпол»? Там его вынудят рассказать обо всем, что он знает. Сможет ли полиция действовать более успешно, если он выложит все известные ему факты? Он мог бы сказать, что подозревает кого-то из руководителей Приморского университета в том, что он является одним из так называемых Демонов Тьмы. Ну и что? «Интергалактпол», элита полиции, со всеми характерными для организации такого рода достоинствами и недостатками, вряд ли может заслуживать доверия. Возможно, что Звездные Короли проникли в нее, и в этом случае Малагате непременно будет предупрежден. И как сможет эта информация сама по себе спасти Паллис Атроуд? Похитителем был Хильдемар Даске, Герсен сообщил об этом, и никакая другая информация не может быть более исчерпывающей.

Другая возможность — обмен планеты Тихальта на Паллис Атроуд... Курт с радостью совершил бы такую сделку, но с кем ему договариваться? Он до сих пор не смог идентифицировать Малагате. «Интергалактпол», несомненно, располагает средствами для обнаружения Звездного Короля. Что же из этого? Обмен станет невозможным, будет совершена экзекуция без особого шума, хотя «Интергалактпол», как правило, действует на основании формальной заявки какого-нибудь правительственного агентства. А тем временем что произойдет с Паллис Атроуд?

Если Герсен опознает Малагате, то диапазон средств для достижения его целей значительно расширится. Логика сложившегося положения подсказывала, чтобы Герсен продолжал свои действия в том же направлении, что и прежде. Но как медленно все движется! Подумай о Паллис, бедняжке Паллис! Хильдемар Даске давно уже ушел, и никакие усилия Герсена или «Интергалактпола» не смогут принести пользу на фоне этого упрямого факта. Только Аттель Малагате может приказать ему вернуться. Если Паллис Атроуд к тому времени будет еще жива...

Положение нисколько не изменилось. Как и раньше, самым неотложным является опознание Малагате. Затем — заключить сделку или вырвать тайну силой.

Как только ход дальнейших действий снова прояснился, настроение Герсена немного улучшилось. Точнее, его решительность и готовность к самопожертвованию вспыхнули с новой силой. Ненависть придала ему почти опьяняющее чувство всемогущества. Никто, ничто не сможет устоять перед столь пылкими чувствами!

Приближалось время его свидания с Уорвином, Келле, Деттерасом. Курт оделся, спустился в гараж, выехал на проспект и направился на юг.

Надеясь на чудо, с замиранием сердца он устремился к столу секретаря. Дежурила другая девушка. Он поклонился и вежливо спросил:

— А где мисс Атроуд?

— Не знаю, сэр. Она сегодня не вышла на работу. Возможно, заболела.

Он напомнил о своем свидании и направился к кабинету Рандла Деттераса.

Уорвин и Келле явились туда еще до него. Без сомнения, все трое уже пришли к общему решению, выработав какую-то определенную линию поведения.

Герсен пробежал взглядом по их лицам. Один из них был человеком только внешне. В таверне Смейда он промелькнул перед ним, и теперь Курт пытался вспомнить, отчетливо представить себе его зрительный образ. Но это ему не удавалось. Черная окраска кожи и экзотическая одежда создавали маскировку, через которую он не в состоянии был проникнуть. Украдкой он оценивающе посмотрел на каждого из присутствующих. Кто же? Уорвин — похожий на орла, с высокомерным холодным взглядом? Келле — педантичный, суровый, без всякого чувства юмора? Или Деттерас, добродушие которого теперь казалось неискренним и обманчивым?

Герсену пришлось признать, что он не способен решить такой загадки. С усилием ему удалось принять учтивую позу и сделать первый ход.

— Давайте упростим дело, — начал он. — Я уплачу вам — я имею в виду, разумеется, университет, — за дешифрующую карту. Думаю, что лишняя тысяча СЕВов не помешала бы университету. В любом случае вот предложение, которое я хотел бы предложить вашему вниманию.

Его противники, каждый по-своему, были захвачены врасплох. Уорвин поднял брови, Келле тупо смотрел в точку над головой Герсена, а Деттерас загадочно улыбался.

— Но, насколько мы вас поняли, вы намеревались сами продать нам кое-что! — бросил Уорвин.

— Я ничего не имею против продажи, — кивнул Герсен, — если только цена будет разумной.

— И сколько вы подразумеваете под этим словом «разумной»?

— Миллион СЕВов, возможно, даже два или три, если вы дойдете в своих торгах до такой цены.

Келле шмыгнул носом, Деттерас покачал своей огромной безобразной головой.

— Разведчикам не платят вознаграждение такого размера, — заметил все тот же Уорвин.

— Существовала ли договоренность о ценах при отправке Тихальта? — поинтересовался Герсен.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Уорвин. — Ваша заинтересованность в этом деле — деньги — стала достаточно очевидной. — Он переглянулся по очереди с Келле и Деттерасом.

— Кто бы ни договаривался с Тихальтом, он или забыл об этом, или предпочитает не раскрывать себя. Сомнительно, что таким образом мы чего-нибудь добьемся.

— Ваше поведение непоследовательно, — заметил Деттерас. — Мы же дали вам возможность сделать свое предложение. Так вот, и мы решили сделать вам свое совместное предложение, разумеется, не столь грандиозное, о котором вы только что упомянули...

— Сколько?

— Возможно, до пяти тысяч СЕВов.

— Любопытно. Но ведь это исключительная планета.

— Вы этого не знаете, — подчеркнул Уорвин. — Вы не были там или так заявляете.

— Слишком много слов, — сухо произнес Герсен. — Ближе к делу. Вы там тоже не были.

— Точно, — вмешался в разговор Келле. — Эти фотографии пока ничего не стоят. Их можно легко подделать. Я лично не собираюсь платить крупную сумму, основываясь только на этих трех фотографиях.

— Я понимаю вас, — кивнул Герсен. — Но, со своей стороны, я не намерен идти вам навстречу, не получив предварительно определенных гарантий. Не забывайте, что я понес убытки, и это — представившаяся мне возможность возместить их.

— Будьте благоразумны, — вмешался Деттерас. — Без дешифратора содержимое монитора — всего лишь одна катушка с проводом.

— Это не совсем так. Применение разложения Фурье может постепенно расшифровать запись.

— Теоретически. И не забудьте, что это очень долгий и дорогой процесс.

— Не настолько дорогой, чтобы отдавать запись практически даром.

Дискуссия продолжалась в течение часа, и Герсен едва сдерживался, чтобы не скрипеть зубами от нетерпения. В конце концов, было заключено соглашение о депонировании задатка в размере ста тысяч СЕВов. Окончательные же условия продажи будут выработаны в зависимости от физических характеристик планеты.

Как только была достигнута такая договоренность, Уорвин установил телевизионную связь в Бюро Документов и Контрактов в Авенте. Все четверо удостоверили свою личность и изложили свои обязательства, затем составили текст контракта.

Затем Уорвин, Келле и Деттерас произвели второй вызов, на этот раз в банк Альфинора, где и открыли депонент на установленную сумму.

Герсен взглянул на троих сидящих перед ним администраторов, которые так же вопросительно глядели на него, и спросил:

— Кто из вас намерен вместе со мной произвести инспекцию этой планеты?

Все трое обменялись взглядами.

— Поеду я, — заявил Уорвин. — Я очень заинтересован в том, чтобы поехать.

— Я тоже хотел бы предложить свои услуги, — усмехнулся Деттерас.

— В таком случае, — Келле тоже подал голос, — я тоже мог бы отправиться. Мне совсем не повредит перемена обстановки.

Герсен вскипел, чувствуя крушение своих надежд. Он ожидал, что лишь Малагате добровольно предложит свои услуги, что тот будет настойчивым, доказывая, что именно он должен это сделать. В таком случае Герсен мог отвести в сторону и предложить новые условия: записи за Паллис Атроуд. Что, в конце концов, значила для него эта планета? Его единственной целью было отождествление Малагате, и после этого — справедливое возмездие!

Но теперь этот план рухнул. Если все трое отправятся на планету Тихальта, опознание Малагате будет зависеть от новых обстоятельств, а судьба Паллис Атроуд повиснет на волоске.

Стоя на своем до конца, Герсен запротестовал:

— Мой корабль слишком мал для четверых. Было бы лучше, если бы только один из вас отправился со мной.

— Это несложно устроить, — заявил Деттерас. — Мы отправимся на корабле, принадлежащем отделу. На нем уйма свободного места.

— Еще одно, — сердито сказал Герсен. — В ближайшем будущем мне предстоят некоторые неотложные дела. Я извиняюсь за это, извиняюсь за причиненные вам неудобства, но я настаиваю на том, чтобы мы отправились сегодня же.

Это вызвало бурные возражения всех троих, вся их ближайшая неделя оказалась занята различными заседаниями, совещаниями и встречами.

Герсену пришлось показать свой характер:

— Джентльмены, вы и так уже потратили достаточно много своего времени. Мы отбываем сегодня, в противном случае я забираю записи в какое-нибудь другое место или даже уничтожу их.

Он внимательно посмотрел по очереди на каждого из присутствующих, надеясь обнаружить признаки испуга.

Уорвин бросил на него холодный неодобрительный взгляд. Келле смотрел на него, как на непослушного ребенка. Деттерас печально качал головой. Наступила тишина. Кто же из них, пусть неохотно, но первым согласится на его условия? Уорвин бесцветно произнес:

— Я считаю, что вы ненадежны как партнер, так как легко поддаетесь своим беспочвенным капризам.

— Вы нас загоняете в тупик, — проворчал Деттерас. — Я же не могу выбросить все свои дела в канаву за пять минут.

— Один из вас мог бы легко освободиться от всех текущих дел, — с надеждой произнес Герсен. — Мы с ним провели бы предварительное обследование планеты, достаточное для того, чтобы я смог забрать то, что мне причитается, и вернуться к своим обычным делам.

— Гм... — промычал Деттерас.

— Полагаю, что я смог бы отправиться, — медленно отчеканил Келле.

Уорвин кивнул.

— Мои встречи, конечно, с определенными неудобствами могут быть отменены на некоторое время.

Деттерас поспешно повернулся к экрану интеркома и вызвал свою секретаршу:

— Отмените все мои встречи. Да, да, все на неопределенное время. Неотложные дела заставляют меня покинуть город.

Герсен продолжал наблюдать за всеми троими. Один Деттерас откровенно показал свое раздражение. Келле, очевидно, расценивал эту поездку как краткую отлучку. Уорвин сохранял вид спокойной отрешенности.

Герсен встал и уже около двери сказал:

— Значит, встречаемся в космопорте, джентльмены. Ну, скажем, в семь часов. Я принесу записи, а один из вас должен принести дешифратор.

Все молча согласились с ним, и Герсен вышел.

Глава 5

По дороге в Авенту Герсен напряженно размышлял. Чего можно ждать от этих троих, один из которых — Аттель Малагате? Было бы совсем не глупо принять определенные меры предосторожности — этому его научил еще дед, человек методичный, который без устали трудился над тем, чтобы его внук научился сдерживать присущую ему тягу полагаться на импровизацию.

В гостинице Герсен проверил свои пожитки и кое-что отобрал, затем он все упаковал и выписался из отеля. Удостоверившись, что за ним нет слежки, он пошел в ближайшее отделение Объединенной Службы Доставки, одной из грандиозных общественных компаний с агентствами, разбросанными по всей Ойкумене. В киоске он просмотрел каталоги, которые предлагали ему на выбор миллион изделий, производимых тысячами поставщиков. Сделав свой выбор, он нажал кнопку заказов и пошел к прилавку.

Здесь пришлось подождать три минуты, пока автоматическая система рылась среди полок огромного подземного хранилища. Вскоре на ленте конвейера показался заказанный Герсеном механизм. Он осмотрел его, расплатился с клерком и на метро отправился в космопорт. У дежурного он справился о местонахождении университетского корабля. Дежурный вывел его на террасу и указал на длинную шеренгу больших и малых кораблей.

— Видите, сэр, красно-желтую яхту с платформой сбоку? Хорошо... отсчитайте три корабля вправо от нее. Первый типа СД-16, затем старая «Парабола», а затем зелено-голубой корабль с большим куполом для наблюдений. Это он и есть. Он отправляется сегодня, не так ли?

— Да. Около семи часов. Откуда вам это известно?

— Один из членов экипажа уже на борту. Мне пришлось пропустить его.

— Понятно.

Герсен вернулся вниз, на поле, пешком прошел вдоль рядов космических кораблей. Незаметно встав на корпус соседнего корабля, он внимательно осмотрел университетскую яхту. У нее были характерные очертания и довольно замысловатая эмблема на носу. В глубине сознания Курта шевельнулась неясная мысль — где-то он уже видел этот корабль... Где? На планете Смейда, на посадочном поле, зажатом между горами и черным океаном? Неужели именно этим кораблем пользовался Звездный Король?

В одном из смотровых окон мелькнула фигура человека. Когда она исчезла из виду, Герсен постарался как можно быстрее пересечь пространство между двумя кораблями.

Он осторожно дотронулся до входной двери — она слегка отодвинулась. Он вступил в переходную камеру, оттуда через прозрачную панель был виден главный салон корабля. Сутиро с Саркоя возился с каким-то предметом, прикрепляя его к нижней стороне одной из полок.

Герсен ощутил жестокую радость и безумную ненависть, которая, взорвавшись, охватила все его тело. Он попробовал внутреннюю дверь, она была заперта изнутри. Существовала, однако, аварийная рукоятка, с помощью которой можно было открыть дверь, если давление внешней атмосферы и внутри корабля в шлюзе были одинаковыми. Герсен попробовал аварийную систему.

Раздался хорошо различимый щелчок, но внутри корабля все было тихо. Не осмеливаясь взглянуть через панель, Герсен приложил ухо к двери. Бесполезно — никакой звук не мог бы проникнуть через дверь из толстого проката. Он подождал минуту, а затем осторожно заглянул внутрь.

Сутиро ничего не слышал. Он ушел в переднюю часть салона и теперь приспосабливал что-то внутри подпорки. Его тяжелая плоская голова была наклонена вниз, зубы крепко сжаты.

Герсен проскользнул через дверь и вошел внутрь с энергометом, нацеленным на крупную квадратную пряжку на поясе Сутиро.

— Достопочтенный Сутиро, — сказал Курт. — Я даже не смел мечтать, что получу от нашей встречи такое удовольствие.

Коричневые глаза отравителя обалдело моргали. Но он быстро пришел в себя и улыбнулся.

— Я ждал, что вы придете, сэр.

— Серьезно? А зачем?

— Я хотел продолжить наш вчерашний разговор.

— Мы говорили о Годогме, длинноногом ходоке с колесами на ступнях. Вот он и пересек тропу вашей жизни, Сутиро. Вы уже никогда не сможете наслаждаться жизнью, разъезжая в своем фургоне по степям родного Саркоя.

Сутиро оцепенел, меряя взглядом Герсена.

— Что случилось с девушкой? — как можно мягче спросил Курт.

Сутиро задумался и, очевидно, отверг мысль, что он может сейчас изображать оскорбленную ненависть.

— Ее забрал Красавчик.

— При вашем попустительстве. Где она сейчас?

Сутиро пожал плечами:

— Ему было приказано убить ее. Почему — я не знаю. Мне говорят очень мало. Но Даске не убьет ее до тех пор, пока полностью не наиграется. Он — кнехт, — Сутиро усмехнулся, довольный этим сравнением Даске с непристойно плодовитым зверьком на Саркое.

— Он покинул Альфинор?

— Разумеется, — Сутиро, казалось, был удивлен наивным вопросом Герсена. — Скорее всего, он отправился на свою планетку.

Он сделал двусмысленный жест и придвинулся на несколько дюймов к Курту.

— Где эта планета?

— Ха! Неужели вы думаете, что он раскрывает мне такие секреты? Или кому-нибудь еще?

— В таком случае я должен попросить вас отодвинуться назад.

— Тьфу! — прошептал Сутиро. — Я и так могу отравить вас в любое мгновение, когда захочу.

Легкая усмешка искривила губы Герсена.

— Но я уже отравил вас раньше.

Сутиро поднял брови:

— Когда? Вы ни разу не подходили близко ко мне.

— Вчера вечером. Я прикоснулся к вам, передавая салфетку. Взгляните-ка на тыльную сторону своей правой кисти.

Сутиро, онемев от ужаса, смотрел на красный рубец.

— Клюс!

Герсен кивнул:

— Да, клюс! Яд, не имеющий противоядия.

— Но почему вы сделали это со мной?

— Вы заслужили такой конец.

Сутиро, как леопард, метнулся вперед, но из дула энергомета вылетел бело-голубой сноп энергии. Сутиро упал на палубу, не отрывая глаз от Курта.

— Лучше плазма, чем клюс! — прохрипел он.

— Нет! Вы умрете от клюса.

Сутиро мотнул головой.

— Нет, пока при мне мои яды.

— Годогма призывает вас, Сутиро. И, значит, сейчас вы скажете правду, не так ли? Вы ненавидите Хильдемара Даске?

— Да, я его ненавижу, ненавижу! — Сутиро, казалось, был удивлен, что кто-то усомнился в его отношении к этому зверю.

— Я убью вашего друга.

— Многие хотели бы это сделать. Вы думаете, я не убил бы его, будь у меня хоть единственный шанс? — мрачно улыбнулся саркоит.

— Где же расположена его планета?

— Где-то в Глуши. Больше я ничего не знаю.

— Когда вы собираетесь встретиться с ним в следующий раз?

— Никогда. Я умираю, но Даске уготовано место в аду еще более глубокое, чем мне.

— А если бы вы были живы?

— Все равно. Я собирался вернуться на Саркой.

— Кому-нибудь известно о его планете?

— Может быть, Малагате.

— Там больше никого нет? Например, Тристано?

— Нет. Даске никого не любит и тайнами своими ни с кем не делится. Да, чуть не забыл — на его планете нет воздуха. — Сутиро съежился. — Мурашки по коже побежали. Действие яда усиливается.

— Послушайте, Сутиро. Вы ненавидите Даске. Так? И вы ненавидите меня за то, что я отравил вас. Подумайте! Вы, уроженец Саркоя, отравлены мною с такой легкостью!

— Да, я ненавижу вас, — пробормотал Сутиро.

— Тогда скажите мне, как найти Даске. Один из нас обязан убить его. Его смерть будет и отмщением за вас!

Сутиро в отчаянии затряс головой.

— Но я не могу сказать больше того, что знаю.

— Что он вам говорил о своей планете? И говорил ли он что-нибудь вообще?

— Он хвастался. Даске подлый хвастун. Его планета сурова. Только такой человек, как он сам, смог бы прижиться на ней. Он живет в кратере потухшего вулкана.

— А что он говорил насчет солнца?

Сутиро еще больше скорчился.

— Оно тусклое. Да, должно быть, оно красное. Даске как-то спрашивали о его лице в одной таверне: почему это он красит себя

в красный цвет? Под цвет своего светила, обычно говорил Красавчик, которое имеет такой же оттенок, но только чуточку побольше.

— Красный карлик, — задумчиво пробормотал Герсен.

— Может быть, и так.

— Подумайте! Что он еще говорил? В каком направлении находится планета? Какое созвездие? Сектор?

— Он ничего не говорил об этом. А теперь мне уже все равно. Я думаю только о Годогме. Уйдите, чтобы я мог достойно убить себя.

Герсен без всяких эмоций посмотрел на скорчившееся тело Сутиро.

— Что вы делали здесь, на корабле?

Саркоит взглянул на свою руку и почесал грудь.

— Я чувствую, как он движется. — Он безразлично посмотрел на Герсена. — Что ж, раз вы так хотите видеть меня мертвым, то смотрите!

Он прижал ладони к горлу и судорожно сжал пальцы.

— Осталось тридцать секунд.

— Кто знает о планете Даске? У него есть друзья?

— Друзья? — Сутиро даже в свои последние мгновения не преминул презрительно усмехнуться.

— Где он проживает в Авенте?

— К северу от пляжа «Сеймэйкер». Старая хижина, что на холме Мелной.

— Кто такой Малагате? Как его человеческое имя?

— У Звездного Короля нет имени, — почти прошептал Сутиро.

— Под каким именем он известен на Альфиноре?

Толстые губы округлились, но слова застряли в горле.

— Вы убили меня. И если не повезет Даске, то пусть уж Малагате убьет вас!

Веки Сутиро дернулись и затрепетали. Затем он откинулся назад и замер.

Герсен взглянул на тело, обошел его и стал внимательно приглядываться к мертвому врагу. Уроженцы Саркоя имели дурную репутацию мстительных и вероломных созданий. Носком ботинка Курт попробовал перевернуть тело лицом вниз. Быстрая, как змея, взметнулась рука с заостренным ядовитым ногтем наготове.

Герсен отпрянул назад. Энергомет во второй раз изрыгнул пламя. На этот раз Сутиро с Саркоя действительно отправился к праотцам.

Герсен обыскал труп. В карманах он нашел деньги, которые засунул в свой бумажник, а также целый набор ядов, которые он отложил в сторону. Там было также устройство размером с большой палец, предназначенное для стрельбы ядовитыми и зараженными иглами, работающие на сжатом воздухе. С помощью этого устройства можно было попасть в человека на расстоянии до пятнадцати метров, и он ничего не почувствовал бы, кроме едва ощутимого зуда. У Сутиро был такой же, как и у Герсена, энергомет, три кинжала, пакет фруктовых лепешек, несомненно отравленных, подумал Курт.

Герсен рассовал яды вместе со всем оружием по карманам трупа, оттащил его к шлюзу для выброса отходов и запихал в шлюз, так, чтобы ничего не бросалось в глаза. Когда корабль будет в космосе, одно нажатие на кнопку, и труп саркоита исчезнет в пространстве. Затем Курт начал искать устройство, которое Сутиро столь тщательно устанавливал. Под полкой он обнаружил небольшой тумблер, от которого шла проводка к скрытому реле, в свою очередь, открывавшему клапаны в четырех сосудах с газом, установленных в различных потайных местах салона.

— Ядовитый или усыпляющий газ?

На одном из сосудов он нашел этикетку, напечатанную угловатым шрифтом, употреблявшимся на Саркое. Она гласила:

«Мгновенный наркотик. Сон наступает с минимальными последствиями».

Курт вынес каждый из четырех баллонов ко входной двери, освободил их содержимое и поставил на место. Он оставил на месте и тумблер, установленный Сутиро, но изменил его функцию.

Сделав это, Герсен достал свое собственное устройство: таймер, который он только что приобрел, и гранату из старых запасов.

Немного подумав, он поместил их в реактивном отсеке, где они не принесут особого ущерба, но будут всегда под рукой в случае особой необходимости.

Он взглянул на часы: час дня. Времени оставалось очень немного для всего того, что еще должно было быть сделано. Он вышел из корабля, закрыв его за собой, и, вернувшись в здание космовокзала, отправился на стоянку глайдеров. Необходимо было ехать в Сеймэйкер-бич.

Он выбрал одноместный кэб — гигроскопически уравновешенный скуттер с прозрачным колпаком. Два СЕВа в прорезь автомата, и он получил его в свое распоряжение на один час. Поднявшись над стоянкой, Курт направился к северу.

Район Сеймэйкер-бич нес на себе отпечаток уникальности. Авента, вольный космополитический город, почти ничем не отличался от доброй полусотни других мегаполисов Ойкумены. Сеймэйкер-бич, напротив, не был похож ни на какое другое поселение человека в известной части Вселенной. Дома низкие с толстыми стенами из обломков бетона и ракушника, белые или отбеленные дождями и сверкающие под ослепительным солнцем Ригеля. Район этот был убежищем для представителей нескольких дюжин различных народностей с других планет. Каждый из них жил в своем квартале с характерными для него продуктовыми магазинами, ресторанами и культурными учреждениями. Несмотря на большие расхождения в происхождении, обычаях, внешнем виде, обитатели района были одинаково говорливыми, наполовину подозрительными, наполовину наивными, одинаково презрительно относившимися как к чужакам, так и друг к другу. Они зарабатывали себе на жизнь, обслуживая туристов в качестве домашней прислуги либо поденщиков.

Кроме того, многие из них были владельцами маленьких лавок или ремесленных мастерских. Многие выступали в качестве артистов или музыкантов в бесчисленных тавернах, ресторанах, бистро, борделях.

К северу от этого района возвышался холм Мелной, и здесь архитектура зданий была совсем иной: высокие узкие жилые здания почти готических пропорций, каждое из которых, казалось, хотело вырасти выше соседа. Именно здесь, по слухам, и обитал Хильдемар Даске.

В адресной районной книге Красавчик не числился — да Герсен и не ожидал этого. Он стал заходить в таверны, справляясь о высоком мужчине с расщепленным носом, красным цветом кожи и синими щеками. Вскоре он наткнулся на людей, которые не раз видели Даске, но только в четвертой таверне он наконец-то нашел человека, который с ним разговаривал.

— Вы, должно быть, имеете в виду Красавчика, — сказал бармен. — Да, он частенько наведывался сюда, чтобы выпить. Он представлялся астронавтом, но я не очень-то верю в это. Я и сам часто заявляю, что я великий любовник. Все мы лжем зачастую больше, чем это необходимо. «В чем истина?» — спросил один раз Понс Пилатус в одной из своих басен, и я отвечаю: «В одном предмете для наслаждений, который дешевле, чем воздух, но который мы прячем, будто это драгоценный камень».

Бармен совсем было расфилософствовался, но Герсен быстро вернул его к предмету своих поисков:

— Где же живет этот Красавчик? Вы, должно быть, знаете, раз он ваш завсегдатай.

— На той стороне холма. — Бармен неопределенно показал рукой. — Большего я не могу сказать, потому что и сам не знаю.

Расспросы в других тавернах, лавках и просто на перекрестках в конце концов позволили Гарсену довольно точно определить местонахождение берлоги Даске, и он выехал по узкой мощеной улочке из района высоких жилых домов, обогнул скалистый обрыв и в конце дороги увидел стоящий отдельно прямоугольный коттедж, а за ним — великолепную панораму всего залива. К югу был виден бульвар, еще дальше едва проступали контуры высотных зданий Ремо.

Герсен осторожно приблизился к дому, хотя весь вид коттеджа говорил о том, что он пуст. Он обошел его вокруг, заглядывая в окна, и не обнаружил ничего интересного. Осмотревшись быстро по сторонам, он взломал оконный переплет укрытого от постороннего глаза окна и осторожно, на тот случай, если Даске подстроил какую-нибудь ловушку, забрался внутрь.

Все в доме говорило о том, что это и есть обитель Даске — едва уловимый запах и общая атмосфера, еще более неуловимая, чем запах. Атмосфера жестокости, атмосфера темной, необузданной силы. Здесь жил человек-животное.

Герсен быстро произвел общий осмотр, затем сосредоточил свое внимание на гостиной. В углу стоял письменный стол и тяжелое кресло. На стене над столом висели десятки фотографий Даске во всех позах на фоне самых разнообразных пейзажей.

Здесь был Даске крупным планом — отчетливо была видна каждая пора его кожи, расщепленный хрящ носа, глубокие глаза без век. Здесь был Даске на носилках, задрапированных тончайшим шелком, которые несли на своих плечах шесть черноволосых служанок. Здесь был Даске в костюме пожарника с планеты Барриал — в сияющих доспехах и каске с рогами, похожий на огромного жука.

В углу комнаты размещался ряд фотографий незнакомого Герсену мужчины. По всей вероятности, снимки делали на довольно большом промежутке времени. На первом из них было лицо тринадцатилетнего парня — твердое, самоуверенное, бульдожье лицо, спокойное и благодушное. На последующих фотографиях это лицо постепенно изменялось в растущей прогрессии. Щеки все более западали, глаза выкатывались из глазниц, на висках больше проступала запутанная сетка жилок и нервов. С каждым последующим снимком лицо становилось все более изможденным...

Герсен пробежал взглядом по корешкам книг: альбомы с порнографией, справочник по ядам Саркоя, последние издания справочника «По планетам», указатель библиотеки микрофильмов, «Звездное руководство».

Стол сам по себе был роскошным, причем роскошным в высшей степени этого слова. Герсен проверил все ящики и дальние углы стола. Но здесь ничего интересного не было. Отчаяние начало охватывать Герсена. Через четыре часа он должен встретиться с Деттерасом, Келле и Уорвином в космопорте. Курт стоял в центре комнаты, тщательно рассматривая каждый предмет. Здесь должна быть хоть какая-нибудь связь с таинственной планетой Даске. Но как обнаружить ее?

Он подошел к книжной полке и снял «Звездное руководство». Внимательно посмотрев на оглавление, он заставил себя сосредоточиться. Если красный карлик Даске упоминался в этом руководстве, то Красавчик неоднократно должен был обращаться к нему. Однако никаких пометок заметно не было. Тогда Герсен внимательно пригляделся к форзацу. Примерно четверть книги имела более темный торец — свидетельство того, что именно эти страницы Даске листал особенно часто. Герсен аккуратно отделил эту часть книги и стал просматривать, какие красные карлики описаны на ее страницах. Для каждой звезды в справочнике давалось одиннадцать признаков: индекс, созвездие, в котором она расположена при наблюдении с Земли, тип, информация о планетах, вектор скорости, диаметр, звездная величина, координаты, расстояние от центра Галактики и примечания. В этой части книги перечислялись двадцать три красных карлика. Восемь из них были двойными, одиннадцать не имели планет. Вокруг оставшихся четырех обращалось восемь планет. Именно их Курт проверил особенно тщательно и с большой неохотой вынужден был признать, что жить нельзя ни на одной из них. Пять планет

оказались слишком горячими, одна — полностью окутана жидким метаном, а две были слишком массивными — их силы тяжести человеческий организм просто не мог выдержать.

От разочарования Герсен опустил руки. Ничего! Но тем не менее именно к этим страницам неоднократно обращался Даске. Подтверждением этого явилось и то, что именно эти несколько страниц не слипались между собой, когда Курт попробовал подвесить книгу, взяв ее за корешок. На всякий случай Герсен вырвал эти несколько страниц.

Входная дверь отворилась. Курт резко повернулся. В проеме двери стоял мужчина средних лет, ростом не выше мальчика лет десяти. У него была крупная голова, грубые черты лица, заостренные длинные уши и большой выступающий вперед рот. Все вместе говорило о том, что это был уроженец гор с планеты Крокиноль, представитель одной из наиболее специализированных рас Скопления.

Он вошел в комнату с обеспокоенным видом.

— Кто вы такой и что делаете в доме мистера Спока? Неужели вы взломщик? Ну, конечно же...

Герсен поставил книгу на место, а карлик продолжал свой монолог:

— Что вы здесь делаете? Зачем вы вырвали из этой книги страницы? Ведь эта книга для мистера Спока самая ценная. Вряд ли ему понравилось бы, что вы хватаете ее своими пальцами. Лучше я схожу за констеблем.

— Подойдите сюда! — приказал Герсен. — Кто вы?

— Я присматриваю за этим домом, вот кто я! Кроме того, это моя земля и мой дом. Это мое поместье, понимаете? Мистер Спок — человек, которого я пустил к себе, но это вовсе не значит, что любой взломщик может прибрать к рукам его имущество, пока он отсутствует.

— Мистер Спок — преступник.

— Если это так, то то, что вы здесь делаете, показывает, что среди воров нет такого понятия, как честь.

— Я не вор, — спокойно сказал Герсен. — Вашим постояльцем интересуется «Интергалактпол».

Карлик вытянул шею вперед.

— Вы из «Интергалактпола»? А ну-ка, покажите мне свою звезду.

Считая, что карлик с Крокиноля вряд ли когда-либо видел значок этой организации, Герсен показал ему прозрачную пластинку со своей фотографией под золотой семиконечной звездой. Он прикоснулся ею ко лбу, и звезда засверкала золотым блеском, что произвело на карлика неизгладимое впечатление. Он тут же чистосердечно раскрыл свои объятия перед Герсеном.

— Я всегда чувствовал, что с мистером Споком что-то не так! Попомните мои слова, он плохо кончит! Что же он натворил сейчас?

— Похищение и убийство.

— Одно хуже другого! Мне придется остерегаться этого человека.

— Правильно решили. Это очень порочный человек. Сколько он прожил здесь?

— Не один год.

— Значит, вы хорошо его знаете?

— Пожалуй... Кто еще пьет с ним, когда всех от него воротит, словно от него исходит зловоние? Да, я пью с ним, и довольно частенько. Хотя смотреть на него не бог весть какое удовольствие. Но я так жалел его!

— Значит, вы друг мистера Спока?

— Я? Конечно же нет! — с негодованием возразил карлик. — Разве я похож на тех, кто водится с преступниками?

— Но вы очень много общались с ним, знаете его образ жизни.

— Что да, то да. О чем он мне только не рассказывал, — карлик нелепо закатил глаза. — Верил ли я ему? Нет!

— Говорил он вам о своей планете?

— Еще сколько! Он называет ее Ущельем Ногтя Большого Пальца. Почему? Он всегда качает головой, когда я его об этом спрашиваю. Очень скрытный человек, знаете ли? Несмотря на все его бахвальство, он очень скрытен и к тому же хитер. Да, очень скры...

— А что еще он рассказывал вам об этой планете? — перебил карлика Герсен.

— Дайте-ка вспомнить... Солнце кроваво-красное, едва-едва обогревающее эту планетку...

— И где же она находится?

— Эге! Вот здесь-то он не промах! Ни слова об этом за все годы. Я много раз изумлялся, стоило мне только подумать, как бедный мистер Спок томится от тоски на этой одинокой планете и не скрадывает свое одиночество беседой с друзьями.

Герсен угрюмо улыбнулся:

— И он так ни разу за все годы не доверился вам?

— Ни разу. Зачем вы все это хотите знать?

— Он похитил молодую невинную девушку и забрал ее с собой на свою планету.

— Вот мошенник! Какая подлая тварь! — карлик затряс головой, изображая негодование, в котором, правда, была изрядная доля зависти. — Я больше никогда не пущу его на порог своего дома!

— Вспомните, что еще говорил Даске о своей планете?

Карлик поморщился.

— Значит так... Ущелье Ногтя Большого Пальца... планета больше, чем ее солнце... Удивительно, не так ли?

— Если солнце является красным карликом, то это не удивительно.

— Вулканы! На этой планете имеются действующие вулканы! — Карлик от радости подпрыгнул.

— Что? Вулканы? Странно. Планетам красных карликов не положено иметь вулканов. Они слишком древние для действующих вулканов.

— Древние или юные, а вулканы там процветают. Мистер Спок живет в кратере потухшего вулкана, и он видит целую гряду курящихся гигантов вплоть до самого горизонта.

— Что еще он вам говорил?

— Ничего!

— Сколько времени у него отнимает путь на свою планету?

— Этого я не могу сказать.

— Вы встречались когда-нибудь с его друзьями?

— С собутыльниками в таверне — да. Не более того. Но нет, постойте-ка! Меньше года назад я познакомился с землянином — грубым, жестоким человеком.

— Тристано?

— Имя его мне не известно. Мистер Спок только что вернулся тогда из деловой поездки в глушь. Он был, если мне не изменяет память, на планете Новая Надежда. Вы слыхали о ней?

— Я никогда там не бывал.

— Я тоже, хотя забирался в дни своей молодости довольно далеко. Но как раз в день его возвращения, когда мы сидели в пивной Гельперино, заявился землянин. «Где ты пропадал? — спросил он у Спока. — Я здесь уже десять дней, а мы ведь вместе с тобой покидали Надежду». Мистер Спок взглянул на него свысока: «Я заглянул на полдня в свою маленькую берлогу. Ты же знаешь, что там у меня есть обязанности». И землянин больше ничего не сказал.

Герсен на мгновение задумался и перед уходом спросил:

— Что вы еще знаете?

— Больше ничего.

Курт еще раз осмотрел дом, затем вышел, не обращая внимания на требования карлика о возмещении ущерба за взломанную раму. Он поспешно направился в центр Авенты, нашел контору Всеобщей Технической службы и задал вопрос оператору:

— Проблема такова. Два корабля отправляются с планеты Новая Надежда. Один из них направляется непосредственно сюда, на Авенту. Другой — на какую-то красную карликовую звезду, проводит там полдня, затем также отбывает на Авенту, приземляясь здесь на десять дней позже. Мне нужен список красных карликов, которые мог посетить этот второй корабль.

Оператор задумался.

— В данном случае мы, очевидно, имеем здесь эллипсоид с фокусами на Новой Надежде и на Альфиноре. Мы должны принять во внимание ускорение и замедление, время нахождения в пути, на орбитах вокруг этих планет и время на посадку. Здесь будет обязательно геометрическое место точек наибольшей вероятности и зона понижающейся вероятности.

— Сформулируйте задачи так, чтобы машина составила список в порядке вероятности.

— До каких пределов?

— Ну, один к пятидесяти. Добавьте в список этих звезд также их константы из справочника.

— Очень хорошо, сэр. Цена — двадцать пять СЕВов.

Герсен вынул деньги. Оператор перевел условия задачи в удобную для программирования форму и передал их в микрофон. Через тридцать секунд из прорези выпал лист бумаги. Оператор взглянул на него, подписался и, не проронив ни слова, передал его Герсену.

В списке было сорок три звезды. Курт сравнил этот список со звездами, перечисленными на страницах, вырванных из «Руководства» Даске. Только одна звезда фигурировала в обоих списках. Герсен нахмурился. Судя по всему, это была двойная звезда без планет. Спутником ее...

«Конечно же! — подумал Герсен. — Наконец-то!» Как же иначе могут существовать вулканы на спутнике красного карлика? Планета Даске была вовсе не планетой, а темной звездой с мертвой поверхностью, возможно, даже еще не совсем остывшей. Герсен слышал о таких мирах. Обычно они имели слишком высокую плотность, были слишком массивны, чтобы на них мог прожить человек. Однако небольшая звезда за два-три миллиарда лет, случалось, выделывала такое количество тяжелых элементов, что могла образоваться толстая оболочка из легких элементов, прежде чем сила тяжести на ее поверхности снижалась до вполне разумного уровня.

Келле, Уорвин и Деттерас появились в космопорте почти в семь часов. Они оделись в комбинезоны астронавтов и тонировали кожу голубовато-коричневой краской, которая, как когда-то считали, защищает человеческий организм от таинственной побочной радиации, возникающей от расщепления Джарелла. Окраска эта со временем стала обычным приложением для путешествующих в космосе. Они остановились посреди вестибюля и стали осматриваться вокруг. Заметив Герсена, они повернулись к нему лицом.

— Похоже, что все в порядке. Я благодарю вас, джентльмены, за то, что вы так быстро подготовились.

— Что было достигнуто за счет больших неудобств, — заявил Келле.

— Со временем причина спешки станет ясной, — сказал Герсен. — Ваш багаж?

— На пути к кораблю, — заметил Деттерас.

— Значит, в путь! Отправление нам уже дали?

— Все улажено, — кивнул Уорвин.

Багаж — четыре больших чемодана и немалое количество пакетов поменьше — уже был уложен перед кораблем. Уорвин отпер входные двери, Герсен и Келле перенесли чемоданы в салон. Деттерас сделал самоуверенную попытку принять командование на себя.

— На борту имеется четыре отделения. Я занимаю переднее с борта. Вы, Келле, размещаетесь на корме, также справа. Уорвин и

Герсен занимают левый борт — соответственно, на носу и на корме. Тогда мы вполне сможем освободить салон от багажа.

— Одну минуту, — остановил его Герсен. — Есть одно дело, которое мы должны решить прежде, чем двинемся дальше.

— Что это за дело? — оживился Деттерас.

— У нас на корабле сейчас две партии, интересы которых различны. Ни одна из них не доверяет другой. Мы отправляемся в Глушь, туда, где отсутствует закон. Все из нас, зная об этом, принесли с собой оружие. Я предлагаю, чтобы мы заперли все оружие в сейф. Затем мы откроем багаж и, если будет необходимо, разденемся донага, чтобы удостовериться, что каждый из нас не утаил что-либо из оружия. Поскольку вас трое, а я один, в любом случае преимущество будет на вашей стороне.

— В высшей степени недостойный процесс, — проворчал Деттерас.

Келле, гораздо более рассудительный, чем ожидал Герсен, произнес:

— Рандл, ведь Герсен не постеснялся трезво разъяснить нам реальность. Короче, я с ним согласен. Тем более что оружия у меня нет.

Уорвин сделал небрежный жест:

— Обыскивайте меня, обыскивайте мой багаж, но скорее в путь.

Деттерас покачал головой, но все же открыл свой чемодан и извлек оттуда энергомет большой мощности. Подержав оружие в руках, он швырнул его на пол.

— Я оставляю при себе свои сомнения относительно разумности всего этого. Я ничего не имею против личности мистера Герсена, но предположим, что он отвезет нас на какую-нибудь отдаленную планету, где его ждут сообщники. Они захватывают нас и требуют выкуп! Как вы на это смотрите?

Герсен рассмеялся.

— Если вы считаете это реальной опасностью, то вам необходимо остаться здесь. Мне безразлично, поедет ли со мной кто-нибудь один, или все вместе.

— А как насчет вашего оружия? — спросил Уорвин.

Герсен вытащил свой энергомет, пару стилетов, кинжал, ампулу с ядом и четыре гранаты величиной с грецкий орех.

— У вас здесь целый арсенал, — неодобрительно покачал головой Деттерас.

— Иногда я испытываю в нем необходимость, — сказал Герсен. — А теперь багаж...

Собранное вместе оружие было помещено в одну из кладовых с четырьмя замками, причем каждому был отдан ключ от одного из замков.

Специальный кран подхватил корабль и перенес его со стоянки на взлетную площадку. Деттерас встал возле главного пульта и дотронулся до кнопки — зажегся целый ряд зеленых сигналов.

— Все готово к отправлению, — заявил он. — Баки заправлены полностью, оборудование в полном порядке.

Келле прочистил горло и вытащил красивую деревянную шкатулку, обитую красной замшей.

— Это один из дешифраторов, принадлежащих отделу. Я полагаю, записи мистера Тихальта при вас?

— Конечно, — кивнул Герсен. — Они у меня. Но с этим нечего спешить. Прежде чем мы зарядим монитор, мы должны достичь базового пункта нулевого отсчета, который находится довольно далеко.

— Хорошо, — согласился Деттерас. — Где координаты?

Герсен протянул ему узкую полоску бумаги.

— Если вы позволите, я переключу корабль на автопилот.

Деттерас поднялся.

— Мне кажется, что больше нет причин для недоверия. Мы освободились от имевшегося у нас оружия. Все как будто улажено. Так давайте же расслабимся и будем вести себя дружелюбно.

— С удовольствием! — засмеялся Герсен.

Кран отъехал от корабля. Все разместились по штатным взлетным местам. Деттерас включил программу автоматического полета. Взревели двигатели, сообщая кораблю ускорение, и Альфинор быстро исчез из виду.

Глава 6

«...В нашем беглом обзоре мы уже показали, что каждый из Демонов Тьмы своеобразен и не похож ни на кого другого. Мы рассмотрели также, как в деятельности каждого из них раскрываются черты его характера.

Это тем более интересно, что количество модификаций возможных преступлений весьма ограничено и может быть перечислено по пальцам. Существуют преступления ради наживы: вымогательство, грабеж (включая пиратство и набеги на население), надувательство во всех его бесконечных обличиях. Существует рабовладение, добыча и использование рабской силы.

Убийство, насилие и пытки являются просто сопутствующими элементами, возникающими при этих преступлениях. Личная развращенность в равной степени ограничена и может выражаться в половом разврате, садизме, актах насилия, вызываемых задетым самолюбием, местью, жаждой реванша или вандализмом.

Безусловно, этот перечень не является полным, возможно, он даже нелогичен, но не об этом сейчас идет речь. Я просто хочу показать его небольшой объем, дабы проиллюстрировать, что каждый из Демонов Тьмы, творя то или иное зверство, накладывает на него отпечаток своего собственного вкуса и тем самым как будто создает новый вид преступления.

В предыдущих главах мы рассмотрели одержимого манией величия Кокора Хеккуса и его теорию ужасов. Тщательно рассмотрен также и Виоле Фалбши, сладострастник, сибарит и кинестатик-любитель.

Совершенно другим является Аттель Малагате, или, как его еще называют, — Малагате-Горе. Он отличается от рассмотренных нами Демонов Тьмы как по своему стилю, так и по манерам. Гораздо больше, чем возвеличивание своей персоны и своих поступков, Малагате предпочитает столь же леденящую душу скрытность, невидимость, полнейшую обезличенность. Не существует достоверного описания Малагате, и даже само имя «Малагате» является прозвищем. Он действует с неутолимой злобой, его поступки никогда не являются бессмысленными, и даже если он содержит дворец наслаждений в стиле Виоле Фалюши или Говарда Алана Трисонга, это является тщательно оберегаемой тайной.

Малагате специализируется в основном на вымогательстве и рабстве. На конклаве 1500 года на планете Смейда, где пятеро Демонов Тьмы и дюжина злодеев помельче встретились для того, чтобы четко разграничить сферы своего влияния, Малагате был выделен сектор с центром в Скоплении Ферре. В него входит более сотни поселений и городов, которые Малагате тут же обложил данью в свою пользу. Он редко сталкивается с протестами и жалобами, поскольку ему достаточно напомнить о судьбе Маунт-Плизенат, города с населением в пять тысяч человек, который отклонил его домогательства. В 1499 году Малагате пригласил четырех других Демонов присоединиться к нему. Банда смела с лица планеты город, захватила все его население и обратила его в рабство.

На планете Грабхоры он содержит плантацию площадью около десяти тысяч квадратных миль, где живет, судя по оценкам, около двадцати тысяч рабов. Там имеются хорошо ухоженные поля и предприятия, производящие изысканную мебель, музыкальные инструменты и электронные устройства разного назначения. С рабами обращаются с неприкрытой жестокостью, однако рабочий день у них длинный, общежития грязные, возможности для какой-либо другой деятельности ограничены. Наказанием является перевод на шахты, из которых человек уже вряд ли возвратится живым.

Как правило, Аттель Малагате относится ко всем одинаково беспристрастно, но иногда он концентрирует свое внимание на ком-нибудь одном. Планета Каро расположена в районе, который не находился непосредственно в сфере действий какого-либо из Демонов Тьмы. Мэр города Десде, Яноуш Парагиглия, непрерывно настаивал на организации милиции и космического флота, способного защитить Каро от нападения Малагате или какого-либо другого из Демонов Тьмы в случае их нападения на планету.

Малагате похитил Парагиглию и в течение тридцати девяти дней подвергал его пыткам, транслируя эти экзекуции по телевидению не только на города планеты Каро и на все планеты своего собственного сектора, но и на планеты Скопления Ригель, хотя такая бравада для него очень нехарактерна.

Как уже упоминалось, его личные наклонности неизвестны. Время от времени ходят слухи, что Малагате получает наслаждение, лично участвуя в поединках гладиаторов на мечах или шпагах с наиболее крепким телом противником. Говорят, что он обладает сверхчеловеческой силой и ловкостью и получает огромное удовольствие, разрубая своего противника на части.

Подобно некоторым другим демонам Тьмы, Малагате много времени проводит в Ойкумене и, если верить слухам, занимает там высокое положение на одной из главных планет».

(Из главы «Малагате-Горе» монографии Керила Карфена «Демоны Тьмы».)

Альфинор стал расплывчатым диском и вскоре затерялся среди звезд. Внутри корабля жизнь четверых его пассажиров постепенно начала налаживаться. Келле и Уорвин завязали между собой тихий разговор. Деттерас смотрел вперед на усеянную звездами бездну. Герсен уселся в стороне от них, не спуская глаз со своих попутчиков.

Один из них — не настоящий человек. Кто же?

Герсену показалось, что он уже знает это.

И все же он не чувствовал той уверенности, которая могла привести к смерти Малагате. Его догадка основывалась на косвенных знаках и предположениях. Малагате же, со своей стороны, пока что не должен был сомневаться в безопасности своего инкогнито. У него не было повода подозревать истинные цели Герсена, он все еще видел в Герсене не более чем разведчика-рвача, стремящегося сорвать куш побольше. Что ж, это к лучшему, подумал Курт, особенно если это поможет точно опознать врага. Он жаждал только освобождения Паллис Атроуд и смерти Малагате. И конечно же Хильдемара Даске. Если Паллис Атроуд уже мертва, то тем хуже для Даске.

Герсен тайком посматривал на подозреваемого. Действительно ли этот человек — Малагате? Неужели его ждет неудача, когда он так близок к цели? У Малагате, разумеется, сейчас собственные планы. За маской человека бьется разум, не имеющий ничего общего с человеческим, движимый мотивами, до сих пор неясными Герсену.

Курт смог определить по крайней мере три неопределенных пункта в сложившемся положении. Во-первых, имеется ли у Малагате оружие и имеет ли он доступ к оружию, предварительно спрятанному на борту корабля? Это было весьма вероятным, хотя он, может быть, полагается только на спрятанные баллоны с усыпляющим газом.

Во-вторых, были ли остальные два человека на борту его сообщниками? Такое тоже вполне возможно, хотя и в гораздо меньшей степени.

И, в-третьих, хотя это и зависело от других обстоятельств: что произойдет, когда корабль достигнет потухшей звезды Даске? Здесь снова был широкий аспект возможностей. Известно ли Малагате убежище Даске? Если это так, то узнает ли он его по внешнему виду?

Ответом на эти вопросы, с большой степенью вероятности, могло быть утверждение.

Следующее, о чем нужно было позаботиться, это каким образом застать Даске врасплох и пленить или убить его без помех со стороны Малагате.

Одно было ясно — то дружелюбие, к которому призывал Деттерас, скоро подвергнется суровому испытанию.

Время шло. Жизнь на корабле текла своим чередом. Герсен выбрал благоприятный момент и предал тело Сутиро космосу. Корабль без всяких усилий несся мимо сверкающих звезд с ошеломляющей скоростью и в какой-то момент пересек незримую черту, определяющую сферу человеческой цивилизации и закона и отделяющую ее от бескрайних просторов Галактики, не тронутых цивилизацией.

Герсен продолжал внимательно наблюдать за своими попутчиками, гадая, кто из них первый выскажет беспокойство или подозрение относительно ближайшего места назначения.

— К каким это чертям нас несет? — раздраженно справился Келле. — Разве эти районы, которые привлекают разведчиков? Мы фактически находимся в межгалактическом пространстве.

Герсен принял непринужденную позу.

— Джентльмены, я должен признаться, что не был с вами до конца искренен.

Все три лица мгновенно повернулись к нему, сверля его настороженными взглядами.

— Что вы имеете в виду? — проскрежетал Деттерас.

— Не стоит придавать этому особого значения. Я вынужден сделать небольшой крюк. После того, как я выполню определенное задание, мы вернемся к осуществлению наших первоначальных планов. — Увидев, что Деттерас сделал глубокий вздох, он поднял руку. — Бесцельно упрекать меня, уже ничто не изменится.

— Что же это такое вы намерены сделать? — ледяным тоном произнес Уорвин.

— Я только рад объясниться, и я уверен, что каждый из вас поймет меня. Прежде всего, я, кажется, нажил себе врага в лице одного широко известного преступника. Он известен, как Малагате-Горе. — Герсен по очереди взглянул на лица всех троих. — Несомненно, вы слышали о нем. Это один из Демонов Тьмы. За день до того, как мы отбыли, один из его ближайших приспешников, тварь по имени Хильдемар Даске, похитил молодую женщину, с которой мне случилось познакомиться, и переправил ее на принадлежащую ему планету. Я чувствую себя обязанным перед этой молодой женщиной — она невинно пострадала только за то, что Малагате захотелось наказать или испугать меня. Я уверен, что мне удалось разыскать планету Даске. Я намерен спасти эту молодую женщину и надеюсь на вашу помощь.

— Почему же вы не удосужились поведать нам о своих планах до отправления? — не скрывая ярости, спросил Деттерас. — Вы настаивали на отправлении, вы вынудили нас отменить все свои дела, причинив нам при этом столько неудобств...

— У вас есть все основания для возмущения, — спокойно произнес Герсен. — Но поскольку мое собственное время ограничено, я подумал, что будет лучше, если объединить эти два проекта, — он улыбнулся, увидев, как багровеет лицо Деттераса в новом приступе ярости. — Если хоть немного повезет, то это дело не отнимет много времени, мы не задержимся там долго и вскоре продолжим свой путь.

— Похититель переправил молодую девушку на планету, находящуюся в этом секторе? — задумчиво спросил Келле.

— Я так думаю. По крайней мере, на это очень надеюсь.

— И вы рассчитываете на нашу помощь при спасении?

— Чисто в пассивном смысле. Я просто прошу, чтобы вы не мешали моим намерениям.

— Предположим, что похититель возмутится при вашем вторжении, что он убьет вас.

— Что ж, такая возможность действительно существует. Но на моей стороне преимущество внезапности. Он чувствует себя в полнейшей безопасности, и, скорее всего, я без всяких затруднений смогу взять над ним верх.

— Взять над ним верх? — недоверчиво спросил Уорвин не без язвительности в голосе.

— Да! Одолеть или убить его.

В это мгновение отключился привод Джарнелла, и корабль с протяжным воем перешел на обычную скорость. Впереди мерцала тусклая красная звезда. Даже если она и была двойной, то ее компаньонки еще не было видно.

— Как я сказал, неожиданность — вот что сейчас на моей стороне, и поэтому я должен попросить вас, чтобы никто из вас по небрежности или по злому умыслу не воспользовался радио. — Герсен, естественно, уже вывел из строя передатчик, но решил заставить Малагате лишний раз насторожиться. — Я хочу объяснить свои намерения, чтобы у нас не возникло недоразумений. Во-первых, я переведу корабль на такую траекторию, с которой будет легко просматривать поверхность планеты, с одной стороны, но нельзя будет нащупать его радаром, — с другой стороны. Если моя гипотеза верна и я отыскал логово Даске, я сделаю посадку на этой планете как можно ближе к его берлоге. Затем я воспользуюсь летающей платформой и сделаю то, что должно быть сделано. Вам троим необходимо только подождать моего возвращения, после этого мы снова отправимся к планете Тихальта. Я уверен, что могу рассчитывать на ваше сотрудничество, поскольку, разумеется, я заберу с собой записи с монитора и спрячу их где-нибудь до того, как повстречаюсь с Хильдемаром Даске. Если

же я буду убит, то записи попросту будут утеряны. Естественно, мне необходимо оружие, которое в данный момент находится в сейфе, но я не вижу причин для возражения с вашей стороны.

Никто не пытался заговорить. Глядя на лица своих попутчиков и особенно внимательно — на лицо подозреваемого, Герсен засмеялся про себя. Перед Малагате возникла способная свести с ума дилемма. Если он вмешается и каким-то образом предупредит Даске, то Герсен в этом случае будет, возможно, убит и его надежды на приобретение Тихальта потерпят крушение. Продаст ли он Даске ради этой планеты? Герсен был уверен в этом. Бессердечность Малагате была общеизвестна.

— Герсен, вы — ловкач, — тяжело вздохнул Деттерас. — Вы поставили нас в такое положение, в котором, из чисто благоразумных побуждений, мы вынуждены с вами согласиться.

— Я уверен, что у меня самые безупречные побуждения. Поверьте мне.

— Да, да. Девица в опасности. Все очень хорошо. Мы сами будем преступниками, если не дадим ей шанса на спасение. Мое негодование вызвано не вашими целями — если только вы сказали нам правду, — а отсутствием прямоты в вашем поведении.

Поскольку терять ему было нечего, Герсен согласился.

— Да, возможно, мне следовало бы все сразу же объяснить вам. Но я привык во всем полагаться только на самого себя. В любом случае ситуация именно такова, какой я ее только что обрисовал. Значит, я могу надеяться на ваше сотрудничество?

— Вы прекрасно знаете, что у нас нет выбора, — сказал Уорвин.

— Мистер Келле? — спросил Герсен.

Келле склонил голову.

— Мистер Деттерас?

— Как сказал Уорвин, выбора у нас нет.

Малага — Таком случае я буду осуществлять свои намерения. Планета, на которую мы сядем, между прочим, скорее потухшая звезда, чем планета.

— А грандиозное тяготение не делает жизнь на ней невыносимой?

— Вот это мы вскоре и выясним.

Уорвин остановился и пристально посмотрел на красный карлик. Темный компаньон его стал теперь вполне видимым: огромный коричнево-серый диск с диаметром втрое больше, чем у Альфинора, покрыт пестрым сетчатым узором. Герсен не без внутреннего удовлетворения обнаружил, что окружающее пространство полно обломков горных пород — на экране радара светились десятки крошечных планетоидов на орбитах вокруг каждой звезды. Благодаря этому он мог смело приближаться к мертвой звезде, нисколько не боясь быть обнаруженным.

Поверхность ее казалась тусклой и однообразной, обширные пространства занимали шоколадного цвета океаны пыли. Контуры планеты были резкими и отчетливыми, что указывало на разряженность

атмосферы, поверхность сильно пересеченной. Цепи вулканических хребтов образовывали густую сплошную сетку. Повсюду виднелось множество ущелий и гребней, древних тупых вершин, сотни вулканов — действующих, едва курящихся или вовсе потухших.

Герсен навел сетку телескопа на невысокий острый пик, находящийся точно на линии между днем и ночью. Он, казалось, не двигался и не изменял своего положения относительно терминатора — планета, по-видимому, была обращена к своему светилу всегда одной и той же стороной. В этом случае логово Даске должно было обязательно находиться на обращенной к солнцу стороне, скорее всего — поблизости от экватора, непосредственно под солнцем. Курт очень внимательно осмотрел этот район под большим увеличением. Интересующая его территория занимала довольно обширное пространство, с десятком больших и малых кратеров.

Герсен вел наблюдение в течение часа.

Уорвин, Келле и Деттерас стоя следили за ним, и каждый по-своему проявлял нетерпение и язвительное неодобрение.

Герсен еще раз проверил логику своих рассуждений — все, казалось, хорошо стыковалось друг с другом. Красный карлик фигурировал на одной из самых засаленных страниц справочника, которым пользовался Даске. Этот же карлик машина отыскала в пределах эллипсоида, указанного Герсеном, и у этого карлика был темный спутник. В такой ситуации практически исключалась возможность ошибки или случайного совпадения. По всей вероятности, кратер Даске следует искать где-то в теплых, хорошо освещаемых районах.

Внимание Курта привлекла одна довольно странная формация — квадратное плато с пятью горными кряжами, сверху напоминавшее растопыренную пятерню.

В сознании всплыла фраза, прозвучавшая в устах карлика-инопланетянина в Авенте: ущелье Ногтя Большого Пальца. Под [illegible] мальным увеличением Герсен внимательно рассмотрел район, соответствующий этому Ногтю. Там четко виднелся небольшой кратер, отличавшийся цветом от соседних. В нем мерцали какие-то отблески света, неестественные для этой планеты.

Герсен уменьшил увеличение и внимательно изучил окрестности. Даже если Даске не обнаружил приближающийся корабль на дальней орбите, его радар вполне мог засечь переход на орбиту для посадки. Если ему удастся приблизиться как можно ближе к поверхности планеты на максимальном удалении от кратера Даске и затем, скрываясь за горизонтом, приблизиться сзади к плато, то в этом случае он наверняка сможет застать Даске врасплох.

Курт ввел необходимую информацию в бортовой компьютер и включил автопилот. Корабль сделал разворот и стал постепенно спускаться.

Келле, более не в состоянии побороть свое любопытство, спросил:

— Так что же? Вы нашли то, что искали?

— Полагаю, что да, — кивнул Герсен. — Хотя я не могу сказать этого со стопроцентной уверенностью.

— Если вы будете настолько легкомысленны, что позволите убить себя, — сказал Келле, — то этим вы поставите нас в крайне затруднительное положение.

Герсен кивнул.

— Это как раз то, что я хотел вам втолковать несколько ранее. Я уверен, что вы поможете мне, по крайней мере, своим невмешательством.

— Мы тогда же и согласились на это...

Корабль сел на обнаженный бурый выступ в четверти мили от гряды невысоких темных холмов. Поверхность окружающей равнины напоминала высохшую коричневую грязь. Над головой висел огромный диск красного солнца. Слабый ветерок гнал маленькие пыльные вихри по равнине, засыпая голубовато-зеленым мельчайшим песком разбросанные по ней крупные валуны.

— Я думаю, что с вашей стороны было бы честно оставить записи здесь, — задумчиво произнес Деттерас. — С какой стати вы хотите и нас подвергнуть опасности?

— В мои планы не входит собственная смерть, мистер Деттерас.

— Ваши планы могут пойти вкривь и вкось.

— Если это произойдет, то ваши хлопоты по сравнению с моими неприятностями будут совершенно пустяковыми. Вы позволите мне взять свое оружие?

Сейф был открыт, и все трое напряженно следили за Герсеном, пока он доставал оружие. Он еще раз обвел взглядом лица всех троих. В мозгу одного из этих людей вынашивались кошмарные планы. Останется ли он равнодушным свидетелем действий Герсена? Курт хотел надеяться на это. Предположим, что он ошибся, предположим, что это не планета Даске и Малагате знает об этом. Пусть, наконец, Малагате интуитивно подозревает истинные намерения Герсена. В этом случае он мог бы с готовностью пожертвовать своими надеждами на овладение планетой Тихальта ради того, чтобы бросить Герсена здесь, на этой потухшей звезде. Чтобы предотвратить это, Герсен должен кое-что предпринять. Было бы глупо с его стороны не сделать этого. Он вошел внутрь двигательного отсека и вынул из реактора одну небольшую, но жизненно необходимую деталь, которую, конечно, можно было бы изготовить заново в случае необходимости, но лишь проявив немалое искусство и терпение. Он сунул ее в свою сумку на поясе, туда же, где хранились записи. Уорвин, стоявший на пороге отсека, все это видел, но ничего не сказал.

Герсен облачился в скафандр и покинул корабль. Открыв передний люк, он спустил с помощью лебедки маленькую летающую платформу, загрузил ее запасным скафандром с несколькими кислородными баллонами и без дальнейших проволочек взял курс на ущелье, летя почти у самой поверхности земли.

Пейзаж поразил своей необычностью даже Герсена, привыкшего к видам чужих планет: черная губчатая поверхность с различными оттенками шоколадного, бурого и серого цветов, испещренная вулканическими конусами и невысокими черными уродливыми холмами. Это могло быть веществом звездного происхождения — лавой, застывшей после того, как угас огонь звезды, либо осадочными отложениями, захваченными ею из окружающего космического пространства. Скорее всего, были верны оба предположения. Герсен подумал, что причиной ощущения сказочности и нереальности является сознание того, что он двигается по поверхности звезды, пусть даже теперь и угасшей. Разреженная атмосфера способствовала абсолютной ясности видения, и разворачивающаяся перед человеком панорама казалась бесконечной. Над головой тускло рдел шар красного карлика, занимая добрую восьмую часть небосвода.

Вздыбленные скалы переходили в плато, составляющее ладонь кисти. Это было гигантским скоплением лавы. Герсен свернул вправо. Далеко впереди была видна гряда холмов, пересекавшая поверхность подобно зубцам на спине чудовищного окаменевшего трицератопса. Это и был «большой палец», в конце которого возвышался кратер Даске. Герсен почти прижался к земле, стараясь максимально использовать складки местности для того, чтобы не быть преждевременно обнаруженным. Поворачивая то в одну, то в другую сторону, он старался в то же время не удаляться от стены плато и таким образом приблизиться к гряде заостренных черных вершин.

Медленно и сосредоточенно он стал подниматься по крутому склону, в разреженной атмосфере звезды грохот турбин двигателя казался слабым урчанием. Даске, возможно, установил детекторы вдоль этих склонов, но, по зрелому размышлению, Курт отверг такую возможность. Это было маловероятно. Такая осторожность для Даске была излишней. Зачем нападать с земли, когда намного проще произвести торпедную атаку сверху?

Герсен взобрался на гребень. В двух милях от него виднелся вулкан, который, как он надеялся, был убежищем Даске. С другой стороны гряды, на равнине, которая, казалось, уходила в бесконечную даль, он увидел то, что вызвало слезы радости на его глазах — небольшой космический корабль. Его гипотеза подтвердилась! Это и было, вне всяких сомнений, ущелье Ногтя Большого Пальца. Здесь он наконец-то найдет Хильдемара Даске и рассчитается с ним за все. Но жива ли Паллис Атроуд?

Курт приземлил платформу и пошел дальше пешком, стараясь обходить места, где могли бы быть вмонтированы детекторы, хотя и сознавал, что такая осторожность — не более чем формальность. Добравшись до края кратера, он увидел сводчатый купол, сооруженный из тонких проводов и прозрачной пленки, удерживаемой в надутом состоянии благодаря давлению воздуха изнутри. Кратер казался

небольшим — около пятидесяти метров в диаметре, и практически цилиндрической формы. Его стены образовывало испещренное бороздами вулканическое стекло, купол из пленки надежно закрывал весь кратер.

На дне Даске попытался создать некоторое подобие искусственного ландшафта. Здесь был и пруд, заполненный какой-то черной жидкостью, и группа пальм, и заросли вьющегося кустарника.

В самом центре кратера стояла клетка, в которой сидел какой-то обнаженный человек, высокий, изможденный, с мертвенно-бледным искаженным лицом, на сгорбленном теле виднелись сотни шрамов и рубцов. Герсен вспомнил рассказ Сутиро о том, как Даске лишился глазных век. Взглянув вниз еще раз, он вспомнил фотографии в гостиной Красавчика — на них был изображен именно этот человек.

Герсен внимательно осмотрел все закоулки кратера. Прямо внизу, перед ним, находился шатер из черной ткани, а также несколько соединенных между собой палаток. Хильдемара Даске нигде не было видно. Входом в кратер, по всей вероятности, служил туннель, пробитый через стену вулкана.

Курт осторожно обошел кратер, время от времени поглядывая вниз, на склон вулкана. Во всех направлениях до самого горизонта просматривалась буровато-черная пористая равнина. Неподалеку стоял корабль, который казался игрушечным благодаря кристальной прозрачности атмосферы.

Герсен снова сосредоточил свое внимание на куполе. Он сделал ножом небольшой надрез в пленке и расположился неподалеку в ожидании.

Прошло около десяти минут, прежде чем падение давления вызвало реакцию предупредительной сигнализации. Из одной палатки выскочил Красавчик, и при виде его Герсена обуял восторг дикаря. На Даске были свободные белые панталоны и ничего больше. На его выкрашенном в светло-пурпурный цвет туловище перекатывались могучие мышцы. Он запрокинул вверх отвратительно красное лицо с голубыми щеками, на котором ярко сверкали два глаза без век.

Даске шел по дну кратера, и пленник внутри клетки внимательно следил за ним. Затем Даске исчез из виду. Герсен притаился в расщелине. Вскоре Даске появился на равнине, одетый в скафандр и с чемоданчиком в руке. Он взошел на стенку кратера, оказавшись совсем близко от Герсена.

Затем он поставил чемодан, извлек из него энергомет и обвел лучом поверхность купола. Воздух, который просачивался через надрез, вспыхнул желтым светом. Даске подошел к надрезу и склонился над ним. В этот момент Герсен почувствовал, что Даске начал подозревать что-то неладное. Красавчик выпрямился и стал внимательно осматриваться кругом. Герсен прижался к стенке расщелины, моля бога, чтобы Даске его не заметил.

Когда он снова взглянул, Красавчик уже заделывал надрез с помощью цемента и полосы новой пленки. Вся операция заняла у

него не больше минуты. Затем он спрятал в карман оставшуюся пленку и энергомет, выпрямился, еще раз внимательно оглядел склоны вулкана и прилегающую к нему равнину. Удостоверившись, очевидно, в необоснованности своих подозрений, он двинулся вниз по склону.

Герсен вышел из своего убежища и последовал за ним, отставая не более, чем на полсотни метров.

Даске, спускаясь по склону, перепрыгнул со скалы на скалу, не удосужившись обернуться назад до тех пор, пока мимо не пролетел камень, выскочивший из-под ноги Герсена. Даске остановился и резко повернулся. Но Герсен уже не был в поле его зрения, вовремя спрятавшись за выступ скалы, едва сдерживая при этом безумное ликование.

Даске двинулся дальше. Герсен последовал за ним, но на этот раз уже гораздо ближе к нему. У подножия склона какой-то звук, скорее даже вибрация, встревожил Даске. Он еще раз обернулся, поднял взгляд на склон и в это мгновение увидел несущегося к нему Герсена. Курт расхохотался, увидев, как отвалилась от неожиданности челюсть Даске. Размахнувшись, он нанес ему удар, от которого Красавчик перевернулся в воздухе. Его тело прокатилось несколько метров, но Даске все же поднялся и бросился к шлюзу своего кратера. Герсен поднял энергомет и выстрелил в могучее бедро Даске. Тот снова упал. Герсен схватил его за ноги и втащил в шлюз, захлопнув за собой наружную дверь. Даске брыкался и старался вырваться, его красно-голубое лицо отвратительно исказилось от ярости. Герсен поднял энергомет, но Даске попытался вышибить оружие из его рук. Герсен снова выстрелил, парализовав и вторую ногу бандита. Теперь тот лежал неподвижно, визжа, как кабан на бойне. С помощью мотка веревки, специально припасенной на этот случай, Герсен связал ноги противника. Затем он осторожно схватил его правую руку и вывернул ее назад. Даске поневоле перевернулся лицом вниз. После недолгой борьбы Герсен связал его руки за спиной. Механизмы шлюза автоматически наполнили его воздухом, и Герсен, как только загорелась красная лампочка, отбросил передний прозрачный щиток на шлеме Даске.

— Мы возобновили наше знакомство, — сказал Курт издевательски почтительным тоном.

Даске ничего не ответил.

Герсен выволок его из шлюза и бросил на дно кратера. Узник в клетке подпрыгнул, прижался к прутьям и посмотрел на Герсена так, как будто перед ним оказался архангел с крыльями, трубой и нимбом вокруг головы.

Герсен проверил прочность пут Даске и бросился в палатку с энергометом наперевес на случай неожиданного появления прислуги или сообщника хозяина. Пленник смотрел ему в след ошеломленным, недоверчивым взглядом.

Паллис Атроуд лежала бесформенной массой под грязной простыней, повернувшись лицом к стене. В палатке больше никого не было. Герсен притронулся к ее плечу и вздрогнул, увидев, как она съежилась. Его торжество смешалось с отчаянием, когда он представил, какие ужасы пришлось пережить этой девочке.

Слова дошли до нее, хотя и были приглушены. Она еще больше съежилась и теснее прильнула к стене. Герсен перевернул ее на спину. Она лежала, закрыв глаза. Лицо ее, некогда веселое, дерзкое и очаровательное, теперь было бесцветным и равнодушным.

— Паллис! — взывал к ней Герсен. — Открой глаза. Это я, Курт Герсен! Тебе больше ничего не угрожает.

Девушка слабо покачала головой, продолжая крепко сжимать веки.

Герсен повернулся и направился к выходу. У двери он оглянулся. Глаза ее были широко раскрыты, и она с изумлением смотрела на него. Но, встретившись с ним взглядом, она снова устало закрыла глаза.

Герсен оставил ее в покое. Он обследовал весь кратер и убедился, что больше здесь никого нет. Только после этого он вернулся к Даске.

— Приятное местечко ты оборудовал здесь, Даске, — сказал Курт, обращаясь к бандиту. — Правда, его было нелегко найти, когда твоим друзьям захотелось к тебе в гости.

— Как это ты нашел меня? — прохрипел Даске. — Это место никому неизвестно.

— Кроме твоего босса!

— Он тоже не знает.

— А как же, ты думаешь, я нашел его?

Даске промолчал. Герсен подошел к клетке и открыл ее дверцу, жестом предлагая пленнику выходить.

Узник, хромая и спотыкаясь, вышел наружу.

— Кто вы?

— Не имеет значения. Вы свободны.

— Свободен? — Человек с трудом двигал челюстями, произнося эти слова, а затем повернулся к Даске. — А что будет с ним?

— Я скоро его убью.

— Это, наверное, сон, — слабо вымолвил человек.

Герсен вернулся в палатки и обнаружил, что Паллис уже сидит на постели, завернувшись в простыню. Увидев Герсена, она встала и тут же рухнула на пол в глубоком обмороке. Герсен поднял ее и вынес на дно кратера. Бывший узник стоял, глядя на Даске с почтительного расстояния.

— Как вас зовут? — обратился к нему Герсен.

Человек почему-то смутился. Он нахмурил брови, как бы силясь вспомнить.

— Робин Рампольд, — сказал он наконец очень тихо. — А вы... вы ему враг?

— Я его палач. Я его бог мщения!

— Это чудо! — взорвался Рампольд. — Прошло так много лет, что я не помню уже, как это все началось...

По щекам его потекли слезы. Он взглянул на клетку, обошел ее вокруг, а затем снова посмотрел на Герсена.

— Я хорошо знаю это место. Каждую трещинку, каждую расщелинку, каждое вкрапление или кристалл металла. — Голос его ослаб. Неожиданно он спросил: — Какой сейчас год?

— 1524-й.

Рампольд, казалось, съежился и стал меньше.

— Я и не думал, что прошло столько лет. Я так много позабыл. — Он поднял голову, глядя на купол. — Здесь нет ни дня, ни ночи — ничего, кроме этого красного солнца. Когда он уходит отсюда, — пленник показал на лежащего Даске, — здесь останавливается время. Семнадцать лет я находился в этой клетке. И вот теперь я свободен. — Он подошел к Даске и встал, глядя на него сверху. Герсен последовал за ним. — Когда-то, давным-давно, мы были совершенно другими людьми. И я жестоко проучил его. Я заставил его страдать. Память об этом — единственное, что поддерживало меня, что сохраняло мне жизнь все это время.

Даске тихо рассмеялся.

— Я отыскал способ, как отплатить тебе, — он посмотрел на Герсена. — Лучше убей меня, пока у тебя есть такая возможность, а не то, клянусь, что ты больше не будешь жильцом на этом свете. — Красавчик еще раз тихо засмеялся.

Герсен задумался. Несомненно, Даске должен умереть. Когда настанет его час, у Курта — судьи и палача — не будет никаких угрызений совести. Но за красным лбом скрывается столь нужное Герсену знание. Как извлечь его оттуда? Пытками? Коварной обходительностью? Курт задумчиво посмотрел на красно-голубое лицо подлеца.

Герсен повернулся к Рампольду.

— Вы смогли бы управлять кораблем Даске?

Рампольд печально покачал головой.

— В таком случае вам придется пойти со мной.

— А что будет с ним? — дрожащим голосом спросил Рампольд.

— Со временем я убью его.

— Отдайте его мне, — тихо попросил Рампольд.

— Нет.

Герсен снова стал размышлять о Даске. Каким-то образом он должен содействовать опознанию Малагате. Прямой вопрос будет не просто бесполезным, он может только навредить.

— Даске, — сказал он, обращаясь к бандиту, — почему ты привез сюда Паллис Атроуд?

— Она была слишком красива, чтобы ее сразу убить, — беззаботно ухмыльнулся Красавчик.

— Но почему же все-таки ее нужно было убить?

— Мне доставляет огромное наслаждение убивать красавиц.

Герсен покачал головой. Даске, возможно, надеется спровоцировать его.

— Ты еще можешь покаяться в своих грехах.

— Кто послал тебя сюда? — спросил Хильдемар Даске, оскалив зубы.

— Тот, кто тебя отлично знает.

Даске медленно покачал головой.

— Знает только один, но он никогда бы не послал тебя!

«Пожалуй, его нелегко будет обмануть, — подумал Герсен. — Что ж, придется забрать его с собой на корабль. Там каким-то образом я попытаюсь направить сложившуюся ситуацию в нужное русло!»

Существовала, правда, еще одна проблема. Он не отваживался оставить Робина Рампольда наедине с Даске даже на то время, которое было необходимо для перегона платформы.

Рампольд может убить Даске. Либо Даске может приказать Рампольду, чтобы тот освободил его. После семнадцати лет деградации Рампольд, возможно, находится под полнейшим контролем Даске и подчиняется ему. А Паллис Атроуд — что делать с ней?

Он повернулся к палатке и увидел, что она стоит у двери, завернувшись в простыню и глядя на него широко раскрытыми глазами. Он приблизился к ней, но она отпрянула. Герсен не был уверен, узнала ли она его.

— Паллис... я Курт Герсен.

Она угрюмо кивнула.

— Я знаю. — Она взглянула на распростертое тело Хильдемара Даске. — Вы связали его? — изумилась она.

— Это самое легкое из того, что его ждет.

Она недоверчиво посмотрела на него, и Герсен понял, что не может постичь хода ее мыслей.

— Вы... вы ему не приятель?

Новый, уже совершенно иной приступ отчаяния охватил Герсена.

— Нет! Я ему не друг. Конечно же нет. Откуда вы это взяли?

— Он говорил... он говорил. — Она растерянно посмотрела на Даске.

— Не верьте ничему из того, что он говорил вам. — Герсен посмотрел на нее, думая, до какой степени она в замешательстве и шоке. — У вас... все в порядке?

Она отвела глаза. Герсен нежно сказал:

— Я отвезу вас назад, в Авенту. Вы теперь в безопасности.

Она отчужденно кивнула. Если бы она проявила хоть какое-то чувство! Облегчение, слезы, пусть даже упреки.

Герсен вздохнул и отвернулся. Проблема все еще заключалась в том, как препроводить всех к платформе. Он не смел оставить ни

Паллис, ни Рампольда наедине с Даске. Тот слишком долго наслаждался господством над ними обоими.

Герсен закрыл передний щиток на шлеме Даске и поволок его через туннель на равнину, где двое оставшихся внутри кратера не могли его видеть.

Турбины взревели на полную мощность, и перегруженная платформа начала медленно огибать плато, вздымая клубы пыли, которая опадала в разреженной атмосфере удивительно быстро. Впереди стоял корабль, контуры которого четко выделялись над линией горизонта. Герсен посадил платформу как можно ближе ко входу и, не выпуская оружия из рук, взобрался по приставной лестнице. Находившийся внутри корабля Аттель Малагате наблюдал за его посадкой и видел привезенный им груз. Малагате не мог знать того, что сказал Даске Герсену. Он должен быть охвачен нерешительностью. Даске же, который наверняка узнал корабль, должен многое подозревать, но то, что на борту находится сам Малагате, могло оказаться для него полной неожиданностью.

Дверь воздушного шлюза с глухим стуком закрылась, включились насосы, и вскоре отворилась внутренняя дверь. Герсен вошел в салон. Келле, Деттерас и Уорвин сидели в противоположных углах и хмуро смотрели на Курта. Ни один из них не двинулся к нему навстречу.

Герсен снял шлем.

— Ну вот, я и вернулся.

— Это мы видим, — сказал Деттерас.

— Вылазка оказалась удачной, — продолжал Курт. — Я привел с собой пленника — Хильдемара Даске. Должен предупредить вас, этот человек — жестокий убийца. Я намерен держать его под строгим контролем. Я прошу, чтобы никто из вас не вмешивался и не предпринимал в отношении этого человека никаких действий. Двое других людей, которых я приведу с собой, — это человек, которого Даске держал в клетке в течение семнадцати лет, и молодая женщина, которую Даске похитил совсем недавно и чей разум вследствие этого, возможно, помутился. Она будет жить в моей каюте. Даске я помещу в грузовом отсеке. Второй мужчина, Робин Рампольд, без сомнения, будет счастлив устроиться на диване в салоне.

— Наше путешествие становится весьма странным, — заметил Уорвин.

Деттерас нетерпеливо встал:

— Зачем вы привели сюда этого Даске? Меня удивляет, что вы не убили его.

— Считайте меня брезгливым, если вам так хочется.

Деттерас сердито рассмеялся.

— Так что же, двинемся дальше? Вам не терпится завершить эту поездку как можно быстрее.

Герсен провел в корабль Рампольда и Паллис, затем подогнал под лебедку платформу и поднял ее вместе с Даске в грузовой отсек, где снял с его головы шлем. Даске молча смотрел на него.

— Возможно, дружок, ты здесь на борту узнаешь кое-кого, — сказал Курт. — Он не хочет, чтобы его личность стала известна двум его коллегам, поскольку это расстроит все наши планы. Ты поступишь умно, если будешь держать язык за зубами.

Даске промолчал. Герсен принял дополнительные меры предосторожности. Он прикрепил концы длинного толстого троса к противоположным стенам отсека, а в середине его сделал петлю, которой туго обмотал шею Даске. После этого он натянул концы троса. Таким образом, Даске теперь мог находиться только в центре отсека, не имея возможности двинуться ни влево, ни вправо. Каждый из закрепленных концов каната находился вне пределов его досягаемости, на расстоянии трех метров от него. Даже если бы ему удалось освободить руки, все равно он не смог бы убежать. Только после этого Курт разрезал путы, которыми были связаны руки и ноги Даске.

Даске тотчас же рванулся вперед, но Герсен увернулся и с размаху ударил его по голове рукояткой энергомета. Даске повис на тросе, потеряв сознание. Герсен снял с него скафандр и обыскал карманы брюк. Он еще раз проверил надежность крепления троса и вернулся в салон, заперев за собой дверь грузового отсека.

Рампольд снял с себя скафандр и тихо сидел, забившись в угол. Деттерас и Келле сняли скафандр с Паллис Атроуд и помогли ей одеться в свои запасные вещи. Теперь она сидела у стенки салона и пила кофе. Бледное осунувшееся лицо, задумчивый взгляд. Келле неодобрительно посмотрел на Герсена.

— Это мисс Атроуд, секретарша нашего факультета. Какое вы имеете отношение к ней?

— Ответ предельно прост, — сказал Герсен. — Я встретил мисс Атроуд во время моего первого посещения университета и пригласил ее провести со мной вечер. Хильдемар Даске, то ли просто по злобе, то ли по злому умыслу, оглушил меня и похитил ее. Я все время чувствовал, что моя обязанность — спасти ее, и сейчас я очень счастлив, совершив это.

Келле чуть-чуть улыбнулся.

— В этом вопросе ваши поступки, несомненно, выше всех похвал.

— Мы, вероятно, теперь сможем направиться к нашей первоначальной цели? — спросил Уорвин.

— Именно это я и намереваюсь предложить вам.

— Ну что ж, тогда я предлагаю приступить к этому немедленно.

— Да, да, — проворчал Деттерас, — чем быстрее мы разделаемся с этим фантастическим путешествием, тем лучше.

Глава 7

Потухшая звезда и ее красное светило исчезли из виду. В грузовом отсеке Хильдемар Даске, придя в сознание, обрушил на Герсена поток грязных ругательств и с безумной яростью стал испытывать прочность своих оков. Он вырывался и извивался в своем хомуте, пока не сорвал всю кожу с пальцев. Он до тех пор дергал за стальные жилы троса, пока не обломал все ногти. Затем он применил другой метод. Ударяясь телом об пол, раскачиваясь из стороны в сторону, он пытался вырвать трос из стен, к которым он был привязан. Сначала из правой, потом из левой. Единственное, что ему удалось, это покрыть свою шею кровоподтеками. Удостоверившись в собственной беспомощности, несмотря на то, что руки и ноги его были свободны, он обмяк и стал часто и тяжело дышать. В его мозгу бурлило одно — как Герсену удалось отыскать его потухшую звезду? Ни одна живая душа не знала ее местонахождения, кроме него самого. И конечно, Малагате.

Даске напряженно припоминал все случаи, когда он обманывал Демона или не подчинялся ему, и удивленно старался понять, какой же из этих случаев привел его к такому финалу.

Герсен сидел на диване в салоне, погруженный в раздумья. Трое работников университета — один из которых даже не был человеком — держались вместе, подальше от него. Келле — учтивый, утонченный, хрупкого сложения, Уорвин — учтивый, можно сказать, учтиво-надменный, мрачный, Деттерас — могучий, неугомонный, легко поддающийся переменам настроения. Герсен следил за подозреваемым, исследуя каждый его поступок, слово или жест в поисках подтверждения, в поисках какого-нибудь знака, который бы дал ему столь необходимую абсолютную уверенность.

Паллис Атроуд молча сидела неподалеку от него, погруженная в свои собственные мысли. Время от времени ее лицо перекашивалось, ногти вонзались в ладони. Робин Рампольд равнодушно перебирал библиотеку микрофильмов, потирая свой длинный костлявый подбородок.

Он повернулся, взглянул на Герсена, по-волчьи, боком пересек салон и вежливо, казалось, даже подобострастно, спросил:

— Он... он еще жив?

— Пока да.

Рампольд остановился в нерешительности, открыл было рот, но снова закрыл его. В конце концов он робко спросил:

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю, — пожал плечами Герсен. — Мне нужно кое-что у него узнать. А потом...

Рампольд сразу же стал серьезным и тихо, чтобы его не могли подслушать остальные, сказал:

— А почему бы вам не отдать его мне на попечение? Это облегчило бы вам охрану и уход за ним.

— Нет, — сказал Курт. — Думаю, что нет.

Лицо Рампольда еще более осунулось, тень отчаяния легла на его многочисленные морщины.

— Но ведь я... должен.

— Что должны?

— Вам этого не понять. В течение семнадцати лет... — Он не мог найти нужных слов и в конце концов сказал: — Он был центром моего существования. Он был как бы моим личным богом. Он давал мне пищу и воду и... мучил меня. Однажды он мне принес котенка — прелестного черного котенка. Он наблюдал, как я его гладил, милостиво улыбаясь. Но на этот раз я расстроил его планы. Я сразу же убил маленькое создание. Потому что я догадывался о намерениях своего мучителя. Он хотел выждать, пока я не полюблю животное, а потом бы убил его — при этом долго мучая у меня на глазах... И это было бы тоже частью его возмездия.

Герсен глубоко вздохнул.

— У него была слишком большая власть над вашей душой. Я не могу доверить его вам.

В глазах Рампольда показались слезы. Он бессвязно заговорил:

— Это очень страшно. Своих чувств по отношению к нему я не могу выразить словами. Они все больше овладевают мной и становятся более нежными. Сахар может быть таким сладким, что кажется на вкус горьким, лимон таким кислым, что на вкус кажется соленым... Да, уж я бы позаботился о нем, не щадя сил. Я бы посвятил ему всю свою оставшуюся жизнь. У меня ничего нет, но я отплачу вам сторицей, если только вы...

Герсен покачал головой:

— Об этом не может быть и речи.

Рампольд тяжело вздохнул и отправился в другой конец салона.

Внимание Герсена вновь обратилось на Деттераса, Келле и Уорвина, которые продолжали бессвязный разговор. Очевидно, они пришли к молчаливому соглашению не проявлять какого-либо интереса к новым пассажирам.

Герсен кисло улыбнулся. Тому, кто был Малагате, была далеко не безразлична встреча с Хильдемаром Даске. У Красавчика вовсе не нежный характер. Он вполне мог в запале сболтнуть лишнее. Малагате определенно хотел бы несколькими тихими словами предупредить его и рассеять все подозрения, а может быть, он попытается каким-то образом убить ненужного свидетеля.

Положение было нестабильным. Рано или поздно оно должно было взорваться. Герсен стал обыгрывать возможные ускорения этого взрыва: что, если Даске привести в салон... или, может быть, привести Уорвина, Келле и Деттераса в грузовой отсек? Вот только бы пред-

ставился благоприятный случай. Оружие все еще было при нем. Университетская троица, по-видимому, поверила в его добрые намерения и не требовала, чтобы он вернул его на место в сейф. «Удивительно, — подумал Герсен, — даже теперь у Малагате нет причин подозревать, что Герсен подкапывается именно к нему». Заподозри он что-либо, и под предлогом любопытства станет искать удобный случай, чтобы взглянуть на Даске.

«Бдительность и еще раз бдительность», — подумал Герсен. Он подумал о том что Робин Рампольд может быть полезным союзником в сложившейся ситуации. Независимо от того, какие сдвиги в психике произошли у него за семнадцать лет заточения в клетке, он будет не меньше, чем сам Герсен, начеку в отношении всего, что касается Хильдемара Даске.

Герсен встал и прошел в хвостовую часть, мимо двигательного отсека в грузовой. Даске посмотрел на него, и в его взгляде не было и следа стоической покорности. Герсен заметил, что пальцы Даске кровоточат, и поставил свой энергомет на полу, чтобы исключить возможность вырвать его, потом подошел поближе, чтобы проверить прочность уз Даске. Но тот выбросил вперед ногу, и Герсену пришлось успокоить его сильным боковым ударом в ухо. Курт убедился, что хомут, надетый на шею Даске, достаточно надежен, и отступил назад, за пределы его досягаемости.

— Похоже на то, — сказал Герсен, — что неприятностей у тебя становится все больше.

Даске плюнул в него. Герсен отошел назад.

— У тебя не то положение для такой агрессивности, — покачал он головой.

— Ха! А что еще ты можешь сделать мне? Думаешь, что я боюсь смерти? Я сейчас живу только потому, что питаюсь ненавистью!

— Рампольд просил, чтобы я поручил тебя ему.

Даске презрительно усмехнулся.

— Он так боится меня, что готов пресмыкаться. Он такой голубчик.

— Интересно, за сколько времени он сделает такого же слизняка из тебя?

Даске еще раз плюнул и произнес:

— Скажи, как тебе удалось отыскать мою звезду?

— У меня была информация.

— От кого?

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Герсен. Он решил посеять одну мысль в мозгу Даске. — У тебя уже никогда не будет возможности отомстить ему за это.

Даске скорчил отвратительную гримасу.

— Кто-то на борту этого корабля, да?

Герсен промолчал. Отступив в тень, он продолжал наблюдать за Даске, наконец-то осознавшим, что Малагате находится на борту.

Курт стал обдумывать вопросы, с помощью которых рассчитывал выудить у Даске имя Малагате. Но все они казались либо слишком прямолинейными, либо очень трудными для понимания. Могло даже случиться так, что Даске догадается, какая Герсену нужна информация, и это насторожит его.

— Подойди ближе. Ты же сам сказал, что я беспомощен и весь в твоей власти. Мне очень нужно узнать, кто предал меня.

— Кто же это, как ты думаешь, может быть?

Даске искренне усмехнулся.

— Врагов у меня — хоть отбавляй. Например, этот, с Саркоя. Это он?

— Сутиро мертв.

— Мертв?

— Он помог тебе похитить девушку, и я отравил его.

— Тьфу! — сплюнул Даске. — Всюду женщины. Зачем все это? Освободите меня. Я богат, и я отдам вам половину своего богатства. И еще четверть, если вы только скажете, кто предал меня!

— Во всяком случае, не Сутиро с Саркоя.

— Тристано? Конечно же не он. Откуда ему знать?

— Когда я в последний раз видел Тристано, ему было не до разговоров.

— Так кто же?

— Что ж, я скажу. А почему бы и нет? Один из администраторов Приморского университета сообщил мне кое-что. А я уже сам сделал необходимые выводы.

Даске искоса взглянул на Герсена, и в его взгляде было сомнение и подозрение.

— Зачем это ему понадобилось? — пробормотал он. — Что-то здесь не так.

— Ты знаешь, о ком я говорю? — с надеждой воскликнул Герсен, полагая, что, застигнутый врасплох, Даске не выдержит и скажет, что нужно.

Но Красавчик уже тупо смотрел себе под ноги. Герсен забрал энергомет и вышел из отсека.

Возвратясь в салон, он увидел, что положение осталось прежним. Жестом пригласив Робина Рампольда следовать за собой, Курт прошел в двигательный отсек.

— Вы просили, чтобы я препоручил вам Даске.

— Конечно! — дрожа от возбуждения, ответил Рампольд.

— Я не могу сделать этого, но мне нужна ваша помощь для его охраны.

— О, я так вам благодарен!

— Учтите, что Даске хитер и коварен. Вы ни в коем случае не должны входить в грузовой отсек.

Рампольд разочарованно сморщился.

— Столь же важно, чтобы вы не позволили никому подойти близко к отсеку, в котором он содержится. Помните, что эти люди, — он кивнул головой в сторону салона, — враги Даске и они вполне могут убить его.

— Нет, нет! — воскликнул Рампольд. — Даске ни в коем случае не должен умереть!

Герсену пришла в голову новая идея. Малагате распорядился убить Палис Атроуд из страха, что она непроизвольно может как-то помочь разоблачить его личность. В своем теперешнем состоянии она не представляла никакой угрозы, но она могла прийти в себя. Малагате с удовольствием прикончил бы ее, если бы только мог сделать это без риска для себя. Поэтому Герсен предупредил Рампольда, чтобы он также охранял и Паллис Атроуд и следил за тем, чтобы ее никто не тревожил.

Рампольд без особого энтузиазма ответил:

— Я сделаю все, о чем вы просите.

Глава 8

Данные, содержащиеся в записях с монитора Луго Тихальта, поступали в компьютер, который поглощал их, присовокупляя к уравнениям, описывавшим прежнее положение корабля, и давая команды автопилоту, который следил за надлежащим курсом корабля.

Шло время. Жизнь внутри корабля вошла в определенную колею. Герсен с помощью Рампольда охранял грузовой отсек. В течение первых нескольких дней Хильдемар Даске проявлял непонятную шутливость, чередовавшуюся с угрозами отмщения в адрес своего патрона, личность которого он с таким упорством отказывался раскрыть.

— Спросите у Рампольда, о чем он думает, — сказал Даске, сверкая злобой в своих ярко-голубых глазах, лишенных век. — Вы хотите, чтобы это же произошло и с вами?

— Нет, — ответил Герсен. — Я не думаю, что это может случиться.

Время от времени Даске начинал требовать, чтобы Герсен отвечал на его вопросы.

— Куда вы меня везете? — часто спрашивал он. — Назад на Альфинор?

— Нет.

— А куда же?

— Увидишь.

— Отвечай мне или... — Даске замысловато выругался. — Или я сделаю с тобой такое, что хуже не придумаешь!

— Мы все же решились на твою поимку, несмотря на то что моему другу известно очень много о твоей мстительности.

— Мы? — тихо спросил Даске. — Кто же это «мы»?

— Можно подумать, что ты не догадываешься.

— Почему же он сюда не заходит? Скажи ему, что я хотел бы поговорить с ним.

— Он может прийти сюда в любой момент, когда только пожелает.

В этом месте Даске всегда замолкал. Никакие уколы, подстрекательства и уловки Герсена не могли заставить Даске произнести это имя. Да и все три сотрудника университета не проявляли к Даске ни малейшего интереса. Что же касается Паллис Атроуд, то в первые дни она пребывала в состоянии глубочайшей отрешенности. Она часами сидела, глядя на мелькающие звезды. Ела она медленно, нерешительно, без всякого аппетита, часами спала, свернувшись калачиком. Затем, постепенно, она стала воспринимать окружающее, и вскоре временами в ней начало проскальзывать что-то от прежней беззаботности Паллис Атроуд.

Перенаселенность корабля не давала Герсену возможности поговорить с нею наедине, но это, по его мнению, вовсе не портило дела. Ситуация, когда в грузовом отсеке находился Даске, а в одной из передних кают — Аттель Малагате, сама по себе требовала предельной концентрации внимания.

А время все шло. Корабль пересекал новые районы Галактики, те районы, где не бывал ни один человек, кроме, пожалуй, Луго Тихальта. Куда ни кинешь взгляд, повсюду сияли тысячи, миллионы звезд — струящихся, сверкающих, мерцающих, беззвучно перекрывающих одна другую — и вокруг большинства из них обращались планеты, населенные неизвестно кем. Каждая планета манила к себе, каждая была искушением, загадкой, каждая обещала невиданные ранее зрелища, неведомые доселе знания, немыслимые красоты.

И вот наконец корабль оказался в непосредственной близости к теплой бело-зеленой звезде. Огни на панели монитора замигали попеременно то зеленым, то красным цветом. Автопилот резко снизил расход энергии, расщепление стало прекращаться. Корабль безмятежно скользил к звезде, как лодка в тихом пруду. Три планеты обращались вокруг этой звезды. Самая ближняя к звезде — маленькая, оранжевая, вся была покрыта дымящимся пеплом. Другая находилась на дальней орбите — суровый страшный мир метана и аммиака. Третья, искрящаяся зеленью и голубизной, оказалась совсем рядом с кораблем.

Отбросив на время антагонизм, Герсен, Уорвин, Деттерас и Келле теснились возле телескопа. Планета поражала великолепием даже с такого расстояния. Сходство с Землей ей придавали влажная атмосфера, обширные полноводные океаны, четко выраженные материки.

Герсен первым оторвался от экрана. Именно теперь от него требовалась особая бдительность. Рядом с ним стоял Уорвин.

— Я полностью удовлетворен. Планета бесподобна. Мистер Герсен не обманул нас.

Келле удивленно посмотрел на него.

— Вы думаете, что нет необходимости совершить посадку?

— Никакой необходимости. Но, если вы желаете... — Он пересек салон и остановился рядом с полкой, под которой Сутиро прикрепил выключатель. Герсен напрягся. Значит, это Уорвин! Но Почетный Ректор постоял некоторое мгновение, а затем прошел и сел в одно из кресел.

Герсен испустил вздох разочарования. Конечно же время еще не пришло. Для того чтобы использовать газ, Малагате должен был каким-то образом обезопасить себя от его воздействия.

— Я абсолютно уверен в том, что нам следует приземлиться, — сказал Келле. — По меньшей мере требуется произвести биометрические испытания. Несмотря на свою внешнюю привлекательность, планета может оказаться совершенно негостеприимной.

— Это не так просто, — с сомнением в голосе сказал Деттерас. — Не забывайте, что у нас на борту пленник, больная и пассажир. И, чем скорее мы вернемся на Альфинор, тем лучше.

Келле вдруг огрызнулся так резко, как еще не приходилось слышать Герсену.

— Вы говорите как болван! Проделать такой путь только для того, чтобы бросить один взгляд и вернуться домой? Мы обязательно должны приземлиться — хотя бы для того, чтобы погулять по этой планете!

— Да, — уныло согласился Деттерас. — Несомненно, вы правы.

— Очень хорошо, — вмешался в перепалку Уорвин. — Значит, опускаемся.

Герсен молча переключил автопилот в режим автоматической посадки. Стали отчетливо видны зеленые мирные леса, гряды невысоких холмов, цепи озер к северу, хребет покрытых снегом вершин к югу.

Корабль опускался на поверхность, рев двигателей смолк. Под опорами корабля наконец-то была твердая земля. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только тиканием автоматического анализатора наружной атмосферы, на панели которого вскоре зажглись три зеленых огонька, что означало оптимальный для человека состав воздуха.

Давление выравнялось очень быстро. Герсен и трое его попутчиков одели легкие комбинезоны, натерли лица, шею и руки антиаллергеном, приспособили ингаляторы, предотвращающие попадание внутрь бактерий и спор.

Паллис Атроуд смотрела в иллюминатор с рассеянным интересом, а Робин Рампольд стал боком пробираться к хвостовой части корабля. Сейчас он походил на исхудавшую старую крысу, которая делает пробные движения, как будто хочет выйти из норы, но никак не осмеливается это сделать.

Влажный, свежий, чистый наружный воздух заполнил корабль. Герсен подошел к выходу, распахнул дверь и сделал вежливый, немного иронический жест, произнеся:

— Джентльмены! Вот ваша планета!

Уорвин первым сошел на поверхность, Деттерас сразу же за ним, чуть поотстал от них Келле. Герсен, не торопясь, последовал за ними.

Монитор посадил их на месте, отстоявшем от места посадки Луго Тихальта не более чем на сто метров. Герсен подумал, что пейзаж планеты еще более обворожителен, чем он представлял себе это по фотоснимкам. В прохладном воздухе чувствовался запах свежей травы. С другой стороны долины, за темными высокими деревьями, возвышались холмы, массивные, покатые, с обнаженными серыми скалами, промежутки между которыми были заполнены кустарниками. Еще выше медленно плыло огромное облако в форме замка со многими башнями — яркое, белое в лучах полуденного светила.

На другом берегу реки, сразу же за лугом, Герсен увидел то, что казалось порослью цветущих растений, но на самом деле было — он это знал точно — дриадами. Они стояли на опушке леса, покачиваясь на гибких серых конечностях, их движения были непринужденными и грациозными. «Без всякого сомнения, это изумительные создания, — подумал Герсен, — но что-то в них есть странное». Это суждение было странным, но почему-то оно возникало. На своей собственной планете эти дриады казались чуждыми своему окружению. Они резали глаз, как неуместно экзотический элемент на лице столь дорогом и любимом...

Почему? Может быть, из-за того, что эта планета так похожа на Землю? Герсен не чувствовал особенной привязанности к Земле, но все же эта планета чертовски смахивала на родную планету человечества — вернее, каким-то образом не оказалась подверженной нашествию многочисленных поколений людей. Эта планета была девственной, не тронутой, не подверженной изменениям. Если бы не эти дриады — диссонирующая нота — это вполне могла бы быть Старая Земля, Земля Золотого Века, Земля Естественного Человека...

Герсен ощутил радостное потрясение от нахлынувшего на него озарения. Вот в чем заключалась основа очарования этой планеты — в ее почти полной тождественности тому окружению, в котором росло и развивалось человечество. На Старой Земле должно было быть немало таких вот веселых долин, и память об этих пейзажах глубоко проникла в человеческую психику. В Ойкумене можно отыскать и другие приятные и удобные для жизни планеты, но ни одна из них не напоминает Старую Землю, не похожа на отчий дом человечества... «Конечно, — размышлял Герсен, — вот здесь я и хотел бы построить себе небольшой домик со старомодным садиком, фруктовыми деревьями на лугу, лодкой с веслами, привязанной к берегу реки». Мечты, праздное стремление к недостижимому... но эти мечты и тоска должны были волновать любого человека. Еще одна мысль пришла Курту в голову, и он стал внимательно наблюдать за своими противниками.

Уорвин стоял на берегу, хмуро глядя на воды реки. Почувствовав взгляд Герсена, он обернулся и подозрительно посмотрел на него. Курт быстро отвел глаза и перенес свое внимание на еще одного попутчика.

Келле стоял у зарослей папоротника, достигавшего ему до плеч, и смотрел вдаль, на кучевые облака и темнеющий на горизонте лес, который рос по обеим сторонам долины и вдали сливался в туманной дымке.

Деттерас медленно прогуливался по лугу, заложив руки за спину. Вот он наклонился, сгреб горсть земли, измельчил ее пальцами и понюхал. Затем, растопырив пальцы, он с интересом смотрел, как земля просеивается через них и падает вниз. Закончив это занятие, он повернулся и стал наблюдать за дриадами. То же самое сделал и Келле.

Дриады, медленно передвигаясь на гибких ногах, вышли из тени и направились к небольшому пруду. Их ветви с листьями сияли голубым и красным, медно-желтым и пурпурно-зеленым цветом. Были ли они разумными существами?

Герсен пристально следил за тремя учеными из университета. Уорвин смотрел на дриад, не скрывая своего восхищения. Деттерас неожиданно приложил пальцы ко рту и издал пронзительный свист, на который дриады, казалось, не обратили никакого внимания.

Послышался какой-то шум со стороны корабля. Герсен повернулся и увидел, что по лестнице опускалась Паллис Атроуд. Она подняла руки, закрывая глаза от яркого солнца, и глубоко дышала, как бы упиваясь чистотой и свежестью воздуха.

— Какая прелестная долина! — прошептала она. — О, Курт, какая прекрасная долина!

Она медленно побрела в сторону от корабля, часто останавливаясь и восхищенно вертя головой во все стороны.

Неожиданно Герсен повернулся и бросился к трапу. Рампольд, где Рампольд? Курт проскочил салон и бросился в грузовой отсек. Рампольд был уже внутри него. Герсен осторожно приблизился и стал подслушивать.

Послышался грубый, хриплый голос Даске, полный самодовольного ликования.

— Рампольд, делай то, что я скажу! Ты слышишь меня?

— Да, Хильдемар.

— Тогда иди к переборке и отвяжи трос. Да побыстрее!

Герсен занял место, откуда он мог, будучи незамеченным, наблюдать за тем, что происходило в отсеке.

Рампольд стоял не далее чем в полутора метрах от Даске и пристально всматривался в его красное лицо.

— Ты слышишь меня, болван? Быстрее, или я навлеку на тебя такую беду, что ты проклянешь тот день, когда родился!

Рампольд тихо рассмеялся.

— Хильдемар, я просил тебя у Курта Герсена. Я сказал ему, что буду заботиться о тебе, как о собственном сыне. Я буду кормить тебя самой изысканной пищей, давать тебе самое дорогое вино, самые

лучшие сладости... Я не думаю, что он мне откажет, если я его хорошенько попрошу. Я постараюсь объяснить ему, что этим я доставлю себе то огромное удовлетворение, о котором мечтал все семнадцать лет заключения. Но если он все же мне откажет, то мне придется ограничиться всего лишь тем, что я изобью тебя до смерти. Это первая представившаяся мне возможность...

Герсен вышел из укрытия.

— Извини, Робин, за вмешательство.

Рампольд издал нечеловеческий крик, полный отчаяния, повернулся и выбежал из отсека. Герсен последовал за ним. В двигательном отсеке он зарядил свой энергомет, сунул его в кобуру и вернулся в грузовое отделение. Даске оскалил зубы, как дикий зверь.

— Рампольду не терпится, — сказал Герсен и, подойдя к переборке, начал отвязывать трос.

— Что ты намерен делать? — спросил Даске.

— Согласно приказу, тебя следует казнить.

— Какому приказу? — Даске широко раскрыл глаза.

— Болван! — рассмеялся Герсен. — Ты что, не догадываешься, что происходит? Теперь я занимаю твое прежнее положение.

С одной стороны трос уже был отвязан, и Герсен пересек отсек, направляясь к другому его концу.

— Не двигайся, если не хочешь, чтобы я сломал тебе ногу! — сквозь зубы сказал он, заметив нетерпеливое движение Даске.

Через мгновение был развязан и второй конец троса.

— Встань теперь ровно. Иди медленно вперед и спускайся по трапу. И не вздумай шалить, пристрелю!

Даске медленно выпрямился. Герсен ткнул в него энергометом.

— Живее!

— Куда это мы...

— Не все ли тебе равно. Пошевеливайся!

Даске медленно повернулся и, волоча за собой два длинных конца троса, двинулся вперед — через двигательный отсек в салон и оттуда к выходу. Здесь он остановился в нерешительности, взглянув через плечо.

— Иди, иди! — сказал Герсен.

Даске стал спускаться по трапу. Герсен, следуя сразу же за ним, поскользнулся на волочащемся тросе. Он упал на землю лицом вниз. Даске издал дикий гортанный торжествующий крик, прыгнул на лежащего сверху, схватил энергомет и отскочил в сторону.

Герсен медленно поднялся и попятился назад.

— Стой там! — приказал Даске. — Вот теперь ты и попался мне!

Он осторожно осмотрелся вокруг. В пятнадцати метрах сбоку от него стояли Уорвин и Деттерас, чуть поодаль — Келле. Рампольд прижался к корпусу корабля. Даске потряс энергометом.

— А ну, все станьте вместе, пока я решу что делать! Рампольд, старый хрыч, пожалуй, уже настало твое время подыхать. Герсена, естественно, тоже... — Он взглянул в сторону университетской троицы. — Ты тоже можешь считать себя мертвецом, — сказал он одному из них. — Ты нечестно вел себя по отношению ко мне.

— Ты слишком много хочешь. Это невозможно, — спокойно заметил Герсен.

— Как это? У меня оружие! Трое из присутствующих здесь сейчас умрут. Ты, старый хрыч Рампольд, и Малагате, эта вонючка, продавшая меня!

— В оружии всего один заряд, — усмехнулся Герсен. — Ты можешь убить только одного из нас, а затем станешь жертвой остальных.

Даске быстро взглянул на индикатор количества зарядов и хрипло рассмеялся.

— Что ж, быть по сему! Кто хочет умереть? Или, вернее, кого я хочу убить? — Он по очереди стал смотреть на лица намеченных жертв. — Старина Рампольд, я уже получил от тебя массу удовольствий! Герсен. Да, мне бы очень хотелось тебя прикончить. Раскаленным докрасна утюгом прямо по уху! Наконец, Малагате. Ну и хитрый же ты пес! Ты предал меня. Я даже не знаю, какую игру ты затеял. Зачем ты затащил меня сюда? И ты хотел моей смерти, пусть даже руками Герсена. Ну что ж, готовься!

Он поднял энергомет, прицелился и нажал на спуск. Энергия стрелой вылетела из дула — но не ослепительная голубая вспышка, а всего лишь слабая бледная шипящая искра. Одна ударила Уорвина и повергла его наземь.

Герсен бросился к Даске. Тот уклонился от борьбы, швырнул энергомет в голову Курта, повернулся и бросился бежать. Герсен поймал оружие, открыл его и вложил свежий энергоблок.

Он медленно подошел к Уорвину, который, шатаясь, пытался подняться. Деттерас набросился на Курта:

— Каким надо быть олухом, чтобы позволить такому человеку завладеть оружием!

Келле заговорил подавленным голосом:

— Но зачем вашему пленнику понадобилось стрелять в Джайла Уорвина? Он что, маньяк?

— Я предлагаю вам вернуться в корабль, где мистер Уорвин сможет хорошенько отдохнуть, — сказал Герсен. — В оружии был единственный слабый заряд, но он, несомненно, причинил адскую боль.

Деттерас неодобрительно буркнул что-то и повернулся к кораблю. Келле взял под руку Уорвина, но тот оттолкнул его и быстро поднялся вверх по трапу. За ним начали подниматься Деттарас, Келле и последним — Герсен.

— Сейчас вам лучше? — спросил Курт у Уорвина, входя в салон.

— Да, — холодно ответил тот, развалясь в кресле. — Но я согласен с Деттерасом. Вы вели себя откровенно глупо.

— Я не уверен в этом, — как можно безразличнее произнес Герсен. — Все было мной искусно подстроено.

— Что? Нарочно? — Деттерас глупо уставился на Герсена.

— Да! Я разрядил энергомет и устроил так, чтобы Даске смог схватить его. Я сообщил ему, что остался всего один заряд, — и все это для того, чтобы он мог подтвердить мои собственные догадки относительно личности Аттеля Малагате.

— Аттеля Малагате? — Келле и Деттерас непонимающе смотрели на него. Уорвин прищурился.

— Да! Малагате-Горе! Я уже слежу за мистером Уорвином, чувствуя, что правильнее было бы называть его Малагате.

— Но это же чистейшей воды безумие! — воскликнул Деттерас. — Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно! Доказано, что один из вас троих — Малагате! Я выбрал Уорвина.

— Ну и ну, — сказал Уорвин. — И можно спросить, почему?

— Конечно. Прежде всего я отбросил Деттераса. Он человек... уродливый. Звездные Короли более щепетильны в отношении своей физиономии.

— Звездные Короли? — взорвался Деттерас. — Кто? Уорвин? Какая чепуха!

— Кроме того, Деттерас любитель поесть, в то время как Звездные Короли относятся с отвращением к человеческой пище. Что же касается мистера Келле, я также решил, что он не годится в кандидаты. Он невысокий, толстый — снова не та фигура для Звездного Короля.

Лицо Уорвина исказилось в ледяной улыбке.

— Вы намекаете на то, что хорошая внешность гарантирует развращенность характера?

— Нет. Я имею в виду, что Звездные Короли редко покидают свою планету, если они не в состоянии успешно конкурировать с настоящими людьми. И, наконец, еще два пункта. Келле женат и имеет по меньшей мере одну дочь. Во-вторых, Келле и Деттерас сделали законную карьеру в университете. Вы же — Почетный Ректор, и, насколько я помню, чтобы получить эту должность, вам пришлось всего-навсего сделать крупное пожертвование.

— Это безумие! — опять воскликнул Деттерас. — Как можно представить Уорвина в качестве Малагате-Горе? И к тому же еще и Звездным Королем! Да это же бред.

— Но это факт, — покачал головой Герсен.

— И что же вы собираетесь сейчас делать?

— Убить его!

Деттерас непонимающе уставился на Герсена и вдруг бросился на него. Обхватив Курта за талию, он торжествующе закричал. Герсен изогнулся, проскользнул под его локтем и ударил рукояткой энергомета. Деттерас отпрянул назад.

— Мне необходимо сотрудничество, ваше и мистера Келле, — заявил Курт и спокойно посмотрел в глаза Деттераса.

— Что? Сотрудничество? С кем? С лунатиком и сумасшедшим? Никогда!

— Уорвин часто и надолго покидал университет. Я прав? И один из таких периодов его отсутствия был совсем недавно. Верно?

Деттерас вызывающе выставил челюсть.

— Я ничего не скажу об этом.

— Да, это правда, — натянуто произнес Келле. Он искоса взглянул на Уорвина, а затем снова уставился на Герсена. — Я полагаю, что у вас есть весомые основания для таких обвинений?

— Конечно.

— Я хотел бы выслушать некоторые из них.

— Это долгая история. Будет вполне достаточно, если я скажу, что я напал на след Малагате в Приморском университете и ограничил круг возможных подозреваемых вами тремя. Я почти с самого начала подозревал Уорвина, но твердой уверенности у меня не было, пока все вы втроем не ступили на эту планету.

— Это похоже на фарс, — устало вздохнул Уорвин.

— Эта планета необычайно напоминает Землю, такую Землю, которая не известна никому из ныне живущих. Землю, которая в таком виде не существовала уже десять тысяч лет. Келле и Деттерас были очарованы. Келле упивался зрелищем, Деттерас почтительно щупал почву этой планеты. Уорвин же пошел смотреть на воду. Звездные Короли произошли от земноводных, которые обитали в сырых местах. И тут появились дриады. Уорвин восхищался ими, рассматривая их как украшение планеты. Что же касается Келле, Деттераса — и меня самого, — то они нам казались чем-то чужеродным. Деттерас им свистнул, Келле хмуро разглядывал. Мы, люди, не желали иметь столь фантастические создания в таком милом нашему сердцу мире. Но все это — построения умозрительные. После того как мне удалось поймать Хильдемара Даске, я потратил много времени на то, чтобы убедить его в том, что его предал Малагате. Когда я ему предоставил шанс, он опознал Уорвина — с помощью энергомета.

Уорвин с сомнением покачал головой.

— Я отрицаю все ваши голословные заявления. — Он посмотрел на Келле. — И вы верите этому проходимцу?

Келле поджал губы.

— К черту, Джайл. Я пришел к выводу, что Герсен — человек вполне компетентный. Я не верю в то, что он лунатик или сумасшедший. Мне кажется, что он вполне отвечает за свои слова.

— Рандл, а вы? — Уорвин обратился к Деттерасу.

— Я рационалист, — произнес Деттерас, полузакрыв глаза. — Я не могу полагаться на слепую веру в вас, Герсена или кого-то еще. Герсен доказал свою правоту, и, даже если вам это не нравится, факты пока на его стороне. Вы можете доказать что-либо обратное? Попытайтесь!

Уорвин задумался.

— Думаю, что смогу переубедить вас, — произнес он задумчиво и встал. Он подошел к шкафу, достал оттуда какую-то вещицу и двинулся в сторону полки, под которой Сутиро смонтировал выключатель. В руке у него был ингалятор, который он крепко сжимал в пальцах.

Он прижал ингалятор к лицу и прикоснулся к выключателю. На пульте управления в носовой части включилась звуковая сигнализация загрязнения воздуха. Уорвин недоуменно раскрыл глаза.

— Если вы вернете выключатель в исходное положение, — отозвался Герсен, — этот звук прекратится.

Уорвин ошеломленно засунул руку под полку и выключил сигнализацию.

Герсен повернулся к Келле и Деттерасу.

— Уорвин сейчас столь же изумлен, как и вы. Он думал, что выключатель управляет вентилями резервуаров с газом, которые вы можете обнаружить под диваном. Именно поэтому он использовал ингалятор. Я выпустил содержимое баллонов и изменил функцию выключателя.

Келле заглянул под диван и извлек оттуда пустую канистру. Он с интересом посмотрел на нее, потом на Уорвина.

— Так что же, Джайл?

Уорвин отшвырнул ингалятор и с омерзением отвернулся.

Деттерас вдруг взвыл:

— Уорвин! А ну-ка, выкладывайте все начистоту!

Уорвин, не оборачиваясь, произнес:

— Вы слышали от Герсена чистую правду.

— Так значит, вы — Малагате? — сказал Деттерас, понижая голос.

— Да! — Уорвин повернулся, выпрямившись во весь свой рост. В его черных глазах загорелся огонь. — Да, я Звездный Король, существо, стоящее выше людей!

— Но человек все же победил вас, — заметил Келле.

Глаза Уорвина загорелись еще ярче. Он повернулся к Герсену.

— Я любопытен. Вы искали Малагате еще до того, как встретились с Луго Тихальтом. Почему?

— Малагате — один из Демонов Тьмы. Я надеюсь покончить с каждым из них!

— И какие же намерения у вас относительно меня?

— Вы их уже слышали. Но могу еще раз повторить: вас ожидает смерть.

Уорвин на мгновение задумался.

— Вы человек честолюбивый, — сказал он бесстрастным тоном. — Таких, как вы, немного.

— Немногие, конечно, спаслись после рейда ваших кораблей на Маунт-Плизент. Мой дед был одним из спасшихся, я — другой.

— Ну и ну, — пробормотал Уорвин. — Все встало на свои места. Так это рейд на Маунт-Плизент? Но это же было так давно!

— Какое странное путешествие, — сказал Келле. — Но зато мы все-таки достигли официальной цели поездки. Планета существует, она именно такова, как ее описал мистер Герсен, и деньги, переведенные на депонент, становятся, таким образом, его собственностью.

— Но только тогда, когда мы вернемся на Альфинор, — проворчал Деттерас.

Герсен обратился к Уорвину:

— Вы изо всех сил старались заполучить эту планету. Меня очень интересует, зачем она вам понадобилась?

Уорвин уклончиво пожал плечами.

— Человек мог бы захотеть жить здесь, — предложил Герсен, — ну, построить здесь дворец... Но зачем все это Звездному Королю?

— Вы совершаете широко распространенную ошибку. Люди все-таки существа очень ограниченные. Вы забываете о том, что индивидуальные отличия существуют не только у вас самих, но и у других разумных рас. Некоторые из них даже отказываются от свободы своих родных планет. Они становятся ренегатами — они не люди, но вместе с тем не принадлежат более и своему родному народу. Обитатели Ггнарумена, — он поразительно легко выкашлял это трудное для человеческой гортани слово, — такие же благонравные граждане, как и большинство законопослушных жителей Ойкумены. Короче говоря, карьера Малагате — совсем не то, к чему стремится рядовой обыватель Ггнарумена. В этом они могут быть правы, а, может быть, и нет. Организация своего собственного стиля жизни — личное дело каждого. Как вы знаете, среди Звездных Королей сильно развит дух соперничества. Эта планета людям кажется прекрасной. Я тоже нахожу ее достаточно привлекательной. Я намеревался перевезти сюда своих соплеменников, дать им возможность жить на планете более прекрасной, чем Земля, и основать здесь новую расу, которая бы превосходила как человечество, так и жителей старого Ггнарумена. Такой была моя мечта, которую вам не понять, потому что не может быть взаимопонимания между вашей расой и моей в этом вопросе. И последнее, — он повернулся к Герсену. — Вы, кажется, хотели меня убить? Так вот, у вас ничего не получится!

С этими словами он в два прыжка очутился у выхода. Деттерас рванулся за ним, мешая Герсену пустить в ход свой энергомет. Уорвин обернулся и с размаху ударил ногой в живот Деттераса, который упал и загородил проход.

Пока Герсен пробрался к выходной двери, Звездный Король уже спрыгнул на землю и бежал вниз по склону. Герсен прицелился и послал сноп энергии вслед согнувшейся фигуре, но безрезультатно. Он спустился по трапу и пустился в погоню.

Уорвин добрался до луга, в нерешительности остановился у реки, посмотрел назад, на Герсена, и снова побежал по долине, вниз по течению. Герсен поднялся чуть выше по склону, где грунт был более твердым, и начал настигать Уорвина, который забрел в болото. Заметив это, Звездный Король снова подошел к берегу реки и заколебался. Если он бросится в воду, то Герсен настигнет его прежде, чем он доберется до противоположного берега. Он посмотрел через плечо — и его лицо уже не было лицом человека. Герсен даже удивился, как он мог так долго сомневаться.

Уорвин повернулся, издал неразборчивый гортанный крик, встал на колени и исчез.

Герсен подошел к этому месту и обнаружил отверстие диаметром в добрых полметра. Он нагнулся, заглянул внутрь, но ничего не обнаружил.

Тяжело дыша, подбежали Келле и Деттерас.

— Где он?

Герсен указал на нору.

— Согласно наблюдениям Луго Тихальта, под болотом живут большие белые черви.

— Гм... — промычал Деттерас. — Его предки жили в болотах и, похоже, в точно таких же дырах. Думаю, что лучшего прибежища ему не нужно искать.

— Он вынужден будет выйти наружу, — сказал Келле, — для того, чтобы есть и пить.

— В этом я не уверен. Звездные Короли терпеть не могут человеческую еду. Люди находят стол Звездных Королей в равной степени отвратительным. Мы сеем растения и разводим скот. Они делают то же самое с червями и насекомыми. Уорвина вполне устроит то, что он найдет под землей.

Герсен взглянул на верхнюю часть долины, куда убежал Хильдемар Даске.

— Я потерял обоих. Я намеревался пожертвовать Даске, чтобы достать Малагате, но обоих...

Все трое стояли на берегу реки. Легкий ветерок поднял рябь на поверхности реки, шелестел в ветвях могучих темных деревьев, которые росли у подножия холмов. Племя дриад, которые брели по противоположному берегу, повернуло свои зеленые глаза-пятна в сторону людей.

— Наверное, оставить их на этой планете — то же самое, что убить, ничуть не хуже.

— По-моему, это еще более тяжкое наказание для них, — уверенно сказал Деттерас. — Намного более тяжелое.

Они медленно вернулись к кораблю. Паллис Атроуд, сидевшая на траве, увидев Герсена, вскочила на ноги. Казалось, события последних часов оживили ее. Она подошла к Герсену, взяла его руку, улыбаясь, взглянула ему в лицо.

— Курт, мне нравится здесь. А тебе?

— Да, Паллис, очень.

— Только представь себе, — сказала Паллис тихо. — Прелестный домик на холме. Разве это не было бы прекрасно, а, Курт? Подумай, подумай!

— Прежде всего нам нужно вернуться на Альфинор. Там и поговорим о возвращении сюда.

— Очень хорошо, Курт. — Она замерла в нерешительности, затем положила руку ему на плечо и с тоской посмотрела ему в глаза. — Я все еще... я все еще... интересна тебе? После того, что случилось?

— Конечно же! — воскликнул Герсен. Его глаза увлажнились. — Разве это твоя вина?

— Нет... Но у нас дома в Лантанго мужчины очень ревнивы.

Герсен не знал, что ответить. Он поцеловал ее в лоб и стал гладить плечи.

Раздался хрипловатый голос Деттераса:

— Ну что ж, Герсен, вы воспользовались мной и Келле из своих рыцарских побуждений. Не скажу, чтобы это доставило мне удовольствие, но и для возмущения у меня нет оснований.

Держась в тени корабля, к ним приблизился Робин Рампольд.

— Хильдемар сбежал, — сказал он скорбно. — Теперь он через горы доберется до города, и я никогда больше не увижу его.

— Он может перебраться через горы, — сказал Герсен, — но никакого города там нет. Он это знает и будет скрываться где-то поблизости.

— Мне это причиняет огромные страдания, — печально заметил Рампольд.

Герсен рассмеялся.

— Вы бы предпочли поменяться с ним местами?

— Нет, конечно же нет. Но, находясь в плену, я все время мечтал о том, что я сделаю, когда освобожусь. Семнадцать лет назад я был молод и у меня были свои планы. Теперь же у меня на уме только одна мысль, Хильдемар ускользнул...

И он безутешно пошел прочь. Через некоторое время Келле произнес:

— Как ученый, я нахожу эту планету очаровательным местом. Как человека, она меня пугает. Как Каггe Келле, некогда сослуживец Джайла Уорвина, я нахожу ее чрезвычайно гнетущей. Я готов покинуть ее в любое время.

— Да, — угрюмо произнес Деттерас, — а почему бы и нет?

Герсен поднял свой взор на долину, где Хильдемар Даске, одетый только в грязные белые панталоны, рыщет по лесу, как затравленный

бешеный зверь. Он взглянул на нижнюю часть долины, которая терялась среди подернутых дымкой просторов, затем на болотистый луг, под которым полз Малагате. Затем он посмотрел на Паллис Атроуд.

— Я не могу поверить, что это реально, — глубоко вздохнув, произнесла она.

— Да, к сожалению, это все реально. Но это также и сон.

— Все кажется сном. Кошмарным сном.

— Сейчас он уже прошел. Как будто его никогда и не было.

— Я рада... — Она нахмурилась, стесняясь. — Я многого не помню.

— Ну и хорошо.

Паллис показала на луг.

— Смотри, Курт. Кто эти красивые создания?

— Дриады.

— Что они там делают?

— Не знаю. Похоже, чем-то питаются. Луго Тихальт говорил, что они высаживают питательные вещества из крупных белых червей, прячущихся в норах под лугом. Или, может быть, они не едят сейчас, а откладывают яйца в почву... Кто знает?

Дриады опять начали свое плавное движение вверх по склону, размахивая пышными ветвями и медленно покачиваясь на ветру. По болоту они передвигались медленно, осторожно делая шаги. Одна из них остановилась и застыла на месте. Под ее ногой мелькнуло что-то белое, и скрытое ранее щупальце тотчас же нырнуло в мягкую землю. Прошло несколько секунд. Внезапно почва вздыбилась и растрескалась, дриада перевернулась вверх тормашками. Из образовавшегося кратера, шатаясь, вылез Уорвин. Щупальце все еще торчало из его спины. На его выпачканном грязью лице глаза почти выкатились из орбит, изо рта неслись ужасные вопли. Он затрясся, упал на колени, перевернулся, опять вскочил, с остервенением отрывая болтающиеся сзади остатки дриады, и вдруг дико метнулся вверх по склону. Шаги его стали слабеть. Он упал, несколько раз дернулся и затих.

Похоронили Джайла Уорвина на склоне холма. Вся группа вернулась на корабль. К Герсену робко подошел Робин Рампольд.

— Я решил остаться здесь.

Герсена удивило и расстроило это заявление. Но, с другой стороны, оно только подтвердило его догадки.

— Значит, — медленно сказал Курт, — вы хотите жить на этой планете вместе с Хильдемаром Даске?

— Да.

— Вы знаете, что может произойти? Он опять сделает вас своим рабом. Или убьет, чтобы съесть, и я буду виноват в том, что оставил вас здесь.

Лицо Рампольда стало непроницаемым.

— Может быть, все будет так, как вы говорите, но я не могу, не имею права оставить в одиночестве Хильдемара Даске!

— Подумайте хорошенько, — предложил Герсен. — Учтите, что здесь вы будете один. И он будет еще более жесток, чем прежде, после всего, что произошло.

— Я надеюсь, что вы оставите мне некоторые предметы: оружие, лопату, немного пищи...

— И что вы будете делать, когда пища закончится?

— Я найду пищу на этой планете: семена, рыбу, коренья, орехи. Они, конечно, могут быть ядовитыми, но я буду тщательно проводить предварительную проверку. А что еще остается делать?

Герсен покачал головой.

— Было бы лучше, если бы вы вернулись на Альфинор. Здесь Хильдемар Даске отомстит вам, не забывайте этого.

— Я не могу отказаться от такого шанса, — упрямо гнул свою линию Робин Рампольд.

— Ну, как хотите.

Корабль поднялся над лугом, оставив Рампольда со скудной грудой снаряжения.

Планета стала зелено-голубым шаром и вскоре совсем исчезла со смотровых экранов.

— Вот, джентльмены, вы и посетили планету Луго Тихальта, — угрюмо обратился Герсен к Келле и Деттерасу.

— Да, — равнодушно произнес Келле. — Хоть и окольными путями, но вы выполнили условия нашего договора. Деньги теперь ваши.

Герсен покачал головой.

— Мне ничего не нужно. Я предлагаю сохранить существование этой планеты в глубокой тайне, чтобы воспрепятствовать ее осквернению. Как вы смотрите на такое предложение?

— Очень хорошо, — кивнул Келле. — Я согласен.

— Я тоже, — сказал Деттерас, — но только при условии, что я смогу вернуться сюда в другой раз при более спокойных обстоятельствах.

— И еще одно условие, — вставил Герсен. — Третья часть депонированного фонда принадлежала Аттелю Малагате. Поэтому я предлагаю, чтобы эта сумма была переведена на счет мисс Атроуд в качестве некоторой компенсации за все то зло, которое было причинено ей по приказу Малагате-Горе.

Ни Келле, ни Деттерас не возражали против такого предложения. Паллис попробовала было протестовать, но затем согласилась с этим предложением.

Оставшаяся далеко за кормой желтовато-белая звезда превратилась в крохотную искорку и вскоре вообще исчезла с экранов электронных телескопов.

Годом позже Курт Герсен возвратился в своем космическом корабле модели 9В на планету Тихальта, но уже один.

Зависнув на орбите, он внимательно осмотрел долину через телескоп, но не обнаружил признаков человеческого обитания. Нельзя было забывать, что на планете оставался энергомет, и за это время он вполне мог оказаться в руках Красавчика. Курт дождался прихода ночи и посадил корабль на горный склон под долиной реки.

Подошла к концу долгая тихая ночь. На заре Герсен отправился вниз, в долину, стараясь не выходить из-под прикрытия деревьев.

Где-то далеко впереди он внезапно услыхал стук топора. Чрезвычайно осторожно он приблизился к источнику звука.

На опушке леса Робин Рампольд разрубал упавшее дерево. Герсен медленно приблизился поближе. Лицо Рампольда округлилось, он выглядело загорелым, сильным, здоровым. Курт окликнул его по имени, Рампольд поднял голову и недоуменно посмотрел по сторонам.

— Кто это?

— Курт Герсен.

— Выходите же, дорогой, нечего скрытничать!

Герсен вышел на опушку, осторожно озираясь вокруг.

— Я боялся, что могу наткнуться на Хильдемара Даске.

— А... — засмеялся Рампольд. — Вам нет необходимости бояться Хильдемарчика.

— Что? Он мертв?

— Нет. Он жив и здоров, но живет сейчас в небольшом загончике, который я соорудил для него. С вашего разрешения, я не поведу вас взглянуть на него, так как загон этот находится в потайном месте, хорошо спрятанном от любого, кто может ненароком посетить эту планету.

— Ясно, — кивнул Герсен. — Значит, вы одолели этого негодяя?

— Конечно! А вы что, сомневались в этом? У меня было гораздо больше средств, чем у него. Я выкопал за ночь яму и соорудил западню. Утром Хильдемарчик тайком подкрался, надеясь конфисковать мои запасы, но угодил в яму, и я пленил его. Теперь он уже стал совсем другим человеком. — Робин взглянул Герсену прямо в глаза. — Вы не одобряете этого?

Курт пожал плечами.

— Я прибыл, чтобы забрать вас с собой в Ойкумену.

— Нет! — резко сказал Рампольд. — Я уж как-нибудь проживу здесь свой век вместе с Хильдемаром Даске. Это прекрасная планета, и она мне очень нравится. Я нашел здесь отличную пищу, которая нам обоим вполне подходит, и к тому же я ежедневно показываю Хильдемарчику все те фокусы, которым он сам научил меня за долгие семнадцать лет.

Они побрели по долине к месту предыдущей посадки.

— Здесь необычайно причудливый жизненный цикл, — объяснил Рампольд. — Каждая форма жизни без конца превращается в другую. Только деревья остаются без изменений.

— Это я уже знаю, — заметил Герсен, — от человека, который первый обнаружил эту планету.

— Идемте, я покажу вам могилу Уорвина.

Рампольд повел Курта вверх по склону к рощице из тонких белоствольных деревьев. Сбоку от них росло деревце, заметно отличающееся от других пурпурными жилками на стволе и плотными темно-зелеными листьями.

— Вот здесь и покоится Джайл Уорвин, — сказал Рампольд.

Герсен постоял немного, глядя на это удивительное дерево, а затем повернулся и окинул взглядом долину. Как и прежде, она сияла красотой и безмятежностью.

— Что ж, тогда я отправлюсь в путь. Возможно, я уже никогда не вернусь сюда. Вы уверены, что хотите остаться здесь навсегда?

— Абсолютно! — Рампольд посмотрел в сторону солнца. — Вы уж извините, но я опаздываю. Хильдемарчик будет дожидаться меня. Жаль его разочаровывать. Я желаю вам на прощание удачи.

Он поклонился и ушел, пересек долину и скрылся в лесу.

Герсен еще раз пробежал взглядом по долине. Эта планета больше не была девственной, она познала зло. Ощущение запятнанности окутывало все, что видел Герсен. Он вздохнул, повернулся к могиле Уорвина, нагнулся, схватил деревце и вырвал его из земли. Разломав ствол и ветви на куски и разбросав их в разные стороны, он повернулся и медленно побрел вверх по слону к своему кораблю.

ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА

роман

I
ЧУЖОЙ МИР

На высотах реки Кзан на месте особых древних руин Никоню, Смеющийся Волшебник выстроил дворец по своему вкусу: эксцентричное здание с прекрасным фронтоном, балконами, воздушными переходами, куполами и тремя спиральными башнями зеленого стекла, через которые красный солнечный свет проникал, причудливо изгибаясь, дробясь на самые странные сочетания красок.

Позади дворца находилась долина, а за долиной открывались невысокие холмы, которые уходили к самому горизонту, как песчаные дюны. На слиянии рек стояла Азиномея, город настолько древний, что никто не помнил, когда его построили, известный сейчас только своей ярмаркой, которая привлекала народ со всех окрестностей. На Азиномейской ярмарке Кугель открыл лоток по продаже талисманов.

Кугель был человеком одаренным во многих отношениях, осторожным и гибким. У него был хорошо подвешенный язык. Его волосы иссиня-черного цвета спускались далеко на лоб, изгибаясь над надбровными дугами. Быстрые глаза, длинный любопытный нос и чувственный рот — все это придавало его худощавому с выступающими скулами лицу выражение живости, чистосердечности и привлекательности.

Он побывал во многих переделках и соответственно набрался всякого опыта, мог постоять за себя в драке, способен был и на кражу при случае. Став владельцем старинного свинцового гроба, он разделил его на множество свинцовых амулетов, выдавив на каждом печати и руны, именно этими свинцовыми амулетами он торговал на ярмарке.

К несчастью для Кугеля, не более чем в двадцати шагах от его лотка Фианостер поставил большую лавку с предметами куда более разнообразными и полезными, поэтому, когда Кугель останавливал прохожего, чтобы объяснить ему все выгоды покупки амулета, тот просто вынимал один из предметов, купленных в лавке Фианостера, и уходил восвояси.

На третий день ярмарки Кугель продал всего лишь четыре талисмана по ценам, которые едва ли превышали цену самого свинца, в то время как Фианостер бойко торговал и отбоя от клиентов у него не было. Не в силах выдержать такой конкуренции, Кугель свернул свой собственный лоток и приблизился к тому месту, где торговал Фианостер, чтобы получше изучить конструкцию запоров на дверях его лавки.

— Входи, мой друг, входи. Как идет торговля?

— Да особенно хвастаться нечем, — сказал Кугель. — И одновременно удивлен и разочарован, потому что мои талисманы, как правило, приносят большую пользу.

— Я могу рассеять твое удивление, — сказал Фианостер. — Твой лоток находится на месте старого захоронения и таким образом впитал в себя несчастливые эссенции. Но мне показалось, что ты интересовался тем способом, которым соединены деревянные доски моей лавки. Думаю, что изнутри тебе это будет лучше видно, но сначала только позволь мне укоротить цепь пленного эрба, который охраняет мою лавку по ночам.

— В этом нет нужды, — сказал Кугель. — Мой интерес был чисто академическим.

— Что же касается разочарования, которое ты испытываешь, — продолжал Фианостер, — то и оно скоро пройдет. Посмотри на эти полки. Ты можешь заметить, что у меня почти не осталось товаров.

Кугель уже давно это заметил.

— Какое это может иметь ко мне отношение?

Фианостер указал рукой на прогуливающегося на площади человека, одетого во все черное. Это было существо маленького роста с желтой кожей и лысой, как лицо, головой. Глаза его напоминали сучки на доске, рот был широк и извивался в вечной усмешке.

— Перед тобой Никоню, Смеющийся Маг, — сказал Фианостер. — Через некоторое время он зайдет в мою лавку и попытается купить определенную книгу в красной коже — записную книжку Дизарксы Майора, который был учеником Великого Фандзала. Моя цена на нее выше, чем он заплатит, но он терпеливый человек и будет торговаться по-крайней мере три часа. В течение этого времени дом его стоит никем не охраняемый. В этом доме собраны огромные коллекции тауматургических артефактов, инструментов, приборов, так же как и древностей, талисманов и книг. Я с удовольствием покупаю такие предметы. Следует ли мне продолжать?

— Все это очень хорошо, — сказал Кугель, — но неужели Никоню оставляет свой дом без охраны или хотя бы дворецкого?

Фианостер широко развел руки в стороны.

— Почему бы и нет? Кто осмелится обокрасть Никоню, Смеющегося Мага?

— Именно эта мысль и беспокоит меня, — ответил Кугель. — Я человек изобретательный, но не сумасшедший.

— Можно приобрести огромное богатство, — отчеканил Фианостер. — Драгоценные камни, миниатюры, древности, которым нет цены, а также волшебные мази, притирания и эликсиры. Но помни: я ничего не требую, ничего не советую. Если тебя поймают, то ты только слышал, как я восхищался богатством Никоню, Смеющегося Мага! Но вот он идет. Быстро повернись так, чтобы он не увидел твоего лица. Три часа он будет здесь — это я могу гарантировать!

Никоню вошел в лавку, и Кугель наклонился, рассматривая небольшую бутылку, в которой был заспиртованный гомункулус.

— Приветствую тебя, Никоню! — воскликнул Фианостер. — Почему ты задержался? Я отказался от очень выгодного предложения продать красную книгу и все только из-за тебя! А теперь, обрати внимание на этот гроб! Он был обнаружен в склепе неподалеку от месторасположения старого Каркода. Он все еще запечатан, и кто знает, какие чудеса могут в нем находиться? Я прошу за него совсем скромную цену — двенадцать тысяч терций.

— Интересно, — пробормотал Никоню. — Надпись... постой-ка... — гммм. Да, это не подделка. В гробе находятся кальцинированные рыбьи кости, которые использовались в Гранд Мотхолам в качестве противозачаточного средства. Возможно, как редкость, он и стоит десять — двенадцать тысяч терций. У меня в коллекции есть гробы старше на тысячи и десятки тысяч лет, еще из века Сверкания.

Кугель пробрался к двери и вышел на улицу, где он принялся ходить взад и вперед, обдумывая предложение, которое с такой осторожностью сделал ему Фианостер. С первого взгляда все казалось вполне разумным: вот стоял Никоню, а вот — его дом, набитый всяческими сокровищами. Ну уж, конечно, простое ознакомление к поступкам этого дома не могло принести особого вреда. Кугель пошел на восток по берегу Кзана.

Спиральные башни зеленого стекла поднимались на фоне темно-голубого неба, и алое солнце играло в них. Кугель остановился, осторожно осмотрел местность. Кзан беззвучно тек мимо. Неподалеку, полуприкрытая черными тополями, была деревушка — дюжина каменных избушек, в которых жили лодочники и рыбаки.

Кугель внимательно осмотрел дорогу к дому — извилистую тропинку, выложенную темно-коричневой плиткой. В конце концов он решил, что чем откровеннее он будет идти к дому, тем меньше ему придется объясняться, если вдруг это почему-либо потребуется. Он начал всходить по холму, и дом Никоню высоко навис над ним. Дойдя до двора, он остановился, чтобы рассмотреть окружавший пейзаж и изучить обстановку. За рекой холмы следовали вдаль один за другим и, казалось, им не будет конца.

Кугель смело подошел к двери, постучал, но ответа не получил. Он задумался. Если дворец, как Фианостер, охранял сторожевой зверь, то он должен обнаружить себя, если его растревожить. Кугель принялся кричать на различные голоса, выть, мяукать, рычать.

Внутри дома стояла тишина.

Он осторожно подошел к окну и уставился в зал, обитый бледно-серым материалом, в котором не было ничего, кроме табурета, где под стеклянным колпаком лежал мертвый грызун. Кугель обошел дом, заглядывая в каждое окно и обследуя его, пока не добрался до большого зала. Он ловко забрался по грубой каменной кладке на

причудливый парапет, потянул на себя окно и через секунду уже проник в дом.

Он стоял в спальной комнате. На помосте шесть деревянных морд, поддерживающих кушетку, повернулись в его направлении. Двумя быстрыми крадущимися шагами Кугель прошел арку, которая вела в другую комнату. Здесь были зеленые стены и черная с розовым мебель. Он вышел из комнаты на балкон, который шел вдоль огромного выставочного зала, свет в который струился через разноцветные окна. Внизу находились чемоданы, сундуки, полки и стеллажи, на которых стояли самые разнообразные предметы — знаменитая коллекция Никоню.

Кугель застыл на месте, напрягшись как хищник перед тем, как броситься на добычу, но полная тишина успокоила его. Это была тишина пустого дома. Тем не менее он сейчас находился во владениях Никоню, Смеющегося Мага, и осторожность не мешала.

По винтовой лестнице Кугель спустился вниз в большой зал. Он остановился в восхищении, в душе преклоняясь перед Никоню за то, что тот собрал такие сокровища. Но время у него было ограниченно, ему надо было уйти отсюда как можно скорее. Он быстро вытащил свой мешок и пробежался по всему залу, ловко выбирая предметы, которые весили мало, а стоили дорого: небольшой кувшин с оленьими рогами, костяной рог, из которого доносились голоса далекого прошлого, миниатюрную грунтовую скульптуру, изображающую чертенят, готовых выполнить комическое действо, предмет, похожий на гроздь хрустального винограда, в каждой ягодке которого виднелся один из миров демонов, трубку, из которой вываливались засахаренные фрукты с необычайным запахом, старинное кольцо с рунной надписью, черный камень, окруженный девятью камешками неопределенного цвета. Он проходил мимо сотен кувшинов с порошками и жидкостями, которые были закрыты пробками в форме деревянных голов. Потом он подошел к полкам, уставленным книгами самых разных размеров. Кугель отбирал их с большой тщательностью, предпочитая тома, переплетенные в пурпурный бархат — характерный цвет Фандзала. Таким же образом он выбрал книги гравюр и древние карты, от потревоженной кожи которых исходил затхлый запах.

Кружным путем он прошел в зал-прихожую, мимо сундука, набитого множеством металлических коробок с металлическими печатями глубокой древности. Кугель выбрал три наиболее тяжелые коробки. Он прошел мимо нескольких огромных двигателей, назначение которых он с удовольствием бы исследовал, но время поджимало и ему надо было отправляться в путь, обратно в Азиномею, в лавку Фианостера...

Кугель нахмурился. Теперь это ему не казалось разумным. Вряд ли Фианостер захочет заплатить полную стоимость за его товар, или, если быть точным, за товар Никоню. Было бы совсем не лишним закопать часть предметов в каком-нибудь укромном уголке.

И тут перед взором торговца амулетами возник альков, которого он раньше не заметил. Мягкий свет, как вода, струился по хрустальным стеклам, служившим алькову наружными стенами. В глубине его стоял очень сложный предмет, очаровывающий взгляд. Насколько Кугель мог различить, это была миниатюрная карусель, на которой катались прекрасные куклы, выглядевшие как живые. Это был явно предмет большой ценности, и Кугель остался очень доволен, найдя в хрустальной стене входное отверстие.

Он прошел внутрь, но через два фута ему преградила путь стеклянная стена. Кугель обошел ее, но вскоре был остановлен другой стеной, замеченной им в самый последний момент.

Покрутившись таким образом, Кугель решил отказаться от карусели и выбираться из замка. Он повернулся и тут же остановился в недоумении. Он пришел слева... или справа?

Кугель все еще продолжал искать выход, когда после должного промежутка времени домой вернулся Никоню.

Остановившись у алькова, Никоню посмотрел на Кугеля с ироническим изумлением.

— Что такое? Неужели у нас посетитель? А я был настолько невежлив, что заставил себя ждать! Но, как я вижу, ты нашел чем заняться до моего прихода, так что я уже не буду чувствовать угрызений совести.

Никоню позволил себе усмехнуться. Затем он сделал вид, что только сейчас заметил сумку Кугеля.

— А что это такое? Ты принес предметы искусства для моего изучения? Великолепно! Я всегда рад пополнить свою коллекцию. Мне, к сожалению, приходится беречь ее пуще глаза. Ты даже представить себе не можешь, сколько негодяев ищут способ оградить меня! Этот купец, например. Просто поразительно, сколько усилий затрачивает он в этом направлении! Я терплю его, потому что до сих пор он не пытался проникнуть в мой дом сам. Но пойдем же, проходи в этот зал, и мы обследуем содержимое твоей сумки.

Кугель с изяществом поклонился.

— С превеликим удовольствием. Как ты совершенно правильно предположил, я действительно с нетерпением дожидался твоего прихода. Если я правильно помню, выход вот здесь...

Он шагнул вперед, но опять наткнулся на хрустальную дверь. Тогда он сделал изумленный жест рукой.

— Кажется, я свернул не в ту сторону.

— По-видимому, да, — сказал Никоню. — Посмотри наверх, и ты увидишь на потолке декоративную проволоку. Если ты будешь все время сворачивать направо, следуя ее изгибам, то очень скоро окажешься в зале.

— Ну конечно!

И Кугель с бодростью принялся было шагать в указанном направлении.

— Минуточку! — окликнул его Никоню. — Ты забыл свою сумку!

Кугель неохотно вернулся за сумкой и вскоре оказался в зале.

Никоню сделал изящное движение рукой.

— Если тебя не затруднит пройти сюда, я буду рад осмотреть твои товары.

Кугель инстинктивно посмотрел вдоль коридора, ища выход из дома.

— Это будет слишком большим злоупотреблением твоим терпением. Мои безделушки не заслуживают твоего внимания. С твоего разрешения я предпочел бы удалиться.

— Ну что ты, что ты, как можно! — с сердечной теплотой в голосе заявил Никоню. — У меня бывает так мало посетителей, причем большинство из них — негодяи и воры. О, как жестоко мне приходится поступать с ними, ты даже представить себе не можешь! Тем приятнее встретиться с честным человеком. Я настаиваю, чтобы ты, по меньшей мере, слегка развлекся в моем доме. Поставь свою сумку на пол.

Кугель осторожно поставил сумку.

— Недавно Морская Ведьма из Белого Альстера научила меня одному трюку. Мне кажется, тебя это заинтересует. Для этого мне понадобится несколько эллов крепкой веревки.

— Ты возбуждаешь мое любопытство!

Никоню вытянул руку, ящик комода выдвинулся сам собой, и свернутая веревка влетела в его руку. Потирая лицо, как бы для того, чтобы скрыть улыбку, Никоню протянул вперед руку с указующим пальцем. Веревка тут же обернулась вокруг ног и рук Кугеля, так что он не в состоянии был и пошевелиться. Никоню усмехнулся так широко, что его мягкий большой череп чуть было не раскололся надвое.

— О, как это удивительно! Для твоего собственного удобства не пытайся освободиться, потому что веревка, под названием Пленитель Воров, свита из осиных жил. Ну а теперь, давай обследуем содержимое твоей сумки.

Он заглянул в мешок Кугеля и издал рассерженный крик.

— Ты разорил мою коллекцию! Я вижу здесь несколько самых ценных моих предметов!

Кугель скорчил постную мину.

— Естественно! Но я не вор. Фианостер послал меня сюда, чтобы я принес ему определенные вещи, а следовательно...

Никоню поднял вверх руку.

— Нанесенное тобою оскорбление слишком тяжело для такого легкомысленного объяснения. Я уже высказал тебе свое отношение к искателям легкой наживы и ворам, и сейчас я должен отомстить тебе соответствующим образом, если, конечно, ты не предложишь мне соответствующей компенсации.

— Да уж, конечно, такая компенсация должна существовать, — промямлил Кугель. — Однако эта веревка очень больно впивается мне в кожу, поэтому я не могу поразмыслить по этому поводу как следует.

— Неважно. Я решил применить Заклинание Безнадежного Отчаяния, которое заключает субъекта в отверстие на сорок пять миль в глубь земли.

Кугель растерянно заморгал.

— Но ведь при этих условиях вряд ли мне удастся каким-нибудь способом вознаградить тебя.

— Тоже верно, — рассудительно произнес Никоню. — Я вот сейчас сижу и думаю, может быть, все же есть какое-нибудь мелкое поручение, которое ты мог бы для меня исполнить?

— Можешь считать, что негодяй уже мертв! — радостно объявил Кугель. — А теперь сними с меня эту ужасную веревку.

— Да нет, я имел в виду вовсе не убийство, — сказал Никоню. — Пойдем!

Веревка ослабла, позволяя Кугелю мелкими прыжками последовать за Никоню в боковую комнатку, увешанную гобеленами и шпалерами. Из ящика стола Никоню вытащил небольшую шкатулку и положил ее на парящий в воздухе стеклянный лист. Он открыл шкатулку и сделал знак Кугелю, который увидел, что в шкатулке находятся два углубления, выложенные красным мехом. В одном из них покоилось небольшое полушарие из туманного фиолетового стекла.

— Как человек ученый и много путешествующий, — предположил Никоню, — ты без всякого сомнения узнаешь, что это такое. Нет? Ты, конечно, знаком с войнами Кутц Восемнадцатого Века? Нет?

Никоню с удивлением пожал плечами, явно издевательски.

— В течение этих страшных событий демон Унда-Храда — в Альманахе Трампа он числится под Зеленым Номером 16-04 — решил помочь своим покровителям и для этого вызвал определенные силы с суб-мира Ла-Эр. Для того чтобы они могли за всем наблюдать, их снабдили приспособлениями, такими же, как то, что ты сейчас видишь перед собой. Когда события приняли неожиданный поворот, демоны вернулись на Ла-Эр. Полушария были отправлены в Кутц. Одним из них, как ты видишь, я обладаю. Ты должен доставить для меня второе, и тогда я сквозь пальцы посмотрю на то, что ты забрался в мой дом.

Кугель задумался.

— Насколько я понял твои речи, у меня есть выбор: либо отправиться к демонам Ла-Эр, либо подвергнуться Заклинанию Безнадежного Отчаяния. Честно говоря, я не знаю, что для меня будет лучше.

Смех Никоню опять чуть было не расколол пополам его желтую голову, похожую на заполненный мочевой пузырь.

— Возможно, путешествие на Ла-Эр окажется необязательным. Ты можешь достать для меня желаемое на земле, которая когда-то называлась Кутц.

— Должен — значит должен, — проворчал Кугель, ужасно недовольный и расстроенный тем, как кончился этот его день. — Но какие возможности открывает это фиолетовое полушарие? Как я отправлюсь на землю Кутц и как вернусь обратно? Какое необходимо

мне оружие, талисманы или магические приспособления, чтобы с успехом выполнить это твое поручение?

— Все в свое время, — сказал Никоню. — Сначала я должен быть уверен, что, оказавшись на свободе, ты поведешь себя с преданностью, рвением и целеустремленностью.

— Мое честное слово — самая крепкая для тебя страховка, — заявил Кугель.

— Великолепно! — громко воскрикнул Никоню. — Теперь у меня сразу стало легко на душе! Значит то, что я собираюсь сейчас предпринять, совсем необязательно!

Он вышел из комнаты и через мгновение вернулся с закрытой стеклянной чашей, в которой сидело и злобно свистело маленькое белое существо, состоявшее из когтей, шипов и колючек.

— Это, — сказал Никоню, — мой друг Фрикс со звезды Акарнар, который куда мудрее, чем кажется с первого взгляда. Фрикс ужасно раздражен тем, что его разлучили с товарищем, с которым он делил ванну в моем кабинете. Он поможет тебе в осуществлении твоих прекрасных намерений.

Никоню подошел ближе и быстрым уверенным движением сунул существо в область живота Кугеля. Оно проникло под его пупок, заняло бдительную позицию и успокоилось, свернувшись вокруг его печени.

Никоню отошел назад, смеясь тем самым смехом, за который и получил свое прозвище. Глаза Кугеля чуть не вылезли из орбит. Рот открылся, но Кугель неимоверным усилием воли сжал челюсти и плотно закрыл глаза.

Веревка развернулась. Кугель стоял весь дрожа, каждый мускул его был в диком напряжении.

Смех Никоню перешел в задумчивую усмешку.

— Ты говорил о магических приспособлениях. А как насчет твоих талисманов, которые ты объявлял такими всемогущими в своей лавке в Азиномее? Разве они не могут делать врагов беспомощными, растворять железо, привлекать девственниц, давать бессмертие?

— На эти талисманы нельзя положиться во всех случаях жизни, — сказал Кугель. — Мне потребуются такие, которые успешно помогли бы мне выполнить такое сложное поручение.

— Но у тебя они есть, — ответил Никоню, — в твоей шпаге, в твоей хитрости, в быстроте твоих ног. Однако ты вызвал к себе мое участие, и я помогу тебе. — Он повесил на шею Кугелю небольшую квадратную дощечку. — Теперь ты никогда больше можешь не бояться умереть с голода. Прикосновение этого предмета сделает съедобным дерево, кожу, траву, даже одежду. Он также зазвенит в присутствии яда. Итак, теперь уже больше нет причин задерживаться. Пойдем, нам пора. Веревка? Где там веревка?

Веревка послушно обернулась вокруг шеи Кугеля, и ему ничего не оставалось делать, как послушно последовать за Никоню.

Они вышли прямо на крышу древнего замка. Темнота давно уже спустилась на землю. Вверху и внизу, по всей долине Кзана, сверкали слабые огоньки, в то время как сама река широкой черной полосой пробиралась между ними.

Никоню указал на клетку.

— Это будет средством твоей транспортировки. Входи.

Кугель заколебался.

— Я предпочел бы сначала хорошо пообедать и отдохнуть, чтобы отправиться в путь завтра утром со свежими силами.

— Что? — заговорил Никоню голосом, напоминающим трубный глас. — Ты осмеливаешься стоять передо мной и высказывать свои пожелания? Ты, который воровским образом проник в мой дом, распотрошил всю мою коллекцию и оставил все в таком беспорядке? Ты что, не понимаешь, как тебе повезло? Возможно, ты все же предпочитаешь Безнадежное Отчаяние?

— Нет, нет! — нервно запротестовал Кугель. — Я просто думал о пользе дела!

— Тогда — в клетку!

Кугель отчаянно обвел глазами крышу замка, затем медленно направился к клетке и вошел внутрь.

— Надеюсь, ты не страдаешь внезапными приступами амнезии? — сказал Никоню. — Но даже если ты пренебрежешь своим долгом, Фрикс без промедления напомнит тебе о нем.

— Раз уж я все равно вынужден отправиться в это путешествие и скорее всего вряд ли вернусь оттуда, — сказал Кугель, — мне бы очень хотелось на прощание высказать все, что я думаю о тебе и о твоем характере. Во-первых...

Но Никоню поднял руку.

— Я не собираюсь тебя слушать. Ругань раздражает меня, а к похвалам я отношусь скептически. До свидания!

Он отступил назад и уставился в темноту, затем стал выкрикивать заклинание, известное как Перенос Тасбрудаль Лагантетик. Откуда-то с неба послышался звук громового удара и яростный вопль.

Никоню отступил еще на несколько шагов, выкрикивая слова на древнем языке, и клетка со скрючившимся внутри нее Кугелем взлетела и понеслась по воздуху.

* * *

Холодный ветер бил Кугелю прямо в лицо. Сверху до него доносились хлопанье и шум огромных крыльев и отдаленный плач, похожий на причитания. Клетка раскачивалась взад и вперед. Внизу было темно, хоть глаза выколи. По расположению звезд Кугель догадался, что они путешествовали на север, и через некоторое время он почувствовал, что внизу возвышаются Мауренронские Горы и что они пролетают сейчас над той дикой местностью, которая носит

название Падающей Стены. Один или два раза Кугель видел огни одиноких замков, а однажды заметил огромный костер. Некоторое время крылатый спрайт летел рядом с клеткой, с любопытством заглядывая внутрь. Казалось, он был очень удивлен таким поведением Кугеля, и когда Кугель попытался расспросить его о том, над какими землями они пролетали, спрайт просто стал издавать радостные крики. Потом он, видимо, расчувствовался и попытался прильнуть к клетке, но у Кугеля было слишком плохое настроение, и он отпихнул его. Спрайт скатился вниз, скользя по ветру с завистливым криком.

Засветился Восток, и появилось солнце, дрожащее, как старик от холода. Вся земля была окутана туманом. Кугелю с трудом удалось рассмотреть, что они летели над местностью черных гор и мрачных пропастей. Потом туман рассеялся, и Кугель увидел под собой свинцовое море. Несколько раз он попытался посмотреть наверх, но крыша клетки скрывала от его глаз демона, позволяя видеть только концы перепончатых крыльев.

В конце концов демон долетел до северного берега океана. Стрелой спустившись на берег, он испустил крик и бросил клетку с высоты пятнадцати футов.

Кугель с трудом выбрался из сломанной клетки. Осматривая свои синяки, он громко выругался вслед улетающему демону, затем по зыбкому песку взобрался на высокий берег. К северу простирались пустынные болота и виднелись низкие холмы, к востоку и западу не было видно ничего, кроме океана и неуютного берега. Кугель повернулся на юг и потряс кулаком. Как-нибудь, когда-нибудь, чем-нибудь он отомстит Смеющемуся Магу! В этом он поклялся себе.

В нескольких сотнях ярдов к западу виднелись остатки древней морской стены. Кугель решил было обследовать ее, но не успел пройти и трех шагов, как Фрикс впился своими колючками в его печень. Кугель, глаза которого закатились от боли, поменял направление и пошел вдоль берега к востоку.

Через некоторое время он проголодался и вспомнил об амулете, который дал ему Никоню. Он подобрал выброшенный на берег кусок дерева и потер его дощечкой, надеясь, что он мгновенно превратится в засахаренные фрукты или жареную индейку. Но деревяшка всегонавсего стала мягкой, как сыр, сохраняя запах сырой древесины. Кугель съел кусок, не разжевывая, чтобы не чувствовать омерзительного вкуса. Еще один счет, который он предъявит Никоню! О, как заплатит ему за все Смеющийся Маг!

Алое блюдо солнца скользило по небу. Кугель увидел деревеньку, расположенную на берегу речки. Избушки были похожи на птичьи гнезда, сделанные из глины и палок, и вокруг пахло грязью и отбросами. Посреди них ходили люди, такие же неопрятные, как и их жилища. С квадратными фигурами, негодяйскими выражениями на лицах, толстые, с желтыми жесткими волосами в колтунах, с плоскими чертами лица. Единственная их достопри-

мечательность, к которой Кугель проявил живой и немедленный интерес, заключалась в их глазах. Кажущиеся слепыми фиолетовые полушария были точно такими, какие требовались Никоню.

Кугель осторожно подошел к деревне, но ее жители не обратили на него никакого внимания. Если полушарие, хранившееся у Никоню, было таким же, как и глаза этих людей, тогда поручение приобретало определенность, и добыть этот фиолетовый касп оставалось только делом техники и тактики.

Кугель остановился, наблюдая за жителями деревни, и понял, что его очень многое удивляло в них. Во-первых, их поведение: они вели себя не так, как должны были вести грязные лунатики, которых в них можно было признать с первого взгляда, а с достоинством и высокомерностью, абсолютно необъяснимой. Может быть, это было племя сумасшедших. В любом случае угрозы они явно не представляли, поэтому он пошел по главной улице, осторожно обходя некоторых людей, которые непонятно перед кем и для чего принимали высокомерные позы.

Один из деревенских жителей сейчас соизволил обратить на него свое внимание и обратился к нему хриплым, гортанным голосом:

— Ну, сирра, чего ты хочешь? Зачем ты шныряешь по окрестностям нашего города Смолода?

— Я — путешественник, — сказал Кугель. — Я прошу только, чтобы мне показали гостиницу, где я мог бы найти приют на ночь и пищу.

Человек указал рукой на полуразвалившуюся избушку.

— У нас нет гостиниц. Путешественники и искатели приключений нам неизвестны. Тем не менее ты можешь разделить с нами наши богатства. Вон там стоит дом, в котором ты можешь расположиться с удобствами. А поесть ты сможешь сколько угодно. Только зайди на наш склад вот там и выбери все, что пожелаешь. Запасы в Смолоде неограниченны, и мы не жадны.

— Я благодарю тебя от всего сердца, — сказал Кугель и наверняка продолжил бы свою речь, если бы человек не ушел своей дорогой.

Кугель заглянул в избушку и после долгих трудов освободил себе среди хлама место для сна. Солнце уже закатывалось за горизонт, и Кугель отправился в помещение, на которое ему указали как на склад. Обещание огромных запасов продуктов, как Кугель и предполагал, оказалось явной гиперболой. По одну сторону избушки лежала гора копченой рыбы, по другую — ящик с чечевицей, смешанной с различными семенами и крупами. Кугель взял часть того и другого в свою избушку и поужинал.

Солнце село. Кугель вышел, чтобы посмотреть, чем по вечерам развлекаются деревенские жители, но улицы были пустынными. В некоторых избушках горел свет, и, глядя сквозь их трещины, Кугель мог разглядеть людей, питающихся копченой рыбой или беседующих. Он вернулся в свою избушку, разжег небольшой огонь, чтобы не замерзнуть, и улегся спать.

На следующий день Кугель возобновил свое наблюдение над деревней Смолод и ее людьми с фиолетовыми глазами. Никто из них, как он заметил, не шел работать, да и полей поблизости не было. Это открытие вызвало у Кугеля явную неудовлетворенность. Для того чтобы добыть один из фиолетовых глаз, он готов был даже на убийство, но для этого ему, безусловно, необходимо было застать человека один на один и подальше от деревни.

Он сделал несколько попыток завести с деревенскими жителями беседу, но они смотрели на него таким образом, что Кугель постепенно стал чувствовать свое ничтожество, как будто они были аристократами, а он — грязным плебеем!

Днем он отправился на юг и примерно через милю набрел еще на одну деревню. Люди в ней были очень похожи на жителей Смолода, но глаза у них были самые обыкновенные. К тому же они работали: Кугель наблюдал, как они пашут поля и ловят рыбу.

Он подошел к двум рыбакам, возвращавшимся с добытой рыбой, перекинутой через плечо. Они остановились, глядя на Кугеля без особой дружелюбности. Кугель представился им как путешественник и стал расспрашивать о землях к востоку, но рыбаки ничего не могли рассказать ему кроме того, что земли там пустынные, неисследованные и опасные.

— Я — временный гость в деревне Смолод, — сказал Кугель. — Мне кажется, что люди там приятные, но немного странные. Например, почему у них такие глаза? Почему они не работают? Почему они ведут себя с такой аристократической уверенностью и высокомерием?

— Их глаза — это волшебные каспы, — ответил старший из рыбаков хриплым голосом. — Они позволяют видеть Чужой Мир, так почему бы их владельцам не вести себя, как Лордам? Я тоже буду вести себя так, когда умрет Рэдкут Бомин, потому что я наследую его глаза.

— Вот как! — удивленно воскликнул Кугель. — Разве эти волшебные каспы можно вынимать и передавать другому по желанию их владельца?

— Можно, но кто захочет поменять Чужой Мир на все это? — Рыбак обвел рукой унылый пустынный пейзаж. — Я долго ждал, и наконец-то подошла моя очередь испытать все прелести Чужого Мира. А потом уже ничего не надо, и даже угроза смерти не так страшна.

— О, как интересно! — заметил Кугель. — А как я могу стать тем человеком, которому дадут пару волшебных каспов?

— Работай, как и все остальные в Гродзе, снабжай лордов Смолоды пищей, запишись в очередь. Тридцать один год шил я для них одежды, собирал чечевицу, ловил сетями рыбу и коптил ее на медленном огне, и сейчас имя Бубача Анга стоит первым в этом списке, и тебе надлежит поступить так же.

— Тридцать один год, — задумчиво пробормотал Кугель. — В принципе нельзя назвать этот срок нереальным.

И Фрикс беспокойно зашевелился, причиняя печени Кугеля отнюдь не маленькое беспокойство.

Рыбаки продолжили свой путь в деревню Грода, Кугель же вернулся в Смолод. Здесь он отыскал человека, с которым говорил, когда только что вошел в деревню.

— Милорд, — сказал Кугель, — как ты уже знаешь, я путешественник из далеких земель, привлеченный сюда великолепием города Смолода.

— Весьма похвальное стремление, — хрипло ответил человек. — Наше великолепие не может не вдохновлять путешественников.

— Не скажешь ли ты мне тогда, что такое эти волшебные каспы?

Старик повернул свои фиолетовые полушария на Кугеля, как будто увидел его в первый раз. Он заговорил угрюмым голосом:

— Обычно мы не любим разговаривать на эту тему, но раз уж ты спросил, то большого вреда не будет, если я расскажу. В далекие-далекие времена демон Андерхерд протянул свои щупальца, чтобы осмотреть Землю, и на конце каждого из этих щупалец был волшебный касп. Симбилис Шестнадцатый ранил чудовище, которое вернулось обратно в свой суб-мир, а каспы разлетелись. Четыреста двенадцать каспов было собрано и принесено в Смолод, такой же прекрасный тогда, каким он кажется мне сейчас. Да, я понимаю, что живу лишь видимостью того, что есть, но ведь и ты точно в таком же положении, и кто может сказать, чье видение достоверно?

— Я при этом не смотрю сквозь волшебные каспы, — сказал Кугель.

— Верно. — Старик пожал плечами. — Но на это я предпочитаю не обращать внимания. Я смутно припоминаю, что живу в развалившейся хижине и питаюсь самой грубой пищей — но реальностью для меня является то, что я живу в роскошном дворце и ем деликатесы с самой изящной посуды в обществе принцев и принцесс, которые являются моими подданными. Это можно объяснить следующим образом: демон Андерхерд смотрел из суб-мира на этот, мы смотрим отсюда в Чужой Мир, который является квинтэссенцией человеческих надежд, чаяний и мечтаний. Мы, населяющие этот мир, — как мы можем не считать себя великолепными лордами? Вот так мы и живем.

— О, как это меня вдохновляет! — воскликнул Кугель. — Как могу я достать для себя пару этих волшебных каспов?

— Есть два пути. Андерхерд потерял четыреста четырнадцать каспов, у нас же всего четыреста двенадцать. Два так никогда и не были найдены и, вероятнее всего, лежат на океанском дне. Тебе никто не будет мешать в их поисках, и если ты их найдешь, они будут твоими. Второй путь — это стать жителем Гродза и помогать во всем лордам Смолода, ожидая, пока один из нас не умрет, что случается не слишком часто.

— Насколько я понимаю, сейчас пришла пора лорда Рэдкута Бомина.

— Да, вот он.

И человек указал на старца с большим животом, с обвислым беззубым ртом, сидящего посреди отбросов у своей избушки.

— Ты видишь, как он отдыхает, наслаждаясь прекрасными садами своего дворца. Лорд Рэдкут надорвался, пресытившись своей похотью, потому что наши принцессы самые прекрасные создания, которых только может представить человеческое воображение. Лорд Рэдкут слишком сильно предавался своим страстям, а это приблизило его смертный час. Это урок всем нам.

— Возможно, мне удастся заключить какой-нибудь взаимовыгодный для всех договор с тем, чтобы получить его каспы? — осторожно спросил Кугель.

— Боюсь, что нет. Ты должен отправиться в Гродз и работать, как и все остальные. Как работал и я в своем прежнем существовании, которое сейчас кажется мне таким далеким и туманным... Только подумать, что я так долго страдал! Но ты еще молод: тридцать, сорок или пятьдесят лет не могут показаться тебе слишком долгим ожиданием.

Кугель положил руку на живот, чтобы успокоить разбушевавшегося Фрикса.

— За такое продолжительное время даже солнце может погаснуть, взгляни!

Он указал на черную точку, которая на мгновение сверкнула на поверхности солнца.

— Оно и сейчас уже неспокойно!

— Ты слишком впечатлителен, — заметил старик. — Для нас, Лордов Смолода, солнце омывает нашу землю самыми разноцветными лучами.

— В настоящий момент это, может быть, и так, — сказал Кугель. — Но когда солнце станет темным, что тогда? Будете ли вы наслаждаться точно так же мраком и холодом?

Но старик больше не обращал на него внимания. Рэдкут Бомин свалился на бок прямо в грязь и явно был мертв.

Нерешительно поигрывая своим ножом, Кугель подошел поближе к трупу, чтобы рассмотреть его. Один-два точных разреза — дело нескольких мгновений — и он выполнит возложенное на него поручение. Он сделал еще шаг вперед, но деревенские жители — Лорды Смолода — уже приблизились, оттесняя Кугеля в сторону. Рэдкута Бомина подняли с земли и самым торжественным образом понесли в его зловонную избушку.

Кугель с вожделением уставился на дверь, перебирая в уме множество способов достигнуть своей цели.

— Пусть принесут лампы! — хрипло протянул старик. — Пусть будут возданы почести Лорду Рэдкуту на его усыпанном драгоценностями ложе! Пусть золотые колокола звонят со всех башен, пусть принцессы оденут траурные одежды, пусть черные вуали скроют их прекрасные лица, которыми так наслаждался

наш Лорд Рэдкут. А сейчас мы должны воздать ему последние почести. Кто будет дежурить у тела усопшего?

Кугель сделал шаг вперед.

— Я почту это за великую честь для себя!

Старик покачал головой.

— Это привилегия только его подданных. Лорд Мафлар, Лорд Глюс, может быть, вы окажете ему эту честь?

Двое деревенских жителей подошли к деревянной скамье, на которой лежал Лорд Рэдкут Бомин.

— Теперь же, — объявил старик, — должны состояться похороны, и волшебные каспы перейдут к Бубачу Ангу, самому заслуженному эсквайру Гродза. И опять же, кто отправится уведомить эсквайра?

— И вновь, — сказал Кугель, — я предлагаю свои услуги, чтобы хоть немного отплатить за то гостеприимство, которым я так наслаждался в Смолоде.

— Хорошо сказано! — опять протянул старик. — Итак, спеши в Гродз и вернись к нам с эсквайром, который своей верой и ревностным исполнением долга заслужил повышение.

Кугель поклонился и через пустынные заросли побежал к Гродзу. Приблизившись к первым полям, он стал двигаться с осторожностью, перебегая от куста к кусту, и наконец нашел то, что искал, — одинокого крестьянина, копающего землю мотыгой.

Кугель бесшумно приблизился к нему и ударил сзади тяжелым суком. Он снял с него всю одежду, кожаную шляпу, чулки и башмаки, а ножом под корень срезал его желтую бороду. Он быстро напялил на себя украденную одежду. Сосредоточенно осмотрел отрезанную бороду и в, конце концов, связывая клочки жестких волос друг с другом, сделал себе довольно правдоподобную фальшивую бороду. Оставшиеся волосы он заткнул под широкополую кожаную шляпу, так чтобы они были видны. Оставив крестьянина оглушенным и голым в грязи, он быстро побежал обратно к Смолоду.

Солнце уже село, вишневая темнота окутала землю. Кугель вернулся в Смолод. Масляные лампы горели перед избушкой Рэдкута Бомина, где жили и стонали толстые и грязные деревенские женщины.

Кугель осторожно пошел вперед, думая, что он должен будет сделать, чтобы ни в ком не вызвать удивления и подозрения. Что касается его маскировки, то она либо окажется эффективной, либо нет. До какой степени фиолетовые каспы изменяли восприятие, было непонятно, и он мог проверить это лишь практически.

Кугель смело подошел к двери в избушку. Стараясь говорить голосом, как можно более хриплым и гортанным, он сказал:

— Я здесь, о прекрасные принцы Смолода, эсквайр Бубач Анг из Гродза, который в течение тридцати одного года заполнял погреба Смолода самыми изысканными деликатесами. Сейчас я предстал перед вами, ожидая награды и производства в дворяне.

— На что ты имеешь полное право, — сказал ему старейшина. — Но ты, кажется, отличаешься от того Бубача Анга, который так долго служил принцам Смолода.

— Я очень изменился, потому что был опечален известием о смерти принца Рэдкута Бомина, а также в ожидании той судьбы, которая ожидает меня.

— Это ясно и понятно. Тогда подойди ближе и приготовься к ритуальным обрядам.

— Но я готов прямо сейчас, — сказал Кугель. — Если ты просто дашь мне волшебные каспы, я спокойно отойду в сторону и прилажу их.

Старейшина упрямо покачал головой.

— Это противоречит нашим обрядам. Во-первых, ты должен раздеться догола и стоять обнаженным в прихожей этого величественного дворца, и прекраснейшие из прекрасных разотрут твое тело ароматическими эссенциями. Затем будет прочтено заклинание Эддит Бран Мура. А затем...

— Уважаемый, — объяснил Кугель, — сделай мне одно только послабление. Прежде чем начнется обряд, дай мне волшебные каспы, чтобы я полностью мог оценить всю важность этого ритуала.

Старейшина задумался.

— Твоя просьба необычна, но разумна. Принесите каспы!

Наступило томительное ожидание, в течение которого Кугель стоял сначала на одной ноге, потом на другой. Минуты тянулись, как часы, от чужой грязной одежды и фальшивой бороды чесалось и зудело тело. А на окраине деревни он увидел группу людей, приближающихся со стороны Гродза. Один из них почти наверняка был Бубач Анг, а у другого, казалось, была сбрита борода.

Появился старейшина, у которого в каждой руке было по фиолетовому каспу.

— Выйди вперед!

Кугель громко ответил:

— Я здесь, сэр!

— Сейчас я смажу твое веко зельем, с помощью которого приживается волшебный касп. Дай мне твой правый глаз.

Из собравшейся вокруг толпы раздался голос Бубача Анга:

— Подождите! Что здесь происходит?

Кугель повернулся, угрожающе наставив на него палец.

— Что за собака осмеливается прерывать торжественный обряд? Уберите его. Вон отсюда!

— Вот именно, — надменно произнес старейшина. — Своими дурными манерами ты оскорбляешь наш ритуал.

На мгновение опешив, Бубач Анг отпрянул.

— Ввиду того, что нас прервали, — сказал Кугель, — я хочу предложить просто забрать волшебные каспы до тех пор, пока этих негодяев не призовут к порядку.

— Нет, — ответил старейшина, — такое нарушение наших обрядов невозможно.

Он вытряс несколько жирных капель на правое веко Кугеля. Но теперь уже закричал крестьянин с клочками отрезанной бороды на своем лице:

— Моя шляпа! Моя блуза! Моя борода! Неужели на свете нет справедливости?

— Молчание! — зашипели в толпе. — Это торжественный случай!

Кугель громко провозгласил:

— Так возложи на меня волшебный касп, Лорд! Не будем обращать внимания на этих наглецов.

— Это меня ты называешь наглецом? — проревел Бубач Анг. — Теперь я узнал тебя, негодяй! Задержите церемонию!

Старейшина раздраженно сказал:

— Теперь я возлагаю на тебя правый касп! Ты должен временно держать свой глаз закрытым, чтобы не было диссонанса, который вызовет сильное напряжение мозга и, возможно, кровоизлияние. А теперь — левый глаз.

Он сделал шаг вперед, собираясь смазать мазью левое веко, но тут Бубач Анг и крестьянин без бороды больше не смогли сдержаться:

— Прекратите церемонию! Вы одариваете самозванца! Это я — Бубач Анг, достойный эсквайр! А тот, кто стоит перед вами, — просто мошенник!

Старейшина с удивлением внимательно оглядел Бубача Анга с головы до ног.

— По правде говоря, ты напоминаешь того крестьянина, который в течение тридцати одного года снабжал Смолод продовольствием. Но если Бубач Анг — ты, то кто тогда этот человек?

Безбородый крестьянин пробрался вперед.

— Этот бессовестный негодяй украл одежду с моего тела и бороду с моего лица!

— Он преступник, негодяй, бандит...

— Тише! — грозно произнес старейшина. — Вы выбрали нехорошие слова. Помните, что сейчас он был произведен в Принцы Смолода!

— Но не полностью! — вскричал Бубач Анг. — Он получил один мой глаз. Я требую второй себе!

— Неловкая ситуация, — пробормотал старейшина. Он обратился к Кугелю: — Хоть раньше ты и был негодяем и головорезом, но сейчас ты Принц и человек ответственный. Каково твое мнение?

— Я предлагаю временно удалить отсюда этих негодяев. Потом...

Бубач Анг и безбородый крестьянин, издавая крики ярости, бросились вперед. Кугель отпрыгнул в сторону, но не смог удержать закрытым своего правого глаза. Веко его распахнулось, и мозг его воспринял картину настолько удивительную и прекрасную, что дыхание прервалось в его груди, а сердце замерло от восторга. Но левый глаз продолжал показывать реальную картину Смолода. Диссонанс был настолько велик, что он не выдержал: свалился на землю, ударившись

об угол избушки. Бубач Анг бросился к нему, высоко над головой занеся мотыгу, но между ними встал старейшина.

— Ты что, совсем сошел с ума? Этот человек — Принц Смолода!

— Это человек, которого я убью, потому что у него мой глаз! Неужели я трудился в течение тридцати одного года ради какого-то пройдохи?

— Успокойся, Бубач Анг, если это действительно твое имя, и помни, что это дело еще не окончательно ясно для нас. Возможно, и была допущена ошибка — несомненно ошибка достойная, потому что этот человек сейчас Принц Смолода, который всегда олицетворяет собой честность и справедливость.

— Он не был им, когда получал касп, — возразил Бубач Анг, — а именно тогда и было совершено жульничество.

— Я не собираюсь утомлять себя казуистическими спорами, — ответил старейшина. — В любом случае твое имя находится первым в списке, и в следующий раз, когда произойдет несчастный случай...

— Лет через десять — двенадцать? — вскричал Бубач Анг. — Должен ли я опять работать и получить свою награду, когда погаснет солнце? Нет, нет, этого не должно быть!

Тогда заговорил безбородый крестьянин.

— Возьми другой касп, — предложил он. — Таким образом, ты приобретешь по-крайней мере половину того, что принадлежит тебе по праву, и помешаешь этому жулику лишить тебя всего сразу.

Бубач Анг согласно кивнул головой.

— Я согласен начать с одним каспом, потом я убью этого бандита и заберу второй — вот все и решится!

— Ну-ну! — высокомерно произнес старейшина. — Вряд ли такой тон является подходящим, когда говоришь о Принце Смолода!

— Ха! — фыркнул Бубач Анг. — Вспомни, кто одевает вас, кормит и поит? Мы — жители Гродза, не собираемся работать впустую!

— Хорошо, — сказал старейшина. — Я отвергаю твое оскорбительное заявление, твой тон и твои манеры, но я не могу не признать, что в какой-то степени логика на твоей стороне. Вот левый касп Рэдкута Бомина. Я произнесу заклинание, смажу тебе веко и прилажу его на место. Если ты потрудишься подойти поближе, открыть левый глаз... Нет, вот так...

Как и Кугель, Бубач Анг посмотрел сразу двумя глазами и попятился, как оглушенный. Но быстро приложив руку к левому глазу, он оправился и стал приближаться к Кугелю.

— Сейчас ты должен понять всю бесплодность своей хитрости. Отдай мне касп и иди своей дорогой, потому что теперь тебе никогда не удастся завладеть обоими.

— Для меня это не имеет значения, — сказал Кугель. — Спасибо моему другу Фриксу за то, что мне вполне достаточно и одного.

Бубач Анг заскрежетал зубами.

— Ты что, считаешь, что сможешь обмануть меня еще раз? Жизнь твоя приближается к концу, и за этим прослежу не я один, а весь Гродз!

— Но не в Смолоде! — предупредил его старейшина. — Среди Принцев не должно быть распрей — я провозглашу дружбу! Вы, поделившие каспы Рэдкута Бомина, должны также вместе пользоваться его дворцом, его одеждами, драгоценностями и прислугой, живя неопределенной надеждой на то, что один из вас умрет, и тогда выживший сможет обладать всем. Таково мое мнение, больше говорить не о чем.

— Смерть этого подлеца уже определена, — пробормотал Бубач Анг. — То мгновение, когда нога его покинет пределы Смолода, будет для него последним! Жители Гродза будут наблюдать за ним хоть сотню лет, если это окажется необходимым!

Фрикс заерзал, услышав подобные новости, и Кугель поморщился от боли. Успокаивающим тоном он обратился к Бубачу Ангу:

— Мы с тобой можем пойти на компромисс: тебе достанется абсолютно все, что принадлежало Рэдкуту Бомину, — его дворцы, драгоценности, любовницы. Я же удовлетворюсь лишь волшебным каспом.

Но Бубач Анг не желал ничего слушать.

— Если ты дорожишь своей жизнью, немедленно отдай свой касп мне!

— Это невозможно, — сказал Кугель.

Бубач Анг отвернулся и заговорил с безбородым крестьянином, который выслушал его, кивнул головой и ушел. Бубач Анг свирепо посмотрел на Кугеля, потом подошел к избушке Рэдкута Бомина и уселся на куче мусора перед входом. Тут от стал экспериментировать со своим левым каспом, осторожно закрывая правый глаз и открывая левый, чтобы полюбоваться на чудеса Чужого Мира. Кугель решил воспользоваться этим и попытался улизнуть, пока Бубач Анг занят собой и своими видениями. Он осторожно направился к краю деревни. Бубач Анг, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

«Ха! — подумал Кугель. — Значит, все так просто!» Еще два-три шага, и он окажется в полной темноте, где его невозможно будет отыскать.

Весело сделал он один из этих шагов своими длинными ногами. Легкий звук — возглас, шорох, шуршание одежды — заставили его резко отпрянуть в сторону, и в ту же секунду лезвие мотыги просвистело в воздухе точно в том месте, где только что была его голова. В слабом свете масляных ламп Смолода Кугель увидел безбородое мстительное лицо крестьянина. Позади он услышал тяжелые шаги спешащего на помощь ему Бубача Анга, который наклонил свою тяжелую голову, как бык перед нападением. Кугель вновь увернулся и с живостью побежал обратно в самый центр Смолода.

Медленно, явно разочарованный в своих самых радужных ожиданиях, Бубач Анг вернулся и уселся подле избушки.

— Тебе никогда не удастся убежать, — сказал он Кугелю. — Лучше отдай мне касп и сохрани свою жизнь.

— Еще чего! — воодушевленно ответил Кугель. — Лучше сам задумайся над своим здоровьем — как бы тебе неожиданно не помереть!

Из избушки старейшины донесся голос:

— Прекратите вашу ругань! Я занят с капризной и экзотической принцессой и не желаю, чтобы меня отвлекали!

Кугель, вспомнив висящую жирную кожу, толстые кривые ноги, спутанные грязные волосы в колтунах и зловонный запах, который был характерным для всех женщин Смолода, лишь задумался над волшебной силой каспов. Бубач Анг вновь проверял видения своим левым глазом. Кугель поудобнее устроился на скамейке и попытался посмотреть своим правым глазом, сперва как следует закрыв левый.

На нем была надета рубашка из тончайших серебряных чешуек, обтягивающие алые брюки, темно-голубой плащ. Он сидел на мраморной скамье перед рядом спиральных мраморных колонн, увитых темной листвой и белыми цветами. По обеим сторонам от него в ночное небо возвышались дворцы Смолода, один за другим, и мягкий свет лился из их окон и арок. Небо было мягкого темно-голубого цвета, и на нем сверкали крупные звезды. Между дворцами располагались сады с кипарисами, миртами, жасмином, пальмами, в воздухе сладко пахнуло цветами и веяло свежестью ручья. Откуда-то слабо доносилась музыка. Кугель глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Он сделал несколько шагов вперед по террасе. Дворцы и сады меняли перспективу. На слабо освещенной лужайке три девушки в белых шелковых платьях смотрели на него через плечо.

Кугель невольно сделал шаг вперед, затем, вспомнив, что ему грозило со стороны Бубача Анга, остановился, чтобы проверить, где тот сейчас находится. За лужайкой возвышался семиэтажный дворец, на каждом этаже которого была терраса с садом, с виноградными лозами и цветами, спускавшимися прямо по стенам. Сквозь окно Кугель мельком увидел богатую мебель, прекрасные бронзовые и серебряные канделябры, мягкие движения служанок. В павильоне перед дворцом стоял человек с ястребиными чертами лица, с коротко подстриженной золотистой бородкой, одетый в желтые и черные одежды с золотыми эполетами. Одной ногой он стоял на небольшом каменистом возвышении, положив обе руки на колено и глядя на Кугеля с выражением явной неприязни на лице. Кугель задумался: мог ли это быть Бубач Анг с его свиным рылом? Неужели этот семиэтажный великолепный дворец — желтая лачуга Рэдкута Бомина?

Медленно Кугель перешел лужайку и подошел к павильону, освещенному канделябрами. Столы ломились от мясной пищи, соусов, приправ и гарниров, какие только можно было себе представить, и желудок Кугеля, в котором не побывало ничего, кроме деревяшки и копченой рыбы, настоятельно потребовал, чтобы он подошел к этим столам. Он переходил от стола к столу, пробуя понемногу от каждого блюда, и нашел, что все они высшего качества.

— Может быть, я и продолжаю поглощать копченую рыбу и чечевицу, — сказал сам себе Кугель, — но многое можно сказать

по поводу того волшебства, с помощью которого они стали настолько изысканными деликатесами. Да уж, жизнь человека может быть значительно хуже, чем прозябание в Смолоде.

Как будто Фрикс прочитал эту его мысль, потому что он немедленно впился в печень Кугеля всеми своими когтями и жалами, и тот с горечью вспомнил Никоню, Смеющегося Мага, и еще раз повторил свои клятвы мести.

Оправившись от боли, он пошел туда, где сады уступали место парку. Кугель посмотрел через плечо и увидел, что человек с ястребиными чертами лица идет вслед за ним, причем с явно угрожающими намерениями. В тумане парка Кугель заметил какое-то движение, и ему показалось, что он видит нескольких вооруженных воинов.

Кугель вернулся на лужайку, и Бубач Анг вновь пошел вслед за ним и остановился, мрачно глядя на Кугеля перед дворцом Рэдкута Бомина.

— Совершенно очевидно, — громко сказал Кугель для Фрикса, — что мне не удастся покинуть Смолод сегодня ночью. Естественно, мне не терпится доставить касп Никоню, но если меня убьют, ни касп, ни восхитительный Фрикс никогда уже не вернутся в Алмери.

Фрикс больше не дергался. «А теперь, — подумал Кугель, — где же провести ночь?» Семиэтажный дворец Рэдкута Бомина явно предлагал надежное и удобное убежище и для него, и для Бубача Анга. На самом же деле, однако, оба они будут находиться в тесной маленькой комнатке с одной единственной подстилкой из сырого тростника вместо постели. Задумчиво, с сожалением Кугель закрыл свой правый глаз и открыл левый.

Смолод был таким же, как и прежде. Уродливый Бубач Анг скрючился у двери в избушку Рэдкута Бомина. Кугель сделал шаг вперед и ловко поддал носком сапога под ребра Бубачу Ангу. От удивления и шока оба глаза Бубача Анга открылись, и соперничавшие между собой видения вызвали паралич в его мозгу. В темноте взревел безбородый крестьянин и высоко поднял над головой мотыгу, так что Кугель с сожалением отказался от своего плана спокойно перерезать горло Бубачу Ангу. Вместо этого он быстро скользнул в избушку и запер за собой дверь.

Потом он опять закрыл свой левый глаз и открыл правый. Он стоял в великолепной зале-прихожей дворца Рэдкута Бомина, дверь которого была заперта перекрещивающимися железными балками. Снаружи дворца золотоволосый принц с холодным высокомерием и достоинством поднимался с земли. Подняв руку в благородном негодовании, Бубач Анг перекинул свой плащ через плечо и отправился присоединиться к своим воинам.

Кугель стал ходить по всему дворцу, с удовольствием осматривая его. Если бы не беспокойный Фрикс, не было бы никаких причин торопиться с тем, чтобы начать полное опасностей путешествие обратно, в долину Кзана.

Кугель выбрал для себя роскошную спальную комнату с окнами на юг, сменил свою богатую одежду на шелковую ночную пижаму, уселся на кровать с бледно-голубыми шелковыми простынями, лег и в ту же секунду уснул.

На утро он с трудом начал соображать, какой же глаз следует открыть. Кугель подумал, что неплохо бы завести повязку, чтобы закрывать ею глаз, которым не надо пользоваться в настоящий момент.

При дневном освещении дворцы Смолода выглядели еще роскошнее, чем ночью, и сейчас вся площадь была запружена принцами и принцессами неслыханной красоты.

Кугель оделся в красивые одежды черного цвета, дополнив их зеленой шляпой и сандалиями того же цвета. Он спустился по витой лестнице в зал-прихожую, отпер дверь и вышел на площадь.

Бубача Анги нигде не было видно. Другие жители Смолода приветствовали его с вежливостью а принцессы с явной теплотой, откровенно показывая, что он им нравится. Кугель отвечал также вежливо, но не заигрывая — даже волшебные каспы не могли заставить его позабыть жирные туши со спутанными волосами, которыми на самом деле являлись все женщины Смолода.

Он позавтракал изумительными блюдами, затем вернулся на площадь, чтобы обдумать план своих дальнейших действий. Быстрый осмотр парка показал ему, что воины Гродза были начеку. Так что в настоящий момент побег был невозможен.

Аристократы Смолода занялись своими делами. Некоторые из них отправились на прогулку по прекрасным зеленым лугам, другие отправились кататься на лодках по прекрасной реке к северу. Старейшина, умудренный и величавый принц, сидел на скамье из оникса и был погружен в раздумья.

Кугель приблизился к нему. Старейшина поднялся со скамейки и отсалютовал Кугелю со сдержанной сердечностью.

— Мои раздумья нелегки, — объявил он. — Несмотря на то что законы были соблюдены, и учитывая, что ты совершенно незнаком с нашими обычаями, я все же чувствую, что была совершена определенная несправедливость, и я не знаю, как исправить ее.

— Мне кажется, — сказал Кугель, — что эсквайр Бубач Анг, хоть он несомненно и достойный человек, нарушает дисциплину и тем самым подрывает уважение к Смолоду. По моему мнению, ему пошло бы только на пользу, если бы он еще несколько лет провел в Гродзе.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — ответил старейшина. — Небольшие самопожертвования иногда бывают необходимы для благосостояния всех. Я, например, определенно чувствую, что, если бы такой вопрос возник, ты с гордостью отдал бы свой касп и согласился бы начать жизнь в Гродзе. В конце концов, что такое несколько лет? Они пролетят мимо, как бабочки.

Кугель сделал рукой неопределенный жест.

— Или можно было бы назначить жеребьевку, в которой будут в обязательном порядке участвовать все владельцы каспов. Проигравший отдаст свой касп Бубачу Ангу. Лично я готов удовлетвориться только одним.

Старейшина нахмурился.

— Как сказать... это отдаленная возможность. А тем временем ты должен принять участие в наших развлечениях. Если мне позволено будет сказать, ты оказался фигурой очень представительной, и многие из наших принцесс смотрели на тебя затуманенным взором. Вот, например, прекрасная Удела Наршаг или Золокса, Лепесток Розы, а за ними — живая Ильвия Ласмаль. Ты не должен стесняться: здесь, в Смолоде, мы привыкли развлекаться, как умеем.

— Прелесть этих леди ускользнула от моего внимания, — сказал Кугель. — К несчастью, я связан клятвой целомудрия.

— Несчастный! — воскликнул старейшина. — С принцессами Смола никто не может сравниться! Вот еще одна ищет твоего внимания.

— Ну что ты, это она тебя хочет, — сказал Кугель.

И старейшина тут же отправился к молодой женщине, о которой шла речь. Она въехала на площадь в великолепной, похожей на лодку коляске, шагающей на шести лебединых ногах. Принцесса полулежала на розовых подушках и была настолько прекрасна, что Кугель сильно пожалел о своей хорошей памяти, рисовавшей ему колтуны в волосах, прыщи, обвисшие губы, потные щеки и морщины женщин Смолода. О такой принцессе, как эта, действительно можно было только мечтать: изящная, гибкая, с пышными формами, кремовой кожей, крохотным носиком, огромными глазами с поволокой, нежным чувственным ртом. Выражение ее лица заинтриговало Кугеля, потому что оно было более сложным, чем у многих других принцесс, — задумчивое, но волевое, страстное, но неудовлетворенное.

На площадь вышел Бубач Анг, одетый в воинские доспехи и при шпаге. Старейшина подошел к нему, и между ними завязался разговор. С раздражением Кугель заметил, что принцесса в шагающей лодке делает ему знак подойти к ней.

Он сделал несколько шагов вперед.

— Да, принцесса! Вы звали меня, или я ошибся?

Принцесса кивнула головой.

— Я думаю о причинах твоего появления в этих землях.

Голос у нее был мягким и нежным, как музыка. Кугель неохотно ответил:

— Я нахожусь здесь только для того, чтобы выполнить поручение. Я недолго пробуду в Смолоде, потому что мне надо продолжить свой путь к востоку и к югу.

— Вот оно что! — сказала принцесса. — Что же это за поручение?

— Если быть честным, я попал сюда под угрозой наказания волшебника. Уж, конечно, не по собственному желанию.

Принцесса мягко рассмеялась.

— Я вижу так мало путешественников. Мне нравятся новые лица, и я люблю разговаривать с новыми людьми. Возможно, ты не откажешься проследовать вместе со мной в мой дворец, где мы сможем поговорить с тобой о волшебстве и о тех странных событиях, которые происходят сейчас на нашей умирающей земле?

Кугель коротко поклонился.

— Я благодарю тебя за твою доброту и твое предложение. Но тебе придется найти себе кого-нибудь другого. Пусть это не вызывает у тебя удивления, но я связан клятвой целомудрия. Это касается не только тебя, но и Уделы Наршаг, которая стоит вон там, и Золоксы, и Ильвии Ласмаль.

Принцесса подняла брови и откинулась на подушки. Она слабо улыбнулась.

— Вот как? Понятно. Какой же ты суровый и непреклонный мужчина, что отказываешь в своем обществе многим прекрасным женщинам.

— Это так.

Кугель отвернулся и оказался лицом к лицу со старейшиной.

— Печальные обстоятельства, — объяснил старейшина обеспокоенным голосом. — Бубач Анг говорит от имени всех жителей Гродза. Он заявляет, что больше нам не будет оказано никаких услуг, пока не будет восстановлена справедливость, то есть пока ты не отдашь касп Бубачу Ангу, а сам не будешь выдан комитету деревни, который ожидает тебя в парке.

Кугель с трудом заставил себя рассмеяться.

— Что за неверный взгляд на вещи! Ты, конечно, заверил их, что лучше мы, принцы Смолода, будем есть траву и уничтожим наши каспы, чем согласимся на такие унизительные условия?

— Я согласился, — ответил старейшина. — Остальные жители Смолода предпочитают более гибкий план действий, чем тот, который предлагаешь ты.

Слова эти достаточно ясно выражали желание говорившего, и Фрикс начал в отчаянии шевелиться. Чтобы как можно лучше оценить обстановку, Кугель переместил повязку с левого глаза на правый.

Толпа жителей деревни Гродза, вооруженная серпами и дубинками, ожидала на расстоянии примерно пятидесяти ярдов. Видимо, это и был тот самый комитет, о котором говорил старейшина. По одну сторону от него находились избушки Смолода, по другую — принцесса...

И Кугель с изумлением уставился на нее. Лодка была такой же, как и раньше, шагающей на шести птичьих ногах, а в ней, сидя на розовых подушках, была принцесса — если это возможно, еще более красивая, чем раньше. Но на лице ее уже не было легкой улыбки. Оно было холодным и непроницаемым.

Кугель вобрал полную грудь воздуха и пустился бежать во весь дух. Бубач Анг крикнул ему, чтобы он немедленно остановился, но

Кугель, естественно, не обратил на этот крик никакого внимания. Комитет в полном составе понесся за ним.

Кугель радостно засмеялся. У него были длинные ноги и великолепно развитые легкие, крестьяне же были мускулистыми коротышками. Он легко мог пробежать две мили на их одну.

К его ужасу, две ноги шагающей лодки отделились и прыгнули за ним. Кугель побежал так, как никогда в жизни. Но все было напрасно. Ноги лодки быстро промчались мимо него, по одной с каждой стороны. Потом они развернулись и заставили его остановиться.

Кугель угрюмо пошел назад, а ноги бдительно следовали за ним. Прежде чем они опять подошли к окрестностям Смолода, он сунул руку под повязку и оторвал от века волшебный касп. Когда комитет накинулся на него всем скопом, он вытянул его вперед и сжал в пальцах.

— Если вы немедленно не остановитесь, я раздавлю этот касп!

— Стойте, стойте! — закричал Бубач Анг. — Этого не должно быть. Отдай мне мой касп и уходи на все четыре стороны. Никто тебя не тронет!

— Еще ничего не решено, — напомнил Кугель. — Старейшина еще не присудил его ни тебе, ни мне.

Девушка поднялась со своих подушек в лодке.

— Тогда судить буду я. Меня зовут Дерва Кориме из дома Домбера. Дайте мне это фиолетовое стекло, что бы это такое ни было.

— Ну конечно, — сказал Кугель. — Возьми касп у Бубача Анги.

— Никогда! — воскликнул эсквайр из Гродза.

— Что такое? Оба вы имеете по каспу, и оба хотите иметь два? Что это за драгоценности? Вы носите их вместо глаз? Давайте их мне!

Кугель вытащил шпагу из ножен.

— Я предпочитаю бежать, но если меня вынуждают, я могу и драться.

— Я не могу бежать, — отвечал Бубач Анг. — Я предпочитаю драться.

Он вынул касп из своего собственного глаза.

— А теперь, негодяй, приготовься к смерти!

— Одну минутку! — сказала Дерва Кориме.

От одной из ног лодки вытянулись тонкие руки и схватили за кисти и Кугеля и Бубача Анга. Каспы упали на землю. Касп Бубача Анга ударился о камень и разбился на мелкие кусочки. Он взвыл от негодования и прыгнул на Кугеля, который отступил перед этой неожиданной атакой.

Бубач Анг был полным невежей в фехтовании. Он размахивал шпагой, как будто разделывал какую-то большую рыбу. Но ярость его атак была такова, что Кугель защищался с трудом. В добавление к этому, Фрикс высказывал свое явное неудовлетворение потерей каспа и вел себя явно не по-джентльменски.

Дерва Кориме потеряла всякий интерес к схватке. Лодка начала шагать по пустынной местности, двигаясь все быстрее и быстрее. Кугель сделал выпад своей шпагой, отскочил назад, сделал еще один выпад, повернулся и принялся бежать что есть силы, а люди Смолода и Гродза посылали ему вслед тучи проклятий.

Лодка-коляска быстро шагала вперед. Задыхаясь от бега, Кугель в конце концов догнал ее, в высоком прыжке уцепился за борт, подтянулся и забрался внутрь.

Все было так, как он и ожидал. Дерва Кориме посмотрела сквозь касп и сейчас лежала в бессознательном состоянии, откинувшись на подушки. Фиолетовый касп лежал на ее коленях.

Кугель схватил его, потом взглянул на прекрасное необычное лицо, задумавшись, хватит ли у него времени осмелиться на большее. Фрикс явно считал, что нет. Дерва Кориме начала уже слабо ворочать головой.

Кугель спрыгнул с лодки и успел как раз вовремя. Успела ли она увидеть его? Он подбежал к зарослям кустарника у пруда и прыгнул в воду. С занятой им позиции он увидел, как лодка остановилась, а Дерва Кориме поднялась на ноги. Она стала ощупывать свое платье и розовые подушки в поисках каспа, затем стала оглядывать окрестности. Но кроваво-красный свет заходящего солнца бил ей в глаза, когда она посмотрела в сторону Кугеля. Поэтому она не увидела ничего, кроме тростников и отражения солнца в воде.

Рассерженная, она повелительным жестом вновь заставила лодку двигаться. Та шла сначала медленно, затем все быстрее, потом повернула к югу.

Кугель вышел из воды, осмотрел волшебный касп, сунул его в свой кошелек на поясе, затем повернулся и посмотрел в сторону Смолода. Он тоже пошел на юг, затем остановился. Вынув касп из кошелька, он закрыл правый глаз и прижал его к левому. Повсюду возвышались дворцы, террасы, башни с прекрасными висячими садами... Кугель мог бы смотреть так долгое время, но Фрикс стал беспокоиться.

Кугель положил касп обратно в кошелек и вновь отправился в долгое путешествие, но уже в Алмери.

II
СИЛЬ

Заход солнца над северными пустынными землями был зрелищем довольно печальным. Сумерки застали Кугеля в солончаках, через которые он пробирался с трудом. Начав свое путешествие по низинам, он постепенно почувствовал под ногами сырость, потом мягкую податливость, а сейчас его со всех сторон окружали грязь, болотная трава, несколько ив и солончаковые лужи, в которых отражалось свинцово-пурпурное небо.

К востоку показались низкие холмы, и Кугель повернул к ним, перепрыгивая с кочки на кочку, как можно осторожнее проходя по покрытой коркой грязи. Временами он подскальзывался и тогда падал в грязь и гниющие водоросли, и в эти минуты его угрозы и клятвы мести Никоню, Смеющемуся Магу, достигали апогея.

Наступили сумерки, когда, чуть не валясь с ног, он добрался до склона большого холма, где его положение стало еще хуже, чем было на болоте. Обитающие там полулюди заметили его приближение и сейчас же кинулись за ним в погоню. Кугель почувствовал их ужасный зловонный запах еще до того, как услышал их приближающиеся шаги, и, позабыв об усталости, кинулся вперед со всех ног, а полулюди неотступно следовали за ним по склону холма.

Перед ним в темнеющем небе возвышалась полуразрушенная башня. Перепрыгивая через обвалившиеся камни и вытащив шпагу, Кугель вступил в отверстие, которое когда-то было входом. Внутри башни царила полная тишина и стоял запах пыли и сырого камня. Кугель опустился на колени и осторожно выглянул наружу. Он увидел на фоне неба три гротескные фигуры, остановившиеся у самого края развалин.

«Странно, — подумал Кугель, — хоть меня это вполне устраивает, но их поведение — дурной знак. Эти существа явно боятся башни». Последние отсветы сумерек погасли. Ближе к полуночи появился дух, весь в белых одеждах, с которых на серебряных цепочках свисало двадцать лунных камней. Он близко подплыл к Кугелю, глядя на него своими пустыми глазницами. От этого любой человек мог забыть все на свете. Кугель прижался к стене так, что даже его кости захрустели. Он стоял, не в состоянии пошевелиться.

Дух заговорил:

— Покинь этот форт. Пока камень соединен с камнем, я должен оставаться здесь, даже если земля остынет и солнце погаснет.

— С радостью, — выдавил из себя Кугель, — но я не могу, потому что снаружи засели бандиты, которые желают убить меня.

— Позади этого зала есть проход. Используй свою хитрость и силу, потом выполни мои повеления.

— Да, отсюда весь форт как на ладони, — лихорадочно ответил Кугель. — Но скажи мне, что заставило тебя остаться в столь неприглядном месте и ждать так долго, как ты говоришь?

— Обстоятельства того, почему я остался здесь, позабыты, а я остаюсь. Выполни то, что я тебе сказал, или я прокляну тебя и обреку на вечную тоску, какой является моя тоска!

Кугель проснулся в темноте, дрожа от холода и сырости. Дух исчез. Как долго он спал? Он выглянул сквозь дверь и увидел, что восточный горизонт светлеет в преддверии зари.

После долгого ожидания появилось солнце, послав свой пламенеющий красный луч сквозь входное отверстие и высветив весь зал. В самом его конце Кугель заметил проход, который привел его во

внешнюю нишу башни невысоко над землей. Тщательно осмотревшись, он увидел трех полулюдей, залегших напротив входа в башню и явно ждавших его.

Кугель вынул из ножен шпагу, спрыгнул вниз и вкрадчивыми шагами двинулся вперед. Добравшись до первой распростертой на земле фигуры, он проткнул шпагой мускулистую шею. Существо дернулось, раскинуло руки, стало царапаться когтями по земле и испустило дух.

Кугель вытащил из трупа клинок и вытер его о толстую кожу получеловека. Так же Кугель поступил со вторым врагом, но тот вскрикнул перед смертью. Третий получеловек вскочил, чтобы узнать, в чем дело.

Кугель, сделав ловкий выпад, проткнул шпагой и это существо. Получеловек повалился на землю. Кугель склонился над ним.

— Так как ты все равно находишься перед лицом смерти, скажи мне все, что ты знаешь о сокровище, спрятанном в этой башне.

— Я не знаю ни о каком сокровище, — ответил получеловек. — И даже если бы такое и существовало, ты был бы последним человеком, узнавшим о нем, потому что ты убил меня.

— Это не моя вина, — сказал Кугель, — потому что это вы преследовали меня, а не я вас. Зачем вам это понадобилось?

— Чтобы есть, чтобы жить, хотя жизнь и смерть одинаково бесплодны. Я презираю и то, и другое.

Кугель задумался.

— В таком случае ты тем более не должен быть в обиде на меня за то, что скоро умрешь, и вопрос о спрятанных сокровищах опять становится первостепенным. Возможно, ты все же передумаешь и расскажешь мне все, что ты знаешь?

— Я все сказал. Но я покажу тебе мое единственное сокровище.

Существо пошарило в кошельке и вытащило оттуда белый камешек.

— Это камень из черепа гру, и сейчас он весь дрожит от переполняющей его энергии. Я использую эту энергию, чтобы проклясть тебя и обречь на немедленную смерть от раковой опухоли.

Кугель торопливо добил получеловека, затем тяжело вздохнул. Эта ночь принесла ему одни неприятности.

— Никоню, если только я выживу, о, как я посчитаюсь с тобой!

Кугель вернулся, чтобы обследовать форт. Некоторые из камней падали при одном только его прикосновении. Чтобы расшатать другие, требовались немалые усилия. Он может теперь умереть, не успев выполнить поручение. Каким было проклятие этого злодея?

«Немедленная смерть от раковой опухоли!»

Какая бесчеловечность!

И дух грозил ему не меньшей бедой. Как же это?

«Вечная тоска!»

Кугель потер подбородок и кивнул головой. Возвысив свой голос, он произнес:

— Господин дух, я так и не выполнил твоего повеления, но сейчас я убил злодеев и отправляюсь в путь. Прощай, и пусть тысячелетия пройдут для тебя так же быстро!

Из глубины форта донесся стон, и Кугель почувствовал почти физическое давление на себя со стороны хозяина форта.

— Тогда я проклинаю тебя моим проклятием! — послышался шепот в мозгу Кугеля.

Он быстро пошел к юго-востоку.

— Великолепно, все идет, как надо. «Вечная тоска» — точная противоположность «Немедленной смерти», и мне остается лишь одна раковая опухоль, которую я и так уже имею в образе Фрикса. С этими дурацкими проклятиями всегда приходится как-то выкручиваться, иначе не поздоровится.

Он продолжал идти вперед по безлюдной земле, пока форт не скрылся из виду, и в результате он опять вышел к морю. Остановившись на песчаном берегу, он осмотрелся и отправился на восток.

Вскоре Кугель увидел черную точку, которая через несколько минут ходьбы оказалась старцем, стоящим на коленях и просеивающим песок через решето.

Кугель остановился, чтобы понаблюдать. Старец отвесил ему достойный поклон и продолжал свою работу. В конце концов Кугеля разобрало такое любопытство, что он решил заговорить:

— Что ты ищешь с такой тщательностью?

Старик отложил решето в сторону и поднял голову.

— Где-то на этом пляже лежит амулет, потерянный отцом моего дедушки. В течение всей своей жизни он просеивал песок, надеясь найти то, что потерял. Его сын — мой дедушка, — а затем мой отец и я сам, последний в роду, делали то же самое. Мы просеивали песок всего пляжа от самого Силя. До Бенбадж Сталла осталось еще целых шесть лиг.

— Эти названия мне незнакомы, — сказал Кугель. — Что это за место — Бенбадж Сталл?

Старец указал на запад.

— Древний порт, в котором ты сейчас найдешь лишь обломки лодок, старый причал и несколько избушек. А когда-то баржи и корабли из Бенбадж Сталла бороздили моря, доходя до Фельгунто и Мелла.

— И опять же я впервые слышу эти названия, — сказал Кугель. — А что находится за Бенбадж Сталлом?

— Там лежат северные земли. Солнце там низко висит над болотами и трясинами, и там никто не живет.

Кугель повернулся к востоку и указал рукой в ту сторону.

— А что это за место — Силь?

— Все это государство называется Силь, и мой предок из дома Домбера лишился его и всего, что имел. Исчезло все великолепие, остался лишь древний дворец и деревня. Позади него земли становятся

страшными и опасными, покрытыми густыми лесами. Вот так изменилось наше государство.

Старец покачал головой и стал просеивать песок сквозь свое решето. Кугель стоял, некоторое время наблюдая за ним, бездумно тыкая носком сапога в песок, и неожиданно увидел, как под его ногой что-то блеснуло. Наклонившись, он подобрал браслет из черного металла, сверкающего пурпурным светом. По окружности браслета шло тридцать кнопок в виде алмазов, каждый из которых был окружен надписью.

— Ха! — воскликнул Кугель, вытягивая браслет в руке. — Смотри, какая забавная вещица — целое сокровище!

Старец отложил в сторону решето, медленно поднялся с колен, потом встал на ноги. Он кинулся вперед, и его глаза округлились и уставились на браслет. Он протянул руку.

— Ты нашел амулет моих предков! Дай мне его!

Кугель отступил на шаг назад.

— Ну, ну, старик, ты делаешь мне какие-то совершенно неразумные предложения!

— Нет, нет! Этот амулет мой! Это очень несправедливо, что ты удерживаешь его у себя. Неужели ты хочешь погубить дело всей моей жизни и трех жизней моих предков?

— А почему бы тебе не обрадоваться, что амулет уже найден? — с деланным негодованием ответил Кугель. — Теперь тебе больше не надо будет так тяжело трудиться и искать его. Лучше объясни мне действие этого амулета. От него исходит сильное волшебство. Каким образом он может принести пользу своему владельцу?

— Его владелец — это я! — простонал старец. — Я умоляю тебя, будь благороден!

— Ты ставишь меня в неловкое положение, — сказал Кугель. — Я вообще слишком мало чем владею, но я никак не могу считать, что это происходит из-за отсутствия во мне благородства. Скажи, если бы этот амулет нашел ты, ты отдал бы его мне?

— Нет, потому что он мой!

— Вот тут-то мы с тобой и расходимся во мнениях. Ты должен понять, если сможешь, что такое утверждение неверно. Твое зрение говорит тебе, что амулет находится в моих руках, в моем распоряжении, а, следовательно, является моей собственностью. Поэтому я высоко оценю, если ты проинформируешь меня о его возможностях и научишь им пользоваться.

Старец взмахнул руками и с силой швырнул решето в воду. Прибой подхватил его и стал уносить, и старец сделал непроизвольное движение, чтобы кинуться за ним, но затем вознес вверх руки и побежал по берегу, как слепой.

Кугель с большим неодобрением покачал головой и, повернувшись, продолжил свой путь на восток.

Тут же ему пришлось вступить в конфликт с Фриксом, который был убежден, что самое лучшее — отправиться в Алмери западным путем, который лежал через порт Бенбадж Сталл. Кугель в отчаянии прижал руки к животу.

— У нас всего один возможный путь! По землям, которые лежат к югу и востоку! Что с того, что через океан дорога гораздо короче? Поблизости нет ни лодки, ни корабля, а проплыть такое огромное расстояние просто невозможно!

Фрикс вцепился ему в печень всеми своими приспособлениями еще несколько раз, но в конце концов успокоился, позволив Кугелю идти по берегу на восток.

Позади, на откосе берега, сидел старец, невидящими глазами уставившись в море.

Кугель продолжал идти по пляжу, очень довольный собой и событиями сегодняшнего дня. Он внимательно осмотрел амулет: от него исходила сильная энергия волшебства, да к тому же он был очень красив. Прочесть руны, начертанные с большим искусством и тонкостью, Кугель не мог. Он осторожно надел браслет на кисть и при этом случайно нажал на один из алмазов. Откуда-то донесся бездонный стон, звук самого глубокого отчаяния.

Кугель остановился, как вкопанный, и оглядел пляж со всех сторон. Тусклое небо, серое море и скучный песчаный берег... Откуда же донесся тогда этот ужасный стон?

Осторожно Кугель опять дотронулся до алмаза и опять услышал все тот же протестующий крик.

В восхищенном удивлении Кугель дотронулся до другого алмаза, и на этот раз появился целый поток стонов. Кугель гадал, кто мог на этом пустынном берегу вести себя подобным образом? Каждый алмаз, который он нажимал, выдавал ему целый концерт криков и стонов — всю гамму отчаяния и боли. Кугель критически осмотрел амулет со всех сторон. Кроме рыданий, криков и стонов, он так больше ничего не смог выжать из него. Поэтому Кугель скоро отказался от своих экспериментов.

Солнце достигло своего зенита. Кугель утолил голод морскими водорослями, которые он сделал съедобными с помощью своей дощечки Никоню. Пока он ел, ему показалось, что он слышит далекие голоса и чуть слышный смех, но все это было настолько отдаленным, что вполне могло быть шумом прибоя. Неподалеку на песке у самой воды лежал огромный камень, и тщательно прислушавшись, Кугель все же установил, что голоса исходили именно оттуда. Они были чистыми и ясными, как голоса детей, и звучали с невинной веселостью.

Кугель осторожно приблизился к камню и увидел под ним четыре большие раковины. Сейчас они были открыты, и оттуда высовывались головы на обнаженных плечах и руки. Это были круглые головы с бледными лицами, серо-голубыми глазами и клочками светлых волос.

Пальцы этих созданий были опущены в воду, и из капель они пряли нити, из которых потом ткали прекрасную мягкую ткань. Тень Кугеля упала на воду, и в одно мгновение создания, захлопнув створки своих раковин, скрылись внутри.

— Как так! — весело воскликнул Кугель. — Вы что, всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Вы что, такие пугливые? Или просто неприветливые?

Раковины оставались закрытыми.

Кугель подошел на шаг поближе, приподнялся на носки и склонил голову набок.

— А может быть, вы слишком гордые? И поэтому презрительно удалились? Или у вас просто плохие манеры?

Ответа все не было. Кугель остался стоять на месте и начал насвистывать, вспоминая мелодию, которую он слышал на Азиномейской ярмарке.

В конце концов одна раковина чуть приоткрылась, и в щелку на него уставились глаза. Кугель просвистел еще пару куплетов, затем опять заговорил:

— Открывайте свои раковины! Здесь вас ожидает путник, которому необходимо расспросить о дороге в Силь и о других важных вещах!

Еще одна раковина приоткрылась, еще одна пара глаз уставилась на него сквозь щелку.

— А возможно, вы просто невежи! — фыркнул Кугель. — Возможно, вы ничего не знаете, кроме цвета рыб и того, что вода мокрая.

Самая дальняя раковина открылась, и оттуда выглянуло важное личико.

— И совсем мы не невежи!

— И не пугливые, и не неприветливые, и не гордые!

— И у нас совсем не плохие манеры, — добавило второе личико.

Кугель кивнул.

— Все это очень хорошо. Но почему вы так быстро замкнулись в своих раковинах при моем приближении?

— Такова наша природа, — сказал первый обитатель раковины. — Многие морские животные будут счастливы застать нас врасплох, поэтому куда лучше сначала скрыться, а узнать, в чем дело, — потом.

Теперь были открыты все четыре раковины, хотя ни одна из них не была открыта полностью, как это было до появления Кугеля.

— Ну хорошо, — сказал он. — Так что вы можете сообщить мне о Силе? Приветливо ли встречают там путников или отправляют восвояси? Можно ли там найти гостиницу или мне придется ночевать в канаве?

— Такими специальными знаниями мы не обладаем, — сказал первый обитатель раковины.

Теперь она открылась полностью, и показались ее белые руки и плечи.

— Люди Силя, если можно верить слухам, углублены в себя и очень подозрительны, даже по отношению к той, кто ими управляет, — девушке из древнего дома Домбера.

— А вот идет старый Слай, — сказал другой. — Что-то сегодня он рано возвращается в свою хижину.

Третий рассмеялся:

— Слай стар, и он никогда не найдет своего амулета, а поэтому дом Домбера будет править Силем пока не погаснет солнце.

— Что все это значит? — с деланным удивлением спросил Кугель. — О каком амулете вы говорите?

— Столько мы себя помним, — сказал один из обитателей раковины, — старый Слай просеивает песок, а его отец занимался тем же всю свою жизнь, так же как и все поколения Слаев до него. Они ищут металлический браслет, с помощью которого надеются вернуть себе свои древние привилегии.

— Какая удивительная легенда! — с энтузиазмом сказал Кугель. — А в чем же заключается могущество этого амулета и как им пользоваться?

— Возможно, это сможет сообщить тебе сам Слай, — с сомнением ответил один из них.

— Да нет, слишком уж он суровый и придирчивый, — заявил другой.

— Неужели об этом амулете ничего не известно? — взволнованно спросил Кугель. — Никаких морских сплетен? Никакой древней записи на камне или раковине?

Создания весело рассмеялись.

— Ты спрашиваешь с такой тревогой, как будто ты сам Слайд! Нам об этом ничего не известно.

Скрыв свое разочарование, Кугель стал слушать, как они обсуждают между собой океанское течение, запах жемчуга, место обитания одного морского зверя, которого они заметили несколько дней тому назад. Через несколько минут Кугель опять попробовал перевести разговор на Слая и его амулет, но вновь обитатели раковин отвечали туманно, в чисто детской манере, не придавая беседе большого значения. казалось, они совсем позабыли о Кугеле и, опустив пальцы в воду, вновь стали ткать из капель тонкие ткани. Они долго бранили за наглость ракушки и медузы и много говорили о чайнике, который лежал на морском дне неподалеку от берега.

Наконец Кугель устал от их разговоров и поднялся на ноги, и тогда обитатели раковин снова обратили на него свое внимание.

— Неужели ты уже должен уходить? Так скоро? А мы только собирались спросить тебя, почему ты здесь появился: путешественники так редко заходят на Большой Песчаный Берег, а ты кажешься человеком, который пришел издалека.

— Это верно, — сказал Кугель, — и я должен отправляться еще дальше. Посмотрите на солнце — оно уже склоняется к западу, а сегодня ночью я хотел бы переночевать в Силе.

Один из обитателей раковин поднял вверх руки, протягивая прекрасное полотно, которое он соткал из морской воды.

— Это покрывало мы предлагаем тебе в дар. Ты кажешься нам глубоко чувствующим и чувствительным человеком, а поэтому тебе необходима защита от дождя и холода.

Он бросил покрывало Кугелю, который осмотрел его, поражаясь необычной тонкости выделки и стекловидному блеску.

— Я благодарю вас от всей души, — сказал Кугель. — Я не ожидал встретить такой щедрости.

Он завернулся в покрывало, но оно сразу же превратилось в воду, и Кугель промок до нитки.

Четверо обитателей раковин злорадно закричали, громко смеясь, а когда Кугель гневно шагнул вперед, створки раковин тут же захлопнулись.

Кугель ударил ногой по раковине создания, которое швырнуло ему покрывало, и только отбил себе ногу, что еще больше увеличило его ярость. Он схватил тяжелый камень и изо всех сил опустил его на панцирь, раздробив его на кусочки. Вытащив из обломков раковины визжащее существо, Кугель швырнул его на песок. Существо расплющилось при падении, однако, уставившись на Кугеля, слабеющим голосом спросило:

— Почему ты так со мной обращаешься? За шутку ты отобрал у меня жизнь, а другой я не имею.

— А следовательно, тебе уже больше не удастся шутить подобным образом, — заявил Кугель. — Посмотри, ты промочил меня до самых костей.

— Это был всего лишь небольшой розыгрыш, который не мог иметь для тебя никаких особых последствий.

Голос обитателя раковины становился все глуше и глуше.

— Мы хоть и слабые существа, но обладаем некоторой волшебной силой. Я проклинаю тебя: пусть не исполнится твое самое горячее желание, каким бы оно ни было, и пусть это произойдет в течение сегодняшнего дня, пока не наступит ночь.

— Еще одно проклятие? — Кугель с неудовольствием покачал головой. — От двух проклятий за сегодняшний день я умудрился избавиться, а теперь на меня навалилось еще одно?

— Этого проклятия тебе не избежать, — прошептал обитатель раковины. — Это последнее действие в моей жизни.

— Злоба — очень нехорошее чувство, — поучительно сказал Кугель. — Я сомневаюсь в силе твоего проклятия, но все же я посоветовал бы тебе взять его обратно.

Но обитатель раковины не произнес больше ни одного слова. Он постепенно превратился в белую слизь, которую всосал в себя песок.

Кугель стал размышлять, как избавиться от нового проклятия, но ничего не пришло ему в голову. Он отправился на восток, где все отчетливее виднелась темная полоска. Кугель уже мог различить высокие темные деревья, сквозь которые изредка виднелись белые здания.

Вновь показался Слай, который бегал по берегу взад и вперед, как будто лишился рассудка. Он подбежал к Кугелю и упал на колени.

— Амулет! Умоляю тебя! Он принадлежит дому Слая, он налагает на нас обязанности править Силем! Дай его мне, и я выполню самое твое горячее желание.

Кугель остановился как вкопанный. Вот так парадокс! Если он отдаст амулет, Слай явно предаст его или, по меньшей мере, не сможет выполнить его желания — если учесть, что проклятие сбудется. С другой стороны, если он не отдаст амулета, его желание все равно не сбудется — опять же если учесть проклятие, — но амулет останется в его распоряжении.

Слай ошибочно принял его колебания за то, что Кугель начал смягчаться.

— Я сделаю тебя первым дворянином государства! — вскричал он лихорадочным голосом. — У тебя будет корабль из слоновой кости, и двести девушек будут исполнять малейшее твое желание, твоих врагов мы сотрем в порошок — только отдай мне амулет!

— Неужели этот амулет обладает таким могуществом? — спросил Кугель. — И с его помощью можно добиться так много?

— Да! Да! — вскричал Слай. — Если только правильно читать руны.

— Так как же их прочесть? — спросил Кугель.

Слай посмотрел на него с выражением раненого самолюбия.

— Этого я не могу тебе сказать: я должен получить амулет!

Кугель сделал рукой презрительное движение.

— Ты отказываешься удовлетворить мое любопытство, в свою очередь, я отказываю тебе в твоих наглых требованиях.

Слай повернулся к востоку, где белые стены зданий проглядывали сквозь деревья.

— Я все понял. Ты сам собираешься править Силем!

«Это было бы совсем не так плохо», — подумал Кугель, но Фрикс запротестовал, впившись изо всех сил в его печень. С сожалением Кугель отказался от этого плана, тем не менее он сообразил, что для него это было бы средством сделать недействительным проклятие обитателя раковины.

— Если мое самое горячее желание не может быть исполнено, — сказал он сам себе, — я должен поставить перед собой совершенно определенную цель и стремиться к ней изо всех сил, по-крайней мере, весь сегодняшний день. А следовательно, я больше всего на свете желаю управлять Силем, и это сейчас самое горячее мое желание.

Затем, чтобы успокоить мстительного Фрикса, он сказал вслух:

— Я собираюсь использовать этот амулет, чтобы добиться очень важных для себя целей, среди которых может находиться и управление Силем, потому что я убежден, что это — обязанность владеющего амулетом.

Слай громко и иронически расхохотался:

— Сперва ты должен убедить Дерву Кориме в том, что имеешь на это право. Она из дома Домбера, мрачного и злонамеренного. С виду она всего лишь юная девушка, но ее также можно назвать беспечной, как и лесного зверя Гру. Бойся Дерву! Она прикажет бросить и тебя и амулет на морское дно.

— Если ты до такой степени боишься, что это может произойти, — важно заявил Кугель, — то открой мне, в чем сила амулета, и тогда данного несчастья может не произойти.

Но Слай упрямо покачал головой.

— Жестокость Дервы Кориме известна. Неразумно менять ее на прихоти незнакомого чужеземного бродяги.

Кугель оттолкнул старика и продолжил свой путь вдоль берега. Солнце низко нависло над морем, и он убыстрил свой шаг, торопясь найти место ночлега до наступления темноты.

Тропинка повернула от моря, и вскоре Кугель вошел в Силь. Вокруг он видел красивые сады, ротонды и беседки с колоннами и балюстрадами.

«Да, чего-чего, а великолепия здесь хватает», — подумал Кугель, с новым уважением и интересом осматривая амулет. Его временное, самое горячее желание стать правителем Силя как-то неожиданно перестало быть временным. И Кугель задумался, не выбрать ли ему какое-нибудь другое самое горячее желание — например, научиться понимать язык животных или стать непревзойденным акробатом...

Тропинка стала ровной, по обеим ее сторонам появились лавровые деревья. Закончилась она овальным, покрытым травой полем, на котором в далекие времена проводили парады и смотр войск.

На левой его стороне высилась каменная стена с большой церемониальной доской, на которой находился геральдический знак большой древности. Ворота были распахнуты настежь, и выложенная мрамором дорога шла на добрую милю до самого дворца — прекрасно отделанного здания со множеством этажей и зеленой бронзовой крышей. По фасаду дворца шла терраса — дорога упиралась в нее широкими ступенями. Солнце зашло, темнота быстро опускалась с неба. Не зная, где ему можно искать приюта на ночь, Кугель направился прямо к дворцу.

В свое время дорога из мрамора была без всяких сомнений изящна и прекрасна, но давно начала приходить в упадок. Сумерки придавали ей прежний красивый вид, хотя и слегка меланхолический. Справа и слева росли сады, составленные из причудливых деревьев, за которыми явно уже давно никто не ухаживал. Мраморные урны, увитые нефритовыми гирляндами, стояли вдоль всей дороги, а ближе к центру находилось несколько пьедесталов, ростом чуть выше человеческого. На каждом из них стоял бюст с рунной надписью внизу — такими же рунами, как и те, что были на амулете. Пьедесталы стояли примерно в пяти шагах друг от друга и тянулись до самой террасы дворца. Первые бюсты были довольно сильно стерты дождями и ветром,

но чем дальше, тем отчетливее становились черты лиц. Пьедестал за пьедесталом, бюст за бюстом — каждое лицо недолго смотрело на Кугеля и тут же сменялось другим по мере того, как он приближался к дворцу. На последнем пьедестале, неясно видимом в сгущающихся сумерках, стоял бюст молодой женщины. Кугель остановился, как вкопанный: это была та самая девушка из шагающей лодки, с которой он повстречался в северных землях — Дерва Кориме из дома Домбера, правительница Силя.

Вспомнив все, что произошло, Кугель остановился перед массивным порталом. Он расстался с Дервой Кориме отнюдь не дружелюбно, поэтому вполне можно было ожидать, что она затаила на него обиду. С другой стороны, во время их первой встречи она приглашала его во дворец, разговаривая с ним очень тепло. Возможно, она забыла о своей обиде и помнила только те первые минуты их встречи. Кугель, вспомнив ее изумительную красоту, с возбуждением подумал о предстоящей встрече.

Но что, если она все же затаила в глубине своей души обиду? Тогда на нее должен будет произвести соответствующее впечатление амулет, если только, конечно, она не попросит, чтобы Кугель продемонстрировал те волшебные силы, которые в нем заключены. Если бы он только знал, как прочитать руны, все было бы проще не придумаешь.

Он остановился перед широкими ступеньками, ведущими на террасу. Мрамор растрескался, балюстрада поросла мхом. Дворец, казалось, был в лучшем состоянии. Очень высокая арка входа возвышалась над террасой, поддерживаемая изящными колоннами с резным узором, который Кугель достаточно ясно смог рассмотреть в темноте. По другую сторону арки виднелись высокие дуги окон, в которых горел тусклый свет, и большой портал.

Кугель начал подниматься по ступенькам, и новые сомнения стали обуревать его. Что, если Дерва Кориме только посмеется над его претензиями и откроет его блеф?

Он пересек террасу на внезапно ослабевших ногах, теряя остатки своего оптимизма, и остановился перед аркой. Возможно, ему лучше было бы попробовать поискать себе убежище в каком-нибудь другом месте. Но тут же он заметил, что за ним кто-то следит.

Кугель тут же перестал думать о другом месте для ночлега и быстро направился к высоким дверям. Если он попросит ночлега как простой путник, не привлекая ничьего внимания, может быть, ему удастся избежать встречи с Дервой Кориме. Воровские осторожные шаги послышались на ступеньках позади него. Схватившись за дверной молоток, Кугель принялся стучать. Было слышно, как звуки разносятся внутри дворца.

Прошла минута, и Кугелю показалось, что позади себя он опять слышит какие-то звуки. Он опять постучал, и опять стук его разнесся по всему дворцу. В двери открылся глазок, и в нем показался чей-то глаз, внимательно смотревший на Кугеля. Глаз пропал, и вместо него появился рот.

— Чего ты хочешь?

Рот пропал, и вместо него появилось ухо.

— Я — странник. Я хотел бы получить приют на ночь, и, если можно, то поскорее, потому что меня преследует какое-то страшное создание.

Вновь появился глаз, который внимательно осмотрел всю террасу, затем опять стал смотреть на Кугеля.

— Да где твои верительные грамоты, где рекомендации?

— У меня их нет, — сказал Кугель. Он оглянулся через плечо. — Я предпочел бы обсудить все это поподробнее внутри дворца, потому что это существо уже начинает подниматься по ступенькам террасы.

Глазок закрылся наглухо. Кугель уставился на запертую дверь. Он изо всех сил вновь принялся стучать молотком, не забывая все время оглядываться в темноту назад.

Со стоном и скрипом дверь открылась. Крепыш небольшого роста в пурпурной ливрее сделал ему знак рукой:

— Входи, но поскорее!

Кугель быстро скользнул в дверь, которую привратник тут же захлопнул наглухо, затворив на три железных засова. Не успел он затворить последний, как на дверь налегли снаружи, и она заскрипела.

Привратник ударил по двери кулаком.

— Опять я его надул! — с удовлетворением произнес он. — Если бы я не был так быстр, это существо накинулось бы на тебя. Теперь это мое главное развлечение — лишать это существо добычи.

— Вот как, — ответил Кугель, тяжело дыша. — Что же это такое за существо?

Привратник охотно пояснил:

— Ничего точно не известно. Оно появилось совсем недавно и бродит по ночам среди статуй. Ведет оно себя как самый настоящий вампир. Несколько слуг замка нашли бы что сказать по этому поводу, но они все мертвы после того, что он с ними сделал. Так что теперь, чтобы отомстить, я мучаю это существо, как могу, вызывая у него раздражение.

Привратник отступил на шаг и оглядел Кугеля с ног до головы.

— А ты кто такой? Твое поведение, посадка головы, разрез глаз говорит о том, что ты выглядишь человеком осторожным и осмотрительным. Я надеюсь, что ты таким и окажешься, когда сообщишь мне, чего ты здесь желаешь.

— В настоящий момент, — сказал Кугель, — мои желания очень просты: небольшой угол, постель и немного еды на ужин. Если ты сможешь предоставить мне все это, то я отплачу тебе благодарностью — я помогу тебе, и мы вместе придумаем самые лучшие планы, как издеваться над этим чудовищем.

Привратник поклонился.

— Все, в чем ты нуждаешься, может быть тебе предоставлено. Так как ты далекий путешественник, наша правительница наверняка

захочет поговорить с тобой, и думаю, что ты сможешь получить при этом куда больше, чем просишь.

Кугель стал торопливо отказываться:

— Я — человек простой, одежда моя испачкана, сам я давно не принимал ванны, да и собеседник из меня никудышный. Лучше не беспокоить из-за меня правительницу Силя.

— Все, что возможно, мы исправим, — ответил ему привратник. — Следуй за мной.

Он провел Кугеля по коридорам, освещенным свечами, и указал ему ряд комнат.

— Вот здесь ты можешь помыться, а я пока почищу твою одежду и приготовлю свежее белье.

Кугель неохотно снял с себя свою одежду. Он выкупался, пригладил волосы на голове, сбрил бороду, натер тело едким маслом. Привратник принес ему свежую одежду. Натягивая куртку, он решил рискнуть и дотронулся до одного из алмазов на амулете. Откуда-то из-под пола донесся глубокий и злобный стон.

Привратник в ужасе подскочил, и взгляд его упал на амулет. С открытым от изумления ртом он смотрел на него, потом подобострастно поклонился Кугелю.

— Высокопочтимый сэр, если бы я только сразу распознал, кто вы такой, я провел бы вас в правительственные апартаменты и принес бы самую лучшую одежду.

— Я не жалуюсь, — сказал Кугель, — хотя полотенца были несколько жестковаты.

С многозначительным выражением на лице он постучал по алмазу на своей кисти, и от ответного стона колени привратника застучали одно об другое.

— Я молю, чтобы мои намерения были правильно поняты, — дрожащим голосом произнес тот.

— Ни слова больше, — ответил Кугель. — Честно говоря, в этом и заключалась моя мысль: посетить дворец инкогнито, чтобы посмотреть, как здесь идут дела.

— Это вполне понятно, — согласился привратник. — Несомненно, вы захотите уволить и Саркама, дворецкого, и Бильбаба, помощника повара, когда узнаете о всех их проделках. Что же касается меня, то, может быть, когда ваше величество восстановит Силь в его былом великолепии, то он найдет какое-нибудь скромное местечко для Кодо, самого преданного и верного из всех слуг.

Кугель изящно изогнул руку.

— Если это произойдет — а это самое горячее мое желание, — о тебе не забудут. А в настоящий момент я хочу просто спокойно остаться в этом помещении. Ты можешь принести мне сюда хорошую закуску и набор вин.

Кодо поклонился.

— Как пожелаете, ваше величество!

Он вышел.

Кугель с удовольствием расположился на самом удобном диване в комнате и вновь принялся тщательно изучать амулет, который так быстро превратил Кодо в самого преданного слугу. Руны, как и прежде, он прочитать не смог. При нажатии на алмазы не происходило ничего, кроме стонов и криков, которые, хотя и были впечатляющими, мало чем могли помочь в практическом отношении. Кугель предпринимал самые разнообразные попытки, пытался вертеть алмазы в разные стороны, вспоминая то немногое, что он знал из волшебства, но все было безуспешно.

Кодо вернулся в комнату, но без закусок, заказанных Кугелем.

— Ваше величество! — почтительно заявил он. — Мне выпала честь передать вам приглашение Дервы Кориме, пока еще повелительницы Силя, участвовать в ее вечернем банкете.

— Как это возможно? — требовательным голосом сказал Кугель. — Она не могла знать о моем присутствии здесь. Насколько я помню, я отдал тебе особый приказ по этому поводу.

Кодо исполнил еще один из своих низких поклонов.

— Естественно, я повиновался вашему приказу. Мудрость Дервы Кориме превосходит мое жалкое понимание. Каким-то образом она узнала о вашем присутствии и поэтому передала со мной это приглашение, которое вы только что слышали.

— Ну хорошо, — угрюмо заявил Кугель. — Будь так добр и покажи мне дорогу. Ты упомянул в разговоре с ней о моем амулете?

— Дерва Кориме и так знает все, — почтительно ответил Кодо. — Сюда, ваше величество!

Он провел Кугеля старинными коридорами до высокой узкой арки входа в большой зал. По обе стороны стояли ряды людей, которые скорее всего были почетной охраной — в медных доспехах, в шлемах слоновой кости с агатами. Всего их было сорок, но только в шести кольчугах были живые люди. Люстры со свечками отбрасывали тени и искажали видение. На полу лежал богатый ковер с зелеными концентрическими кругами на черном фоне.

Дерва Кориме сидела за овальным столом, настолько огромным, что сама казалась маленькой девочкой, изящной и неописуемо красивой. Кугель приблизился с уверенным выражением на лице, остановился и коротко поклонился.

Дерва Кориме, явно узнав его, посмотрела довольно угрюмо, задержав свой взгляд на амулете. Потом она глубоко вздохнула.

— К кому я имею честь обращаться?

— Мое имя не имеет значения, — сказал Кугель. — Можешь называть меня просто «Возвышенный».

Дерва Кориме безразлично пожала плечами.

— Как хочешь. Мне кажется, я вспоминаю твое лицо. Ты напоминаешь мне одного бродягу, которого совсем недавно я приказала казнить.

— Я и есть тот самый бродяга, — сказал Кугель. — Не могу сказать, что твое поведение не оставило обиды в моей душе.

И Кугель дотронулся до алмаза, вызвав такой отчаянный стон, что зазвенел хрусталь на столе.

Дерва Кориме моргнула, но заговорила все с той же неприязнью:

— Как оказалось, мои действия были неверно истолкованы. Просто я не смогла углядеть твоего возвышенного положения и решила, что ты самый настоящий мошенник и бродяга, что явственно следовало из твоего внешнего вида.

Кугель сделал шаг вперед, взял ее рукой за маленький подбородок и поднял личико кверху.

— И тем не менее ты пригласила меня посетить этот дворец. Это ты помнишь, надеюсь?

Дерва Кориме неохотно кивнула головой.

— Ну вот, — сказал Кугель, — я здесь.

Дерва Кориме улыбнулась и на какое-то время стала вполне доступной.

— Да, вот ты и здесь, и кем бы ты ни был — рыцарем, мошенником или кем угодно другим, на твоей руке амулет, с помощью которого дом Слая управлял здесь в течение двухсот поколений. Ты тоже из этого дома?

— Со временем ты все обо мне узнаешь, — ответил Кугель. — Я щедрый человек, хотя и подвержен всевозможным кошмарам, и если бы не определенное существо по имени Фрикс... Как бы там ни было, сейчас я зверски голоден, и я хочу пригласить тебя на банкет, который я заказал верному Кодо. Будь добра, подвинься чуть в сторону, чтобы и я мог сесть за стол.

Дерва Кориме заколебалась, но рука Кугеля тут же поползла к амулету, в результате чего она быстро подвинулась, и Кугель уселся на то место, которое она только что занимала. Он постучал по столу, подзывая к себе Кодо.

— Я здесь, Возвышенный!

— Принеси нам закуски — самое лучшее, что ты только сможешь найти во дворце!

Кодо поклонился, куда-то скрылся, и через некоторое время в зал потянулись слуги с подносами и бутылками. В течение очень короткого времени стол был накрыт так изысканно, как Кугель не мог и ожидать.

Он весьма кстати вспомнил о свойствах висевшей у него на шее дощечки Никоню. Она предупреждала о наличии яда в пище.

Первые несколько перемен были великолепны, и Кугель поглощал их, утоляя голод. Старые вина Силя ничуть не уступали пище, и Кугель пил, не стесняясь, из кубков черного хрусталя с причудливой гранью в серебряной с костью оправе.

Дерва Кориме ничего не ела и изредка делала глоток вина, все это время задумчиво наблюдая за Кугелем.

— Ты действительно собираешься управлять Силем? — спросила она.

— Таково мое самое горячее желание! — с воодушевлением заявил Кугель.

Дерва Кориме близко придвинулась к нему.

— Не возьмешь ли ты меня тогда, как свою наложницу? Скажи — да, ты будешь более чем доволен!

— Посмотрим, посмотрим, — благодушно ответил Кугель. — Сегодня — это сегодня, а завтра — это завтра. Много чего может перемениться за это время.

Дерва Кориме, слабо улыбнувшись, сказала Кодо:

— Принеси наши самые древние вина. Мы выпьем за здоровье нового Лорда Силя!

Кодо поклонился и принес тусклую бутыль, пыльную и в паутине, которую он открыл с большой торжественностью и разлил в хрустальные бокалы.

Кугель поднял вверх кубок, и в эту минуту дощечка предостерегающе зазвенела. Кугель резко поставил бокал на стол и стал смотреть, как Дерва Кориме подносит к своим губам совершенно спокойно, намереваясь отпить глоток. Он протянул руку, забрал у нее бокал и поднес его к дощечке. И вновь она зазвенела. Яд в обоих кубках? Странно. А возможно, она до этого приняла противоядие.

— Хотя знакомство мое с достопочтеннейшим Кодо было очень недолгим, — сказал Кугель, — я тем не менее назначаю его сейчас мажордомом всего дворца!

— Возвышенный! — пробормотал Кодо. — Это великая честь для меня!

— Тогда выпей этого старинного вина, чтобы торжественно отметить твое новое назначение!

Кодо низко поклонился.

— С восторгом, Возвышенный!

Дерва Кориме безучастно смотрела на него. Кодо выпил, поставил кубок на стол, нахмурился, тело его конвульсивно задергалось, и он одновременно испуганно и удивленно посмотрел на Кугеля, а затем упал на ковер, закричал, дернулся еще несколько раз и умер.

Нахмурившись, Кугель смотрел на Дерву Кориме. Она казалась такой же изумленной, как и Кодо. Потом она повернулась и посмотрела на Кугеля.

— Зачем ты отравил Кодо?

— Это твоих рук дело, — сказал Кугель. — Разве не ты приказала отравить вино?

— Нет.

— Ты должна отвечать: «Нет, Возвышенный».

— Нет, Возвышенный.

— Если это была не ты, то тогда кто?

— Я сама теперь теряюсь в догадках. Возможно, яд предназначался для меня.

— Или для нас обоих.

Кугель сделал знак одному из слуг:

— Уберите труп.

Слуга сделал в свою очередь знак своим помощникам, которые подошли и унесли труп несчастного мажордома.

Кугель взял хрустальные кубки и уставился в налитую в них янтарную жидкость, но не высказал своих мыслей вслух. Дерва Кориме откинулась на спинку своего кресла и долгое время выжидающе смотрела на него.

— Я удивлена, — заговорила она в конце концов. — Ты — человек, в котором даже мой богатый опыт не может помочь мне разобраться. Я никак не могу решить, какого цвета твоя душа.

Кугель был восхищен таким неожиданным поворотом разговора.

— Значит, ты видишь души в цвете?

— Да, именно так. Этот подарок вместе с шагающей лодкой сделала мне одна леди-волшебница в тот день, когда я родилась. Она уже давно умерла, и я осталась совсем одна, без друга, который мог бы любить меня. И поэтому я управляю Силем без особой радости. И вот здесь появился ты, с душой, сверкающей всевозможными оттенками, как ни один из людей, которых я когда-либо видела.

Кугель удержался от упоминания о Фриксе, душевное нетерпение которого, смешавшись с настроением Кугеля, без всякого сомнения давало ту неожиданную картину, которую наблюдала Дерва Кориме.

— На это есть особая причина, — сказал он, — но в свое время моя душа будет сверкать самым чистым цветом!

— Я постараюсь запомнить это, Возвышенный.

Кугель нахмурился. В словах Дервы Кориме, в повороте ее головы он видел едва скрываемое презрение, которое он находил невыносимым. Однако сейчас делом первостепенной важности для него было узнать, как пользоваться амулетом. Кугель откинулся на подушки и проговорил таким тоном, как будто предался размышлениям:

— Недавно, в доме Никоню, Смеющегося Мага, я видел огромный том, в котором собраны все заклинания магии и все волшебные стили. Возможно, в твоей библиотеке найдется нечто похожее?

— Очень может быть, — ответила Дерва Кориме. — Четырнадцатый Гарт Хакст дома Слая очень увлекался волшебными заклинаниями и рунными писаниями и составил целый том по этому поводу.

Кугель захлопал в ладоши.

— Я хочу незамедлительно видеть эту важную работу!

Дерва Кориме удивленно посмотрела на него.

— Значит, ты такой страстный библиофил? Жаль, потому что Восьмой Рубель Зафф приказал именно эту работу зарыть глубоко в землю на мысе Горизонт.

Кугель скорчил недовольную мину.

— И неужели нет никаких схожих работ?

— Почему же нет, конечно, есть, — сказала Дерва Кориме. — Библиотека занимает все северное крыло здания. Но разве завтрашний день не подходит для твоих исследований?

И сладко потянувшись всем телом, она приняла сначала одно положение, потом другое, не менее соблазнительное.

— Да, ты права, торопиться некуда. А сейчас...

Его речь была прервана появлением женщины среднего возраста, явно одной из служанок. Она истерически кричала, и несколько слуг бросились к ней, чтобы поддержать ее. Между рыданиями она все же рассказала, в чем было дело, — вурдалак только что убил ее дочь.

Дерва Кориме грациозно указала на Кугеля:

— Вот новый правитель Силя, он владеет могущественным волшебством и, вне всякого сомнения, прикажет, чтобы вурдалак был уничтожен. Ведь правда, Возвышенный?

Кугель задумчиво потер подбородок. Женщина и все слуги упали перед ним на колени.

— Возвышенный, если ты повелитель волшебства, то примени его немедленно, чтобы уничтожить вампира!

Кугель поморщился и, повернув голову, встретил задумчивый взгляд Дервы Кориме. Тогда он вскочил на ноги.

— Зачем мне волшебство, когда я могу сделать это своей шпагой? Я разрублю это существо на мелкие кусочки!

Он сделал знак шести воинам, которые стояли в своих медных доспехах.

— Пойдемте! Принесите факелы, фонари. Мы отправимся, чтобы уничтожить вампира!

Охранники повиновались без особого энтузиазма. Кугель повел их к большой входной двери.

— Когда я широко распахну дверь, выбегайте вперед с фонарями, чтобы осветить все и чтобы это злое существо было видно, как на ладони! Держите наготове шпаги, чтобы помочь мне, если это потребуется.

Стражники, каждый с факелом и шпагой наготове, встали перед порталом. Кугель выдвинул железные запоры и распахнул одну из створок двери.

— Вперед! Светите, чтобы вурдалак в последний раз увидел свет перед своей кончиной!

Стражники отчаянно бросились вперед, а Кугель пошел вслед за ними, махая в воздухе шпагой. Потом стражники в нерешительности остановились у самой террасы перед ступеньками и стали боязливо глядеть в темноту, откуда доносился ужасающий звук.

Кугель посмотрел через плечо и увидел, что Дерва Кориме внимательно наблюдает за ним.

— Вперед! — вскричал он. — Окружайте это чудовище!

Стражники стали осторожно опускаться по ступенькам, а Кугель маршировал сзади.

— Руби его! — взывал он. — Пусть слава достанется каждому! Человека, который не нанесет удара этой погани, я накажу своим волшебством!

Мигающие огоньки мерцали меж пьедесталов, смешиваясь с темнотой ночи.

— Вперед! — кричал Кугель. — Где это проклятое создание? Почему оно не появляется, чтобы получить давно заслуженный урок?

Кугель зорко вглядывался в колеблющиеся тени, надеясь, что все его крики предупредили вампира об опасности, и он успел смыться.

Сбоку от него послышался шорох. Повернувшись, Кугель увидел высокую белую фигуру, стоящую тихо и спокойно. Стражники вскрикнули, как один, и непроизвольно помчались вверх по лестнице.

— Убей чудовище с помощью волшебства, Возвышенный! — крикнул на бегу один из слуг. — Самые простые методы иногда бывают и самыми лучшими!

Вурдалак двинулся вперед. Кугель попятился. Вурдалак быстро шагнул вперед — Кугель отпрыгнул за пьедестал. Вурдалак выбросил вперед руку — Кугель рубанул шпагой по воздуху и отпрыгнул за следующий пьедестал, затем резво побежал по ступенькам террасы.

Дверь уже практически была заперта, и Кугелю с трудом удалось протиснуться сквозь узкое отверстие. Он быстро затворил дверь и задвинул железные прутья на место. Всем своим весом вурдалак ударил в дверь, и засовы заскрипели.

Кугель повернулся и встретился со сверлящим взглядом Дервы Кориме.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты не убил это чудовище?

— Стражники убежали и унесли с собой факелы, — ответил Кугель. — Так что я не видел, ни куда колоть, ни кого рубить.

— Странно, — задумчиво протянула Дерва Кориме. — По-моему, там было достаточно освещения для такого простого дела. А почему бы в таком случае не воспользоваться могуществом амулета, чтобы разорвать вурдалака на мелкие кусочки?

— Такая простая и быстрая смерть не подходит для него, — с важностью ответил Кугель. — Я должен поразмыслить на досуге и решить, как лучше отплатить ему за все его преступления.

— Ах, вот как! — сказала Дерва Кориме.

Кугель пошел обратно в большой зал.

— Продолжим банкет! Пусть вино льется рекой! Каждый должен выпить за нового правителя Силя!

Дерва Кориме произнесла шелковым голосом:

— Продемонстрируй нам хоть что-нибудь из возможностей амулета, чтобы удовлетворить наше любопытство!

— Ну конечно же!

И Кугель стал дотрагиваться до алмазов, вызвав целую гамму криков, стонов, а иногда и визгов.

— А больше ты ничего не можешь? — спросила Дерва Кориме, улыбаясь своей мягкой улыбкой капризного дитяти.

— Если я захочу, я все могу. Но достаточно. Будем пить все вместе!

Дерва Кориме сделала знак сержанту стражников:

— Возьми шпагу, отруби этому дураку руку и принеси мне амулет.

— С удовольствием, Белиан Леди!

Сержант вышел вперед, обнажив свою шпагу.

— Стой! — заорал Кугель. — Еще один шаг, и я своим волшебством поверну все кости твоего тела в другую сторону!

Сержант посмотрел на Дерву Кориме, которая громко рассмеялась.

— Делай, что тебе приказано! Бойся МОЕГО наказания, а ты хорошо знаешь, каким оно может быть!

Сержант поморщился и вновь пошел вперед. Но сейчас один из слуг подбежал к Кугелю, и под капюшоном тот увидел сморщенное лицо старого Слая.

— Я спасу тебя. Покажи мне амулет!

Кугель позволил быстрым старческим пальцам пробежаться по алмазам. Слай нажал на один из них и что-то выкрикнул голосом настолько резким и пронзительным, что смысл того, что он сказал, было невозможно уловить.

Весь воздух внезапно задрожал и заколебался, и огромная черная фигура появилась в конце зала.

— Кто мучает меня? — простонала эта фигура. — Кто даст мне освобождение?

— Я! — вскричал Слай. — Пройди по залу и убей в нем всех, кроме меня!

— Нет! — вскричал Кугель. — Это я владелец амулета! Это мне ты должен подчиняться! Убей всех, кроме меня!

Дерва Кориме вцепилась в руку Кугеля, пытаясь рассмотреть амулет.

— Он никого не послушается, пока ты не назовешь его по имени. Мы все пропали!

— А как его имя? — вскричал Кугель. — Просвети меня!

— Нет, подожди! — объявил демону Слай. — Я решил...

Кугель ударил его и отпрыгнул за стол. Демон медленно приближался, задерживаясь лишь для того, чтобы сгрести стражников и швырнуть их об стены. Дерва Кориме подбежала к Кугелю.

— Дай мне взглянуть на амулет! Неужели ты вообще ничего не знаешь? Я прикажу ему!

— Ничего не выйдет! — сказал Кугель. — Зря что ли меня называют Кугель-Разумник? Покажи мне, на какой алмаз надо нажать и назови имя!

Дерва Кориме наклонила голову, прочитала руну и попыталась было нажать на алмаз, но Кугель отбил в сторону ее руку.

— Какое надо произнести имя? Или мы все умрем!

— Вызови Вэнилла. Нажми здесь и вызови Вэнилла!

Кугель нажал на алмаз.

— Вэнилл! Немедленно прекрати это безобразие!

Но черный демон не обратил на эти слова ровным счетом никакого внимания. Вместо этого раздался второй стон, еще сильнее первого, и в зале появился еще один демон.

— Так, значит, первый демон был не Вэнилл! — в ужасе вскричала Дерва Кориме. — Покажи мне амулет еще раз!

Но времени на это не оставалось — еще несколько секунд, и черный демон растерзает их.

— Вэнилл! — взвыл Кугель. — Уничтожь это чудовище!

Вэнилл был низок и широк, цвета морской волны, с глазами, как два красных фонаря. Он кинулся на первого демона, и ужасный рев их сражения полностью оглушал, а глазам невозможно было смотреть на сверкание света. Казалось, стены дрожали от тех сил, которые находились сейчас в зале. Огромный стол был просто раздавлен одной из ног демонов, Дерва Кориме отброшена в угол. Кугель на четвереньках подполз к ней, найдя ее в полубессознательном состоянии.

Кугель поднес к ее лицу руку с амулетом.

— Читай руны! Называй мне имена, которые я буду называть по очереди! Быстро, нам надо спастись!

Но Дерва Кориме лишь тихо застонала в ответ. Позади них черный демон уселся верхом на Вэнилла и методически отрывал от него куски вещества и отбрасывал их в сторону, в то время как Вэнилл выл и кричал, поворачивая свою страшную голову в разные стороны, рыча и лязгая зубами, пытаясь тоже нанести удары своими длинными зелеными руками.

Черный демон погрузил свои руки куда-то глубоко в тело Вэнилла и, видимо, задел за какую-то центральную жилу, потому что Вэнилл в ту же секунду превратился в сверкающую зеленую слизь, которая, сияя, сверкая и дрожа, растворилась в каменном полу.

Слай стоял над Кугелем, усмехаясь.

— Ты хочешь жить? Отдай мне амулет, и я сохраню тебе жизнь. Промедли хоть мгновение, и ты — труп!

Кугель снял с себя амулет, но никак не мог решиться на то, чтобы расстаться с ним. С внезапной проницательностью он заметил:

— Я могу отдать амулет демону.

Слай уставился на него.

— И тогда все мы умрем. Для меня это не имеет значения. Отдай! Я презираю тебя. Но если ты хочешь остаться жить — амулет!

Кугель посмотрел вниз на Дерву Кориме.

— А что будет с ней?

— Я выгоню вас вдвоем. Давай амулет — демон уже здесь!

Черный демон нависал над ними — Кугель торопливо протянул амулет Слаю, который в ту же секунду издал какой-то резкий крик и нажал на алмаз. Демон взвыл, повернулся и исчез.

Слай сделал шаг назад, победно усмехаясь.

— А сейчас убирайтесь оба — и ты, и девушка. Я сдержу слово, которое дал тебе, но не более. Можете оставить себе свои жалкие жизни — и убирайтесь!

— Выполни только одно мое желание! — взмолился Кугель. — Перенеси нас в Элмери, в долину Кзана, где я смогу избавиться от раковой опухоли по имени Фрикс!

— Нет, — ответил Слай. — Я отказываю тебе в твоем горячем желании. Уходи немедленно!

Кугель помог Дерве Кориме подняться на ноги. Все еще полуоглушенная она уставилась на разгром в зале. Кугель повернулся к Слаю.

— На мраморной дороге все еще стоит и ждет добычи вурдалак.

Слай кивнул.

— Это вполне может быть. Завтра я займусь его уничтожением. Сегодня же ночью я вызову искусников Субмира, чтобы они починили зал и восстановили былое величие Силя. Ступайте! Неужели вы думаете, что меня хоть сколько-нибудь заботит, удастся ли вам избежать клыков вурдалака?

Лицо его исказилось от ярости, и рука грозно потянулась к алмазному амулету.

— Уходите немедленно!

На мраморной дорожке стояла тишина. Кугель повел Дерву Кориме вниз по ступенькам и в сторону, в разросшийся старый сад. Здесь он остановился и прислушался. Из дворца доносились самые разнообразные звуки: стук и скрип, хриплые крики и вой. В окнах виднелись разноцветные огни. Внизу, в самой середине мраморной дорожки, показалась высокая белая фигура, переходящая от одного пьедестала к другому. Она тоже остановилась, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из дворца, с удивлением глядя на разноцветные огни. Пока вурдалак был поглощен этим зрелищем, Кугель и Дерва осторожно проскользнули через гущу деревьев мимо чудовища и затем исчезли в ночи.

III
МАГНАЦКИЕ ГОРЫ

Вскоре после восхода солнца Кугель и Дерва Кориме вышли из-за укрытия на склоне холма, где они провели неспокойную ночь. Воздух был холоден, и от солнца, напоминающего туманный шар цвета красного вина, не шло тепло. Кугель стал размахивать руками и бегать взад и вперед, чтобы согреться, а Дерва Кориме стояла, дрожа, у поваленного дерева.

В конце концов Кугелю надоела ее пассивность, которая даже стала вызывать в нем раздражение.

— Собери веток и хвороста! — резко сказал он ей. — Я разожгу костер, мы согреемся и позавтракаем.

Без единого слова возражения наследная принцесса Силя пошла собирать хворост. Кугель повернулся, пытаясь рассмотреть, что находится к востоку от него сквозь окружающий туман, исторгая при этом из глубины своей души автоматические проклятия Никоню, Смеющемуся Магу, который был повинен в том, что он оказался в этих безлюдных северных землях.

Дерва Кориме вернулась с охапкой сухих веток, и Кугель одобрительно кивнул головой. Короткий период времени после их изгнания из Силя она вела себя с нескрываемым высокомерием, которое Кугель терпел, спокойно улыбаясь про себя. Первая же их ночная остановка была настолько богата событиями, что после нее Дерва Кориме изменила, по крайней мере, манеру своего поведения.

Лицо ее, нежное и чистое, осталось таким же меланхолическим, но все ее высокомерие улетучилось — так молоко становится сырым, перекисая, — уступив место новому пониманию окружающей их реальности.

Огонь весело трещал в сучьях. Они позавтракали корнями и кислыми черными ягодами, и Кугель все время расспрашивал ее о землях к востоку и к югу. Дерва Кориме мало что могла сообщить ему, а то, что она знала, не выглядело особенно привлекательным.

— Говорят, что этот лес тянется бесконечно. Я слышала, что его называют по разному: Большой Эри, Лес Востока, Лиг Фиг. К югу отсюда высятся Магнацкие горы — их даже можно видеть, — но говорят, что они просто ужасны.

— Это в каком смысле? — требовательно спросил Кугель. — Знание нам необходимо — мы должны перейти эти горы, чтобы попасть в Алмери.

Дерва Кориме покачала головой.

— Я слышала только всякие слухи, намеки, на которые не обращала особого внимания, так как я никогда не думала, что мне придется оказаться там.

— Я тоже не думал об этом, — проворчал Кугель. — Если бы не Никоню, я был бы сейчас совсем в другом месте.

Искорка интереса зажглась на безжизненном лице Дервы Кориме.

— Кто этот Никоню?

— Отвратительный волшебник из Элмери. У него не голова, а жидкий студень, а на лице вечная идиотская улыбка. Все, что он делает, — отвратительно, а характер у него — как у несносного евнуха.

Рот Дервы Кориме растянулся в холодной улыбке.

— И ты, конечно, чем-нибудь вызвал неудовольствие этого волшебника?

— Ха! Это была такая мелочь! И из-за нее он отправил меня на север с невозможным поручением. Но недаром меня называют

Кугелем-Разумником. Это поручение выполнено, и сейчас я возвращаюсь в Алмери.

— Скажи, Алмери — красивое место?

— Да уж не сравнить с этими безлюдными лесами и сплошными туманами. Конечно, и там есть свои недостатки. Слишком много волшебников, а справедливости — никакой, за что я и пострадал.

— Расскажи мне поподробнее об Алмери. Есть ли там города? Живут ли там другие люди, кроме мошенников и волшебников?

Кугель нахмурился.

— Есть и города — печальная тень былого величия. Например, Азиномеи, где Кзан сливается с Скаум Флоу, или Каджин в Асколе и другие поселения на берегу напротив Кучека, где живут люди очень искушенные и хитрые.

Дерва Кариме задумчиво кивнула головой.

— Я согласна отправиться в Алмери. В твоем обществе, с которым я скоро надеюсь смириться.

Кугель искоса посмотрел на нее, недовольный тем смыслом, который она вложила в эти слова, но прежде, чем он успел уточнить, что, собственно, она хотела этим сказать, Дерва Кориме спросила:

— А какие земли лежат между нами и Алмери?

— Трудно проходимые, дикие и опасные, населенные бормотунами, эрбами и духами, так же как и вурдалаками, вампирами и гру. Если мы останемся в живых после этого путешествия, это действительно будет самое настоящее чудо.

Их жалкий завтрак подошел к концу. Кугель, откинувшись, оперся о ствол дерева. Но Фрикс не позволил ему такой роскоши — наслаждаться теплом костра, и Кугель, перекосившись от боли, живо вскочил на ноги.

— Пойдем, мы должны начать наш путь на восток. Поручение Никоню торопит меня.

Они пошли вниз по дороге, которая, видимо, была проложена в древние времена. Деревья на склоне холма сменились сырой низиной, потом лесом. Кугель с недоверием посмотрел на мрачные тени леса и произнес:

— Мы должны двигаться осторожно и надеяться, что не потревожим какое-нибудь страшное чудовище. Я буду смотреть вперед, а ты назад, чтобы быть уверенным в том, что никто нас не преследует и не накинется на нас неожиданно.

— Мы заблудимся.

— Солнце сейчас на юге — это для нас лучший проводник.

Дерва Кориме еще раз пожала плечами, и они вошли в лес. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густую листву деревьев. Дойдя до небольшого ручейка, они прошли вдоль него и вскоре дошли до истоков реки.

На ее берегу, неподалеку от привязанного плота, сидели четыре человека в лохмотьях. Кугель критически осмотрел Дерву Кориме и сорвал пуговицы из драгоценных камней с ее платья.

— Скорее всего — это бандиты, и мы не должны провоцировать их на преступление, хотя они и кажутся жалкими с виду.

— Еще лучше, если мы обойдем их стороной, — сказала Дерва Кориме. — Они не более, чем звери.

Кугель пожал плечами.

— Нам нужен их плот и проводник через этот лес и придется говорить в приказном тоне. Если мы будем просить и мяться, они решат, что у них есть выбор, и станут неуправляемыми.

Он решительно пошел вперед, и волей-неволей Дерва Кориме вынуждена была пойти за ним.

Бродяги не стали выглядеть лучше вблизи. У них были длинные спутанные волосы, кривые лица с глазами, как у пчел, и ртами, из которых торчали гнилые желтые зубы. В общих чертах, выражение у них было достаточно безобидное, и они наблюдали за приближением Кугеля и Дервы Кориме скорее с осторожностью, чем с воинственностью. Один из них был женщиной, хотя это можно было только предполагать. Кугель отсалютовал им, как аристократ салютует своим подданным, и они от удивления заморгали и уставились на него.

— Что вы за люди? — спросил Кугель.

— Мы называем себя Бузьякос, — ответил самый старый из них. — Это одновременно и название нашей расы, и нашей семьи. По привычке мы не делаем различия между этими понятиями.

— Вы — обитатели леса, знакомые со всеми его дорогами?

— Это хорошо и верно сказано, — согласился Бузьякос, — хотя наше знание невелико и относится только к этой части леса. Великий Эрм тянется лига за лигой и никогда не кончается.

— Это неважно, — заявил Кугель. — Нам требуется лишь переправиться через реку, а там выйти на удобную и безопасную дорогу к южным землям.

Человек посовещался о чем-то со своей семьей, и все они отрицательно покачали головами.

— Такой дороги нет: путь преграждают Магнацкие горы.

— Ах вот как? — сказал Кугель.

— Если я переправлю вас через реку, — продолжал старый предводитель, — можно считать, что вы уже погибли, потому что эти места населяют множество бормотунов и гру. Твоя шпага против них бесполезна, а волшебство, которым ты располагаешь, очень слабое — это я знаю, потому что мы, Бузьякос, нюхом чувствуем волшебство, как бормотуны — мясо.

— В таком случае, как же нам достичь места нашего назначения? — вновь требовательно спросил Кугель.

Бузьякос почти не обратил внимания на этот вопрос. Но второй человек, несколько моложе первого, посмотрел на Дерву Кориме, внезапно, видимо, о чем-то задумавшись, потому что тут же перевел взгляд на реку и опять посмотрел на девушку, как бы размышляя.

Однако это усилие, видимо, вконец вымотало его, и, так ничего и не придумав, он покачал головой, но не произнес ни слова.

Кугель, внимательно наблюдавший за ним, спросил:

— Что тебя смущает?

— Я просто задумался, чем ты можешь отплатить нам за то, что мы проведем тебя через лес, — ответил Бузьякос.

Кугель сердечно рассмеялся.

— Великолепный вопрос! Но я владею лишь тем, что вы видите: самая обычная одежда, шляпа и шпага — и все это мне необходимо. Хотя, честно говоря, я знаю одно волшебное заклинание, с помощью которого можно сотворить несколько пуговиц из драгоценных камней.

— Это для нас не является оплатой. В склепе неподалеку отсюда эти сокровища навалены горой выше моей головы.

Кугель задумчиво потер свою челюсть.

— Мудрость Бузьякосов известна повсюду. Может быть, вы проведете нас мимо этого склепа?

Бузьякос безразлично махнул рукой.

— Если ты этого пожелаешь, но этот склеп примыкает к пещере огромной самки гру, у которой как раз сейчас период жора.

— Мы пойдем прямо на юг, — торопливо ответил Кугель. — Вставай же, мы отправляемся немедленно!

Бузьякос остались сидеть все в тех же полускрюченных позах.

— Так тебе нечего предложить нам в виде платы?

— Только свою благодарность, а это не так уж мало.

— А твоя женщина? Она, правда, не слишком привлекательна. Так как ты все равно должен умереть в Магнацких горах, то зачем понапрасну губить женщину?

— Верно. — Кугель повернулся и посмотрел на Дерву Кориме. — Возможно, нам удастся договориться.

— Что? — в ярости крикнула она. — Ты осмеливаешься даже предложить такое? Скорее я утоплюсь в реке!

Кугель отвел ее в сторону.

— Недаром меня называют Кугелем-Разумником! — прошипел он ей прямо в ухо. — Поверь мне, неужели мне не удастся перехитрить этого полуидиота?

Дерва Кориме оглядела его с большим недоверием, потом отвернулась, и горькие слезы бессильного гнева потекли по ее щекам.

Кугель обратился к Бузьякос:

— Твое предложение я считаю достаточно мудрым, так что пошли скорее.

— Женщина может остаться здесь, — сказал Бузьякос, поднимаясь на ноги. — Мы пойдем по заколдованным тропинкам, и нам следует вести себя предельно внимательно.

Дерва Кориме решительно шагнула к реке.

— Нет! — торопливо вскричал Кугель. — Она — очень сентиментальная женщина и хочет видеть, что я безопасно дойду до Магнацких гор, даже если будет очевидно, что я там погибну.

Бузьякос пожал плечами.

— Мне все равно.

Он подождал, пока они заберутся на плот, отвязал веревку и принялся отталкиваться шестом, потому что река оказалась мелкой. Кугель подумал, что с тем же успехом они могли перейти реку в брод, рискуя вымокнуть не более чем по пояс. Как бы угадав, о чем он думает, Бузьякос сказал:

— Эта река кишит прозрачными рептилиями, и, когда человек входит в воду, они немедленно нападают на него.

— Вот как? — сказал Кугель, с сомнением глядя в реку.

— Да. А теперь я должен предупредить тебя о тропинке. Пока ты будешь идти по ней, тебе встретится много соблазнов, но если ты дорожишь своей жизнью, не сворачивай с нее в сторону и иди точно за мной.

Плот доплыл до противоположного берега. Бузьякос вышел и привязал его к дереву.

— А теперь следуйте за мной.

Он уверенно пошел между деревьями. Дерва Кориме пошла следом за ним, А Кугель замыкал шествие. Тропинка была настолько незаметна, что Кугель с трудом отличал ее от остального леса, но Бузьякос ни разу не остановился. Солнце, низко висящее над деревьями, было видно лишь изредка, и Кугель ни разу не смог точно определить, в каком направлении они идут.

Солнце, пройдя свой зенит, начало клониться к западу. Наконец Кугель не выдержал и крикнул идущему впереди Бузьякосу:

— Ты уверен, что мы идем правильно? Мне кажется, что мы все время отклоняемся то влево, то вправо.

Бузьякос остановился, чтобы объяснить.

— Мы, обитатели леса, народ простой, но у нас есть одна особенность. — Тут он с важностью постучал себя по расплющенному носу. — Мы чувствуем нюхом. Тропинка, по которой мы идем, была проложена в такие древние времена, что сейчас о них уже никто не помнит. И пройти по ней могут только такие же нюхачи, как мы.

— Очень может быть, — неохотно согласился Кугель. — Но мне все-таки кажется, что мы ходим кругами. А где те ужасные чудовища и опасности, о которых ты нам говорил? Правда, я видел мельком одного волка, но нигде нет и запаха бормотунов.

Бузьякос в недоумении покачал головой.

— Совершенно необъяснимо, но они куда-то ушли отсюда. Уж конечно, ты не сожалеешь по этому поводу? Давайте лучше продолжим наш путь, пока они не вернулись.

И вновь он пошел вперед. Лес немного поредел. Алые лучи опустившегося солнца проникали через деревья, освещая перевитые

корни и золотя опавшую листву. Затем Бузьякос вышел на поляну, остановился и триумфально воздел обе руки вверх.

— Мы успешно достигли цели нашего путешествия!

— Как так? — возмутился Кугель. — Мы все еще в самой гуще леса.

Бузьякос указал рукой через тропинку.

— Видишь вот эти три ясных и хорошо протоптанных тропинки?

— Похоже на то, — неохотно согласился Кугель.

— Одна из них ведет в южные земли. Остальные, петляя, углубляются далеко в лес.

Дерва Кориме, раздвинув ветви и выглядывая сквозь них, неожиданно резко воскликнула:

— Но ведь в пятидесяти шагах отсюда река и наш плот!

Кугель, нахмурившись, посмотрел на Бузьякоса:

— Что все это значит?

Бузьякос торжественно кивнул головой:

— Но эти пятьдесят шагов не защищены волшебными чарами. Я никогда не осмелился бы взять на себя такую ответственность и провести вас прямым путем. А сейчас...

Он подошел к Дерве Кориме, взял ее за руку, потом повернулся к Кугелю.

— Ты можешь пересечь полянку, и после этого я скажу тебе, какую дорогу тебе следует выбрать, чтобы попасть в горы.

И он занялся тем, что стал обвязывать шнур вокруг кисти Дервы Кориме. Она стала лихорадочно сопротивляться, но в результате добилась лишь того, что получила пинок.

— Это для того, чтобы предотвратить побег, — сказал Бузьякос Кугелю, слегка подмигивая ему. — Я не слишком быстро умею бегать, и когда я хочу женщину, мне вовсе не улыбается бегать за ней то туда, то сюда. Но разве ты не торопишься? Солнце заходит, а после темноты появляются мелкие лейкеморфы.

— Конечно, конечно, но какая же дорога из четырех ведет в нужном мне направлении? — как можно более сердечным тоном спросил Кугель.

— Перейди полянку, и тогда я скажу тебе.

Кугель с сомнением посмотрел через полянку, затем перевел свой взгляд на Дерву Кориме, которая с неприязнью и волнением наблюдала за ним.

Тогда Кугель весело заговорил:

— Ну что ж, видимо, все только к лучшему. Магнацкие горы чрезвычайно опасны. А с этим негодяем ты, по крайней мере, будешь в безопасности.

— Нет! — завизжала она. — Освободи меня от этой веревки! Он мошенник, тебя просто надули! Кугель-Разумник? Кугель-дурак!

— Такой язык просто вульгарен, — важно заметил Кугель. — Бузьякос и я заключили договор, а договор — это, можно сказать, святая вещь, к которой нельзя относиться легкомысленно.

— Убей этого негодяя! — вскричала Дерва Кориме. — Возьми в руки шпагу! Конец леса не может быть далеко отсюда!

— Неверная дорога может привести в самую гущу Большого Эрма, — возразил Кугель. Он поднял руку в прощальном салюте. — Уверяю тебя, что куда лучше быть в объятиях этого неотесанного грубияна, чем в объятиях смерти в Магнацких горах!

Бузьякос ухмыльнулся, соглашаясь с этим заключением, и дернул за веревку. Кугель поспешно пошел через полянку, а непечатные выражения, которыми называла его Дерва Кориме, все время продолжали звучать в его ушах, пока ее наконец не заставили замолчать. Каким образом это удалось сделать, Кугель выяснять не стал.

Бузьякос крикнул ему вслед:

— По счастливой случайности, ты как раз остановился на нужной дороге! Следуй по ней, никуда не сворачивая, и через некоторое время ты выйдешь к обитаемым местам!

Кугель помахал ему на прощание рукой и пошел вперед. Вслед ему донесся истерический визг Дервы Кориме, крикнувшей во весь голос:

— И он еще называет себя Кугель-Разумник! Что за глупая шутка!

Кугель продолжал быстро идти по дороге, но теперь он уже был встревожен.

— Эта женщина, должно быть, самая настоящая маньячка! — сказа он сам себе. — Она совершенно не может ясно мыслить. Что еще я мог сделать как для своей выгоды, так и для нее? Я поступил рационально и разумно — настаивать на противном просто немыслимо!

Не прошел он и ста шагов от полянки, как лес кончился. Кугель остановился как вкопанный. Всего лишь сто шагов? Он поджал губы. Недоумение его возросло еще больше, когда он увидел, что три другие тропинки тоже выходят из леса неподалеку.

— Интересно, — сказал Кугель. — Меня почти что подмывает вернуться, найти этого Бузьякоса и получить от него объяснение...

Он задумчиво положил руку на эфес шпаги и даже сделал несколько шагов обратно по направлению к лесу. Но солнце уже садилось, и глубокие тени лежали между толстыми стволами деревьев. Пока Кугель колебался, Фрикс нетерпеливо пустил в ход свои когти, и Кугель начисто отбросил план вернуться обратно.

Дорога шла по большому полю, а впереди возвышались горы. Кугель довольно быстрым шагом направился вперед. Когда неприятные мысли одолевали его, он начинал уговаривать себя: «Ну что за глупости! Бузьякос был неповоротливым и тупым созданием — как мог он даже надеяться перехитрить Кугеля? Это было невыносимо. Что же касается Дервы Кориме, несомненно, она скоро смирится со своей новой жизнью!!»

Когда солнце уже село за Магнацкие горы, он дошел до поселения с таверной на дороге. Это было крепкое здание, сложенное из камней и бревен, с круглыми окнами. Кугель остановился у дверей, думая о средствах, которыми он располагал. Потом он вспомнил о пуговицах

из драгоценностей, которые он сорвал с платья Дервы Кориме, и похвалил себя за такую предусмотрительность.

Он толкнул дверь и оказался в большой комнате, освещенной висевшими бронзовыми лампами. Хозяин находился за невысокой стойкой и разливал грог трем мужчинам. Все они повернулись, когда в комнату вошел Кугель.

Хозяин достаточно вежливо заговорил с ним:

— Приветствую тебя, путник! Чего желаешь?

— Сначала — стакан пина, затем ужин и приют на ночь, а затем сведения о дороге на юг.

Хозяин поставил перед ним кружку вина.

— Ужин и ночлег я тебе обеспечу. Что же касается дороги на юг, то она ведет в государство Магнац, и по-моему, этих сведений для тебя вполне достаточно.

— Неужели Магнац такое ужасное государство?

Хозяин покачал головой.

— Люди, которые уходили на юг, никогда не возвращались. И ни один человек на моей памяти не приходил с юга. Я могу сообщить тебе только эти сведения.

Трое мужчин, которые сидели и пили свои напитки, согласно закивали головами в подтверждение этих слов. Двое из них были крестьянами из этого района. Высокие черные сапоги третьего клиента безошибочно указывали на то, что это профессиональный охотник за ведьмами. Первый крестьянин сделал знак хозяину:

— Налей этому несчастному чашу вина за мой счет.

Кугель принял эту чашу вина со смешанными чувствами.

— Я пью с большой благодарностью, хотя и должен возразить против применения слова «несчастный», если оно подразумевает мои способности, а не трудности предстоящего мне путешествия.

— Понимай, как хочешь, — безразлично ответил ему крестьянин, — хотя в эти грустные времена кого можно назвать не несчастным?

И оба крестьянина тут же стали спорить о починке каменного забора, который разделял их участки земли.

— Работа тяжелая, но зато какие преимущества! — объявил один из них.

— Согласен, — утвердительно кивнул головой другой, — но мне всегда не везет, и я не управлюсь, если мы закончим работу как раз к тому времени, когда солнце погаснет, и тогда весь мой труд окажется напрасным.

Первый крестьянин вскинул вверх руки, явно не собираясь так быстро уступать в споре.

— Это риск, на который мы должны пойти. Заметь. Я пью вино, хотя могу не дожить до того момента, когда напьюсь пьяным. Разве меня это останавливает? Нет! Я не думаю о будущем, я пью сейчас и становлюсь пьяным, коли это позволяют обстоятельства.

Хозяин рассердился и ударил кулаком по стойке.

— Ты такой же хитрый, как и те Бузьякос, которые, как я слышал, остановились лагерем неподалеку отсюда. Может быть, наш путешественник встретил их по дороге?

И он вопросительно взглянул на Кугеля, который неохотно кивнул головой.

— Я встретил одну такую группу, но они скорее показались мне глупыми, чем хитрыми. Простите, что я еще раз говорю о дороге на юг, но неужели никто не может ничего сказать мне о ней?

Охотник за ведьмами, вмешавшись в их разговор, резко сказал:

— Я могу добавить: избегай ее всеми силами. Сначала на твоем пути встретятся деоданды, которые с удовольствием полакомятся твоим мясом. Потом начинается государство Магнаца, перед которым деоданды покажутся тебе ангелами спасения, если верна хотя бы десятая часть того, что о нем говорят.

— Это неутешительные известия, — сказал Кугель. — А нет ли какой-нибудь другой дороги в южные земли?

— Ну конечно, есть, — сказал охотник за ведьмами, — и я очень рекомендую тебе воспользоваться именно ею. Возвращайся на север вдоль дороги до Большого Эрма и продолжай идти на восток через лес, который будет становиться все гуще и трудно проходимее. Незачем говорить, что тебе потребуется крепкая рука и быстрые ноги, чтобы избежать вампиров, гру, бормотунов и лейкеморфов. Дойдя до самого дальнего уголка леса, ты должен будешь свернуть на юг, к Дарадской долине, где, если верить слухам, армия василисков осаждает древний город Мар. Если тебе удастся пробраться там незамеченным, то ты окажешься в Большой Центральной Степи, где нет ни воды, ни пропитания и где охотится пильгрейн. Когда ты пересечешь степь, повернись лицом обратно на запад, и тогда перед тобой окажутся труднопроходимые отравленные болота. За ними лежит земля, о которой я, к сожалению, ничего не знаю, кроме ее названия: Земля Злобных Воспоминаний. Когда ты пройдешь ее, ты окажешься к югу от Магнацких гор, и они будут находиться уже не перед тобой, а позади тебя.

Кугель ненадолго задумался.

— Маршрут, который ты описал, может быть значительно безопаснее и не такой страшный, как прямой путь на юг, но он кажется мне слишком длинным. Поэтому я лучше рискну просто пересечь Магнацкие горы.

Первый крестьянин посмотрел на него с большим уважением.

— Ты, наверное, знаменитый волшебник и знаешь очень сильные заклинания, — произнес он.

Улыбнувшись, Кугель отрицательно покачал головой.

— Я — Кугель-Разумник, не более и не менее того. А теперь — вина!

В конце концов хозяин принес ужин: бефстроганов и земляных крабов с гарниром из чечевицы и кислых ягод.

После ужина два крестьянина выпили по последней чаше вина и ушли, а Кугель, хозяин и охотник за ведьмами уселись перед огнем и стали обсуждать различные формы жизни. Охотник за ведьмами поднялся первым, чтобы отправиться в отведенную ему комнату. Перед тем, как уйти, он подошел к Кугелю и откровенно заявил ему:

— Я обратил внимание на твой плащ, качество которого значительно лучше, чем делают в этих отсталых районах. Так как ты все равно погибнешь, почему бы тебе не отдать свой плащ мне, так как я сильно нуждаюсь в нем?

Кугель вежливо отклонил это предложение и тоже отправился в свою комнату.

Ночью он был разбужен каким-то скребущимся звуком у изголовья своей постели. Вскочив на ноги, он схватил за шиворот какого-то незнакомого человечка. Вытащив его поближе к свету, Кугель увидел, что это всего-навсего мальчишка-посудомойщик, который так и не выпустил сапог Кугеля, в которые вцепился что было сил.

— Это еще что за безобразие! — вскричал Кугель, как следует тряхнув вора. — Говори! Как ты осмелился на такой нехороший поступок?

Посудомойщик стал умолять Кугеля отпустить его.

— Какая разница? — жалобно пропищал он. — Обреченному человеку ведь не нужна такая элегантная обувь!

— Это уж позволь судить мне, — сказал Кугель. — Ты что, хочешь, чтобы я босиком отправился на смерть, которая ожидает меня в Магнацких горах? Убирайся вон!

И он швырнул несчастного парня так, что тот кубарем покатился по всей комнате.

Наутро, за завтраком, он рассказал об этом случае хозяину, который не высказал ни особого интереса, ни особого удивления. Когда пришло время расплачиваться, Кугель кинул на прилавок одну из пуговиц.

— Назначь сам, если сможешь, справедливую цену за эти драгоценности, высчитай, сколько тебе полагается, а сдачу можешь отдать мне золотыми монетами.

Хозяин оглядел пуговицу, поджал губы и склонил голову на бок.

— Твой счет ровно покрывает ценность этой безделушки. Никакой сдачи тебе не следует.

— Что? — возмутился Кугель. — Чистейшей воды аквамарин в оправе из четырех изумрудов? За одну-две чашки плохого вина, свинину и сон, который нарушил это негодяй-посудомойщик? Это что, таверна или разбойничий притон?

Хозяин пожал плечами.

— Должен признаться, что счет тебе предъявили чуть больше обычного, но деньги в кармане трупа уже никому не послужат.

В конце концов Кугелю удалось вытянуть у хозяина несколько золотых монет и пакет с сыром, хлебом и вином. Хозяин подошел к двери и указал рукой на юг.

— Это — единственная дорога, ведущая в южном направлении, — сказал он. — Магнацкие горы находятся прямо перед тобой. Прощай!

Не без дурных предчувствий Кугель отправился по дороге на юг. Некоторое время он проходил мимо полей местных крестьян, затем, когда с обеих сторон дороги появились невысокие холмы, его путь превратился сначала в тропинку, а потом в едва заметную тропку, извивающуюся вдоль пересохшего русла реки, по берегам которой рос разнообразный кустарник. Наверху холма, параллельно тропинке, шла дубовая роща, и Кугель, решив, что в роще он будет менее заметен, поднялся наверх и пошел под прикрытием зеленых ветвей.

Воздух был чист, небо сверкающе темно-голубого цвета. Солнце было уже почти в зените, и Кугель решил перекусить. Едва он уселся, но в это мгновение заметил, как неподалеку метнулась какая-то черная тень. Неизвестное чудовище явно собиралось напасть на него сзади.

Кугель сделал вид, что он ничего не заметил, и через некоторое время краешком глаза увидел, что тень вновь шевельнулась. Деодант, выше и тяжелее, чем Кугель, черный как ночь, если не считать его сверкающих белых глаз, белых зубов и белых ногтей, в кожаной набедренной повязке, мелькнул среди деревьев.

Кугель стал раздумывать, как ему лучше всего поступить. Лицом к лицу, грудь в грудь — деодант разорвет его на куски. С помощью шпаги Кугель мог, конечно, удержать чудовище на приличном расстоянии и даже ранить его. Однако у человека шансов на успех в схватке с деодантом нет. Возможно, Кугель бегал быстрее, и ему удалось бы убежать от чудовища, но только после долгой и утомительной погони...

Тень деоданта опять мелькнула сзади, теперь уже шагах в двадцати от того места, где сидел Кугель, примерно посередине склона. Как только он опять скрылся из виду, Кугель быстро вскочил и подбежал к самому краю холма. Здесь он поднял тяжелый камень и, когда деодант появился вновь, пробираясь снизу, изо всех сил бросил его на спину чудовища. Тот мгновенно упал, в то время как Кугель спрыгнул вниз, готовясь нанести ему шпагой смертельный удар.

Деодант облокотился о камень, чуть приподнявшись, и в ужасе завизжал при виде обнаженной шпаги Кугеля.

— Не торопись! — сказал он. — Ты ничего не выиграешь от моей смерти!

— Кроме удовольствия, что убил того, кто хотел сожрать меня.

— Пустое удовольствие!

— Почти все удовольствия таковы, — сказал Кугель. — Но пока ты еще жив, можешь сообщить мне информацию о Магнацких горах?

— Вот они, перед тобой, — обычные горы из древнего черного камня.

— А кто такой Магнац?

— Я не знаю, кто это.

— Что? Люди с севера дрожат при одном упоминании его имени!

Деодант чуть приподнялся на руках и выпрямился.

— Ну и что с того? Я слышал это имя, но считаю его не более чем старой легендой.

— Почему же в таком случае путешественники отправляются на юг, но никто не приходит с юга?

— С какой стати кому-то идти на север? Что там интересного? А те, кто идет на юг, представляют неплохое пропитание для меня и мне подобных.

И деодант выпрямился еще больше.

Кугель подобрал большой камень, поднял его над головой и еще раз опустил на спину черного чудовища, которое упало, вновь задрыгав руками и ногами. Кугель подобрал еще один камень.

— Подожди! — вскричал деодант слабым голосом. — Пощади меня, и я помогу тебе сохранить твою жизнь.

— Каким образом? — спросил Кугель.

— Ты путешествуешь на юг. Мои другие товарищи живут в пещерах по всему твоему пути. Как надеешься ты не попасть им в руки, если я не проведу тебя путем, который они почти никогда не посещают?

— Ты можешь это сделать?

— Если ты согласишься пощадить мою жизнь.

— Превосходно. Но я должен застраховаться, когда тобой обуяет жажда крови, ты можешь забыть о нашем соглашении.

— Ты сделал меня калекой, какая страховка тебе нужна еще? — вскричал деодант.

Тем не менее Кугель крепко связал ему руки и смастерил петлю, которую накинул на мускулистую толстую черную шею.

Так они и отправились в путь. Впереди, ковыляя, с петлей на шее шел деодант, а сзади — Кугель с веревкой в руках.

В конце концов они вышли на небольшую песчаную равнину, находившуюся высоко над тем местом, откуда Кугель начал свой путь. Тут деодант объявил, что дальше путь безопасен, так как его товарищи никогда не охотились в этих местах.

— А что находится дальше? — спросил Кугель.

— Я этого не знаю. Сам я тоже никогда не заходил дальше этого места. А теперь освободи меня и иди своей дорогой, а я вернусь к своему народу.

Кугель покачал головой.

— Совсем скоро наступит ночь. Что помешает тебе следовать за мной и напасть еще раз? Нет, лучше я тебя убью.

Деодант печально рассмеялся.

— Трое других моих товарищей следуют за мной. Они не подходили до сих пор только потому, что я не подавал им знака. Убей меня, и ты больше не увидишь завтрашнего утра.

— В таком случае мы отправимся дальше вместе, — сказал Кугель.

— Как желаешь.

Кугель продолжал идти вперед, а деодант плелся сзади, ковыляя по булыжникам. Оглянувшись, Кугель увидел черные силуэты, двигавшиеся за ними в тени. Деодант многозначительно ухмыльнулся.

— Лучше тебе остановиться сразу же. Зачем ждать темноты? Смерть не так ужасна, когда светит солнце.

Кугель ничего не ответил, но продолжал идти впереди, все убыстряя шаг. Песчаное плато кончилось, уступив место высокогорной долине, где дул пронзительный ледяной ветер. Ларч, баобаб и бальзамный кедр росли по обеим ее сторонам, а среди высокой травы и кустарника протекал ручеек. Деодант начал выказывать признаки беспокойства, дергая за веревку и явно преувеличенно хромая. Кугель никак не мог понять причины такого поведения: казалось, в окружающем пейзаже не было никакой угрозы, кроме самих деодандов. И он рассердился.

— Зачем ты задерживаешь меня? Я надеюсь найти в горах до наступления темноты жилье. Твои рывки и хромота задерживают меня.

— Тебе следовало подумать об этом прежде, когда ты покалечил меня камнем, — сказал деодант. — В конце концов, я сопровождаю тебя отнюдь не доброжелательно.

Кугель оглянулся. Три деоданта, которые раньше прятались далеко за скалами, подошли ближе и шли в открытую.

— Неужели ты не можешь обуздать мерзкий аппетит своих товарищей? — спросил Кугель, многозначительно кладя руку на эфес шпаги.

— Я не могу обуздать даже свой собственный, — ответил деодант. — Только сломанная нога и рука не дают мне возможности броситься на тебя и вцепиться в твое горло.

— Ты хочешь жить? — спросил Кугель, не отпуская руки со шпаги.

— Конечно, хотя я не в такой степени цепляюсь за жизнь, как люди.

— Если ты ценишь свою жизнь хотя бы на йоту, прикажи своим товарищам повернуть назад и прекратить погоню.

— Это будет бессмысленно. И в любом случае, что для тебя твоя жизнь? Смотри, перед тобой Магнацкие горы!

— Ха! — пробормотал Кугель. — Разьве не ты говорил мне, что все слухи об этом месте самые обычные сказки?

— Совершенно справедливо, но я ничего не говорил тебе о том, почему эти сказки возникли и продолжают оставаться до настоящего времени.

Пока они разговаривали, в воздухе раздался тихий свист, похожий на вздох, и, оглянувшись назад, Кугель увидел, что все три деоданта упали, проткнутые стрелами. Из-за ближайшего большого камня вышли четверо молодых людей в коричневых охотничьих костюмах. У всех были хорошие статные фигуры, темные волосы на голове и держались они непринужденно.

Первый из них обратился к Кугелю:

— Как это получилось, что ты пришел с необитаемого севера? И почему ты идешь с этим смертельным ночным чудовищем?

— Никакой задачи нет, и я могу ответить на оба ваших вопроса, — ответил Кугель. — Во-первых, север вполне обитаем, несколько сотен людей все еще осталось там в живых. Что же касается этого черного гибрида демона и людоеда, я нанял его, чтобы он безопасно провел меня через горы, но я неудовлетворен его услугами.

— Я выполнил все, что ты от меня ожидал, — объяснил деодант. — А теперь отпусти меня согласно нашему договору.

— Как хочешь, — ответил Кугель.

Он скинул петлю с шеи чудовища, и деодант заковылял прочь, изредка поглядывая через плечо и сверкая своими глазами. Кугель дал знак предводителю охотников, тот что-то сказал своим товарищам — они подняли руки, и деодант пал, пронзенный четырьмя стрелами.

Кугель одобрительно кивнул головой.

— Кто вы такие? И кто такой Магнац, о котором все говорят со страхом, предупреждая, что из-за него нельзя перейти эти горы?

Охотники рассмеялись.

— Обычная легенда. Одно время ужасное чудовище по имени Магнац действительно существовало, и чтобы соблюсти обычаи, мы, жители деревни Були, все еще назначаем одного из наших односельчан служить в качестве Часового. Но все это только старая, как мир, традиция, которую мы не желаем нарушить.

— Странно, — сказал Кугель, — что традиция пользуется таким большим влиянием.

Охотник безразлично пожал плечами.

— Приближается ночь — время возвращаться. Если хочешь, можешь присоединиться к нам, а в Буле найдется таверна, где ты сможешь найти ночлег.

— Я с большой радостью присоединяюсь к вашей компании.

Охотники повернулись и пошли вперед. По дороге Кугель расспросил их о том, как найти кратчайший путь через горы на юг, но они ничего не могли сказать об этом.

— Деревня Буль расположена на берегу озера Буль, которое невозможно переплыть из-за его водоворотов и омутов, и лишь некоторые из нас исследовали дороги на юг. Говорят, что они совершенно бесплодны и что чем дальше, тем пустыннее становятся земли, переходя в серую пустыню.

— Может быть, Магнац и находится за озером в горах? — спросил Кугель, стараясь говорить как можно вежливее.

— В наших традициях и обрядах об этом нет ни слова, — ответил старейшина охотников.

Примерно через час быстрой ходьбы они дошли до деревни Буль, изобилие которой несказанно удивило Кугеля. Все здания были прочно построены из камня и бревен, улицы вымощены со специальными канавками для отвода воды, была здесь и базарная площадь, амбары, зал приемов, зернохранилище, несколько таверн, довольно много

шикарных коттеджей. Когда охотники шли по главной улице, кто-то выкрикнул им вслед:

— Важные новости! Часовой погиб!

— Вот как? — спросил старейшина охотников. — Кто временно замещает его?

— Конечно, Лафель, сын гетмана, кто же еще?

— Действительно, кто же еще? — заметили охотники и пошли дальше.

— Значит, пост Часового у вас почитается так сильно? — спросил Кугель.

Старейшина охотников пожал плечами.

— Лучше всего сказать, что это у нас — церемониальная синекура. Временный Часовой, вне всякого сомнения, будет избран завтра. Но обрати внимание на дверь в зал приемов!

И он указал на коренастого, широкоплечего человека, на котором был накинут коричневый меховой плащ и черная тугая шапочка.

— Это — Гулам Вискод, сам гетман. Хо, Вискод! Мы привели с собой путешественника с севера!

Гулам Вискод приблизился и доброжелательно поприветствовал Кугеля.

— Приветствую тебя! Путники редко заходят к нам. Все, что мы можем предложить, — к твоим услугам!

— Я очень благодарен вам, — сказал Кугель. — Я никак не ожидал встретить такого изобилия в Магнацких горах, от ужасов которых трясется весь мир.

— Недоразумения существуют повсюду. И в наших обычаях есть много нелепого и архаического, как, например, обычай назначать Часового, который обязан следить за появлением Магната. Но пойдем, вот лучшая наша таверна. После того как ты отдохнешь с дороги, мы поужинаем.

Кугеля отвели в прекрасную комнату со всевозможными удобствами, и через некоторое время, чистый и освежившийся, он присоединился к Гуламу Вискоду в столовой. Перед ними был поставлен прекрасный ужин и бутыль вина.

После ужина гетман показал Кугелю деревню и озеро, на берегу которого она располагалась.

Эта ночь оказалась беспокойной. Повсюду горели огни, жители собирались на улицах небольшими группами, чтобы посовещаться. Кугель поинтересовался причиной такого оживления.

— Неужели все это из-за того, что умер ваш Часовой?

— Да, именно поэтому, — ответил гетман. — Мы очень серьезно относимся ко всем нашим традициям, и выбор нового Часового должен произойти всеобщим голосованием. Но обрати внимание: вот здесь находится общественное хранилище, где собрана казна всего нашего народа. Не хочешь заглянуть внутрь?

— Я рад доставить тебе такое удовольствие, — ответил Кугель. — Если ты хочешь осмотреть общественное золото, то я буду рад и сочту за честь присоединиться к тебе.

Гетман распахнул дверь.

— Здесь лишь маленькая толика нашего золота! В этих ларях — драгоценные камни, в мешках — античные монеты. В этих сундуках — первейшие шелка и золототканая дамасская ткань. По эту сторону стоят лари с редчайшими специями и еще более редкими винами, которым просто нет цены. Но и мне не следует пытаться удивить тебя, человека многоопытного, который, несомненно, видел в своей жизни настоящие богатства.

Кугель стал настаивать на том, что ценность сокровищ Буля вовсе не следует преуменьшать. Оценив его любезность, гетман поклонился, и они прошли к площадке перед озером, которое сейчас казалось черной поверхностью, освещенной лишь светом звезд.

Гетман указал на купол, который находился на высоте в пятьсот футов на изящной колонне.

— Можешь ли ты догадаться, что это за сооружение?

— Скорее всего, это наблюдательный пункт Часового, — ответил Кугель.

— Верно! Ты человек умный. Жаль, что ты так торопишься и не можешь задержаться в Буле.

Кугель, задумавшись о своем пустом бумажнике и видя перед глазами хранилище Буля, сделал неопределенное движение рукой.

— Мне, конечно, нелегко это говорить, но я поиздержался в дороге и все равно буду вынужден искать какой-нибудь работы. Интересно, смог бы я занять пост этого Часового, который, насколько я могу судить, не такой уж и маленький в вашей деревне?

— Это так, — сказал гетман. — Сегодня ночью, например, караулит мой собственный сын. Тем не менее я не вижу причин, по которым твоя кандидатура не могла бы быть выдвинута. Правда, обязанностей у тебя не будет почти никаких, как я уже говорил — этот пост практически синекура.

Тут Кугель обратил внимание на то, что Фрикс заворочался у него в печени.

— А что имеет Часовой за свою работу?

— Очень многое. Он пользуется огромным уважением всех жителей Буля, так как, хотя и чисто формально, он охраняет нас всех от опасностей.

— А все-таки, что именно?

Гетман остановился, задумавшись, потом начал загибать пальцы.

— Во-первых, в его распоряжение предоставляется комфортабельная башня с удобствами, с оптическими приспособлениями, с помощью которых самые далекие предметы делаются близкими, жаровней, чтобы он никогда не замерзал, и хитроумной коммуникационной системой.

Его пища и питье самого высокого качества и представляются ему бесплатно, когда он этого захочет. Далее, как правило, ему навечно присуждается титул Хранителя Общественной Казны, и, чтобы упростить дело, он наделен властью распоряжаться всем общественным достоянием Буля к выгоде жителей деревни. В-четвертых, он может выбрать себе ту девушку, которая покажется ему наиболее привлекательной. И в-пятых, ему присуждается титул Барона, и его должны приветствовать со всем уважением и почитанием.

— Вот как, понятно, — сказал Кугель. — О таком посте, конечно, следует подумать. А какие обязанности вменяются Часовому?

— За это говорит само его название. Часовой должен стоять на часах и наблюдать, потому что это один из самых старомодных обычаев. Вряд ли эту обязанность можно назвать тяжелой, но здесь не должно быть никаких послаблений, потому что иначе это будет самый настоящий фарс, а мы — народ серьезный, даже когда речь заходит о наших традициях.

Кугель понимающе кивнул головой.

— Условия вполне разумные: часовой наблюдает — ничего не может быть проще. Но кто такой Магнац, с какой стороны надо ждать его появления и как его можно узнать?

— Эти вопросы незначительны, — сказал гетман, — так как это существо в принципе просто не существует, если позволителен такой каламбур.

Кугель взглянул на башню, на озеро, потом на хранилище.

— В таком случае я хочу заявить, что выставляю свою кандидатуру на пост Часового, если все условия действительно таковы, как ты говорил.

Фрикс в ту же секунду вонзил все свои жала, колючки и когти в печень Кугеля. Кугель согнулся пополам, схватившись за живот, потом выпрямился и, извинившись перед пораженным гетманом, отошел в сторону.

— Терпение! — убедительно обратился он к Фриксу. — Что за темперамент! Неужели ты совсем не разбираешься в реальной жизни? Мой кошелек пуст, а впереди еще много лиг пути. Чтобы путешествовать хоть с мало-мальски приличными скоростями, мне надо отдохнуть и пополнить свой кошелек. Я хочу поработать здесь ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы выполнить оба этих условия, а потом поспешить изо всех сил в Алмери!

Явно неохотно Фриск прекратил демонстрацию своей силы, и Кугель вернулся туда, где его ждал гетман.

— Все остается по-старому, — сказал Кугель. — Я тут подумал и решил, что я вполне могу взять на себя этот труд.

Гетман кивнул головой.

— Я рад это слышать. В основных чертах ты убедишься, что все, что я тебе говорил, — верно. Я со своей стороны тоже все обдумал и теперь со спокойной совестью могу заявить, что ни один человек в деревне не подходит лучше тебя для столь высокого места,

а следовательно, я, гетман Буля, говоря от имени всей общественности, которая не может решить иначе, провозглашаю тебя Часовым!

Церемониальным жестом гетман достал откуда-то золотой воротник, который надел Кугелю на шею.

Они вернулись в таверну, и пока они шли, люди Буля, замечая золотой воротник, тут же начали задавать гетману вопросы.

— Да, — неизменно отвечал он. — Этот благородный человек продемонстрировал свои способности, и я провозгласил его Часовым Буля!

Слыша эту новость, жители Буля становились очень сердечными и возбужденными и поздравляли Кугеля так, как будто он всю жизнь был дорог их сердцу.

Все собрались в таверне. На столы были поставлены вино и мясо со специями, появились волынщики, зазвучала веселая музыка, и начались танцы и веселье.

В течение вечера Кугель высмотрел себе девушку изумительной красоты, танцующую с молодым человеком, который был среди тех охотников, которых Кугель повстречал у входа в горы. Кугель толкнул гетмана локтем и указал ему на девушку.

— Ах, да, прелестная Марлинка! Она танцует с парнем, за которого собирается выйти замуж.

— Может быть, планам ее суждено измениться? — многозначительно сказал ему Кугель.

Гетман хитро подмигнул ему.

— Ты находишь ее привлекательной?

— Вот именно. А так как это прерогатива моей службы, я хочу немедленно объявить эту девушку моей избранницей и невестой. Пусть немедля исполнят все церемонии!

— Так быстро? — удивился гетман. — Ах, ну да ладно, горячая кровь не терпит отлагательств.

Он сделал девушке знак, и она весело протанцевала к столу. Кугель поднялся и сделал глубокий поклон. Гетман заговорил:

— Марлинка, Часовой всего Буля находит тебя желанной и поэтому хочет выбрать тебя своей суженой.

Сначала Марлинка казалась удивленной, потом заинтересованной. Она бросила на Кугеля кокетливый взгляд и сделала реверанс.

— Часовой оказывает мне большую честь.

— Более того, — продолжал гетман, — он требует, чтобы свадебные церемонии были исполнены прямо сейчас.

Марлинка с сомнением посмотрела на Кугеля, потом через плечо на молодого человека, с которым все время танцевала.

— Хорошо, — сказала она, — как ты пожелаешь.

Церемонии тут же были исполнены, и Кугель оказался рядом с Марлинкой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась еще более восхитительной, с прекрасными манерами, очаровательной фигурой и личиком.

— Пойдем! — прошептал он. — Давай удерем отсюда на некоторое время и торжественно скрепим наш свадебный союз.

— Не так быстро, — прошептала Марлинка. — Мне нужно время, чтобы приготовиться. Сейчас я слишком возбуждена!

Она высвободилась и утанцевала от стола.

Пир был горой, веселье продолжалось вовсю, и, к своему глубочайшему неудовольствию, Кугель увидел, что Марлинка опять пляшет с тем молодым человеком, невестой которого она была до сих пор. Пока он смотрел на них, девушка обнимала парня с явной любовью. Кугель пошел вперед, прервал танец и отвел свою молодую жену в сторону.

— То, что ты делаешь, вряд ли можно назвать приличным. Вспомни, что не прошло и часа, как мы поженились!

Марлинка, одновременно удивленная и непонимающая, рассмеялась, потом нахмурилась, потом опять засмеялась и пообещала, что будет вести себя осмотрительнее. Кугель попытался увести ее к себе в комнату, но она опять сказала, что сейчас ей это неудобно.

Кугель глубоко и огорченно вздохнул, но утешился, вспомнив о других своих прерогативах: например, свободное управление казной. Он наклонился к гетману.

— Раз уж теперь я стал титулованным Охранником Общественной Сокровищницы, считаю своей прямой обязанностью осмотреть то, что мне доверено охранять. Если ты будешь так добр передать мне ключи, я пойду и быстро осмотрю все, что там есть.

— Ну, конечно, — ответил гетман. — Более того, я сам буду сопровождать тебя, чтобы помочь во всем, в чем я только смогу.

Они прошли к хранилищу. Гетман открыл дверь и зажег масляную лампу, высоко подняв ее над головой и светя Кугелю. Кугель вошел внутрь и стал осматривать сокровища.

— Я вижу, что все здесь в порядке, и, возможно, разумным будет подождать, пока голова у меня будет ясная, прежде чем предпринять детальную инвентаризацию. Но тем временем...

Кугель подошел к ларю с драгоценными камнями, выбрал несколько самых крупных и принялся запихивать их себе в пояс.

— Минуточку! — сказал гетман. — Зачем ты причиняешь себе такие неудобства? Скоро тебе дадут богатые одежды, приличествующие твоему рангу. Драгоценности никуда не убегут из нашей сокровищницы — зачем же таскать их с собой? Во-первых, это неудобно, а во-вторых, их можно просто потерять.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — заметил Кугель, — но я хочу заказать дом особой конструкции с видом на озеро, а на это мне понадобятся деньги.

— Со временем, со временем. Ведь все равно работы по его постройке не смогут начаться, пока ты не осмотришь окрестности и не выберешь себе самого подходящего места.

— Верно, — согласился Кугель. — Я вижу, что впереди меня ждет много дел. А теперь — обратно в таверну! Моя молодая жена слишком стыдлива, и сейчас я больше не желаю терпеть дальнейших задержек!

Но когда они вернулись в таверну, Марлинки нигде не было видно.

— Несомненно, она пошла, чтобы нарядиться в соблазнительные одежды, — предположил гетман. — Имей терпение!

Кугель с неудовольствием поджал губы и еще больше насупился, когда увидел, что молодой человек, с которым Марлинка танцевала весь вечер, тоже исчез.

Веселье не затихало, и было произнесено много тостов, после которых Кугель почувствовал, что чувства его несколько затуманены, и понял, что его на руках относят в его комнату.

Рано утром гетман постучал в дверь и вошел, услышав приглашение Кугеля.

— А сейчас мы должны посетить наблюдательную башню, — сказал гетман. — Мой собственный сын охранял Буль всю прошлую ночь, так как по нашей традиции необходимо неусыпное постоянное наблюдение.

С трудом Кугель оделся и последовал за гетманом на прохладный утренний воздух. Они прошли к наблюдательной башне, и Кугель был поражен ее высотой и гениальной простотой ее конструкции: изящный ствол, возвышающийся на пятьсот футов, поддерживающий купол на конце.

Веревочная лестница была единственным средством, чтобы забраться наверх. Первым на нее ступил гетман, а следом Кугель, причем лестница при этом раскачивалась в разные стороны, так что у Кугеля закружилась голова.

Они добрались до купола, и утомленный сын гетмана тут же спустился вниз. Комната внутри была обставлена с куда меньшей роскошью, чем предполагал Кугель. Скорее, обстановку эту можно было назвать скромной. Он не преминул указать на это гетману, который тут же ответил, что любое неудобство будет тут же устранено.

— Просто назови все, что требуется, и это будет исполнено!

— Что ж, в таком случае мне нужен хороший ковер для пола — желательно зеленых и золотистых тонов. Мне требуется более удобная кровать и, конечно, более широкая, чем эта жалкая кушетка, которую я вижу у стены, потому что моя жена Марлинка, конечно, большую часть времени будет проводить здесь. Мне нужен столик с отделениями для драгоценных камней и сами камни, а также ларец для засахаренных фруктов, который можно поставить вот сюда, и туалетный столик с ароматическими эссенциями — вот сюда. А вот здесь мне хотелось бы поставить обычный табурет с приспособлением для охлаждения вина.

Гетман с готовностью согласился на все.

— Все будет, как ты говоришь.. Но сейчас мы должны обсудить твои обязанности, которые настолько просты, что не потребуют от тебя никаких затрат сил: ты должен следить за Магнацем.

— Это я понимаю, но в голову мне приходит та же мысль, что и прежде: для того чтобы я мог как можно тщательнее выполнить порученное мне дело, я должен знать, за кем или чем я должен следить. Может быть, Магнац пройдет себе спокойно по площадке, а я даже не буду знать, что это был он. На что он хоть похож?

Гетман покачал головой.

— Я не могу этого сказать, его описания затерялись в веках. В легенде только говорится, что волшебник хитростью одолел его, заточил и забрал отсюда.

Гетман подошел к наблюдательному посту.

— Обрати внимание: здесь находится оптическое приспособление. Оно выделяет и приближает объекты, на которые ты его направляешь. Время от времени ты можешь позволить себе осмотреть земли, лежащие окрест. Вон там находится гора Темус, а ниже нее озеро Буль, по которому никто не может плавать из-за его водоворотов и омутов. В том направлении находится Налгарский Перевал, который ведет на восток в земли Мерси. С большим трудом ты можешь разглядеть знаменитый памятник, поставленный Юзпехом Великим, который повел восемь армий. Огромная скала на севере поставлена Магнацом, чтобы накрыть искалеченные трупы воинов поверженных армий Юзпеха. Вон там проход через горы, который пробил Магнац, чтобы холодный воздух мог попадать сюда. За озером находятся гигантские руины — остатки роскошного дворца Магнаца.

Кугель осмотрел через оптическое стекло все, о чем ему говорил гетман.

— Видимо, этот Магнац был существом могущественным, — заметил он.

— Так утверждают наши легенды. И теперь последнее. Если Магнац появится, хотя смешно об этом даже и подумать, но все же ты должен потянуть за эту палку, которая соединена с большим колоколом. Наши законы категорически запрещают звонить в колокол в любом ином случае, кроме как при виде Магнаца. Наказание за такой проступок необычайно сурово — по правде говоря, последний наш Часовой предал свой высокий пост тем, что зазвонил в колокол просто так. Нечего и говорить, что он был сурово осужден, его расчленили с помощью ударов тяжелыми цепями, остатки его были брошены в омут озера.

— Что за болван! — заметил Кугель. — Зачем ему понадобилось рисковать своим постом, богатством и хорошей жизнью ради подобного развлечения?

— Все мы считаем точно так же, — согласился гетман.

Кугель нахмурился.

— Я удивлен его поведением. Он что, был молод и легкомыслен, что поддался такому капризу?

— Даже и этого нельзя сказать в его оправдание. Это был мудрец, который три четверти своей жизни провел с нами, как Часовой Буля.

— Тогда его поведение кажется еще более невероятным, — недоуменно заметил Кугель.

— Весь Буль чувствует то же самое.

Гетман коротко потер руки одна об другую.

— Ну, насколько я понял, мы обсудили все основные подробности. Сейчас я удалюсь и оставлю тебя наслаждаться исполнением твоих новых обязанностей.

— Минуточку, — сказал Кугель. — Я настаиваю на определенных изменениях и улучшениях: ковер, стол, подушки, кушетка.

— Ну, конечно, — сказал гетман.

Он высунул голову наружу и стал кричать инструкции людям внизу. Никакого ответа не последовало, и гетман в отчаянии махнул рукой.

— Да что ж это такое! — воскликнул он. — Нет, видимо, придется слезать самому и за всем проследить.

И он начал спускаться вниз по веревочной лестнице. Кугель крикнул ему вслед:

— Будь добр, пришли сюда мою жену Марлинку, мне надо обсудить с ней кое-какие важные дела!

— Я немедленно отправлюсь на ее поиски, — отозвался гетман через плечо.

Через несколько минут раздался скрип деревянного блока: веревочную лестницу спустили вниз на конце каната, к которому она была прикреплена. Поглядев вниз, Кугель увидел, что ему собираются поднимать подушки. Тяжелая веревка, к которой была привязана лестница, прошла через блок, и появилась тоненькая веревка — совсем как шнур — и именно на этом шнуре были подняты подушки. Кугель посмотрел на них с неодобрением: они были старые и пыльные. Хотя, возможно, гетман прислал эти подушки с самыми добрыми намерениями, чтобы ему было на что облокотиться, пока он не пришлет в купол новых, более роскошных. Кугель кивнул головой: скорее всего именно так и было.

Он оглядел окрестности. Магната нигде не было видно. Он несколько раз взмахнул руками, прошелся взад и вперед и пошел смотреть на площадь, где ожидал увидеть рабочих, занятых выполнением его заказа. Но люди шли по площади как ни в чем не бывало, явно по своим собственным делам. Кугель пожал плечами и еще раз отправился осматривать окрестности.

Затем вновь поглядел вниз на площадь. Как и раньше, Магната не было видно. Он нахмурился и скривился: неужели это его молодая жена Марлинка шла мимо в компании молодого человека? Он посмотрел сквозь оптическое приспособление на изящные пышные формы — это действительно была его Марлинка, а молодой человек, который держал ее за локоть с такой наглой интимностью, был тем самым охотником, невестой которого она была раньше. Кугель в ярости ударил себя по челюсти. Такое поведение не могло продолжаться дальше! Когда Марлинка придет к нему, он выскажет ей все, что он думает по этому поводу.

Солнце достигло своего зенита. Вдруг задрожал шнур. Посмотрев вниз, Кугель увидел, что к нему поднимается корзина с пищей, и потер руки от удовольствия.

Но в корзине, когда он поднял ее, были только полбуханки хлеба, кусок жесткого мяса и бутыль плохого вина. Кугель в недоумении уставился на эту жалкую пищу и решил на несколько минут спуститься вниз, чтобы восстановить справедливость и показать им, что его не проведешь. Он откашлялся и крикнул вниз, чтобы ему подали лестницу. Казалось, никто не слышал его. Он крикнул громче. Два жителя посмотрели наверх с нескрываемым любопытством и продолжали как ни в чем не бывало свой путь.

Кугель сердито дернул за шнур и вытащил его через блок, но на его конце не появилось ни толстой веревки, ни веревочной лестницы, там была петля, которая могла выдержать только небольшую корзинку с пропитанием.

Кугель задумчиво уселся на подушки и принялся обдумывать свое положение. Затем, направив оптические приспособление на площадь, он стал искать гетмана, единственного человека, к которому он мог обратиться за объяснениями.

Ближе к вечеру Кугелю посчастливилось увидеть, как открылась дверь в таверну, и гетман заплетающимися шагами выходит оттуда, явно прилично нагрузившийся вином. Кугель изо всех сил крикнул ему вниз. Гетман остановился, огляделся вокруг, недоуменно покачал головой и продолжил свой путь через площадь.

Солнце золотило своими лучами озеро Буль, черными кругами виднелись в нем водовороты и омуты. Прибыл ужин Кугеля: горшок вареных овощей и миска свинины. Он осмотрел пищу без всякого интереса, затем опять подошел к краю купола.

— Поднимите мне лестницу! — крикнул он. — Наступает ночь! А когда нет света, нет смысла наблюдать за Магнацем или за кем-то другим!

Как и прежде, никто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Внезапно Фрикс, как бы почуяв, что что-то не так, несколько раз дернул Кугеля за печень.

Кугель провел очень плохую ночь. Когда жители Буля навеселе выходили поздно из таверны, Кугель обратился к ним, но как и раньше, никто, по-видимому, даже не слышал его.

Над горами появилось солнце. Завтрак Кугелю подали довольно приличный, но, конечно, его и сравнить нельзя было с теми роскошествами, о которых говорил ему Гулам Вискод, лживый гетман Буля. В ярости Кугель принялся кричать приказы людям, стоявшим внизу, но никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Он на несколько секунд задержал дыхание, потом выдохнул воздух и расслабился: видимо, ему самому надо было выкручиваться, как только он сможет. Ну и что с того, в конце концов? Разве просто

так называли его Кугель-Разумник? И он стал придумывать различные планы побега.

Шнур, на котором поднимали ему еду, был слишком тонок. Если сложить его вдвойне, а потом еще раз вдвойне, он выдержит его вес, но тогда и расстояние до земли увеличится соответственно в четыре раза. Его одежда и кожаный плащ, если разорвать их на полосы, могут опустить его еще футов на двадцать, но и тогда он будет болтаться только посредине, в самом воздухе. Если бы у него были необходимые инструменты, он смог бы вырезать в колонне, на которой стоял купол, нечто вроде лестницы, но опереться там было бы просто не на что. Да, будь у него инструменты и время, он смог бы не только вырезать лестницу, но и просто подрезать колонну сверху, пока сам купол не оказался бы на земле!

Да, все это были глупости. В отчаянии Кугель откинулся на подушки. Теперь ему стало ясно — его надули. Сколько времени предыдущий Часовой оставался на своем посту? Шестьдесят лет? Невеселая перспектива!

Фрикс, видимо, был того же мнения, потому что он с бешенством вцепился в него когтями и уколол несколькими шипами сразу, что отнюдь не улучшило настроения Кугеля.

Так проходили дни и ночи. Кугель долго думал свои мрачные думы, с ненавистью размышляя о жителях Буля. Иногда у него возникало большое искушение зазвонить в большой колокол, как это сделал его предшественник, но, вспомнив о наказании за такой поступок, он сдерживался.

Со временем Кугель назубок знал каждый уголок большой деревни, озера и окружающего его пейзажа. По утрам озеро накрывал тяжелый туман, который развеивал бриз, начинающий дуть чуть позже в течение двух часов. Водовороты издавали чавкающие и стонущие звуки, и рыбаки Буля не осмеливались отъезжать от берега дальше, чем на корпус лодки. Скоро Кугель научился распознавать деревенских жителей. Марлинка, его молодая жена-предательница, часто ходила по площади. Кугель хорошо знал дом, в котором она жила, и постоянно наблюдал за ней в свое оптическое приспособление. Если она и путалась с молодым охотником, ее скрытность и умение запутывать следы были примечательны, и черные подозрения Кугеля ни разу не подтвердились.

Пища, которую ему подавали, была все того же дурного качества, а иногда ее забывали подавать вовсе.

Фрикс все время мстительно напоминал ему о себе, и Кугель начинал бегать по комнате купола, хватаясь руками за живот. Однажды вечером, вскоре после захода солнца, измученный особо неприятным поведением Фрикса, Кугель внезапно остановился как вкопанный. Спуститься с башни было проще пареной репы! Почему он не сделал этого раньше? Вот уж действительно Кугель-Разумник!

Он разорвал на полосы абсолютно всю свою одежду и связал веревку примерно двадцати футов в длину. Теперь ему надо было дождаться, когда в деревне все улягутся, — то есть примерно час или два.

Фрикс впился в него еще раз, и Кугель, не выдержав, вскричал:

— Ну подожди ты, скорпион, сегодня ночью мы убежим отсюда! Ты ведешь себя просто неприлично!

Фрикс нехотя прекратил демонстрацию своей силы, и Кугель подошел к оптическому устройству, чтобы еще раз осмотреть площадь. Ночь была холодной и туманной — идеальная погода для побега.

Кугель осторожно втянул в купол шнур, на котором ему подавали пищу, сложил его в два раза, еще в два, потом еще в два. Теперь толщина его была вполне достаточна, чтобы выдержать вес его тела. Он сделал широкую петлю на одном его конце, а второй конец накрепко привязал к блоку. Последний раз окинув взглядом горизонт, он осторожно выбрался из купола. Спустившись по шнуру до самого конца, он уселся поудобнее в широкую петлю, раскачиваясь над площадью. К одному концу своей двадцатифутовой веревки он привязал для тяжести ботинок и через несколько попыток умудрился закинуть ее так, что она завернулась за колонну, после чего он подтянул себя к ней вплотную. С бесконечной осторожностью он выбрался из петли шнура, предварительно завязав петлю на своей веревке вокруг колонны, а затем, используя эту петлю в качестве опоры, медленно опустился на землю. Он тут же отошел подальше в тень, одевая на ходу ботинки. Как раз в это время настежь распахнулась дверь в таверну и оттуда вывалился Гулам Вискод, пьяный куда больше, чем раньше. Непринужденно улыбнувшись, Кугель последовал за гетманом, который, еле держась на ногах, свернул в боковую улицу.

Одного удара по затылку было достаточно, чтобы гетман свалился, как подкошенный. В ту же секунду Кугель обшарил его с головы до ног и ловкими пальцами конфисковал ключи. Осторожно подойдя к общественному хранилищу, он открыл дверь, скользнул внутрь и набил полный мешок драгоценностями, монетами, флаконами дорогих эссенций, антиками и всем прочим.

Вернувшись на улицу, Кугель отнес мешок к причалу у озера, где спрятал его под рыбачьей сетью. После этого он отправился к дому своей молодой жены Марлинки. Пробираясь по стене, он дошел до открытого окна ее комнаты и впрыгнул внутрь.

Она проснулась от того, что Кугель сжал ее горло. Когда она попыталась закричать, он сжал сильнее, и крик замер.

— Это я, — прошипел он, — Кугель, твой муж! Вставай и иди за мной. Твой первый крик будет твоим последним!

В ужасе девушка повиновалась. По приказу Кугеля она накинула на плечи плащ и надела на ноги сандалии.

— Куда мы идем? — прошептала она дрожащим голосом.

— Неважно. Сюда, через окно. И помни — ни звука!

Стоя снаружи в темноте, Марлинка бросила панический взгляд в сторону наблюдательной башни.

— А кто стоит на часах? Кто охраняет Буль от Магнаца?

— На часах нет никого, — ответил Кугель. — Башня пуста!

Колени у нее подкосились, и она упала на землю.

— Вставай! — сказал Кугель. — Живо! Мы должны спешить.

— Но никто не наблюдает! Это аннулирует заклинание, которым волшебник заклял Магнаца, поклявшегося вернуться в деревню, когда наблюдение за ним закончится!

Кугель рывком поднял девушку на ноги.

— Меня это не касается, и я не чувствую себя ответственным за это. Разве я не стал жертвой вашего обмана? Где моя роскошная мебель и подушки? Где прекрасная пища? И моя жена, где ты была?

Девушка закрыла лицо руками и стала плакать, а Кугель повел ее к причалу. Он подтянул к берегу лодку рыбаков, кинул туда мешок с награбленным добром и усадил туда девушку.

Отвязав лодку, он взялся за весла и принялся грести. Марлинка была в ужасе.

— Мы погибнем в водоворотах! Ты сошел с ума!

— Я тщательно изучил расположение всех водоворотов и точно знаю размер каждого из них.

Кугель осторожно продолжал грести через озеро, считая каждый свой гребок и глядя на звезды.

— Двести гребков к востоку... сто гребков к северу, двести гребков к востоку... пятьдесят гребков к югу...

Так Кугель греб, а справа и слева от них все время раздавались чавкающие, засасывающие звуки водоворотов.

— Вот теперь достаточно, — сказал он. — Мы в безопасности, и нам много чего надо решить.

Девушка вся сжалась. Кугель приблизился к ней.

— Вот и я, твой муж! Неужели тебе не радостно, что мы наконец-то одни? Правда, моя комната в гостинице была намного удобнее, но сойдет и лодка.

— Нет! — вскричала она. — Не трогай меня! Эта свадебная церемония не имела никакого значения — всего лишь трюк, чтобы обмануть тебя и уговорить стать Часовым.

— Лет на шестьдесят, не правда ли, пока я на самом деле не сойду с ума и не зазвоню в колокол? Когда я предамся такому отчаянию, что мне будет все равно, что со мной сделают?

— Но это не моих рук дело! Я виновата только в невинной шутке. Но что станет с Булем? Никто не наблюдает, и заклинание потеряет силу!

— Тем хуже для неверных жителей Буля! Они потеряли свои сокровища и самую прекрасную деву, и когда наступит день, Магнац придет к ним.

Марлинка испуганно вскрикнула, но крик ее был поглощен густым туманом.

— Никогда не произноси этого проклятого имени!

— А почему? Я буду кричать его так, чтобы оно разнеслось по всему озеру и еще дальше! Я сообщу Магнацу, что заклинания больше не существует и что он может прийти и отомстить!

— Нет, нет, не надо!

— Тогда ты должна вести себя по отношению ко мне так, как я этого хочу.

Плача, девушка повиновалась ему. Наконец красный свет зари, проникая сквозь туман, появился на небе. Кугель поднялся в лодке, но путеводные вехи на земле еще не были видны, скрытые густым туманом.

Прошел еще один час, и взошло солнце.

Жители Буля уже, должно быть, обнаружили, что их Часовой исчез, а вместе с ним и их сокровища. Довольный Кугель усмехнулся, а ветер в это время начал потихоньку разгонять туман, и появились те вехи на земле, которые он заметил, наблюдая с купола. Он прошел на нос лодки и дернул за веревку якоря, но якорь крепко засел.

Он принялся водить веревку в разные стороны, и наконец она немного подалась. Кугель дернул что было сил. Снизу стали подниматься многочисленные пузыри.

— Водоворот! — вскричала Марлинка в ужасе.

— Нет здесь никакого водоворота, — пыхтя ответил Кугель и дернул еще раз.

Казалось, веревка ослабла, и Кугель принялся вытягивать ее наверх. Поглядев через борт лодки, он неожиданно увидел перед собой огромное белое лицо. Якорь застрял в ноздре этого лица. Пока Кугель ошарашенно смотрел, глаза моргнули и открылись.

Кугель выкинул веревку вместе с якорем, кинулся к веслам и принялся грести к южному берегу.

Рука величиной с дом высунулась из воды, хватая воздух. Марлинка громко завизжала. Воды озера заволновались, огромная волна кинула лодку к берегу, как щепку, и посередине озера Буль возник Магнац.

В деревне послышался звук предупреждающего колокола.

Магнац встал на колени — вода и грязь потоками стекали с его огромного тела. Якорь, проткнувший ему ноздрю, все еще продолжал висеть на том же месте, и из раны лилась какая-то черная жидкость. Он поднял огромную руку и игриво ударил ею по лодке. Целое море пены окутало разбитую лодку, разорванный мешок, Марлинку и Кугеля, оказавшихся в воде.

Кугель колотил руками и ногами, пытаясь вырваться из засасывающих его черных пучин, и в результате все-таки выплыл на поверхность. А Магнац поднялся на ноги и смотрел на Буль.

Кугель поплыл к южному берегу. Марлинки нигде не было видно — она утонула. Магнац медленно шел через озеро к деревне.

Кугель с трудом выбрался на берег и со всех ног бросился в горы.

IV

ВОЛШЕБНИК ФАРИЗЫ

Горы остались позади: темные пропасти, трещины, каменные каньоны, в которых долго не умолкало эхо, — все это сейчас высилось темной массой на севере. Некоторое время Кугель шел среди невысоких холмов, по цвету и по структуре напоминающих старые деревья, на которых росло много черно-голубых деревьев, затем он вышел на едва заметную тропинку, которая, петляя, вела в южном направлении. В конце концов он оказался на огромной тусклой равнине. Примерно в полумиле справа от него высились горные хребты, привлекшие к себе его внимание и вызвавшие тоскливое чувство. Он удивленно уставился на них. У него было такое ощущение, что когда-то в прошлом он знал эти горы, но когда, как?

Он собрался было отдохнуть на небольшой каменной площадке, покрытой мягким мхом, но нетерпеливому Фриксу это не понравилось, и он тут же вцепился Кугелю в печень. Застонав от усталости и боли, Кугель тут же вскочил на ноги, тряся кулаком в предполагаемом направлении Алмери.

— Никоню, Никоню! Если я отплачу тебе хоть за одну десятую того, что ты со мной сделал, весь мир ужаснется моей жестокости!

Он пошел вперед по тропинке. Далеко книзу расстилалась долина, заполняя три четверти горизонта тем же цветом, что и покрытая мхом скала, с черными пятнами лесов и прожилками серо-зеленого, фиолетового и темно-коричневого. Свинцовый блеск двух больших рек исчезал в туманном горизонте.

Короткий отдых Кугеля принес ему еще большую усталость — у него сильно болели ноги, он хромал, а болтавшаяся сумка натерла бедро. Вдобавок его мучил голод. Еще одна подлость Никоню! Правда, Смеющийся Маг снабдил его амулетом, который превращал несъедобное в питательную пасту. Но, к несчастью, — в этом и заключался черный юмор Мага — эта паста напоминала по вкусу и запаху ту самую субстанцию, из которой совершалось превращение, и во время своего путешествия через горы Кугель не пробовал ничего, кроме моха, дубовых гнилых веток, перегнивших листьев, травы и одежды. Ел Кугель машинально. Щеки ввалились и скулы торчали в стороны, а высокая худая фигура стала совсем изможденной. О, за многое придется держать ответ Никоню! И Кугель шел, обдумывая, как он отомстит Смеющемуся Магу, если только когда-нибудь попадет обратно в Алмери.

Тропинка свернула вниз на широкое каменное плато, где ветер и время изваяли сотни гротескных фигур. Осматриваясь, Кугель уловил нечто похожее на закономерность в расположении каменных фигур и остановился. Эта закономерность была очень тонкой, настолько тонкой, что Кугель никак не мог решить, не просто ли это плод его воображения. Подойдя поближе, он увидел еще большую сложность и причудливость этих каменных фигур: нечеткие линии, шпили, неровные башенки, диски, седла, искореженные сферы, треугольники — исключительная по своей сложности резьба по камню. Кугель нахмурился, не понимая, кому могло понадобиться создавать столь сложные формы и зачем.

Он продолжал идти вперед и через некоторое время услышал голоса вместе с лязганьем инструментов. Остановившись, он прислушался, потом опять пошел вперед. Вскоре увидел группу в пятьдесят человек, самого разнообразного роста — от трех дюймов до двенадцати футов. Едва взглянув в его сторону, рабочие продолжали выбивать, вырезать, скрести и полировать камень своими инструментами.

Несколько минут Кугель молча наблюдал за ними, затем подошел к человеку, по всей видимости, мастеру, стоявшему у каменного столика и изучающего планы, сравнивая их с произведенной работой с помощью хитроумного оптического приспособления.

Казалось, он замечал все сразу, отдавая приказания, говоря, как исправить какую-то ошибку, показывая, каким инструментом что надо сделать. Чтобы пояснять свои замечания, он пользовался удивительным указательным пальцем, который вытягивался вперед на тридцать футов, а затем так же быстро втягивался обратно.

Мастер отошел на несколько шагов назад, по всей видимости, временно удовлетворенный проделанной работой, и Кугель приблизился к нему.

— Что это за сложная работа, которую вы проделываете, и в чем ее смысл?

— Работа самая обычная, — ответил мастер, в голосе которого чувствовалась огромная преданность своему делу. — Из обычной скалы мы производим специальные формы по велению волшебника Фарезма... Эй! Эй!

Этот крик был обращен к человеку ростом фута на три выше Кугеля, который бил по камню заостренным на конце инструментом.

— Я обнаруживаю самоуверенность! — Указательный палец вылетел вперед. — Будь очень осторожен в этом соединении, разве ты не видишь тенденцию камня к сколу? Произведи здесь удар шестой интенсивности по вертикали, используя полужесткий захват. В этом месте — удар четвертой интенсивности крестообразно, а затем возьми резец и удали стружку в четверть силы!

Затем он стал изучать лежащие перед ним планы, качая головой и недовольно хмурясь.

— Слишком медленно! Эти ваятели работают так медленно, как будто их отравили, и проявляют просто животную тупость! Только вчера Дэдио Фессадил, вон тот с зеленым платком, имеющий три эля, использовал девятнадцатигорный замороженный прут, чтобы выточить пот маленького перевернутого карэфуля.

Кугель даже поперхнулся, потому что никогда в жизни не слышал еще такой белиберды. Потом он спросил:

— Так зачем же вы делаете столь сложные предметы и так тщательно?

— Этого я сказать не могу, — ответил мастер. — Работа продолжается уже триста восемнадцать лет, но за это время Фарезм не объяснил нам причин, по которым она должна производиться. Но все должно быть абсолютно точным, потому что он осматривает наши достижения каждый день и мгновенно замечает любые самые ничтожные ошибки.

Тут он отвернулся, чтобы проконсультировать человека, ростом по колено Кугелю, который высказывал свою неуверенность по поводу повязки какого-то вольюта.

Мастер быстро разрешил его сомнения, а потом еще раз повернулся к Кугелю, на сей раз внимательно рассматривая его.

— Ты кажешься мне одновременно и умным и ловким, не хочешь ли ты тоже наняться к нам? У нас не хватает несколько рабочих категорий полуэль. Если же ты предпочитаешь более почетное звание, мы можем тебе дать работу помощника Разбивателя Камней шестнадцати элей. Твое положение, правда, будет в обоих случаях одинаковым, но ты сможешь быстро продвигаться вперед. Как ты видишь, у меня самого четыре эля. Я добился положения Разбивателя Камней за один год, Изготовителя Форм за три, Помощника Шада за десять, и сейчас я работаю Главным Шадом вот уже в течение девятнадцати лет. Категория моего предшественника была всего два эля, зато Главный Шад до него был человеком десяти элей.

Он продолжал перечислять все преимущества работы, которые включали в себя полное питание, свой дом, наркотики по выбору, привилегии пользования нимфарием, стипендия, которая вначале была десять терций в день, и различные другие преимущества, включая услуги, которые Фарезм оказывал им как волшебник.

— Кроме того, у Фарезма есть консерватория, где каждый может пополнить свой интеллект. Сам я записан на несколько куров: Определение Насекомых, Геральдика Королей Старого Города, Пение в Унисон, Практическая Каталепсия и Ортодоксальная Доктрина. Нигде ты не найдешь господина более мудрого, чем Волшебник Фарезм.

Кугель сдержал улыбку, видя энтузиазм Главного Шада.

— До сих пор мне как-то не приходилось задумываться о подобной карьере, — сказал он. — Ты рассказал мне о таких ее преимуществах, что я даже и представить себе не мог.

— Верно, об этом мало кто знает.

— Но тем не менее я не могу немедленно ответить тебе — да или нет. Это очень важное решение, и я чувствую, что мне надо его всесторонне обдумать.

Главный Шад понимающе закивал головой.

— Мы поощряем размышления наших ваятелей, ведь каждый удар должен достичь желаемого результата. Чтобы поправить неточность даже в ширину ногтя, надо удалять весь каменный блок, ставить на его место новый, и тогда вся работа начинается сначала. И пока не достигнуты прежние результаты, нам не позволяют пользоваться привилегиями нимфария.

Фрикс, внезапно сообразив, что Кугель намеревается задержаться здесь, самым свирепым образом высказал все, что он думает по этому поводу. Схватившись обеими руками за живот, Кугель отбежал в сторону и, пока Главный Шад с удивлением смотрел на него, горячо стал спорить с Фриксом.

— Как могу я продолжать свой путь без пищи?

В ответ Фрикс впился в него своими колючками.

— Невозможно! — воскликнул Кугель. — Амулет Никоню подходит мне теоретически, но мой желудок больше не в состоянии переваривать мох. Не забудь, если я свалюсь замертво, то ты никогда больше не увидишь своего Никоню!

Фрикс проникся справедливостью этого высказывания и неохотно успокоился. Кугель вернулся к каменному столу, где мастер, Главный Шад, нашел какой-то очередной недочет в сложнейшем каменном узоре. В конце концов Кугелю удалось привлечь его внимание.

— Пока я обдумываю твое предложение насчет работы, мне необходима будет постель, где я мог бы отдохнуть.

— Твоя осторожность мне нравится, — заявил Главный Шад. — Теперешние люди любят быстро кидаться на любое предложение, не задумываясь о последствиях. В моей молодости было не так — мы были людьми серьезными и осторожными. Я предоставлю тебе возможность попасть в наш лагерь, где ты можешь испытать все, о чем я тебе говорил. Ты увидишь, что Фарезм строг, но справедлив, и только тот, кто бьет по скале, не думая ни о чем, может пожаловаться на него. Но смотри! Вот идет сам Волшебник Фарезм, совершая свой ежедневный обход!

По тропинке шел человек, одетый в сверкающий белый плащ. Его походка была бесподобной. Руки его были сложены на груди и шел он, а точнее плыл, не переставляя ног. Рабочие как один скинули с голов шапочки и низко поклонились, поздоровавшись нараспев, на что Фарезм ответил легким наклоном головы. Увидев Кугеля, он остановился, быстро осмотрел все, что было сделано за день, затем плавно направился к каменному столику.

— Все более или менее точно, — сказал он Главному Шаду. — Насколько я вижу, полировка внутренней стороны Эпи-проекции 56-16

недостаточно гладкая, и я различаю лишний волосяной покров камня на втором зубчике девятнадцатого шпиля. Ни одна из этих ошибок не кажется мне особо важной, и поэтому я не рекомендую дисциплинарных взысканий.

— Недоделки будут устранены, а небрежные ваятели наказаны — это по меньшей мере! — воскликнул Главный Шад. — А теперь я хочу представить возможного претендента для нашей работы. Он говорит, что не имеет опыта такой работы, и просит время на обдумывание. Если он решится, я хочу назначить его на обычный период времени Сборщиком Гравия, прежде чем ему можно будет доверить заточку инструментов и предварительные раскопки.

— Да, это будет отвечать нашим правилам. Однако... — Фарезм без всякого усилия заскользил вперед, взял левую руку Кугеля и исполнил быструю девиацию над его ногтями. — Я вижу противоречия четырех видов типов.

Тут выражение на его лице стало сосредоточенным.

— Тем не менее мне ясно, что твой оптимум находится в другом месте, а не здесь, и не в ваянии камня. Я советую искать в другом месте более подходящую для тебя работу.

— Великолепно сказано! — воскликнул Главный Шад. — Я снимаю свое предложение об устройстве тебя на работу! Так как теперь уже нет повода для того, чтобы полежать на постели или проверить справедливость моих слов относительно того, что имеет здесь рабочий, ты можешь больше не тратить своего времени на пребывание здесь и идти своей дорогой.

Кугель скорчил кислую мину.

— Такая недолгая девиация может быть ошибочной.

Главный Шад вытянул свой палец на тридцать футов в небо в яростном негодовании, но Фарезм кивнул, соглашаясь.

— Это абсолютно справедливо, и я с радостью исполню более сложную девиацию, хотя процесс этот требует от шести до восьми часов.

— Так долго? — в изумлении спросил Кугель.

— Это самое меньшее. Сначала тебя следует погрузить с головой во внутренности только что убитых сов, затем выкупать в теплой ванне, содержащей разные тайные органические вещества. Мне придется, конечно, отрезать мизинец твоей левой ноги и значительно расплющить твой нос, чтобы туда смогла проникнуть пчела-исследовательница, которая сможет изучить твои кодуиты, ведущие внутрь твоей сенсорной системы. Давай проследуем в мою девиационную, чтобы начать этот процесс, не теряя времени.

Кугель дернул себя за подбородок сначала в одну, потом в другую сторону. И быстро произнес:

— Я — осторожный человек и должен подумать, имеет ли мне смысл принимать участие в такой девиации, а следовательно, мне

потребуется несколько дней спокойной обстановки, чтобы я мог поразмышлять по этому поводу. Твой лагерь и примыкающий к нему нимфарий кажутся мне вполне подходящими для этой цели, так что...

Фарезм снисходительно покачал головой:

— Осторожность, как и всякую другую добродетель, не следует доводить до крайности.

Кугель попытался было спорить дальше, но Фарезм был непреклонен и вскоре просто поплыл обратно по тропинке.

Огорченный Кугель отошел в сторону, обдумывая сначала один план, потом другой. Но ничего путного в голову ему не приходило. Солнце приближалось к зениту, и рабочие начали переговариваться друг с другом по поводу того, чем их сегодня будут кормить. Наконец Главный Шад подал знак, все отложили инструменты в сторону и собрались вокруг тележки, на которой стояла пища.

Кугель довольно громко намекнул, что, если его пригласят, он не откажется разделить с ними трапезу, но Главный Шад ничего не хотел слушать.

— Как и во всем, что делает Фарезм, должен царить полный порядок. Нечего и думать о том ужасе, если пища, предназначенная для пятидесяти трех человек, будет съедена пятьюдесятью четырьмя.

Кугель не нашелся, что сказать в ответ, и сидел в молчании, пока рабочие-ваятели поглощали мясные пироги, сыр и соленую рыбу.

Никто не обращал на него ни малейшего внимания, кроме одного рабочего категории в четверть эля, который предложил Кугелю отведать часть своего пайка. Кугель ответил, что он вовсе даже не голоден, и, встав на ноги, принялся ходить среди камней в надежде, что кто-нибудь оставил там свой завтрак.

Но рабочие съели все до крошки. С пустым желудком Кугель добрался до места проведения работ. На каменном диске, сделанном ваятелем, он увидел какое-то необычное существо, похожее на желатиновый шар. В нем переливались и фосфоресцировали какие-то частицы, а из его тела выходили прозрачные трубки или щупальцы. Кугель наклонился, чтобы обследовать это пульсирующее существо. Он прикоснулся пальцем, и в месте контакта возникли яркие маленькие искорки.

Вынув из своей одежды булавку, Кугель осторожно ткнул ею в щупальце, из которого вырывался яркий сноп света, в то время как в самом шаре взад и вперед заплясали золотые искорки.

Весьма заинтересованный, Кугель принялся тыкать пальцем и колоть булавкой то там, то здесь, наблюдая появление искр. Это существо своим внешним видом и поведением напоминало ему какого-то морского обитателя. Может, это был какой-то моллюск без раковины? И, что было куда более важно, было ли это существо съедобным?

Кугель взял свой амулет и приложил его по очереди сначала к центральному шару, потом к каждому из щупалец. Он не услышал

никакого звяканья — существом этим нельзя было отравиться. Тогда он вытащил нож и попробовал отрезать одно из щупалец. У него ничего не получилось: оно оказалось тугим, как резина. Неподалеку стояла жаровня, служившая для нагрева инструментов перед их последующей заточкой. Он поднял существо за два щупальца, поднес его к жаровне и пристроил над огнем. Он тщательно жарил его и, когда ему показалось, что оно готово, попытался его съесть. После нескольких неудачных попыток откусить хоть кусочек он просто запихал существо целиком себе в рот и проглотил его. Вкуса он никакого не ощутил, но, по крайней мере, желудок его перестал бурчать так бешено, как раньше.

Ваятели возвращались к своей работе. Бросив на мастера многозначительный взгляд, Кугель отправился по тропинке в дальнейший путь.

Неподалеку находился дом Волшебника Фарезма: низкое длинное здание из расплавленного камня, окруженное восемью странной формы куполами из меди, слюды и ярко-голубого стекла. Фарезм сидел перед своим домом, оглядывая долину со спокойной и задумчивой величавостью. При виде Кугеля он приветливо поднял руку.

— Желаю тебе приятного путешествия и успехов во всех твоих будущих начинаниях.

— Я, естественно, очень ценю твое участие, — с некоторой горечью ответил Кугель. — Однако ты мог бы сделать для меня куда большее, просто разрешив разделить с рабочими их дневную трапезу.

Величавое спокойствие Фарезма не изменило ему и на этот раз.

— Это было бы актом ошибочного альтруизма. Слишком большая щедрость развращает просящего и притупляет его выдумку.

Кугель с горечью рассмеялся:

— Я — человек железных принципов, и я не жалуюсь, хотя, не имея ничего лучшего, я был вынужден проглотить, не разжевывая, огромное прозрачное насекомое, которое я нашел на месте работ по камню.

Фарезм повернулся к нему, и на его лице внезапно появилось сосредоточенное выражение.

— Ты говоришь — большое прозрачное насекомое?

— Насекомое, моллюск — кто знает? Оно не напоминало мне ни одного из тех существ, которое я когда-либо видел. Даже после того, как я самым тщательным образом поджарил его на жаровне, у него не появилось вкуса.

Фарезм проплыл семь футов по воздуху для того, чтобы вперить всю мощь своего взгляда в Кугеля. Он заговорил низким хриплым голосом:

— Опиши мне это существо как можно подробнее!

Удивляясь неожиданной заинтересованности Фарезма, Кугель повиновался.

— Оно было примерно такого размера. — Тут он проделал в воздухе соответствующее движение руками. — Оно было из желатина и прозрачное, с бесчисленными золотыми искорками, перемещающимися

внутри. Эти искорки все время мигали и пульсировали, когда существо было раздражено. Щупальцы росли из самых разных мест, и казалось, что они не выходили из существа наружу, а, наоборот, входили в него снаружи. Ни разрезать, ни разжевать его было невозможно, так что пришлось проглотить его целиком.

Фарезм схватился за голову, дергая себя за желтые пряди волос. Он воздел глаза к небу и трагически закричал:

— Ах! В течение пятисот лет я мечтал привлечь к себе это существо, отчаиваясь, сомневаясь, мечтая по ночам, и все-таки не оставлял надежды, что мои расчеты окажутся верными, а мой талисман — действенным. Затем, когда оно, наконец, появилось, ты накинулся на него только с одной целью — набить свое ненасытное брюхо!

Кугель, немного испуганный гневом Фарезма, начал уверять его в том, что не имел никаких дурных намерений. Фарезм не желал ничего слушать. Он указал на то, что Кугель проходил чужими владениями, а следовательно, вообще не имеет права говорить о какой бы то ни было своей невиновности.

— Одно то, что ты существуешь, уже является оскорблением, не говоря уже о том, что зачем-то ты посвятил меня в это неприятное известие. Милосердие заставило меня не убивать тебя на месте, что сейчас я считаю своей величайшей ошибкой.

— В таком случае, — с оскорбленным достоинством ответил Кугель, — я немедленно уйду, чтобы не досаждать тебе своим присутствием. Я желаю тебе всего самого хорошего, пусть день твой закончится удачей. До свидания!

— Не так быстро, — сказал Фарезм. — Закон точности был нарушен, совершенная несправедливость требует принятия контрмер, чтобы сохранить Закон Эквиравновесия. Я могу объяснить тебе весь ужас твоего поступка следующим образом: если бы в эту секунду я разорвал бы твое тело на самые мельчайшие кусочки, то я компенсировал бы только одну десятимиллионную часть того преступления, которое ты совершил. Следовательно, требуется куда более серьезная компенсация.

Кугель ответил в полной растерянности:

— Я вполне понимаю, что был совершен акт, который должен иметь последствия. Но я категорически заявляю, во-первых, об абсолютной своей невиновности, во-вторых, о полном отсутствии каких-либо преступных замыслов и, в-третьих, приношу свои самые глубокие извинения. А сейчас, так как передо мной еще очень дальняя дорога, я...

Фарезм презрительно взмахнул рукой.

— Ты не понимаешь всей глубины несчастья и горя, которое ты мне причинил. Я объясню, чтобы ты не удивлялся тому суровому наказанию, которое тебя ожидает. Как я уже пытался объяснить тебе, прибытие этого существа было плодом и кульминацией моих колоссальных трудов. Я определил его природу путем научного изучения

сорока двух тысяч томов, написанных каждый на своем тайном языке. Это отняло у меня сто лет. Следующие сто лет я провел, разрабатывая схему, чтобы привлечь его, и сделал все необходимые приготовления. Потом я собрал ваятелей, и вот уже триста лет они придают моей схеме твердые формы. Так же, как и суб-суммы, вариации и интерконгеляции создают суперапулляцию всех площадей с интервалами в кристороидных аурелях, в результате возбуждая потенциацию проубетального пхута. Сегодня произошла конкатенация: «существо», как ты его называешь, преволировало само в себя, и в своей идиотской жадности ты его сожрал.

Кугель, совершенно обалдевший, смог лишь промямлить, что «идиотская жадность», о которой говорил разгневанным голосом волшебник, была всего-навсего обычным голодом.

— Да и в конце концов, что такого необыкновенного было в этом существе? Таких же уродов можно отыскать в сетях любого рыбака.

Фаразм вытянулся во весь свой рост, глядя на Кугеля сверкающими от гнева глазами.

— «Существо», — сказал он скрипя зубами, — это СУММА. Центральный шар — это весь космос в нашей Вселенной. Трубки — это ответвления в различные эры времени, и какие ужасные последствия возникли в результате твоих тыканий и уколов, жарения и жевания — невозможно даже себе представить!

— А как насчет пищеварения? — вкрадчиво спросил Кугель. — Сохранят ли свою первоначальную сущность различные компоненты пространств, времени и существования после того, как пройдут по моему желудочному тракту?

— Чушь! Что за неумение правильно строить концепции! Достаточно сказать, что ты нанес колоссальный вред и вызвал перенапряжение пространственно-онтологической ткани. А следовательно, от тебя безоговорочно требуется, чтобы ты восстановил равновесие.

Кугель поднял вверх обе руки.

— А может случиться, что все это ошибка? Может быть, «существо» было всего лишь какой-нибудь псевдо-суммой? Или, может быть, окажется возможным еще раз вызвать это существо?

— Первые два твоих предложения не выдерживают критики. Что же касается последнего, то должен признаться, в голове моей уже зародилось несколько отчаянных планов.

Фаразм сделал знак рукой, и Кугель почувствовал, что ноги его приросли к земле.

— Я должен немедленно отправиться в девинационную и выяснить полное значение этих ужасных событий. Когда все будет готово, я вернусь.

— А к этому времени я совсем ослабею от голода, — с сожалением заявил Кугель. — Если бы с самого начала у меня был кусок хлеба с сыром, то не произошли бы все эти страшные события, о которых ты мне здесь говорил.

— Молчание! — прогремел Фарезм. — Не забывай, что тебе еще надлежит быть наказанным, и это верх наглости требовать что-то у человека, употребляющего все свои силы, чтобы хотя бы внешне оставаться спокойным!

— Разреши мне сказать только одно, — ответил Кугель. — Если ты вернешься из своей девинационной и узнаешь, что я уже умер от голода, то тебе придется потратить много времени на то, чтобы придумать мне какое бы то ни было наказание.

— Возвращение человеку жизненности — не такая уж большая задача, — ответил Фарезм. — В твое наказание вполне могут войти смерти от самых разнообразных причин.

Он пошел по направлению к одной из башен, потом повернулся и нетерпеливо махнул рукой:

— Пойдем! Мне легче накормить тебя, чем возвращаться за тобой.

Кугель почувствовал, что ноги его опять стали свободными, и последовал за Фарезмом к входу в дивинационную. В большой комнате с резными серыми станами, освещенной люстрой, Кугель накинулся на пищу, которая появилась по знаку Фарезма. В это время сам Фарезм скрылся в своем кабинете, где занялся дивинациями. Шло время, и Кугель становился все беспокойнее и уже три раза подходил к арке двери. И каждый раз его останавливали: сначала вурдалак, взявшийся нивесть откуда и так же неожиданно исчезнувший, потом сильнейшая энергетическая вспышка и, наконец, целая стая зловеще жужжащих ос с непомерно длинными жалами.

Расстроенный Кугель подошел к скамейке и уселся на нее, положив свои длинные руки на колени и подперев ими подбородок.

Через некоторое время появился Фарезм. Белый плащ его был сильно помят, красивые желтые волосы спутаны. Кугель медленно поднялся на ноги.

— Я выяснил, где сейчас находится СУММА, — сказал Фарезм голосом, который звучал как удары большого колокола. — В недоумении высвободившись из твоего желудка, она отправилась на миллион лет в прошлое.

Кугель торжественно качнул головой.

— Позволь мне выразить тебе самые глубокие соболезнования и прими мой следующий совет: никогда не отчаивайся! Возможно, это существо решит пройти этим путем еще раз.

— Прекрати свою болтовню! СУММА должна быть спасена. Пойдем!

Кугель неохотно последовал за Фарезмом в небольшую комнатку, обитую белым шелком, с голубым и оранжевым стеклянным куполом вместо потолка. Фарезм указал на черный диван, находящийся в центре комнатки.

— Встань сюда!

Кугель угрюмо повиновался.

— В определенном смысле я чувствую, что...

— Молчать!

Фарезм сделал шаг вперед.

— Посмотри на этот предмет.

Он вытянул руку с шаром из слоновой кости размером в два кулака, но с очень искусной резьбой.

— Вот здесь ты видишь мою схему, по которой ведутся все работы. Она выражает два символических значения «НИЧТО», с которой СУММА не может соединиться согласно Второму Закону Криптorроидальных Бесконечностей Кратинжа, о котором ты, может быть, слышал.

— Но не в подробностях, — сказал Кугель. — Скажи, а что ты намереваешься сделать?

Рот Фарезма исказила холодная усмешка.

— Я собираюсь попытаться составить одно из самых сложных заклинаний, когда-либо существовавших на свете: заклинание настолько жесткое, тонкое и ко-активное, что Фандзал, Старший Волшебник Гранд Мотолама, запретил его использование. Если мне удастся контролировать те силы, которые возникнут при этом заклинании, ты будешь отброшен на один миллион лет в прошлое. Там ты и останешься, пока не исполнишь своей миссии, а затем можешь вернуться.

Кугель быстро сошел с черного диска.

— Я вовсе не такой человек, который сгодился бы для такой миссии, какой бы она ни была. Я настойчиво прошу тебя использовать кого-нибудь другого!

Фарезм не обратил на него никакого внимания.

— Этой миссией, конечно, является соединение этого символа с СУММОЙ.

Он сделал движение рукой и вынул из воздуха маленький комок каких-то переплетенных волокон.

— Чтобы облегчить тебе задачу, я даю тебе этот инструмент, который соотносит любые звуки с возможным их значением, давая понимание.

Он сунул волокна Кугелю в ухо, где они немедленно устроились очень удобным для себя образом.

— Теперь, — сказал Фарезм, — тебе надо послушать любой неизвестный тебе язык не более трех минут, и ты уже сможешь свободно разговаривать на нем. А вот тебе еще один предмет, чтобы было больше шансов на успех: это кольцо. Обрати внимание на его драгоценный камень: если ты приблизишься на лигу к СУММЕ, мигающие огоньки камня будут направлять тебя по верному пути. Тебе все ясно?

Кугель нехотя кивнул головой.

— Я хочу задать только один вопрос. Допустим, в твои вычисления вкралась ошибка, и эта СУММА вернулась всего лишь на девятьсот тысяч лет в прошлое: что тогда? Должен ли я прожить всю жизнь в этой варварской эре?

Фарезм недовольно нахмурился.

— Такая ситуация говорит об ошибке в десять процентов. Моя система отсчета редко допускает отклонение более чем в один процент.

Кугель начал было высчитывать, сколько это будет, но Фарезм уже сделал рукой знак, указывающий ему на черный диск.

— Назад! И не смей больше двигаться оттуда, иначе тебе придется горько в этом раскаяться!

Взмокший от пота, с дрожащими коленями, на ватных ногах Кугель вернулся на предназначенное для него место.

Фарезм отступил в дальний конец комнаты. Он вынул из стола четыре черных диска, которыми принялся жонглировать с такой фантастической быстротой, что они просто сливались в глазах Кугеля. Потом Фарезм просто швырнул диски в сторону, и они сначала повисли в воздухе, а потом начали медленно приближаться к Кугелю.

Потом Фарезм взял белую трубку, плотно прижал ее к губам и произнес заклинание. Трубка вспухла и превратилась в огромный шар. Фарезм заткнул тот конец, который он держал у губ, и громовым голосом прокричал заклинание, швырнув шар в приближающиеся к Кугелю диски. И тогда произошел взрыв.

Кугеля дергали во всех направлениях, ему наносили удары со всех сторон. Наконец, что-то подняло его и швырнуло куда-то вверх — он потерял сознание.

Кугель очнулся от оранжево-золотого солнечного света, такого яркого, какого он никогда не видел раньше. Он лежал на спине, глядя в теплое голубое небо, куда более нежное и светлое, чем небо его далекой родины.

Он пошевелил руками и ногами и, убедившись, что все в порядке, сначала уселся, а затем медленно поднялся на ноги, моргая в непривычно ярком освещении.

Местность почти не изменилась. Только горы к северу были выше, чем прежде. Кугель не смог найти ту дорогу, по которой он пришел (или, если быть точным, ту дорогу, по которой ему предстояло прийти). Каменное плато, где осуществлялся проект Фарезма, было сейчас покрыто лесом из невысоких деревьев, на которых висели гроздья красных ягод. Долина была такой же, как и прежде, хотя реки текли несколько в другом направлении. Вдалеке были видны три города. Ветерок, дувший с долины, приносил какой-то странный запах прелой земли, воздух казался хрупким и прозрачным, и Кугелю почудилось в нем что-то тоскливое. Затем он услышал музыку — простую незатейливую мелодию, но такую печальную, что слезы наворачивались на глаза. Он огляделся, пытаясь понять, откуда исходят звуки, но они пропали. Музыка зазвучала вновь, когда он опять перестал прислушиваться.

В первый раз Кугель поглядел на скалы, которые возвышались на западе, и чувство, что когда-то он уже был там, возникло в нем с новой силой, даже сильнее, чем прежде. Кугель удивленно поскреб

себе подбородок. Время было на миллион лет раньше того, когда он видел эти горы в последний раз, а, следовательно, он должен был сейчас видеть их впервые. Но и сейчас ему казалось, что он видит их во второй раз, потому что он прекрасно помнил, как располагались эти горы в его время. С другой стороны, логику времени нарушать было нельзя, а, следовательно, то, что он видел теперь, должно было предшествовать тому, что он видел в своей эре. Парадокс, подумал Кугель, самая настоящая загадка! Что именно могло вызвать в нем такое знакомое чувство при виде этих гор в обоих случаях?

Так как все равно выгоды в этом никакой не было, Кугель уже решил было оставить эти бесполезные размышления, когда какое-то движение привлекло его внимание.

Он вновь посмотрел в направлении гор, и на этот раз в воздухе внезапно громко зазвучала та самая музыка, которую он слышал раньше, музыка грустная, печальная, выражающая безвыходное отчаяние. Кугель удивленно застыл на месте. Большое Крылатое существо в белых одеждах летело вдоль склона горы.

Крылья были большие, покрытые серой мембраной, стянутые черными хитиновыми полосами. Кугель в недоумении смотрел, как существо влетело в пещеру, находящуюся почти на самой вершине горы.

Потом ударил гонг — Кугелю удалось определить, откуда именно. Звук долго держался в воздухе, и, когда затих, опять зазвучала тихая музыка. Высоко над долиной летело еще одно Крылатое создание, неся в лапах какого-то человека, возраст и пол которого Кугелю не удалось определить. Оно зависло над горой и выронило свою ношу. Кугелю почудился слабый крик, и музыка опять стала печальной, торжественной, сонной.

Тело, казалось, медленно падало с большой высоты и наконец ударилось у самого подножия горы. Крылатое создание, после того как выронило тело, слетело на высокий выступ, где сложило крылья и встало, как человек, глядя на долину.

Кугель весь сжался и спрятался за большим камнем. Заметили ли его? Он не был уверен. Он глубоко вздохнул. Этот печальный золотой мир прошлого пришелся ему не по душе. Чем скорее ему удастся уйти отсюда, тем лучше. Он посмотрел на кольцо, которое дал ему Фарезм, но камень был тускл, как стекло, и в нем не было никаких огоньков, которые могли бы привести его к СУММЕ. Случилось то, чего опасался Кугель, — Фарезм ошибся в своих расчетах, и теперь Кугелю уже никогда не удастся вернуться в свое время.

Звук хлопающих крыльев заставил его быстро посмотреть на небо. Он сжался как можно больше, стараясь как можно дальше скрыться за камнем. Печальная музыка стонала и вздыхала, когда при свете заходящего солнца Крылатое существо, громко хлопая крыльями, опустилось на выступ скалы и скрылось в пещере.

Кугель поднялся на ноги и, пригибаясь, побежал по тропинке, которая привела его к большой группе деревьев. Тут Кугель остановился, чтобы перевести дух, после чего продолжал двигаться уже медленнее. Теперь он шел уже по возделанной земле и скоро увидел перед собой избушку. Кугель совсем было решил остановиться здесь на ночь, но ему показалось, что кто-то наблюдает за ним из-за приоткрытой двери, и он прошел мимо, не останавливаясь.

Тропинка вела в сторону от гор, вниз, и перед тем, как сумерки сменились ночью, Кугель набрел на деревню, стоящую на берегу пруда.

Он осторожно вошел в деревню. В парке, рядом с прудом, стоял павильон, вероятно, предназначенный для танцев, музыки и представлений. Парк окружали маленькие дома с украшениями на фасадах. Напротив пруда находилось большое здание, на коньке которого горел ряд маленьких сферических лампочек. Перед домом под навесом из виноградных лоз стояли скамейки и столы, освещенные красными и зелеными лампочками. Здесь сидели и отдыхали люди, втягивая в себя какой-то дым, наслаждаясь вином, в то время как более молодые юноши и девушки исполняли какой-то эксцентрический танец, дрыгая ногами и руками под музыку волынок и концертино.

Успокоенный безобидностью этой сцены, Кугель приблизился. Внешность этих людей была совершенно необычна: большие головы, длинные руки, кожа черно-оранжевого цвета, черные глаза, зубы и волосы. Причем женщины имели немыслимо сложные прически, а у мужчин волосы были заплетены прядями.

Большие чуть раскосые глаза приподняты в уголках, длинные носы и подвижные большие уши придавали людям живость. На мужчинах были пышные широкие шальвары, коричневые куртки и головные уборы, состоявшие из широкого черного диска, черного цилиндра, еще одного диска, меньшего размера, и все это скреплялось сзади золоченым полукругом. На женщинах были черные брюки, коричневые жакеты, в самом низу живота у них прикреплялся эмалированный диск, а на каждой половинке ягодицы был небольшой хвост из зеленых и красных перьев — возможно, это обозначало — замужем данная женщина или нет.

Кугель вышел на свет лампочек, и мгновенно всякие разговоры прекратились, глаза устремились на пришельца, уши задвигались в сильнейшем любопытстве. Кугель улыбнулся налево и направо, помахал руками, как бы приветствуя всех сразу, и уселся за пустой столик.

За одним из дальних столиков раздались изумленные восклицания. Затем пожилой человек поднялся и, приблизившись к столику Кугеля, что-то произнес, но Кугель ничего не понял, так как приспособление Фарезма не успело сделать перевод.

Кугель вежливо улыбнулся и широко развел руками. Пожилой человек заговорил вновь, тоном куда более резким, и опять Кугель дал понять, что он совершенно не имеет представления, о чем идет речь. Уши человека задерга-

лись, и он недовольно отвернулся. Кугель указал жестом хозяину на хлеб и вино, стоявшие на ближайшем столике.

Хозяин сказал фразу, которую Кугель, не зная языка, превосходно понял. Он вытащил золотую монету, и удовлетворенный хозяин пошел выполнять его заказ.

Беседа за ближайшими столиками возобновилась, и вскоре слова начали становиться понятными Кугелю. Поев и выпив вино, он поднялся на ноги и подошел к человеку, который заговорил с ним несколько минут назад.

— Вы разрешите мне присоединиться к вам?

— Садись, если ты этого желаешь.

Пожилой человек указал ему рукой на скамью.

— Из твоего поведения я решил, что ты не только нем и глух, но еще и психически нездоров. Теперь мне, по крайней мере, ясно, что ты слышишь и можешь разговаривать.

— Я также могу поручиться за то, что я человек нормальный, — сказал Кугель. — Не зная ваших обычаев, я решил, что лучше мне сначала молча и спокойно понаблюдать за вами, чем с самого начала совершить какую-нибудь ошибку и нарушить ваши законы.

— Это довольно оригинально, — заметил пожилой человек. — Могу я поинтересоваться, что привело тебя в Фарван?

Кугель посмотрел на свое кольцо: камень был тусклым и безжизненным — СУММА явно находилась в каком-нибудь другом месте.

— Моя родная страна, к сожалению, мало культурна, вот я и путешествую, чтобы посмотреть на обычаи и законы более цивилизованных народов.

— Вот оно что!

Пожилой человек, казалось, некоторое время обдумывал это признание, потом одобрительно кивнул головой.

— Твоя одежда и твое лицо мне незнакомы. Где находится твоя родина?

— Она расположена так далеко, — сказал Кугель, — что никогда до настоящей минуты я не знал о земле с названием Фарван.

От изумления уши пожилого человека прижались к черепу.

— Что? Великий Фарван тебе неизвестен? А о великих городах — Импергос, Таруве, Раверджаанид — ты слышал? А что же блестящий Семберо? Уж, конечно, слава Семберо достигла твоих ушей? Они изгнали звездных пиратов, они сделали из моря Землю Платформ, великолепие дворца Надары не поддаются никакому описанию!

Кугель печально покачал головой.

— Даже слухи обо всем этом замечательном великолепии до меня не доходили.

Нос пожилого человека надменно дернулся, он счел Кугеля мошенником или жуликом или просто человеком, который решил поиздеваться над ним.

— Все так, как я говорю, — коротко сказал он.

— Да нет, я не сомневаюсь в справедливости твоих слов, — ответил Кугель. — Наоборот, я честно признаюсь в своем невежестве. Но прошу тебя, расскажи мне как можно больше, потому что, может быть, я вынужден буду надолго задержаться здесь. Например, кто такие эти Крылатые создания, которые живут на горе?

Пожилой человек указал на небо.

— Если бы ты обладал зрением титвита, ты мог бы разглядеть черную луну, которая вращается вокруг Земли и которую нельзя увидеть, кроме тех случаев, когда она отбрасывает свою тень, заслоняя солнце. Крылатые создания — жители темного мира, и их природа остается неизвестной. Они служат Великому Богу Елисею следующим образом: когда мужчине или женщине приходит время умирать, Крылатые создания узнают об этом по отчаянному сигналу, который посылает им дух умирающего. Тогда они опускаются, берут этого несчастного и относят его в свои пещеры, которые на самом деле являются волшебным входом в благословенную страну Биссом.

Кугель откинулся на спинку скамьи, высоко подняв вверх свои черные брови.

— Вот оно что! Понятно, — сказал он тоном, который пожилой человек нашел недостаточно искренним.

— Не может быть никакого сомнения в том, что факты именно таковы, как я тебе сказал. Ортодоксальные понятия выходят из этого аксиоматического основания, и две системы поддерживают одна другую.

Кугель, который слышал достаточно абракадабры от Фарезма, нахмурился, делая вид, что ему все понятно, и стараясь ответить в тон, задал интересующий его вопрос:

— Несомненно, все именно так, как ты говоришь, но скажи: эти Крылатые создания всегда правильно выбирают свою жертву?

Пожилой человек раздраженно постучал по столу.

— Доктрина безошибочна, потому что те, кого забирают Крылатые создания, никогда не выживают, даже если с виду и кажется, что они пышат здоровьем. Естественно, что падение со скалы ведет к смерти. В этом и заключается жалость бога Елисея, который дает человеку возможность умереть быстро, а не от долгой мучительной болезни, как, например, от рака. Такая система очень выгодна. Крылатые создания выбирают только смертников, которых затем скидывают со скалы в благословенную землю Биссом. Нередко еретики утверждают обратное, но я надеюсь, что ты разделяешь ортодоксальный образ мышления?

— Всем сердцем, — уверил его Кугель. — Твоя вера и знания просто покорили меня.

И он с жадностью выпил свой бокал вина. Он не успел еще поставить его на место, как в воздухе раздалась тихая музыка:

бесконечно нежная и грустная. Все сидящие мгновенно замолчали, хотя Кугель и не был уверен, что он слышал эту музыку на самом деле.

Пожилой человек чуть наклонился вперед и тоже отпил несколько глотков из своего бокала. Только тогда он посмотрел наверх.

— Крылатые создания пролетают над нами даже сейчас.

Кугель задумчиво потер подбородок.

— А как можно защититься от этих Крылатых созданий?

Вопрос был явно не по делу: пожилой человек уставился на него, сверкая глазами, уши его сильно выдвинулись вперед.

— Если человек должен умереть, то Крылатое создание появится, если же нет, то ему нечего бояться.

Кугель несколько раз решительно кивнул головой.

— Ты с абсолютной ясностью разрешил все мои сомнения. Завтра, так как ты и я — оба мы находимся в расцвете своих сил, — пойдем прогуляемся вдоль холма, мимо той горы.

— Нет, — сказал пожилой человек, — атмосфера на такой высоте очень разрежена и можно вдохнуть какой-нибудь неизвестный газ, который может причинить вред здоровью.

— Я прекрасно тебя понял, — сказал Кугель. — Может быть, мы оставим эту тему? Потому что сегодня мы живы и к тому же до некоторой степени скрыты виноградными лозами, которые закрывают эту площадку. Давай лучше есть и пить и смотреть, как веселится и танцует молодежь.

Пожилой человек осушил свой бокал и поднялся на ноги.

— Ты можешь поступать как тебе будет угодно. Что же касается меня, то наступил час, когда я должен предаться Ритуальному Унижению, так как это действие — составная часть нашей веры.

— Я обязательно буду исполнять нечто подобное время от времени, — сказал Кугель. — А сейчас от души пожелаю тебе насладиться этим ритуалом.

Пожилой человек ушел, но спустя некоторое время к нему за столик подсели молодые люди, и Кугель вновь объяснил свое появление здесь, хотя уже не так упирал на варварскую сущность его родной страны, потому что в группе было несколько девушек. Было выпито много вина, и Кугеля уговорили протанцевать местный дергающийся и дрыгающийся танец, что он и исполнил, не ударив лицом в грязь.

Девушка по имени Займл Браз по окончании танца обняла его за талию, проводила до столика и уселась ему на колени. Такая фамильярность не вызвала ни малейшего неудовольствия среди остальных молодых людей, и Кугель осмелел еще больше.

— Я еще не заказывал себе комнату на ночь. Возможно, мне следует сделать этой сейчас, пока еще не слишком поздно.

Девушка сделала знак хозяину гостиницы.

— Возможно, ты оставил номер этому человеку с таким странным лицом?

— Конечно, я только жду, когда он посмотрит его и одобрит мой выбор.

Он провел Кугеля в прекрасную комнату здесь же, на первом этаже, в которой была кровать, ковер на полу, настольная лампа и комод, на одной из стен висел гобелен, вытканный черными и пурпурными нитями, другой изображал особо уродливого ребенка, который, казалось, попал в ловушку или просто был заключен в стеклянный шар. Комната понравилась Кугелю, и он вернулся на террасу. Весельчаки уже начали потихоньку расходиться.

Девушка Займл Браз еще оставалась за столиком и приветствовала возвращение Кугеля с такой теплотой, от которой пропали всякие остатки его осторожности. Осушив еще один бокал вина, он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Может быть, я слишком скор на руку, может быть, я только тешу свое тщеславие, может быть, я нарушаю какие-нибудь обычаи вашей деревни, но скажи мне: есть какая-нибудь причина, по которой мы не сможем пойти с тобой вдвоем ко мне в комнату и там немного поразвлечься?

— Такой причины нет, — сказала девушка. — Я не замужем, а до этого времени могу вести себя так, как пожелаю, потому что таков наш обычай.

— Интересно, — сказал Кугель. — Как ты предпочитаешь: пойти сначала или прийти уже потом, после меня?

— Мы пойдем вместе, в такой скрытности вовсе нет нужды.

Они вместе прошли в комнату и исполнили там несколько эротических упражнений, после чего Кугель свалился как подкошенный и уснул, потому что день для него выдался тяжелым.

Ночью он проснулся и увидел, что Займл Браз покинула его комнату — факт, которому он сквозь сон не придал особого значения, потому что тут же заснул еще крепче.

Его разбудил звук резко распахнутой двери. Он сел на своей кровати и увидел, что солнце еще не взошло и целая депутация во главе со вчерашним пожилым человеком смотрит на него с ужасом и отвращением.

Пожилой человек указал дрожащим пальцем сквозь полумрак.

— Ересь, вне всякого сомнения! — заявили в один голос остальные люди, находившиеся в депутации.

— Что еще можно было ожидать от чужестранца? — презрительно спросил пожилой человек.

— Смотрите! Даже сейчас он отказывается сделать священный знак!

— Я не знаю никакого священного знака! — вскричал Кугель. — Я не знаю никаких ваших ритуалов! Это не ересь, это просто невежество!

— Я не могу в это поверить, — ответил пожилой человек. — Только прошлой ночью я описал тебе природу ортодоксальности. Я сразу понял еще тогда, что ты еретик, а сейчас этот факт уже никто не сможет оспаривать. Посмотрите!

Тут он опять обратился к депутатам:

— Он спит, не покрывая головы, и без священной слюны на подбородке. Девушка Займл Браз доложила, что ни разу за все время их любовных утех этот грубиян не упомянул имени Елисея, не воззвал к нему за одобрением!

— Печальное положение, — произнес чей-то меланхолический голос. — Ересь существует не только из-за гноения Полушария Корректирования.

— Это неизлечимое и смертельное заболевание, — заметил еще один из пришедших не менее меланхолично.

— Верно! Увы, как это верно! — вздохнул тот, кто стоял у самой двери. — Несчастный человек!

— Пойдем! — сказал ему пожилой человек. — Мы должны немедленно покончить с этим делом.

— Не беспокой себя понапрасну, — сказал Кугель. — Позволь мне одеться, и я уйду из вашей деревни и никогда больше не вернусь в нее.

— Чтобы распространять свою отвратительную доктрину в другом месте? Ни в коем случае!

И тут же Кугеля схватили и голым поволокли по комнате. Его провели через весь парк к павильону в самом центре. Несколько людей воздвигали нечто вроде клетки из деревянных столбов на платформе в павильоне, и в эту клетку швырнули Кугеля.

— Что вы делаете! — закричал он. — Я не желаю участвовать в ваших делах!

На него никто не обратил ни малейшего внимания, и он стоял, глядя сквозь щели этой клетки на то, как некоторые деревенские жители запустили в воздух большой шар из зеленой бумаги, надутый воздухом, под шаром горели три лампочки.

Стала разгораться заря. Деревенские жители после того, как все было устроено по их желанию, отошли на край парка. Кугель попытался было выбраться из клетки, но столбы были настолько гладкими, что взобраться по ним наверх не представлялось возможным, так же как и протиснуться между ними.

Небо посветлело. Высоко наверху горели три зеленых лампочки. Кугель, весь в гусиных пупырышках, продрогший от утренней прохлады, ходил взад и вперед, насколько ему позволяла ширина клетки.

Он остановился как вкопанный, когда издалека до него донеслась печальная музыка. Она становилась все громче и громче и, казалось, сейчас звучала уже не в ушах, а в воздухе. Высоко в небе появилось Крылатое создание — его белые одежды развевались и хлопали по

ветру. Оно устремилось вниз, и колени у Кугеля подкосились, а сердце застучало.

Крылатое создание низко нависло над клеткой, опустилось, накинуло на Кугеля свои белые одежды и попыталось поднять его в воздух. Но Кугель изо всех сил уцепился за столб, и оно махало крыльями впустую. Дерево скрипело, стонало, трещало. Кугель высвободился от удушающей его белой материи и дернул за столб с такой силой, которую придает только отчаяние. Раздался треск, и дерево сломалось. Схватив обломок обеими руками, Кугель снизу вверх нанес им удар Крылатому созданию. Острая палка проткнула белую материю. Кугель, изловчившись, вцепился в одну из хитиновых полосок на крыле и стал ее ломать. Раздался треск, и крыло безжизненно повисло. Крылатое создание в страхе совершило огромный прыжок, после которого и оно само, и Кугель вылетели из павильона. Существо, ковыляя, побежало по деревне, волоча за собой сломанное крыло.

Кугель бежал сзади, тыкая в него дубинкой, которую успел подобрать по дороге. Он мельком увидел деревенских жителей, в полном ужасе наблюдавших за этой картиной. Их мокрые рты были широко открыты, и они, должно быть, громко кричали, однако Кугель этого не слышал. Крылатое создание запрыгало быстрее по тропинке, ведущей к горе, а Кугель бежал сзади, нанося удары изо всех сил. Золотое солнце поднялось над далекими горами. Крылатое создание неожиданно повернулось к Кугелю лицом, и Кугель почувствовал его горящий взгляд, хотя само лицо, если такое, конечно, имелось, было полностью скрыто капюшоном. Тяжело дыша, Кугель отошел на шаг назад. Он только сейчас сообразил, что другие Крылатые создания могут напасть на него сверху. Поэтому он повернулся и поспешил в деревню.

Но она была пуста. Кугель вошел в гостиницу и пристегнул к поясу свою шпагу. Потом он прошел за стойку бара и, заглянув в ящик прилавка, нашел там пригоршню монет, которые тут же положил в свой объемистый кошелек, где уже лежала костяная копия «НИЧТО». Потом он вышел из гостиницы, считая за лучшее уйти, пока никто его не заметил.

Какое-то мигание привлекло его, и он увидел, что это кольцо на его пальце неожиданно заискрилось потоком искр, и все они указывали на тропинку, ведущую к горам.

Кугель устало покачал головой, потом опять посмотрел на пляшущие огоньки — они направляли его обратно той дорогой, которой он пришел. Вычисления Фарезма оказались точными. Кугель решил действовать, а то как бы СУММА не переместилась еще куда-нибудь.

Он задержался только для того, чтобы подыскать себе топор, и торопливо отправился по тропинке, следуя по сверкающим огонькам кольца.

Неподалеку от того места, где он оставил Крылатое создание, он опять наткнулся на него, теперь уже сидящего на камне у дороги.

Кугель подобрал камень и что было силы кинул в него. Существо внезапно превратилось в пыль, оставив после себя только кучку белой одежды.

Кугель шел по дороге, стараясь держаться как можно ближе к тем естественным укрытиям, которые встречались ему по пути. Но это не помогло. Над его головой появились Крылатые создания. Кугель отмахивался топором, стараясь попасть по крыльям, и тогда они взлетали высоко вверх.

Кугель, посматривая на кольцо, продолжал подниматься все выше и выше, а Крылатые создания по-прежнему парили над ним. Кольцо буквально взорвалось множеством огней: вот она, СУММА, спокойно лежащая на камне!

Кугель едва сдерживал радостный крик, рвавшийся из глубины души. Он вытащил символ «НИЧТО» из слоновой кости, подбежал и приложил его к желатиновому шару.

Как предсказывал Фарезм, соединение было мгновенным. Кугель почувствовал, как заклинание, приковывающее его к этому времени, постепенно начинает терять силу.

Поднялся ветер, и послышался шум огромных крыльев. Кугель был сбит на землю. Белая одежда упала на него, и, держа одной рукой «НИЧТО», он не смог свободно взмахнуть топором, который сразу же был выбит у него из руки. Он отпустил «НИЧТО», схватил камень, ударил им, прыгнул к топору. Крылатое создание схватило «НИЧТО», к которому была прикреплена СУММА, и понеслось прочь к пещере, находившейся высоко в горах.

Какие-то огромные силы действовали на Кугеля, бросая его из стороны в сторону. В ушах его слышался рев, перед глазами запрыгали фиолетовые огни, и Кугель упал — через миллион лет в будущее.

Кугель пришел в себя в обитой голубым шелком комнате, на губах почувствовал вкус ароматного ликера. Фарезм, склонившись над ним, потрепал его по щеке и влил еще немного вина ему в рот.

— Проснись! Где СУММА? Как тебе удалось вернуться?

Кугель оттолкнул его в сторону и уселся на диване.

— СУММА! — взревел Фарезм. — Где она? Где мой талисман?

— Сейчас все объясню, — сказал Кугель, еле ворочая языком. — Она была уже у меня в руках, но ее вырвало Крылатое создание, которое является слугой Великого Бога Елисея.

— Расскажи же, расскажи!

Пока Кугель говорил, лицо Фарезма становилось все печальнее и печальнее, плечи обвисли. Наконец, он вывел Кугеля наружу в тусклый красный свет заканчивающегося дня. Вместе они внимательно осмотрели горы, которые сейчас безжизненно и пустынно возвышались над ними.

— В какую пещеру полетело это существо? — спросил Фарезм. — Укажи, если можешь!

Кугель указал рукой.

— По-моему, вон в ту, но, может быть, мне это только показалось. Все произошло так неожиданно, и к тому же эти махающие крылья и белые одежды...

— Оставайся здесь!

Фарезм вошел в свой кабинет, но скоро вернулся.

— Я дам тебе свет, — сказал он, протягивая Кугелю холодное пламя на тонкой серебряной палочке. — А теперь приготовься.

У ног Кугеля он бросил шарик, который взорвался, превратившись в вихрь, и ошеломленный Кугель был перенесен к той обвалившейся каменной площадке, на которую он указал Фарезму. Рядом виднелось темное отверстие входа в пещеру. Кугель осветил его. Он увидел пыльный каменный коридор примерно три шага в ширину и высотой более, чем доставала его рука. Коридор этот вел глубоко в гору, чуть отклоняясь в сторону.

Держа пламя прямо перед собой, Кугель двинулся вперед, а сердце его колотилось как бешеное в страхе перед тем, чего он и сам не мог определить. Он остановился как вкопанный. Музыка? Воспоминание о музыке? Он прислушался и ничего не услышал, но когда опять попытался продолжить свой путь, ноги предательски подкосились от страха.

Он высоко поднял пламя над головой. Куда вел этот темный коридор? Что находилось в конце пути: пыльная пещера? Страна демонов? Благословенная земля Биссом?

Кугель вновь медленно стал продвигаться вперед, каждую секунду ожидая, что что-то произойдет. Вскоре он наткнулся на иссохший коричневый шар: талисман, который он унес с собой в прошлое. СУММА давным-давно отделилась от него и исчезла неизвестно куда.

Кугель осторожно поднял этот предмет, который стал хрупок за миллион лет, и вернулся на каменную площадку. Вихрь по знаку Фарезма вновь перенес Кугеля на землю.

Боясь гнева волшебника, Кугель молча протянул ему иссохший талисман.

Фарезм взял его большим и указательным пальцами руки.

— И это все?

— Больше там ничего не было.

Фарезм выпустил талисман из рук. Он, упав и ударившись о землю, мгновенно рассыпался в пыль. Фарезм посмотрел на Кугеля, затем повернулся и с жестом непередаваемого отчаяния отправился обратно в девиационную.

Кугель облегченно вздохнул и пошел по дороге.

Вскоре он прошел мимо места, где раньше находилась деревня, а теперь здесь росли старые деревья с корявыми стволами.

Кугель направился на юг. Позади него возвышались горы, которые очень скоро скрылись из виду.

V
ПИЛИГРИМЫ

1. В гостинице

Большую часть дня Кугель пропутешествовал по пустынной местности, где не росло ничего, кроме сорной травы. Всего лишь за несколько минут до захода солнца он дошел до широкой реки, вдоль которой шла дорога. Справа от него, в полумиле, стояло высокое каменное здание, очевидно, — гостиница. Десятью минутами позже он уже толкнул обитую железом тяжелую дверь и вошел в вестибюль.

В высокие окна с разноцветными стеклами заходящее солнце посылало тысячи отражений. Из общей комнаты доносился веселый шум голосов, стук тарелок и стаканов, запах старого дерева, скрип кожи, бульканье жидкости. Кугель вошел в комнату и увидел похожих на путешественников мужчин, собравшихся у огня, которые пили вино и беседовали.

За стойкой стоял хозяин — коренастый человек, ростом всего по плечо Кугелю, с большой лысой головой и черной бородой, висящей на фут от подбородка. У него были выпуклые глаза с тяжелыми веками. Выражение его лица было безмятежным и спокойным. На просьбу Кугеля предоставить ему на ночь комнату он с сомнением почесал себе нос.

— Моя гостиница и так уже переполнена паломниками в Эрзе Дамат. Те, кого ты уже видишь на скамьях, не составляют и половины людей, которых мне надо устроить на ночь. Я могу расстелить тебе матрац в зале, если тебя это устроит, но большего я сделать не могу.

Кугель разочарованно вздохнул.

— Это меня совсем даже не устроит. Мне очень нужна отдельная комната с хорошим диваном, окном на реку и тяжелым ковром на полу, чтобы заглушить песни и выкрики из общей комнаты.

— Боюсь, что тебе придется разочароваться, — без всякого выражения в голосе сказал хозяин. — В нашей гостинице всего одна комната, удовлетворяющая твоим требованиям, но она уже занята человеком с желтой бородой. Видишь, вот он сидит, его имя — Лодермульч, он тоже путешествует в Эрзе Дамат.

— Возможно, тебе удастся уговорить его уступить эту комнату и занять матрац на полу вместо меня, — предложил Кугель.

— Сомневаюсь, что он способен на такое самопожертвование, — ответил хозяин гостиницы. — Но почему ты не спросишь его сам? Честно говоря, мне вовсе не хочется ввязываться в это дело.

Сильные черты лица Лодермульча, его мускулистые руки и несколько презрительная манера, с которой он слушал пилигримов, заставили Кугеля отказаться от своего замысла.

— Похоже, что мне придется заночевать на матраце. А теперь насчет ужина: мне нужна дичь, соответствующим образом начиненная, поджаренная, с гарниром и какие-нибудь холодные закуски, которыми располагает твоя кухня.

— Моя кухня перегружена, и тебе придется есть чечевицу вместе с пилигримами, — сказал хозяин. — Единственная находящаяся в гостинице дичь опять-таки была заказана Лодермульчем на вечерний ужин.

Кугель раздраженно пожал плечами.

— Хорошо, я смою дорожную пыль с лица, а затем выпью кубок вина.

— В задних комнатах гостиницы есть вода, обычно используемая для этой цели. Притирания, масла и горячее полотенце я обычно подаю за дополнительную плату.

— Вода меня вполне устроит.

Кугель прошел в задние комнаты, где обнаружил ванну. Помывшись, он огляделся вокруг и увидел на небольшом расстоянии от гостиницы амбар, сколоченный из бревен. Он подошел к нему, открыл дверь и заглянул внутрь, затем, глубоко задумавшись, вернулся в общую комнату гостиницы.

Хозяин подал ему кувшин отвратительного вина, которое Кугель взял с собой на скамейку.

У Лодермульча спросил его мнение о так называемых Возвеличенных Евангелистах, которые отказывались ставить свои ноги на землю и передвигались всюду с помощью канатов и проволоки. Резким голосом он стал объяснять все недостатки этой доктрины.

— Они считают, что возраст земли двадцать девять веков вместо принятых двадцати трех. Они принимают за постулат, что на каждый квадратный эль почвы приходится на четверть миллиона умерших и их пыль образовала верхнюю корку земли, ходить по которой кощунственно. С поверхностной точки зрения это имеет какой-то смысл, но посудите сами: пыль от одного трупа, разбросанная по поверхности в четверть эля, составляет слой в одну тридцать третью дюйма. Следовательно, прах всех умерших дает слой грунта толщиной примерно в одну милю по всей поверхности земли, а это уже заблуждение.

Член этой секции, который был обут в церемониальные сапоги, возбужденно воскликнул:

— Ты говоришь, ничего не понимая, и у тебя нет логики! Как можешь ты заявлять такие вещи столь категорично?

Лодермульч поднял свои мохнатые брови в явном неудовольствии.

— Неужели я действительно должен объяснять такие понятные вещи? Разве скала, стоящая на океанском берегу одной милей высотой, располагается между сушей и морем? Нет. Всюду существует неравенство. Суша переходит в воду, очень часто можно видеть пляжи с чистейшим белым песком. И нигде не заметен тот серо-белый нарост, который составляет основу доктрины вашего учения.

— Беспочвенная болтовня! — прокричал Возвеличенный.

— Что такое? — угрожающе произнес Лодермульч, расправляя свою массивную грудь. — Я не привык к таким насмешкам!

— Это не насмешка, а холодное и точное определение твоего догматизма! Мы утверждаем, что часть пыли была смыта в океан, часть висит во взвешенном состоянии в воздухе, часть проникла в пропасти и подземные пещеры, а другую часть впитали в себя деревья, трава и определенные насекомые, так что чуть меньше, чем полмили древней пыли покрывает землю, ходить по которой — святотатство. Почему же горы, о которых ты говоришь, видимы не всюду? Из-за влаги, которую выдыхали и вдыхали бесчисленные поколения людей! И то же самое повысило уровень воды в океане, так что многие скалы и пропасти покрыты водой. Вот здесь и лежит ошибка в твоих рассуждениях!

— Ха! — пробормотал Лодермульч отворачиваясь. — Все равно в твоих концепциях где-то скрывается ошибка.

— Ничего подобного! — ответил Евангелист с тем жаром, который выдавал в нем представителя этой секты. — И поэтому из уважения к мертвым мы ходим лишь по веревкам и канатам, и только когда мы должны отправиться в путешествие, мы одеваем нашу священную обувь.

В течение этой беседы Кугель вышел из комнаты. После окончания речи Евангелиста юноша с круглым, как луна, лицом, одетый в ливрею официанта гостиницы, приблизился к спорящим.

— Это вы — достойный Лодермульч? — обратился он к этому человеку.

Лодермульч повернулся на своем стуле.

— Да.

— Я должен передать вам послание от человека, который принес какие-то деньги, которые вам следует получить. Он ожидает вас в небольшом амбаре позади гостиницы.

Лодермульч недоуменно нахмурился.

— Ты уверен, что эта особа говорила именно о Лодермульче?

— Конечно, сэр, ваше имя было особо упомянуто.

— А кто передал это послание?

— Это был человек высокого роста, в большом капюшоне, закрывающем почти все лицо, который назвал себя одним из ваших последователей.

— Вот как, — задумчиво произнес Лодермульч. — Может быть, Тайзог? Или скорее всего Креднин... Но почему он не пошел прямо ко мне? Несомненно, тому была важная причина.

Он начал подниматься со стула, распрямляя свою тяжелую фигуру.

— Надо пойти посмотреть.

Он вышел из комнаты, обошел гостиницу и уставился на амбар, еле освещенный тусклым светом.

— Эй, кто там? — громко крикнул он. — Тайзог? Креднин? Выходите!

Ответа не последовало. Лодермульч подошел к амбару и заглянул внутрь. Как только он перешагнул порог, Кугель подошел сзади, захлопнул дверь и запер ее на все наружные засовы и запоры.

Не обращая внимания на приглушенный стук и сердитые крики, Кугель вернулся в гостиницу и пошел на поиски хозяина.

— Произошло небольшое изменение в расписании. Лодермульча срочно отозвали. Теперь ему не потребуется ни его комната, ни жареная дичь, и по своей душевной доброте он просто передал, чтобы все это получил я.

Хозяин гостиницы дернул себя за бороду, подошел к дверям и посмотрел на дорогу. Потом он медленно вернулся в комнату.

— Поразительно! Он заплатил и за комнату, и за ужин и ничего не сказал мне о том, чтобы я вернул ему деньги.

— Мы с ним решили этот вопрос друг с другом к нашей обоюдной выгоде. А чтобы компенсировать тебе лишний труд, я заплачу дополнительные три терции.

Хозяин пожал плечами и принял деньги.

— Мне это безразлично. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Кугель осмотрел комнату и остался вполне доволен. Через некоторое время подали ужин. Жареная дичь была великолепна, так же как и те дополнительные закуски, которые заказал Лодермульч и которые хозяин прислал к ужину.

Прежде чем улечься на ночь, Кугель вышел из гостиницы и подошел к амбару, удостоверившись, что запоры были на месте, а хриплые крики Лодермульча вряд ли кто-нибудь мог услышать. Он сильно и резко постучал в дверь.

— Тихо, Лодермульч! — сказал он хриплым голосом. — Это я, хозяин гостиницы! Не вой так громко, ты мешаешь спать моим постояльцам.

Не дожидаясь ответа, Кугель вернулся в общую комнату, где завел разговор с предводителями пилигримов. Им был человек по имени Гарстанг, худой и изможденный, с восковой кожей, впалыми глазами и длинным носом, таким тонким, что он, казалось, просвечивал на свету. Обратившись к нему, как к человеку опытному и образованному, Кугель стал расспрашивать о маршруте до Элмери, но Гарстанг почему-то считал, что эта страна — просто сказка и выдумка.

Кугель уверил его в обратном:

— Алмери — это существующая страна, и я утверждаю это.

— Значит, твое знание является более глубоким, чем мое, — ответил Гарстанг. — Это река называется Аск, земля по ту ее сторону — Судун, по другую — Лельяс. К югу находится Эрза Дамат, и ты поступишь мудро, если туда отправишься, а к западу Серебряная Пустыня и Сонганское море. В тех местах ты сможешь расспросить о своем Алмери.

— Я сделаю так, как ты предлагаешь, — сказал Кугель.

— Мы, преданные Гильфидиты, направляемся в Эрза Дамат, чтобы совершить Блестящий Обряд у Черного Обелиска, — сказал Гарстанг. — Так как дорога наша проходит через пустынные земли, мы все объединились вместе, чтобы сражаться против бормотунов и головотяпов, если они нападут на нас по дороге. Если ты готов делить с нами тяготы пути и выполнять наши правила, то можешь рассчитывать и на привилегии.

— Привилегии-то мне понятны, — сказал Кугель. — А вот какие правила ты имеешь в виду?

— Просто повиноваться командам старшего, которым, к слову, являюсь я сам, и внести свою долю расходов.

— Я согласен, — не раздумывая сказал Кугель.

— Великолепно! Мы выступаем завтра на заре.

Гарстанг указал ему еще на некоторых паломников, общее число которых достигало пятидесяти семи человек.

— Вот — Вита, локутор нашей маленькой группы, а вот — Касмир, теоретик. Человек с железными зубами — это Арло, а вон тот, в голубой шляпе и с серебряным поясом, Войкод, волшебник, причем отнюдь не из слабых. В этой комнате не хватает человека достойного, хотя и агностика, — Лодермульча, так же как и преданного верующего Субкула. Возможно, они ушли куда-нибудь, чтобы поговорить о вере. Те двое, что играют в кости, — Парео и Сакав. Вот Хант, а это Грей.

Гарстанг назвал по имени несколько других членов группы, перечисляя их обязанности и положение.

Наконец Кугель, сославшись на усталость, отправился к себе в комнату. Он с наслаждением растянулся на диване и в ту же секунду заснул.

После полуночи он был разбужен. Лодермульч, подкопав землю пола, вылез из-под стены амбара и тут же отправился в гостиницу. Первым делом он попытался попасть в комнату, которую Кугель предусмотрительно запер.

— Кто там? — крикнул Кугель.

— Открой! Это я, Лодермульч! Эта комната моя, я желаю в ней спать!

— Еще чего! — заявил Кугель. — Я заплатил колоссальную сумму денег, чтобы получить эту постель, и даже вынужден был подождать, пока хозяин не выкинет из нее предыдущего жильца. Уходи-ка поскорее, я сильно подозреваю, что ты пьян. Если тебе хочется выпить еще, разбуди-ка лучше официанта!

Лодермульч заковылял прочь. Кугель снова улегся.

Через несколько минут он услышал шум драки и крик хозяина гостиницы, которого Лодермульч схватил за бороду. Очевидно, Лодермульча выкинули из гостиницы объединенными усилиями хозяина, его жены, официанта, посудомойщика и другой прислуги, после чего признательный Кугель снова погрузился в сон.

До рассвета пилигримы вместе с Кугелем встали и сели завтракать. У хозяина гостиницы было мрачное настроение, и на лице виднелись синяки, но он не задал Кугелю никаких вопросов, а Кугель, в свою очередь, тоже молчал.

После завтрака пилигримы собрались на дороге, где к ним присоединился Лодермульч, который провел ночь, ходя взад и вперед по дороге. Гарстанг пересчитал людей, потом засвистел в свой свисток. Пилигримы направились в сторону Эрзе Дамат.

2. Плот на реке

Три дня пилигримы шли по берегу Аска, засыпая по ночам за баррикадой, создаваемой волшебником Войкодом из круга палочек слоновой кости, эта была и необходимая предосторожность, потому что за этими палочками, еле видимыми в слабом свете костра, так и кишели создания, мечтающие присоединиться к их компании, — деоданты мягко умоляли их об этом, бормотуны то вставали на задние ноги, то опускались на все четыре, чувствуя себя неуютно и так, и эдак. Один головотяп попытался перепрыгнуть через баррикаду, в другой раз три гуна вплотную подошли к палочкам, рыча, пытаясь ударить грудью в невидимую преграду, созданную заклинаниями.

Кугель подошел близко к забору из палочек и сунул в просвет горящую ветку, после чего снаружи донесся крик ярости и боли. Баррикада выдержала все нападения, и в конце концов чудовища рассорились друг с другом и ушли ни с чем.

К вечеру третьего дня пилигримы подошли к тому месту, где Аск сливался с большой рекой, которую Гарстанг назвал Скамандер. Неподалеку рос лес из высоких бальзамовых деревьев, сосен и дубов. С помощью местных дровосеков деревья были спилены, ветви обрублены и стволы перенесены к берегу, где был сколочен прочный плот. Когда все пилигримы забрались на него, плот шестом столкнули на середину реки, где его подхватило быстрое течение, спокойно и легко неся его вниз.

В течение пяти дней плот двигался по широкому Скамандеру, иногда подплывая совсем близко к тростникам, которые росли у берега. Так как им нечего было делать, пилигримы пускались в длинные рассуждения и устраивали диспуты. Очень часто разговоры заходили о метафизических арканах и о тонкости Гильфидитского принципа.

Субкул, самый преданный верующий из всех пилигримов, объяснял в деталях свое кредо. В основном он проповедывал ортодоксальную Гильфидитскую философию, по которой Зо Зам, восьмиголовое божество, после сотворения космоса отрубило себе большой палец ноги, который затем стал Гильфидом, в то время как капли крови стали впоследствии восемью расами, населяющими землю. Горемонд, скептик, нападал на эту доктрину.

— А кто сотворил этого твоего гипотетического «творца»? Другой «творец»? Куда проще в качестве предположения принять за исходный пункт следующее: гаснущее солнце и умирающая земля!

На что Субкул начинал взволнованным голосом цитировать бесконечные Гильфидитские тексты.

Один из пилигримов по имени Блунер упрямо проповедывал свою собственную философию. Он считал, что солнце — это клетка тела всемогущего бога, который создал космос в процессе, аналогичном росту моха на скале.

Субкул считал этот тезис слишком сложным.

— Если солнце это клетка, то что же такое тогда земля?

— Клеточный паразит, питающийся от нее, — отвечал Блунер. — Такие примеры известны повсюду, и этому не следует удивляться.

— А почему же тогда солнце гаснет? — спросил Битц печальным голосом.

Блунер начал детально объяснять свое построение, но вскоре был прерван Праликусом, высоким худым человеком с пронзительным взглядом зеленым глаз:

— Послушайте меня, я все знаю, моя доктрина самая простая. Возможно огромное количество обстоятельств, но еще более количество возможностей. Наш космос — это возможное обстоятельство: он существует. Почему? Время бесконечно, а это означает, что каждое возможное обстоятельство должно произойти. Каждая вселенная, которая является возможной, рано или поздно будет существовать, и не один раз, а много.

— Я проповедую аналогичную доктрину, хотя и с точки зрения преданного Гильфидита, — заявил Касмир теоретик. — Моя философия предполагает смену творцов, каждый из которых абсолютен. Если перефразировать ученого Праликуса, то, если божество возможно, оно должно существовать! Только невозможное божество существовать не может. Восьмиголовый Зо Зам, который отрубил себе Священный Большой Палец, возможен, а следовательно, и существует, что и написано в Гильфидитских писаниях!

Субкул заморгал глазами, открыл рот, как бы намереваясь заговорить, потом опять закрыл его. Скептик Горемонд отвернулся и стал смотреть на воду. Гарстанг, сидевший в сторонке, задумчиво улыбнулся.

— А ты, Кугель-Разумник, почему ты сейчас молчишь? Во что ты веришь?

— Я несколько растерян, — признался Кугель. — В свое время я наслушался самых разных точек зрения, каждая из которых звучала достаточно авторитетно: от священников в Храме теологов, от заколдованной птицы, которая доставала предсказания из ящика, от голодающего зизхорета, который выпил бутылку розового эликсира, в шутку предложенную ему мною. Все эти точки зрения противоречили друг другу, но тем не менее были очень поучительны. Таким образом, мое понимание мира многозначно.

— Интересно, — сказал Гарстанг. — Лодермульч, а ты?

— Ха! — протянул Лодермульч. — Видишь эту прореху в моей одежде? Я не могу объяснить, как она там появилась! Тем более я удивлен существованием Вселенной!

Заговорили и остальные. Войкод, волшебник, определил известный космос как тень пространства, которым управляют духи, зависящие от пси-энергии человека. Благочестивый Субкул объявил, что эта картина не годится, так как она противоречит Гильфидитским писаниям.

Споры продолжались до бесконечности.

Кугелю и еще нескольким пилигримам, включая Лодермульча, это наскучило, и они отошли в сторону, решив сыграть в азартную игру Мацсон костями, картами и фишками. Ставки начали расти. Сначала все время выигрывал Лодермульч, зато потом он стал проигрывать еще более крупные суммы, в то время как Кугель выигрывал ставку за ставкой. В конце концов Лодермульч бросил кости на стол и, схватив Кугеля за руку, тряхнул ее. Из рукава Кугеля выпало несколько дополнительных кубиков.

— Ну? — проревел Лодермульч. — Что это такое? Я решил играть честно, и вот что вышло! Немедленно верни мне мои деньги!

— Как ты можешь так говорить? — требовательно ответил Кугель. — Где это ты увидел нечестную игру? Да, у меня есть свои кости, ну и что с этого? Что, мне надо прежде чем начать игру с тобой, выкинуть мою собственность в реку? Ты подрываешь мою репутацию!

— Это мне безразлично, — ответил Лодермульч. — Я просто желаю, чтобы ты вернул мои деньги!

— Невозможно, — сказал Кугель. — Ты очень много кричал, но все это бездоказательно.

— Нужны ли еще какие-нибудь доказательства? — взревел Лодермульч. — Посмотри на свои кости, абсолютно новые, с одинаковыми номерами на трех сторонах и почти не падающие на другие стороны, настолько они тяжелы по краям!

— Это сувенирные кости, — объяснил Кугель.

Он указал рукой на Войкода, волшебника, который наблюдал за ними.

— Вот человек с острым глазом и живым умом. Спроси у него сам, было ли очевидным хоть какое-нибудь жульничество?

— Ничего не было очевидным, — утвердительно сказал Войкод. — По моему мнению, Лодермульч поторопился со своими обвинениями.

Гарстанг подошел к ним и услышал этот последний ответ. Он заговорил голосом одновременно и успокаивающим, и властным:

— Доверие необходимо среди таких людей, как мы, товарищи и благочестивые Гильфидиты. Не должно быть и мысли о каком-нибудь злонамеренном поступке или обмане! Конечно же, Лодермульч, ты ошибся в нашем друге Кугеле!

Лодермульч хрипло рассмеялся.

— Если такое поведение характерно для благочестивых, то мне крупно повезло, что я не попал в компанию обычных людей!

После чего он отошел на другую сторону плота, откуда бросал на Кугеля злобные и угрожающие взгляды.

Гарстанг озабоченно покачал головой.

— Боюсь, Лодермульч сильно обижен. Возможно, Кугель, в своем благородстве и душевном порыве ты захочешь вернуть его золото...

Кугель отказался.

— Это дело принципа. Лодермульч покусился на самое ценное из всего, чем я владею, — то есть на мою честь.

— Твои чувства мне понятны, — сказал Гарстанг, — Лодермульч повел себя бестактно. И все-таки ради дружбы можно было бы вернуть ему деньги. Ты не согласен. Ну что ж, я не могу с тобой спорить.

Качая головой, он отошел в сторону.

Кугель собрал свой выигрыш вместе с костями, которые Лодермульч вытряс из его рукава.

— Неприятный инцидент, — сказал он Войкоду. — Скучный человек этот Лодермульч! Он оскорбил всех — из-за него все прекратили игру!

— Это, возможно, потому, что все их деньги теперь находятся в твоем распоряжении, — предположил Войкод.

Кугель посмотрел на выигранные им золотые монеты с удивленным видом.

— Я никогда не думал, что выиграл так много! Какие они тяжелые! Возможно, ты не откажешься принять эту сумму, чтобы избавить меня от хлопот таскать такие тяжести?

Войкод наклонил голову, и часть выигрыша перешла в его руки.

Вскоре после этого солнце тревожно вспыхнуло и потемнело. Пурпурная пленка образовалась на его поверхности, затем растворилась. Несколько пилигримов в тревоге забегали по плоту, крича:

— Солнце гаснет! Приготовьтесь к холоду!

Однако Гарстанг поднял руки успокаивающим жестом вверх:

— Успокойтесь! Опасность миновала, солнце такое же, как и прежде!

— Думайте! — рьяно настаивал Субкул, говоря убеждающим голосом: — Разве допустил бы Гильфид до такого катаклизма, когда мы едем на плоту, чтобы молиться у Черного Обелиска?

Все сразу успокоились, хотя каждый из них по своему истолковал это событие. Вита, локутор, провел аналогии с затуманенным зрением, которое проходит, если несколько раз моргнуть.

Войкод объявил:

— Если все кончится хорошо, в Эрзе Дамат я посвящу следующие четыре года своей жизни составлению плана, как сделать так, чтобы солнце не погасло.

Лодермульч просто сделал оскорбительное заявление, сказав, что для него все равно, станет ли солнце черным или пилигримы будут продолжать свой путь в полной темноте.

Но солнце продолжало светить так же, как и раньше. Плот продолжал плыть по большой реке Скамандер, берега которой сейчас были низки и полностью лишены растительности, так что казались далекими темными линиями. Прошел день, и, казалось, солнце село в саму реку, отражаясь в ней ярким красным сиянием, которое постепенно стало тусклым. Наступила ночь.

В наступившей темноте был разожжен костер, вокруг которого собрались пилигримы, чтобы поужинать. Было очень много споров по поводу этого тревожного мигания солнца и не меньшее количество философских высказываний.

Субкул сложил свою ответственность за жизнь, смерть, будущее и прошлое на Гильфида. Однако Хант объявил, что он чувствовал бы себя значительно спокойнее, если бы Гильфид проникся большей ответственностью и уделял бы больше внимания делам мира. На некоторое время спор стал накаляться. Субкул объявил Ханта в поверхностном понимании, в то время как на Ханта так и сыпались такие словечки, как «легковерие» и «слепое повиновение». Гарстанг вмешался в их спор, умиротворяюще заявив, что Блестящий Обряд у Черного Обелиска может прояснить обстановку.

На следующее утро впереди показалась большая плотина: линия огромных камней, препятствующих сплаву.

Только в одном ее месте был возможен проход, но и он был перегорожен тяжелой цепью. Пилигримы направили плот к этому проходу и, очутившись рядом с ним, бросили камень, служивший им в качестве якоря.

Из ближайшей избушки появился фанатик, тощий, с длинными волосами, в залатанных старых черных одеждах и с железным посохом в руке. Он зашел за камни плотины, угрожающе глядя вниз на людей, сгрудившихся на плоту.

— Уходите прочь! Прочь! — закричал он. — Водяной путь находится под моим контролем! И я никого не пропускаю здесь!

Гарстанг вышел вперед.

— Я прошу твоего снисхождения! Мы — группа пилигримов на пути к совершению Блестящего Обряда в Эрзе Дамат. Это необходимо! Мы верим, что в своей щедрости ты ничего не возьмешь с нас.

Фанатик громко и хрипло рассмеялся и взмахнул своим железным посохом.

— Мне невозможно не заплатить! Я требую в качестве платы жизнь самого злого человека из вашей компании, если один из вас не сможет убедить меня в своей добродетели.

Расставив ноги, в черной рясе, хлопающей по ветру, он стоял, уставившись на плот.

Пилигримы стали неловко переминаться с ноги на ногу, искоса посматривая друг на друга. Многие тихо заговорили между собой, и эти разговоры постепенно перешли во всеобщее обсуждение сторон характера и упоминание своих собственных достоинств. Первым громко раздался голос Касмира:

— Я не могу быть самым злым в этой компании! Жизнь моя была честной и простой, и даже во время азартных игр я не пользовался преимуществами, которые мне часто предоставлял случай!

— Я еще более добродетелен, — послышался другой голос, — и питаюсь одними сухими корнями из страха, что могу отнять у кого-нибудь жизнь!

— А я еще добродетельнее, — раздался еще один голос, — потому что я питаюсь остатками этих самых корней и еще грызу кору павших деревьев в страхе отнять у кого-то даже растительную жизнь.

— И мой желудок отказывается принимать живую растительную пищу, — заявил другой, — но я придерживаюсь тех же возвышенных мотивов, и только падаль попадает в мой рот.

— Однажды, — послышался еще голос, — я переплыл огненное озеро из конца в конец только для того, чтобы уведомить одну старую женщину, что несчастье, которого она боялась, не должно произойти.

— Жизнь моя, — заявил Кугель, — беспрерывное глумление над самим собой, и я непреклонен в своем стремлении совершать справедливость и бороться за равенство, хотя очень часто я расплачиваюсь за свои добрые стремления.

Войкод тоже не остался в долгу:

— Я волшебник, это правда, но свое искусство я посвятил благу людей.

Теперь пришла очередь Гарстанга:

— Моя добродетель многосторонняя, потому что я извлек ее из опыта веков. Как могу я быть кем-нибудь иным, нежели добродетельным? Я беспристрастен по отношению к мирским человеческим нуждам.

В конце концов высказались все, кроме Лодермульча, который с презрительной усмешкой на лице стоял в стороне. Войкод указал на него пальцем.

— Говори, Лодермульч! Докажи свою добродетель, или мы сочтем тебя самым злым, и ты потеряешь свою жизнь!

Лодермульч засмеялся. Он разбежался и прыгнул на один из больших камней плотины. Там он выхватил шпагу и с угрозой повернулся к фанатику.

— Все мы одинаковы злы, и ты ничем не лучше нас, если ставишь такое условие. Опусти цепь или приготовься познакомиться поближе с моей шпагой!

Фанатик воздел вверх руки.

— Мое условие выполнено: ты, Лодермульч, продемонстрировал свою добродетель! Плот может следовать дальше. И вдобавок, так как ты

обнажил свою шпагу в защиту чести, я сейчас подарю тебе мазь, которая, если ты смажешь ею свой клинок, придаст ему свойство перерезывать сталь или скалу, как масло. А теперь продолжайте свой путь, и пусть каждый из вас получит то, что хочет, после Блестящего Обряда!

Лодермульч принял мазь и возвратился на плот. Цепь была опущена, и плот миновал плотину.

Гарстанг подошел к Лодермульчу и ровным голосом высказал ему свое одобрение. Но тут же добавил в предостережение:

— В данном случае импульсивный и недисциплинированный твой поступок привел к всеобщему благу. Но если подобные же обстоятельства возникнут когда-нибудь в будущем, будет хорошо, если предварительно ты посоветуешься с другими людьми, достойными и мудрыми, например, со мной, Касмиром, Войкодом или Субкулом.

Лодермульч презрительно фыркнул.

— Как тебе будет угодно, лишь бы эта задержка не причинила мне никаких личных неудобств.

И Гарстангу пришлось удовлетвориться этим ответом.

Остальные пилигримы смотрели на Лодермульча с явным неодобрением и отошли от него подальше, так что Лодермульч остался сидеть один на носу плота.

На следующее утро Лодермульч куда-то исчез.

Все были удивлены, но никто не переживал по этому поводу.

Как это ни странно, но отсутствие не пользовавшегося популярностью Лодермульча не восстановило первоначального веселья и дружеских отношений пилигримов. После этого случая каждый из них сидел молчаливый, бросая осторожные взгляды налево и направо, и заявление Гарстанга, что до Эрзе Дамата остался всего один день пути, не вызвало ни в ком энтузиазма.

3. Эрзе Дамат

В последнюю ночь на плоту к ним вернулось нечто вроде взаимопонимания. Вита, локутор, пел на разные голоса, а Кугель исполнил танец вприсядку, типичный для ловцов крабов в Качике, где он провел свою юность. Войкод, в свою очередь, исполнил несколько простых превращений, а затем показал всем маленькое серебряное колечко. Он сделал знак Ханту:

— Дотронься до него своим языком, потом приложи ко лбу, а затем посмотри сквозь него.

— Я вижу процессию! — воскликнул Хант. — Мужчины и женщины — сотни, тысячи — проходят мимо. Там идут моя мать и мой отец, и мои бабушка с дедушкой... Но кто все остальные?

— Твои предки, — объявил Войкод. — Каждый в характерном для него костюме, до самой первой клетки, от которой все мы произошли.

Он забрал кольцо и, сунув руку в кошелек, вытащил оттуда тусклый зелено-голубой камень.

— А теперь смотри, я кидаю этот драгоценный камень в Скамандер!

И он выкинул его через борт. Камень сверкнул в воздухе и исчез в воде.

— А сейчас я просто протяну вперед ладонь, и камень вернется!

И действительно, все наблюдавшие увидели, как что-то сверкнуло в свете костра, и в ладонь Войкода упал драгоценный камень.

— С такой драгоценностью человек никогда не будет нищим. Правда, он не очень много стоит, но его можно продавать до бесконечности... Что еще вам показать? Вот небольшой амулет. Он имеет чисто эротическое назначение и возбуждает сильнейшее желание в той особе, на которую направлен. Надо быть очень осторожным в его использовании... А вот еще один амулет в форме бараньей головы, сделанный по приказу императора Далмасмуса Нежного, чтобы он не огорчил никого из десяти тысяч своих наложниц... Что еще могу я вам показать? Вот мой посох, который мгновенно прикрепляет один предмет к другому. Я всегда держу его в футляре, чтобы случайно не прикрепить брюки к пуговице или кошелек к пальцу. Этот посох очень мне полезен. Что же еще? Давайте посмотрим. А, вот он где! Рог, обладающий одним определенным качеством. Если засунуть его в рот трупа, то умерший может произнести последние двадцать слов в жизни. Если же засунуть его в ухо, то можно передать умершему любую информацию, которую ты не успел ему передать... А здесь что? Да, конечно: небольшое устройство, которое доставило мне много удовольствий!

И Войкод показал куклу, которая исполнила героическую декламацию, спела какую-то не очень приличную песню и станцевала танец. Кугель стоял ближе всех к волшебнику и внимательно наблюдал за всеми диковинками.

Наконец Войкод устал от демонстраций, и один за другим пилигримы отправились на покой. Кугель никак не мог заснуть. Он лежал на спине, сложив руки под головой, глядя на звезды и думая о неожиданно большой коллекции Войкода с его разнообразными волшебными инструментами и приспособлениями.

Убедившись, что все заснули, он поднялся на ноги и осмотрел спящую фигуру Войкода. Кошель его был надежно закрыт и засунут под руку волшебника, хотя Кугель, собственно говоря, ничего другого и не ожидал.

Подойдя к небольшому шалашу, где хранились общественные запасы питания, он взял немного свиного сала, которое затем перемешал с мукой, чтобы сделать белую мазь. Из толстой бумаги он смастерил небольшую коробочку, в которую положил эту мазь. Затем он вернулся на место и заснул.

На следующее утро он сделал все возможное, чтобы Войкод, как бы случайно, увидел, как он намазывает свою шпагу этой мазью.

В ту же секунду Войкод в ужасе воскликнул:

— Этого не может быть! Я поражен! Увы, бедный Лодермульч!

Кугель сделал ему знак, призывающий к молчанию.

— Что ты орешь? — пробормотал он. — Я просто натираю свою шпагу, предохраняя ее от ржавчины.

Войкод упрямо покачал головой.

— Все ясно. Ради своей выгоды ты убил Лодермульча. У меня нет другого выхода, как сообщить об этом Пленителям Воров, когда мы прибудем в Эрзе Дамат.

Кугель умоляюще замахал руками.

— Не надо так спешить! Говорю тебе, ты ошибаешься. Я невиновен!

Войкод, высокий статный человек с пурпурными кругами под глазами, длинным подбородком и высоким покатым лбом, поднял вверх одну руку.

— Я никогда не выносил убийств. В данном случае должен быть соблюден принцип равновесия и совершенно соответствующее контрдействие. И уж как минимум — сделавший такое зло не должен выгадать от него!

— Ты имеешь в виду меня? — деликатно спросил Кугель.

— Вот именно, — сказал Войкод. — Этого требует справедливость.

— Ты — тяжелый человек! — огорченно воскликнул Кугель. — У меня нет другого выхода, как подчиниться твоему суду.

Войкод протянул руку:

— Тогда давай сюда мазь, и так как ты совершенно очевидно раскаиваешься в своем поступке, я больше ничего и никому не скажу!

Кугель задумчиво поджал губы.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Я уже смазал свою шпагу. Так [illegible] твоей [illegible] остаток мази в обмен на твое эротическое шоу, тот амулет, и другой амулет, возбуждения, а также на несколько других, более мелких вещиц.

— Правильно ли я расслышал? — разбушевался Войкод. — Твоя наглость превосходит все, что я встречал! То, что ты требуешь, не имеет цены!

Кугель пожал плечами.

— Ну, моя мазь самая обычная, так что не о чем и говорить.

После долгих споров Кугель обменял свою мазь на трубку, которая освещала все на пространстве в пятьдесят шагов, и рукопись, в которой перечислялось восемнадцать фаз Лагенетического Цикла. Этим ему пришлось удовлетвориться.

Вскоре на западном берегу Скамандера показались руины Эрзе Дамата. Старинный дворец утопал среди разросшихся садов.

Пилигримы взялись за шесты, чтобы направить плот к берегу. Показалась вершина Черного Обелиска, при виде которой все испустили

радостный крик. Плот спокойно скользил по Скамандеру и в конце концов причалил к берегу у одного из развалившихся причалов.

Пилигримы высадились на берег и сгрудились вокруг Гарстанга, который обратился к ним с речью:

— С огромным удовлетворением я могу сообщить вам, что отныне я уже не несу всей полноты ответственности. Наше путешествие окончилось. Смотрите! Вот святой город, где Гильфид произнес Гностическую Догму! Где он победил Казу и отринул Ведьму Энксикс! На эту самую землю ступали его священные ноги!

Тут Гарстанг драматическим жестом указал на землю, и пилигримы, посмотрев вниз, стали неловко переступать с ноги на ногу.

— Как бы там ни было, мы здесь, и каждый из нас должен испытывать облегчение. Путь наш был тяжел и не без опасностей. Пятьдесят девять человек вышли из Флогусонской долины и отправились в путь. Бамин и Рэндол были сожраны гру на поле Сагма, на мосту через Аск к нам присоединился Кугель, на Скамандере мы потеряли Лодермульча. Теперь нас осталась пятьдесят семь человек, верных, испытанных товарищей. Нам печально расставаться после совместного путешествия, которое мы запомним на всю жизнь! Через два дня начнется Блестящий Обряд. Мы успели вовремя. Те, кто не потерял все свои сбережения в азартных играх, — тут Гарстанг бросил косой взгляд в сторону Кугеля, — могут найти удобные гостиницы и расположиться в хороших комнатах. Не имеющие же денег тоже должны постараться устроиться. Сейчас наше путешествие подошло к концу. Итак, мы расстаемся, и каждый из нас дальше идет своей дорогой, хотя все мы обязательно встретимся через два дня у Черного Обелиска. А до этого времени — до свидания!

Пилигримы начали расходиться в разные стороны. Одни пошли по берегу Скамандера по направлению к ближайшей гостинице, другие свернули в сторону и направились в сам город. о наблюдал

Кугель подошел к Войкоду.

— Я совершенно незнаком с этой страной, как ты знаешь. Может быть, ты сможешь порекомендовать мне хорошую и недорогую гостиницу?

— Конечно, — ответил Войкод. — Я как раз сейчас отправляюсь именно в такую гостиницу «Олд Дастрик Хостелри», которая находится на месте бывшего императорского дворца. Если там ничего не изменилось, то роскошная комната и прекрасная еда стоят там относительно недорого.

Кугель полностью одобрил этот проект, и двое мужчин отправились по улицам Эрзе Дамат мимо деревянных избушек через большой пустырь, где вообще не было никакого жилья и где оканчивались все улицы. Потом они попали в относительно богатые районы с большими каменными зданиями, многие из которых все еще использовались. Люди Эрзе Дамат были достаточно приятны и красивы, хотя и

несколько плотнее сложены, чем в Эмерли. Мужчины были одеты в черные обтягивающие брюки и куртки с черными помпонами, женщины одевались в прекрасные наряды желтого, красного, оранжевого и синего цвета, а туфельки их сверкали черными пряжками тоже на оранжевом фоне. Редко когда можно было увидеть зеленое или голубое платье, так как считалось, что эти цвета приносят несчастье, а пурпурный цвет означал смерть.

Женщины украшали свои прически длинными перьями, в то время как у мужчин на головах были диски с дыркой посредине и голова их торчала через нее. В большой моде, видимо, были бальзамы из смолы, и повсюду, куда бы ни пошел Кугель, он натыкался на его запах.

Судя по первому впечатлению, народ Эрзе Дамат был не более цивилизован, чем люди Качика, и куда более подвижен, чем апатичные жители Азиномеи.

Впереди появилась гостиница, находившаяся недалеко от самого Черного Обелиска. К неудовольствию Кугеля и Войкода, все там было целиком занято, и привратник даже отказался впустить их внутрь.

— Блестящий Обряд привлек сюда очень много верующих, — объяснил он. — Вам повезет, если вообще удастся устроиться на ночь.

Так оно и оказалось: Войкод и Кугель ходили от гостиницы к гостинице и в каждой из них получали отказ.

В конце концов, на западной окраине города, на самом краю Серебряной Пустыни, их согласились принять в большой таверне сомнительной репутации, которая называлась «Гостиница Зеленой Лампы».

— Еще десять минут назад я не смог бы принять вас, — сказал хозяин, — но Пленители Воров забрали двух людей, которые здесь остановились, назвав их жуликами и мошенниками.

— Надеюсь, это не вошло у них в привычку по отношению ко всей твоей клиентуре? — осведомился Войкод.

— Кто знает? — ответил хозяин. — Мое дело — подавать еду и питье и предоставлять помещение, не более того. Воры и разбойники должны есть, пить и спать точно так же, как верующие и волшебники. Много разных людей проходит через мои двери, и, в конце концов, что я могу знать даже о вас?

Наступили сумерки, и без дальнейших споров Кугель и Войкод остановились в «Гостинице Зеленой Лампы». Помывшись и чуть отдохнув с дороги, они отправились в общий зал с темно-коричневыми плитками на полу и почерневшим от времени потолком, который поддерживали деревянные колонны. На каждой из них красовалась лампа. Публика здесь была самая разнообразная, как, впрочем, хозяин их и предупреждал. За столом сидели смуглые жители пустыни, люди с белыми лицами и шейными шелковыми красными платками, какие-то модники в кожаных беретах и с драгоценными камнями на золотых цепочках в ушах.

Кугель и Войкод съели довольно приличный ужин, а потом откинулись на своих скамьях, потягивая вино и обсуждая, как им провести вечер.

Войкод решил заняться повторением криков страсти и молитвенных поз, необходимых для Блестящего Обряда. Кугель, вследствие этого, тут же попросил его для наилучшей подготовки одолжить на время эротический талисман.

— Женщины Эрзе Дамата мне нравятся, а с помощью твоего талисмана я получу гораздо больше знаний об их настоящих возможностях.

— Никак не могу, — сказал Войкод, судорожно прижимая кошелек поближе к боку. — Мы, волшебники, просто не имеем права одалживать вещи подобного рода.

Кугель скорчил недовольную физиономию. Войкод был человеком, который на словах был слишком даже благородным, что никак не вязалось ни с его поведением, ни с его внешностью.

Войкод до последней капли осушил кубок вина, что раздражило Кугеля еще больше, и поднялся на ноги.

— А теперь я пойду в отведенную мне комнату.

Когда он повернулся, чтобы идти, один из модников, шедший нетвердыми шагами через комнату, случайно толкнул его.

Войкод выругался по этому поводу, и задавала опешил.

— Как осмеливаешься ты обзывать меня такими словами? Бери шпагу и защищайся, или я отрежу тебе нос!

И задавала выхватил из ножен свою шпагу.

— Как пожелаешь, — сказал Войкод. — Только подожди минутку, пока я возьму свою шпагу.

Подмигнув Кугелю, он быстро натер шпагу мазью, затем повернулся к задавале.

— Приготовься к смерти, мой милый!

И он кинулся вперед.

Задавала, заметивший приготовления Войкода и понимая, что он оказался перед лицом волшебства, опешил от ужаса. Изящным движением Войкод проткнул его насквозь и вытер шпагу о его шляпу.

Товарищи убитого вскочили из-за стола, но замерли, когда Войкод повернулся к ним, уставившись на них с огромным апломбом.

— Поосторожнее, мои молодые петушки! Посмотрите на судьбу своего приятеля! Он умер от моей волшебной шпаги, сделанной из волшебного материала, который режет камень и сталь как масло. Смотрите!

И Войкод что было силы ударил по колонне. Шпага, ударившись о железную скобу, сломалась сразу на несколько обломков. Войкод стоял потрясенный, а модники медленно двинулись вперед.

— Что же твоя волшебная шпага? Наши шпаги — обычные, стальные, но они больно кусаются!

И через какое-то мгновение Войкод пал мертвым.

Теперь уже задавалы повернулись к Кугелю:

— А ты кто такой? Желаешь ли ты разделить судьбу своего товарища?

— Ни в коем случае! — убежденно заметил Кугель. — Этот человек был мой слуга, который носил мой кошелек. Сам я — волшебник, вот посмотрите на эту трубку. Я освещу голубым цветом любого человека, который будет угрожать мне!

Задавалы пожали плечами и отвернулись. Кугель завладел кошельком Войкода, потом сделал знак хозяину гостиницы.

— Будь так добр, убери эти трупы. Потом принеси еще один кувшин вина со специями.

— А как насчет счета твоего товарища? — осведомился хозяин напряженным голосом.

— Не бойся, я заплачу сполна.

Трупы вынесли на улицу, на задний двор гостиницы. Кугель допил последний кувшин вина, затем отправился в свою комнату, где он разложил содержимое кошелька Войкоды на столе. Деньги он переложил в свой кошелек, талисманы, амулеты и прочие приспособления перекочевали к нему в сумку, тщательно упакованные, мазь он выбросил. Довольный проделанной за день работой, он улегся на диван и вскоре заснул.

Весь следующий день Кугель ходил по городу и взобрался на самый высокий из холмов, располагавшихся в излучине Скамандера. Хотя большая часть Эрзе Дамата лежала в развалинах, он производил впечатление очень богатого города.

Кугель без труда разыскал лавку географа и, заплатив требуемое, попросил указать самый безопасный и удобный путь в Алмери.

Мудрец не стал торопиться с ответом. Он вышел в соседнюю комнату и вернулся, неся с собой справочники и карты. После долгого их обследования он повернулся к Кугелю.

— Вот тебе мой совет. Иди против течения Скамандера на север, к Аску. Потом иди по берегу Аска, пока не дойдешь до Моста с шестью сваями. Там поверни на восток, перейди Магнацкие горы, после чего ты попадешь в лес, известный под названием Большой Алмери. Иди на запад по этому лесу, и ты придешь на берег Северного моря. Там ты должен будешь собрать плот и вверить себя морским течениям и ветрам. Если случайно тебе удастся добраться до земли Падающей Стены, то путешествие на юг к Элмери оттуда будет сравнительно легким.

Кугель нетерпеливо махнул рукой.

— В общих чертах это именно тот маршрут, которым я пришел сюда. Неужели нет никакого другого пути?

— Конечно, есть. Человек неразумный может рискнуть отправиться через Серебряную Пустыню, выйдя в результате к Сонганскому морю.

Переправившись через него, он окажется перед огромными пустынными землями, граничащими с восточным Элмери.

— Что ж, это мне более подходит. А как мне пересечь Серебряную Пустыню? Там ходят караваны?

— С какой целью? На той ее стороне нет никого, с кем можно было бы торговать, — только бандиты, которые предпочитают получать все даром. Чтобы не бояться их нападения, необходим отряд минимум человек в сорок.

Кугель вышел из лавки. В ближайшей таверне он выпил бутылку вина и стал думать над тем, где ему найти сорок человек, чтобы пересечь с ними пустыню. Пилигримов было пятьдесят шесть... Нет, теперь уже пятьдесят пять со смертью Войкода. Да, такой отряд прекрасно послужил бы для его целей.

Кугель заказал себе еще бутылку вина и стал думать дальше.

В конце концов он расплатился и, выйдя на улицу, отправился к Черному Обелиску. Называться «обелиском» он мог с большой натяжкой. Это был всего лишь огромный кусок черной скалы, возвышающийся футов на сто посреди города. У его подножия стояло пять статуй, каждая смотрела в определенном направлении и символизировала адепта какой-то определенной веры. Гильфид смотрел на юг, четыре его руки представляли собой символы, ноги стояли на каменных шеях верующих, находящихся в экстазе, большие пальцы его ног были сильно удлинены и загибались наверх, видимо, для того, чтобы придать ему особую красоту и привлекательность.

Кугель обратился за информацией к служащему Обелиска.

— Кто здесь у вас Главный Архиерей и где его можно найти?

— Этой особой является Преклятвенный Халм, — сказал служащий и указал на роскошный дом, стоящий рядом. — Его святилище находится в этом здании, украшенном драгоценными камнями.

Кугель пошел к указанному ему дому и после долгих выяснений был отведен к Преклятвенному Халму, человеку средних лет, кореностому и с круглым лицом. Кугель сделал знак младшему священнику, который с такой неохотой привел его сюда.

— Иди, мое послание для ушей одного Преклятвенного.

Преклятвенный махнул рукой, и младший священник удалился. Кугель подошел поближе к Халму.

— Я могу разговаривать, не боясь, что нас подслушают?

— Можешь не бояться.

— Во-первых, — сказал Кугель, — знай, что я — могущественный волшебник. Вот смотри: трубка, из которой вырывается голубой свет! А вот — список восемнадцати фаз Лаганетического Цикла! А вот инструмент — рог, который позволяет говорить мертвым, а при надобности может послужить средством, передающим последнюю информацию умершему. У меня есть еще много таких волшебных вещей.

— Очень интересно, — пробормотал Преклятвенный.

— Во-вторых, я хочу сказать тебе следующее: одно время я служил священником в храме Теологов в далекой земле, где я узнал, что каждая из священных статуй и прочих предметов были сконструированы таким образом, что священник, если это было ему необходимо, мог совершать деяния, которые потом приписывались этому божеству.

— Что же в этом особенного? — с важностью заявил Преклятвенный. — Божество, контролирующее каждый аспект существования, иногда заставляет священников совершать подобные действия.

Кугель перешел к своему предложению.

— Поэтому я предположил, что фигуры статуй, изваянных у подножия Обелиска, тоже обладают этим свойством.

Преклятвенный улыбнулся.

— О какой именно статуе ты говоришь?

— Меня интересует статуя Гильфида.

Глаза Преклятвенного затуманились, казалось, он задумался.

Кугель указал рукой на разложенные волшебные инструменты.

— В ответ за услугу, которую я прошу оказать мне, я передам часть этих предметов в казну твоей общины.

— Что это за услуга?

Кугель подробно объяснил все, что ему было надо, и Преклятвенный задумчиво кивнул головой.

— Прошу тебя, продемонстрируй еще раз твои волшебные предметы.

Кугель согласился.

— Это все, чем ты располагаешь?

С большой неохотой Кугель вытащил эротический талисман-стимулятор и объяснил его действие, так же, как и стимуляцию сопутствующего ему амулета. Преклятвенный кивнул головой, на этот раз с живостью.

— Мне кажется, нам удастся договориться с тобой. Все будет так, как желает божественный Гильфид.

— Значит, договорились?

— Договорились.

На следующее утро группа из пятидесяти пяти пилигримов пришла молиться к Черному Обелиску. Они простерлись ниц перед образом Гильфида и приготовились совершить свои обряды.

Внезапно глаза статуи полыхнули огнем, и рот ее приоткрылся.

— Пилигримы! — прозвучал суровый и властный голос. — Идите вперед, туда, куда я укажу вам! Вы должны отправиться через Серебряную Пустыню на берег Сонганского моря! Там вы найдете мой облик, перед которым будете молиться! Идите! Через Серебряную Пустыню как можно скорее!

Голос затих.

Гарстанг произнес дрожащим голосом:

— Мы слышали, о Гильфид! Мы повинуемся!

В этот момент вперед выскочил Кугель.

— Я тоже был свидетелем этого чуда! Я отправляюсь в путешествие вместе с вами! Пойдемте скорее, время не ждет!

— Не торопись, — ответил ему Гарстанг. — Мы не можем отправиться в путь, как дервиши. Необходимо взять с собой продовольственные запасы, так же как и вьючных животных. А для этого необходимы деньги. Кто внесет золото в общую казну?

— Я даю двести терций!

— А я — шестьдесят терций, все мое состояние!

— Я, потерявший девяносто терций, играя с Кугелем, обладаю только сорока, которые вношу с радостью!

И так говорил каждый, и даже Кугель внес в общий фонд шестьдесят шесть терций.

— Прекрасно! — сказал Гарстанг. — Тогда завтра я попытаюсь обо всем договориться, и на следующий день, если все будет благополучно, мы выйдем из Эрзе Дамат через старые Западные ворота!

4. Серебряная пустыня и Сонганское море

На утро Гарстанг, Кугель и Касмир отправились в лавку, где продавались товары для путешественников.

Пройдя сквозь ворота, они вошли в контору, из которой открывался вид во двор, где в бесчисленных клетках и на бесчисленных цепях находилось такое количество самых разнообразных животных, что Кугель был поражен.

К ним подошел хозяин лавки, высокий мужчина с желтой кожей, весь в шрамах, без носа и одного уха. На нем был надет серый кожаный плащ с поясом на талии и коническая черная шляпа с хлопающими полями.

Гарстанг объяснил, зачем они пришли.

— Мы, пилигримы, которые должны отправиться в путешествие через Серебряную Пустыню, хотим нанять вьючных животных. Нас больше пятидесяти человек, и путешествие наше продлится по двадцать дней в каждом направлении и еще пять дней можно положить на наши обряды и молитвы. Пусть эта информация поможет тебе правильно снарядить нас. Естественно, мы хотим нанять самых выносливых и самых неприхотливых и незлобных животных.

— Все это очень хорошо, — ответил ему хозяин, — но я сдаю животных в наем по той же цене, что и продаю их, так что уж вам лучше и выгоднее будет просто купить их у меня и стать их владельцами.

— А цена? — спросил Касмир.

— Это зависит от вашего выбора. Каждое животное имеет свою цену.

Гарстанг, который внимательно осматривал двор, недоуменно покачал головой.

— Должен признаться, я в недоумении, — сказал он. — Каждое из этих животных разного вида, и, по-моему, ни одно из них не подходит под обычную категорию.

Хозяин вынужден был признать, что так оно и есть.

— Если вам это интересно, я могу все объяснить. Это очень интересная история и поможет вам с теми животными, которых вы выберете.

— Значит, выслушав тебя, мы выгадаем вдвойне, — вежливо ответил Гарстанг, хотя Кугель делал ему нетерпеливые жесты руками.

Хозяин подошел к полке и снял с нее переплетенный в кожу том.

— В далеком прошлом Сумасшедший король Катт приказал создать зверинец, равного которому не было никогда раньше, для своего личного развлечения и для того, чтобы возвыситься в глазах остального мира. Его волшебник, Фоллиненс, произвел на свет целую группу зверей и тератоидов, каждый из которых был уникален, соединяя самые разнообразные плазмы, — и вот перед вами результат.

— Зверинец существует уже столько времени? — в удивлении спросил Гарстанг.

— Конечно нет. Ничего из того, что было создано по велению Сумасшедшего короля Катта, не осталось, кроме как в легенде и в книге волшебника Фоллиненса. — Тут он постучал пальцем по толстому тому. — В ней содержится его блестящая систематология. Например...

Он открыл том.

— Вот тут... гм... Вот, например, коротенькие заметки, касающиеся полулюдей:

«Головотяп — гибрид человека, гаргойла, уорла и прыгающего насекомого.

Деодант — оборотень, василиск, человек.

Бормотун — медведь, человек, ящерица, демон.

Гру — человек, очкастая летучая мышь, необычный гун.

Лейкоморф — неизвестен.

Василь — фелинодер, человек (оса?)».

Касмир удивленно хлопнул в ладоши:

— Неужели Фоллиненс сам создал этих созданий на горе и ужас человеку?

— Да не может этого быть, — сказал Гарстанг. — Скорее эти записи напоминают мне раздумья ученого. Он даже признается в незнании.

— Таково и мое мнение об этих заметках, — сказал хозяин лавки, — хотя в некоторых других местах он говорит с куда большей уверенностью.

— Тогда каким образом те звери, которых мы сейчас видим, связаны с его зверинцем? — спросил Касмир.

Торговец пожал плечами.

— Еще одна из причуд Сумасшедшего короля. Он выпустил весь зверинец на волю, и животные, ко всеобщему неудовольствию, разбежались по всей земле. Создания, обладающие способностью убивать электричеством, очень сильно расплодились, и сейчас они занимают всю Ропаронскую долину и Бланвальский лес.

— Все это прекрасно, но что же будет с нами? — вмешался Кугель. — Нам нужны вьючные животные, крепкие, выносливые и терпеливые, а не уроды и чудовища, какими бы уникальными они ни были.

— Некоторые звери из моей полной коллекции могут выполнять эту работу, — с достоинством сказал хозяин лавки. — Правда, они очень дорого стоят. С другой стороны, всего лишь за один терций вы можете приобрести длинношеее, большебрюхое животное, обладающее удивительной прожорливостью.

— Цена очень привлекательна, — с сожалением произнес Гарстанг. — К несчастью, нам нужны животные, которые могли бы нести на себе запасы воды и пищи через Серебряную Пустыню.

— Сейчас посмотрим, что у нас тут имеется.

Торговец принялся изучать свои списки.

— Высокий зверь на двух ногах, возможно, не такой свирепый, каким кажется с первого взгляда...

В конце концов были отобраны звери, общим числом пятнадцать, и после долгих торгов установлена цена за них.

Торговец подвел зверей к воротам. Гарстанг, Кугель и Касмир приняли их и отвели все пятнадцать непохожих друг на друга существ в укромное место к Западным воротам Эрзе Дамата. Кугель остался присматривать за животными, а Гарстанг и Касмир отправились в лавки закупать продовольствие и прочие предметы первой необходимости.

К ночи все приготовления были закончены, и на следующее утро, когда первый одинокий луч света упал на Черный Обелиск, пилигримы отправились в путь. Звери несли мешки с провизией и бурдюки с водой, на всех пилигримах были новые ботинки и широкополые шляпы.

Гарстангу не удалось нанять проводника, но он купил у географа карту. Правда, на ней не было ничего, кроме небольшого круга, на котором было написано «Эрзе Дамат», и большого круга с надписью «Сонганское море».

Кугелю поручили вести на поводу одно животное с двенадцатью ногами, двадцати футов в длину, с маленькой головкой, глупым ухмыляющимся ртом и краснобурым мехом, покрывающим все тело. Кугелю это поручение пришлось не по душе, потому что зверь все время тяжело дышал в его затылок и несколько раз подходил так близко, что почти наступал ему на пятки.

Из пятидесяти семи пилигримов, которые сошли с плота на берег, только сорок девять отправились молиться облику святого на берега Сонганского моря, и почти сразу же число их уменьшилось до сорока

восьми. Некто Токарий, сойдя с дороги по своей естественной нужде, был ужален шишагтским скорпионом и огромными прыжками помчался в северном направлении, хрипло крича, пока не скрылся из виду.

Земля была сухой, с редкой растительностью. К югу виднелась гряда низких холмов, и Кугелю показалось, что он различает какие-то фигуры, неподвижно стоящие на вершинах.

К заходу солнца караван остановился на привал, и Кугель, вспомнив о бандитах, которые, по слухам, жили в этой местности, уговорил Гарстанга выставить двух часовых — Липпельта и Мирс-масона.

На утро часовые исчезли бесследно, и пилигримы были встревожены и угнетены этим обстоятельством. Они стояли, сбившись в кучку, глядя во все стороны. При неярком свете зари невысокое солнце освещало плоскую равнину. К югу виднелось несколько холмов, и только их вершины были достаточно освещены. Повсюду земля была плоской.

В конце концов караван отправился в путь, и теперь их было уже сорок шесть. Кугелю, как и раньше, вручили многоногое животное, которое на сей раз развлекалось тем, что игриво тыкало головой ему в спину между лопатками.

День прошел без приключений. Впереди шел Гарстанг, опираясь на свой посох, за ним Витц и Касмир и еще несколько пилигримов. За ними следовали вьючные животные — все разные: одни — приземистые и мускулистые, другие высокие и хрупкие, почти человеческих форм, за исключением одного, у которого голова была сплюснута, как раковина рака-отшельника. Еще один зверь ковылял на шести негнущихся ногах, другой был похож на оседланную лошадь, но почему-то — пернатую.

За вьючными животными шли остальные пилигримы, причем Блуннер шел позади всех, тем самым только подчеркивая свой характер — он был очень обидчив и мстителен.

Когда они остановились вечером на ночлег и разбили лагерь, Кугель окружил его палочками из слоновой кости, которыми раньше пользовался Войкод, и собрал всех людей поближе друг к другу.

На следующий день пилигримы пересекли невысокий горный кряж, и тут им пришлось выдержать нападение бандитов, но оно было очень коротким и скорее походило на разведку сил, чем на настоящее нападение. Никто не пострадал, кроме Ханта, которого ранили в пятку.

Но куда более серьезное событие произошло двумя часами позже. Когда они проходили под склоном горы, сверху упал булыжник, который убил вьючного зверя, а также Андла Евангелиста и скептика Горемонда. В течение этой ночи Хант тоже умер: видимо, рана была нанесена ему отравленным оружием.

С хмурыми лицами пилигримы отправились в дальнейший путь, и почти сразу же из засады на них напали бандиты. К счастью, пилигримы были настороже, и бандиты отступили, понеся большие потери — человек в пятнадцать — двадцать, в то время как среди пилигримов погибли только Грей и Магастен.

Теперь в их рядах начался разлад и разговоры, и многие поглядывали в сторону Эрзе Дамата. Гарстанг попытался ободрить упавших духом:

— Мы — Гильфидиты! Гильфид говорил с нами! На берегах Сонганского моря мы найдем его Священный Облик! Гильфид всемогущий и всезнающий, все, кто служит ему, сразу же попадают в райские Гамамер! Пилигримы! Вперед! На запад!

Воспрянув духом, люди вновь двинулись вперед, и день прошел без приключений. Зато ночью нескольким вьючным стреноженным животным удалось освободиться, и они убежали из лагеря, и Гарстанг был вынужден урезать всем пайки пищи и воды.

На седьмой день путешествия Тильфокс наелся ядовитых ягод и умер в страшных муках, после чего его брат, локутор Витц, принялся бешено бегать по всему лагерю среди вьючных животных, понося Гильфида кощунственными словами и вспарывая бурдюки с водой ножом, пока Кугель не убил его.

Двумя днями позже измученная группа людей вышла к небольшому ручейку. Несмотря на все предостережения Гарстанга, Саянове и Арло бросились на землю и принялись пить воду большими жадными глотками. Почти сразу же они схватились за животы, стали кататься по земле и хрипеть, губы их приняли оттенок песка, и очень скоро они умерли.

Через неделю пятнадцать человек и четверо вьючных животных вышли на вершину холма и увидели спокойные воды Сонганского моря.

Кугель выжил так же, как и Гарстанг, Касмир и Субкул. Перед ними находилась болотистая местность, по которой протекал ручеек. Кугель поднес к воде амулет, который дал ему Никоню, и объявил, что ее можно пить. Они с наслаждением напились, поели водорослей, которые Кугель сделал съедобными, хотя и отвратительными на вкус, с помощью все того же амулета, и заснули.

Когда пилигримы проснулись, был полдень. Они сошли на пустынный берег, чтобы разобраться, что к чему. Никакой статуи или иного облика Гильфида не было видно. Возникла крупная ссора, и Гарстангу лишь с большим трудом удалось их успокоить.

Тем временем Балч, успевший уйти куда-то далеко по берегу, вернулся возбужденный и закричал:

— Деревня!

Они все отправились вперед с возросшей надеждой, забыв об усталости, но перед их взором возникло жалкое зрелище. Вся деревня состояла из нескольких тростниковых избушек, населенных людьми-ящерицами, которые обнажали зубы и били жилистыми голубыми хвостами при появлении чужаков. Пилигримы пошли по берегу дальше и уселись на камни, глядя на низкий прибой Сонганского моря.

Гарстанг, усталый и измученный своей ролью руководителя экспедиции, заговорил первым. Он попытался придать своему голосу веселую уверенность:

— Мы дошли сюда, мы восторжествовали над ужасной Серебряной Пустыней! Теперь нам осталось только найти облик Гильфида и совершить наши обряды. Затем мы сможем вернуться в Эрзе Дамат, а блестящее будущее нам обеспечено!

— Все это очень хорошо, — ворчал Балч. — Но где нам искать этот облик? И справа, и слева — одинаково пустынный берег.

— Мы должны верить в то, что нас будет направлять Гильфид! — заявил Субкул.

Он нацарапал стрелку на куске дерева, а затем дотронулся до нее священной лентой. Потом он громко воззвал:

— О, Гильфид! Направь нас к своему облику!

И он бросил кусочек дерева высоко в воздух. Когда он упал, стрелка указывала на юг.

— Мы должны нацелить свои устремления на юг! — вскричал Гарстанг. — На юг к святому облику!

Но Балч и несколько других пилигримов, казалось, вовсе не были воодушевлены таким указанием.

Балч сардонически хмыкнул своим сорванным и охрипшим голосом:

— Любая палка, брошенная вверх, должна упасть вниз, и она с тем же успехом могла указать на север, как и на юг.

Субкул в ужасе отпрянул назад.

— Ты кощунствуешь против Гильфида!

— Ничего подобного, просто я не уверен, что Гильфид слышал твое заклинание или, возможно, ты не дал ему времени подумать как следует. Брось свою палку сто раз, и если каждый раз стрелка будет указывать на юг, я в ту же секунду поспешу в этом направлении.

— Очень хорошо, — сказал Субкул. Он опять воззвал к Гильфиду и бросил деревянную дощечку высоко в воздух, но когда она упала на землю, стрелка на сей раз показывала на север.

Балч промолчал. Субкул заморгал глазами, затем стал красен лицом.

— У Гильфида нет времени на дурацкие игры. Он направил нас один раз и счел этого вполне достаточным.

— Я не убежден, — сказал Балч.

— И я.

— И я.

Гарстанг умиротворяюще воздел вверх руки.

— Мы пришли в далекие земли, мы путешествовали вместе, пили и ели вместе, спали вместе, вместе боролись и страдали, так давайте же сейчас не ссориться друг с другом!

Балч только пожал плечами.

— Мы не пойдем на юг вслепую, — сказал он.

— Что же тогда ты предлагаешь? Пойти на север? Или вернуться в Эрзе Дамат?

— В Эрзе Дамат? Без запасов продовольствия и только с четырьмя вьючными животными? Ха!

— Тогда пойдем на юг в поисках облика Гильфида.

Балч только еще раз упрямо пожал плечами, что разозлило Субкула.

— Пусть будет так! Кто пойдет на юг, становитесь по эту сторону. Те, кто остается с Балчем, — по эту!

Гарстанг, Кугель и Касмир присоединились к Субкулу, все остальные остались с Балчем — группа из одиннадцати человек, которые сейчас стали перешептываться друг с другом, в то время как четыре пилигрима внимательно смотрели на их действия.

Одиннадцать человек поднялись на ноги.

— Прощайте!

— Куда вы идете? — спросил их Гарстанг.

— Неважно. Идите и ищите свой облик, если вы считаете, что должны это делать, а мы займемся своими делами.

Одиннадцать пилигримов направились к деревне людей-ящериц, где убили всех самцов, подрезали самкам зубы, одели их в тростниковые наряды и объявили себя повелителями деревни.

Тем временем Гарстанг, Субкул, Касмир и Кугель шли на юг по берегу моря. К ночи они разбили лагерь и поужинали моллюсками и крабами. Наутро они увидели, что четыре их оставшихся вьючих зверя сбежали и что теперь они остались полностью предоставлены сами себе.

— Такова воля Гильфида, — сказал Субкул. — Теперь нам остается только найти его облик и умереть!

— Будь отважен! — пробормотал Гарстанг. — Не надо предаваться отчаянию!

— Что еще остается? Увидим ли мы опять когда-нибудь Фолгусовскую долину?

— Кто знает? Сначала нам надо совершить обряды перед обликом Гильфида.

Итак они продолжали свой путь, не останавливаясь весь следующий день. К ночи они почувствовали слишком сильную усталость для того, чтобы разбить лагерь, и просто повалились на песчаный берег.

Море расстилалось перед ними плоское, как стол, такое спокойное, что заходящее солнце скорее просто отражалось в нем без обычной солнечной дорожки. Устрицы и крабы вновь послужили им скудным ужином, после чего они устало расположились на песке и уснули.

Примерно через час-другой после полуночи Кугель был разбужен звуками музыки. Уставившись на море, он увидел, что на воде возник призрачный город.

Изящные башни поднимались высоко в небо, освещенные блуждающими огоньками белого света, которые медленно плыли взад и вперед, вверх и вниз.

По улицам и бульварам города ходили веселые толпы людей в белых фосфоресцирующих одеждах, которые дули в изящные рожки, извлекая из них нежные звуки. Баржа, усыпанная шелковыми подушками, проплыла мимо него, развернув свой огромный шелковый парус.

Фонари, горевшие на ее корме и носу, освещали царящее на палубе веселье: многие пели и играли на флейтах, остальные пили вино из хрустальных бокалов.

Кугель уставился в ночь, и сердце его защемило от тоски, какой он никогда не знал раньше. К своему удивлению, он увидел, что сам он стоит на берегу моря у самой воды и что Субкул, Гарстанг и Касмир стоят рядом с ним.

Каждый, посмотрев один на другого, в полном молчании улегся на прежнее место, и скоро все опять заснули.

Весь следующий день они очень мало разговаривали и даже старались избегать друг друга, так как каждый из них хотел остаться наедине со своими собственными мыслями. Время от времени то один, то другой поглядывали в южном направлении, но никому не хотелось уходить с этого места.

Прошел день, и пилигримы отдыхали, как бы в полузабытьи. Зашло солнце, наступила ночь, но никто из них не ложился спать.

В середине ночи призрачный город появился снова, и сегодня разгул и веселье там были еще пуще прежнего. Фейерверки удивительной формы расцветали в небе: кружева, сети, звездные взрывы, красные, зеленые, голубые и серебряные. По улицам шли девушки изумительной красоты, одетые в скромные платья, музыканты в роскошных красных и оранжевых одеяниях и высоких треуголках. Несколько часов длилось это веселье на воде, и Кугель зашел в воду по колено, глядя на праздник, пока город не начал постепенно таять и исчезать. Он отвернулся и пошел к берегу, остальные последовали за ним.

На следующий день все были сильно ослабевшими от голода и от жажды. Хриплым надорванным голосом Кугель пробормотал, что они должны продолжать идти дальше. Гарстанг кивнул и сипло ответил:

— К облику Гильфида!

Субкул кивнул головой. Щеки его когда-то полного лица ввалились, глаза смотрели туманным взором.

— Да, — прошептал он. — Мы отдохнули, теперь мы должны продолжить свой путь.

Касмир безразлично кивнул головой.

— К облику!

Но ни один из них не тронулся с места.

Кугель прошелся немного по берегу и уселся, дожидаясь ночи. Поглядев направо, он увидел человеческий скелет, отдыхающий в положении, очень похожем на то, какое сейчас приобрело его живое тело. Задрожав, Кугель отвернулся в другую сторону и там увидел второй скелет, на этот раз иссушенный ветрами и непогодой, а за ним, еще дальше, лежала груда костей.

Кугель поднялся на ноги и, спотыкаясь, побежал к пилигримам.

— Быстро! — выкрикнул он. — Пока у нас еще остались силы! На юг! Идемте, пока мы не погибли, как те, чьи кости гниют рядом.

— Да, да, — пробормотал Гарстанг. — К облику Гильфида!

И он с трудом поднялся на ноги.

— Пойдемте! — позвал он других. — Мы отправляемся на юг!

Субкул выпрямился, но Касмир после безнадежной попытки упал на песок.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Когда вы придете к своему облику, помолитесь за меня Гильфиду и объясните ему, что я не в силах бороться с искушением.

Гарстанг хотел уговорить его одуматься, но Кугель указал на заходящее солнце.

— Если мы дождемся темноты, мы погибли! Завтра у нас вообще не останется сил!

Субкул взял Гарстанга за руку.

— Мы должны уйти отсюда до наступления темноты.

Гарстанг в последний раз с мольбой в голосе обратился к Касмиру:

— Мой друг и товарищ, соберись с силами! Мы пришли с тобой вместе из далекой Фолгусской долины, плыли на плоту по Скамандеру и пересекли Серебряную Пустыню. Неужели же мы должны расстаться до того, как вместе отыщем священный облик?

— Скорее пойдем к облику! — прохрипел Кугель.

Но Касмир только отвернулся от них. Кугель и Субкул увели Гарстанга под руки, и слезы текли по его морщинистым щекам. Долгое время шли они на юг, отворачивая глаза от моря.

Солнце село, озарив небо последними закатными красками. Верхушки облаков засверкали желтым на странном бронзово-коричневом небе. Опять появился город, и никогда не казался он более величественным. Его шпили золотил закатный свет, по его улицам шли юноши и девушки с цветами в волосах. Иногда они останавливались, чтобы посмотреть на людей, упрямо шедших по пляжу. Закатные краски кончились, вновь в городе зажглись белые огни и зазвучала музыка.

Долгое время слышали ее пилигримы и видели облик города, который начал растворяться лишь к рассвету. Спокойные воды моря лежали перед ними на западе, и лишь несколько огоньков еще играли в них.

Примерно в это время три пилигрима наткнулись на ручеек с водой, по берегам которого росли ягоды и дикие сливы, и здесь они сделали привал и провели остаток ночи.

Наутро Кугелю удалось поймать рыбу и несколько крабов. Почувствовав прилив сил, они продолжали идти на юг, все время глядя по сторонам в поисках облика, который даже Кугель ожидал увидеть каждую секунду, настолько сильна была вера Гарстанга и Субкула.

Но проходили дни за днями, и именно верный Субкул первым начал приходить в отчаяние, рассуждая об искренности приказания Гильфида и начиная высказывать сомнения даже по поводу его добродетелей.

Чего они добились этим убийственным паломничеством? Сомневается ли Гильфид в их преданности? Ведь и так они доказали свою веру, присутствуя на Блестящем Обряде, так зачем же он послал их так далеко?

— Пути Гильфида неисповедимы, — сказал Гарстанг. — Раз уж мы зашли так далеко, нам надо все идти и идти, пока мы не достигнем своей цели!

Внезапно Субкул остановился и посмотрел назад, откуда они пришли.

— Вот мое предложение. В этом самом месте давайте воздвигнем каменный алтарь, который будет для нас обликом Гильфида, а затем совершим обряд. Выполнив то, что он от нас требовал, мы повернем обратно на север, в деревню, где живут сейчас наши товарищи. И там, если нам повезет, мы поймаем наших вьючных животных, пополним запасы продовольствия и отправимся через пустыню, чтобы, может быть, опять когда-нибудь увидеть Эрзе Дамат.

Гарстанг заколебался.

— В этом много разумного. И все же...

— Лодка! — вскричал Кугель.

Он указал на море, где примерно в полумиле от берега плыла рыбачья лодка под квадратным парусом. Она двигалась к мысу примерно в миле к югу от того места, где стояли пилигримы. Внимательно посмотрев в том направлении, Кугель увидел деревню.

— Великолепно! — объявил Гарстанг. — Эти люди тоже могут быть последователями Гильфида, а их деревня может хранить его облик. Зайдемте скорее!

Субкул пошел неохотно.

— Неужели знание священных текстов могло проникнуть так далеко?

— Самое главное — это осторожность, — сказал Кугель.

И он повел их верхом, по лесу из тамариска, чтобы заглянуть в деревню со стороны суши.

Избушки в ней были сделаны из грубо отесанного камня, а люди, в них жившие, были очень свирепы на вид. Черные волосы прядями свисали на их серые лица, черная густая щетина росла на плечах, как эполеты. Изо ртов как женщин, так и мужчин торчали клыки, и разговаривали они какими-то воющими криками.

Кугель, Гарстанг и Субкул отступили назад в лес, двигаясь как можно осторожнее, и, спрятавшись среди деревьев, они принялись негромко совещаться друг с другом.

Сначала Гарстанг заговорил убитым голосом, находя, что больше надеяться не на что.

— Я устал, как физически, так и духовно. Возможно, вот здесь я и умру.

Субкул посмотрел на север.

— Я вернусь и рискну перейти Серебряную Пустыню. Если все будет хорошо, я опять увижу Эрзе Дамат и, может быть, Фолгусскую долину.

Гарстанг повернулся к Кугелю.

— А что будешь делать ты, раз облика Гильфида нигде не удалось найти?

Кугель указал на пристань, где стояло несколько рыбачьих лодок.

— Мне надо попасть в Алмери, который находится за Сонганским морем. Наверное, я сяду в лодку и отправлюсь на запад.

— Тогда я пожелаю тебе доброго пути, — сказал Субкул. — Гарстанг, ты пойдешь со мной?

Гарстанг покачал головой.

— Это слишком далеко. И конечно, я не перенесу вторичного путешествия по пустыне. Я отправлюсь через море с Кугелем и принесу слово Гильфида людям Алмери.

— Тогда прощай и ты, — сказал Субкул.

Потом он быстро отвернулся, стараясь, чтобы товарищи не увидели чувств на его лице, и пошел на север.

Кугель и Гарстанг смотрели, как постепенно удаляется его фигура, становясь все меньше и меньше, затем они повернулись к причалу. Гарстанг смотрел на рыбачьи лодки с сомнением.

— Эти баркасы кажутся мне достаточно надежными, но ведь ты просто собираешься украсть один из них, а этот грех особо тяжело карается Гильфидом.

— В чем же тут трудность? — сказал Кугель. — Я просто положу золотые монеты на причал, честно заплатив за баркас.

Гарстанг опять с сомнением покачал головой.

— А где ты собираешься взять припасы продовольствия и свежую воду?

— Добыв себе баркас, мы сначала отправимся вдоль берега, пока нам не удастся напасть на ручеек и запастись достаточным запасом продовольствия, и только потом поплывем на запад.

С этим Гарстанг согласился, и два пилигрима принялись осматривать лодки, сравнивая одну с другой. В конце концов они остановились на крепком баркасе, примерно двенадцати шагов в длину и с небольшой каютой.

В сумерках они прокрались на причал. Все было спокойно, рыбаки вернулись в деревню. Вокруг тихо. Едва Кугель стал отвязывать баркас, как с берега на причал устремилось несколько разъяренных волосатых людей.

— Мы погибли! — закричал Кугель. — Беги скорее или, если можешь, плыви!

— Невозможно! — ответил Гарстанг. — Если это и есть смерть, я встречу ее со всем достоинством, на которое я еще способен!

И с этими словами он выбрался на причал.

Через мгновение они были окружены толпой деревенских жителей. Один из них, старейшина деревни, обратился к ним строгим голосом:

— Что вы делаете? Намереваетесь украсть лодку?

— Причина очень простая, — ответил Кугель. — Мы хотим переплыть море.

— Что? — взревел старейшина. — Как это возможно? В этом баркасе нет запасов пищи и воды, и он плохо снаряжен для такого путешествия. Почему вы не пришли к нам и не сказали, в чем нуждаетесь?

Кугель заморгал глазами и обменялся взглядами с Гарстангом. Он пожал плечами.

— Я буду честен. Ваша внешность внушила нам такие опасения, что мы не рашились этого сделать.

Эти слова вызвали в толпе изумление и веселье. Старейшина заговорил:

— Все мы очень удивлены. Объясни свои слова, если тебе не трудно.

— Хорошо, — сказал Кугель. — Могу я говорить совсем откровенно?

— Ну конечно же!

— Некоторые детали вашей внешности кажутся нам страшными и варварскими: ваши торчащие клыки, черная грива, грубые звуки вашей речи.

Деревенские жители изумленно рассмеялись, как бы не веря словам Кугеля.

— Что за ерунда! — вскричали они. — Наши зубы длинны, чтобы мы могли разрывать ими жесткую рыбу, которая является основным продуктом нашего питания. Мы специально носим наши волосы таким образом, чтобы предохранить себя от определенного насекомого, а так как все мы очень плохо слышим, то поэтому и кричим. А в основном, мы люди добрые и спокойные.

— Вот именно, — подтвердил старейшина, — и чтобы продемонстрировать это, мы завтра же снарядим свою лучшую лодку и отправим вас в ней с наилучшими пожеланиями. А сегодня мы устроим пир в вашу честь!

— Вот деревня истинной святости, — заявил Гарстанг. — Вы, случайно, не поклоняетесь Гильфиду?

— Нет, мы приносим жертвы богу-рыбе Лоб, который ничуть не хуже остальных богов. Но пойдемте в деревню, мы должны приготовиться к пиру.

Они поднялись по ступенькам, высеченным в горе, и добрались до площади, освещенной дюжиной пылающих факелов.

Старейшина указал на избушку, выглядевшую приличнее остальных.

— Вот здесь вы проведете ночь в отдыхе, а я буду спать в другом месте.

Гарстанг опять высказался о благородстве рыбаков, на что старейшина наклонил голову.

— Мы пытаемся достичь духовного единения.

В знак уважения к пришельцам был устроен пир, который затянулся далеко за полночь. А утром жители деревни в точности сделали все так, как они обещали. Очень прочный и устойчивый баркас был загружен провизией и водой, включая и запасы, оставшиеся от ночного пира.

Жители деревни собрались на причале. Кугель и Гарстанг выразили свою благодарность и оттолкнули баркас от причала. Ветер наполнил парус, и лодка заскользила по водам Сонганского моря. Постепенно берег стал лишь далекой линией на горизонте.

На протяжении восьми суток они двигались под парусом среди спокойных свинцовых вод.

На утро девятого дня впереди показалась низкая береговая линия. И к вечеру нос их лодки уткнулся в белый песок.

— Значит, это и есть Алмери? — спросил Гарстанг.

— Так мне верится, — сказал Кугель. — Но какая его часть, я не знаю. Азиномея может находиться к северу, западу или югу. Если лес, который виднеется вон там, находится в восточном Элмери, то лучше нам обойти его как можно дальше стороной, потому что у него нехорошая репутация.

Гарстанг указал на берег.

— Обрати внимание: еще одна деревня. Если люди здесь такие же, как и по ту сторону моря, то они помогут нам отправиться в путь. Пойдем, спросим у них все, что нам нужно.

Кугель отступил на несколько шагов назад.

— Думаю, сначала неплохо бы все разведать, как и раньше.

— Для чего? — спросил Гарстанг. — В том случае мы только все неверно истолковали и оказались в дурацком положении.

Они пошли по пляжу к деревне и вскоре увидели золотоволосых мужчин, которые переговаривались друг с другом голосами, звучащими сладкой музыкой.

Гарстанг радостно приблизился к ним, ожидая, что его встретят с еще большей радостью, чем на том берегу, но деревенские жители при виде пилигримов побежали вперед и тут же накинули на них сети.

— Зачем вы это делаете? — обратился к ним Гарстанг. — Мы здесь посторонние и никому не хотим причинить зла.

— Вот именно, вы здесь посторонние! — заговорил самый высокий из золотоволосых жителей деревни. — Мы поклоняемся ненасытному богу, известному под именем Дангота. Все посторонние — еретики, и поэтому мы их скармливаем священным обезьянам.

И с этими словами они потащили их по земле, усеянной острыми камнями, в то время как их прекрасные дети, весело смеясь, бежали рядом с пленниками.

Кугелю удалось вытащить трубку, полученную им у Войкода, и он осветил деревенских жителей голубым светом. В испуге они попадали на землю, и Кугель выбрался из сети. Выхватив шпагу, он кинулся, чтобы освободить Гарстанга, но деревенские жители уже пришли в себя.

Еще раз Кугель использовал свою трубку, и они отскочили в страшном испуге.

— Уходи, Кугель, — заговорил Гарстанг. — Я старый человек, и мне немного осталось жить. Беги, спасайся, а я желаю тебе от всей души самого хорошего.

— Обычно я так бы и поступил, — задумчиво ответил Кугель. — Но клыкастые люди разбудили во мне благородные чувства, так что выбирайся из сети, мы отступаем вместе.

Еще раз он вызвал панику своим голубым светом. Гарстанг тем временем освободился, и они побежали по берегу моря.

Золотокудрые мужчины, вооружившись гарпунами, бросились в погоню.

Гарстанг, изнуренный многими днями путешествия, не выдержал гонки. Расстояние между ним и преследователями все больше сокращалось. Один из гарпунов вонзился ему в спину. Он упал, не издав ни одного звука.

Кугель повернулся и направил в их сторону трубку, но заклинание больше почти не действовало — появился всего лишь слабый лучик света. Деревенские жители замахнулись для второго залпа. Кугель выругался и резко свернул в сторону леса.

Через несколько мгновений он исчез в чаще.

VI
ПЕЩЕРА В ЛЕСУ

Кугель шел сквозь Старый лес шаг за шагом, часто останавливаясь, чтобы прислушаться, не хрустнула ли где-нибудь ветвь, не слышатся ли осторожные шаги или даже чье-нибудь дыхание. Его осторожность, хотя и не позволяла идти быстро, не была излишней. Однажды ему удалось заметить двух деодантов и убежать от них незамеченным. В другой раз он почти наткнулся на лейкеморфа, который нежился на солнышке. Кугель старался преодолевать открытые пространства как можно скорее и как можно бесшумнее. Он передвигался так, как будто шел босиком по разбитому стеклу.

Ближе к вечеру он вышел на небольшую полянку. Несколько красных лучей солнца, попадавших на нее, освещали искореженное дерево, к которому был приколот лист пергамента.

Стоя в тени деревьев, Кугель долгое время изучал полянку, затем сделал шаг вперед и взял кусок пергамента в руки. Круглыми буквами на нем было написано:

МУДРЕЦ ЗАРАЙДЕС ДЕЛАЕТ ВАМ ЩЕДРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ! ТОТ, КТО НАЙДЕТ ЭТО ПОСЛАНИЕ, МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ ОДИН ЧАС КОНСУЛЬТАЦИИ ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ БЕСПЛАТНО! В БЛИЖАЙШЕМ ХОЛМЕ — ВХОД В ПЕЩЕРУ. МУДРЕЦА МОЖНО НАЙТИ ВНУТРИ НЕЕ.

Кугель с удивлением посмотрел на пергамент. С какой стати Зарайдесу делиться своими знаниями с посторонними? Закон Равновесия должен сохраняться. Если Зарайдес давал советы — если не говорить, конечно, об абсолютном альтруизме, — он должен был ожидать чего-то взамен. Если не денег, то хотя бы вежливого внимания со стороны людей, которым он помимо совета будет высказывать свои философские взгляды.

Кугель еще раз перечитал послание, и его скептицизм увеличился. Он выкинул бы кусочек пергамента, если бы не срочная потребность в информации, в особенности о самой безопасной дороге к дому Никоню, а также о методе, с помощью которого можно было сделать Смеющегося Мага беспомощным.

Кугель огляделся вокруг в поисках холма, о котором говорилось в пергаменте. На противоположном краю лужайки Кугель увидел подымающуюся вверх по склону тропинку. Несомненно, это тот самый холм. Совсем немного пройдя по тропинке, Кугель оказался у входа в пещеру.

Над ним висел плакат, написанный тем же почерком:

ВХОДИ: МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ КАЖДОГО.

Кугель огляделся и сделал несколько осторожных шагов вперед, но не увидел ничего, кроме темноты.

Он отошел назад. Несмотря на всю доброжелательность плаката, он вовсе не собирался очертя голову входить туда и поэтому, укрывшись за ближайшими кустами, внимательно наблюдал за входом в течение пятнадцати минут.

Прошло еще пятнадцать минут. Кугель увидел приближающегося человека, который двигался с большой опаской. Он был среднего роста, в грубых серых брюках, коричневой блузе и коричневой шляпе с пером.

У человека были грубые черты лица, короткий нос, маленькие, глубоко посаженные глаза и тяжелый подбородок с огромной бородавкой. В руке он крепко держал пергамент, такой же, какой обнаружил Кугель.

Кугель поднялся на ноги. Новоприбывший человек сначала остановился, затем подошел к Кугелю.

— Ты Зарайдес? Если так, то знай, что я — Фабели, травник. Я ищу богатые заросли дикого лука-порея. Кроме того, дочь моя стонет и мечется и...

Кугель поднял вверх руку:

— Ты ошибся. Зарайдес находится в своей пещере.

Глаза Фабели подозрительно сузились.

— Кто же ты в таком случае?

— Я Кугель. Как и ты, я ищу совета.

Фабели понимающе кивнул головой.

— Ты уже проконсультировался с Зарайдесом? Он действительно так все знает, и ему можно доверять? Требует ли он плату за свои советы? Или все, что в объявлении, — сущая правда?

— Ты можешь не сомневаться, — сказал Кугель. — Все именно так и есть. Зарайдес, который, по-видимому, знает все науки, делится своими знаниями просто из чистого альтруизма. Все мои затруднения разрешены.

Фабели искоса поглядел на него.

— Почему тогда ты ждешь у самой пещеры?

— Я тоже травник, и я придумываю новые вопросы, а в особенности меня интересует, почему на ближайшей поляне растет так много дикого лука-порея.

— Вот как! — воскликнул Фабели, возбужденно щелкая пальцами. — Пока ты составляешь свои вопросы, я зайду внутрь и спрошу о болезни моей дочери.

— Как хочешь, — сказал Кугель. — Но если ты собираешься задержаться там надолго, то учти, что я тороплюсь.

Фабели высокомерно взмахнул рукой.

— Но как бы долго ты это ни делал, я успею зайти в пещеру и выйти из нее, потому что я все люблю делать быстро и считаю, что чем скорее — тем лучше.

Кугель поклонился.

— В таком случае проходи.

— Я буду короток.

И Фабели нырнул в пещеру.

— Зарайдес! — выкрикнул он. — Где мудрец Зарайдес? Я — Фабели, и я желаю задавать тебе определенные вопросы. Зарайдес! Будь так добр, покажись!

Голос его стал приглушенным. Кугель, напряженно вслушиваясь, услышал звук открывающейся и закрывающейся двери, затем наступила тишина.

Задумавшись, он стал терпеливо ждать.

Прошел час. Красное солнце стало скользить по небу вниз и скрылось за холмом.

Кугель начал беспокоиться. Куда делся Фабели? И тут послышался звук открывающейся и закрывающейся двери. А вот и Фабели — значит, все в порядке!

Фабели выглянул из пещеры.

— Где Кугель-травник?

Он говорил резким отрывистым голосом.

— Зарайдес не желает сесть за банкетный стол без тебя.

— Банкет? — с интересом спросил Кугель. — Неужели Зарайдес столь щедр в своем гостеприимстве?

— Конечно, а разве ты сам не заметил увешанный гобеленами зал, хрустальные кубки и серебряные блюда?

Фабели говорил каким-то мрачным тоном, который очень удивил Кугеля.

— Но пойдем, я тороплюсь, и мне некогда ждать. Если ты уже отобедал где-нибудь, то я проинформирую Зарайдеса об этом.

— Ну что ты, — с важностью проговорил Кугель. — Я сгорю от стыда, если обижу Зарайдеса своим отказом. Я следую за тобой.

— Тогда пойдем!

Фабели повернулся, Кугель последовал за ним в пещеру, где ему в нос ударил ужасающий запах. Он остановился.

— По-моему, тут немного пахнет, и запах мне неприятен.

— Я обратил на это внимание, — ответил Фабели. — Но когда мы пройдем сквозь дверь, он сразу же исчезнет!

— Очень хочу на это надеяться, — сварливо сказал Кугель. — Иначе у меня пропадет аппетит. Но где...

Но не успел он закончить свою фразу, как на него накинулись какие-то маленькие быстрые создания с липкой кожей и с тем самым зловонным запахом, который он уловил, войдя в пещеру.

Повсюду стоял звон высоких пронзительных голосов, с его пояса сорвали шпагу и кошелек и втолкнули в узкую нору. Он оказался в землянке с низким потолком и в мелькающем желтом свете увидел своих похитителей: существ в половину его роста, с острыми личиками, с ушами на макушке головы. Они ходили чуть прихрамывая, колени их сгибались назад, ноги в сандалиях казались очень мягкими и подвижными.

Кугель с изумлением огляделся вокруг. Рядом скрючился Фабели, глядя на него одновременно с ненавистью и удовлетворением. Только сейчас Кугель увидел, что на шее Фабели был металлический ошейник, от которого шла тонкая железная цепочка. В дальнем конце землянки сидел старый человек с длинными белыми волосами и с таким же ошейником и цепью. Кугель все еще продолжал оглядываться вокруг, а крысолюди уже надели ошейник на его собственную шею.

— Эй, постойте! — в негодовании вскричал Кугель. — Что все это значит? Я протестую против такого обращения!

Крысолюди оттолкнули его и убежали по своим делам. Кугель увидел длинные омерзительные хвосты, торчащие чуть ли не из-под поясницы.

— Это бесчеловечно! — разбушевался Кугель. — Я отомщу!

— Ха! — сказал Фабели. — Не раздражай меня своими жалобами. В любом случае не я заманивал тебя в эту пещеру.

— Да? У тебя что, были какие-нибудь причины на это?

— Все очень просто: крысолюди отнюдь не такие дураки! Тот, кто завлечет двух других людей в пещеру, получит свободу. Тебя я

уже завлек — теперь мне остается еще один, и я стану свободен. Разве это не верно, Зарайдес?

— Только в самых общих чертах, — ответил старик. — Ты не можешь приписать этого человека на свой счет: если бы была соблюдена справедливость, и ты, и он были бы записаны на мой счет — разве не мои пергаменты привели вас в эту пещеру?

— К пещере, но не в нее! — объявил Фабели. — Это очень тонко, и здесь следует тщательно разобраться! Крысолюди все обдумали и тебя не освободили!

— В таком случае, — сказал Кугель, — я требую, чтобы ты сам был записан на мой счет, так как это я послал тебя в пещеру, чтобы узнать, что в ней происходит.

Фабели покачал головой.

— Тебе придется разбираться в этом деле с крысолюдьми.

Он нахмурился и заморгал своими маленькими глазками.

— А почему бы мне не сказать, что я — тот самый второй человек, который сам себя заманил в пещеру? Да, об этом стоит поразмышлять.

— Неверно, неверно! — раздался пронзительный голос из-за каменной решетки. — Мы считаем только тех особей, которые заманены к нам пленником после своего пленения. Фабели нельзя записать ни на чей счет. Ему, однако, приписывается один человек, а именно персона, которая назвалась Кугелем. На счету Зарайдеса нет никого.

Кугель попробовал ошейник, подергал за него.

— А что будет, если нам не удастся заманить сюда двух человек?

— У вас есть месяц времени, не более. Если за этот месяц вам ничего не удастся сделать, вы будете сожраны.

Фабели заговорил трезвым рассудительным голосом:

— Мне кажется, что я уже почти что свободен. Совсем неподалеку меня ожидает дочь. Она возгорелась страстью к луку-порею и совсем забросила домашнее хозяйство. Это будет только справедливо, если я стану свободен благодаря ей.

И Фабели кивнул с глубоким удовлетворением.

— Мне очень интересно наблюдать за твоими методами, — заметил Кугель. — Скажи, где именно ее можно найти и как позвать?

Выражение на лице Фабели стало одновременно и подозрительным, и жадным.

— Я ничего тебе не скажу! Если ты собираешься заманивать сюда людей, то сам изобретай свои методы!

Зарайдес указал рукой на стол, на котором лежали листы пергамента.

— Я привязываю свои объявления к крылатым семенам, которые затем разносятся ветром по лесу. Но этот метод очень однобокий, так как мне приходится выпускать семена из отверстия пещеры, и поэтому их далеко не уносит. Боюсь, что мне осталось жить всего пять дней. О, если бы только у меня были мои тома, мои рукописи, мои книги и записные книжки! Какие заклинания! Какие заклинания!

Я бы уничтожил эту пещеру из конца в конец, я бы наделал из этих чудовищ факелов зеленого пламени! Я бы наказал Фабели за то, что он обманул меня... Гммм... Каким бы заклятием я бы заклял его? Вращением? Далеким Чесанием Люгвиллера?

— Заклинание Безнадежного Отчаяния имеет свои преимущества, — подсказал Кугель.

Зарайдес кивнул.

— Это совсем неплохая идея... Но все это пустые мечты: книги моих заклинаний были отняты у меня и спрятаны в потайное место.

Фабели фыркнул и отвернулся. Из-за каменной решетки донеслось пронзительное замечание:

— Сожаления и извинения не прибавят к вашему счету ровно ничего. Посмотрите лучше на Фабели! Он уже добыл один образец и сейчас строит планы по добыче второго. Вот таких молодцов и в плен брать приятно!

— Это я взял его в плен, — заявил Кугель. — Неужели и здесь нет справедливости? Это я послал его в пещеру, и его следует записать на мой счет!

Зарайдес протестующе закричал:

— Ни в коем случае! Кугель искажает существо дела! Если уж говорить о справедливости, то и Кугеля, и Фабели следует записать на мой счет.

— Все осталось по-прежнему, — объявил пронзительный голос.

Зарайдес вскинул вверх руки и пошел писать пергаменты, лихорадочно чиркая пером. Фабели скорчился на стуле и принялся о чем-то думать. Кугель, проползая мимо, ударил по ножке стула, и Фабели шлепнулся на пол. Он поднялся и прыгнул на Кугеля, который бросил в него стулом.

— К порядку! — провозгласил резкий тонкий голос. — К порядку, или вы будете наказаны!

— Кугель выбил из-под меня стул, и я растянулся на полу, — пожаловался Фабели. — Почему его не наказывают?

— Чистейшая случайность, — заверил Кугель. — По моему мнению, раздражительного Фабели следует держать отдельно по крайней мере в течение двух или трех недель.

Фабели начал было что-то кричать, брызжа слюной, но резкий голос из-за решетки приказал всем замолчать.

Через некоторое время им принесли пищу: недожаренную грубую свинину с неприятным запахом. После еды их заставили переползти в куда более тесную нору на нижнем уровне, где их приковали к стене. Кугель заснул тревожным сном, но был разбужен, когда через отверстие позвали Фабели.

— Твоя записка была доставлена, и ее прочитали с большим вниманием.

— Прекрасные вести! — раздался голос Фабели. — Завтра я буду уже гулять по лесу свободным человеком!

— Молчать! — прохрипел Зарайдес из темноты. — Неужели я должен писать пергаменты для выгоды всех, кроме себя самого, да при том еще лежать по ночам и не спать из-за твоего отвратительного храпа?

— Ха, ха! — ликовал Фабели. — Послушайте только этого глупого волшебника!

— Увы! Где хоть одна моя книга! — застонал Зарайдес. — Тогда ты запел бы передо мной совсем другую песню!

— А в какой именно части пещеры можно найти твои книги? — осторожно спросил Кугель.

— Об этом ты должен спросить этих зловонных грызунов: они схватили меня неожиданно.

Фабели поднял голову и пожаловался:

— Вы что, собираетесь обмениваться воспоминаниями всю ночь? Я хочу спать.

Взбешенный Зарайдес принялся ругать Фабели с таким жаром, что крысолюди вбежали в нору и вытащили его оттуда, оставив Фабели и Кугеля наедине.

На следующее утро Фабели съел свою свинину очень быстро.

— А сейчас, — крикнул он в каменную решетку, — снимите с меня этот ошейник, чтобы я мог отправиться и привести второго пленника, так как Кугель является первым!

— Безобразие, — пробормотал Кугель.

Крысолюди, не обращая внимания на протесты Фабели, еще туже затянули ошейник вокруг его шеи, взяли цепочку и вытолкнули его, ползущего на руках и коленях, после чего Кугель остался один.

Он попытался сидеть прямо, но грязная земля стала давить ему шею, и он опять рухнул на локти.

— Черт бы побрал этих крыс! Надо мне как-то удрать от них. К сожалению, у меня нет домашних, которых я мог бы занести в свой послужной список. Неизвестно также, удастся ли найти книги Зарайдеса. Однако вполне возможно, что другие могут оказаться рядом с пещерой таким же образом, что и мы с Фабели.

Он повернулся к каменной решетке, из-за которой сверкали глаза их надсмотрщика.

— Для того, чтобы заполучить требуемые два образца, я желаю сидеть у входа в пещеру!

— Это разрешается, — объявил надсмотрщик. — Естественно, наблюдение будет усилено.

— Наблюдение вполне понятно, — согласился Кугель. — Однако мне требуется, чтобы ошейник и цепь сняли с моей шеи. С такими очевидными признаками моего рабства даже самые глупые не захотят войти внутрь.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — признался надсмотрщик. — Но если мы все с тебя снимем, что помешает тебе улизнуть?

Кугель выдавил из себя оскорбленный смешок:

— Неужели я похож на человека, который может обмануть чье-то доверие? К тому же зачем мне уходить, если я с легкостью могу заманивать сюда человека за человеком и записывать их на свой счет?

— Мы сделаем определенные приготовления.

Мгновением позже несколько крысолюдей вбежали в пещеру. Ошейник с цепью были сняты с шеи Кугеля, затем крысолюди схватили его за правую ногу, продели серебряную булавку сквозь лодыжку и прикрепили к ней все ту же цепь, причем Кугель от возмущения не нашелся что сказать и молча наблюдал за всей процедурой.

— Теперь цепь больше не является подозрительной, — заявил один из похитителей. — Можешь спокойно стоять перед пещерой и привлекать прохожих.

Все еще стеная от боли в ноге, Кугель прополз через пещеру и выполз в более высокую ее часть, где с цепью вокруг шеи сидел Фабели, ожидая прибытия своей дочери.

— Куда ты идешь? — подозрительно спросил он.

— Я собираюсь ходить перед пещерой, чтобы привлекать прохожих и направлять их внутрь.

Фабели раздраженно фыркнул и уставился на отверстие выхода из пещеры.

Кугель вышел и остановился перед входом в пещеру. Он посмотрел по всем направлениям, потом звонко крикнул:

— Есть тут кто-нибудь поблизости?

Не получив ответа, он принялся шагать взад и вперед, позвякивая на ходу металлической цепью.

Движение между деревьями, мелькание желто-зеленого платья — и вот появилась дочь Фабели, неся в руках корзину и топор. При виде Кугеля она остановилась и нерешительно приблизилась к нему.

— Я ищу Фабели, который попросил принести ему кое-какие необходимые для него предметы.

— Я возьму их, — сказал Кугель, протягивая руку за топором, но крысолюди были настороже и быстро втянули его обратно в пещеру.

— Она должна положить топор на тот далекий камень, — прошипел в ухо Кугелю один из них. — Выйди и скажи ей об этом.

Прихрамывая, Кугель опять вышел из пещеры. Девушка с удивлением смотрела на него.

— Зачем это ты так странно прыгнул спиной назад?

— Это очень странная история, — сказал Кугель, — но сначала ты должна положить топор и корзину вон на тот камень, куда скоро прибудет Фабели.

Из пещеры донесся приглушенный протест, который быстро был заглушен.

— Что это был за звук? — спросила девушка.

— Сделай с топором все, что я тебе сказал, и я все тебе открою.

Удивленная девушка взяла топор и корзину и отнесла их к указанному камню, затем вернулась.

— Ну, так где же Фабели?

— Фабели мертв, — сказал Кугель. — Телом его временно завладел злой дух, ни в коем случае не обращай на него внимания — вот тебе мой совет и предупреждение.

При этом Фабели издал тяжелый стон и крикнул из пещеры:

— Он лжет, он лжет! Приди сюда в пещеру!

Кугель поднял руку ладонью вверх.

— Ни в коем случае! Будь осторожна!

В удивлении и ужасе девушка уставилась на пещеру, из которой Фабели выбрался наружу, пытаясь как можно убедительнее жестикулировать руками. Девушка отпрянула назад.

— Иди, иди сюда! — взывал Фабели. — Войди в пещеру!

Девушка отрицательно покачала головой. В ярости Фабели попытался вырваться. Крысолюди торопливо втащили его обратно, но очутившись в пещере, Фабели принялся бороться с такой яростью и отчаянием, что крысолюди вынуждены были убить его.

Кугель внимательно прислушался, потом повернулся к девушке и кивнул головой.

— Вот сейчас все в порядке. Фабели оставил кое-какие ценности в моем распоряжении, и если ты пойдешь со мной в пещеру, я отдам их тебе.

Девушка в изумлении покачала головой.

— У Фабели никогда не было никаких ценностей!

— Да ты только посмотри на них!

Кугель вежливо пропустил ее вперед к входу в пещеру.

Она сделала шаг вперед, заглянула внутрь, и в ту же секунду крысолюди схватили ее и втащили в нору.

— Полдела сделано! — крикнул Кугель в пещеру. — Не забудьте отметить это событие в своих записях!

— Мы отметим, — раздался голос из пещеры. — Еще один образец, и ты можешь быть свободным.

Весь остаток дня Кугель ходил взад и вперед перед пещерой, пристально всматриваясь между деревьями, но так никого больше не было.

Перед заходом солнца его втащили в пещеру и провели в ту самую нору с низким потолком, где он провел предыдущую ночь. В ней уже находилась дочь Фабели. Голая, в синяках, она не глядела на него. Кугель попытался заговорить с ней, но она, казалось, была лишена теперь дара речи.

Была подана вечерняя свинина. Пока Кугель ел, он оценивающе осматривал девушку. Она была очень привлекательна и с неплохой фигурой. Кугель подполз к ней поближе, но запах крысолюдей был настолько силен, что перебил его вожделение, и он отполз обратно.

В течение ночи в норе раздался какой-то звук: царапанье, скрип, шорох земли. Кугель, сонно моргая, приподнялся на локте и увидел, как целый квадрат пола внезапно приподнялся.

Кугель закричал, и в нору вбежали крысолюди с трезубцами, но было слишком поздно — девушку украли.

Крысолюди были крайне рассержены. Они подняли камень, ругаясь на чем свет стоит, и заглянули в отверстие пола. Некоторые кинулись в это отверстие с явным желанием отомстить. Один из крысолюдей нервно объяснил Кугелю, в чем дело:

— Внизу под нами живут другие существа, они обманывают нас где только могут. Но когда-нибудь мы отомстим, наше терпение не безгранично! Сегодня ночью тебе придется спать в другом месте.

Он отпустил на мгновение цепь Кугеля, но в ту же секунду его позвали те, кто занимался заделыванием дыры в земле.

Кугель тихо двинулся к выходу, и когда внимание всех было привлечено к заделыванию отверстия и разговорами о врагах, он выскользнул в проход. Подобрав цепь, он пополз в том направлении, которое, по его мнению, вело к выходу наверх, но очутившись перед боковым ответвлением, он растерялся. Туннель уходил вниз и становился все более узким, давя на плечи. Потом он значительно уменьшился в высоту, давя на него сверху, так что он был вынужден ползти вперед на локтях, извиваясь всем телом, чтобы протолкнуться хоть немного вперед.

Его отсутствие было замечено: сзади до него донеслись яростные крики, а крысолюди принялись метаться в разных направлениях, стараясь найти, куда он скрылся.

Туннель резко сворачивал в сторону под таким углом, под которым Кугель просто не мог изогнуть свое тело. Извиваясь и дергаясь, он принял новое положение и теперь уже не мог двигаться. Он выдохнул из груди воздух и стал протискиваться в более широкий проход. Глаза его чуть было не вылезли из орбит, но в результате ему это удалось. В нише, у которой он очутился, висела лампа, и он взял ее с собой.

К нему приближались кричащие и вопящие крысолюди. Кугель кинулся в боковой проход, который заканчивался комнатой-складом.

Первое, что он увидел, войдя туда, — свою шпагу и кошелек.

Крысолюди, потрясая трезубцами, вбежали в комнату, но теперь уже у Кугеля была в руках шпага, и он быстро заставил их отступить в коридор, где они бегали взад и вперед, выкрикив угрозы. Изредка кто-нибудь из них врывался в комнату, оскаливая зубы и потрясая трезубцем, но после того, как Кугель убил одного или двух, они отступили и принялись тихо совещаться.

Кугель воспользовался этим, чтобы придвинуть несколько сундуков потяжелее ко входу.

Крысолюди бросились в проход. Кугель сунул шпагу между сундуками и с удовольствием прислушался к воплю отчаяния.

Один из них заговорил:

— Кугель, выходи! Мы — добрые создания и не помним зла. Ты уже записал одного человека на свой счет, вне всякого сомнения, скоро запишешь и второго и будешь свободен. Зачем причинять нам всем неудобства? Нет никаких причин, почему бы нам не сохранить товарищеские отношения. Выходи, и мы приготовим мясо для твоего завтрака.

Кугель ответил очень вежливым тоном:

— В настоящее время я нахожусь в слишком смятенных чувствах и не могу мыслить ясно. Я действительно слышал, как вы сказали, что отпустите меня на свободу без всяких дальнейших условий?

В коридоре раздался шепот, затем последовал быстрый ответ:

— Мы действительно говорили это. А посему с этой минуты мы объявляем тебя свободным, и ты волен отправляться, куда пожелаешь. Убери ящики от входа, брось шпагу и выходи!

— Какие гарантии вы мне можете дать? — спросил Кугель, тщательно прислушиваясь к шепоту за наваленными им сундуками.

Он так и не расслышал, о чем они совещались, но ответ был следующим:

— Никакие гарантии не обязательны. Мы сейчас уходим. Выходи и иди вдоль коридора до выхода. Ты свободен!

Кугель ничего не ответил. Держа в руке лампу в виде шара, он повернулся, чтобы обследовать склад, в котором находился. Здесь было множество самой разнообразной одежды, оружия и инструментов. В ящике, который он придвинул ко входу, он заметил несколько томов в кожаных переплетах. На титульном листе первого из них было напечатано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАЙДЕС

Его записная книжка

ОСТОРОЖНО!

Крысолюди обратились к нему еще раз, стараясь говорить как можно более нежными голосами:

— Кугель! Дорогой Кугель, почему же ты не выходишь?

— Я отдыхаю и набираюсь сил, — ответил Кугель.

Он взял кожаный том в руки, перевернул несколько страниц и нашел оглавление.

— Выходи, Кугель! — раздался повелительный голос, звучащий уже более резко. — У нас имеется горшок ядовитого пара, который мы бросим в комнату, в которой ты так упрямо заперся. Выходи или будет хуже!

— Терпение! — отозвался Кугель. — Дайте мне время, чтобы прийти в себя!

— Пока ты будешь приходить в себя, мы пойдем и приготовим горшок с кислотой, куда мы решили опустить твою голову!

— Ну, конечно! — бездумно ответил Кугель, погруженный в записную книжку Зарайдеса.

Раздался скрип, и в отверстие между ящиками был просунут резиновый шланг. Кугель взялся за него рукой и повернул его конец обратно в коридор.

— Выходи, Кугель! — раздался требовательный голос. — Ты выходишь или нам придется послать ядовитый газ в эту комнату?

— Вы не можете этого сделать, — сказал Кугель. — Я отказываюсь выйти!

— Пускайте газ!

Шланг задрожал и зашипел — из коридора донеслись отчаянные крики. Шипение прекратилось.

Кугель, не найдя того, что он искал в записной книжке, вытащил другой том. На титуле этой книжки было написано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАЙДЕС

Толкователь заклинаний

ОСТОРОЖНО!

Кугель открыл книгу и принялся читать. Найдя подходящее, по его мнению, заклинание, он поднес лампу как можно ближе к тексту, чтобы ничего не упустить. В нем были четыре строчки слов — всего тридцать один слог. Кугель заставил себя запомнить их наизусть, пока они прочно не уложились в его мозгу.

Какой-то звук раздался позади него. Из другого входа в комнату ворвались крысолюди. Низко пригнувшись, с белыми дрыгающимися лицами, они ползли вперед с трезубцами наготове.

Кугель угрожающе замахнулся шпагой, затем нараспев произнес заклинание, известное как «Вывороченное Заклинание», и в то время, как крысолюди в ужасе смотрели на него, раздался треск, как будто что-то разорвали. Вся земля конвульсивно вздыбилась и толчком вывернулась наружу, раскидав всех по лесу. Крысолюди, дико визжа, бегали взад и вперед, и вместе с ними бегали какие-то белые создания, природы которых Кугелю не удалось установить при неярком свете звезд. Крысолюди и белые создания кидались друг на друга и разрывали один другого на части, и весь лес наполнился шумом их драки, рычанием, визгами и предсмертными храпами.

Кугель спокойно отошел в сторону и в ближайшем кустарнике стал пережидать ночь.

Когда на небе появилась заря, он осторожно вернулся к холму, надеясь завладеть книгой заклинаний Зарайдеса и его записными книжками. Повсюду валялись какие-то обломки и много маленьких трупов, но того, что он искал, нигде не было видно. С большим сожалением Кугель ушел оттуда и почти сразу же наткнулся на дочь Фабели, которая сидела среди папоротников. Когда он приблизился, она тоненько зарычала на него. Кугель поджал губы и недоброжелательно покачал головой. Он повел ее к ближайшему ручью и попытался как следует вымыть, но при первой же предоставившейся ей возможности она убежала и где-то спряталась.

VII
ДОМ НИКОНЮ

Вновь вернувшись на то место, где была пещера, Кугель обыскал все тщательным образом. Ему попадались самые разнообразные вещи: новая и старая одежда, куртки, блузы и плащи, старые туфли, бриджи, модные или сделанные по образцу Старого Ромарта. Тут были ботинки, сандалии и шляпы всевозможных размеров и сортов, старые инструменты и сломанное оружие, дешевые побрякушки, филигранные кувшины, старинные камеи, драгоценные камни. Кугель искал долго. Он нашел серебряные чаши, ложки слоновой кости, фарфоровые вазы всевозможной формы, но нигде не увидел томов и книг, которые могли бы помочь ему в деле мести Никоню, Смеющемуся Магу.

Фрикс напомнил о себе очередным вонзанием шипов в печень Кугеля. В конце концов Кугель не выдержал и громко сказал:

— Я просто ищу самый прямой путь в Азиномею! Скоро ты соединишься со своим товарищем в ванной у Никоню. А тем временем успокойся, неужели ты настолько торопишься, что не можешь чуть-чуть подождать?

Фрикс неохотно прекратил свою деятельность.

Кугель все время ходил взад и вперед, глядя под листья и между корней, разгребая папоротники и мох. Наконец у поваленного ствола дерева он увидел то, что искал с таким нетерпением, — кипу рукописей и книг.

Кугель вышел вперед, и даже рот его скривился от разочарования. На поваленном дереве сидел Зарайдес, который осмотрел его с ног до головы, сияя от восторга.

— Мне кажется, ты ищешь какой-то пропавший предмет. Надеюсь, [illegible] серьезна?

Кугель отрицательно покачал головой.

— Несколько пустяшек, которые я никак не могу найти. Пусть себе гниют под листьями.

— Ни в коем случае! — горячо возразил Зарайдес. — Я немедленно прочту заклинание об отыскании пропажи. Через несколько минут эти предметы будут в полном твоем распоряжении!

Кугель сделал отрицательный жест рукой.

— Я не могу затруднять тебя такими тривиальными делами. Давай лучше поговорим о другом.

Он указал на груду томов, на которые Зарайдес сейчас же поставил свои ноги.

— К счастью, все твои книги находятся у тебя.

С глубоким удовлетворением Зарайдес кивнул головой.

— Сейчас все просто прекрасно, и я озабочен отсутствием баланса в наших отношениях.

Он поднял руку вверх, увидев, что Кугель сделал шаг назад.

— Тебе не следует беспокоиться. Ты меня понял неправильно — на самом деле все обстоит совсем наоборот. Твои поступки предотвратили мою верную смерть. Закон Равновесия тем самым нарушен, и я обязан отплатить тебе чем-нибудь, чтобы восстановить его.

Он стал причесывать свою бороду пальцами.

— К несчастью, я могу отплатить тебе лишь чисто символически. Даже если я выполню абсолютно все твои желания, все равно чаша весов той услуги, которую ты оказал мне, перевесит и счет будет не в мою пользу.

Кугель сразу же повеселел, но теперь Фрикс, более нетерпеливый, чем раньше, еще раз продемонстрировал все, на что он был способен. Схватившись руками за живот, Кугель выкрикнул:

— Прежде всего, будь так добр, извлеки из меня это создание, которое пожирает мои внутренности.

Зарайдес поднял брови:

— Что это еще за создание?

— Отвратительное существо с далекой звезды. Оно напоминает розовый куст, колючий кустарник, паутину из жал, когтей и белых шипов.

— В этом нет ничего трудного, — сказал Зарайдес. — Такие создания легко поддаются самым примитивным методам извлечения. Пойдем, мой дом находится недалеко отсюда.

Зарайдес спрыгнул со ствола дерева, собрал свои книги и бросил их в воздух: они взмыли вверх и быстро поплыли над верхушками деревьев. Кугель печально смотрел, как они исчезают вдали.

— Ты удивлен? — спросил Зарайдес. — Это самая обычная процедура. Пойдем же, мы должны извлечь это существо, которое причиняет тебе столько беспокойства.

Зарайдес пошел между деревьями. Почувствовав что-то неладное, Фрикс бурно запротестовал. Кугель, согнувшись пополам вдвое, прыгая боком, все-таки заставил себя идти за Зарайдесом, который шел впереди, не оглядываясь.

В ветвях огромного баобаба был дом Зарайдеса. Ступени лестницы вели по тяжелым ветвям к центральному входу. Кугель с трудом взобрался по ступенькам. Войдя внутрь, он оказался в большой квадратной комнате.

Зарайдес сделал Кугелю знак, приглашая в свой кабинет.

— Мы немедленно удалим это неудобство.

Кугель проковылял за ним в мастерскую и по знаку волшебника уселся на стеклянный пьедестал. Зарайдес принес ширму из цинковых полос, которую он поставил, прислонив к спине Кугеля.

— Создания такого рода очень не любят цинк. А сейчас — простая мазь: сера, анвастель, настойка зайха, определенные травы — бурнида, хильп, лишайник — хотя, впрочем, эти последние и не обязательны. Выпей, будь любезен! Фрикс, выходи! Повинуйся, неземная скотина!

Убирайся! Или я заставлю Кугеля наглотаться серы и вставлю ему внутрь цинковые стержни! Выходи! Что? Должен ли я заклять тебя аквастелем? Выходи, возвращайся на свой Акарнар, если сможешь.

После этих слов разозленный Фрикс вылез прямо из груди Кугеля: шар переплетенных белых шипов и щупалец, на конце каждого из которых были колючки, жала и когти. Зарайдес кинул его в цинковую ванночку, которую также прикрыл цинковой пластинкой.

Кугель, который во время этой процедуры потерял сознание, очнулся. Перед ним стоял довольный Зарайдес.

— Ты счастливый человек, — сообщил он. — Мы успели в самую последнюю минуту. Тенденция таких злобных инкубусов, как он, — вытягивать свои щупальца по всему телу, пока они не дойдут до мозга: тогда ты и Фрикс становитесь одним целым. Как это ты заразился таким существом?

Кугель нахмурился.

— Это произошло от руки Никоню, Смеющегося Мага. Ты знаешь его?

Последнюю фразу он добавил, увидев, что брови Зарайдеса полезли вверх.

— В основном у него репутация волшебника, любящего пошутить, — ответил мудрец.

— Он просто шут! — воскликнул Кугель. — Из-за своего каприза в отместку он закинул меня на крайний север мира, где солнце стоит на небе совсем низко и светит почти как обыкновенная лампа. Никоню посмеялся вовсю, но теперь настала моя очередь посмеяться! Ты сказал, что благодарность твоя не имеет границ, а следовательно, прежде чем я выскажу тебе все мои желания, как сначала отомстить Никоню?

Зарайдес задумчиво кивнул головой и пробежался пальцами по бороде.

— Я хочу дать тебе совет. Никоню тщеславный и очень чувствительный человек. Самое уязвимое его место — гордость. Повернись к нему спиной и уйди. Такой акт полного отвращения к нему доставит ему куда больше огорчений, чем любое другое неудобство, которое ты в состоянии будешь придумать.

Кугель нахмурился.

— Такая месть кажется мне абстрактной. Если тебе нетрудно, вызови какого-нибудь демона, а я уж дам ему указание, как следует поступить с Никоню. После чего мы сможем приступить к обсуждению выполнения моих желаний.

Зарайдес покачал головой.

— Все это не так просто, Никоню большой волшебник. Он в ту же минуту будет знать, кто произвел на него нападение, и те отношения взаимного уважения, которые возникли между нами, будут немедленно нарушены.

— Ха! — вскричал Кугель. — Неужели Зарайдес-Мудрец боится выступить на стороне справедливости? Неужели он собирается отступить от такого ничтожества, как Никоню?

— Одним словом — да, — ответил Зарайдес. — В любое мгновение солнце может погаснуть. Я не собираюсь проводить последние часы своей жизни, обмениваясь шутками с Никоню, юмор которого куда более изворотлив, чем мой собственный. А сейчас слушай. Через одну минуту я должен буду заняться важными делами. Поэтому, как свою последнюю благодарность за твой поступок, я перемещу тебя туда, куда ты только пожелаешь. Ну, говори.

— Если это лучшее из того, что ты можешь сделать, то я желаю оказаться на месте слияния реки Кзан со Скаумом!

— Как пожелаешь. Будь так добр, встань на эту сцену. Подними руки и держи их вот так... Сделай глубокий вдох и во время перемещения не выдыхай и не вдыхай воздух... Ты готов?

Кугель кивнул.

Зарайдес отошел назад и произнес заклинание.

Какая-то сила дернула Кугеля вверх и понесла прочь. Через мгновение ноги его коснулись земли, и он увидел, что находится на главной улице Азиномеи.

Он глубоко вздохнул.

— После всех неприятностей, после всех несчастий я опять нахожусь в Азиномее!

Древние дома, террасы, нависающие над водой, базарная площадь. Все было как раньше. Неподалеку виднелась лавка Фианостера. Отвернувшись, чтобы его не узнали, Кугель отошел в сторону.

— А что сейчас? — размышлял он. — Сначала — новая одежда, затем удобная гостиница, где я могу взвесить все преимущества и недостатки моего теперешнего положения. Когда хочешь посмеяться вместе с Никоню, следует все тщательно обдумать.

Двумя часами позже, вымытый, выбритый, освеженный, одетый в новые одежды черного, красного и зеленого цветов, Кугель сидел в общей комнате «Речной Гостиницы» перед тарелкой сосисок со специями и бутылкой зеленого вина.

— Это дело справедливого возмездия требует большой тонкости, — бормотал он. — Я должен действовать крайне осторожно!

Он налил стакан вина и принялся за сосиски. Затем он открыл свой кошелек и вытащил оттуда маленький предмет, аккуратно завернутый в мягкую тряпочку: фиолетовый касп, ради которого он проделал столь трудное путешествие. Он хотел поднести касп к глазу, но рука замерла на полдороге: он может увидеть картину настолько великолепную, что уже никогда не захочет отказаться от каспа. И в эту минуту у Кугеля возник простой, эффективный и не требующий никаких усилий план: он придет к Никоню и отдаст ему касп или, вернее, точно такое же стеклышко. Никоню сравнит его с тем, которым

уже владеет, а для этого он непременно поднесет оба каспа к глазам и посмотрит сквозь них. Разница между реальным и нереальным миром потрясет его мозг и сделает беспомощным, и Кугель сможет действовать. Если же Никоню сразу определит подлог, Кугель извинится, выдумает какую-нибудь историю и вытащит настоящий касп. А в принципе — шансы на успех у него большие.

Кугель не торопясь доел сосиски, заказал вторую бутылку вина и с удовольствием стал смотреть в окно. Торопиться было некуда.

На следующий день, не найдя в своем плане никаких изъянов, он отправился к стеклодуву, мастерская которого находилась на берегу Скаума в миле к востоку от Азиномеи на поляне огромных желтых тюльпанов.

Стеклодув осмотрел касп.

— Точного дубликата такого же цвета и формы очень трудно добиться в стекле. Придется смешивать разные компоненты. Но все же... попробуем. Я приготовлю форму. Посмотрим...

После нескольких попыток ему удалось изготовить стекло нужного цвета, из которого он выдул касп, внешне не отличимый от волшебной линзы.

— Великолепно! — объявил Кугель. — А теперь — сколько я тебе должен?

— Такой касп из фиолетового стекла я оцениваю в сто терций, — спокойно сказал стеклодув.

— Что? — в ярости закричал Кугель. — Это слишком высокая цена. Или я тебе кажусь круглым болваном?

Стеклодув положил на место свои инструменты, стекло и формы, не обращая никакого внимания на негодование Кугеля, затем произнес:

— Во Вселенной вообще нет стабильности. Циклы меняются, все течет, все изменяется, все повторяется, все подвержено мутациям. Мои цены согласуются с космосом и подчиняются тем же законам, изменяясь в зависимости от нужд заказчика.

Потом стеклодув протянул руку и забрал оба каспа.

— Что ты собираешься делать? — воскликнул Кугель.

— Расплавлю стекло обратно, что же еще?

— А как же с тем каспом, который является моей собственностью?

— Я оставлю его себе в память о нашем разговоре.

— Подожди! — Кугель перевел дыхание. — Может быть, я заплачу твою грабительскую цену, если новый касп такой же чистый и идеальный, как старый.

Стеклодув осмотрел сначала старый касп, а потом новый.

— С моей точки зрения, они одинаковы.

— А как с фокусом? — требовательно спросил Кугель. — Поднеси оба глаза, посмотри, и если все в порядке — я заплачу.

Стеклодув посмотрел в каспы: сквозь один он увидел Чужой Мир, сквозь другой — реальность. Пораженный, стеклодув покачнулся и упал бы, если бы Кугель не поддержал его и не отвел к скамейке.

Забрав каспы, Кугель бросил три терции на прилавок.

— Все на свете течет, все меняется, вот и твои сто терций превратились в три!

Стеклодув пробормотал что-то невразумительное, поднял руку, но Кугель уже вышел из мастерской.

Он отправился в гостиницу. Тут он переоделся в свою старую одежду, запачканную и разорванную в долгом путешествии, и пошел к дому Никоню.

По пути он еще раз пытался представить себе все, что только может произойти, перебирая в уме разнообразные варианты. И наконец впереди показались спиральные зеленые башни, в которых играл солнечный свет: дом Никоню, Смеющегося Мага!

Кугель остановился и стал смотреть на это эксцентрическое строение. Сколько раз во время своего путешествия представлял он себе, как будет стоять на этом самом месте.

Он пошел по дороге из темно-коричневой плитки, и с каждым шагом нервы его тела напрягались все больше и больше.

Он приблизился к входной двери и заметил на ее тяжелой панели предмет, на который раньше не обратил внимания: лицо, вырезанное из древнего дерева, измученное лицо с впалыми щеками, острым подбородком и широко раскрытыми глазами, тонкими губами и оскаленным ртом, который, казалось, издавал крик отчаяния или мольбы о пощаде.

Рука Кугеля, занесенная для удара, так и осталась висеть в воздухе, и он почувствовал в душе внезапный холод. Он заново обдумал свой план, вспоминая его до мельчайших подробностей. Был ли в нем изъян? Вроде бы нет. Если Никоню откроет подмену, Кугель всегда сможет сказать, что ошибся, и отдать настоящий касп. А каких больших преимуществ можно было добиться с помощью столь маленького риска! Кугель постучал.

Прошла минута. Очень медленно одна створка двери распахнулась. Повеяло прохладой, смешанной с каким-то горьким запахом, который Кугелю не удалось определить.

Кугель неуверенно уставился в вестибюль, совершенно не желая входить без приглашения.

— Никоню! — позвал он. — Выйди и скажи, что я могу войти в твой дом! Я не хочу, чтобы меня еще раз несправедливо обвинили!

Внутри дома раздался какой-то шорох, потом шарканье ног. Из боковой комнаты вышел Никоню, и Кугелю показалось, что в его внешности и манерах произошли какие-то изменения.

Большая желтая голова, казалось, еще свободнее болталась на шее, чем раньше, челюсть обвисла, нос висел, как сталактит, подбородок казался просто прыщиком под большим дергающимся ртом.

На Никоню была одета большая квадратная коричневая шляпа с опущенными полями и очень красивая одежда, которую Никоню совсем

не умел носить изысканно, и создавалось впечатление, что он к ней не привык и чувствует себя крайне неудобно.

— Ну, человек, что тебе здесь надо? Ты никогда не научишься ходить по потолку, стоя на руках, — сказал Никоню вместо приветствия, закрыв рот обеими руками, и захихикал.

Кугель с удивлением поднял брови, не понимая, что происходит.

— Я пришел к тебе по крайне важному делу и, в основном, сообщить, что твое поручение выполнено.

— Великолепно! — вскричал Никоню. — Тогда давай сюда скорее ключи от хлебницы!

— Хлебницы?

Кугель в изумлении уставился на него. Может быть, Никоню сошел с ума?

— Я — Кугель, которого ты послал на север с поручением. Я вернулся с волшебным каспом, с помощью которого можно смотреть в Чужой Мир!

— Ах, да, конечно, конечно! — вскричал Никоню. — Боюсь, я немного напутал. Среди стольких дел и поручений все не так, как было раньше. Но сейчас я вспомнил. Я приветствую тебя, Кугель, ну конечно же! Все теперь ясно. Ты ушел, и ты вернулся. А как поживает друг Фрикс? Хорошо, надеюсь? Я так скучал без него! Великолепный парень, этот Фрикс!

Кугель согласился без особого энтузиазма.

— Да, Фрикс действительно был моим другом — неиссякаемый источник поддержки в моих долгих скитаниях.

— Великолепно! Заходи же! Я должен угостить тебя вином. Что ты предпочитаешь — сэ-юз или сак-эсы?

Кугель искоса посмотрел на Никоню. Его поведение было странным.

— Я незнаком с теми марками вин, о которых ты говоришь, и поэтому вынужден отклонить твое приглашение с благодарностью. Но смотри: вот он — волшебный касп!

И Кугель вытащил стеклянную подделку.

— Великолепно! — заявил Никоню. — Ты хорошо сделал, и твои прегрешения можно считать аннулированными. Я теперь все вспомнил, рассортировав определенные события. Но дай мне касп! Я должен немедленно попробовать его!

— Конечно, — сказал Кугель. — Я хочу предложить, чтобы ты принес сюда свой касп и посмотрел одновременно сквозь оба, чтобы увидеть Чужой Мир в полном его великолепии.

— Верно, о как это верно! Мой касп... Куда же этот упрямый негодяй дел мой касп?

— Упрямый негодяй? — спросил Кугель. — Неужели кто-то устроил беспорядок в твоих вещах?

— В определенном смысле.

Никоню дико захохотал и брыкнул в воздухе сразу двумя ногами, тяжело свалившись на пол, откуда он обратился к потрясенному Кугелю:

— Все это слилось в одном и том же и, следовательно, не имеет никакого значения, так как все уложилось в схему. Да, скоро я посоветуюсь по этому поводу с Фриксом.

— В прошлый раз, — терпеливо сказал Кугель, — ты доставал свой касп из столика вон в той комнате.

— Молчать! — с внезапным раздражением вскрикнул Никоню.

Он встал.

— Я прекрасно осведомлен, где находится мой касп. Все находится в полном соответствии! Следуй за мой. Мы немедленно выясним с тобой существо Чужого Мира!

И он расхохотался лающим смехом, не глядя на еще более пораженного Кугеля.

Никоню прошмыгнул в соседнюю комнату и почти сразу же вернулся с ящиком, в котором лежал его волшебный касп. Он сделал повелительный жест рукой и сказал Кугелю:

— Стой точно на этом месте и не двигайся.

Кугель послушно поклонился. Никоню вытащил свой касп.

— А теперь — давай сюда новый!

Кугель, протягивая ему стеклянную подделку, сказал:

— А теперь поднеси к глазам оба сразу, чтобы ты мог полностью насладиться всей славой Чужого Мира!

— Да! Пусть будет так!

Никоню взял в руки каспы и поднес их к глазам. Кугель, ожидая, что он тут же свалится от неувязки, сунул руку в карман за приготовленным шнурком, чтобы связать волшебника, но с Никоню ничего не происходило.

Он наклонял голову то направо, то налево, глядя то туда, то сюда и бормоча себе под нос что-то странное.

— Великолепно! Прекрасно! Изумительно! Превосходно! Чистое удовольствие!

Он отнял каспы от глаз и аккуратно положил их в ящичек. Кугель хмуро наблюдал за его действиями.

— Я очень доволен, — сказал Никоню, как-то странно дергая руками и ногами. — Да, — продолжал Никоню, — ты хорошо выполнил мое поручение, и то ужасное оскорбление, которому ты меня подверг, можно считать забытым. Теперь все, что остается сделать, это достать из твоего тела моего незаменимого Фрикса, а для этого мне придется погрузить тебя в надлежащую жидкость на двадцать шесть часов. Видимо, этого будет достаточно, чтобы побудить Фрикса покинуть тебя.

Кугель сморщился.

— Такое погружение может плохо отразиться на мне самом, — с осторожностью сказал он. — По-моему, разумнее будет пока оставить Фрикса, чтобы он пробыл со мной еще часть времени.

Казалось, Никоню очень понравилось это предложение — он весь засиял и визгливо заверещал. Окончил же он выражение своей бурной радости огромным прыжком высоко в воздух, дергая при этом плечами и махая руками и ногами, как перевернутый жук. Затем Никоню рухнул на пол без движения, но вскоре, моргая, хоть и с трудом, принял вертикальное положение.

— Я должен отработать до совершенства положение и прыжки, — задумчиво пробормотал он, — иначе получается импингемация. А элюктанция здесь получается немного другого порядка, чем созпента.

Он изо всех сил откинулся назад, запрокинув голову, и открыл рот, взглянув, заметил, что там нет языка, а торчит белый коготь. В ту же секунду он понял странную причину поведения Никоню. Каким-то образом создание, такое же как и Фрикс, поселилось в теле Никоню и завладело его мозгом.

Кугель заинтересованно посмотрел на Мага и потер подбородок. Это была ситуация, над которой следовало как следует поразмыслить! Он принялся напряженно думать. Самым главным было выяснить, повлияло ли это существо на возможности Никоню как волшебника.

Кугель обратился к нему:

— Твоя мудрость поражает меня! Я полон восхищения! Не прибавилось ли диковин в твоей коллекции?

— Нет, мне хватает всего, что есть у меня под рукой, — объявило существо губами Никоню. — Но сейчас я чувствую необходимость расслабиться и отдохнуть. Та эволюция, которую я продемонстрировал тебе только что, требует теперь, чтобы я погрузился в полный покой.

— Это очень просто, — сказал Кугель. — Чтобы добиться этого наиболее эффектным способом, надо со всей силой сконцентрироваться на Мозговой Доле Прямой Силы Воли.

— Вот как? — спросило существо. — Я сейчас попытаюсь это сделать... подожди. Вот Доля Антитезиса, а вот — Увлечения Сублимальной Конфигурации... Что удивляет меня больше всего, так это, что так никогда не бывает на Акариаре...

Тут существо замолчало и быстро искоса взглянуло на Кугеля. Но Кугель выразил на своем лице такое равнодушие и такую рассеянность, что существо успокоилось и принялось продолжать поиски в мозгу бедного Никоню.

— Ах да, вот она — Доля Прямой Силы Воли. А теперь — неожиданная и сильная концентрация!

Лицо Никоню стало напряженным, мускулы расслабились, и внезапно обмякшее тело рухнуло на пол. Кугель прыгнул вперед и в ту же секунду крепко связал ему руки и ноги, а на рот наклеил липкой ленты.

Теперь Кугель исполнил свой собственный радостный танец. Все было прекрасно! Никоню, его дом, его огромная коллекция редкостей и волшебных предметов — все это было его! Кугель посмотрел на беспомощное тело и принялся было тащить его за ноги на улицу,

чтобы разбить этот желтый мягкий череп, но вспомнив о бесчисленных неудобствах, издевательствах и оскорблениях, которым он подвергался благодаря Никоню, остановился. Неужели же Никоню должен просто умереть, ничего не осознавая и не испытывая угрызения совести? Нет!

Кугель затащил неподвижное тело в зал и уселся на скамье, чтобы подумать.

Через некоторое время тело зашевелилось, сделало усилие, чтобы подняться, поняв, что это невозможно, повернуло голову и посмотрело на Кугеля. Из заклеенного рта донеслись яростные звуки.

Через некоторое время Кугель проверил крепость веревок и пластыря. И отправился осматривать дом, опасаясь ловушек, которые Никоню устроил там от воров. С особой осторожностью он осматривал лабораторию Никоню, повсюду тыкая железным прутом, но Кугель не нашел ни одной ловушки.

Разглядывая содержимое полок Смеющегося Мага, Кугель обнаружил серу, акварель, смесь зайка и травы, из которых он приготовил тягучий желтый эликсир. Потом он втащил туго связанное неподвижное тело в лабораторию, дал ему выпить эту настойку, и наконец после долгих приказов и угроз существо с Акарнара неохотно выползло из неподвижного обмякшего тела. Кугель подставил под него каменную ступу, раздробил его до пастообразного состояния железным пестиком, растворил все в спирте и, добавив ароматических эссенций, вылил дурно пахнувшую жидкость в раковину.

Никоню постепенно приходил в себя. Вскоре он уставился на Кугеля горящим пронзительным взглядом. Кугель дал ему вдохнуть газа, который он нашел все в той же лаборатории, и Смеющийся Маг в ту же секунду опять погрузился в бессознательное состояние.

Теперь ему следовало решить задачу — как содержать Никоню, пока он будет готовиться к совершению мести.

Просмотрев несколько томов из библиотеки Никоню, он нашел ответ на свой вопрос и начал действовать: он смазал губы Никоню волшебной мазью, произнес заклинание, которое удерживало жизненную силу, а затем поместил Никоню в стеклянную трубку и повесил на цепи в вестибюле.

После того как он закончил свою работу, Никоню пришел в себя. Кугель отступил на шаг и с самой приятной улыбкой на лице, которую он только мог изобразить, произнес:

— Наконец-то, Никоню, все начинает быть таким, каким должно было быть с самого начала. Помнишь ли ты все те оскорбления, которым подвергал меня? Каким преступником ты выставил меня тогда! Я поклялся, что ты пожалеешь об этом. Теперь я начинаю исполнять свою клятву! Я выразился достаточно ясно?

Выражение, появившееся на лице Никоню, было красноречивей всякого ответа.

Кугель уселся за стол с кубком лучшего желтого вина Никоню.

— Я намереваюсь покончить с этим делом следующим образом: я сложу вместе всю ту кучу несчастий, которым я подвергся, включая даже такие мелочи, как простуды, сквозняки, оскорбления, свою неуверенность, отчаяние, ужас и отвращение и другие неописуемые несчастья, и это все, не считая тех, которые принес мне бесподобный Фрикс. Из этой общей суммы я вычту ту обиду, которую я нанес тебе первоначально, а потом подведу итог. К счастью, ты — Никоню, Смеющийся Маг, и поэтому, надеюсь, ты хорошенько посмеешься над моей шуткой и получишь от нее большое удовольствие.

Кугель вопросительно посмотрел на Никоню, но ответный взгляд мага вряд ли можно было назвать шутливым.

— И последний вопрос, — сказал Кугель. — Имеются ли в твоем доме какие-нибудь ловушки или неожиданные западни? Если ты моргнешь один раз, то это будет значить «нет», а если два — то «да».

Никоню просто презрительно посмотрел на него из трубки.

Кугель вздохнул.

— Я вижу, что мне придется быть осторожным.

Взяв бутылку с вином с собой в большой зал, он начал знакомство с коллекцией волшебных инструментов, талисманов и редкостей, теперь уже ставших его собственностью. Взгляд Никоню при этом следовал за ним повсюду, и во взгляде этом были ожидание и надежда, что Кугелю вовсе не нравилось.

Шли дни, а ловушки Никоню, если таковые, конечно, имелись, так и не сработали. Кугель наконец поверил в то, что их просто не существует. В течение всего этого времени он изучал книги и рукописи мага, но результаты этого изучения были неутешительными. Некоторые книги были написаны на древних языках, в других описывались феномены, понять которые он был не в силах, в третьих содержались такие страшные предостережения, что Кугель тут же захлопывал книги и ставил их на место.

Только одна или две рабочие записные книжки волшебника оказались достаточно простыми для него. Он изучал их с большим прилежанием, зазубривая слог за слогом, буквально вбивая их себе в мозг. В конце концов ему удалось запомнить несколько самых простых заклинаний, некоторые он опробовал на Никоню, в особенности заклинание Вечного Чесания Люгвиллера. Но постепенно Кугель разочаровывался все больше и больше, видя, что у него недостает того, что сам он называл внутренним даром. Волшебники запоминали сразу три-четыре самых сложных заклинания, а Кугелю, для того чтобы запомнить даже самое простое, требовалось множество усилий. Однажды, применяя пространственный перенос атласной подушки, он перепутал некоторые слова, и его отшвырнуло в коридор вместо предмета. Раздраженный усмешкой Никоню Кугель отнес стеклянную трубку на улицу и закрепил ее над входной дверью между двумя подставками, на которых висели лампы.

Прошел месяц, и Кугель почувствовал себя в доме Смеющегося Мага более уверенно. Крестьяне из близлежащей деревни приносили ему еду, а взамен Кугель оказывал им те небольшие услуги, на которые был способен. Однажды отец Дженс, девушки, которая приходила убирать спальни, потерял ценную пряжку в глубокой цистерне и попросил Кугеля достать ее. Кугель с готовностью согласился, опустил трубку с Никоню в цистерну и держал ее там до тех пор, пока Никоню не указал, в каком месте была пряжка, а уж Кугель достал ее с помощью крюка.

Этот эпизод натолкнул Кугеля на мысль использовать Никоню в аттракционе под названием «Состязание уродцев» на Азиномейской Ярмарке. Кугель отнес и выставил Никоню на всеобщее обозрение, и хоть Смеющийся Маг и не получил приза, его гримасы невозможно было забыть.

На ярмарке Кугель столкнулся и с Фианостером, тем продавцом талисманов и магических мазей, который послал его в дом Никоню. Фианостер в немом удивлении переводил взгляд с Кугеля на стеклянную трубку с Никоню, потом все же воскликнул:

— Кугель! Кугель-Разумник! Значит, слухи оказались верными! Ты сейчас хозяин в доме Никоню и обладатель всех его редкостей и волшебных инструментов!

Кугель ответил ему самым холодным тоном, на какой только был способен.

— Совершенно верно, — сказал он. — Как видишь, Никоню с некоторых пор решил менее активно участвовать в мирских делах. Тем не менее дом его полон ловушек и западней, несколько самых ужасных зверей ходят в его саду по ночам, и я заклял каждый вход в дом заклинанием насильственного избиения, от которого никому не поздоровится.

Фианостер, казалось, не замечал холодного тона Кугеля, потирая свои пухлые руки, он продолжил разговор:

— Раз уж ты теперь владелец некоторых редкостей, не захочешь ли ты продать самые ненужные из них?

— У меня в этом нет ни нужды, ни желания, — сказал Кугель. — В сундуках Никоню золота хватит до тех пор, пока не погаснет солнце.

И оба человека по привычке этого времени посмотрели на небо.

Фианостер грациозно изогнул руку.

— В таком случае я желаю тебе всего хорошего. И тебе тоже.

Эти последние слова были обращены к Никоню, который в ответ только с ненавистью посмотрел на торговца.

Вернувшись в дом, Кугель отнес Никоню в вестибюль, затем он пошел на крышу здания и стал смотреть оттуда на длинный ряд холмов. Долго так стоял Кугель, опершись о парапет, и в сотый раз думал о неосторожности, которую допустил Никоню, и о том, что

ему ни в коем случае нельзя совершить ни одной ошибки. Потом Кугель еще раз посмотрел вокруг.

Повсюду возвышались стеклянные спиральные башни зеленого цвета, внизу здание шло острыми и неровными углами, которые Никоню, видимо, считал красивыми. Только с фасада можно было легко проникнуть в дом. Но повсюду в этих местах Кугель разложил скользкий мыльный камень таким образом, что любой карабкающийся наверх человек неминуемо должен был ступить на него и тут же свалился бы вниз. Если бы Никоню принял такие же меры предосторожности вместо этого хрустального лабиринта, то ему сейчас не пришлось бы смотреть на мир сквозь стеклянную трубку — так считал Кугель.

Вернувшись в большой зал, он быстро поел то, что прислали ему Джекс и Скиви, две его красивые уборщицы и подруги, затем немедленно вернулся к своим занятиям по магии. Сегодня в его программе было изучение Заклинания Безнадежного Отчаяния, а также Заклинание Далекого Изгнания, которое Никоню использовал, перенеся его на далекий и пустынный берег. Эти заклинания были очень серьезными, оба требовалось говорить смелым голосом и без ошибок. Кугель сначала боялся, что у него ничего не получится. Тем не менее он не сдавался и постепенно заучил их, так что в случае нужды мог бы воспроизвести, подсматривая в книгу.

Двумя днями позже раздался стук в дверь, и на пороге показался ненавистный ему Фианостер.

— Добрый день, — безрадостно поздоровался Кугель. — Я болен и настоятельно прошу тебя незамедлительно удалиться.

Фианостер сделал движение рукой.

— Слух об этой твоей болезни достиг моих ушей, и я так обеспокоился, что тут же решил поспешить сюда с настойкой трав. Позволь же мне войти внутрь...

Тут он стал пропихивать свою тушу в полуоткрытую дверь.

— ...и я отмерю тебе нужную дозу.

— Я страдаю от болезни духовной, — мягко сказал Кугель, — которая выражается в том, что у меня начинается приступ внезапной ярости. Я настаиваю, чтобы ты удалился, чтобы не быть случайно разрубленным шпагой.

Фианостер поморщился, но голос его не потерял оптимизма.

— Против таких приступов у меня тоже есть с собой лекарство.

Он вытащил черный флакон:

— Сделай всего один глоток, и все твои волнения пройдут.

Кугель схватился за эфес шпаги.

— Видимо, придется поговорить на другом языке! Уходи и никогда больше не возвращайся! Я прекрасно понимаю, что у тебя на уме, и хочу предупредить, что я окажусь для тебя противником куда более неприятным, чем Никоню. Убирайся! Или я прочту Заклинание Боль-

шого Пальца Ноги, в результате которого означенный палец вырастет до размеров дома.

— Ах вот оно что! — вскричал Фианостер. — Маска сорвана! Кугель-Разумник предстал в своем истинном свете! Неблагодарный! Вспомни, кто уговорил тебя ограбить дом Никоню? Это был я, и по законам чести и справедливости я должен наследовать половину всего, что здесь есть!

Кугель выхватил шпагу из ножен.

— Я достаточно слушал тебя, пришла пора действовать!

— Подожди!

И Фианостер поднял высоко над головой свою черную фляжку.

— Стоит мне только бросить ее на пол, и поднимется дикий гнилостный запах, от которого я заговорен. Отойди назад, не приближайся!

Но разъяренный Кугель кинулся вперед, задев шпагой руку Фианостера. Черная фляга вылетела, но Кугель прыгнул и с ловкостью поймал ее. Фианостер, кинувшись вперед, нанес ему удар, и Кугель, шатаясь, попятился назад, наткнулся на стеклянную трубку с Никоню. Она упала на каменный пол и разбилась. Никоню стал медленно выползать из стеклянных осколков.

— Ха, ха! — рассмеялся Фианостер. — Теперь дела пойдут несколько в ином направлении!

— И не надейся! — сказал Кугель, вынимая из кармана трубку, которую он нашел среди магических инструментов Никоню.

Тем временем Никоню осколком стекла пытался перерезать пластырь, стягивающий ему рот.

— Брось стекло! — приказал Кугель. — Повернись лицом к стене! И ты тоже!

С большой тщательностью он связал руки своих врагов, затем вернулся в большой зал и взял одну из книг заклинаний.

— А теперь — оба на улицу! — приказал он. — И идите с осторожностью! События приближаются к развязке.

Он заставил Никоню и Фианостера зайти за дом и поставил их поодаль друг от друга.

— Фианостер, твоя судьба будет заслуженной: за твой обман, коварство и наглость я сейчас закляну тебя Заклинанием Безнадежного Отчаяния!

Фианостер жалостливо взвыл и бухнулся на колени. Кугель не обратил на него никакого внимания. Консультируясь с книгой, он составил заклинание, затем, указывая рукой на Фианостера и называя его по имени, произнес странные слоги.

Но Фианостер, вместо того чтобы провалиться под землю, остался все в той же жалкой позе на коленях. Кугель торопливо сверился с книгой и увидел, что перепутал слова местами, таким образом давая заклинанию обратную силу.

И действительно, со всех сторон до него донеслись негромкие звуки, и жертвы предыдущих заклятий начали появляться на земле на протяжении сорока пяти миль в окружности. Тут они и лежали, в изумлении моргая глазами, хотя некоторые вообще никак не реагировали. Их одежда превратилась в пыль, правда, у некоторых недавно заклятых сохранились еще какие-то лохмотья. Постепенно почти все они, кроме самых обессиленных, начали шевелиться, оглядываясь кругом, глубоко дыша воздухом, удивленно глядя на солнце.

Кугель хрипло рассмеялся:

— Кажется, я немного напутал. Но ничего страшного. Второй раз я не ошибусь. Никоню, твое наказание будет таким же, каким было мое, не более и не менее. Против моей воли ты зашвырнул меня на далекий и холодный север, земли которого дики и пустынны. То же самое я сделаю с тобой. Ты снабдил меня Фриксом, я снабжаю тебя Фианостером. Вместе вы сможете идти по тундре, пересечь Большой Эри, пройти Магнацкие горы. Не просите меня ни о чем и не извиняйтесь — я решил твердо. Стойте тихо, или я оболью вас с ног до головы голубым дождем!

Итак, теперь Кугель занялся Заклинанием Далекого Изгнания и тщательно повторил в уме все его звуки.

— Приготовьтесь! — крикнул он. — И прощайте!

Тут он начал смело петь заклинания, заколебавшись только в случае одного слога. Но все было хорошо. Сверху донесся недовольный крик демона, полет которого был прерван заклинанием.

— Появись! Появись! — взвыл Кугель. — Место назначения прежнее: берег северного моря, куда груз должен быть доставлен живым и невредимым! Появись! Схвати этих жалких людишек и отнеси их согласно моему приказу!

Хлопанье огромных крыльев раздалось в воздухе, черная уродливая морда глядела вниз.

Спустилась лапа с черными ногтями, Кугель был подхвачен и отнесен на север, еще раз преданный ошибочно переставленным слогом.

День и ночь летел демон, ворча и стеная. На заре он швырнул Кугеля на пустынный пляж и был таков.

Стояла тишина. Справа и слева простирался пустынный берег. Кое-где виднелась жалкая растительность. В нескольких ярдах от него, на берегу, лежала разбитая клетка, в которой когда-то Кугеля доставили на это место. Склонив голову, обняв колени, Кугель сидел и смотрел на море.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ. *Роман* 3
ДОМА ИСЗМА. *Роман* 153
СЫН ДЕРЕВА. *Роман* 231
ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ. *Роман* 309
ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА. *Роман* 465

Литературно-художественное издание

Вэнс Джек

ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *С.А. Кукуш*
Художник *А. Вальдман*
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

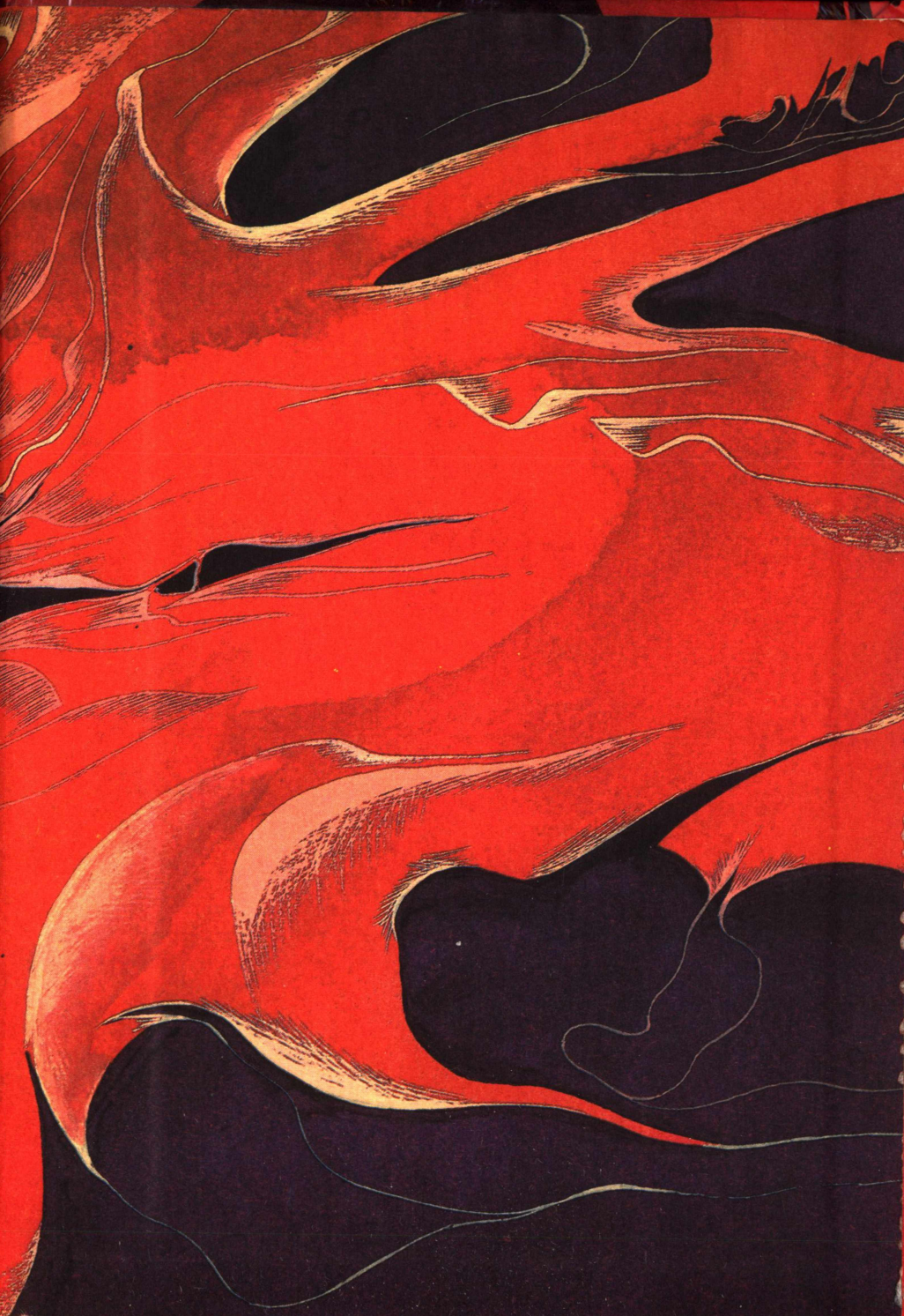
Подписано к печати с готовых диапозитивов 16.03.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,27.
Уч.-изд. л. 46,19. Тираж 60 000 экз. Заказ № 3677.

Оригинал-макет (диапозитивы) подготовлен НПВП "Макет".
141700, М.О., г. Долгопрудный-1, а/я № 31; тел.: (095) 408-71-63.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой
"Красный пролетарий".

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
"Красный пролетарий" РГИИЦ "Республика"
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ
ДОМА ИСЗМА
СЫН ДЕРЕВА
ЗВЁЗДНЫЙ КОРОЛЬ
ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА